

М. КУЗМИН

М. КУЗМИН

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

***Гуманитарное агентство
«Академический проект»***

М. КУЗМИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Санкт-Петербург
1996*

84. (2-Рус) 5—5
Ш 6 (2-Рус) 53—5

Редакционная коллегия

А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, М. Л. Гаспаров, А. В. Лавров,
Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. М. Панченко,
И. Н. Суких, Е. Г. Эткинд

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания*
Н. А. БОГОМОЛОВА

Редактор Л. С. Гейро

Отв. редактор В. Н. Сажин

Гуманитарное агентство “Академический проект” благодарит
Российское авторское общество за помощь в осуществлении
настоящего издания

ISBN 5-7331-0055-9

- © Н. А. Богомолов, *вступительная статья, подготовка текста, примечания*, 1996.
- © Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996.

«ЛЮБОВЬ — ВСЕГДАШНЯЯ МОЯ ВЕРА»

Михаил Кузмин немало написал в своей жизни: одиннадцать сборников стихотворений, девять небольших томов прозы, отдельно изданные пьесы и вокально-инструментальные циклы, разбросанные по разным газетам и журналам статьи о литературе, театре, музыке, живописи, переводы в прозе и стихах. Это дополняется большим архивом, где хранятся восемнадцать томов дневника за четверть века, записные книжки, черновики, обширные эпистолярные комплексы, ноты, выписки из разных книг.

Теснейшим образом Кузмин был связан со всей культурой начала века и двадцатых годов. Без обращения к его имени не обходятся исследователи творчества Блока, Брюсова, Вячеслава Иванова, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Хлебникова, Цветаевой, Пастернака, Маяковского, Вагинова, обэриутов¹; оно непременно будет присутствовать в биографиях Сомова, Судейкина, Сапунова, Мейерхольда, в описаниях самых различных театральных предприятий. Включая имя Кузмина в перечисленные ряды, мы непременно увидим рефлекс соседствующих явлений и на его собственном творчестве, на его собственной жизни. Одним словом, материалов для изучения и осмысления, как кажется, более чем достаточно. И все же любой ученый, берущийся писать о Кузмине, обязан, хотя бы и не произнося этого вслух, признать, что очень и очень многого он еще не знает.

Своеобразным символом загадок жизненных стал надгробный камень, где указана неверная дата рождения, а загадок творчества — судьба произведений, писавшихся в тридцатые годы, от которых до нас не дошло буквально ничего.

И при этом следует помнить, что личность и творчество Кузмина связаны между собою на редкость тесно даже для той эпохи, в которую он жил и которая настаивала на единстве жизни и поэзии. Детские и юношеские увлечения, известные только самому поэту перипетии жизни, вкусы и пристрастия, прихотливые изгибы настроения создают особую атмосферу всего творчества. Читатель и исследователь должны принять это как аксиому. Не зная подробностей, всякий читающий Кузмина оказывается поставлен в положение его доверенного друга, посвященного в интимную и интеллектуальную жизнь автора.

Конечно, далеко не все мы ныне в состоянии разгадать и рассказать, однако создать некоторое представление о Кузмине как человеке и творце — вполне возможно². И наш рассказ должен неминуемо включать в себя хотя бы краткое повествование о жизни, а не только о поэзии, тем более что жизнь Кузмина

нередко превращалась в легенду, не только фиксируемую современниками, но и охотно, с полным доверием пересказываемую доверчивыми авторами книг, выходящих в наши дни ³.

1

Мемуаристы оставили нам немало описаний внешности Кузмина, дающих не только выразительный портрет, но одновременно и раскрывающих психологический мир поэта.

Вот один из наиболее ранних — не по времени создания, но по хронологии жизни Кузмина: «Из окна бабушкиной дачи я увидел уходящих дядиных <К. А. Сомова> гостей. Необычность одного из них меня поразила: цыганского типа, он был одет в ярко-красную шелковую косоворотку, на нем были черные бархатные штаны навыпуск и русские лакированные высокие сапоги. На руку был накинут черный суконный казакин, а на голове суконный картуз. Шел он легкой эластичной походкой. Я смотрел на него и все надеялся, что он затапчет. Моих надежд он не оправдал и ушел, не протанцевав» ⁴.

Примерно того же времени — описание А. М. Ремизова: «Не поддевка А. С. Рославлева, а итальянский камзол. Вишневый бархатный, серебряные пуговицы, как на архиерейском облачении, и шелковая кислых вишен рубашка: мысленно подведенные вифлеемские глаза, черная борода с итальянских портретов и благоухание — роза.

Заметив меня, он по-лошадиному скосил свой глаз:
— Кузмин.

И когда заговорил он, мне вдруг повеяло знакомым — Рогожской, укусные расколыничьи тетки, суховатый язык, непромоченное горло. И так это врозь с краской, глазами и розовым благоуханием. А какое смирение и ласка в подскакивающих словах» ⁵.

И еще один ремизовский вариант: «Кузмин тогда ходил с бородой — чернющая! — в вишневой бархатной поддевке, а дома у сестры своей Варвары Алексеевны Ауслендер появлялся в парчовой золотой рубашке навыпуск, глаза и без того — у Сомова хорошо это нарисовано! — скосится — ну, конь! а тут еще карандашом слегка, и так смотрит, не то сам фараон Ту-танк-хамен, не то с костра из скитов заволжских и очень душился розой — от него, как от иконы в праздник» ⁶.

А его облик в тридцатые годы, незадолго до конца жизни, запечатлел известный искусствовед В. Н. Петров: «Его матово-смуглое лицо казалось пожелтевшим и высохшим. Седые волосы, зачесанные на лоб, не закрывали лысины. Огромные глаза под седыми бровями тонули в глубокой сетке морщин. <...> А если довериться сохранившимся любительским фотографиям, то может создаться впечатление, что Кузмин — это маленький худенький старичок с большими глазами и крупным горбатым носом. Но это впечатление ложно. Фотографии ошибаются — даже не потому, что объектив видит не так, как глаз человека, а потому, что аппарат не поддается очарованию. А здесь все решалось именно силой очарования» ⁷.

Обратим внимание на общую у всех мемуаристов ноту, не всегда заметную с первого взгляда, но все время присутствующую (так же, как и у других, чьи воспоминания здесь не процитированы): в облике Кузмина сочетается несочетаемое; явственно чувствуемое очарование возникает почти без видимых причин, как бы вступаив в противоречие со всей внешностью. И сходное впечатление нередко складывается, когда том за томом перечитываешь его литературное наследие, постоянно натываясь на раздражающие, а то и вовсе пустые места, обыденные, ничего не говорящие сердцу стихотворения, а то и попросту на очевидную калатуру... Но вот проскакивает нечто, никак не определяемое словами,— и все окружающее освещается резким и отчетливым светом большого искусства.

Прихотливая изменчивость творчества совершенно очевидно была у Кузмина производным от его собственной биографии, наполненной не столько событиями внешними — путешествиями, резкими переменами положения, решительными происшествиями,— сколько внутренними изменениями душевного строя.

Мы обладаем вроде бы достаточным количеством материала, чтобы попытаться реконструировать истоки кузминского творчества и его внутреннюю эволюцию. Количество автобиографических текстов, доступных нам сейчас, весьма значительно, но это обилие вполне может быть нейтрализовано тем, что, как это почти всегда и бывает у литераторов, автобиографичность оказывается далеко не полной. И если о каких-то событиях мы еще сможем когда-нибудь узнать и то ли включить их в общую картину, то ли оставить в небрежении, то при попытке воссоздать общую цепь событий, определивших всю жизнь поэта, прозаика, композитора Михаила Кузмина, пропуск даже одного могущего показаться ничтожным звена способен перевернуть все наши представления.

Однако попробуем все же представить себе его жизнь в том виде, в каком она известна нам сейчас, с естественными оговорками о возможных пропусках и искажениях.

Михаил Алексеевич Кузмин родился 6 октября 1872 года в Ярославле, в семье отставного военного. Однако эта почти академически звучащая фраза с самого начала оказывается в высшей степени двусмысленной, поскольку год своего рождения Кузмин очень часто называл по-разному. Чаще всего в различных справочниках и даже в документах, написанных его собственною рукой, фигурировал 1875-й, но встречался даже и 1877-й, что, естественно, несколько меняло картину существования поэта в культуре: если первая дата делала его старшим современником Брюсова и приближала по возрасту к Мережковскому, Сологубу, Вяч. Иванову, то вторая сразу отбрасывала к Блоку и Белому, почти одновременно с которыми Кузмин и дебютировал в литературе. Определение точной даты рождения, оказавшееся не столь уж простым делом⁸, обнажило одну из главных черт всего отношения Кузмина к собственной биографии, подвергаемой любым изменениям в зависимости от ситуационной внутренней задачи.

Дальнейшее его жизнеописание под раскованным пером Георгия Иванова предстает таким:

«...Кузмин ходит в смазных сапогах и поддевке.

...Кузмин принимает гостей в шелковом кимоно, обмахиваясь веером...

...Он старообрядец с Волги...

...Он еврей...

...Он служил молодцом в мучном лабазе...

...Он воспитывался в Италии у иезуитов... <...>

Раньше была жизнь, начавшаяся очень рано, страстная, напряженная, беспокойная. Бегство из дому в шестнадцать лет, скитания по России, ночи на коленях перед иконами, потом атеизм и близость к самоубийству. И снова религия, монастыри, мечты о монашестве. Поиски, разочарования, увлечения без счета. Потом — книги, книги, книги, итальянские, французские, греческие. Наконец, первый проблеск душевного спокойствия — в захолустном итальянском монастыре, в беседах с простодушным каноником»⁹.

Проще всего деловито сказать, что не было в биографии Кузмина ни еврейского, ни (как писали другие авторы) ассирийского происхождения, ни истинного старообрядчества, ни службы в лабазе, ни воспитания у иезуитов, ни бегства из дому, ни монастырей... Но в то же время за внешней неправдой этих слов видно и умение их автора уловить истинную страстность и напряженность жизни, засвидетельствованные собственными письмами Кузмина и автобиографическими записями¹⁰.

Обстановку его дома определяет фраза из «Histoire édifiante...»: «Я рос один и в семье недружной и несколько тяжелой, и с обеих сторон самодурной и упрямой». Если суммировать основные впечатления от его записей о ранних годах жизни, то вряд ли ей можно подобрать иное определение, как безотрадная: старый отец, замкнутая и тоже не молодая мать, болезни свои и окружающих, смерти, ссоры, далеко не блестящее материальное положение, временами становящееся просто невыносимым.

И, как часто бывает в подобных случаях, одиночество и отдаленность от сколько-нибудь широкого круга общения рано разбудили в мальчике мечтательность, питаемую тем особым колоритом провинциально-патриархальной жизни, который столь ярко описан еще в «Детских годах Багрова внука». Поэзия домашней жизни, тесной связи с волжской природой (после Ярослава до двенадцати лет Кузмин с родителями прожил в Саратове), особый склад воспитания, где традиционные нянькины сказки и рассказы сливались с естественным входившим в жизнь искусством, определяли его детство. В том же автобиографическом тексте повествуется: «Мои любимцы были „Faust“, Шуберт, Россини, Meyerbeer и Weber. Впрочем, это был вкус родителей. Зачитывался я Шекспиром, „Дон Кихотом“ и В. Скоттом...» Почти все названные имена и произведения могли бы войти в жизнь мальчика, взрослевшего не в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов прошлого века, а где-нибудь в

конце тридцатых. И столь же традиционны — будучи в то же время абсолютно индивидуальными по сочетанию имен и произведений — ранние впечатления от искусства, подробно описанные в письме к Чичерину от 18 июля 1893 года (столь ранняя дата письма заставляет поверить, что сведения, отсюда извлекаемые, в наибольшей степени могут оказаться достоверными: еще не начавшему входить в художественную жизнь Кузмину не было никакого резона создавать какую-то особую маску, как это видно в иных его более поздних свидетельствах): «Я вообще мало знал ласки в детстве, не потому, чтобы мой отец и мама не любили меня, но, скрытные, замкнутые, они были скупы на ласки. Мало было знакомых детей, и я их дичился; если я сходилась, то с девочками. И я безумно любил свою сестру, не ту, что теперь в Петербурге, но другую, моложе ее. Она была поэтическая и оригинальная натура. <...> У нее был талант для сцены, и раз я слышу ночью, что она говорит; я тихо подошел к двери и вижу, что Аня стоит с тихой улыбкой в мантии из красного платка и говорит слова Гермियोны в последнем акте „Зимней сказки“ Шекспира. Тихой, синей отрадой повеяло на меня. Утром я начал ей говорить, что запомнил из вчерашнего: конечно, должен был признаться, что я подслушал; тогда она дала мне Шекспира. Ты знаешь ли чтения ночью, когда весь в жару и трепете пожираешь запрещенные страницы, полные крови, любви, смерти и эльфов, а ночь, как черная лента, тянется долго, долго? Потом скоро мне позволили все читать. Темные зимние вечера у печки, когда я зачитывался Гофманом! И потом наяву я грезил и вечерними колоколами в Вартбурге и Нюремберге, и догарессой, бедной и прекрасной, и человеком, который полюбил автомат. <...> Потом помню себя совсем маленьким осенью при вечерней заре, когда прислуга рубит капусту в сарае; запах свежей капусты и первый холод осени так бодр; небо палево, и нянька вяжет чулок, сидя на бревне. И с мучительной тоской смотрю я на небо, где летит стая птиц на юг. „Нянька, куда же они летят-то, скажи мне?“ — со слезами спрашиваю я. — „В теплые страны, голубчик“. И ночью я вижу голубое море, и палево небо, и летящих розовых птиц. <...> Я мечтал о каких-то мною выдуманных существах: о скелетиках, о смердюшках, тайном лесе, где живет царица Арфа и ее служанки однорукие Струны. <...> А первый кукольный театр! Чудо! даже теперь я весь покраснел от удовольствия. И волшебный фонарь, и китайские тени, и опера, и драма. Оперы я всегда и сочинял и пел своим тоненьким гибким голосом сам, содержание всегда тоже сам сочинял. Драмы же брал Шекспира...»

Это письмо можно было бы цитировать еще и еще, но прервемся и попробуем определить, что же главного содержится в приведенном рассказе. Думается, с одной стороны — это традиция далекого прошлого, навсегда связавшая Кузмина с исконной жизнью небогатого русского дворянства, спокон веку существовавшего в тесном соприкосновении с природой и с самыми простыми людьми; с другой — трогательное и наивное полудилетантское искусство, с такой неподдельной иронией описанное еще в «Евгении Онегине» и так прочно воспринятое Кузминым

в качестве собственной эстетической основы. И, конечно, едва ли не самое главное — стремление к поискам того, что в том же письме обозначено новалисовским символом, голубым цветком, к обретению которого стремились и его сестра, и он сам, и его эпистолярный собеседник.

Поиски эти велись, конечно, прежде всего в сфере искусства. Однако искусство понималось при этом чрезвычайно широко: уже из приведенных слов видно, что среди воспринимаемого и самостоятельно создаваемого — музыка, литература, театр в его различных формах... Не замкнутость на чем-то одном, а максимальная энциклопедичность как эстетических впечатлений, так и собственных опытов в искусстве определяют с тех пор и до конца жизни все творчество Кузмина.

Переехав с родителями в 1884 году в Петербург, Кузмин очень скоро оказывается в гораздо более широком кругу впечатлений, особенно расширившемся от общения с Георгием Васильевичем Чичериним, о котором как наркоме иностранных дел в первые годы Советской власти написаны книги и даже выпущен фильм, однако ни в одном из известных нам источников не говорится сколько-нибудь подробно о совершенно особой тональности, в которой прошла его жизнь молодых лет¹¹. Воссоздать ее, конечно, нашей задачей вовсе не является, но сказать несколько слов о том человеке, которого Кузмин выбирает своим другом, конфиденгентом, а отчасти и руководителем, — необходимо, ибо все это общение сильнейшим образом сказалось на психологическом облике будущего поэта.

Чичерин принадлежал к богатому дворянскому роду, где одной из наиболее заметных фигур был его дядя, Борис Николаевич Чичерин, хорошо известный в истории русской общественной мысли. Поразительно способный к иностранным языкам, стремившийся впитывать все сколько-нибудь доступные ему эстетические впечатления, осмысляя их как неотрывную часть исторической и социальной действительности, Чичерин знал гораздо больше, чем его одноклассник по петербургской 8-й гимназии. В его письмах то и дело содержатся советы, что стоит прочитать, наставления, к какому изданию того или иного произведения лучше обратиться, сопоставления весьма на первый взгляд далеких друг от друга явлений искусства. Так, в одном только письме начала 1897 года Чичерин сообщает Кузмину о «Песнях Билитис» и «Афродите» Пьера Луиса, о знаменитой гностической книге «Пистис София», одновременно рекомендуя и лучшее ее издание, и наиболее глубокую статью о ней; о русских былинах и о достоинствах сборника А. Ф. Гильфердинга; о двух славянских поэтах Я. Врхлицком и Я. Словацком, последний из которых сравнивается и с Флобером, и с Леконтом де Лилем, и с Калидасой, на основании чего делается общий вывод о «близости славянства и Индии»...

Но за этим внешним, кажущимся превосходством чувствуется и некоторая робость, вернее всего объяснимая тем, что Кузмин принадлежал к числу творцов, тогда как Чичерин мог быть лишь читателем или слушателем. Следует также отметить,

что влияние Чичерина на Кузмина было особенно сильным, пока тот поддерживал и одобрял (при вполне достаточной строгости) его первые произведения, которые сам автор еще не решался выносить на суд сколько-нибудь широкой публики. Вряд ли случайно, что после высказанного Чичериным довольно скептического мнения о первой опубликованной прозе Кузмина (ряд писем начала 1907 года) их переписка практически прекратилась.

Общение это важно еще и потому, что в ходе его можно было более или менее откровенно обсуждать свои наиболее интимные переживания, связанные с решительной гомозротической ориентацией обоих собеседников. Для любого читателя стихов и прозы Кузмина очевидно, что страсть автора направлена исключительно на мужчин. Но это не делает его произведения предназначенными исключительно для узкого круга людей сходной с ним сексуальной ориентации. В восприятии Кузмина любовь есть сущность всего Божьего мира. Господь благословил ее и сделал первопричиной всего существующего, причем благословение получила не только та любовь, что освящена церковью, но и та, что нарушает все каноны, любовь страстная и плотская, отчаянная и предательская, сжигающая и платоническая:

Что ребенка рождает? Летучее семя.
Что кипарис на горе вздымает? Оно.
Что возводит звенящие пагоды? Летучее семя.
Что движением кормит Divina Comedia? Оно!
.....
Мы путники: движение — обет наш,
Мы — дети Божьи: творчество — обет наш,
Движение и творчество — жизнь,
Она же Любовь зовется.

(«Лесенка»)

Для мировосприятия Кузмина весьма характерна повесть «Крылья», волею судеб ставшая первым его произведением, вызвавшим пристальное внимание читающей публики и критики. Большинство из читавших признали ее бесприммерно порнографической, даже не обратив внимания на то, что на всем ее протяжении не описан ни один поцелуй, не говоря уж о каких-либо других внешних проявлениях эротического чувства. И в то же время никто из современников не написал о том, что в «Крыльях» дана необыкновенно широкая панорама самых различных случаев реализации человеческой любви, от чисто плотских и бездуховных до возвышенно-платонических, каждый из которых служит одним из доводов в тех дискуссиях, которые звучат в повести¹².

Все сказанное относится не только к прозе Кузмина, но и к его лирике, которая, являясь безусловным выражением его собственного внутреннего мира, все же далеко не полностью сосредоточена на переживаниях однополной любви. Специфичность

этих переживаний становится лишь частным проявлением общих законов жизни и законов любви, одинаковых в любом случае. Подчеркивание такой «особости» нередко вызывало неудовольствие даже у самого Кузмина, хотя ни разу на протяжении всего своего творчества он не попытался притвориться, замаскировать направленность своего чувства и чувства своих героев, как то нередко делалось другими. И лишь изредка желание лишить ореола заплотности недавно еще табуированную тему становится заметным в его произведениях, что чаще всего не делает их лучше.

Влияние Чичерина, судя по всему, сказалось прежде всего в том, что он инициировал кузминские интересы в области истории культуры, изучения языков, глубокого знакомства с музыкой, литературой, живописью самых различных стран и эпох, начиная с античности и кончая современностью. Он же подтолкнул Кузмина совершить в девятностые годы два заграничных путешествия, ставших на долгие годы источником живейших впечатлений для творчества.

Для человека того времени и того круга Кузмин путешествовал чрезвычайно мало, но интенсивность переживаний оказалась столь велика, что и тридцать лет спустя он мог мысленно отправиться в путешествие по Италии, представляя его во всех подробностях.

В первое путешествие, предпринятое весной — летом 1895 года, Кузмин отправился не в одиночестве, а совместно со своим тогдашним другом, упорно именуемым «князь Жорж»¹³. Самые краткие сведения о поездке сообщены в «*Histoire édifiante...*»: «Мы были в Константинополе, Афинах, Смирне, Александрии, Каире, Мемфисе. Это было сказочное впечатление по очаровательности впервые collage¹⁴ и небывалости виденного. На обратном пути он („князь Жорж“) должен был поехать в Вену, где была его тетка, я же вернулся один. В Вене мой друг умер от болезни сердца, я же старался в усиленных занятиях забыть».

Обратим внимание на то, что сказочное путешествие заканчивается смертью близкого человека. Это неминуемо должно было окрасить все впечатления от поездки в трагический тон. Вообще смерть рано становится важнейшей составной частью мирозерцания Кузмина, включающего и регулярное переживание непосредственной близости собственного конца. Незадолго до поездки в Египет Кузмин пытался покончить с собой, но его успели спасти. И в дальнейшем мысли о самоубийстве не раз посещают его, причем чаще всего они насыщаются множеством житейских подробностей, обнаруживая искреннее и серьезное чувство.

Это, как нам кажется, должно избавить поэзию Кузмина от издавна созданного вокруг нее ореола «веселой легкости бездумного жития». За блаженной простотой и беспечностью зачастую видится смерть. Определяя сущность искусства К. А. Сомова, Кузмин дает его полотнам характеристику, которая в полной мере приложима и к большинству изящно стилизованных стихотворений самого поэта: «Беспокойство, ирония, кукольная

театральность мира, комедия эротизма, пестрота маскарадных уродцев, неверный свет свечей, фейерверков и радуг — вдруг мрачные провалы в смерть, колдовство — череп, скрытый под тряпками и цветами, автоматичность любовных поз, мертвенность и жуткость любезных улыбок...»¹⁵. Как и мир Сомова, мир Кузмина все время включает в себя смерть не только как естественную завершительницу человеческого пути, но и как неожиданную спутницу, возникающую в самый неожиданный момент, подстерегающую человека и поэта в любой точке его пути. И в тех египетских впечатлениях, которые позже отразятся в рассказах и стихах Кузмина, смерть присутствует постоянно, окрашивая в драматические тона самые радостные переживания.

Кузмин провел в Египте менее двух месяцев, однако способность впитывать самые незначительные впечатления бытовой и культурной жизни дала ему возможность на долгие годы полностью погрузиться в мир как древнего Египта, так и античной Александрии, создав удивительно полную картину быта, нравов, обычаев, традиций этого блаженного города, столь соблазнительного для поэтов. Вряд ли случайно, что в то же время примерно свою Александрию воссоздает перед греческими читателями Константинос Кавафис, один из крупнейших европейских поэтов двадцатого века¹⁶. Город становится для Кузмина столь же дорогим, что и любимые им люди:

Разную красоту я увижу,
в разные глаза насмотрюся,
разные губы целовать буду,
разным кудрям дам свои ласки,
и разные имена я шептать буду
в ожиданьи свиданий в разных рощах.
Все я увижу, но не тебя!

Второй памятной вехой стало итальянское путешествие 1897 года, тоже продолжавшееся очень недолго, но так же обогатившее поэта множеством впечатлений, живущих в душе по крайней мере до двадцатых годов. И как египетское путешествие подарило Кузмину ощущение прелести мира в соединении со все пронизывающим веянием смерти, так путешествие итальянское сплело воедино искусство, страсть и религию — три другие важнейшие темы творчества Кузмина¹⁷.

Описание поездки может быть восстановлено по краткому введению к дневнику и по письмам к Чичерину, повествующим более подробно о художественных впечатлениях того времени. Внешняя канва была такой: «Рим меня опьянил; тут я увлекся lift-бу'ем Луиджино, которого увез из Рима с согласия его родителей во Флоренцию, чтобы потом он ехал в Россию в качестве слуги. <...> Мама в отчаянии обратилась к Чичерину. Тот неожиданно прискакал во Флоренцию. Луиджино мне уже надоело, и я охотно дал себя спасти. Юша <Г. В. Чичерин> свел меня с каноником Моп, иезуитом, сначала взявшим меня в свои руки, а потом и переселившим совсем к себе, занявшись моим обращением. <...> Я не обманывал его, отдавшись сам убаюкивающему католицизму, но форменно я говорил, как я хотел бы

„быть“ католиком, но не „стать“. Я бродил по церквям, по его знакомым, к его любовнице, маркизе *Espinosi Mogoti* в имение, читал жития св<я>тых, особенно *S. Luigi Gonzaga*, и был готов сделаться духовным и монахом. Но письма мамы, поворот души, солнце, вдруг утром особенно замеченное мною однажды, возобновившиеся припадки истерии заставили меня попросить маму вытребовать меня телеграммой».

Описание звучит почти нейтрально, но очевидно, что и быстро испарившаяся страсть, и итальянское искусство, и особенно проблемы религии для Кузмина оказались связаны в такой клубок, распутать который оказалось далеко не просто.

Прежде всего это касается религиозных исканий Кузмина, которые естественно вписываются в общий контекст духовных исканий конца девятнадцатого и начала двадцатого века.

Кузмин был воспитан в достаточно строгих религиозных традициях; мы знаем о его увлечении проблемами истории христианства и современного религиозного сознания. Однако, как у многих интеллигентных людей, современная церковь вызвала у него вполне определенное раздражение, и результатом долгих раздумий, переживаний, поисков стало принципиальное расхождение с официальным православием. Собственно говоря, для думающего интеллигента конца века такое было почти неизбежным: слишком узкую тропу оставляла церковь для тех, кто, искренно веря и желая соблюдать обряды, не мог подчиниться всем каноническим установлениям. Поэтому учащались попытки найти религиозную истину вне рамок господствующей церкви. Наиболее известны, конечно, опыты в этом роде учредителей разного рода религиозно-философских обществ, время от времени выливавшиеся в попытки создать, как это сделали Мережковские, свою собственную, предназначенную для малой паствы церковь.

Первоначально Кузмин попробовал путь отчасти уже традиционный — принять католичество, но, потерпев неудачу, обратился к собственно русской почве. В конце концов это привело его к решению достаточно нестандартному — сблизиться со старообрядчеством. Для мятущейся души Кузмина старообрядчество в конце девяностых и начале девятисотых годов оказалось отвечающим сразу нескольким сторонам мирозерцания. С одной стороны, оно давало ему особый строй установлений, тянущихся непосредственно в глубь национального самосознания и национальной истории, а с другой — позволяло приблизиться к чрезвычайно привлекательному старинному быту.

И в дневнике, и в письмах Кузмина неоднократно констатируется то особое состояние души, при котором, признается поэт, «то я ничего не хотел кроме церковности, быта, народности, отвергал все искусство, всю современность, то только и бредил *d'Annunzio*, новым искусством и чувствительностью» («*Histoire édifiante...*»). На несколько лет он погружается в «русскость», в мир той строгой обрядности, которая права уже тем, что сохраняется в неприкосновенности двести с лишним лет и за целостность ее готовы пойти на смерть или подвергнуться преследова-

ниям не только отдельные выдающиеся люди (как протопоп Аввакум или самосожженцы), но многие и многие.

Вопреки легендам, Кузмин никогда не становился настоящим старообрядцем. Вероятно, он мечтал быть им, а не стать. К тому же занятия искусством, которые к тому времени сделались для него одним из главных дел жизни, были немислимы в той среде, куда он так стремился. В «Крыльях» молодой купец-старовер Саша Сорокин говорит главному герою: «„Как после театра ты канон Иисусу читать будешь? Легче человека убивши“. И точно: убить, украсть, прелюбодействовать при всякой вере можно, а понимать „Фауста“ и убежденно по лествице молиться — немислимо...» Из писем к Чичерину мы узнаем, что подобные слова и на самом деле были произнесены одним из знакомых Кузмину старообрядцев. Сам же он выстраивает перед своим эпистолярным собеседником целую картину возможного соединения искусства и истинной веры, где его собственному творчеству места не находится. И поэтому опять серьезно возникает вопрос об уходе в монастырь — если не в старообрядческий скит, то в «хороший» православный монастырь, где можно было бы забыться, отойти от грешной жизни и покаяться.

Но слишком сильно оказывалось притяжение искусства, чтобы можно было легко и просто пожертвовать творчеством. Не случайно в понимании Кузмина модель истинного искусства служили те итальянские здания, которые построены на фундаментах античных строений, то есть органически сочетают в себе современность и глубокую древность, уходящую во времена мифологического прошлого.

На первых порах его почти исключительно влечет музыка, композиторская деятельность. После гимназии его уговаривали идти в университет, но он вполне осознанно выбрал консерваторию и несколько лет проучился там, став учеником Н. А. Римского-Корсакова. Однако его формальное образование ограничилось тремя годами, начиная с 1891-го (плюс еще два года занятий в частной музыкальной школе В. В. Кюнера). Круг слушателей его сочинений был очень узок, и какое-то время Кузмин почти и не пытался выйти за его пределы. Часть нотных рукописей сохранилась в архивах, однако лишь несколько произведений оказались опубликованными¹⁸, совершенно ускользнув при этом от внимания как современников, так и исследователей более позднего времени. Лишь много позже, в десятые уже годы, были опубликованы ноты некоторых сугубо русских вещей ранних лет: цикла «Духовные стихи» и частично — цикла «Времена года» (или «Времена жизни») под иным заглавием — «С Волги». Остальное же, и прежде всего музыка, ориентированная на западные традиции, писавшаяся очень активно, осталось неопубликованным.

Первые стихотворения Кузмина возникают почти исключительно как тексты к его музыке — операм, романсам, сюитам, вокальным циклам. Правда, первое из дошедших до нас стихотворений было написано безотносительно к музыке, но вполне можно предположить, что мелодия при его создании все же

звучала. Во всяком случае, посылая эти стихи Чичерину, Кузмин оговаривает, что они «очень годятся» для музыки.

Один из главных принципов таких текстов — расчет на непереносимое восприятие слова как звучащего, а не читаемого глазами, и в связи с этим — далеко не полностью используемые возможности его смыслового углубления. Как кажется, вся история вокальной музыки свидетельствует о том, что для пения или выбираются стихи нарочито одноплановые, или же из сложного текста композитор выбирает лишь один смысловой ряд, оставляя другие в небрежении. Потому-то стихи, заведомо предназначенные для пения, чаще всего стремятся поразить внимание слушателей с первого раза. И раннее поэтическое творчество Кузмина, насколько оно нам известно, являет собою весьма наглядный пример именно такого отношения к слову.

Собственно говоря, и в литературу он вошел как «подтекстовщик» своих собственных мелодий. К концу 1903-го или к первой половине 1904 года относятся события, кратко описанные в «Histoire édifiante...»: «Через Верховских я познакомился с „Вечерами совр[еменной] музыки“, где мои вещи и нашли себе главный приют. Один из членов, В. Ф. Нувель, сделался потом из ближайших моих друзей».

Аудитория «Вечеров» была столь же невелика, как и прежняя аудитория Кузмина, но впервые его вещи попали в поле зрения не давнишних его друзей, а профессиональных музыкантов. Впервые была перейдена граница, отделяющая домашнюю дружественность и снисходительность восприятия от серьезной и независимой оценки, впервые сочинения Кузмина стали восприниматься всерьез, безо всяких скидок.

Кузмин-композитор быстро вошел в круг постоянных участников этого своеобразного музыкального филиала «Мира искусства», его музыка стала исполняться как в собраниях «Вечеров», так и в публичных концертах, вызывая немалые споры.

Следующим шагом стало отделение стихов от сопровождавшей их музыки. В конце 1904 года в домашнем издательстве дружественного Кузмину семейства Верховских появился «Зеленый сборник стихов и прозы», где вместе с произведениями Ю. Н. Верховского, Вл. Волькенштейна, известного как драматург, забытого беллетриста П. П. Конради, незаурядного ученого К. Жакова и будущего главы ОГПУ В. Р. Менжинского были напечатаны тринадцать сонетов и оперное либретто Кузмина.

При нынешнем взгляде на это издание отчетливо чувствуется правота Брюсова, писавшего: «...осуществления „Зеленого сборника“ далеко ниже замыслов»¹⁹. Но если от «Истории рыцаря д'Алесслио» можно было вполне отделаться ироническим замечанием Блока: «Поэма того же автора (в драматической форме) содержит 11 картин, но могла свободно вместить 50, так как рыцарь д'Алесслио (помесь Фауста, Дон-Жуана и Гамлета) отчаялся далеко не во всех странах и не во всех женщинах земного шара»²⁰, то сонеты, несмотря на явные их слабости, наиболее точно обозначенные тем же Брюсовым, привлекали внимание и запомнились надолго даже случайным читателям. Характерно мнение, высказанное одним из таких случайных

читателей уже много лет спустя: «Жаль, что нет полного собрания его <Кузмина> стихов и что прелестные его сонеты, появившиеся в „Зеленом сборнике“, нигде не перепечатаны»²¹.

Но появление первой стихотворной публикации внешне нисколько не изменило жизни Кузмина. По-прежнему он ходил в русском плаще, по-прежнему проводил много времени в лавке купца-старообрядца Г. М. Казакова, с которым поддерживал дружески-деловые отношения, и по-прежнему был практически изолирован от литературной среды. Настоящий успех и стремительное изменение статуса ждали его с момента завершения уже упоминавшейся повести «Крылья». Она была окончена осенью 1905 года, и почти сразу же Кузмин начал читать ее знакомым, причем наибольший энтузиазм выразили члены «Вечеров современной музыки», а особенно — В. Ф. Нувель и К. А. Сомов. Нувель приложил немало усилий, стараясь добиться публикации повести в только что начавшем выходить журнале «Золотое руно» (правда, его усилия окончились неудачей), и он же ввел Кузмина на «башню» Вяч. Иванова, бывшую в то время центром культурной жизни Петербурга²².

Первое посещение ивановских сред не произвело на Кузмина, как, впрочем, и на хозяев «башни», особого впечатления²³, но зато он познакомился там с Брюсовым, и до некоторой степени это знакомство решило его судьбу как профессионального литератора.

20 января 1906 года Кузмин записал в дневнике: «После обеда отправился к Каратыг<иным>, там были Нувель, Нурок, потом Брюсов, он очень приличен и не без *charmes*, только не знаю, насколько искрен. Тут были сплетни про „Руно“, Иванова и Мережковского, он почему-то Юрашу <Ю. Н. Верховского> представлял совсем молодым и потом заявил, что думает, что журнальная деятельность мне менее по душе. Но „Александрийские“ песни будут в „Весах“, не ранее апреля, положим, и если что вздумаю написать, чтобы прислал, и что „Весы“ будут мне высылаться»²⁴. В эти дни не только Кузмин нашел именно того литературного деятеля, который мог создать ему устойчивую репутацию как писателя, но и Брюсов обрел надежного сторонника. Недаром он почти тут же сообщил в письме к владельцу издательства «Скорпион» и меценату «Весов» С. А. Полякову: «...нашел весь состав „Зеленого сборника“, из которого *Верховский* и *Кузмин* могут быть полезны как работники в разных отношениях»²⁵. И уже довольно долгое время спустя в числе своих литературных заслуг он называл то, что «...„разыскал“ М. Кузмина, тогда никому не известного участника „Зеленого сборника“, и ввел его в „Весы“ и „Скорпион“»²⁶. Плодами этого знакомства было опубликование в «Весах», крупнейшем и наиболее заметном журнале русского символизма, сперва довольно значительного количества «Александрийских песен», а затем и «Крыльев», занявших (редчайший случай!) полностью целый номер журнала и почти тут же дважды выпущенных издательством «Скорпион» отдельной книжкой. После этих публикаций Кузмин перестал быть неизвестным композитором и поэтом, превратившись в одну из тех литературных фигур, за благосклон-

ность которых бились ратоборцы всех станов русского модернизма.

Что же так сразу привлекло Брюсова в творчестве почти безвестного до тех пор поэта? Можно полагать, причиной стали принятые безо всяких предварительных условий и долгих размышлений «Александрийские песни».

Этот цикл, надолго ставший эмблемой поэзии Кузмина, писался в основном в 1905 году, опять-таки как вокальное произведение. Но по своей словесной структуре он уже гораздо более соответствовал поэзии традиционной, обладая к тому же целым рядом качеств, сделавших его чрезвычайно популярным.

Прежде всего это объясняется тем, что цикл очень точно попал (вряд ли осознанно для Кузмина, не слышавшего пристально следившего в то время за современной литературой) в самый центр художественных исканий. Верлибр, которым написана большая часть цикла, только-только входил в стихотворный репертуар русской поэзии, а избранная Кузминым форма его, основанная на регулярном синтаксическом параллелизме, облегчала вхождение этого непривычного размера в сознание читателей. Сами сюжеты стихотворений, отнесенные к отдаленной исторической эпохе, вполне соответствуют тенденции русского символизма к изображению далеких стран и времен. Наконец, одноплановость смыслового решения отдельных стихотворений, в отличие от ранних произведений Кузмина, на этот раз была дополнена намеренной недосказанностью сюжетов. Непосвященному читателю и слушателю не столь уж просто было понять, о ком идет речь в стихотворении «Три раза я его видел лицом к лицу...»; сюжет может обрываться в самом напряженном месте («Снова увидел я город, где я родился...»); финальная строка: «А может быть, нас было не четыре, а пять?» выглядит абсолютно загадочной и открытой многочисленным толкованиям («Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было...»). И в то же время читатель становился не сторонним наблюдателем, как, скажем, в исторических балладах Брюсова, а делался почти непосредственным участником всего происходящего, автор говорил с ним как с посвященным во все тайнства и перипетии событий, делал его равным себе и героям как отдельных стихотворений, так и всего цикла ²⁷.

Поэтому и сам облик автора «Песен» располагал к мифологизированию. С отчетливостью это видно уже в одном из первых откликов — небольшой статье М. Волошина. Он писал: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: „Скажи-те откровенно, сколько вам лет?“, но не решаешься, боясь получить в ответ: „Две тысячи“. Без сомнения, он молод и, рассуждая здраво, ему не может быть больше 30 лет, но в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память. <...> Мне хотелось бы восстановить подробности биографии Кузмина — там, в Александрии, когда он жил своей настоящей жизнью в этой радостной Греции времен упадка, так напоминающей Италию восемнадцатого века» ²⁸. Уже первой публикацией «Александрийских песен» Кузмин создал вполне

определенный облик поэта, свободно соседствовавший с уже сформировавшимися образами Брюсова, Бальмонта, Сологуба и с формировавшимися на глазах современников обликами Блока, Андрея Белого, Вяч. Иванова.

Волею судеб Кузмин оказался включен в контекст символизма и до поры до времени предпочитал не сопротивляться такому включению, дававшему возможность регулярно печататься в журналах и выпускать книги, не насилуя своего дарования. Однако в кругу символистов он постоянно старается заявить о своей самостоятельности.

Внешне ему наиболее близкой кажется позиция брюсовская, основанная на принципах «эстетизма», понимаемого как стремление к максимальной независимости художника от идеологических канонов, будь то идеология какого-то общественного движения, религиозная или мистическая: «Мы знаем только один завет к художнику: искренность, крайнюю, последнюю»²⁹. Поэтому именно Брюсову Кузмин может пожаловаться: «Сам Вячеслав Иванов, беря мою „Комедию о Евдокии о Евдокии“ в „Оры“, смотрит на нее как на опыт воссоздания мистерии „всемирного действия“, от чего я сознательно отрекаюсь, видя в ней, если только она выражает что я хочу, трогательную фривольную и манерную повесть о святой через XVIII в.»³⁰. Конечно, принять на веру такое утверждение об «отречении» невозможно, ибо в «Комедии о Евдокии из Гелиополя» отчетливо звучат и мотивы, которые давали Иванову возможность трактовать ее смысл именно так³¹, но для нас сейчас важно, что откровенное идеологизирование всегда представлялось Кузмину ничем не оправдываемым насилем.

Однако и с Ивановым он поддерживал отношения самые дружественные и до известной степени творчески близкие. Иванов делает Кузмина участником своих литературных замыслов, держит корректуру книги его «Комедий», вышедшей в издательстве «Оры», Ивановым же и организованным³², постоянно следит за его творчеством, стараясь повлиять на замыслы Кузмина уже при самом их становлении³³. Лишь в 1912 году Кузмин решительно разойдется с Ивановым.

Будучи одним из писателей круга «Весов», Кузмин тем не менее сохраняет вполне доброжелательные отношения и с «Золотым руном», и с «Перевалом» — отъявленными противниками «Весов». Оставаясь другом многих художников «Мира искусства», он в то же время заслуживает глубокую симпатию живописцев «Голубой розы», для которых Бенуа или Сомов были «старичками, из которых, кажется, уже сыпется песок»³⁴. Участвуя в замыслах Мейерхольда, он не оставлял мысли о глубоко традиционном театре. И такие примеры можно множить и множить. Стараясь ни с кем не ссориться, Кузмин тем не менее достаточно определенно показывает, что у него есть некая собственная линия в искусстве.

Укреплением своих позиций в артистическом мире Петербурга (а тем самым — и всей России) Кузмин был озабочен на протяжении всего 1907 года, напряженно следя за откликами на новые свои произведения, появившиеся в журналах и альмана-

хах. Верный друг В. Ф. Нувель регулярно сообщал ему о битвах, ведущихся вокруг его творений³⁵, на что Кузмин откликался лениво и почти хладнокровно, однако, по сути дела, весьма заинтересованно, демонстрируя прекрасную осведомленность и понимание подспудной сути полемики.

В центре споров в это время оказывается повесть «Картонный домик», тесно с нею связанный стихотворный цикл «Прерванная повесть» и «Комедия о Евдокии из Гелиополя» (первые две были напечатаны в альманахе «Белые ночи», пьеса же — в ивановском сборнике «Цветник Ор»). После шумного литературного скандала окончательно определяется место Кузмина в современной литературе — место несколько сомнительное, однако совершенно особое и весьма заметное. Вокруг его произведений ломают копья не только удалые газетные критики, но и такие писатели, как Андрей Белый, Блок, Зинаида Гиппиус, Брюсов. Его отречения от «Золотого руна» добиваются «Весы», а издатель «Золотого руна» Н. П. Рябушинский готов многим пожертвовать, чтобы его участие в журнале возобновилось. Рассыпается в любезностях издатель «Перевала» С. А. Соколов, ищут сотрудничества киевский журнал «В мире искусства», альманах «Проталина», детский журнал «Тропинка», разные газеты. Мейерхольд пробует заинтересовать его комедиями В. Ф. Коммиссаржевскую (она, впрочем, остается совершенно холодна и отказывается). В конце 1907 года премьера блоковского «Балаганчика» с музыкой Кузмина становится событием сезона и — что было понятно не сразу — событием всей театральной жизни России двадцатого века³⁶.

Своего рода вершиной этой популярности оказывается появление весной 1908 года первого сборника стихов Кузмина.

2

Как и большинство поэтов двадцатого века, Кузмин выстраивал свои книги стихов так, чтобы они представляли этап его пути в искусстве. Книги могли быть более или менее удачными, могли быть по-разному встречены критикой, но в любом случае оказывались этапными в развитии творческой личности.

«Сети», как поэт озаглавил свою первую книгу, собирались из больших блоков, ранее в значительной части опубликованных, но собирались так, чтобы предстать в новом качестве, чтобы в совокупности создалась картина несколько иная, чем при восприятии каждого из них в отдельности. И потому особую роль в формировании сборника начинала играть его композиция.

«Сети» состоят из четырех частей, но четвертая, «Александрийские песни», не участвует в развитии лирического сюжета и является своего рода приложением к сборнику, тогда как первые три являют целостную картину, что далеко не всегда воспринимается читателями и критиками³⁷. Попробуем проследить, как эта картина возникает на наших глазах из отдельных стихотворений, целостных циклов, а затем и частей книги.

Первая часть сложена из циклов «Любовь этого лета», «Прерванная повесть» и «Разные стихотворения». Если отбросить

последний, действительно составленный из стихотворений, не складывающихся в сюжет, то довольно легко будет определить основную тему этой части: тему неподлинной любви, оборачивающейся то разочарованием, как в «Любви этого лета», то прямой изменой, как в «Прерванной повести». Собственно о разочаровании и измене непосредственно из текстов мы не узнаем, они остаются для нас по ту сторону слов, однако переживания, отраженные в стихах, рисуют ситуации весьма выразительные. Так, плотская страсть в «Любви этого лета» все время воспринимается на фоне то прощания, то воспоминаний о прежних поцелуях, то разлуки и забвения... Конечно, трагизм этих стихов на передний план не выходит, господствует чувство благодарности за подаренную близость, пусть даже она оказывается минутной. Но сложность чувства не должна быть упущена, чтобы мы не оказались в плену традиционного отношения к этим стихам, на которые столь часто смотрят лишь как на предельное воплощение «духа мелочей, прелестных и воздушных». На деле же в них сливаются полет и приземленность, легкость и тяжесть, беспечность и мудрость, что вообще является отличительной чертой всего творчества Кузмина.

Прочтем всего лишь одну строфу из первого стихотворения «Любви этого лета» и попытаемся увидеть эту сложность.

Твой нежный взор, лукавый и манящий,—
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро».

Строфа стремительно летит, не оставляя читателю времени для раздумья, и он успевает уловить лишь опорные слова: «нежный взор», «милый вздор», «нос Пьеро», «кружит ум»... И комедии Мариво с моцартовской оперой (она регулярно исполнялась самим Кузминым и его друзьями именно в те недели, когда замышлялся и начинал создаваться цикл), должны привести читателя на память восхитительную легкость, с которой связано наше представление о «Свадьбе Фигаро». Одним словом, вспоминается пушкинское: «Как мысли черные к тебе придут, Откупори шампанского бутылку Иль перечти „Женитьбу Фигаро“». Но ведь и поэт, и его читатель, мысленно обращаясь к пушкинским словам, вспоминают также их источник, а стало быть, и всю ситуацию «маленькой трагедии». Тень этих воспоминаний неминуемо ложится на приведенные строки, а значит, и на все стихотворение, а от него — на весь цикл. И эта тень не останется мимолетной, она поддержана впечатлениями (то выраженными в словах, то лишь подразумеваемыми) от других стихотворений. Таково, например, завершение четвертого:

Наши маски улыбалась,
Наши взоры не встречались
И уста наши немы...

Вместо лиц — маски, взоры отвращены друг от друга, уста замкнуты молчанием — именно так завершается «ночь, полная ласк». Стало быть, и персонажи стихотворения становятся не равными самим себе прежним:

Пели «Фауста», играли,
Будто ночи мы не знали,
Те, ночные, те — не мы.

Страсть превращается в неподлинную, обманывающую, таит в себе измену и постоянное недоверие, пусть даже протагонист цикла и пытается убедить себя:

Ну что ж, каков он есть, таким
Я его и люблю и принимаю.

(«Каждый вечер я смотрю с обрывов...»)

Цикл завершается на почти счастливой ноте, однако если попровобать представить себе дальнейшее развитие событий, то мы увидим, что вся логика совершающегося ведет к неизбежной развязке: мимолетная любовь должна закончиться, чтобы дать место другим переживаниям.

Приблизительно то же самое можно сказать и о «Прерванной повести», хотя ее структура оказывается еще более сложной. Этот ряд стихотворений воспринимался первыми читателями в соответствии с повестью «Картонный домик» (волею судеб и типографии также оказавшейся «прерванной»), и его сюжет накладывался на ясную прототипическую основу, которую составляли отношения Кузмина с художником С. Ю. Судейкиным. Имя его в стихах не названо, однако легко восстановимо по упоминанию: «Приходите с Сапуновым»³⁸. Захватывающий интерес, с которым прослеживалась судьба вполне реальных людей, мешал читателям и критикам уловить глубину и неоднозначность как самой повести³⁹, так и особенно — стихотворного цикла. На этот раз автор сам написал «Эпилог», дающий возможность взглянуть на только что прочитанные строки глазами автора, уже знающего, чем завершились события в реальной жизни:

Слез не заметит на моем лице
Читатель плакса,
Судьбой не точка ставится в конце,
А только клякса.

Эта клякса, обрывающая прерывистый сюжет, не позволяет читателю проследить его развитие до конца, не позволяет довершить образы двух главных героев, однако все предыдущее недвусмысленно объясняет, что счастливого окончания, как и в «Любви этого лета», быть не может, ибо настроение определяется такими словами, как «ревности жало», «отчего трепещу я какой-то измены?», «мой друг — бездушный насмешник или нежный комик?», «несчастный день», «жалкая радость», «унылая свеча» и т. д. «Такие ночи» оказываются столь же обманными, как и в открывающем книгу цикле.

Даже в «Разных стихотворениях», при всем разбросе их тем и настроений, особое значение также приобретает завершение раздела:

Меня мучит мысль о Вашем сердце,
которое, увы! бьется не для меня,
не для меня!

(«При взгляде на весенние цветы...»)

Вторая часть «Сетей» решительно изменяет настроение первой. Циклы «Ракеты», «Обманщик обманувшийся» и «Радостный путник» проводят читателя от выдуманных, почти призрачных картин стилизованного повествования в духе восемнадцатого века, через нерешительное обретение надежды — к уверенности в том, что наконец-то истинная любовь может быть обретена:

Снова чист передо мною первый лист,
Снова солнца свет лучист и золотист.

Наконец, третья часть переводит описание любви в совсем иную, третью тональность. М. Л. Гаспаров в одной из своих работ на основе структурного анализа именно этой, третьей части «Сетей» предложил весьма выразительное описание мира этих стихотворений: «Сердце трепещет и горит огнем в предощущении любви; час трубы настал, свет озаряет мне путь, глаз мой зорок и меч надежен, позабыты страхи; роза кажет мне дальний вход в райский сад, а ведет меня крепкая рука светлоликого вожатого в блеске лат»⁴⁰. Место обманчивой страсти занимает истинная и божественная любовь, к которой ведет вожатый, указывающий единственно правильную дорогу.

Читая дневник Кузмина, мы узнаем, что для него образный строй этих стихотворений был связан с видениями, переживавшимися как совершеннейшая реальность, так что грудь, рассеченная в видении мечом, потом болела на протяжении нескольких дней.

Конечно, с реальной жизнью Михаила Алексеевича Кузмина, обитавшего в Петербурге, на Таврической, 25, это было связано далеко не так прямо, как может казаться. Из того же дневника мы узнаем, что в дни, осененные видениями, он, рисовавший себя затворником, втягивался в очередной и не слишком осененный духовностью роман, посещал театры, был погружен в другие переживания... Но для развертывания сюжета книги им выстраивалась особая реальность, возвышающая любовь до предельно высокого, божественного смысла, даруемого и собственными переживаниями, и светлым образом того человека, который предстал облаченным в латы и вооруженным мечом (тем самым уподобляясь святому Кузмина — «водителю вой небесных» Михаилу Архангелу), человека, чьим предназначением было — сделать влюбленного в него безусловно счастливым.

Своеобразная трилогия воплощения человеческой любви в любовь божественную и составляет главное содержание книги

«Сети». Конечно, это нельзя понимать прямолинейно: иногда главное заслоняется изящной фривольностью, стилизуются иной раз не только слова, но и мысли, изменчивость настроения ведет поэта и его читателей по тем дорогам, которые кажутся уводящими в сторону, но в конце концов все они неумолимо сходятся.

И, завершив основной сюжет «Сетей», Кузмин дает как бы изящный повтор основных тем и настроений сборника в заключающем его цикле (если не самостоятельной книге) «Александрийские песни». Этот цикл, в отличие от других разделов «Сетей», лишен сюжетного развития, стихотворения в нем обладают некой автономностью, однако в общем «Александрийские песни» представляют собою сгусток тем, настроений, приемов творчества, характерных для раннего этапа развития поэзии Кузмина. В них есть и беспечный гедонизм (особенно в разделе «Канопские песенки»), есть и своеобразные философские построения — от почти детски наивных вопросов до глубоких размышлений, теснейшим образом связанных с жизненным опытом конкретного человека (раздел «Мудрость»), есть и воссоздание любовных переживаний, над которыми все время реет призрак смерти, делая их предельно обостренными и в то же время просветленными. И все это заключено в рамку одного культурно-исторического типа сознания, тесно связанного со своеобразием александрийской культуры, какой она представлялась автору.

Однако поэтический замысел не был сколько-нибудь адекватно прочитан критиками, писавшими о «Сетях». Им сборник представлялся прежде всего своеобразным учебником поэтического мастерства.

Произносно вполне традиционное словосочетание — «поэтическое мастерство», — надо отдавать себе отчет, что для Кузмина оно было совершенно неприемлемым. Можно представить себе, как бы он воспротивился формальным разборам своих стихотворений, анализам технического построения. Для него техника была всего лишь «послушной, сухой беглостью перстов», которая лежит в основании всякого творчества, но сама по себе не заслуживает никакого особого внимания.

Однако сегодняшнему читателю, видимо, все же следует сказать о том, что Кузмин внес в русскую поэзию и почему уже первая книга сделала его заметной звездой на поэтическом небосклоне, не затерявшейся среди других блистательных имен. С далекого расстояния мы смотрим на это время и замечаем, что некоторые поэты, считавшиеся тогда корифеями, отодвигаются в небытие, а звезда Кузмина и сегодня продолжает гореть равным сиянием, не затмеваемая другими.

Что читатель нашего времени прежде всего чувствует, открывая сборник стихов Кузмина? Ответ может показаться банальным и уже многократно произнесенным, но от повторения истина, как известно, не исчезает и не искажается: поэзию Кузмина узнаешь в первую очередь по интонации, по неповторимому голосоведению, когда звучание воспринимаешь как голос близко

знакомого человека, который невозможно спутать ни с чем даже спустя годы и годы.

При этом в ней нет никаких особых риторических приемов, нет крика, нет интимного шепотка, нет надоедливой «музыкальности». Голос поэта спокоен, чист и ясен, но за этим спокойствием скрыта масса изгибов, в которых и таится несхожесть.

Быть может, лучше всего это почувствовалась в авторском чтении Марина Цветаева, поэт совсем иной интонационной природы, чем Кузмин. Но она понимала исключительное значение этой стороны стиха и потому в блестящих воспоминаниях «Нездешний вечер» смогла описать чтение, услышанное единственным раз в жизни, но запомнившееся на двадцать лет:

«И вольно я вздыхаю вновь.
Я — *гетски!* — верю в совершенство.
Быть может... это не любовь...

Но так...
(непомерная пауза и — *mit Nachdruck* — всего существа!)
— *похоже* —
(почти без голоса)
...на блаженство... <...>

Незабвенное на *похоже* и *так* ударение, это было именно *так* *похоже*... на блаженство! Так только дети говорят: *так* хочется! Так от всей души — и груди. Так нестерпимо-безоружно и обнаженно и даже кровоточаще среди всех — одетых и бронированных»⁴¹.

Такая «пластичность» голоса тем и хороша, что позволяет каждому видеть в поэзии Кузмина свое, индивидуальное. Каждому из читающих он оказывается особенно дорог какой-то стороной, которая другому, возможно, представляется излишней. Кому-то могут стать близки интонации чуть жеманные и стилизованные:

Кто был стройней в фигурах менузета?
Кто лучше знал цветных шелков подбор?
Чей был безукоризненней пробор?
Увы, навеки скрылося все это...

Для кого-то Кузмин — это в первую очередь восторженное:

Воскресший дух — неумертвим,
Соблазн напрасен.
Мой вожь прекрасен, как серафим,
И путь мой — ясен.

Кому-то ближе Кузмин интимный и почти домашний:

Я посижу немного у Сережи,
Потом с сестрой, в столовой, у себя —
С минутой каждой Вы мне все дороже,
Забыв меня, презревши, не любя.

И такое перебирание интонаций можно продолжать сколь угодно долго, ибо их разнообразие — почти бесконечно. Когда исследователи говорят о влиянии, скажем, Маяковского на не-

которые стихи Кузмина, то они в первую очередь имеют в виду это плохо определяемое словами, но безошибочно чувствуемое интонационное своеобразие, когда у младшего поэта заимствуется не лексика, не сюжеты, не рифмы, не образы, а, пользуясь словом Маяковского, «дикция».

Это строение кузминских стихов с безусловным господством свободы голоса, подчиняющей себе другие элементы стиха, заставляет внести коррективы в мнение современников о Кузмине.

Для читателя стихов начала двадцатого века было привычным свободное владение самыми различными твердыми формами, разнообразными экспериментальными размерами, смелые опыты в метрике, ритмике, рифмовке и пр.— все то, что внесли в литературу Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Зинаида Гиппиус, Вяч. Иванов и другие поэты-символисты. Кузмин мог бы продемонстрировать такое владение с не меньшим, а то и большим основанием, чем любой из названных авторов. Но если у всех его предшественников экспериментаторство предстает особым щегольством — «смотрите, как я умею!», — то для Кузмина оно так же естественно, как и стихотворение, написанное четверостишиями четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой. Если верлибр, о котором мы уже упоминали, у Блока или Брюсова воспринимается как осознанная система минус-приемов, то у Кузмина он включается в интонационное пространство традиционного стиха и потому звучит как совершенно естественная форма, ничем особым не выделяющаяся на фоне иных размеров.

То же самое относится и к любому другому элементу поэтической ткани, взятому в отдельности.

Кузмин мог бы считаться чемпионом сложного построения стиха, если бы это имело какое-то значение. Рассматривая отдельные элементы его поэтической системы, мы можем заметить, как изобретательно и художественно оправданно они применяются. Вспомним, к примеру, уже цитированную строфу из первого стихотворения «Любви этого лета», где внимательный читатель без труда замечает внутренние рифмы, соединяющие первую и вторую строки между собою еще теснее, но не так просто увидеть, что «Пьеро» в середине четвертой строки рифмуется с окончаниями третьей и пятой строк (и это не случайность, так как повторено во всех трех строфах).

А по соседству с этим — совсем другая строфа:

Зачем луна, поднявшись, розовеет,
И ветер веет, теплой неги полн,
И челн не чует змейной зыби волн,
Когда мой дух всё о тебе говеет?

Здесь также не очень просто заметить внутреннюю рифму в середине второй строки, поскольку она связана с концом, а не с серединой первой, но еще неожиданнее — полная рифмовка конца второй строки с началом третьей не в цезуре, где рифма ощущалась бы отчетливо, а просто так, по ходу движения стиха, без какого бы то ни было специального нажима.

Кузмин с легкостью строит сложно переплетенные строфы (например, в стихотворении «Двойная тень дней прошлых и грядущих...»), обращается к необычному рефренному построению («Если мне скажут: „Ты должен идти на мученье...“»), разрабатывает не только верлибр, но и вполне своеобразные, индивидуальные дольники («Каждый вечер я смотрю с обрыва...» и мн. др.), пронизывает свои стихи отчетливой звукописью, никогда не становящейся назойливой, создает уникальные для русской поэзии строфы...⁴² Но почти никогда этим экспериментам не придается какого-либо особого значения, они спрятаны в глубь стиха и заметны только при специальном анализе. Многие ли замечали, что открывающее «Сети» стихотворение «Мои предки», неоднократно попадавшее в хрестоматию и одно из самых известных массовому читателю, целиком состоит из одной фразы, протянувшейся на пятьдесят две строки,— и в этом нет ни малейшей искусственности, ни тени синтаксической натяжки?

Как кажется, такое представление о поэзии и поэтике Кузмина заставляет отвергнуть мнения авторитетных критиков о «Сетях», видевших в этой книге прежде всего сборник изящных безделушек, безусловно имеющих право на существование, но не претендующих на что-либо большее. Достаточно привести ряд цитат, чтобы убедиться в этом: «Стихи М. Кузмина — поэзия для поэтов. Только зная технику стиха, можно верно оценить всю ее прелесть»⁴³; «Его мир — маленький замкнутый мир повседневных забот, теплых чувств, легких, чуть-чуть насмешливых мыслей»⁴⁴; «...Кузмина все же нельзя поставить в числе лучших современных поэтов потому, что он является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной и слишком ушедшей от всех вопросов, которые определяют творчество истинных мастеров»⁴⁵.

Думается, такой «общий глас» был безусловно ошибочен. «Современные вопросы», которых так не хватало критикам в его поэзии, уже давно отодвинулись на задний план, не входят в мир повседневных интересов сегодняшнего русского читателя, но остались те духовные поиски, та всечеловеческая реальность, которые определили основную направленность первого сборника стихов Кузмина:

Светлая горница — моя пещера,
Мысли — птицы ручные: журавли да аисты;
Песни мои — веселые акафисты;
Любовь — всегдашняя моя вера.

Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы время ваше, светлое и печальное,
Я как одежду на гвоздик повесил.

С выходом «Сетей» завершилось перевоплощение Кузмина в совсем иного человека, чем тот, которого знали друзья до сего времени. Теперь их глазам предстал современный эстет и денди, знаменитый своими разноцветными жилетами на каждый день, завсегдагатай премьер, вернисажей, писательских салонов, сотрудник ведущих русских журналов, гордость книгоиздательства «Скорпион».

Утвердившись в этом своем новом качестве, Кузмин начал деятельность профессионального литератора. Казалось, что его литературная и частная жизнь наконец-то сомкнулись в единое целое и теперь за ними можно следить как за чем-то безусловно общим. Однако выяснилось, что это было не вполне так.

С 1908 по 1917 год Кузмин издал всего две поэтические книги, переключившись в основном на прозу. Количественно сборники его рассказов и повестей, отдельно изданные романы превосходят издания стихов, что становится более очевидным, если вспомнить еще о двух книгах пьес и опубликованном вокальном цикле «Куранты любви».

Но и поэтические книги этих лет, увиденные спокойным взором с известного временного расстояния, оказываются далеко не равноценными. Сам Кузмин, пользуясь гимназической системой оценок, с некоторым колебанием ставит «Сетям» все-таки пятерку, вышедшие в 1912 году «Осенние озера» получают лишь тройку, а «Глиняные голубки» 1914 года оценены и вовсе безнадёжной двойкой⁴⁶.

Откровенно говоря, с такой самооценкой можно согласиться. Действительно, второй и третий сборники стихов представляют собою прямое продолжение «Сетей» по всем принципам построения, обращения с материалом, отдельные стихотворения в них не менее совершенны по форме, но отчетливо заметно, что за внешним совершенством пропадает глубокое внутреннее содержание, столь явное в «Сетях».

Конечно, далеко не ко всем стихотворениям это относится. И в «Осенних озерах», и в «Глиняных голубках» немало отдельных поэтических удач, но впечатления целостности эти книги не производят. На наш взгляд, это связано с наиболее отчетливой тенденцией в общем развитии поэтики Кузмина: именно в эти годы, с 1908-го по 1914-й, он все более и более движется к упрощению и даже некоторой примитивизации своих стилевых поисков. Отчасти это связано с направлением эволюции его литературных воззрений, отчасти — с той внешней ситуацией, в которой он оказался. Поэтому разговор о новом этапе поэтического развития Кузмина следует начать с отступления в другие области.

«Сети» определили место поэта среди ведущих русских символистов, хотя он никогда и не претендовал на роль теоретика, серьезного литературного критика, журнального бойца, да и сами его произведения чаще всего рассматривались, по выражению Андрея Белого, как предназначенные «для отдыха»: изящная проза и милая поэзия.

И для самого внутреннего склада Кузмина такое отношение было вовсе не противоестественно. В его прозе и поэзии то сложное, нередко даже мистическое содержание, которое символисты столь охотно демонстрировали, существовало потаенно. Поза «мистагога», «теурга», носителя эзотерического знания была ему в высшей степени чужда, хотя какие-то намеки на владение тайным знанием мы время от времени чувствуем. Соответственно, по совершенно различным образцам строилось литературное поведение символистов и Кузмина. Уже говорилось о том, как Кузмин строил свои отношения с писателями, представлявшими два полюса русского символизма того времени, — с Брюсовым и Вяч. Ивановым. Но схождения и расхождения определялись не только личностными контактами, но и всем типом отношения к действительности.

Так, Вяч. Иванов видел в скрытом мистицизме ряда стихотворений и прозаических вещей Кузмина то откровение, которое достигается путем индивидуального потаенного знания, молитвы, мистических озарений. По Иванову, такое откровение могло оказаться поучительным и для других людей, а стало быть, Кузмин оценивался как потенциальный член некоей гипотетической общины людей, объединенных этими знаниями и опытом.

Но для самого Кузмина подобные попытки не могли не выглядеть заранее обреченными на неуспех, потому что частный, индивидуальный опыт религиозного переживания действительности, вынесенный в качестве образца пусть для сравнительно немногих людей, представлялся ему профанированным и тем самым лишенным всякого смысла. Тайна остается действенной до тех пор, пока она тайна, а не предмет разглагольствований и «мозгологства», как сам Кузмин и некоторые его друзья определяли прихотливые изгибы ивановских бесед.

В каком-то смысле ему более близка была позиция Брюсова, не требовавшего потаенной сложности и вполне удовлетворенного уже реализованными возможностями Кузмина-поэта⁴⁷. Но и позиция Брюсова устраивала его далеко не полностью, и главной причиной тому была брюсовская ориентация на сугубо литературную систему ценностей, замкнутость в пределах книжно-журнальной полемики. Не могла не раздражать и поза мэтра, бесстрастно судящего своих современников и раздающего непроверяемые оценки. Насколько можно судить по дневнику и критическим статьям Кузмина, особой ценностью для него обладало искусство, наделенное большой внутренней свободой, той свободой, которая легко выражается в неправильностях, небрежности, незавершенности, которая позволяет писателю с равной степенью легкости быть цельным и расколотым, мистиком и реалистом, — одним словом, наиболее соответствовать природе своего дарования.

Источники такого отношения к творчеству еще нуждаются в определении, отдельные точные наблюдения⁴⁸ должны быть сложены в единую систему, но уже и сейчас ясно, что в основе этого отношения у Кузмина лежит глубоко осознанный и переработанный сугубо индивидуальный опыт, понимаемый как

нерасчлененное и нерасчлененное единство личности, выражающей себя в произведении.

Из этого же исходит и определение Кузминым собственной литературной позиции. До тех пор пока на его творческую индивидуальность никто не посягает, он вполне спокойно соседствует с каким-либо другим писателем, теоретиком, литературной группой и пр., но как только начинаются попытки вмешательства в естественное развитие поэтической личности — происходит бунт, ведущий к пересмотру любых позиций, какими бы прочными они ни казались.

Именно этим, по всей вероятности, определяется последовательное отчуждение Кузмина от всех литературных направлений и группировок, заинтересованных в том, чтобы иметь в своих рядах такого незаурядного поэта.

Типичным примером подобного расхождения является разрыв Кузмина с Вяч. Ивановым. Сугубо личные причины⁴⁹ были, скорее всего, лишь внешним выражением глубокого внутреннего недовольства Кузмина той открыто идеологической полемикой, в которую он (видимо, помимо своей воли) оказался втянут. Повод был достаточно незначительным: при публикации в журнале «Труды и дни» его рецензии на сборник Иванова «Сог Арденс» редакцией был урезан ее конец, что вызвало возмущение как Иванова, так и самого Кузмина. Надо сказать, что в этой утраченной фразе не было ничего принципиального⁵⁰, но всю создавшуюся ситуацию Кузмин решил использовать, чтобы решительно размежеваться с позицией журнала, четко определившейся уже в первом его номере. За отдельными частными пунктами полемики отчетливо просматривается главное — несогласие видеть в русском символизме единственного законного наследника всей мировой литературы, на чем решительно настаивали многие авторы первого номера «Трудов и дней». В письме в редакцию журнала «Аполлон», даже не уточняя, о какой именно фразе, снятой в печати, идет речь, Кузмин решительно говорит: «Как ни неприятно „Трудам и дням“, но школа символистов явилась в 80-х годах во Франции и имела у нас первыми представителями Брюсова, Бальмонта, Гиппиус и Сологуба. Делать же генеалогию: Данте, Гете, Тютчев, Блок и Белый — не всегда удобно, и выводы из этой предпосылки не всегда убедительны»⁵¹. Хотя имя Иванова было устранено из письма, он не мог не принять многого из того, что произнес Кузмин, на свой счет, и личная ссора была таким образом возведена к более серьезным и значительным для литераторов расхождениям в эстетике и идеологии.

По аналогичной схеме во многом строились отношения Кузмина с другим сообществом литераторов, в члены которого его нередко записывают и до сих пор. Акмеист Кузмин или нет — споры об этом шли и идут в литературе с давних пор. Определение, данное ему В. М. Жирмунским, — «последний русский символист»⁵², — не учитывает индивидуальной реакции Кузмина на любые попытки присоединить его к программным выступлениям символистов, являясь только типологическим определением, да и то в рамках концепции самого Жирмунского. Но

нисколько не более обоснованны и попытки сблизить Кузмина с акмеизмом. Уже не раз цитировались резкие определения, которые Кузмин в различных статьях давал этой группе, и опровергнуть таким образом мнение о Кузмине-акмеисте очень легко. Но гораздо более существенным и поучительным является рассмотрение его суждений и расхождений с акмеистами в контексте литературного процесса эпохи.

Казалось бы, тесная дружба с Гумилевым после его приезда в Петербург из Парижа, единство литературной позиции в период первого и наиболее серьезного кризиса символизма, когда в 1910 году Кузмин вместе со всей «молодой редакцией» журнала «Аполлон» явственно заявляет о своей приверженности курсу Брюсова, а не декламациям Блока и Вяч. Иванова (как представляется, эта позиция отразилась в тексте рассказа «Высокое искусство», посвященного Гумилеву), статья «О прекрасной ясности», участие в заседаниях «Цеха поэтов», предисловие к первой книге стихов Анны Ахматовой,— все это указывает, что определенная близость существовала. И однако никто из акмеистов никогда не говорил и не писал, что Кузмин принадлежит к их узкому, корпоративно замкнутому кругу.

Чаще всего в качестве доказательных объяснений фигурируют личные мотивы. Вот что рассказывала, например, Ахматова: «У нас — у Коли <Гумилева>, например,— все было всерьез, а в руках Кузмина все превращалось в игрушки... С Колей он дружил только вначале, а потом они быстро разошлись. Кузмин был человек очень дурной, недоброжелательный, злопамятный. Коля написал рецензию на „Осенние озера“, в которой назвал стихи Кузмина „будуарной поэзией“. И показал, прежде чем напечатать, Кузмину. Тот попросил слово „будуарная“ заменить словом „салонная“ и никогда во всю жизнь не прощал Коле этой рецензии...»⁵³

Нет сомнений, что одна из рецензий (Гумилев писал об «Осенних озерах» трижды⁵⁴) задела Кузмина настолько, что он — редкий случай в истории русской литературы! — счел нужным дезавуировать свою собственную рецензию на гумилевское «Чужое небо»: высоко отозвавшись о сборнике на страницах «Аполлона», он через несколько месяцев в «Приложениях к „Ниве“» оценивал ту же книгу почти уничтожающе. Но вряд ли стоит сомневаться, что инцидент с гумилевской рецензией был лишь толчком, поводом к решительному разрыву с Гумилевым и возглавляемой им школой.

Для Кузмина было очевидным фактом (другое дело, насколько это соответствовало действительности), что акмеизм как литературное направление является в первую очередь отражением личности его основателя, то есть Гумилева. Следовательно, именно гумилевская эстетика должна была проецироваться на все представления акмеизма об эстетической природе литературы. А тут расхождение между двумя поэтами оказывается принципиальным. Кузмин не раз язвительно издевался над словами Кольриджа, охотно повторявшимися Гумилевым: «Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке», — а ведь именно из этого принципа исходил Гумилев в своих критических работах и в практике

заседаний «Цеха поэтов». Тяготение Гумилева, следом за ним и всего «Цеха», а отчасти и акмеизма, к нормативной поэтике не могло не вызывать решительного противодействия у Кузмина. Именно поэтому внешнего повода было достаточно для резкого расхождения между двумя поэтами. За частными недоразумениями и неприязненностью легко просматривается принципиальное различие во взглядах на поэтическое творчество.

К первой половине десятых годов относится и закрепление за Кузминым репутации человека, лишенного каких бы то ни было моральных устоев. Наиболее отчетливо такое отношение выразилось в поздних заметках Ахматовой и в облике того из персонажей «Поэмы без героя», за которым более всего угадывается Кузмин⁵⁵. В одной из не опубликованных при жизни заметок к «Поэме без героя» Ахматова писала: «Мне не очень хочется говорить об этом, но для тех, кто знает всю историю 1913 года, — это не тайна. Скажу только, что он, вероятно, родился в рубашке, он один из тех, кому все можно. Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но если бы я это сделала, у современного читателя волосы бы стали дыбом»⁵⁶. С большой степенью уверенности можно утверждать, что в первую очередь Ахматова здесь имела в виду ситуацию, вкратце описанную одним из мемуаристов-современников: «Читал он однажды мне свой дневник. Станный. В нем как-то совсем не было людей. А если и сказано, то как-то походя, равнодушно. О любимом некогда человеке:

— Сегодня хоронили N.

Буквально три слова. И как ни в чем не бывало — о том, что Т. К. написала роман и он уж не так плох, как это можно было бы ожидать»⁵⁷. Всем читавшим Кузмина были известны его отношения с молодым поэтом-гусаром Всеволодом Князевым, и очень многих шокировало, что после того, как Князев покончил с собой в результате несчастной влюбленности в О. А. Глебову-Судейкину (внешне казалось, что второй раз она вмешалась в судьбу Кузмина, разлучив его с любимым человеком: сначала с Судейкиным, а затем и с Князевым), Кузмин выказывал полное равнодушие и даже не присутствовал на похоронах.

Естественно, мы не можем говорить с полной уверенностью, но по дневнику Кузмина схема событий представляется совершенно ясной: все отношения Кузмина и Князева, начавшиеся в мае 1910 года, проходили под знаком грозящей неверности. Приступы страстной любви сменялись ссорами ревности, даже скандалами, в которых акценты расставлялись чрезвычайно резко. В конце августа 1912 года Кузмин поехал в Ригу, где Князев тогда служил, и они провели вместе несколько счастливых дней, а потом неожиданно расстались. О причинах расхождения нам ничего не известно, однако оно зафиксировано с несомненной точностью. И все дальнейшее — приезды Князева в Петербург, его визиты с Глебовой-Судейкиной в «Бродячую собаку», столкновения там с Кузминым, свидетелями которых были многочисленные мемуаристы, — происходило уже в совершенно другой психологической обстановке: вместо подозревавшегося всеми, в том числе и Ахматовой, необычного любовного

треугольника, где не двое мужчин соперничали из-за женщины, а мужчина и женщина были связаны сложными отношениями с другим мужчиной, создалась ситуация совсем иная — драматический роман Князева с Глебовой-Судейкиной, проходивший на фоне уже закончившихся его отношений с Кузминым. Если вспомнить, как описывается в «Картонном домике» реакция Демьянова на окончание романа с Мятлевым (судя по дневнику Кузмина, такое описание полностью соответствует реальному эпизоду), то нетрудно понять и природу дальнейшей «бесчувственности» Кузмина: роман завершился, и теперь любимый в прошлом человек стал абсолютно чужд, потому и его смерть волнует не более, чем смерть любого слегка знакомого человека. Это может нравиться или нет, но lamentировать по этому поводу и считать на основании этого Кузмина исключительно безнравственным человеком — несправедливо.

Безусловно, Ахматова была художественно права, создавая в «Поэме без героя» образ «Арлекина-убийцы», явственно наделенного чертами Михаила Алексеевича Кузмина, но переносить это художественное решение в реальные события 1912—1913 года и на этом основании предъявлять своеобразный нравственный иск Кузмину — невозможно.

Перипетии частной и литературной жизни Кузмина, безусловно, сказались и на его творчестве.

Нежелание каким бы то ни было образом ассоциироваться с литературными группами того времени привело его к определенной изоляции в высокой литературе. После прекращения в 1909 году «Весов» и «Золотого руна» Кузмин сделался деятельнейшим сотрудником только что возникшего журнала «Аполлон», одним из тех, кто не просто там сотрудничал, но до известной степени определял и внутреннюю политику журнала. Однако расхождение с Гумилевым не могло не повлиять и на отношения с «Аполлоном», где Гумилев по-прежнему оставался весьма влиятелен. После инцидента с «Трудами и днями» новые предприятия символистов также не выглядели для Кузмина хоть сколько-нибудь привлекательными. Отношения с Брюсовым явственно ухудшились, и в «Русской мысли» за годы его влечения в литературном отделе Кузмин практически не печатался. Традиционные толстые журналы не могли преодолеть своей неприязни к столь скандальной фигуре, какой для них по-прежнему представлял Кузмин, и, как следствие всего этого, главным местом сотрудничества для него становились не очень притязательные издания типа «Невы», «Аргуса», «Огонька», «Вершин» и пр., вплоть до бульварного «Синего журнала» и суворинского «Лукоморья», которыми очень многие литераторы с именем пренебрегали. Конечно, его стихи печатали и вполне серьезные «Северные записки», и разного рода альманахи, среди которых были весьма незаурядные «Стрелец» и «Альманах муз», но постоянное сотрудничество связывало его чаще всего с полубульварными изданиями, которые требовали от своих авторов не художественного совершенства, а прежде всего доступности самому непритязательному читателю. Если на «Осенних озерах»

это обстоятельство еще не успело сказаться, то в «Глиняных голубках» проявилось в полной мере.

Вторая существенная особенность — регулярное сотрудничество с театрами, для которых Кузмин писал не только музыку, но и целые пьесы, нередко вместе с музыкой. Эти пьесы ставились и в серьезных театрах, и в многочисленных к тому времени театрах миниатюр, и в полулюбительских спектаклях, но во всех случаях они были ориентированы на беспечную легкость восприятия, должны были доставлять зрителям веселье и радость, не заставляя особенно задумываться над сложными проблемами.

Наконец, на изменении тональности творчества Кузмина не могло не сказаться и изменение круга его общения. Если ранее он чаще всего беседовал, заводил дружбы и считался своим среди элитарного художественного круга (Дягилев, Сомов, Мейерхольд, Вяч. Иванов, Блок, Сологуб, Анненский, Брюсов и др.), то теперь все чаще и чаще он оказывается окружен молодыми поэтами, артистами, художниками, музыкантами, для которых является безусловным мэтром, чьим словам следует беспрекословно внимать. Хотя поза учителя, насколько можно судить по воспоминаниям, была Кузмину абсолютно чужда, все же такое отношение не могло не воздействовать на его сознание. Вместо общения с равными как равный он оказывался среди людей, явно уступающих ему в интеллектуальной и художественной силе. Особенно заметно проявилось это в то время, когда он сблизился с популярной беллетристкой Е. А. Нагродской и на какое-то время даже поселился в ее большой квартире.

На некоторое время критерии художественного совершенства оказались у Кузмина сдвинутыми: все написанное казалось безусловно удачным, а раз напечатанное неуклонно включалось и в книгу стихов. В беллетризованных мемуарах Георгия Иванова есть сценка, которая вполне может оказаться и вымыслом (тем более что страницы «Петербургских зим», посвященные Кузмину, пронизаны явным недружелюбием, связанным с различными внешними причинами), но вполне соответствует тому впечатлению, какое оставляют сборники Кузмина начала десятых годов. На вопрос автора воспоминаний, включать ли какое-то стихотворение в книгу или нет, Кузмин отвечает: «Почему же не включать? Зачем же тогда писали? Если сочинили — так и включайте...»⁵⁸.

По-прежнему в «Осенних озерах» и в «Глиняных голубках» остается умение простыми словами выразить любовь и нежность, за пустячным эпизодом разглядеть глубокий внутренний смысл, соединить мифологический сюжет с сегодняшними переживаниями, достичь органического единства стилизации под древность и современности, построить сюжет большого стихотворения... Однако многописание явно не идет Кузмину на пользу. Так, скажем, цикл «Газелы» в «Осенних озерах» был бы хорош, если бы состоял не из тридцати весьма однообразных стихотворений, а из пяти-шести: стремление автора поправить свой слух в новой для него стихотворной форме, не продиктованное строгими требованиями взыскательного художника, обернулось утоми-

тельным для читателя (да, кажется, и для писателя тоже) занятием.

Читая вошедший в «Глиняные голубки» «роман в отрывках», нередко поражаешься формальной изобретательности Кузмина, создающего доселе небывалые строфические построения, пользующегося ритмическими и метрическими изысками, но сам замысел при всем этом остается неполноценным. Перед нами лишь разрозненные фрагменты, плохо складывающиеся в единую картину. Романтическая история оказывается незавершенной, а идеологические споры и конфликты, обещанные появлением в последних отрывках графа Жозефа де Местра, так и не успевают развернуться.

Подобных примеров в двух больших сборниках стихов — более чем достаточно. Сохраняя, конечно, свое творческое лицо, Кузмин все более и более снижает тот пафос, который так отчетливо виден в «Сетях», — пафос ощущаемого в любой, самый незначительный момент жизни восприятия Божьего мира в его гармонической цельности. Текущая критика отнеслась к «Осенним озерам» благожелательнее, чем к «Сетям», иногда даже отдавая им в прямом сравнении преимущество. Однако, с нашей точки зрения, этот сборник (не говоря уже о «Глиняных голубках») выглядит гораздо менее цельным, чем первая книга стихов. Вряд ли случайно И. Анненский с таким недоверием писал в статье «О современном лиризме» (1909) о цикле, которому предстояло в будущем завершать «Осенние озера» и придавать им особый смысл: «А что, кстати, Кузмин, как автор „Праздников Пресвятой Богородицы“, читал ли он Шевченко, старого, донятого Орской и иными крепостями, — соловья, когда из полупомеркших глаз его вдруг полились такие безудержно нежные слезы — стихи о Пресвятой Деве? Нет, не читал. Если бы он читал их, так, пожалуй бы, сжег свои „Праздники“»⁵⁹. Действительно, более чем странным выглядит в цикле прямой перепев пушкинского: «Родила царица в ночь Не то сына, не то дочь; Не мышонка, не лягушку, А неведому зверюшку»; столь же неуместна и кузминская версия рассказа о Благовещении; да и само завершение сборника, включавшего стихи с откровенными описаниями физической страсти, обращениями к Богородице представляется едва ли не кощунственным.

Еще показательнее в этом отношении военные стихи, которые Кузмин охотно писал и печатал в разных журналах и газетах 1914—1915 годов. В них, пожалуй, единственный раз за всю творческую биографию Кузмин утерял даже собственную интонацию: его стихи становятся плохо отличимыми от многочисленных поделок того времени. К счастью, это продолжалось сравнительно недолго.

Начиная приблизительно с 1916 года в творческой манере Кузмина что-то начинает меняться, пока почти потаенно для читателей, но уже вполне ощутимо для самого автора. И с самого начала двадцатых годов глазам читателей предстает новый облик Кузмина, все яснее и яснее выявляющийся с каждой новой книгой.

Сказав «с самого начала двадцатых годов», мы несколько опередили события, ибо отдельные изменения оказались заметны в первых двух книгах Кузмина, выпущенных им после революции — в 1918 году. Одна из них представляла собой небольшую брошюрку, состоящую всего из двух стихотворений, вторая — вполне солидную книгу стихов (хотя, конечно, вдвое меньшую по размерам, чем любая из трех предыдущих), но в них обеих было нетрудно заметить неожиданно новые для, казалось бы, уже вполне сформировавшегося поэта особенности.

Но прежде чем начать разговор о перемене творческой манеры, необходимо очертить тот круг представлений об изменившейся вселенной и месте художника в ней, который сложился у Кузмина постепенно и к середине двадцатых годов стал вполне определенным. Для него, старательно устранившегося в своих произведениях от политики и любых событий общественной жизни, само представление о том, что его творчество окажется каким-то образом соотношенным с ними, было немислимо. Еще в 1907 году на предложение Брюсова участвовать в октябристской газете «Столичное утро» он хладнокровно отвечал: «Октябристский характер газеты мне безразличен, т. к. я совершенно чужд политики, а в редкие минуты безразличия сочувствую правым»⁶⁰. Но и сам этот вопрос был задан Брюсовым скорее из вежливости, и ответ был получен совершенно ожидавшийся.

В годы же наибольших перемен русской жизни современная действительность стала все чаще врываться в произведения Кузмина. Ранее она время от времени получала отражение в дневнике (особенно в период революции 1905 года, когда записи становятся особенно насыщенными фактами и оценками), но в стихи и прозу не попадала никак, поскольку практически не затрагивала частной жизни самого поэта. Но с началом мировой войны политика стала в эту жизнь вмешиваться самым решительным образом. Новый друг Кузмина Юрий Юркун вполне мог быть призван в армию, и волнения по этому поводу регулярно отражаются уже не только в дневнике, но и в стихах, придавая им до некоторой степени оппозиционный по отношению к господствующим мнениям характер. Осознание того, что война превращается в жестокую реальность, непосредственно касающуюся близких ему людей, заставило поэта занять вполне определенную позицию. Увидав рядом с собой неприкрашенный лик войны, Кузмин решительно от него отвернулся.

Напечатанный осенью 1917 года очерк Г. Чулкова, где Кузмин не назван по имени, но узнается безошибочно, зафиксировал очень четко выраженную позицию: войну нужно прекратить во что бы то ни стало, и любые средства для этого хороши. Именно в таком контексте произнесена фраза, нужда-

ющаяся в специальном толковании: «Разумеется, я большевик»⁶¹. В те дни «большевик» значило прежде всего — любым путем желающий прекращения войны. Но и в дальнейшем, особенно в первые дни после 25 октября, в дневнике Кузмина нередко выражена симпатия к совершившим переворот и к пошедшим за ними: «Солдаты идут с музыкой, мальчишки ликуют. Бабы ругаются. Теперь ходят свободно, с грацией, весело и степенно, чувствуют себя вольными. За одно это благословен переворот» (4 декабря 1917).

Можно предположить, что в сознании Кузмина революция была связана с пробудившейся энергией тех люмпенизированных масс, которым он давно и прочно симпатизировал, которые представлялись ему одним из слоев, с наибольшей полнотой выражающих коллективное сознание традиционно молчащей России. В этом смысле они становились в чем-то подобными старообрядцам, чье отношение к текущим событиям формировалось на основе не сегодняшних газет и политических брошюр, а древнего уклада жизни, тем самым поднимаясь над суетой нынешнего дня и обретая безусловную правоту. Точно то же происходит и с «хулиганами», «гостинодворцами», теми «двенадцатью», что теперь оказываются ядром власти.

Но уже в марте 1918 года он записывает: «Действительно, дорвавшиеся товарищи ведут себя как Аттила, и жить можно только ловким молодцам...» Достаточно быстро он увидел, что большевистская революция оказалась не стихийным излиянием народной (пусть даже в том ограниченном понимании, которое вкладывал в это понятие он сам) воли, а чем-то совершенно другим. Становилось все более ясно, что во главе переворота по большей части оказались люди, обладающие своими представлениями о том, как надо эти стихийные силы использовать в своих интересах. Организующая сила партии большевиков, почти незаметная на огромных пространствах России, в столице была ощутима в полной мере, и в открыто политическом цикле стихов 1919 года «Плен» Кузмин не случайно сравнил ее с деятельностью одной из наиболее одиозных личностей в истории России: «Не твой ли идеал сбывается, Аракчеев?»⁶²

При этом главный упрек, бросаемый им большевизму, — это уничтожение частной жизни во всех ее проявлениях: частного капитала, частного предпринимательства, частного заработка и, как результат всего этого, — вообще человеческой индивидуальности, подчиняемой теперь государству непосредственно, во всех своих самых насыщенных нуждах, когда без снисходительно выделяемых пайков становилась совершенной реальностью смерть от голода или холода.

Для поэта, привыкшего существовать независимо от государства, коллектива, просто современников и в этой независимости видевшего залог художественной самостоятельности, такое положение вещей было невыносимо, оно требовало какого-то реального противостояния.

В «Плене» таким противостоянием оказывалась надежда на то, что солнечный свет, парадоксально-ироническим образом

оборачивающийся теплом содержимых частным лицом бань, вернется в мир и снова озарит его своим сиянием.

В создававшихся в конце 1917 и первой половине 1918 года «Занавешенных картинках» таким противостоянием являлась плотская любовь во всех ее аспектах — от почти невинной детской до гривуазно-стилизованной, от изысканной до грубо материальной (и, конечно, в равной степени гомо-, гетеро- и бисексуальной) ⁶³.

На какое-то время опорой могло стать искусство, которое должно было оградить поэта от происходящего как бы магическим кругом, создать оазис, изолированный от наступления жестокого внешнего мира. Как параллель такому искусству возникали воспоминания о прежнем быте, причем воспоминания, включавшие в единый поток и религиозные переживания, и любовные, и восторженное перечисление многочисленных торговых домов:

Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни,—
Какое-то библейское изобилие,—
Где это?
Мучная биржа,
Сало, лес, веревки, ворвань...

И, как почти неизменный апофеоз:

Яблочные сады, шубка, луга,
Пчельник, серые широкие глаза,
Оттепель, санки, отцовский дом,
Березовые рощи да покосы кругом.

(«А это — хулиганская», — сказала...»)

Но постепенно одна надежда за другой рушились. Прежний хорошо устроенный теплый быт не только не возвращался, но и становился все более недостижимым. Плохой защитой от жестокости внешнего мира оказывалось и искусство. Все реже и реже могло претворяться в действительность гордое заявление 1922 года:

Устало ли наше сердце,
ослабели ли наши руки,
пусть судят по новым книгам,
которые когда-нибудь выйдут.

(«Поручение»)

В пореволюционные годы Кузмин издал восемь из одиннадцати своих стихотворных сборников, однако ни один из них не идет ни в какое сравнение с предыдущими книгами по объему: «Двум», «Занавешенные картинки» и «Новый Гуль» представляют собою летучие брошюрки, «Эхо» — скорее всего собрание оставшегося от других книг невостребованного ими материала

(не зря по упоминавшимся уже «гимназическим» оценкам «Эхо» получило категорическую двойку, а «Новый Гуль» — натянутую тройку). Поэтому поэтический мир «позднего» Кузмина имеет смысл рассматривать в основном по четырем книгам: «Вожатый» (1918), «Нездешние вечера» (1921), «Параболы» (1923) и «Формель разбивает лед» (1929).

Да и первые две книги как бы пересекаются: в сборник «Вожатый» вошли стихи 1913—1917 годов, а в «Нездешние вечера» — 1914—1920-го. В композиции как того, так и другого сборника нет строгой обязательности, сюжетности циклов, как то было в прежних книгах, да и сами циклы дополняют друг друга: очень близки «Виденья» из «Вожатого» и «Сны» из «Нездешних вечеров», «Лодка в небе» представляется своеобразным продолжением и развитием цикла «Плод зреет», а многое из «Вина иголок» свободно вписалось бы в цикл «Фузий в блюдецке». Потому две эти книги можно считать своеобразной диалогией.

Обе части этой «диалогии» выстроены по довольно сходному композиционному принципу. В самых общих чертах его можно было бы описать как движение от попыток успокоенно-благоговяюще взглянуть на мир и далее — через открывающиеся за внешней успокоенностью симптомы глубинного неустройства вселенной — к осознанию очевидной дисгармоничности, угрожающей человеку уже непосредственно. А в заключение — облегченный вздох венчающего «Вожатый» стихотворения «Враждебное море»: «Таласса!» или восторженно ликующее прославление «всех богов юнейшего и старейшего всех богов», которым заканчиваются «Нездешние вечера»:

Все, что конченным снилось до века,
век не кончается!

(«Рождение Эроса»)

Конечно, такая схема не принимает во внимание множество самых разнообразных подробностей, которыми уснащены соположенные друг с другом стихотворения, более того: композиционные ходы могут даже временами опровергнуть общее направление движения, могут отсылать читателя на неверный путь и заставлять ошибаться. Но пристальное чтение показывает, что даже в отдельных стихотворениях можно проследить эту эволюцию авторского отношения к миру, где переплетаются надежда и отчаяние, уверенность и опасение, чувство правоты и сознание незавершенности своего дела. Вот лишь одно стихотворение, где само движение мысли построено по тому же принципу, что и общее движение всего стихотворного массива двух книг:

Какая-то лень недели кроет,
Замедляют заботы легкий миг,—
Но сердце молится, сердце строит:
Оно у нас плотник, не гробовщик.
Веселый плотник сколотит терем.

Светлый тес — не холодный гранит,
Пусть нам кажется, что мы не верим:
Оно за нас верит и нас хранит.

Оно все торопится, бьется под спудом,
А мы — будто мертвые: без мыслей, без снов...
Но вдруг проснемся пред собственным чудом:
Ведь мы все спали, а терем готов.
Но что это, Боже? Не бьется ль тише?
Со страхом к сердцу прижалась рука...
Плотник, ведь ты не достроил крыши,
Не посадил на нее конька!

Амбивалентность образной системы стихотворения совершенно отчетлива, чувства и настроения автора то свидетельствуют о его надеждах, то замирают в смертельном отчаянии. Строченье Божьего мира оказывается незавершенным, а человек в нем — не защищенным от земных стихий. На это ощущение обращено внимание в тонкой статье современной исследовательницы, посвященной анализу цикла «Фузий в блюдецке»: «Надо долго вчитываться в цикл, чтобы через это гутирование выверенных с идеальным чувством меры деталей стало проступать нечто иное: космическое устройство мира в ипостаси неустойчивости, вариативности оппозиций, мене местами прежде всего *верха* и *низа*, приводящим к нарушению порядка, к смещению, при всей идилличности чреватому опасностью»⁶⁴.

В большинстве стихотворений этих двух книг стиливая система остается прежней, ориентированной на эстетику внешне простого слова, спокойного интонационного голосоведения, на воссоздание благости и умиленности при воспоминании о сугубо русских пейзажах и картинах, частое обращение к «стихотворениям на случай», свободное использование твердых форм (сонет, рондо, терцины, а в «Эхо» еще и вовсе редкостная спенсеров строфа). Но в некоторых стихотворениях чувство неурядицы, разлада в мире начинает вписываться непосредственно в текст, его уже не надо тщательно выискивать.

Взвигченная интонация, исполненная восклицаний и вопросов, разорванные и нарочито неточные рифмы, очень резкие инверсии, непривычные словообразовательные модели, столкновение возвышенного и низменного, ввод в стихотворение далеко не всем известных мифологических образов, отсылки к загадочным для читателя текстам нередко создают впечатление невнятицы, зауми, едва ли не футуристических опытов.

Для самого Кузмина наиболее «футуристически» выглядело «Эхо» с такими стихотворениями, как «Страстной пяток» или «Лейный лемуру», которые он в дневнике не без оснований именовал «хлебниковщиной», однако и в «Вожатом», и в «Нездешних вечерах» есть нечто подобное. Если «Хлыстовскую» для читавших многочисленные в начале века статьи и книги о русском сектанстве еще представлялось возможным понять без особого труда, преодолев лишь сумбурность словесного радения, то сложные переплетения образов во «Враждебном море» или по-своему преломленные мотивы гностической мифологии в

цикле «София» нередко выглядели просто загадочными, требующими специальной расшифровки, основанной на солидных знаниях.

Это сочетание простоты выражения с подчеркнутой, демонстративной сложностью заставляло даже превосходных критиков делать поразительные ошибки. Так, ценитель таланта Кузмина, отчетливо понимавший сложность устройства его поздней поэзии, К. В. Мочульский мог себе позволить фразу, небрежно и мимоходом сводя содержание стихотворения «Адам» из «Нездешних вечеров» к элементарной, чуть не предназначенной для детей истории: «Детальная зарисовка вещей, внимание к мелочам и подробностям — естественная реакция от обобщенности и всеобъемлемости символизма»⁶⁵. Обращая внимание на те стихотворения, где сложность чувствуется в словесном строе, критик не обращал внимания, что внешне непритязательная история существования Адама и Евы под стеклянным колпаком далеко не проста, что описание их жизни ни в коей мере не важно само по себе, а служит лишь средством для выражения сложной идеи, развивающейся и в двух стихотворениях Кузмина, основанных на одном историческом источнике — фрагменте из розенкрейцерской рукописи XVIII века⁶⁶. История создания гомункулических Адама и Евы почти дословно воспроизводит старый текст, однако главным для Кузмина является не их жизнь в стеклянной колбе, а жизнь кабинета, где обитает их создатель. Не только двое маленьких людей, заключенных в реторте, в очередной раз проигрывают навеки предуказанную историю, но и наблюдающие за ними обречены жестокой судьбе:

О, маленькие души!
А мы, а мы, а мы?!
Летучие игрушки
Непробужденной тьмы.

Творец, демиург малого мира сам оказывается в положении искусственных человечков, сам подвержен действию высшей силы, с которой бороться бесполезно, даже если она является «непробужденной тьмой». И судьба гомункулов вполне может оказаться спроецированной на судьбу кабинета и его обитателей, которые в любой момент могут быть уничтожены по воле этой злой силы.

Но в наибольшей степени представление о Кузмине как об одном из наиболее эзотерических русских поэтов двадцатого века создается на основании двух последних (если не считать книги «Новый Гуль», составленной из одного цикла стихов) сборников Кузмина — «Параболы» и «Форель разбивает лед». В чем-то это впечатление двойственно: отдельные стихотворения выглядят внешне простыми и ясными, едва ли не описательными, но вдруг неожиданные соединения образов рисуют перед читателями странные картины, которые оказывается почти невозможно расшифровать, не прибегая к сложным методам анализа.

Стало уже почти традицией испытывать свои исследовательские способности на стихотворениях из «Парабол» и «Форели», стараясь показать, какие подтексты (причем вовсе не только

литературные) кроются за тем или иным текстом и позволяют прочесть его наиболее адекватно замыслу поэта⁶⁷. Однако решить таким образом сформулированную исследовательскую задачу до конца вряд ли когда-нибудь будет возможно, особенно если учесть особый метод подхода Кузмина к своим «источникам», определенный им самим:

Толпой нахлынули воспоминанья,
Отрывки из прочитанных романов,
Покойники смешались с живыми,
И так все перепуталось, что я
И сам не рад, что все это затеял.

(«Уход»)

Реальные события и отзвуки различных произведений искусства, мистические переживания и насмешливое отношение к ним, слухи и их опровержения, собственные размышления и мифологические коннотации, рассказы приятелей и кружащиеся в голове замыслы, воспоминания о прошлом и предчувствия будущего, — все это создает неповторимый облик стихотворений Кузмина двадцатых годов, и не только тех, что составили «Параболы» и «Форель», но и тех, что остались в силу тех или иных обстоятельств неопубликованными.

Конечно, время от времени и в стихотворениях двадцатых годов Кузмин остается столь же ясным, как бывал прежде. Недвусмысленность авторской позиции в стихотворении «Не губернаторша сидела с офицером...» или в «Переселенцах» делала создание этих стихотворений шагом не менее отважным, чем написание «Реквиема» или «Мы живем, под собою не чужа страны...» Однако подобная ясность для Кузмина тех лет не слишком характерна. Оставаясь непримиримым оппонентом существующего строя, он явно ищет свой путь объяснения с эпохой, исключая и стремление пойти в подчинение стремительно наступавшей сталинщине, и попытки говорить со временем на его языке.

Для Кузмина его собственная индивидуальность оставалась при любых обстоятельствах самодостаточной, она не нуждалась ни в каких соположениях с эпохой, социальными установлениями, господствующими настроениями, вкусами и пр. Если Мандельштаму важно было понять самому и убедить других, что он — «человек эпохи Москвошвея» (а в логическом развитии это дало и все его «гражданские» стихи, от «Мы живем, под собою не чужа страны...» до сталинской «Оды»); если Пастернак был уверен в положительном ответе на вопрос: «Но разве я не мерюсь пятилеткой?»; если Ахматова на долгие годы замолкала, и только крайнее отчаяние ежовщины и войны разбудило в ней молчавший голос, — то Кузмин был спокойно-неколебим, ни в чем не изменяя себе. Он мог легко пойти на устранение каких-то внешних признаков своих текстов или, не дожидаясь цензурного вмешательства, убрать из стихов сомнительные с точки зрения цензуры пассажи, начать писать слово «Бог» со строчной буквы и пр., но при всем этом оставался верен тем основным принци-

пам творчества, что выработались у него уже к середине двадцатых годов.

6 апреля 1929 года он записал в дневнике: «Почему я никогда в дневнике не касаюсь двух-трех главнейших пунктов моей теперешней жизни? Они всегда, как я теперь вижу, были, мне даже видятся их развитие скачками, многое сделалось из прошлого понятным. Себе я превосходно даю отчет, и Юр<кун> даже догадывается. Егунов прав, что это религия. М<ожет> б<ыть>, безумие. Но нет. Тут огромное целомудрие и потусторонняя логика. Не пишу, потому что, хотя и ясно осознаю, в формулировке это не нуждается, сам я этого, разумеется, никогда не забуду, раз я этим живу, а и другим будет открыто, не в виде рассуждений, а воздействия из всех моих вещей. <...> Без этих двух вещей дневник делается как бы сухим и бессердечным перечнем мелких фактов, оживляемых (для меня) только сущностью. А она, присутствуя незримо, проявляется для постороннего взгляда контрабандой, в виде непонятных ассоциаций, неожиданных<ного> эпитета и т. п. Все очень не неожиданно и не капризно».

Однозначно определить, что здесь имел в виду Кузмин, кроме прямо названной религии, не так уж просто. Но совершенно очевидно одно: он явственно чувствовал, что все делаемое им определяется единством собственной личности, не подчинившейся обстоятельствам даже столь трудной жизни, какой она стала в двадцатые — тридцатые годы, когда до минимума сократились издания его сочинений: оригинальную его прозу прекратили печатать в первой половине двадцатых, после «Форели» не вышло ни одной книги стихов, да и отдельно напечатанные стихотворения можно буквально по пальцам пересчитать, критические статьи также не находили применения, Кузмина постепенно вытесняли со страниц «Вечерней красной газеты», последнего издания, где он время от времени еще рецензировал спектакли и концерты... Доступными оставались лишь переводы (Гомер, Шекспир, Гете, Байрон — и вплоть до Брехта) да сотрудничество с театрами, так же постепенно сходявшее на нет.

Судя по рассказам, вкусы Кузмина в музыке и в русской литературе не особенно менялись, но о многом говорят те явления иностранной литературы, за которыми он пристально следил. Он был наслышан о Джойсе еще в двадцатые годы (об этом есть запись в дневнике) и наверняка читал его хотя бы в переводе Валентина Стенича в начале тридцатых; «В поисках утраченного времени» Пруста не слишком заинтересовало его в русском варианте, предложенном А. А. Франковским, но обращение к французскому оригиналу несколько исправило впечатление. Большим вниманием пользовался Г. Мейрник да и вообще вся литература, связанная с немецким экспрессионизмом. Говорят, что нравились ему первые переведенные на русский вещи Хемингуэя⁶⁸.

Остается вопросом, знал ли он сюрреализм непосредственно или был только наслышан о нем, как и о дадаизме (при том пристальном интересе, который Кузмин испытывал к западной литературе, многочисленные статьи об этих течениях не могли,

конечно, не попасть в поле его зрения), но известно по воспоминаниям, что аналогичные поиски русских авторов его весьма интересовали. Дневник фиксирует, что среди его знакомых были А. Введенский и Д. Хармс, особенно регулярно посещал его и читал свои произведения первый. Однако еще существеннее, что такие прозаические вещи Кузмина, как «Печка в бане» и «Пять разговоров и один случай», совершенно определенно предвосхищают хармсовскую прозу тридцатых годов.

Пристрастия, как кажется, очень показательны.

Увы, мы не знаем, что Кузмин писал в тридцатые годы. Известно, что был в значительной степени (если не полностью) написан роман о Вергилии, — но сохранились только две первые главы, опубликованные еще в 1922 году. Лишь в отрывках известен стихотворный цикл «Тристан»⁶⁹. Совсем не сохранились переводы шекспировских сонетов, которые, как сообщают современники, были завершены. Вполне можно предположить, что было и нечто еще, в том числе рукописи стихотворений двадцатых годов, зафиксированных перечнями, а там — кто знает...

Обратимся к последнему сборнику стихов Кузмина «Фореель разбивает лед» и попытаемся ответить на вопрос о том, что определяет ядро, основу личности Кузмина.

Книга состоит из шести больших разделов, которые в зависимости от установки исследователей рассматриваются то как поэмы, то как стихотворные циклы. Сразу нужно сказать, что, по нашему глубокому убеждению, есть все основания считать эти разделы именно циклами, в известной степени подобными тем, что были характерны для первых кузминских сборников (типичные образцы — «Любовь этого лета», «Прерванная повесть», «Ракеты» и пр.). Об этом свидетельствуют прежде всего регулярная смена метра и разнообразие стиховых форм, тогда как для поэм Кузмина («Всадник», «Чужая поэма», не вошедшее в наше издание «Николино житие») характерно метрическое и строфическое единообразие. Далее существуют все же некие смысловые разрывы, преодолеваемые своеобразной символикой чисел, как объединительным началом (двенадцать ударов часов в новогоднюю ночь, соответствующие двенадцати месяцам; семь створок веера; семь дней недели с соответствующими им планетами и богами и пр.). Только в «Лазаре» сюжетная основа прослеживается вполне последовательно, однако следует отметить, что для понимания аллегорического ее смысла необходима постоянная проекция событий цикла на Евангелие, чего до сих пор у Кузмина не бывало.

Единственная аналогия, которая могла бы быть подыскана к циклам «Фореели» в поэмах Кузмина — «неоконченный роман в отрывках» «Новый Ролла», который, однако, также весьма значительно отличается от любого звена последней книги прежде всего отсутствием внутренней завершенности своей идеи, тогда как в «Фореели» все части безупречно приводятся к финалу именно своей композицией.

Итак, перед нами книга, состоящая из шести не связанных между собою непосредственно циклов, каждый из которых обладает собственным внутренним единством, как обладает единст-

вом и каждое из отдельных стихотворений, составляющих эти циклы. Но и вся книга в целом является единой; в ней, на наш взгляд, отчетливо прослеживаются те принципы художественного мышления Кузмина, которые сделали его одним из безусловно значительнейших русских поэтов двадцатого века.

В первом цикле, так и называющемся — «Форель разбивает лед» (характерно, что и в жизни и в творчестве Кузмина мотив рыбы, бьющейся об лед и пробивающейся на волю, повторяется не раз), — организующим началом является годовой цикл, и отдельные эпизоды связаны между собой не только общностью героев, но и прерывисто развивающимся любовным сюжетом, переносимым из современности в мир мифологизированной кинематографичности («Второй удар»), балладного мистицизма («Шестой удар»), а более всего — воспоминаний из собственного прошлого. И через эти воспоминания и отвлечения в другие сферы человеческого бытия, через вписанную в современность фантастику проходит один сквозной мотив:

...я верю,
Что лед разбить возможно для форели,
Когда она упорна. Вот и все.

Очевидные любовные ассоциации этого образа (от глубинно мифологических до самых поверхностных) не могут заслонить и иного, вполне ясного смысла: упорное стремление к цели через все преграды и препятствия, даже кажущиеся непреодолимыми. В любом случае им суждено пасть, если настойчивость не будет ослабевать, и здесь не будут преградой ни чужая любовь, ни разлука, ни вмешательство потусторонних сил, ни соблазны легкой и веселой жизни, ни воспоминания о трагическом прошлом. «Ангел превращения снова здесь», новый год несет с собою победное завершение поединка форели со льдом:

То моя форель последний
Разбивает звонко лед.

Вывод не бог весть какой оригинальности и сложности, но для того, чтобы к нему прийти, понадобилось миновать массу искушений и препятствий, в любой момент грозивших тем, что мир так и останется прежним, двойник — одиночкой, Гринок — далеким шотландским городком, и, уж конечно, «трезвый день разгонит все химеры». Искушение и соблазн, преодолеваемые чувством истинной любви, — вот то, что позволяет человеку сохранить свою индивидуальность.

В «Панораме с выносками» серия нравоучительных сценок и «картинок», представляющих печальные и радостные события жизни, ее приметы и подробности (уединение, питающее в старообрядческом скиту страсти; рождаемые темными чувствами убийства, отравления, кражи; загадочная вещица, хранящая на себе прикосновения самых верных друзей, разделенных непреодолимым пространством⁷⁰), существует параллельно с «выносками», выходами за пределы этой нравоучительности, которые включают в себя и мифологические представления (Гермес —

Ганимед — Зевс-орел), и таинственные религиозные мотивы, и, наконец, как результат всего, — летящий пароход, бесконечный простор, ветер, чувство окончательного расставания с мелькающими людьми и пейзажами, освящаемое присутствием «брата» (не исключено, что этот «брат» имеет отношение к мотиву «братства», «двойничества» из первого цикла). Соседство панорамы и действительности, ощущение их постоянного взаимодействия, связи искусства и жизни порождают чувство сладостного опустошения, возникающего при расставании с чем-то дорогим.

В «Северном веере» ощущение единства определяется событиями, связывающими жизни двух самых близких людей. Названное в пропусчном по дензурным причинам пятом стихотворении имя «Юрочка» впрямую открывает лирическую природу цикла, писавшегося в тот год, когда Ю. Юркуну исполнялось 30 лет:

Двенадцать — вешее число,
А тридцать — Рубикон...

Мелкие домашние подробности: имя собачки, часто посещавшийся когда-то ресторан, образы из прозы друга, точно названное место его заточения, — все ведет к откровенному выражению пронзительной нежности:

Возьми ее — она твоя.
Возьми и жизнь мою.

Наиболее, кажется, независимый от индивидуальных переживаний цикл в книге — «Пальцы дней», где создается и выразительный образ недели как панорамы человеческой истории, понятой через переплетение различных мифологий, где есть и Ной, и Марс, и Никола... Но в конечном счете все это концентрируется в каком-то очень близком и родном искусстве, становящемся «точкой, из которой ростками Расходятся будущие лучи».

Предпоследний цикл «Для августа» предлагает читателю не очень внятное сюжетное построение, основанное на пародийных откликах на современные «раздражительные драмы», как кинематографические, так и литературные: «Я никогда их не едал, у Блока кое-что читал»; «То Генрих Манн, то Томас Манн»; «Бердсли и Шекспир»; «Как у Рэнбо, под ногтем Торжественная щелкнет вошь» и т. д.

Эта пародийность подчеркнута и наиболее открытой во всей книге непристойностью отдельных эпизодов, и нарочитым введением описания воровской хазы, и издевательскими звукоподражаниями в заключительном стихотворении цикла. При этом внешняя событийность оказывается совершенно обманчивой: «И остаются все при своем». Ни путешествие в Голландию, ни прочие достаточно заманчивые приключения ничего не меняют, все возвращается, чтобы снова начаться и завершиться безо всяких последствий.

Поначалу и «Лазарь», последний из включенных в книгу циклов, кажется продолжением, хотя и не столь откровенно

пародийным, начатой в «Для августа» линии: сложный сюжет, преступление, сыщик и суд, попытки установить истину,— почти детективная история. Но постепенно осознание того, что история теперешнего молодого человека Вилли — это история воскрешения евангельского Лазаря, перенесенная в наши дни,— заставляет нас по-иному смотреть на все сюжетные перипетии цикла. И тогда особую роль в нем приобретает «часовых дел мастер», зовущийся Эммануилом (что, как известно из Писания, означает «С нами Бог»); его участие одновременно завершает детективный сюжет примитивной и неправдоподобной развязкой и переводит его в иной, потусторонний план. Воскрешение Вилли-Лазаря после максимального падения в бездну отчаяния и позора позволило Кузмину в наиболее откровенной для конца двадцатых годов форме высказать надежду на Божественный промысел как в собственной своей жизни, так и в жизни всей страны, с которой он столь тесно связан. И здесь первый и последний циклы книги смыкаются: связь между ними определяется как возможность надежды на собственные усилия, так иProvidенциализмом. В мире, исполненном зла, насилия, непонимания, все же остается возможность воссоединения ранее разъединенного и тем самым восстановления истины, воскрешения уже умершего и пробывшего четыре дня во гробе.

Думается, что такой общий план рассмотрения всего последнего кузминского сборника позволяет нам говорить о его совершенно определенной целостности и соединении отдельных, нередко чрезвычайно «темных» стихотворений и циклов в особую общность, до известной степени повторяющую композицию первого сборника стихов Кузмина: если там описывалось восхождение человека от неподлинной, обманной любви к любви божественной, то здесь речь идет о пути, в начале и в конце которого явственно обозначена надежда на человека и на Бога, та надежда, с помощью которой только и можно выжить во все более и более ожесточающемся мире. Увидеть и трезво осознать эту жестокость, но передать читателю не ее, а цельность, ясность, любовь, уверенность в успехе дела, жажду воскрешения — вот задача, с которой Кузмину блестяще удалось справиться в итоге всего творчества.

В одном из поздних интервью Ахматова обмолвилась несколько жестоко, но в известном смысле справедливо: «Смерть его в 1936 году была благословением, иначе он умер бы еще более страшной смертью, чем Юркун, который был расстрелян в 1938 году»⁷¹.

Кузмин умер 1 марта 1936 года в переполненной палате городской больницы, полежав перед этим в коридоре и простудившись. Свидетель похорон рассказывал: «Литературных людей на похоронах было меньше, чем „полагается“, но, может быть, больше, чем хотелось бы видеть... Вспомните, что за гробом Уайльда шли семь человек, и то не все дошли до конца»⁷².

После смерти Кузмина и ареста Юркуна большая часть архива, не проданного ранее в Гослитмузей, пропала, и до сих пор никто не знает, где она может быть. Казалось, что и само имя Кузмина сразу ушло в далекое литературное прошлое, что ему уже никогда не будет суждено вернуться.

Он даже не оставил русской поэзии, как то издавна велось, своего предсмертного «Памятника», поэтому пусть за него скажет другой поэт — Александр Блок: «Самое чудесное здесь то, что многое пройдет, что нам кажется незыблемым, а ритмы не пройдут, ибо они текучи, они, как само время, неизменны в своей текучести. Вот почему вас, носителя этих ритмов, поэта, мастера, которому они послушны, сложный музыкальный инструмент, мы хотели бы и будем стараться уберечь от всего, нарушающего ритм, от всего, заграждающего путь музыкальной волне»⁷³.

Примечания

1. См., напр: Шмаков Г. Блок и Кузмин // Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 341—364; Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина / Публ. К. Н. Суворовой // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 143—174; *Gheron Georges. Letters of V. Ja. Brgusov to M. A. Kuzmin // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1981. Bd. 7. S. 65—79*; Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // «Russian Literature». 1978. VI-3; Фрейдин Ю. Л. Михаил Кузмин и Осип Манделштам: влияние и отклики // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 28—31; Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Там же. С. 156—165; Толстая-Сегал Е. Пастернак и Кузмин // *Russian Literature and History. Jerusalem, 1989*; Письмо Б.Пастернака Ю.Юркуну / Публ. Н.А.Богомолова // «Вопросы литературы». 1981. № 7. С. 225—232; Селезнев Л. Михаил Кузмин и Владимир Маяковский // «Вопросы литературы». 1989, № 11. С. 66—87; *Gheron G. Mikhail Kuzmin and the Oberiuty: an Overview // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1983. Bd. 12. S. 87—101.*

2. Более подробный рассказ о творчестве Кузмина и его эпохе см. в книге: Богомоллов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. См. также Богомоллов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995.

3. Уникальный в этом смысле пример представляет собою книга: Полушин В. В лабиринтах серебряного века. Кишинев, 1991.

4. Михайлов Е. С. Фрагменты воспоминаний о К. А. Сомове // Константин Андреевич Сомов. Мир художника: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 493. Воспоминания относятся к лету 1906 г. В дневнике Кузмина нередко рассказы о том, как его принимают за «песельника».

5. Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 181.

6. Ремизов А. Кукка: Розановы письма. Берлин, 1923. С. 106.

7. Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М.А.Кузmine / Публ. Г. Шмакова // «Новый журнал». 1986. Кн. 163. С. 88—89. См. также: Петров В. Н. Из «Книги воспоминаний» // Панорама искусств. М., 1980. Кн. 3. С. 150.

8. Заслуга точного определения принадлежит К. Н. Суворовой. См.: Суворова К. Н. Архивист ищет дату // Встречи с прошлым. М., 1975. Вып. 2. С. 119.

9. Иванов Георгий. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 366.

10. Основными источниками для реконструкции жизни Кузмина ранних лет служат его письма к Г. В. Чичерину (о них и принципах их цитирования см.: наст. изд. С. 684) и небольшое «вступление» к дневнику, озаглавленное «Histoire édifiante de mes compensements» (опубликовано С. В. Шумихиным // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 146—155. Незначительные исправления по рукописи не оговариваются).

11. Некоторые сравнительно немногочисленные факты см.: Кизельштейн Г. Б. Молодые годы Г. В. Чичерина // Прометей. М., 1969. Вып. 7. С. 230—235.

12. Удачный анализ повести см.: Харер Клаус. «Крылья» М. А. Кузмина как пример «прекрасной легкости» // Любовь и эротика в русской литературе XX-го века. Bern e.a., [1992].

13. Усиленные попытки идентифицировать этого человека по имеющимся сведениям не дали результата. Не исключено, что это — своеобразный псевдоним, из тех, что были приняты в светском обществе конца века.

14. Любовной связи (*фр.*)

15. Константин Андреевич Сомов... С. 471. Обратите внимание, что «свечи, фейерверки и радуги» — слова, в высшей степени характерные для первого сборника стихов Кузмина: «Свет двух свечей не гонит полумрака», «Кем воспета радость лета: Роща, радуга, ракета...» и мн. др.

16. См.: Ильинская С. Б. «Александрийское урочище» в поэзии К. Кавафиса и М. Кузмина // Балканские чтения-2: Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 113—118.

17. Подробнее об этом путешествии см.: Тимофеев А. Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993.

18. Введены в научный оборот П. В. Дмитриевым («Новое литературное обозрение». 1993. № 3).

19. Брюсов Валерий. Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 133.

20. Блок Александр. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 586.

21. «Не забыта и Паллада...»: Из воспоминаний графа Б. О. Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // «Рус. мысль». 1990. 2 нояб. Лит. прил. № 11 к № 3852. С. XI.

22. Подробнее о ней и об ее значении для русской культуры см.: Бердяев Николай. «Ивановские среды» // Русская литература XX века. М., 1916. Т. III.

23. См. дневниковую запись Кузмина о первом визите 18 января 1906 года: Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 151, а также неодобрительную фразу о нем Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (Там же. Кн. 3. С. 243).

24. О принципах цитирования дневника Кузмина см. с. 685.

25. Лит. наследство, М., 1976. Т. 85. С. 208.

26. Там же. С. 206.

27. О таком типе построения текста см.: Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422.

28. Волошин Максимилиан. Лики творчества. Л., 1988. С. 471, 473.

29. Брюсов Валерий. Среди стихов. С. 131.

30. Письмо к В. Я. Брюсову от 30 мая 1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 7—8.— Список условных сокращений, принятых в наст. изд., см. на с. 686.

31. О религиозном смысле одновременно с «Евдокией» написанной «Комедии об Алексее человеке Божьем» см. довольно убедительную статью: Хорват Евгений. Вокруг десяти реплик «Комедии о Алексее человеке Божьем» М. Кузмина // Стрелец. 1984. № 11. С. 37—39.

32. См. письмо М. М. Замятниной к Кузмину от 16 августа 1908 г. // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 5 об.

33. В дневнике Иванова за 1909 год часты записи об обсуждении планов поэмы «Новый Ролла», о чтениях еще пишущейся повести «Нежный Иосиф» и пр. См.: Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 1. С. 773—807. О более ранних отношениях двух поэтов см.: Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 67—98.

34. Письмо Н. Н. Сапунова к Кузмину от 18 августа 1907 г. // РНБ. Ф. 400. № 138. Л. I.

35. См.: Cheron George. Letters from V.F.Nuvel' to M. A. Kuzmin: Summer 1907 // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1987. Bd. 19. S. 65—84. Полностью переписка Кузмина с Нувелем опубликована: Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 216—309.

36. О жизни и литературной позиции Кузмина в 1906—1907 гг. см. также: Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 99—116 и 181—215.

37. Наиболее подробный литературно-критический анализ стихов Кузмина — в статье В. Ф. Маркова «Поэзия Михаила Кузмина» (Кузмин Михаил. Собрание стихов. München, 1977. Т. III).

38. Ср. вполне обычное мнение критика: Кузьмин <так!> <...> пишет маленькую хронику нескольких дней своей интимной жизни» (К. Л. [редакт. на:] Белые ночи. СПб., 1907 // «Перевал». 1907. № 10. С. 53).

39. Подробнее об этих особенностях повести см. нашу статью «Автобиографические мотивы в раннем творчестве М. А. Куз-

мина» (Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С 130—139).

40. Гаспаров М. Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988. С. 132.

41. Цветаева Марина. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 115.

42. См., напр.: Гаспаров М. Л. Стих начала XX в.: строфическая традиция и эксперимент // Связь времен: Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX в. М., [1992]. С. 362—367.

43. Брюсов Валерий. Среди стихов. С. 379.

44. Соловьев Сергей // «Весы». 1908. № 6. С. 64.

45. Гумилев Николай. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 34.

46. См. цитату из дневниковой записи, приведенную на с. 681—682.

47. См.: Брюсов Валерий. Среди стихов. С. 379.

48. Наиболее удачные попытки такого рода см. в упомянутой статье Г. Шмакова, а также работе: Лавров А. В., Тименчик Р. Д. «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету Михаила Кузмина // Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С. 3—16. Немало важных наблюдений содержится в статьях: Морев Г. А. Полемический контекст рассказа М. А. Кузмина «Высокое искусство» // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1991. Вып. 881. С. 92—100; Тимофеев А. Г. «Память» и «археология» — «реставрация» в поэзии и «пристрастной критике» М. А. Кузмина // Там же. С. 101—116.

49. О них см.: Богомолов Н. А. К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 166—169; Азадовский К. М. Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10.

50. Печатный текст рецензии — «Труды и дни». 1912. № 1. С. 49—51. В тексте была опущена последняя фраза: «Говорить ли нам о технике? пусть другие это сделают со свободным духом, мы же напомним, что техника стиха, общих и частных форм, теперь имеет лишь двух мастеров, Валерия Брюсова и Вяч. Иванова» (РГБ. Ф. 190. Карт. 47. Ед. хр. 7). Подробнее см.: Богомолов Н. А. История одной рецензии // Philologica. 1994. № 1/2.

51. «Аполлон». 1912. № 5. С. 57.

52. Жирмунский В. М. М. А. Кузмин // «Биржевые ведомости», утр. вып. 1916. 11 ноября. Ср: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 107—109.

53. Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой. Кн. 1: 1938—1941. М., 1989. С. 141.

54. «Аполлон». 1912. № 8; «Гиперборей». 1912. № 1; «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“». 1912. № 11.

55. Подробная разработка этой темы: Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // «Russian Literature». 1978. VI-3.

56. Ахматова Анна. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 256.
57. Иванов Федор. Старому Петербургу: Что вспомнилось // «Жизнь» (Берлин). 1920. № 9. С. 16.
58. Иванов Георгий. Цит. соч. С. 365.
59. Анненский Иннокентий. Книги отражений. М., 1979. С. 366.
60. РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 22.
61. Чулков Г. Сегодня и вчера // «Народоправство». 1917. № 12. С. 9.
62. Подробнее об отношении Кузмина к событиям первых пореволюционных лет см. в предисловии Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина к публикации дневника Кузмина за 1921 год // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1991. Вып. 12. С. 428—432 (репринтное воспроизведение — СПб., 1993).
63. См.: Богомолов Н. А. «Мы — два грозой зажженные ствола»: Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов // «Литературное обозрение». 1991. № 11. С. 61—63.
64. Цивьян Т. В. К анализу цикла Кузмина «Фузий в блюдечке» // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 44.
65. Мочульский К. Классицизм в современной русской поэзии // «Современные записки». 1922. Кн. XI. С. 376.
66. Его текст см.: Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 153—154.
67. Наиболее удачные статьи, посвященные анализу поздней поэзии Кузмина, названы в примечаниях к отдельным стихотворениям.
68. Подробнее о бытовом укладе и художественных вкусах Кузмина в конце двадцатых и начале тридцатых годов помимо названных выше воспоминаний В. Н. Петрова см.: Гильдебрандт О. Н. М. А. Кузмин / Пред. и комм. Г. А. Морева. Публ. и подг. текста М. В. Толмачева // Лица: Биографический альманах. СПб; М., 1992. Вып. 1. С. 262—290.
69. Опубликованы: Шмаков Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Studies in the Life and Works of Mikhail Kuzmin. Wien, 1989. S. 34, 41—42.
70. Подробнее о смыслах, вкладываемых автором в отдельные стихотворения, см. примечания к ним.
71. Струве Никита. Восемь часов с Анной Ахматовой // Ахматова Анна. После всего. М., 1989. С. 257.
72. Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 247.
73. Блок Александр. Собр. соч. Т. 6. С. 440.

Н. А. Богомолов

I
ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

СЕТИ

Первая книга стихов

1. МОИ ПРЕДКИ

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу дэнди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие мильми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платье
и выдающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину,—
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,

и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

Май 1907

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

2—13. ЛЮБОВЬ ЭТОГО ЛЕТА

П. К. Маслову

1

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий, —
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро».

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Веселой легкости бездумного житья!
Ах, верен я, далек чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!

2

Глаз змеи, змеи извивы,
Пестрых тканей переливы,
Небывалость знойных поз...
То бесстыдны, то стыдливы

Поцелуев все отливы,
Сладкий запах белых роз...

Замиранье, обниманье,
Рук змеистых завиванье
И искусный трепет ног...
И искусное лобзанье,
Легкость близкого свиданья
И прощанье чрез порог.

3

Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами,
Вы пронзаете стрелами горькими,
Горькими стрелами, стами.

Расцветете улыбками бойкими
Светлыми весенними кустами,
Будто ласка перстами легкими,
Легкими мильми перстами.

Пилигрим, разбойник ли дерзостный —
Каждый поцелуй к вам доходит.
Антиной, Ферсит ли мерзостный —
Каждый свое счастье находит.

Поцелуй, что к вам прикасается,
Крепкою печатью ложится,
Кто устам любимым причащается,
С прошлыми со всеми роднится.

Взгляд мольбы, на иконе оставленный,
Крепкими цепями там ляжет;
Древний лик, мольбами прославленный,
Цепью той молящихся вяжет.

Так идешь местами ты скользкими,
Скользкими, святыми местами.—
Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами.

Умывались, одевались,
 После ночи целовались,
 После ночи, полной ласк.
 На сервизе лиловатом,
 Будто с гостем, будто с братом,
 Пили чай, не снявши маск.

Наши маски улыбались,
 Наши взоры не встречались,
 И уста наши немы.
 Пели «Фауста», играли,
 Будто ночи мы не знали,
 Те, ночные, те — не мы.

Из поднесенной некогда корзины
 Печально свесилась сухая роза,
 И пели нам ту арию Розины:
 «Io sono docile, io sono rispettosa»¹.

Горели свечи, теплый дождь, чуть слышен,
 Стекал с деревьев, наводя дремоту,
 Пезарский лебедь, сладостен и пышен,
 Венчал малейшую весельем ноту.

Рассказ друзей о прожитых скитаньях,
 Спор изощренный, где ваш ум витает.
 А между тем в напрасных ожиданиях
 Мой нежный друг один в саду блуждает.

Ах, звуков Моцарта светлы лобзанья,
 Как дали Рафаэлева «Парнаса»,
 Но мысли не прогнать им, что свиданья
 Я не имел с четвертого уж часа.

¹ «Я так безропотна, так простодушна» (ит.).— *Рег.*

Зачем луна, поднявшись, розовеет,
И ветер веет, теплой неги полн,
И челн не чует змейной зыби волн,
Когда мой дух всё о тебе говеет?

Когда не вижу я твоих очей,
Любви ночей воспоминанья жгут,—
Лежу — и тут ревниво стерегут
Очарованья милых мелочей.

И мирный вид реки в изгибах дальних,
И редкие огни неспящих окн,
И блеск изломов облачных волокон
Не сгонят мыслей, нежных и печальных.

Других садов тенистые аллеи —
И блеск неверный утренней зари...
Огнем последним светят фонари...
И милой резвости любовные затеи...

Душа летит к покинутым забавам,
В отравках легких крепкая есть нить,
И аромата роз не заглушить
Простым и кротким сельским, летним травам.

Мне не спится: дух томится,
Голова моя кружится
И постель моя пуста,—
Где же руки, где же плечи,
Где ж прерывистые речи
И любимые уста?..

Одеяло обвивало,
Тело знойное пылало,
За окном чернела ночь...
Сердце бьется, сухи руки.

Отогнать любовной скуки
Я не в силах, мне невмочь...

Прижимались, целовались,
Друг со дружкою сплетались,
Как с змеею паладин...
Уж в окно запахла мята,
И подушка вся измята,
И один я, всё один...

8

Каждый вечер я смотрю с обрывов
На блестящую вдали поверхность вод;
Замечаю, какой бежит пароход:
Каменский, Волжский или Любимов.
Солнце стало совсем уж низко,
И пристально смотрю я всегда,
Есть ли над колесом звезда,
Когда пароход проходит близко.
Если нет звезды — значит, почтовый,
Может письма мне привезти.
Спешу к пристани вниз сойти,
Где стоит уже почтовая тележка готовой.
О, кожаные мешки с большими замками,
Как вы огромны, как вы тяжелы!
И неужели нет писем от тех, что мне милы,
Которые бы они написали своими дорогими руками?
Так сердце бьется, так ноет сладко,
Пока я за спиной почтальона жду
И не знаю, найду письмо или не найду,
И мучит меня эта дорогая загадка.
О, дорога в гору уже при звездах.
Одному, без письма!
Дорога — пряма.
Горят редкие огни, дома в садах, как в гнездах.
А вот письмо от друга: «Всегда вас вспоминаю,
Будучи с одним, будучи с другим».
Ну что ж, каков он есть, таким
Я его и люблю и принимаю.
Пароходы уйдут с волнами,

И печально гляжу вослед им я —
О мои милые, мои друзья,
Когда же опять я увижусь с вами?

9

Сижу, читая, я сказки и были,
Смотрю в старых книжках умерших портреты.
Говорят в старых книжках умерших портреты:
«Тебя забыли, тебя забыли...»

— Ну, что же делать, что меня забыли,
Что тут поможет, старые портреты? —
И спрашивал: что поможет, старые портреты,
Угрозы ли, клятва ль, мольбы ли?

«Забудешь и ты целованные плечи,
Будь, как мы, старым влюбленным портретом:
Ты можешь быть хорошим влюбленным портретом
С томным взглядом, без всякой речи».

— Я умираю от любви безмерной!
Разве вы не видите, милые портреты? —
«Мы видим, мы видим, — молвили портреты, —
Что ты — любовник верный, верный и примерный!»

Так читал я, сидя, сказки и были,
Смотря в старых книжках умерших портреты.
И не жалко мне было, что шептали портреты:
«Тебя забыли, тебя забыли».

10

Я изнемог, я так устал.
О чем вчера еще мечтал,
Вдруг потеряло смысл и цену.
Я не могу уйти из плену
Одних лишь глаз, одних лишь плеч,
Одних лишь нежно-страстных встреч.

Как раненый, в траве лежу,
На месяц молодой гляжу.
Часов протяжных перемена,
Любви всё той же — не измена.
Как мир мне чужд, как мир мне пуст,
Когда не вижу милых уст!

О радость сердца, о любовь,
Когда тебя увижу вновь?
И вновь пленительной отравой
Меня насытит взор лукавый,
И нежность милых прежних рук
Опять вернет мне верный друг?

Лежу и мыслю об одном:
Вот дальний город, вот наш дом,
Вот сад, где прыгают гимнасты,
Куда сходились мы так часто.
О, милый дом!.. о, твой порог!
Я так устал, так изнемог...

11

Ничего, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Скоро, скоро этот город я покину,
Перестану видеть скучную картину.

Я оставшиеся дни, часы считаю,
Не пишу уж, не гуляю, не читаю.

Скоро в путь — так уж не стоит приниматься.
Завтра утром, завтра утром собираться!

Долгий путь, ты мне несносен и желанен,
День отъезда, как далек ты, как ты странен!

И стремлюсь я, и пугаюсь, и робею,
В близость нежной встречи верить я не смею.

Промелькнут луга, деревни, горы, реки,
Может быть, уж не увижу их вовеки.

Ничего-то я не вижу и не знаю,—
Об очах, устах любимых лишь мечтаю.

Сколько нежности в разлуке накоплю я —
Столь сильнее будет сладость поцелуя.

И я рад, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

12

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуке мне звучит:
«Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук».

Сплю тревожно; в чутком сне
Милый друг всё снится мне:
Вот прощанье, вот пожатья,
Снова встреча, вновь объятия
И разлукой столько дней
Час любви еще сильней.

Под окошком я лежу
И в окно едва гляжу.
Берега бегут игриво,
Будто Моцарта мотивы,
И в разрывы светлых туч
Мягко светит солнца луч.

Я от счастья будто пьян.
Все милы мне: капитан,
Пассажиры и матросы,
Лишь дорожные расспросы
Мне страшны, чтобы мой ум
Не утратил ясных дум.

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуке мне звучит:
«Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук».

Июнь—август 1906

II

14—23. ПРЕРВАННАЯ ПОВЕСТЬ

1

МОЙ ПОРТРЕТ

Любовь водила Вашею рукою,
Когда писали этот Вы портрет,
Ни от кого лица теперь не скрою,
Никто не скажет: «Не любил он, нет».

Клеймом любви навек запечатленны
Черты мои под Вашею рукою;
Глаза глядят, одной мечтой плененны,
И беспокоен мертвый их покой.

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.
Не поразит мой слух ни гром, ни трубы,
Ни тихий зов куда-то в край иной.

Лишь слышу голос Ваш, о Вас мечтаю,
На Вас направлен взгляд недвижных глаз.
Я пламенею, холодею, таю,
Лишь приближаясь к Вам, касаясь Вас,

И скажут все, забывши о запрете,
Смотря на смутный, томный мой овал:
«Одним любовь водила при портрете —
Другой — его любовью колдовал».

В ТЕАТРЕ

Переходы, коридоры, уборные,
Лестница витая, полутемная;
Разговоры, споры упорные,
На дверях занавески нескромные.

Пахнет пылью, скипидаром, белилами,
Издали доносятся овации,
Балкончик с шаткими перилами,
Чтоб смотреть на полу декорации.

Долгие часы ожидания,
Болтовня с маленькими актрисами,
По уборным, по фойе блуждание,
То в мастерской, то за кулисами.

Вы придете совсем неожиданно,
Звонко стуча по коридору,—
О, сколько значенья придано
Походке, улыбке, взору!

Сладко быть при всех поцелованным.
С приветом, казалось бы, бездушным,
Сердцем внимать окованным
Милым словам равнодушным.

Как люблю я стены посыревшие
Белого зрительного зала,
Сукна на сцене серевшие,
Ревности жало!

НА ВЕЧЕРЕ

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились от общего гама.

Я играл Вам свои «Куранты»,
Поминутно скрипели двери,
Приходили модницы и франты.

Я понял Ваших глаз намеки,
И мы вместе вышли за двери,
И все нам вдруг стали далёки.

У рояля толстая дама осталась,
Франты стадом толпились у двери,
Тонкая модница громко смеялась.

Мы взошли по лестнице темной,
Отворили знакомые двери,
Ваша улыбка стала более томной.

Занавесились любовью очи,
Уже другие мы заперли двери...
Если б чаще бывали такие ночи!

4

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Целый день проведем мы сегодня вместе!
Трудно верить такой радостной вести!
Вместе будем ездить, ходить друг за другом следом:
Вы — в своей голландской шапке, с пледом.
Вместе визиты, — на улицах грязно...
Так любовно, так пленительно-буржуазно!
Мы верны правилам веселого быта —
И «Шаблы во льду» нами не позабыто.
Жалко, что вы не любите «Вены»,
Но отчего трепещу я какой-то измены?
Вы сегодня милы, как никогда не бывали,
Лучше Вас другой отыщется едва ли.
Приходите завтра, приходите с Сапуновым, —
Милый друг, каждый раз Вы мне кажетесь новым!

КАРТОННЫЙ ДОМИК

Мой друг уехал без прощанья,
 Оставив мне картонный домик.
 Милый подарок, ты — намек или предсказанье?
 Мой друг — бездушный насмешник или нежный
 комик?

Что делать с тобою, странное подношенье?
 Зажгу свечу за окнами из цветной бумаги.
 Не сулишь ли ты мне радости рожденье?
 Не близки ли короли-маги?
 Ты — легкий, разноцветный и прозрачный,
 И блестяшь, когда я огонь в тебе зажигаю.
 Без огня ты — картонный и мрачный:
 Верно ли я твой намек понимаю?
 А предсказание твое — такое:
 Взойдет звезда, придут волхвы с золотом, ладаном
 и смирной.

Что же это может значить другое,
 Как не то, что пришлют нам денег, достигнем
 любви, славы всемирной?

НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ

Я знаю, что у Вас такие нравы:
 Уехать не простясь, вернуться тайно,
 Вам любо поступать необычайно,—
 Но как Вам не сказать, что Вы не правы?

Быть в том же городе, так близко, близко,—
 И не видеть, не слышать, не касаться,
 Раз двадцать в день к швейцару вниз спускаться,
 Смотреть, пришла ль столь жданная записка.

Нет, нет и нет! чужие ходят с Вами,
 И говорят, и слышат без участия
 То, что меня ввергало б в трепет счастья,
 И руку жмут бездушными руками.

Извозчикам, актерам, машинистам —
Вы всем открыты, все Вас могут видеть,
Ну что ж, любви я не хочу обидеть:
Я буду терпеливым, верным, чистым.

7

МЕЧТЫ О МОСКВЕ

Розовый дом с голубыми воротами;
Шапка голландская с отворотами;

Милые руки, глаза неверные,
Уста любимые (неужели лицемерные?);

В комнате гардероб, кровать двуспальная,
Из окна мастерской видна улица дальняя;

В Вашей столовой с лестницей внутренней
Так сладко пить чай или кофей утренний;

Вместе целые дни, близкие гости редкие,
Шум, смех, пенье, остроты меткие;

Вдвоем по переулкам снежным блуждания,
Долгим поцелуем ночи начало и окончание.

8

УТЕШЕНИЕ

Я жалкой радостью себя утешу,
Купив такую ж шапку, как у Вас;
Ее на вешалку, вздохнув, повешу
И вспоминать Вас буду каждый раз.

Свое увидя мельком отраженье,
Я удивлюсь, что я не вижу Вас,
И дорисует вмиг воображенье
Под шапкой взгляд неверных, милых глаз.

И, проходя случайно по передней,
Я вдруг пленюсь несбыточной мечтой,
Я обольщусь какой-то странной бредней:
«Вдруг он приехал, в комнате уж той».

Мне видится знакомая фигура,
Мне слышится Ваш голос — то не сон,—
Но тотчас я опять пройду понуро,
Пустой мечтой на миг лишь обольщен.

И залу взглядом обведу пустую:
Увы, стеклом был лживый тот алмаз!
И лишь печально отворот целую
Такой же шапки, как была у Вас.

9

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

Сегодня целый день пробуду дома;
Я видеть не хочу чужих людей,
Владеет мною грустная истома,
И потерял я счет несчастных дней.

Морозно, ясно, солнце в окна светит,
Из детской слышен шум и смех детей;
Письмо, которому он не ответит,
Пишу я тихо в комнате своей.

Я посижу немного у Сережи,
Потом с сестрой, в столовой, у себя,—
С минутой каждой Вы мне всё дороже,
Забыв меня, презревши, не любя.

Читаю книгу я, не понимая,
И мысль одно и то же мне твердит:
«Далеко зимой расцвет веселый мая,
Разлукою любовь кто утвердит?»

Свет двух свечей не гонит полумрака,
Печаль моя — упорна и тупа.

И песенку пою я Далайрака
«Mon bien-aimé, hélas, ne revient pas!»¹

Вот ужин, чай, холодная котлета,
Ленивый спор домашних — я молчу;
И, совершив обрядность туалета,
Скорей тушу унылую свечу.

10

ЭПИЛОГ

Что делать с вами, милые стихи?
Кончается, едва начавшись.
Счастливы все: невесты, женихи,
Покойник мертв, скончавшись.

В романах строгих ясны все слова,
В конце — большая точка;
Известно — кто Арман, и кто вдова,
И чья Элиза дочка.

Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека,
Над пропастью летит она вольней
Газели скака.

Слез не заметит на моем лице
Читатель-плакса,
Судьбой не точка ставится в конце,
А только клякса.

Ноябрь 1906—январь 1907

¹ «Мой любимый, увы, не возвращается!» (фр.). — *Рег.*

III

24—31. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

На берегу сидел слепой ребенок,
И моряки вокруг него толпились;
И, улыбаясь, он сказал: «Никто не знает,
Откуда я, куда иду и кто я,
И смертный избежать меня не может,
Но и купить ничем меня нельзя.
Мне все равны: поэт, герой и нищий,
И, сладость неизбежности неся,
Одним я горе, радость для других.
И юный назовет меня любовью,
Муж — жизнью, старец — смертью. Кто же я?»

1904

2

ЛЮБВИ УТЕХИ

К рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж»

*Plaisir d'amour ne dure qu'un moment,
Chagrin d'amour dure toute la vie.¹*

Любви утехи длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.
Как счастлив был я с милою Надиной,
Как жадно пил я кубок томных нег!

Но ах! недолго той любви нежной
Мы собирали сладкие плоды:
Поток времен, насытый и мятежный,
Смыл на песке любимые следы.

¹ Наслаждение любви длятся лишь миг,
Печаль любви длятся всю жизнь (фр.).— *Reg.*

Венки любви, увы! они развились,
Надины я не вижу наяву.

Но долго после в томном жаре нег
Других красавиц звал в бреду Надиной.
Любви страдания длятся долгий век,
Любви утечи длятся миг единый.

Ноябрь 1906

3

СЕРЕНАДА

К рассказу С. Ауслендера «Корабельщики»

Сердце женщины — как море,
Уж давно сказал поэт.
Море, воле лунной вторя,
То бежит к земле, то нет.

То послушно, то строптиво,
Море — горе, море — рай;
Иль дремлет на нем лениво,
Или снасти подбирай.

Кормщик опытный и смелый
Не боится тех причуд,
Держит руль рукой умелой —
Там сегодня, завтра тут.

Что ему морей капризы —
Ветер, буря, штиль и гладь?
Сердцем Биче, сердцем Лизы
Разве трудно управлять?

Август 1907

4

ФЛЕЙТА ВАФИЛЛА

К рассказу С. Ауслендера «Флейта Вафилла»

Флейта нежного Вафилла
Нас пленила, покорила,
Плен нам сладок, плен нам мил,

Но еще милей и слаще,
Если встречен в темной чаще
Сам пленительный Вафилл.

Кто ловчей в любовном лове:
Алость крови, тонкость брови?
Гроздя ль темные кудрей?
Жены, юноши и девы —
Все текут на те напевы.
Все к любви спешат скорей.

О, Вафилл, желает каждый
Хоть однажды страстной жажды
Сладко ярость утолить,
Хоть однажды, пламенея,
Позабыться, томно млея,—
Рвися после жизни нить!

Но глаза Вафилла строги,
Без тревоги те дороги,
Где идет сама любовь.
Ты не хочешь, ты не знаешь,
Ты один в лесу блуждаешь,
Пусть друтих мятется кровь.

Ты идешь легко, спокоен.
Царь иль воин — кто достоин
Целовать твой алый рот?
Кто соперник, где предтечи,
Кто обнимет эти плечи,
Что лобзал один Эрот?

Сам в себе себя лобзая,
Прелесть мая презирая,
Ты идешь и не глядишь.
Мнится: вот раскроешь крылья
И без страха, без усилья
В небо ясное взлетишь.

Февраль 1907

«Люблю», сказал я, не любя,—
 Вдруг прилетел Амур крылатый
 И, руку взявши, как вожатый,
 Меня повлек вослед тебя.

С прозревших глаз сметая сон
 Любви минувшей и забытой,
 На светлый луг, росой омытый,
 Меня неожиданно вывел он.

Чудесен утренний обман:
 Я вижу странно, прозревая,
 Как алость нежно-заревая
 Румянит смутно зыбкий стан;

Я вижу чуть открытый рот,
 Я вижу краску щек стыдливых,
 И взгляд очей еще сонливых,
 И шеи тонкой поворот.

Ручей журчит мне новый сон,
 Я жадно пью струи живые —
 И снова я люблю впервые,
 Навеки снова я влюблен!

Апрель 1907

О, быть покинутым — какое счастье!
 Какой безмерный в прошлом виден свет —
 Так после лета — зимнее ненастье:
 Всё помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
 Улыбка глаз, счастливых встречи две,—
 Пускай теперь в пути темно и вязко,
 Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
 Иной есть путь — пустынен и широк.

я вспоминаю Ваши щеки,
горящие румянцем зари,
смутной и страстно тревожащей.

Глядя на быстрые речки,
пенящиеся, бурливые,
уносящие бревна и ветки,
дробящие отраженную голубизну небес,
думаю я о карих,
стоячих,
волнующих своею неподвижностью
глазах.

И, следя по вечернему небу
за медленным трепетом
знамен фабричного дыма,
я вижу Ваши волосы,
не развивающиеся,
короткие,
и даже еще более короткие,
когда я видел Вас последний раз.

Целую ночь, целый день
я слышу шум машин,
как биенье неустанного сердца,
и все утра, все вечера
меня мучит мысль о Вашем сердце,
которое — увы! — бьется не для меня,
не для меня!

Май 1907

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

32—40. РАКЕТЫ

В. А. Наумову

Две маленькие звездочки — век суетных
маркиз.

Валерий Брюсов

1

МАСКАРАД

Кем воспета радость лета:
Роща, радуга, ракета,
На лужайке смех и крик?
В пестроте огней и света
Под мотивы менуэта
Стройный фавн главой поник.

Что белеет у фонтана
В серой нежности тумана?
Чей там шепот, чей там вздох?
Сердца раны лишь обманы,
Лишь на вечер те тюрбаны —
И искусствен в гроте мох.

Запах грядок прян и сладок,
Арлекин на ласки падок,
Коломбина не строга.
Пусть минутны краски радуг,
Милый, хрупкий мир загадок,
Мне горит твоя дуга!

ПРОГУЛКА НА ВОДЕ

Сквозь высокую осоку
 Серп серебряный блестит;
 Ветерок, летя с востоку,
 Вашей шалью шелестит.

Мадригалы Вам не лгали,
 Вечность клятвы не суля,
 И блаженно замирали
 На высоком нежном Ia.

Из долины мандолины —
 Чу! — звенящая струна,
 Далеко из-за плотины
 Слышно ржанье табуна.

Вся надежда — край одежды
 Приподнимет ветерок,
 И, склонив лукаво вежды,
 Вы покажете носок.

Где разгадка тайной складки
 На роброне на груди?
 На воде прогулки сладки —
 Что-то ждет нас впереди?

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

Здесь, страстью сладкою волнуясь и горя,
 Меня спросили Вы, люблю ли.
 Здесь пристань, где любовь бросает якоря,
 Здесь счастье знал я в ясном июле.

ВЕЧЕР

Жарко-желтой позолотой заката
 Стекла окон горят у веранды.
 «Как плечо твое нежно покато!» —
 Я вздыхал, ожидая Аманды.

Ах, заря тем алей и победней,
 Чем склоняется ниже светило,—
 И мечты о улыбке последней
 Мне милее всего, что было.

О, прощанье на лестнице темной,
 Поцелуй у вышитых кресел,
 О, Ваш взор, лукавый и томный,
 Одинокие всплески весел!

Пальцы рук моих пахнут духами,
 В сладкий плен заключая мне душу.
 Губы жжет мне признание стихами,
 Но секрета любви не нарушу.

Отплывать одиноко и сладко
 Будет мне от пустынной веранды,
 И в уме всё милая складка
 На роброне милой Аманды.

РАЗГОВОР

Маркиз гуляет с другом в цветнике,
 У каждого левкой в руке,
 А в парнике
 Сквозь стекла видны ананасы.

Ведут они интимный разговор,
 С улыбкой взор встречает взор,
 Цветной узор
 Пестрит жилетов нежные атласы.

«Нам дал приют китайский павильон!»
В воспоминанья погружен,
Умолкнул он,
А тот левкой вдыхал с улыбкой тонкой.

— Любовью Вы, мой друг, ослеплены,
Но хрупки и минутны сны,
Как дни весны,
Как крылья бабочек с нарядной перепонкой.

Вернее дружбы связь, поверьте мне:
Она не держит в сладком сне,
Но на огне
Вас не томит желанием напрасным. —

«Я дружбы не забуду никогда —
Одна нас единит звезда;
Как и всегда,
Я только с Вами вижу мир прекрасным!»

Слова пустые странно говорят,
Проходит тихо окон ряд,
А те горят,
И не видны за ними ананасы.

У каждого в руке левкой цвет,
У каждого в глазах ответ,
Вечерний свет
Ласкает платья нежные атласы.

6

В САДУ

Их руки были приближены,
Деревья были подстрижены,
Бабочки сумеречные летали.

Слова всё менее ясные,
Слова всё более страстные
Губы запекшиеся шептали.

«Хотите знать Вы, люблю ли я,
Люблю ли, бесценная Юлия?
Сердцем давно Вы это узнали».

— Цветок я видела палевый
У той, с кем всё танцевали Вы,
Слепы к другим дамам в той же зале.

«Клянусь семейною древностью,
Что вы обмануты ревностью,—
Вас лишь люблю, забыв об Аманде!»

Легко сердце прелестницы,
Отлоги ступени лестницы —
К той же ведут они их веранде.

Но чьи там вздохи задушены?
Но кем их речи подслушаны?
Кто там выходит из-за боскета?

Муж Юлии то обманутый,
В жилет атласный затянутый,—
Стекла блеснули его лорнета.

7

КАВАЛЕР

Кавалер по кабинету
Быстро ходит, горд и зол,
Не напудрен, без жилету,
И забыт цветной камзол.

«Вряд ли клятвы забывали
Так позорно, так шутя!
Так обмануто едва ли
Было глупое дитя.

Два удара сразу кряду
Дам я, ревностью горя,
Эта шпага лучше яду,
Что дают аптекаря.

Время Вашей страсти ярость
Охладит, мой господин;
Пусть моя презренна старость,
Кавалер не Вы один.

Вызов, вызов, шпагу эту
Обнажаю против зол».
Так ходил по кабинету,
Не напудрен, горд и зол.

8

УТРО

Чуть утро настало, за мостом сошлись,
Чуть утро настало, стада еще не паслись.

Приехало две кареты — привезло четверых,
Уехало две кареты — троих увезло живых.

Лишь трое слыхало, как павший закричал,
Лишь трое видало, как кричавший упал.

А кто-то слышал, что он тихо шептал?
А кто-то видел в перстне опал?

Утром у моста коров пастухи пасли,
Утром у моста лужу крови нашли.

По траве росистой след от двух карет,
По траве росистой — кровавый след.

9

ЭПИТАФИЯ

Двадцатую весну, любя, он встретил,
В двадцатую весну ушел, любя.
Как мне молчать? как мне забыть тебя,
Кем только этот мир и был мне светел?

Какой Аттила, ах, какой Аларих
Тебя пронзил, красою не пронзен?
Скажи, без трепета как вынес он
Затменный взгляд очей прозрачно карих?

Уж не сказать умолкшими устами
Тех нежных слов, к которым я привык.
Исчез любви пленительный язык,
Погиб цветок, пленясь любви цветами.

Кто был стройней в фигурах менуэта?
Кто лучше знал цветных шелков подбор?
Чей был безукоризненной проробор? —
Увы, навеки скрылося всё это.

Что скрипка, где оборвалася квинта?
Что у бессонного больного сон?
Что жизнь тому, кто, новый Аполлон,
Скорбит над гробом свежим Гиацинта?

Июль 1907

II

41—45. ОБМАНЩИК ОБМАНУВШИЙСЯ

1

Туманный день пройдет уныло,
И ясный наступает вслед,
Пусть сердце ночью всё изныло,
Сажуся я за туалет.

Я бледность щек удвою пудрой,
Я тень под глазом наведу,
Но выраженья воли мудрой
Для жалких писем я найду.

Не будет вздохов, восклицаний,
Не будет там «увы» и «ах» —

И мука долгих ожиданий
Не засквозит в сухих строках.

Но на прогулку не оденусь,
Нарочно сделав томный вид
И говоря: «Куда я денусь,
Когда любовь меня томит?»

И скажут все: «Он лицемерит,
То жесты позы, не любви»;
Лишь кто сумеет, тот измерит,
Как силен яд в моей крови.

2

Вновь я бессонные ночи узнал
Без сна до зари,
Опять шептал
Ласковый голос: «Умри, умри».

Кончивши книгу, берусь за другую,
Нагнать ли сон?
Томясь, тоскую,
Чем-то в несносный плен заключен.

Сто раз известную «Мапон» кончаю,
Но что со мной?
Конечно, от чаю
Это бессонница ночью злой...

Я не влюблен ведь, это верно,
Я — нездоров.
Вот тихо, мерно
К ранней обедне дальний зов.

Вас я вижу, закрыв страницы,
Закрыв глаза;
Мои ресницы
Странная вдруг смочила слеза.

Я не люблю, я просто болен,
До самой зари
Лежу, безволен,
И шепчет голос: «Умри, умри!»

3

Строят дом перед окошком.
Я прислушиваюсь к кошкам,
Хоть не март.
Я слежу прилежным взором
За изменчивым узором
Вещих карт.

«Смерть, любовь, болезнь, дорога» —
Предсказаний слишком много:
Где-то ложь.
Кончат дом, стасую карты,
Вновь придут апрели, марты —
Ну и что ж?

У печали на причале
Сердце скорби укачали
Не на век.
Будет дом весной готовым,
Новый взор найду под кровом
Тех же век.

4

Отрадно улетать в стремительном вагоне
От северных безумств на родину Гольдони,
И там на вольном лоне, в испытанном затоне,
Вдыхая, отдыхать;

Отрадно провести весь день в прогулках пестрых,
Отдаться в сети черт пленительных и острых,
В плену часов живых о темных, тайных сестрах,
Зевая, забывать;

В кругу друзей читать излюбленные книги,
Выслушивать отчет запутанной интриги,
Возможность, отложив условностей вериги,
Прямой задать вопрос;

Отрадно, овладев влюбленности волнением,
Спокойно с виду чай с инбирным пить вареньем
И слезы сочетать с последним примиреньем
В дыму от папирос;

Но мне милей всего ночь долгую томиться,
Когда известная известную страницу
Покроет, сон нейдет смежить мои ресницы,
И глаз всё видит Вас;

И память — верная служанка — шепчет внятно
Слова признания, где всё теперь понятно,
И утром брошены сереющие пятна,
И дня уж близок час.

5

Где сомненья? где томленья?
День рожденья, обрученья
Час святой!
С новой силой жизни милой
Отдаюсь, неутолимый,
Всей душой.
Вот пороги той дороги,
Где не шли порока ноги,
Где — покой.

Обручались, причащались,
Поцелуем обменялись
У окна.
Нежно строги взоры Ваши,
Полны, полны наши чаши —
Пить до дна,
А в окошко не случайный

Тайны друг необычайной —
Ночь видна.

Чистотою страсть покрою,
Я готов теперь для боя —
Щит со мной.
О, далече — легкость встречи!
Я беру ярмо на плечи —
Груз двойной.
Тот же я, но нежным взором
Преграждает путь к позорам
Ангел мой.

Октябрь 1907

III

46—51. РАДОСТНЫЙ ПУТНИК

1

Светлая горница — моя пещера,
Мысли — птицы ручные: журавли да аисты;
Песни мои — веселые акафисты;
Любовь — всегдашняя моя вера.

Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, светлое и печальное,
Я как одёжу на гвоздик повесил.

Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
Не трудно акафистов легких чтение.
Само приходит отрадное излечение
В комнате, озаренной солнцем не горячим.

Высоко окошко над любовью и тлением,
Страсть и печаль, как воск от огня, смягчаются.
Новые дороги, всегда весенние, чаются,
Простясь с тяжелым, темным томлением.

Снова чист передо мною первый лист,
Снова солнца свет лучист и золотист;

Позабыта мной прочтенная глава,
Неизвестная заманчиво-нова.

Кто собрался в путь, в гостинице не будь!
Кто проснулся, тот забудь видений муть!

Высоко горит рассветная звезда,
Что прошло, то не вернется никогда.

Веселей гляди, напрасных слез не лей,
Средь полей, между высоких тополей

Нам дорога наша видится ясна:
После ночи — утро, после зим — весна.

А устав, среди зеленых сядем трав,
В книге старой прочитав остаток глав:

Ты — читатель своей жизни, не писец,
Неизвестен тебе повести конец.

Горит высоко звезда рассветная,
Как око ясного востока,
И, одинокая, поет далеко
Свирель приветная.

Заря алеет в прохладной ясности,
Нежнее вдоха воздух веет,
Не млеет роща, даль светлеет
В святой прозрачности.

В груди нет жала и нету жалобы,
Уж спало скорби покрывало.

И где причало, от начала
Что удержало бы?

Вновь вереница взоров радостных
И птица райская мне снится.
Открыться пробил час странице
Лобзаний сладостных!

4

В проходной сидеть на диване,
Близко, рядом, плечо с плечом,
Не думая об обмане,
Не жалея ни о чем.

Говорить Вам пустые речи,
Слушать веселые слова,
Условиться о новой встрече
(Каждая встреча всегда нова!).

О чем-то молчим мы, и что-то знаем,
Мы собираемся в странный путь.
Не печально, не весело, не гадаем,—
Покуда здесь ты, со мной побудь.

5

Что приходит, то проходит,
Что проходит, не придет.
Чья рука нас верно водит,
Заплетая в хоровод?

Мы в плену ли потонули?
Жду ли, плачу ли, пою ли —
Счастлив я своей тюрьмой.
Милый пленный, страж смиренный,
Неизменный иль изменный,
Я сегодня — твой, ты — мой.

Мы идем одной дорогой,
Мы полны одной тревогой.

Кто преступник? кто конвой?
А любовь, смеясь над нами,
Шьет нам пестрыми шелками,
Наклоняясь над канвой.

Вышивает и не знает,
Что-то выйдет из шитья.
«Как смешон, кто не гадает,
Что могу утешить я!»

6

Уж не слышен конский топот,
Мы одни идем в пути.
Что нам значит скучный опыт?
Всё вперед, вперед идти.

Неизвестен путь далекий:
Приведет иль заведет,
Но со мной не одинокий
Милый спутник путь пройдет.

Утро ясно и прохладно,
Путь — открыт, звезда горит,
Так любовно, так отрадно
Спутник милый говорит:

«Друг, ты знаешь ли дорогу?
Не боишься ль гор и вод?»
— Успокой, мой друг, тревогу:
Прямо нас звезда ведет.

Наши песни — не унылы:
Что нам знать? чего нам ждать?
Пусть могилы нам и милы,
Путь должны мы продолжать.

Мудро нас ведет рукою,
Кто послал на этот путь.
Что я скрою? что открою?
О вчерашнем дне забудь.

Будет завтра, есть сегодня,
Будет лето, есть весна.
С корабля опустят сходни,
И сойдет Любовь ясна.

Ноябрь 1907

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

52—60. МУДРАЯ ВСТРЕЧА

Вяч. И. Иванову

1

Стекла стынут от холода,
Но сердце знает,
Что лед растает,—
Весенне будет и молодо.

В комнатах пахнет ладаном,
Тоска истает,
Когда узнает,
Как скоро дастся отрада нам.

Вспыхнет на ризах золото,
Зажгутся свечи
Желанной встречи —
Вновь цело то, что расколото.

Снегом блистают здания.
Провидя встречи,
Я теплою свечи —
Мудрого жду свидания.

2

О, плакальщики дней минувших,
Пытатели немой судьбы,
Искатели сокровищ потонувших,—
Вы ждете трепетно трубы?

В свой срок, бесстрастно неизменный,
Пробудит дали тот сигнал.
Никто бунтующий и мирный пленный
Своей судьбы не отогнал.

Река всё та ж, но капли разны,
Безмолвны дали, ясен день,
Цвета цветов всегда разнообразны,
И солнца свет сменяет тень.

Наш взор не слеп, не глухо ухо,
Мы внемлем пенью вешних птиц.
В лугах — тепло, предпразднично и сухо —
Не торопи своих страниц.

Готовься быть к трубе готовым,
Не сожалея и не гадай,
Будь мудро прост к теперешним оковам,
Не закрывая глаз на май.

3

Окна плотно занавешены,
Келья тесная мила,
На весах высоких взвешены
Наши мысли и дела.

Дверь закрыта, печи топятся,
И горит, горит свеча.
Тайный друг ко мне торопится,
Не свища и не крича.

Стукнул в дверь, отверз объятия;
Поцелуй, и вновь, и вновь, —
Посмотрите, сестры, братья,
Как светла наша любовь!

4

Моя душа в любви не кается —
Она светла и весела.

Какой покой ко мне спускается!
Зажглися звезды без числа.

И я стою перед лампадами,
Смотря на близкий милый лик.
Не властен лед над водопадами,
Любовных вод родник велик.

Ах, нужен лик молебный грешнику,
Как посох странничий в пути.
К кому, как не к тебе, поспешнику,
Любовь и скорбь свою нести?

Но знаю вес и знаю меру я,
Я вижу близкие глаза
И ясно знаю, сладко верую:
«Тебе нужна моя слеза».

5

Я вспоминаю нежные песни
И запою,
Когда ты скажешь: «Воскресни».

Я сброшу грешное бремя
И скорбь свою,
Когда ты скажешь: «Вот время».

Я подвиг великой веры
Свершить готов,
Когда позовешь в пещеры;

Но рад я остаться в мире
Среди оков,
Чтоб крылья раскрылись шире.

Незримое видит око
Мою любовь —
И страх от меня далёко.

Я верно хожу к вечерне
Опять и вновь,
Чтоб быть недоступней скверне.

6

О милые други, дорогие костыли,
К какому раю хромца вы привели!

Стою, не смею ступить через порог —
Так сладкий облак глаза мне заволок.

Ах, я ли, темный, войду в тот светлый сад?
Ах, я ли, слабый, избегнул всех засад?

Один не в силах пройти свой узкий путь,
К кому в томленьи мне руки протянуть?

Рукою крепкой любовь меня взяла
И в сад пресветлый без страха повела.

7

Как отрадно, сбросив трепет,
Чуя встречи, свечи жечь,
Сквозь невнятный нежный лепет
Слышать ангельскую речь.

Без загадок разгадали,
Без возврата встречен брат;
Засияли нежно дали
Чрез порог небесных врат.

Темным я смущен нарядом,
Сердце билось, вился путь,
Но теперь стоим мы рядом,
Чтобы в свете потонуть.

Легче весеннего дуновения
 Прикосновение
 Пальцев тонких.
 Громче и слаще мне уст молчание,
 Чем величание
 Хоров звонких.

Падаю, падаю, весь в горении,
 Люто борение,
 Крылья низки.
 Пусть разделенные — вместе связаны,
 Клятвы уж сказаны —
 Вечно близки.

Где разделение? время? тление?
 Наше хотение
 Выше праха.
 Встретим бестрепетно свет грядущего,
 Мимоидущего
 Чужды страха.

Двойная тень дней прошлых и грядущих
 Легла на беглый и не ждущий день —
 Такой узор бросает полднем сень
 Двух сосен, на верху холма растущих.

Одна и та она всегда не будет:
 Убудет день и двинется черта,
 И утро уж другой ее пробудит,
 И к вечеру она уже не та.

Но будет час, который непреложен,
 Положен в мой венец он, как алмаз,
 И блеск его не призрачен, не ложен —
 Я правлю на него свой зоркий глаз.

То не обман, я верно, твердо знаю:
Он к раю приведет из темных стран.
Я видел свет, его я вспоминаю —
И всё редеет утренний туман.

Декабрь 1907

II

61—67. ВОЖАТЫЙ

*Victori Duci*¹

1

Я цветы собираю пестрые
И плету, плету венок,
Опустились копыя острые
У твоих победных ног.

Сестры вертят веретенами
И прядут, прядут кудель.
Над упавшими знаменами
Разостлался дикий хмель.

Пронеслась, исчезла конница,
Прогремел, умолкнул гром.
Пала, пала беззаконница —
Тишина и свет кругом.

Я стою средь поля сжатого.
Рядом ты в блистаньи лат.
Я обрел себе Вожатого —
Он прекрасен и крылат.

Ты пойдешь стопою смелою,
Поведешь на новый бой.

¹ Виктору Вожатому (лат.). — *Рег.*

Что захочешь — то и сделаю:
Неразлучен я с тобой.

2

«Лето Господнее — благоприятно».
Всходит гость на высокое крыльцо.
Всё откроется, что было непонятно.
Видишь в чертах его знакомое лицо?

Нам этот год пусть будет високосным,
Белым камнем отмечен этот день.
Всё пройдет, что окажется наносным.
Сядет путник под сладостную сень.

Сердце вешнее мудро веселится:
Знает, о знает, что близится пора.
Гость надолго в доме поселится,
Свет горит до позднего утра.

Сладко вести полночные беседы.
Слышит любовь небесные слова.
Утром вместе пойдем мы на победы —
Меч будет остр, надежна тетива.

3

Пришел издалека жених и друг.
Целую ноги твои!
Он очертил вокруг меня свой круг.
Целую руки твои!

Как светом отделен весь внешний мир.
Целую латы твои!
И не влечет меня земной кумир.
Целую крылья твои!

Легко и сладостно любви ярмо.
Целую плечи твои!
На сердце выжжено твое клеймо.
Целую губы твои!

Взойдя на ближнюю ступень,
 Мне зеркало вручил Вожатый;
 Там отражался он как тень,
 И ясно золотели латы;
 А из стекла того струился день.

Я дар его держал в руке,
 Идя по темным коридорам.
 К широкой выведен реке,
 Пытливым вопрошал я взором,
 В каком нам переехать челноке.

Сжав крепко руку мне, повел
 Потокот быстрым и бурливым
 Далёко от шумящих сел
 К холмам спокойным и счастливым,
 Где куст блаженных роз, алея, цвел.

Но ярости пугаясь вод,
 Я не дерзал смотреть обратно;
 Казалось, смерть в пучине ждёт,
 Казалось, гибель — неотвратна.
 А всё темнел вечерний небосвод.

Вожатый мне: «О друг, смотри —
 Мы обрели страну другую.
 Возврата нет. Я до зари
 С тобою здесь переночую».
 (О сердце мудрое, гори, гори!)

«Стекло хранит мои черты;
 Оно не бьется, не тускнеет.
 В него смотря, обрящешь ты
 То, что спасти тебя сумеет
 От диких волн и мертвой темноты».

И пред сиянием лица
 Я пал, как набожный скиталец.
 Минуты длились без конца.

С тех пор я перстень взял на палец,
А у него не видел я кольца.

5

Пусть сотней грех вонзался жал,
Пусть — недостоин,
Но светлый воин меня лобзал —
И я спокоен.

Напрасно бес твердит: «Приди:
Ведь риза — драна!»
Но как охрана горит в груди
Блаженства рана.

Лобзаний тех ничем не смыть,
Навеки в жилах;
Уж я не в силах как мертвый быть
В пустых могилах.

Воскресший дух неумертвим,
Соблазн напрасен.
Мой вождь прекрасен, как серафим,
И путь мой — ясен.

6

Одна нога — на облаке, другая на другом,
И радуга очерчена пылающим мечом.

Лицо его как молния, из уст его — огонь.
Внизу, к копыто привязанный, храпит и бьется конь.

Одной волной взметнулася морская глубина,
Всё небо загорелось, как Божья купина.

«Но кто ты, воин яростный? тебя ли вижу я?
Где взор твой, краткий, сладостный, как тихая струя?»

Смотри, ты дал мне зеркало, тебе я обручен,
Теперь же морем огненным с тобою разлучен».

Так я к нему, а он ко мне: «Смотри, смотри в стекло,
В один сосуд грядущее и прошлое стекло».

А в зеркале по-прежнему знакомое лицо.
И с пальца не скатилось обетное кольцо.

И поднял я бестрепетно на небо ясный взор —
Не страшен, не слепителен был пламенный простор.

И лик уж не путающий мне виделся в огне,
И клятвам верность прежняя вернулась ко мне.

7

С тех пор всегда я не один,
Мои шаги всегда двойные,
И знаки милости простые
Дает мне Вождь и Господин.
С тех пор всегда я не один.

Пускай не вижу блеска лат,
Всегда твой образ зреть не смею —
Я в зеркале его имею,
Он так же светел и крылат.
Пускай не вижу блеска лат.

Ты сам вручил мне этот дар,
И твой двойник не самозванен,
И жребий наш для нас не странен —
О ту броню скользнет удар.
Ты сам вручил мне этот дар.

Когда иду по строкам книг,
Когда тебе слагаю пенье,
Я знаю ясно, вне сомненья,
Что за спиною ты приник,
Когда иду по строкам книг.

На всякий день, на всякий час —
Тебя и дар твой сохраняю,
Двойной любовью я сгораю,

Но свет один из ваших глаз
На всякий день, на всякий час.

Январь 1908

III

68—76. СТРУИ

1

Сердце, как чаша наполненная, точит кровь;
Алой струею неиссякающая течет любовь;
Прежде исполненное приходит вновь.

Розы любви расцветающие видит глаз.
Пламень сомненья губительного исчез, погас,
Сердца взывающего горит алмаз.

Звуки призыва томительного ловит слух.
Время свиданья назначенного пропел петух.
Лёта стремительного исполнен дух.

Слабостью бледной охваченного подниму.
Светом любви враждующую развею тьму.
Силы утраченные верну ему.

2

Истекай, о сердце, истекай!
Расцветай, о роза, расцветай!
Сердце, розой пьяное, трепещет.

От любви сгораю, от любви;
Не зови, о милый, не зови:
Из-за розы меч грозящий блещет.

Огради, о сердце, огради.
Не вреди, меч острый, не вреди:
Опустись на голубую влагу.

Я беду любовью отведу,
Я приду, о милый, я приду
И под меч с тобою вместе лягу.

3

На твоей планете всходит солнце,
И с моей земли уходит ночь.
Между нами узкое оконце,
Но мы время можем превозмочь.

Нас связали крепкими цепями,
Через реку переброшен мост.
Пусть идем мы разными путями —
Непреложен наш конец и прост.

Но смотри, я — цел и не расколот,
И бесслезен стал мой зрящий глаз.
И тебя пусть не коснется молот,
И в тебе пусть вырастет алмаз.

Мы пройдем чрез мир, как Александры,
То, что было, повторится вновь,
Лишь в огне летают саламандры,
Не сгорает в пламени любовь.

4

Я вижу — ты лежишь под лампадой;
Ты видишь — я стою и молюсь.
Окружил я тебя оградой
И теперь не боюсь.

Я слышу — ты зовешь и вздыхаешь,
Ты слышишь мой голос: «Иду».
Ограды моей ты не знаешь
И думаешь, вот приду.

Ты слышишь звуки сонаты
И видишь свет свечей,
А мне мерещатся латы
И блеск похожих очей.

5

Ты знал, зачем протрубили трубы,
Ты знал, о чем гудят колокола,—
Зачем же сомкнулись вещие губы
И тень на чело легла?

Ты помнишь, как солнце было красно
И грудь вздымал небывалый восторг,—
Откуда ж спустившись, сумрак неясный
Из сердца радость исторг?

Зачем всё реже и осторожней
Глядишь, опустивши очи вниз?
Зачем всё чаще плащ дорожный
Кроет сиянье риз?

Ты хочешь сказать, что я покинут?
Что все собралися в чуждый путь?
Но сердце шепчет: «Разлуки минут:
Светел и верен будь».

6

Как меч мне сердце прободал,
Не плакал, умирая.
С весельем нежным сладко ждал
Обещанного рая.

Палящий пламень грудь мне жег,
И кровь, вся голубая.
Вблизи дорожный пел рожок,
«Вперед, вперед» взывая.

Я говорил: «Бери, бери!
Иду! Лечу! с тобою!»

И от зари и до зари
Стекала кровь струею.

Но к алой ране я привык.
Как прежде, истекаю,
Но нем влюбленный мой язык.
Горю, но не сгораю.

7

Ладана тебе не надо:
Дым и так идет из кадила.
Недаром к тебе приходила
Долгих молитв отрада.

Якоря тебе не надо:
Ты и так спокоен и верен.
Не нами наш путь измерен
До небесного града.

Слов моих тебе не надо:
Ты и так всё видишь и знаешь,
А меч мой в пути испытаеть,
Лишь встанет преграда.

8

Ты, как воск, окрашенный пурпуром, таешь,
Изранено стрелами нежное тело.
Как роза, сгораешь, сгорая, не знаешь,
Какое сиянье тебя одело.

Моя кровь пусть станет прохладной водою,
Дыханье пусть станет воздухом свежим!
Дорогой одною идем с тобою,
Никак мы цепи своей не разрежем.

Вырываю сердце, паду бездушен! —
Угасни, утихни, пожар напрасный!
Пусть воздух душен, запрет нарушен:
Мы выйдем целы на берег ясный.

Если мне скажут: «Ты должен идти на мученье» —
С радостным пеньем взойду на последний костер —
Послушный.

Если б пришлось навсегда отказаться от пенья,
Молча под нож свой язык я и руки б простер —
Послушный.

Если б сказали: «Лишен ты навеки свиданья» —
Вынес бы эту разлуку, любовь укрепив, —
Послушный.

Если б мне дали последней измены страданья,
Принял бы в плаваньи долгом и этот пролив —
Послушный.

Если ж любви между нами поставят запрет,
Я не поверю запрету и вымолвлю: «Нет».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ

Н. П. Феофилактову

I

77—79. ВСТУПЛЕНИЕ

1

Как песня матери
над колыбелью ребенка,
как горное эхо,
утром на пастуший рожок отозвавшееся,
как далекий прибой
родного, давно не виденного моря,
звучит мне имя твое
трижды блаженное:
 Александрия!

Как прерывистый шепот
любовных под дубами признаний,
как таинственный шум
тенистых роц священных,
как тамбурин Кибелы великой,
подобный дальнему грому и голубей воркованью,
звучит мне имя твое
трижды мудрое:
 Александрия!

Как звук трубы перед боем,
клекот орлов над бездной,
шум крыльев летящей Ники,
звучит мне имя твое
трижды великое:
 Александрия!

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую «осу»,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: «Александрия!»

Вечерний сумрак над теплым морем,
огни маяков на потемневшем небе,
запах вербены при конце пира,
свежее утро после долгих бдений,
прогулка в аллеях весеннего сада,
крики и смех купающихся женщин,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фиалок, гранат и лимонов,
воркуют голуби, светит солнце,
когда увижу тебя, родимый город!

II

80—86. ЛЮБОВЬ

1

Когда я тебя в первый раз встретил,
не помнит бедная память:
утром ли то было, днем ли,
вечером или позднею ночью.
Только помню бледноватые щеки,
серые глаза под темными бровями
и синий ворот у смуглой шеи,
и кажется мне, что я видел это в раннем детстве,
хотя и старше тебя я многим.

2

Ты — как у гадателя отрок:
всё в моем сердце читаешь,
все мои отгадываешь мысли,
все мои думы знаешь,
но знанье твое тут не велико
и не много слов тут и нужно,
тут не надо ни зеркала, ни жаровни:
в моем сердце, мыслях и думах
всё одно звучит разными голосами:
«Люблю тебя, люблю тебя навеки!»

3

Наверно, в полдень я был зачат,
наверно, родился в полдень,
и солнца люблю я с ранних лет
лучистое сиянье.
С тех пор, как увидел я глаза твои,
я стал равнодушен к солнцу:
зачем любить мне его одного,
когда в твоих глазах их двое?

4

Люди видят сады с домами
и море, багровое от заката,

люди видят чаек над морем
и женщин на плоских крышах,
люди видят воинов в латах
и на площади продавцов с пирожками,
люди видят солнце и звезды,
ручьи и светлые речки,
а я везде только и вижу
бледноватые смуглые щеки,
серые глаза под темными бровями
и несравнимую стройность стана,—
так глаза любящих видят
то, что видеть велит им мудрое сердце.

5

Когда утром выхожу из дома,
я думаю, глядя на солнце:
«Как оно на тебя похоже,
когда ты купаешься в речке
или смотришь на дальние огороды!»
И когда смотрю я в полдень жаркий
на то же жгучее солнце,
я думаю про тебя, моя радость:
«Как оно на тебя похоже,
когда ты едешь по улице людной!»
И при взгляде на нежные закаты
ты же мне на память приходишь,
когда, побледнев от ласк, ты засыпаешь
и закрываешь потемневшие веки.

6

Не напрасно мы читали богословов
и у риторов учились недаром,
мы знаем значенье каждого слова
и всё можем толковать седмиобразно.
Могу найти четыре добродетели в твоём теле
и семь грехов, конечно;
и охотно возьму себе блаженства;
но из всех слов одно неизменно:
когда смотрю в твои серые очи

и говорю: «Люблю» — всякий ритор
поймет только «люблю» — и ничего больше.

7

Если б я был древним полководцем,
покорил бы я Ефиопию и персов,
свергнул бы я фараона,
построил бы себе пирамиду
выше Хеопса,
и стал бы
славнее всех живущих в Египте!

Если б я был ловким вором,
обокрал бы я гробницу Менкаура,
продал бы камни александрийским евреям,
накупил бы земель и мельниц,
и стал бы
богаче всех живущих в Египте.

Если б я был вторым Антиноем,
утопившимся в священном Ниле,—
я бы всех сводил с ума красотой,
при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,
отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —
и стал бы
свободней всех живущих в Египте.

Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземельи
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.

III

87—92. ОНА

1

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре любили, но все имели разные
«потому что»:
одна любила, потому что так отец с матерью
ей велели,
другая любила, потому что богат был ее любовник,
третья любила, потому что он был знаменитый
художник,
а я любила, потому что полюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре желали, но у всех были разные
желанья:
одна желала воспитывать детей и варить кашу,
другая желала надевать каждый день новые платья,
третья желала, чтоб все о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре разлюбили, но все имели разные
причины:
одна разлюбила, потому что муж ее умер,
другая разлюбила, потому что друг ее разорился,
третья разлюбила, потому что художник ее бросил,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
а может быть, нас было не четыре, а пять?

2

Весною листья меняет тополь,
весной возвращается Адонис
из царства мертвых...
ты же весной куда уезжаешь, моя радость?

Весною все поедут кататься
по морю иль по садам в предместьях
на быстрых конях...
а мне с кем кататься в легкой лодке?

Весной все наденут нарядные платья,
пойдут попарно в луга с цветами
сбирать фиалки...
а мне что ж, дома сидеть прикажешь?

3

Сегодня праздник:
все кусты в цвету,
поспела смородина,
и лотос плавает в пруду как улей!
Хочешь,
побежим вперегонку
по дорожке, обсаженной желтыми розами,
к озеру, где плавают золотые рыбки?
Хочешь,
пойдем в беседку,
нам дадут сладких напитков,
пирожков и орехов,
мальчик будет махать опахалом,
а мы будем смотреть
на далекие огороды с кукурузой?
Хочешь,
я спою греческую песню под арфу,
только уговор:
«Не засыпать
и по окончании похвалить певца и музыканта»?
Хочешь,
я станцую «осу»
одна на зеленой лужайке
для тебя одного?
Хочешь,
я угощу тебя смородиной, не беря руками,
а ты возьмешь губами из губ
красные ягоды
и вместе
поцелуи?

Хочешь, хочешь,
будем считать звезды
и кто спутается — будет наказан?
Сегодня праздник,
весь сад в цвету,
приди, мой ненаглядный,
и праздник сделай праздником и для меня!

4

Разве неправда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье?

Разве неправда,
что я — первая в Александрии
по роскоши дорогих уборов,
по ценности белых коней и серебряной сбруи,
по длине черных кос хитросплетенных?
что никто не умеет
подвести глаза меня искусней
и каждый палец напитать
отдельным ароматом?

Разве неправда,
что с тех пор, как я тебя увидала,
ничего я больше не вижу,
ничего я больше не слышу,
ничего я больше не желаю,
как видеть твои глаза,
серые под густыми бровями,
и слышать твой голос?

Разве неправда,
что я сама дала тебе айву, откусивши,
посылала опытных наперсниц,
платила твои долги до того,
что продала именье,
и все уборы
отдала за любовные напитки?

и разве неправда,
что всё это было напрасно?

Но пусть правда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье,—
будет правдой,
будет правдой
и то,
что ты меня полюбишь!

5

Подражание П. Луису

Их было четверо в этот месяц,
но лишь один был тот, кого я любила.

Первый совсем для меня разорился,
посылал каждый час новые подарки
и продал последнюю мельницу, чтоб купить
мне запрястья,
которые звякали, когда я плясала, — закололся,
но он не был тот, кого я любила.

Второй написал в мою честь тридцать элегий,
известных даже до Рима, где говорилось,
что мои щеки — как утренние зори,
а косы — как полог ночи,
но он не был тот, кого я любила.

Третий, ах, третий был так прекрасен,
что родная сестра его удушилась косою
из страха в него влюбиться;
он стоял день и ночь у моего порога,
умоляя, чтоб я сказала: «Приди», — но я молчала,
потому что он не был тот, кого я любила.

Ты же не был богат, не говорил про зори и ночи,
не был красив,
и когда на празднике Адониса я бросила тебе
гвоздику,

посмотрел равнодушно своими светлыми глазами,
но ты был тот, кого я любила.

6

Не знаю, как это случилось:
моя мать ушла на базар;
я вымела дом
и села за ткацкий станок.
Не у порога (клянусь!), не у порога я села,
а под высоким окном.
Я ткала и пела;
что еще? ничего.
Не знаю, как это случилось:
моя мать ушла на базар.

Не знаю, как это случилось:
окно было высоко.
Наверно, подкатил он камень,
или влез на дерево,
или встал на скамью.
Он сказал:
«Я думал, это малиновка,
а это — Пенелопа.
Отчего ты дома? здравствуй!»
— Это ты как птица лазаешь по застрехам,
а не пишешь своих любезных свитков
в суде. —
«Мы вчера катались по Нилу —
у меня болит голова».
— Мало она болит,
что не отучила тебя от ночных гулянок. —
Не знаю, как это случилось:
окно было высоко.

Не знаю, как это случилось:
я думала, ему не достать.
«А что у меня во рту, видишь?»
— Чему быть у тебя во рту?
крепкие зубы да болтливый язык,
глупости в голове. —

«Роза у меня во рту — посмотри». —
— Какая там роза! —
«Хочешь, я тебе ее дам,
только достань сама».
Я поднялась на цыпочки,
я поднялась на скамейку,
я поднялась на крепкий станок,
я достала алую розу,
а он, негодный, сказал:
«Ртом, ртом,
изо рта только ртом,
не руками, чур, не руками!»
Может быть, губы мои
и коснулись его, я не знаю.
Не знаю, как это случилось:
я думала, ему не достать.

Не знаю, как это случилось:
я ткала и пела;
не у порога (клянусь), не у порога сидела,
окно было высоко:
кому достать?
мать, вернувшись, сказала:
«Что это, Зоя,
вместо нарцисса ты выткала розу?
что у тебя в голове?»
Не знаю, как это случилось.

IV

93—97. МУДРОСТЬ

1

Я спрашивал мудрецов вселенной:
«Зачем солнце греет?
зачем ветер дует?
зачем люди рождаются?»

Отвечали мудрецы вселенной:
— Солнце греет затем,

чтоб созрел хлеб для пищи
и чтобы люди от заразы мёрли.
Ветер дует затем,
чтоб приводить корабли к пристани дальней
и чтоб песком засыпать караваны.
Люди родятся затем,
чтоб расстаться с милою жизнью
и чтоб от них родились другие для смерти.

«Почему ж боги так всё создали?»
— Потому же,
почему в тебя вложили желанье
задавать праздные вопросы.

2

Что ж делать,
что багрянец вечерних облаков
на зеленоватом небе,
когда слева уж виден месяц
и космато-огромная звезда,
предвестница ночи, —
быстро бледнеет,
тает
совсем на глазах?
Что путь по широкой дороге
между деревьев мимо мельниц,
бывших когда-то моими,
но променянных на запястья тебе,
где мы едем с тобой,
кончается там за поворотом
хотя б и приветливым
домом
совсем сейчас?
Что мои стихи,
дорогие мне,
так же, как Каллимаху
и всякому другому великому,
куда я влагаю любовь и всю нежность,
и легкие от богов мысли,
отрада утр моих,

когда небо ясно
и в окна пахнет жасмином,
завтра
забудутся, как и всё?
Что перестану я видеть
твое лицо,
слышать твой голос?
что выпьется вино,
улетучатся ароматы
и сами дорогие ткани
истлеют
через столетья?
Разве меньше я стану любить
эти милые хрупкие вещи
за их тленность?

3

Как люблю я, вечные боги,
прекрасный мир!
Как люблю я солнце, тростники
и блеск зеленоватого моря
сквозь тонкие ветви акаций!
Как люблю я книги (моих друзей),
тишину одинокого жилища
и вид из окна
на дальние дынные огороды!
Как люблю пестроту толпы на площади,
крики, пенье и солнце,
веселый смех мальчиков, играющих в мяч!
Возвращенье домой
после веселых прогулок,
поздно вечером,
при первых звездах,
мимо уже освещенных гостиниц
с уже далеким другом!
Как люблю я, вечные боги,
светлую печаль,
любовь до завтра,

смерть без сожаленья о жизни,
где всё мило,
которую люблю я, клянусь Дионисом,
всею силою сердца
и милой плоти!

4

Сладко умереть
на поле битвы
при свисте стрел и копий,
когда звучит труба
и солнце светит,
в полдень,
умирая для славы отчины
и слыша вокруг:
«Прощай, герой!»
Сладко умереть
маститым старцем
в том же доме,
на той же кровати,
где родились и умерли деды,
окруженным детьми,
ставшими уже мужами,
и слыша вокруг:
«Прощай, отец!»
Но еще слаще,
еще мудрее,
истративши всё именье,
продавши последнюю мельницу
для той,
которую завтра забыл бы,
вернувшись
после веселой прогулки
в уже проданный дом,
поужинать
и, прочитав рассказ Апулея
в сто первый раз,
в теплой душистой ванне,

не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря
и вдалеке были слышны флейты.

5

Солнце, солнце,
божественный Ра-Гелиос,
тобою веселятся
сердца царей и героев,
тебе ржут священные кони,
тебе поют гимны в Гелиополе;
когда ты светишь,
ящерицы выползают на камни
и мальчики идут со смехом
купаться к Нилу.
Солнце, солнце,
я — бледный писец,
библиотечный затворник,
но я люблю тебя, солнце, не меньше,
чем загорелый моряк,
пахнувший рыбой и соленой водою,
и не меньше,
чем его привычное сердце
ликует
при царственном твоём восходе
из океана,
мое трепещет,
когда твой пыльный, но пламенный луч
скользнет
сквозь узкое окно у потолка
на исписанный лист
и мою тонкую желтоватую руку,
выводящую киноварью
первую букву гимна тебе,
о Ра-Гелиос, солнце!

98—102. ОТРЫВКИ

1

Сын мой,
настало время расстаться.
Долго не будешь ты меня видеть,
долго не будешь ты меня слышать,
а давно ли
тебя привел твой дед из пустыни
и ты сказал, смотря на меня:
«Это бог Фта, дедушка?»
Теперь ты сам как бог Фта,
и ты идешь в широкий мир,
и ты идешь без меня,
но Изида везде с тобою.
Помнишь прогулки
по аллеям акаций
во дворе храма,
когда ты говорил мне о своей любви
и плакал, бледнея смутным лицом?
Помнишь, как со стен храма
мы смотрели на звезды
и город стихал,
вблизи, но далекий?
Я не говорю о божественных тайнах.
Завтра другие ученики придут ко мне,
которые не скажут: «Это бог Фта?» —
потому что я стал старше,
тогда как ты стал походить на бога Фта,
но я не забуду тебя,
и мои думы,
мои молитвы
будут сопровождать тебя в широкий мир,
о сын мой.

2

Когда меня провели сквозь сад
через ряд комнат — направо, налево —

в квадратный покой,
где под лиловатым светом сквозь занавески
лежала
в драгоценных одеждах,
с браслетами и кольцами,
женщина, прекрасная, как Гатор,
с подведенными глазами и черными косами, —
я остановился.
И она сказала мне:
«Ну?» —
а я молчал,
и она смотрела на меня, улыбаясь,
и бросила мне цветок из волос,
желтый.
Я поднял его и поднес к губам,
а она, косясь, сказала:
«Ты пришел затем,
мальчик,
чтоб поцеловать цветок, брошенный на пол?»
— Да, царица, — промолвил я,
и весь покой огласился
звонким смехом женщины
и ее служанок;
они разом всплескивали руками,
разом смеялись,
будто сестры на празднике Изиды,
враз ударяемые жрецами.

3

Что за дождь!
Наш парус совсем смок,
и не видно уж, что он — полосатый.
Румяна потекли по твоим щекам,
и ты — как тирский красильщик.
Со страхом переступили мы
порог низкой землянки угольщика;
хозяин со шрамом на лбу
растолкал грязных в коросте ребят
с большими глазами,
и, поставив обрубок перед тобою,

смахнул передником пыль,
и, хлопнув рукою, сказал:
«Не съест ли лепешек господин?»
А старая черная женщина
качала ребенка и пела:
«Если б я был фараоном,
купил бы я себе две груши:
одну бы я дал своему другу,
другую бы я сам скушал».

4

Снова увидел я город, где я родился
и провел далекую юность;
я знал,
что там уже нет родных и знакомых,
я знал,
что сама память обо мне там исчезла,
но дома, повороты улиц,
далекое зеленое море —
всё напоминало мне,
неизменное,—
далекие дни детства,
мечты и планы юности,
любовь, как дым улетевшую.
Всем чужой,
без денег,
не зная, куда склонить главу,
я очутился в отдаленном квартале,
где из-за спущенных ставен светились огни
и было слышно пенье и тамбурины
из внутренних комнат.
У спущенной занавески
стоял завитой хорошенький мальчик,
и, как я замедлил шаги, усталый,
он сказал мне:
«Авва,
ты кажешься не знающим пути
и не имеющим знакомых?
зайди сюда:
здесь всё есть,

чтоб чужестранец забыл одиночество,
и ты можешь найти
веселую, беспечную подругу
с упругим телом и душистой косой».
Я медлил, думая о другом,
а он продолжал, улыбаясь:
«Если тебя это не привлекает,
странник,
здесь есть и другие радости,
которых не бежит смелое и мудрое сердце».
Переступая порог, я сбросил сандалии,
чтобы не вносить в дом веселья
священного песка пустыни.
Взглянув на привратника,
я увидел,
что он был почти нагой,—
и мы пошли дальше по коридору,
где издали
звучали бубны навстречу.

5

Три раза я его видел лицом к лицу.
В первый раз шел я по саду,
посланный за обедом товарищам,
и, чтобы сократить дорогу,
путь мимо окон дворцового крыла избрал я;
вдруг я услышал звуки струн
и, как я был высокого роста,
без труда увидел в широкое окно
его:
он сидел печально один,
перебирая тонкими пальцами струны лиры,
а белая собака
лежала у ног, не ворча,
и только плеск водомета
мешался с музыкой.
Почувствовав мой взгляд,
он опустил лиру
и поднял опущенное лицо.

Волшебством показалась мне его красота
и его молчанье в пустом покое
полднем!

И, крестясь, я побежал в страхе
прочь от окна...

Потом я был на карауле в Лохие
и стоял в переходе,
ведущем к комнате царского астролога.
Луна бросала светлый квадрат на пол,
и медные украшения моей обуви,
когда я проходил светлым местом,
блестели.

Услышав шум шагов,
я остановился.

Из внутренних покоев,
имея впереди раба с факелом,
вышли три человека,
и он между ними.

Он был бледен,
но мне казалось,
что комната осветилась
не факелом, а его ликом.

Проходя, он взглянул на меня
и, сказав: «Я тебя видел где-то, приятель»,—
удалился в помещенье астролога.

Уже его белая одежда давно исчезла
и свет от факела пропал,
а я всё стоял, не двигаясь и не дыша,
и когда, легши в казарме,
я почувствовал,

что спящий рядом Марций
трогает мою руку обычным движением,
я притворился спящим.

Потом еще раз вечером
мы встретились.

Недалеко от походных палаток Кесаря
мы купались,
когда слышали крики.

Прибежав, мы увидели, что уже поздно.
Вытащенное из воды тело
лежало на песке,

и то же неземное лицо,
лицо колдуна,
глядело незакрытыми глазами.
Император издали спешил,
пораженный горестной вестью,
а я стоял, ничего не видя,
и не слыша, как слезы, забытые с детства,
текли по щекам.
Всю ночь я шептал молитвы,
бредил родною Азией, Никомидией,
и голоса ангелов пели:
«Осанна!
Новый бог
дан людям!»

VI

103—107. КАНОПСКИЕ ПЕСЕНКИ

1

В Канопе жизнь привольная:
съездим, мой друг, туда.
Мы сядем в лодку легкую,
доедем мы без труда.
Вдоль берега спокойного
гостиницы всё стоят —
террасами прохладными
проезжих к себе манят.
Возьмем себе отдельную
мы комнату, друг, с тобой;
венками мы украсимся
и сядем рука с рукой.
Ведь поцелуям сладостным
не надо нас, друг, учить:
Каноп священный, благодостный
всю грусть может излечить.

Не похожа ли я на яблоню,
 яблоню в цвету,
 скажите, подруги?
 Не так же ли кудрявы мои волосы,
 как ее верхушка?
 Не так же ли строен мой стан,
 как ствол ее?
 Мои руки гибки, как ветки.
 Мои ноги цепки, как корни.
 Мои поцелуи не слаще ли сладкого яблока?
 Но ах!
 Но ах!
 хороводом стоят юноши,
 вкушая плодов с той яблони,
 мой же плод,
 мой же плод
 лишь один зараз вкушать может!

Ах, наш сад, наш виноградник
 надо чаще поливать
 и сухие ветки яблонь
 надо чаще подрезать.
 В нашем садике укромном
 есть цветы и виноград;
 кто увидит кисти гроздей,
 всякий сердцем будет рад.
 И калитка меж кустами
 там прохожего манит —
 ей Зевес-Гостеприимец
 быть открытою велит.
 Мы в калитку всех пропустим,
 мы для всех откроем сад,
 мы не скупы: всякий может
 взять наш спелый виноград.

Адониса Киприда ищет —
 по берегу моря рыщет,
 как львица.
 Киприда богиня утомилась —
 у моря спать она ложилась —
 не спится —
 мерещится ей Адонис белый,
 ясный взор его помертвелый,
 потухший. —
 Вскочила Киприда, чуть дышит,
 усталости она не слышит
 минувшей.
 Прямо к месту она побежала,
 где Адониса тело лежало
 у моря. —
 Громко, громко Киприда вскричала,
 и волна шумливо роптала,
 ей вторя.

Кружитесь, кружитесь:
 держитесь
 крепче за руки!
 Звуки
 звонкого систра несутся, несутся,
 в рощах томно они отдаются.
 Знает ли нильский рыбак,
 когда бросает
 сети на море, что он поймает?
 охотник знает ли,
 что он встретит,
 убьет ли дичь, в которую метит?
 хозяин знает ли,
 не побьет ли град
 его хлеб и его молодой виноград?
 Что мы знаем?
 Что нам знать?
 О чем жалеть?
 Кружитесь, кружитесь:

держитесь
крепче за руки!
Звуки
звонкого систра несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются.
Мы знаем,
что всё — превратно,
что уходит от нас безвозвратно.
Мы знаем,
что всё — тленно
и лишь изменчивость неизменна.
Мы знаем,
что милое тело
дано для того, чтоб потом истлело.
Вот что мы знаем,
вот что мы любим,
за то, что хрупко,
трижды целуем!
Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крепче за руки.
Звуки
звонкого систра несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются.

VI

108. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ах, покидаю я Александрию
и долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой Богине,
увижу Тир, Ефес и Смирну,
увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
и венец всех желаний,
цель всех стремлений —
увижу Рим великий! —
Всё я увижу, но не тебя!
Ах, покидаю я тебя, моя радость,

и долго, долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу,
в разные глаза насмотрюся,
разные губы целовать буду,
разным кудрям дам свои ласки,
и разные имена я шептать буду
в ожиданьи свиданий в разных рощах.
Всё я увижу, но не тебя!

1905—1908

ОСЕННИЕ ОЗЕРА

Вторая книга стихов

109. ПОСВЯЩЕНИЕ

Сердце, любившее вдоволь, водило моею рукою,
Имя же я утаю: сердце — ревниво мое.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

110—121. ОСЕННИЕ ОЗЕРА

1

Хрустально небо, видное сквозь лес;
Усталым взорам
Искать отрадно скрытые скиты!
Так ждало сердце завтрашних чудес,
Отдав озерам
Привольной жизни тщетные мечты!
Убранство церкви — желтые листья
Парчой нависли над ковром парчовым.
Златятся дали!
Давно вы ждали,
Чтоб желтым, красным, розовым, лиловым
Иконостасы леса расцветить,
Давно исчезла паутины нить.
Надежду сменит сладостная грусть,
Тоски лампада,
Смиренней мысли в сердце богомольном,
И кто-то тихий шепчет: «Ну и пусть!
Чего нам надо?
Грехам простится вольным и невольным».
Душа внимает голосам недольным,
Осенней тишью странно пленена,—
Знакомым пленом!
И легким тленом
Земля дохнет, в багрец облечена.
Как четки облака! стоят, не тая;
Спустилась ясность и печаль святая!

Протянуло паутину
 Золотое «бабье лето»,
 И куда я взгляд ни кину —
 В желтый траур все одето.
 Песня летняя пропета,
 Я снимаю мандолину
 И спускаюсь с гор в долину,
 Где остатки бродят света,
 Будто чувствуя кончину.

О тихий край, опять стремлюсь мечтою
 К твоим лугам и дремлющим лесам,
 Где я бродил, ласкаемый тоскою,
 Внимал лесным и смутным голосам.
 Когда опять себя с любовью скрою,
 Открыв лицо осенним небесам?
 Когда пойду известною тропею,
 Которой, без любви, бежал я сам?

Осенний ветер жалостью дышал,
 Все нивы сжаты,
 Леса безмолвны зимней тишиной.
 Что тихий ангел тихо нашептал,
 Какой вожатый
 Привел незримо к озими родной?
 Какой печальной светлою страной
 В глаза поля мне глянули пустые
 И рощи пестрые!
 О камни острые,
 Об остовы корней подземных вековые
 Усталая нога лениво задевает.
 Вечерняя заря, пылая, догорает.
 Куда иду я? кто меня послал?

Ах, нет ответа.
 Какую ясность льет зимы предтеча!

Зари румянец так золотист, так ал,
Так много света,
Что чует сердце: скоро будет встреча!
Так ясно видны, видны так далеке,
Как не видать нам летнею порой
Деревни дальние.
Мечты печальные
Вокруг меня свивают тихий рой;
Печаль с надеждой руки соплетают
И лебедями медленно летают.

5

Снега покрыли гладкие равнины,
Едва заметен санок первый след,
Румянец нежный льет закатный свет,
Окрася розою холмов вершины.

Ездок плетется в дальние путины,
И песня льется, песня прошлых бед,—
Простой и древний скуки амулет,—
Она развеет ждущие кручины!

Зимы студеной сладко мне начало,
Нас сочетала строгая пора.
Яснеет небо, блекнет покрывало.

Каким весельем рог трубит: «Пора!»
О, друг мой милый, как спокойны мысли!
В окне узоры райские повисли.

6

Моей любви никто не может смерить,
Мою любовь свободе не учи!
Явись, о смерть, тебе лишь можно вверить
Богатств моих значеные ключи!
Явись, о смерть, в каком угодно виде:
Как кроткий вождь усопших христиан,
Как дух царей, плененный в пирамиде,
Как Азраил убитых мусульман!

Мне не страшна, поверь, ничья личина,
Ни слез моих, ни ропота не жди.
Одна лишь есть любовная кручина,
Чтоб вызвать вновь из глаз сухих дожди.
Коль хочешь ты, слепая, униженья,
Бесслезных глаз позорящий ручей —
Яви мне вновь его изображение,
Верни мне звук прерывистых речей!
«Помедли, смерть!» — скажу тогда я глухо,
«Продись, о жизнь!» — прошепчет жалкий рот,
Тогда-то ты, без глаз, без слов, без слуха,
Ответишь мне: «Я победила. Вот!»

7

Не верю солнцу, что идет к закату,
Не верю лету, что идет на убыль,
Не верю туче, что темнит долину,
И сну не верю — обезьяне смерти,
Не верю моря лживому отливу,
Цветку не верю, что твердит: «Не любит!»

Твой взор мне шепчет: «Верь: он любит, любит!»
Взойдет светило вопреки закату,
Прилив шумящий — брат родной отливу,
Пойдет и осень, как весна, на убыль,
Поют поэты: «Страсть — сильнее смерти!»
Опять ласкает луч мою долину.

Когда придешь ты в светлую долину,
Узнаешь там, как тот, кто ждет, полюбит.
Любви долина — не долина смерти.
Ах, нет для нас печального заката:
Где ты читал, чтоб страсть пошла на убыль?
Кто приравнять ее бы мог отливу?

Я не отдамся никогда отливу!
Я не могу предать мою долину!
Любовь заставлю не идти на убыль.
Я знаю твердо: «Сердце вечно любит

И не уклонит линии к закату.
Всегда в зените — так до самой смерти!»

О друг мой милый, что страшиться смерти?
Зачем ты веришь краткому отливу?
Зачем ты смотришь горько вслед закату?
Зачем сомненье не вступать в долину?
Ведь ждет в долине, кто тебя лишь любит
И кто не знает, что такое убыль.

Тот, кто не знает, что такое убыль,
Тот не боится горечи и смерти.
Один лишь смелый мимо страха любит,
Он посмеется жалкому отливу.
Он с гор спустился в щедрую долину.
Огнем палимый, небрежет закату!

Конец закату и конец отливу,
Конец и смерти — кто вступил в долину.
Ах, тот, кто любит, не увидит убыль!

8

Не могу я вспомнить без волнения,
Как с тобой мы время коротали!
А теперь печали дни настали,
Ах, печали, ревности, сомненья!

Как осенним утром мы бродили,
Под ногами листья шелестели...
Посмотри: деревья всё не те ли?
Эти губы, руки — не мои ли?

И какие могут быть сомненья,
Для кого печали дни настали?
Ведь от дней, что вместе коротали,
Лишь осталась горечь да волненья!

Когда и как придешь ко мне ты:
 Промолвишь: «Здравствуй», промолчишь?
 Тебя пленяет бег кометы,
 Мне нужно солнце, свет и тишь.
 Тебя манит игра интриги,
 Падающий блеск шальной звезды,
 А мне милы: лампада, книги
 И верный ход тугой узды.
 Когда-то сам, с огнем играя,
 Я маски пел, забыв любовь,—
 И вот закрытого мне рая
 Душа моя алкает вновь.
 К тебе взываю я из кельи:
 «Приди, пребудь, верни мне свет!
 Зачем нам праздное похмелье:
 Я вечной дал любви обет.
 Пойми: я ставлю всё на ставку,—
 Не обмани, не погуби!
 Уйдешь — и лягу я на лавку,
 И смерть скует уста мои!
 Сбери свой свет, дугой скользящий,
 И в сердце тихо, нежно влей!
 И выйдем из тюрьмы томящей
 На волю вешнюю полей!»

Когда и как приду к тебе я:
 Что даст нам милая весна?
 Пусть сердце падает, слабея,—
 Лазурь безбурна и ясна.
 В мое окно с нависшей крыши
 Стучит весенняя капель;
 Мечты всё радостней, всё выше,
 Как будто минул скорбный хмель.
 Смотрю на скромные уголья,
 И мнится сердцу моему:
 «С веселым шумом половодья
 Вернусь и всё душой приму».

Язык мой шепчет: «Я покорен»,
Но сердце ропщет и дрожит.
Ах, кем наш дальний путь проторен?
Куда ведет и где лежит?
Покойны белые покровы,
Недвижна тень сосновых лап,—
А те пути, ах, как суровы,
И я так жалок, наг и слаб.
И я прошу весны сиянье,
Ослабший лед и талый снег
Затеплить и в тебе желанье
Таких смиренных, нежных нег!

11

Что сердце? огород неполотый,
Помят, что диким табуном.
И как мне жизнью жить расколотой,
Когда все мысли об одном?
Давно сказали: «Роза колетя;
Идти на битву — мертвым пасть».
А сердце всё дрожит и молится,
Колеля тщетно горя власть.
Ах, неба высь — лишь глубь бездонная:
Мольба, как камень, пропадет.
Чужая воля, непреклонная,
Мою судьбу на смерть ведет.
К каким я воззову угодникам,
Кто б мне помог, кто б услышал?
Ведь тот, кто был здесь огородником,
Сам огород свой растоптал!

12

Умру, умру, благословляя,
А не кляня.
Ты знаешь сам, какого рая
Достигнул я.
Даешь ли счастье, дашь ли муки,—
Не всё ль равно?
Казнящие целует руки

Твой раб давно.
Что мне небес далекий купол
И плески волн?
В моей крови последний скрупул
Любовью полн.
Чего мне жаль, за что держуся?
Так мало сил!..
Стрелок отбившегося гуся
Стрелой скосил.
И вот лежу и умираю,
К земле прильну,
Померк мой взор: благословляю,
А не кляню.
Август 1908—март 1909

II

122—132. ОСЕННИЙ МАЙ

Всеволоду Князеву

1

С чего начать? толпою торопливой
К моей душе, так долго молчаливой,
Бегут стихи, как стадо резвых коз.
Опять плету венок любовных роз
Рукою верною и терпеливой.

Я не хвастун, но не скопец сонливый
И не боюсь обманчивых заноз;
Спрошу открыто, без манерных поз:
«С чего начать?»

Так я метался в жизни суетливой,—
Явились Вы — и я с мольбой стыдливой

Смотрю на стан, стройней озерных лоз,
И вижу ясно, как смешон вопрос.
Теперь я знаю, гордый и счастливый,
С чего начать.

2

Трижды в темный склеп страстей томящих
Ты являлся, вестник меченосный,
И манил меня в страну иную.
Как же нынче твой призыв миную?
Жгу, жених мой, желтый ладан росный,
Чуя близость белых крыл блестящих.

Первый раз пришел ты на рассвете,
На лицо опущено забрало,
Ноги пыльны от святых скитаний,—
Но ушел один ты в край свиданий;
Сердце, вслед стремясь, затрепетало
И любовь узнало по примете.

Долго дни текли в тупом томленьи;
Помнил я тебя и ждал возврата,
Скоро ль снова встанешь на пороге?
Средь пустынь полуденной дороги
Встретил я обещанного брата
И узнал знакомое волненье.

Но прошел и этот раз ты мимо.
На прощанье нежно улыбнувшись,
Струйкой золота исчез в эфире.
Я опять один в тревожном мире;
Лишь порой душа, от сна очнувшись,
Вспомнит о тебе, мечом томима.

В третий раз приходишь на закате;
Солнце рдяно к западу склонилось,
Сердце всё горит и пламенеет,—
И теперь твой лик не потемнеет,
Будет всё, что прежде только снилось,
Не придется плакать об утрате.

Коснели мысли медленные в лени,
 Распластанные кости спали в теле,
 Врезать лазурь голубки не хотели,
 И струй живых не жаждали олени.

Во сне ли я, в полуденном ли плене
 Лежал недвижно у недвижной ели?
 Из купола небес, как из купели,
 Янтарь стекал мне сонно на колени.

Вдруг облак золотой средь неба стал,
 А горлицы взметнулись тучкой снежной
 С веселым шумом крыл навстречу стрел.

Сквозь звон, и плеск, и трепет, как металл,
 Пропел «живи» мне чей-то голос нежный —
 И лик знакомый в блеске я узрел.

Всё пламенной стремленья,
 Блаженнее мечта!
 Пусть храмина пуста,
 Стихают ли хваленья?
 Не знают утоленья
 Разверстые уста!

Сердце покоя и тени не просит.
 Ангел холодное сердце отбросит.

Нездешнего сиянья
 Божественную рать
 Посмеют ли скрывать
 Земные одеянья?
 Всё яростней блистанья,
 Всё слаще благодать!

Сердце, не ты ль пришлеца угадало?
 Медленно светлый приподнял забрало.

Не тучи закружились,
Не трубы пронеслись,
Не вихри возвились,
Не лебеди забились —
Воскрылия раскрылись
И струи излились.

Брызнула кровь от пронзанья святого,
Молвил, лобзая: «Сердце готово!»

5

Не мальчик я, мне не опасны
Любви безбрежные моря.
Все силы чувства — мне подвластны,
Яснеет цель, звездой горя,
Надежен парус, крепки снасти,
А кормщик — опытен и смел,
И не в моей ли ныне власти
Достичь всего, чего хотел?
Зачем же в пору грозовую
Я выпускаю руль из рук?
И сомневаюсь, и тоскую,
В словах ища пустых порук?
Зачем обманчивая лупа
Показывает бурей гладь?
Зачем так медленно и скупое
Вы принуждаете желать?
Зачем пловцы не позабыли
Приюта прежних берегов?
Зачем мечтаю я: «Не Вы ли?»,
Случайно слыша шум шагов?
Зачем от зависти немею,
Когда с другими вижу Вас,
Но вот одни — взглянуть не смею,
В молчаньи протекает час.
И, вспоминая все приметы,
Вскипаю снова, как в огне.
Былая мудрость, где ты, где ты?
Напрасно ли дана ты мне?

Ты, кормщик опытный, в уме ли?
Волнению предан и тоске,
Гадаешь омуты и мели
Проплыть, как мальчик, на доске!

6

Бледны все имена и стары все названья —
Любовь же каждый раз нова.
Могу ли передать твои очарованья,
Когда так немощны слова?
Зачем я не рожден, волнуемый, влюбленный,
Когда любви живой язык
Младенчески сиял красой перворожденной
И слух к нему не так привык?
Нельзя живописать подсказанный певцами
Знакомый образ, пусть он мил,
Увенчивать того заемными венцами,
Кто не венчанный победил.
Стареются слова, но сердце не стареет,
Оно по-прежнему горит,
По-прежнему для нас Амур крылатый реет
И острою стрелой грозит.
Не он ли мне велел старинною строфою
Сказать про новую красу,
Иль новые мечты подсказаны тобою,
И я тебе их принесу?
Единственный мой чтец, внимательный и нежный,
Довольство скромно затая,
Скажи, сказал ли ты с улыбкою небрежной:
«Узнать нетрудно: это я»?

7

К матери нашей, Любви, я бросился, горько
стеная:
«Мать, о мать, посмотри, что мне готовит судьба!
С другом моим дорогим на долгие дни
разлучаюсь,
Долгие, долгие дни как проведу без него?»

И, недоверчивости сбросив иго,
Персидский зрим перед собой залив,
И спутницей любви неколебимой
Лучит звезда зеленый свет, любимый.

Быть может, я могу сердечным пылом
Тебе целенье легкое послать,
Чтоб лес казался менее унылым
И моря неприветливая гладь
Не так томила. Вся моя награда —
Узнать, дошла ли скромная отрада.

Всё можем мы. Одно лишь не дано нам:
Сойти с путей, где водит тайный рок,
И самовольно пренебречь законом,
Коль не настал тому урочный срок.
Не сами мы судьбу свою ковали,
И сами раскуем ее едва ли.

10

В начале лета, юностью одета,
Земля не ждет весеннего привета,
Не бережет погожих, теплых дней,
Но, расточительная, всё пышней
Она цветет, лобзанием согрета.

И ей не страшно, что далёко где-то
Конец таятся радостных лучей
И что недаром плакал соловей
В начале лета.

Не так осенней нежности примета:
Как набожный скупец, улыбки света
Она собирает жадно, перед ней
Недолог путь до комнатных огней,
И не найти вернейшего обета
В начале лета.

«Для нас и в августе наступит май!» —
 Так думал я, надеждою ласкаем.
 Своей судьбы мы, глупые, не знаем:
 Поймал минуту — рук не разнимай.
 Нашел ли кто к довольству путь прямой?
 Для нас самих как можем быть пророком,
 Когда нам шалый лёт назначен роком,
 И завтра друг вчерашний недруг мой?
 Поет надежда: «Осенью сберем
 То, что весной собирать старались втуне».
 Но вдруг случится ветреной Фортуне
 Осенний май нам сделать октябрем?
Июнь—август 1910

III

133—137. ВЕСЕННИЙ ВОЗВРАТ

1

«Проходит всё, и чувствам нет возврата»,
 Мы согласились мирно и спокойно,—
 С таким сужденьею всё выходит стройно
 И не страшна любовная утрата.
 Зачем же я, когда Вас вижу снова,
 Бледнею, холодею, заикаюсь,
 Былым (иль не былым?) огнем терзаюсь
 И нежные благодарю оковы?
 Амур-охотник всё стоит на страже,
 Возвратный тиф — опаснее и злее.
 Проходит всё, моя любовь — не та же,
 Моя любовь теперь еще сильнее.

2

Может быть, я безрассуден,
 Не страшась нежданных ков,

Но отъезд Ваш хоть и труден,
Мне не страшен дальний Псков.

Счастье мне сомненья тупит
Вестью верной и прямой:
«Сорок мученик» наступит —
И вернетесь Вы домой.

3

Как радостна весна в апреле,
Как нам пленительна она!
В начале будущей недели
Пойдем сниматься к Буасона.

Любви покорствуя обрядам,
Не размышляя ни о чем,
Мы поместимся нежно рядом,
Рука с рукой, плечо с плечом.

Сомнений слезы не во сне ли?
(Обманчивы бывают сны!)
И разве странны нам в апреле
Капризы милые весны?

4

Окна́ неясны очертанья...
Тепло и нега... сумрак... тишь...
Во сне ль сбываются мечтанья?
Ты рядом, близко, здесь лежишь.

Рукою обнимая тело,
Я чувствую: не сон, не сон...
Сомнений горечь отлетела,
Мне снова ясен небосклон.

О долгие часы лобзаний,
Объятий сладостных и нег!
Каких нам больше указаний?
О время, укроти свой бег!

Пусть счастья голубая птица
Не улетит во время сна,
Пусть этот сумрак вечно длится
В разрезе смутного окна.

5

У окна стоит юноша, смотрит на звезду.
Тоненьким лучиком светит звезда.
«В сердце зеркальное я звонко упаду,
Буду веселить его, веселить всегда».

Острою струйкою вьются слова;
Кто любви не знает, тому не понять;
Милому же сердцу песня — нова,
И готов я петь ее опять и опять.

Март—май 1911

IV

138—145. ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Н. Д. Кузнецову

1

Кого прославлю в тихом гимне я?
Тебя, о солнце, солнце зимнее!
Свой кроткий свет на полчаса
Даришь,— и всё же
Цветет на ложе
Нежданной розы полоса.

Заря шафранно-полуденная,
Тебя зовет душа влюбленная:
«Еще, еще в стекло ударь!
И (радость глаза)
Желтей топаза
Разлей обманчивый янтарь!»

Слежу я сквозь оконце льдистое,
Как зеленеет небо чистое,
А даль холодная — ясна,
Но златом света
Светло одета,
Вошла неслышная весна.

И пусть мороз острее колется,
И сердце пусть тревожней молится,
И пусть всё пуше зябнем мы,—
Пышной авроры
Твои уборы,
О солнце знойное зимы!

2

Отри глаза и слез не лей:
С небесных, палевых полей
Уж глянул бледный Водолей,
Пустую урну проливая.

Ни снежных выюг, ни тусклых туч.
С прозрачно-изумрудных круч
Протянут тонкий, яркий луч,
Как шпага остро-огневая.

3

Опять затопил я печи
И снова сижу один,
По-прежнему плачут свечи,
Как в зиму былых годин.
И ходит за мною следом
Бесшумно отрок нагой.
Кому этот гость неведом?
В руке самострел тугой.
Я сяду — и он за мною
Стоит, мешает читать;
Я лягу, лицо закрою,—
Садится ко мне на кровать.
Он знает одно лишь слово

И всё твердит мне его,
Но слушать сердце готово,
Что сердцу известно давно.
Ах, отрок, ты отрок милый,
Ты друг и тюремщик мой,
Ты шепчешь с волшебной силой,
А с виду — совсем немой.

4

Слезы ревности влюбленной,
Словно уголь раскаленный,
Сердце мучат, сердце жгут.
Извиваясь, не слабея,
Всё впивается больнее
В тело прежней страсти жгут.

Слезы верности влюбленной,
Словно жемчуг умиленный,
Что бросает нам гроза,
Словно горные озера,
Словно набожные взоры,
Словно милого глаза.

5

Смирись, о сердце, не ропщи:
Покорный камень не пытает,
Куда летит он из пращи,
И вешний снег бездумно тает.
Стрела не спросит, почему
Ее отравой напоили;
И немы сердцу моему
Мои ль желанья, твои ли.
Какую камень цель найдет?
Врагу иль другу смерть даруя,
Иль праздным на поле падет —
Всё с равной радостью беру я.
То — воля мудрого стрелка,
Плавильщика снегов упорных,

А рана? рана — не жалка
Для этих глаз, ему покорных.

6

О, радость! в горестном начале
Меня сковала немота,
И ни сомнений, ни печали
Не предали мои уста.

И слез моих, бессильных жалоб
Не разболтал послушный стих,
А что от стона удержало б,
Раз ветер в полночи не стих?

Но тайною грозой омытый,
Нежданно свеж и зелен луг,
И буре, утром позабытой,
Не верь, желанный, верный друг.

7

Ах, не плыть по голубому морю,
Не видать нам Золотого Рога,
Голубей и площади Сан-Марка.
Хорошо отплыть туда, где жарко,
Да двоицца милая дорога,
И не знаю, к радости иль к горю.

Не видать открытых, светлых палуб
И судов с косыми парусами,
Золотыми в зареве заката.
Что случается, должно быть свято,
Управляем мы судьбой не сами,
Никому не надо наших жалоб.

Может быть, судьбу и переспорю,
Сбудется веселая дорога,
Отплывем весной туда, где жарко,
И покормим голубей Сан-Марка,

Поплывем вдоль Золотого Рога
К голубому, ласковому морю!

8

Ветер с моря тучи гонит,
В засиявшей синеве
Облак рвется, облак тонет,
Отражаясь в Неве.

Словно вздыбив белых коней,
Заскакали трубачи.
Взмываясь бешеной погоней,
Треплют гривы космачи.

Пусть несутся в буйных клочьях
По эмали голубой,
О весенних полномочьях
Звонкою трубя трубой.

Февраль—май 1911

V

146—154. ОТТЕПЕЛЬ

С. Л. И<оншу>

1

Ты замечал: осеннею порою
Какой-то непонятною игрою
Судьба нас иногда теплом дарит,
А россыпь звезд всё небо серебрит,
Пчелиному уподобляясь рою.

Тогда плащом себя я не закрою,
Закутавшись, как зябкий сибарит.
Лишь календарь про осень говорит.
Ты замечал?

Пусть вьюги зимние встают горою;
На вешний лад я струны перестрою
И призову приветливых харит.
Ведь то, что в сердце у меня горит
И что, коль хочешь, я легко утворю,
Ты замечал.

2

Нет, не зови меня, не пой, не улыбайся,
Прелестный призрак новых дней!
Кипящий юноша; стремись и ошибайся,
Но я не стал ли холодней!
Чем дале, тем быстрее сменяются виденья,
А жизни быстрый круг — так мал.
Кто знал погони пыл, полеты и паденья,
Лишь призрак, призрак обнимал.
О юность красная, смела твоя беспечность,
Но память зеркал хранит,
И в них увидишь ты минутной, хрупкой вечность
И размагниченным магнит.

Что для тебя найду? скажи, какой отплатой
Отвечу я на зов небес?
Но так пленителен твой глаз зеленоватый,
И клоуна нос, и губ разрез!
Так хочется обнять и нежно прикоснуться
Бровей и щек, ресниц и век!
Я спал до этих пор; пора, пора проснуться:
Всё — мимолетность, это — век.
Слепая память, прочь, прочь зеркала обмана!
Я знаю, призрак тот — живой:
Я вижу в первый раз, горит впервые рана.
Зови меня, зови! я твой!

3

Я не знаю, не напрасно ль
Повстречались мы в пути?
Я не знаю, не опасно ль
Нам вдвоем с тобой идти?

Я не знаю, стар иль молод
Тот, кто любит в сотый раз,
Но, восторженный, проколот
Светлой парой карих глаз.

Лишь одно я знаю — даром
Эта встреча не пройдет:
Пораженное ударом,
Сердце вздрогнет и падет.

4

С какою-то странной силой
Владеют нами слова,
И звук немилый иль милый,
Как будто романа глава.
«Маркиза» — пара в боскете
И праздник ночной кругом.
«Левкой» — в вечернем свете
На Ниле уютный дом.
Когда назовут вам волка —
Сугробы, сумерки, зверь.
Но слово одно: «треуголка»
Владеет мною теперь.
Конечно, тридцатые годы,
И дальше: Пушкин, лицей,
Но мне надоели моды
И ветошь старых речей.
И вижу совсем я другое:
Я вижу вздернутый нос
И Вас, то сидя, то стоя,
Каким я Вас в сердце унес.

5

Катались Вы на острова,
А я, я не катался.
Нужны ль туманные слова
Тому, кто догадался?
Мы перстень ценим, не футляр,
Ведь что нам до коробок?

И у меня в груди пожар,
Пускай я с виду робок.
И я покорен, видит Бог,
Катались Вы — не я же,
Не пустите на свой порог,
Пойду на это даже.
Велите лезть на каланчу,
Исполню повеленье.
А что нелепо я молчу,
Так это от волнения.
Но пусть покорен я и глуп,
Одно я знаю верно:
Болтливых не закрою губ,
Любя нелицемерно.

6

Дождь моросит, темно и скучно,
Смотрю в окно на телеграф.
Хотел бы думать равнодушно,
В уме неделю перебрал.
Не такова моя натура:
Спокойствие мне не дано,
Как у больных температура,
Скачу то в небо, то на дно.
Во вторник (и без всякой лести)
Я чувствовал такой подъем:
У Юрочки сначала вместе,
Потом в театре мы вдвоем.
От середины и до субботы
Я в заточенье заключен.
Когда же невтерпеж забота,
Звоню я робко в телефон.
И не нарушил я традиций:
Писал стихи, курил, вздыхал
И время ваших репетиций
«Презренной прозой» проклинал.
У Вас в субботу ужин «шпажный»,
Наутро Вам стихи пришлю.
Еще не сбросив хмель отважный,
Прочтете Вы, что я люблю.

Еще три дня. О, я прославлю
Твой день, Архангел Михаил!
В полтину свечку я поставлю,
Чтоб он почаще приходил.
Дождь моросит, но мне не скучно
Смотреть в окно на телеграф,
Сидеть не в силах равнодушно,
В уме неделю перебрал.

7

Как люблю я запах кожи,
Но люблю и запах жасмина.
Между собой они не схожи,
Но есть что-то общее между ними.
Случайно, конечно, они соединились
В моем воспоминанье,
Но не равно ли у нас сердца бились
Тогда, как и в любом преданьи?
Вы помните улицу Calzajoli
И лавку сапожника Томазо?
(Недавно это было, давно ли —
Это не относится к рассказу).
Я стоял, Вы ехали мимо,
И из дверей пахло кожей;
А в стакане, на полке хранима,
Была ветка жасмина (жасмина, не розы).
Прохожие шли попарно
И меня толкали.
Вы проехали, улыбнувшись, к Лунгарно,
А собор от заката был алым.
Ничего подобного теперь случилось:
Мы сидели рядом и были даже мало знакомы,
Запах жасмина в воздухе не носилось,
И кругом стояли гарсоны.
Никто никуда не ехал, небо не пылало,
Его даже не было и видно.
Но сердце помнило, сердце знало,
И ему было сладостно и обидно.
Но откуда вдруг запах кожи
И легкое жасмина дуновенье?

Разве и тогда было то же
И чем-то похожи эти мгновенья?
Во Флоренции мы не встречались:
Ты там не был, тебе было тогда три года,
Но ветки жасмина качались
И в сердце была любовь и тревога.
Я знаю, знаю! а ты, ты знаешь?
Звезда мне рассекла сердце!
Напрасно ты не понимаешь
И просишь посыпать еще перца.
Покажи мне твои глаза, не те ли?
Нет, лицо твое совсем другое,
Но близко стрелы прошелестели
И лишили меня покоя.
Так вот отчего эта сладость,
Вот отчего улица Calzajoli!
Сердце, сердце, не близка ли радость,
А давно ль ты собиралось умирать, давно ли?

8

Голый отрок в поле ржи
Мечет стрелы золотые.
Отрок, отрок, придержи
Эти стрелы золотые!
К небу взвившись, прямо в рожь
Упадут златые стрелы,
И потом не разберешь:
Где колосья, где тут стрелы.
Злато ржи сожнут в снопы,
Но от стрел осталось злато.
Тяжко зерна бьют цепы,
Но от стрел осталось злато.
Что случилось? ел я хлеб.
Не стрелой ли я отравлен?
Отчего я вдруг ослеп?
Или хлеб мой был отравлен?
Ничего не вижу... рожь,
Стрелы, злато... милый образ...
Всё мне — призрак, всё мне ложь,
Вижу только — милый образ.

Рано горлица проворковала,
 Утром под окном моим пропела:
 «Что не бьешься, сердце, как бывало?
 Или ты во сне окаменело?
 Боже упаси, не стало ль старо,
 Заморожено ль какой кручиной?
 Тут из печки не достанешь жара,
 Теплой не согреешься овчиной».
 Пташка милая, я застываю,
 Погибаю в пагубной дремоте,
 Глаз своих давно не открываю,
 Ни костей не чувствую, ни плоти.
 Лишь глубоко уголочек тлеет,
 В сердце тлеет уголочек малый.
 Слышу я сквозь сон: уж ветер веет,
 Синий пламень раздувает в алый.
 Октябрь—ноябрь 1911

VI

155—166. МАЯК ЛЮБВИ

С. В. Милеру

1

Светлый мой затвор!
 Ждал Царя во двор,
 А уж гость сидит
 Там, где стол накрыт.
 Поклонюсь ему,
 Царю моему.

Сердца не позорь:
 От утра до зорь
 Не устало ждать,
 Скоро ль благодать
 Гость мой принесет,
 Меня спасет.

Светлый мой затвор,
Ты — что царский двор!
Умным духом пьян,
Жгу святой тимьян:
Стукнуло кольцо
В высоко крыльцо.

2

Сколько раз тебя я видел,
То ревнуя, то любя,
Жребий сердце не обидел:
Видел спящим я тебя.

Забывается досада,
Тупы ревности шипы,
Мне не надо, мне не надо
Мной изведанной тропы.

Так докучны повторенья:
Радость, ревность и тоска,
Но для нового строенья
Крепкой выбрана доска.

Что там было, что там будет,
Что гадает нам звезда?
Нежность в сердце не убудет
(Верю, верю) никогда.

Пусть разгул всё бесшабашней,
Пусть каприз острей и злей,
Но твой образ, тот домашний,
Тем ясней и веселей.

Ты принес мне самовольно
Самый ценный, нежный дар,
И расплавился безбольно
В ясном свете мой пожар.

Павильоны строил — зодчий —
Я, тоскуя и шутя,

Но теперь не ты ли, Отче,
Мне вручил мое дитя?

3

Не правда ли, на маяке мы —
В приюте чаек и стрижей,
Откуда жизнь и море — схемы
Нам непонятных чертежей?
Окошко узкое так мало,
А горизонт — далек, широк,
Но сердце сердце прижимало,
Шептало: «Не настал ли срок?»
Нам вестники — стрижи да чайки,
А паруса вдали — не нам;
Любовь, какой другой хозяйке,
Как не тебе, ключи отдам?
Входи, хозяйствуй, полновластуй:
Незримою ты здесь была,
Теперь пришла — живи и здравствуй
Над лоном хладного стекла;
Отсюда жизнь и море — схемы
Нам непонятных чертежей,
И вот втроем на маяке мы,
В приюте чаек и стрижей.

4

Ты сидишь у стола и пишешь.
Ты слышишь?
За стеной играют гаммы,
А в верхнем стекле от рамы
Зеленеет звезда...
Навсегда.

Так остро и сладостно мило
Томила
Теплота, а снаружи морозы...
Что значат ведь жалкие слезы?
Только вода.
Навсегда.

Смешно и подумать про холод,
Молод
Всякий, кто знал тебя близко.
Опустивши голову низко,
Прошепчешь мне «да».
Навсегда.

5

Сегодня что: среда, суббота?
Скромный нынче день иль пост?
Куда девалася забота,
Что всякий день и чист и прост.

Как стерлись, кроме Вас, все лица,
Как ровно дни бегут вперед!
А, понял я: «Сплошной седмицы»
В любви моей настал черед.

6

Я знаю, я буду убит
Весною, на талом снеге...
Как путник усталый спит,
Согревшись в теплом ночлеге,
Так буду лежать, лежать,
Пригвожденным к тебе, о мать.

Я сам это знаю, сам,
Не мне гадала гадалка,
Но чьим-то милым устам
Моих будет жалко...
И буду лежать, лежать,
Пригвожденным к тебе, о мать.

И будет мне всё равно,
Наклонится ль кто надо мною,
Но в небес голубое дно
Взгляну я с улыбкой земною.
И буду лежать, лежать,
Пригвожденным к тебе, о мать.

Твой голос издали мне пел:
 «Вернись домой!
 Пускай нас встретят сотни стрел,
 Ты — мой, ты — мой!»
 И сладким голосом влеком,
 Я вопрошал:
 «Но я не знаю, где мой дом
 Среди этих скал?»
 И тихий шелестит ответ:
 «Везде, где я;
 Где нет меня, ни счастья нет,
 Ни бытия.
 Беги хоть на далекий Ганг,
 Не скрыться там,—
 Вернешься вновь, как бумеранг,
 К моим ногам».

Теперь я вижу: крепким поводом
 Привязан к мысли я одной,
 И перед всеми, всеми слово дам,
 Что ты мне ближе, чем родной.
 Блаженство ль, долгое ль изгнание
 Иль смерть вдвоем нам суждена,
 Искоренить нельзя сознания,
 Что эту чашу пью до дна.
 Что призрак зол, глухая Персия
 И допотопный Арарат?
 Раз целовал глаза и перси я —
 В последний час я детски рад.

Над входом ангелы со свитками
 И надпись: «Плоть Христову ешь»,
 А телеграф прямыми нитками
 Разносит тысячи депеш.
 Забвенье тихое, беззлобное

Сквозь трепет ярких фонарей,
Но мне не страшно место лобное:
Любовь, согрей меня, согрей!
Опять — маяк и одиночество
В шумливом зале «Метрополь».
Забыто имя здесь и отчество,
Лишь сердца не забыта боль.

10

Как странно: снег кругом лежит,
А ведь живем мы в центре города,
В поддевке молодец бежит,
Затылки в скобку, всюду бороды.
Jeunes hommes¹ чисты так и бриты.
Как бельведерский Аполлон,
А в вестибюле ходят бритты,
Смотря на выставку икон.
Достанем всё, чего лишь надо нам,
И жизнь кипуча и мертва,
Но вдруг пахнет знакомым ладаном...
Родная, милая Москва!

11

Вы мыслите разъединить
Тех, что судьбой навеки слиты,
И нежную расторгнуть нить,
Которой души наши свиты?
Но что вы знаете о ней:
Святой, смиренной, сокровенной,
Невидной в торжестве огней,
Но яркой в темноте священной?
Чужда томительных оков,
Она дает и жизнь, и волю,
И блеск очей, и стройность строф,
И зелень радостному полю.

¹ Молодые люди (фр.). — *Рег.*

Глуха к бессильной клевете,
Она хранит одну награду,
И кто любви не знали, те
Не переступят чрез ограду.

12

Посредине зверинца — ограда,
А за нею розовый сад,
Там тишина и прохлада,
И нет ни силков, ни засад.
Там дышится сладко и вольно,
И читают любовный псалтырь,
А кругом широко и бездольно
Распростерся дикий пустырь.
Когда ж приоткроют двери,
Слышен лай и яростный вой,
Но за стены не ступят звери:
Их крылатый хранит часовой.
И всё так же тихо и мирно
Голубой лепечет ручей,
И медленно каплет смирна
Из цветочных очей.
И издали вой, как «осанна»,
Говорит: «Люби, живи!»
Но звериная жизнь — обманна
Запечатанной там любви.

Декабрь 1911 — январь 1912

VII

167—174. ТРОЕ

1

Нас было трое: я и они,
Утром цветы в поле собирали,
Чужды печали, шли наши дни,
Горькой беды мы не гадали.
Летние дали тучей грозят,

Пестрый наряд ветер развеет,
Цветик слабеет, бурей измят,
Тщетно твой взгляд пламенем рдеет.
Кто же посмеет нас разлучить,
Разом разбить счастье тройное?
Всё же нас трое: крепкая нить
Нас единить будет для боя!

2

Ты именем монашеским оваян,
Недаром гордым вырос, прям и дик,
Но кем дух нежности в тебе посеян,
Струею щедрой брызжущий родник?
Ты в горести главою не поник:
Глаза блеснут сквозь темные ресницы...
Опять погаснут... и на краткий миг
Мне грозный ангел в милом лице мнится.

3

Как странно в голосе твоём мой слышен голос,
Моею нежностью твои глаза горят,
И мой чернеется, густой когда-то, волос
В кудрях томительных, что делит скромный ряд.

Молчим условленно о том, что мнится раем,
Любовью связаны и дружбой к одному,
Глядим, как в зеркало, и в нём друг друга знаем,
И что-то сбудется, как быть должно тому.

4

Не правда ль, мальчик, то был сон,
Когда вскричал ты со слезами:
«Твой друг убит! вот нож, вот он!» —
И зорко поводил глазами,
А я сидел у ног прикован,
Ночную речью околдован?

Не правда ль, мальчик, то был сон,
Когда в горячке пламенея,
Ты клял неведомый закон
И клял небывшего злодея?
То ночи полное светило
Тебя мечтами посетило.

Не правда ль, мальчик, то был сон?
Мой друг живет, и ты проснешься,
И ранним утром освежен,
Забудешь ночь и улыбнешься.
Зачем же днем повсюду с нами —
Твой страх, рожденный злыми снами?

5

Уезжал я средь мрака...
Провожали меня
Только друг да собака.

Паровозы свистели...
Так же ль верен ты мне?
И мечты наши те ли?

Надвигались туманы...
Неужели во тьме
Только ложь и обманы?..

Только друг да собака
Пожалели меня
И исчезли средь мрака.

6

Не вешних дней мы ждем с тобою,
А ждем осенних, ясных дней,
Когда опять свиданье с ней
Нас свяжет радостью тройною.

Очищен позднею грозою,
Свежей свод неба и синей,

Не вешних дней мы ждем с тобою,
А ждем осенних, ясных дней.

Полюбим осенью златою
Еще нежней, еще сильней.
Скорее, солнце, спламеней
И кроткой засветись порою!
Не вешних дней мы ждем с тобою.

7

Je crains de lui parler la nuit.

*Gretry, «Richard Coeur de Lion»*¹

Когда душа твоя немела,
Не ты ли пела:
«С ним ночью страшно говорить»?
Звучал твой голос так несмело,—
Ты разумела,
Чем может нас судьба дарить.

Кто сердца трепет торопливый,
Любви пугливой
И страх, и шепот, страсть и крик,
И сладость нежности счастливой,
Упрек стыдливый,—
Кто вас подслушал, кто постиг?

Слова, вы тучкою летучей,
Струей певучей
Скользнули в воздухе пустом,
Но что же, времени могучей
(Оставь, не мучай!),
Коснулось нас своим перстом?

Волшебник странный и прелестный,
Какой чудесной
Ты связью вяжешь нас, Гретри?

¹ Я боюсь говорить с ним ночью. Гретри, «Ричард Львиное Сердце» (фр.).— *Рег.*

Какой дорогой неизвестной
(Земной, небесной?)
Ты нас ведешь, считая: «Три!»?

И в цепь одну связало пенье
Тройные звенья,
В одно пожатье три руки,
И вижу, как сквозь сон иль тень я —
Одно волнение
Волнует разных три реки.

Пусть я жилец другого края,
Ту песнь играя,
Слезу замечу на щеке.
И знаю я, что, вспоминая,
Душа иная
Меня услышит вдалеке.

8

Казалось нам: одежда мая
Сквозные скрасила кусты,
И ветер, веток не ломая,
Слетит из синей высоты,
Проглянут пестрые цветы,
Засвищут иволги певучи,—
Зачем же радость простоты
Темнится тенью темной тучи?

Деревья нежно разнимая,
Кто вышел к нам из темноты?
Его улыбка — речь немая,
Движенья быстры и просты.
Куда от вольной красоты
Ведет он нас тропой колючей?
А дали, искрасна-желты,
Темнятся тенью темной тучи.

Шесть дней идем, заря седьмая
Осветит дальние кресты,—
И вождь,— «не слабая тесьма — я;

Сковались крепко он и ты,
И третья есть, вы все — чисты,
Желанья — нежны и не жгучи,
И лишь пройденные мосты
Темнятся тенью темной тучи».

О вождь, мы слабы, как листы,
Веди нас на любые кручи!
Ведь только дни, что прожиты,
Темнятся тенью темной тучи.

Июль—август 1909

VIII

175—182. ЛИСТКИ РАЗРОЗНЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ

1

Молчим мы оба, и владеем тайной,
И говорим: «Ведь это — не любовь».
Улыбка, взгляд, приподнятая бровь —
Всё кажется приметой не случайной.
Мы говорим о посторонних лицах:
«А. любит Б., Б. любит Н., Н.— А.»—
Не замечая в трепаных страницах,
Что в руки «Азбука любви» дана.

Октябрь 1907

2

Кому есть выбор, выбирает;
Кто в путь собрался — пусть идет;
Следи за картой, кто играет,
Лети скорей, кому — полет.
Ах, выбор вольный иль невольный
Всегда отрадней трех дорог!
Путь без тревоги, путь безбольный,—
Тот путь, куда ведет нас рок.
Зачем пленяться дерзкой сшибкой?
Ты — мирный путник, не боец.

Ошибку думаешь ошибкой
Поправить ты, смешной слепец?
Всё, что прошло, как груз ненужный,
Оставь у входа навсегда.
Иди без дум росой жемчужной,
Пока горит твоя звезда.
Летают низко голубята,
Орел на солнце взор вперил.
Всё, что случается, то свято;
Кого полюбишь, тот и мил.

Ноябрь 1907

3

Светлые кудри да светлые открытые глаза...
В воздухе сонном чутется гроза.

Нежные руки с усилием на весла налегли.
Темные тени от берега пошли.

Алым румянцем покрылося знакомое лицо.
Видно сквозь ливень шаткое крыльцо.

Рядом мы сели так близко за некрашенный за стол.
В окна виднелся за рекою дол.

Памятна будет та летняя веселая гроза,
Светлые кудри да светлые глаза!

[1904]

4

Тихие воды прудов фабричных,
Полные раны запруженных рек,
Плотно плотины прервали ваш бег,
Слышится шум машин ритмичных.
Запах известки сквозь запах серы —
Вместо покинутых рощ и трав.
Мирно вбирается яд отрав,
Ясны и просты колес размеры.
Хлынули воды, трепещут шлюзы,
Пеной и струями блещет скат!
Мимо — постройки, флигель, сад!
Вольно расторгнуты все союзы!

Снова прибрежности миром полны:
Шум — за горой, и умолк свисток...
Кроток по-прежнему прежний ток;
Ядом отравлены — мирны волны.

Июнь 1907

5

С каждым мерным поворотом
Приближаюсь к милой цели.
Эти тучки пролетели
И скользнули легким лётком
На стене ли? на лице ли?

За окошком запотелым
Чащи леса реже, реже...
И, как встарь, надежды свежи:
Вот увидишь, тело с телом,
Что любовь и ласки — те же.

Сплю, и ты встаешь мечтаньем,
Наяву всё ты же в сердце.
Истомлен я ожиданьем:
Скоро ль сладостным свиданьем
Запоет знакомо дверца
И прерву твой сон лобзаньем.

Октябрь 1908

6

В потоке встречных лиц искать глазами
Всегда одни знакомые черты,
Не мочь усталыми уже ногами
Покинуть раз намеченной черты,
То обогнав, то по пятам, то рядом
Стезей любви идти и трепетать,
И, обменявшись равнодушным взглядом,
Скорей уйти, как виноватый тать;
Не знать той улицы, того проспекта,
Где Вы живете (кто? богато ль? с кем?);
Для Вас я только встречный, только некто,

Чей взгляд Вам непонятен, пуст и нем.
Для сердца нет уж больше обороны:
Оно в плену, оно побеждено,
Историей любовников Вероны
Опять по-прежнему полно оно.
И каждый день на тот же путь вступаю,
Забывши ночь, протекшую без сна,
Я встречи жду, стремясь и убегая,
Не слыша, что кругом звенит весна.
Вперед, назад, туда, сюда — всё то же,
В потоке тех же лиц — одно лицо.
Как приступить, как мне начать, о Боже,
Как мне разбить колумбово яйцо?

Март 1907

7

Сердце бедное, опять узнало жар ты!
Успокою я тебя, раскину карты.
Оправдались плохо наши ожидания:
Ни беседы, ни дороги, ни свиданья,
И повернут к нам спиной король червонный,
Не достать его никак стезей законной.
Вот болезнь для сердца, скука да печали,
И в конце лежит пиковка, и в начале.
Но не верь, мой друг, не верь болтливой карте:
Не умрет наша любовь в веселом марте!

Март 1907

8

Ночью легкий шорох трепетно ловится чутким
слухом,
Застывает перо в руке...
Как давно не видел родинки Вашей за левым ухом
И другой, что на правой щеке.
Дождь докучно льется... Снова ли солнце нам завтра
будет,
Истощивши ночную грусть?
Сердце злу не верит, сердце всё любит
и не забудет,
Пусть не видит Вас долго, пусть!

Крепкой цепью держит память мою лишь одна
походка,
И ничем уж не расковать,
Так ведется верно светом маячным рыбачья лодка,
Свет же другой надо миновать.
Две звезды мне светят: родинки темные в светлом
поле,
Я смотреть на них не устал.
Ждать могу любви я год, и два года, и даже боле,
Лишь бы видеть не перестал.

Март 1907

IX

183—192. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1¹

Волны ласковы и мирны,
Чуть белеют корабли.
Не забыть родимой Смирны,
Розовеющей вдали.
Отражен звезды восточной
Бледный блеск струей воды,
Наступает час урочный,
Как спускались мы в сады.
И смеялись, и плескались,
Пеня плоский водоем;
Как встречались, так расстались,
Песни пленные поем.
Жадный глаз наш еле ловит
Уж туманные холмы;
Что морская глубь готовит
В пене плещущей каймы?
Сентябрь 1910

¹ К пьесе Евг. Зноско-Боровского «Обращенный принц».

Боги, что за противный дождь!
 День и ночь он идет, гулко стуча в окно.
 Так, пожалуй, мне долго ждать,
 Чтобы крошка Фотис в садик ко мне пришла.
 Страшно ноги смочить в дожде,
 Чистой туники жаль, жаль заплетенных кос.
 Можно ль мне на нее роптать:
 Дева — нежный цветок, так ей пристало быть.
 Я — мужчина, не хрупкий я,
 Что на воду смотреть? Туч ли бояться мне?
 Плащ свой серый накину вмиг,
 В дом Фотис постучусь, будто пришлец чужой.
 То-то смеху и резвых игр,
 Как узнает меня, кудри откроет мне!
 Что, взял, гадкий, ты, гадкий дождь?
 Разве я не хитрец? кто не хитер в любви?
 Стукнул в двери моей Фотис —
 Мать мне открыла дверь, старую хмурая бровь.
 «Будет дома сидеть Фотис,—
 В сад к подруге пошла: разве ей страшен дождь?»

Январь 1909

Что морочишь меня, скрывшись в лесных холмах?
 Нимфой горных пустынь тщетно дразня меня?
 Знаю я хорошо, это ведь голос твой;
 Ты ответы даешь нежным словам моим.
 Я «люблю» закричу, ты мне «люблю» в ответ;
 Я «навек» повторю, ты повторишь «навек»;
 Но лишь только скажу в сладкой надежде «твой» —
 Ты мне «твой» же назад с легким зephyром шлешь.
 Все холмы обыскал, все обыскал леса,
 Чтоб шалунью найти и услышать: «Твоя».
 Тщетны поиски все; бедный безумец я,
 Что в бесплодной мечте с эхом беседу вел.

Январь 1909

ГЕРО

Тщетно жечь огонь на высокой башне,
Тщетно взор вперять в темноту ночную,
Тщетно косы плесть, умащаться нардом,
Бедная Геро!

Слышишь вихря свист? слышишь волн стенанье?
Грозен черный мрак, распростерт над морем.
Что белеет там средь зыбей бездонных —
Пена иль милый?

«Он придет, клянусь, мой пловец бесстрашный!
Сколько раз Леандр на огонь условный,
К зимним глух волнам, рассекал рукою
Глубь Геллеспонта!»

Он придет не сам, но, волной влекомый,
Узришь труп его на песке прибрежном:
Бледен милый лик, разметались кудри,
Очи сомкнулись.

Звонче плач начни, горемыка Геро,
Грудь рыданьем рви — и заропщут горы,
Вторя крику мук и протяжным воплям
Эхом послушным.

«Меркни, белый свет, угасай ты, солнце!
Ты желтей, трава, опадайте, листья:
Сгибнул нежный цвет, драгоценный жемчуг
Морем погублен!

Как мне жить теперь, раз его не стало?
Что мне жизнь и свет? безутешна мука!
Ах, достался мне не живой любовник, —
Я же — живая!

Я лобзанье дам, но не ждать ответа;
Я на грудь склонюсь — не трепещет сердце,

Крикну с воплем я: «Пробудись, о милый!» —
Он не услышит!

Лейся, жизнь моя, в поцелуях скорбных!
Током страстных слез истекай, о сердце!
В мой последний час нацелуюсь вволю
С бледным Леандром!»

Март 1909

5

В тенистой роще безмятежно
Спал отрок милый и нагой;
Он улыбался слишком нежно,
О камень опершись ногой.

Я на него смотрел прилежно
И думал: «Как любовь, ты мил!»
Он улыбался слишком нежно,—
Зачем его я разбудил?

Его рабом стать неизбежно
Мне рок прекрасный начертал;
Он улыбался слишком нежно,—
Я, взявши рабство, не роптал.

1908

6

В СТАРЫЕ ГОДЫ

Подслушанные вздохи о детстве,
когда трава была зеленее,
солнце казалось ярче
сквозь тюлевый полог кровати
и когда, просыпаясь,
слышал ласковый голос
ворчливой няни;
когда в дождливые праздники
вместо Летнего сада
водили смотреть в галереи
сраженья, сельские пейзажи и семейные портреты;

когда летом уезжали в деревни,
где круглолицые девушки
работали на полях, на гумне, в амбарах
и качались на качелях
с простою и милой грацией,
когда комнаты были тихи,
мирны,
уютны,
одинокие читальщики
сидели спиною к окнам
в серые, зимние дни,
а собака сторожила напротив,
смотря умильно,
как те, мечтая,
откладывали недочитанной книгу;
семейные собрания
офицеров, дам и господ,
лицеистов в коротких куртках
и мальчиков в длинных рубашках,
когда сидели на твердых диванах,
а самовар пел на другом столе;
луч солнца из соседней комнаты
сквозь дверь на вощеном полу;
милые рощи, поля, дома,
милые, знакомые, ушедшие лица —
очарование прошлых вещей, —
вы — дороги,
как подслушанные вздохи о детстве,
когда трава была зеленее,
солнце казалось ярче
сквозь тюлевый полог кровати.

Сентябрь 1907

7

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Пела труба; солдаты ложились спать;
Тихи были сады с просторными домами.
Куда я пошла, не спросила мать,
А я сказала, что иду за цветами.

У берега качалась лодка.
Хватит ли денег? боюсь опоздать!
Матрос сказал мне: «Садись, красотка,
Свезу и даром,— велишь подать?»
Теперь уж близко, скорей, скорее!
Милая звезда, погибнуть не дай!
Ты с каждой минутою всё зеленее,
Крепче, крепче мне помогай!
Вот и подъезд. Неужели опоздала?
Глупое сердце, в грудь не бей!
Слышались скрипки из окон зала,
В дверях смеялся высокий лакей.
Но вот показались рыжие лошадки...
Зачем, зачем он так хорош?
Зачем эти минуты так горьки и сладки
И меня бросает то в жар, то в дрожь?
Вышел из экипажа... легка походка,
Прошел, не глядя, шпорами звеня.
Верная звезда, верная лодка,
Вы и сегодня не обманули меня!
Дома все спят, трещит лампадка.
Утром вставать будет такая лень!
Цветов я не достала,— это, конечно, гадко;
Без цветов придется встретить Троицын день.
Февраль 1911

8

Чем ты, луг зеленый, зелен,
Весенними ль травами?
Чем ты, мед янтарный, хмелен:
Какими отравами?
Кем ты, путь мой дальний, велен:
Судьбами ль правыми?

Луг зеленый зеленится
Под острыми косами;
Меду сладкому смешиться
Со скорбными росами;
В путь идет со мной девица
Ногами бóсыми.

Кто о луге новом бредит,
Тот в свете находится;
Меду нового нацедит
Ему Богородица;
С кем незримый всадник едет,
Тот верно водится.

Июль 1909

9

Солнцем залит сад зеленый...
Еле дышишь, еле видишь...
Рой сверху жужжит пчелиный...
Где-то стук копыт услышишь...
Едет всадник в сад зеленый...

Юный всадник, ты — влюбленный,—
Сердцем тотчас узнаю я:
Есть на сердце знак единый.
Розу алую целуя,
Гостя встречу я, влюбленный.

Едет «в солнце облеченный»;
Если б знал он, если б ведал!
Вспомни, братец голубиный,
Имя прежде не предал?
Что ж молчишь ты, облеченный?

У калитки затворенной
Повод бросил, бросил стремя...
О, побудь хоть миг единый!
Знаешь сам: летуче время,—
Нет калитки затворенной.

Я, любовью утомленный,
К сердцу всадника прижмуся...
Опустился рой пчелиный!..
Ты покой найдешь, клянуся!
Знойным полднем утомленный.

Февраль 1909

ПАСХА

У Спаса у Евфимия
Звонят в колокола.
Причастен светлой схиме я,
Когда весна пришла.
Сквозь зелени веселые
Луга видны давно,
Смотрю на лес и сёла я
Через узкое окно.
Минуло время страдное,
И в путь пора, пора!
Звучит мне весть отрадная
От ночи до утра.
Престали быть мы сырими,
Опять Христос меж нас,—
Победными стихирами
Гремит воскресный глас.
О братья возлюблённая,
Ведите вы меня
Туда, где обновленная
Чернеется земля.
Ах, небо, небо синее!
Ах, прежняя любовь!
Не доживу до инея,
Лишь там сойдемся вновь!
Сойду не с погребальными
Я песнями во гроб:
С канонами пасхальными
Украсит венчик лоб.
Скрещу я руки радостно,
Взгляну на вешний лес
И благостно и сладостно
Скажу: «Христос Воскрес!»

Март 1910

Х

193—199. СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

1

С. Аусленгеру

Одна звезда тебе над колыбелью
Цвела и над моей цвела весной.
Два языка даны душе одной:
Моя печаль поет твоей свирелью.
Ты, как Челлини, жаден к рукоделью,
Весну Тосканы сладко возродил.
Печальный отрок, горестен и мил,
Бредешь в полях, вотще ища забавы.
Венки из трав, исполненных отравы,
Сплетаешь нежно с дремлющих могил.

Я помню вновь весны веселый трепет,
Когда мне видятся твои черты.
Не тот же ль хмель почувешь скоро ты,
Пройдя шагов несмелых первый лепет?
Взлетишь, взлетишь, как непокорный стрепет!
Любви чужой прилежный ученик,
К земле другой так набожно приник,
Слова твои так сладостно правдивы,
Что, мнится, вот под северные ивы
Перенесешь живительный родник.

1908

2

АКРОСТИХ

В. Я Брюсову

Валы стремят свой яростный прибой,
А скалы всё стоят неколебимо.
Летит орел, прицелов жалких мимо,
Едва ли кто ему прикажет: «Стой!»

Разящий меч готов на грозный бой,
И зов трубы звучит неутомимо.
Ютясь в тени, шипит непримиримо
Бессильный хор врагов, презрен тобой.

Ретивый конь взрывает прах копытом.
Юродствуй, раб, позоря Букефала!
Следи, казнясь, за подвигом открытым!

О, лёт царя! как яро прозвучала
В годах, веках труба немолчной славы!
У ног враги — безгласны и безглавы.

1908

3

ОТВЕТНЫЙ СОНЕТ

Ю. Н. Верховскому

Ау, мой друг, припомни вместе с «башней»
Еще меня, кому не чужды «Оры»,
Бывало, гость, я пел здесь до авроры,
Теперь же стал певуньей всегдашней,

Наверно, стал наглей я и бесстрашней,
Что смел вступить в содружеские хоры,—
Так пес дворной, забравшись в гончих своры,
Летит стрелой, чтоб не узнали шашней.

А впрочем, нет: в теперешних напевах
Я — чист и строг, хоть и чужда мне мрачность
И сам в себе не вижу иноверца,—

Но присмирел проказник в правых гневах,
И флёр покрыл опасную прозрачность,
Чтоб не смущать доверчивого сердца.

Август 1909

4

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Н. С. Гумилеву

Манон Леско, влюбленный завсегда
Твоих времен, я мыслию крылатой
Искал вотще исчезнувших забав,
И образ твой, прелестен и лукав,
Меня водил — изменчивый вожатый.

И с грацией манерно-угловатой
Сказала ты: «Пойми любви устав,
Прочтя роман, где ясен милый нрав
Манон Леско:

От первых слов в таверне вороватой
Прошла верна, то нищей, то богатой,
До той поры, когда, без сил упав
В песок чужой, вдали родимых трав,
Была зарыта шпагой, не лопатой
Манон Леско!»

Август 1909

5

Вяч. Ив. Иванову

Певцу ли розы принесу
Цветов царицу?
В каком саду, в каком лесу
Сберу кошницу?

Мои укромные поля
В день именинный
Сей цвет семейства миндаля
Дарят невинный.

Но розы уменьшенный вид,
Хоть небогатый,
Гласит: «Два дня — и прилетит
Весны глашатай».

Но помни: позднею порой
В сентябрьской стуже
Он принесет наряд второй,
Ничуть не хуже.

Март 1911

6

С. Соловьеву

Увы, любви своей не скрою:
Видна по тысяче примет.
Я слышу голос за горою —
Моей тоске звучит ответ.

Осенней, желтою порою
Весна повеет на лугах.
Я слышу голос за горою:
Какой привет в его словах!

Забудешь Мирту, встретишь Хлою,
Не для тебя печаль могил.
Я слышу голос за горою:
Поет далёко, близко — мил.
1908

7

В. К. Шварсалон

Петь начну я в нежном тоне,
Раз я к Мейстеру попал.
Шлет привет его Миньоне,
Кто избегнул злых опал.
Кров нашел бездомный странник
После жизни кочевой;
Уж не странник, не изгнанник,
Я от счастья сам не свой.
Отдал вольной жизни дань я,
Но пред радостным концом
В дверь таинственного зданья
Робким я стучусь жильцом.
Две жены на башне тайной
Правят верно мерный ход,
Где, пришелец не случайный,
Я отру дорожный пот.
Будто рыцарские дамы
Вышивают синий шарф
И готовят орифламмы
Под напевы звучных арф.
Синий цвет подходит к шарфу,
И равна в вас благодать,
Как, в одной признавши Марфу,
В Вас Марии не узнать?
То Мария, то Миньона,
Антигона вы всегда,—
Заревого небосклона
Засветившая звезда.

1909

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

200—229. ВЕНОК ВЕСЕН (ГАЗЭЛЫ)

1

Чье-то имя мы услышим в пути весеннем?
В книжку сердца что напишем в пути весеннем?
Мы не вазы с народом сладким в подвале темном:
Не пристало спать по нишам в пути весеннем.
Бег реки, ручьев стремленье кружит быстрее,
Будто стало всё дервишем в пути весеннем.
Опьянен я светлой рощей, горами, долом
И травой по плоским крышам в пути весеннем!
Звонче голос, бег быстрее, любовной пляски
Не утишим, не утишим в пути весеннем!
Поводырь слепой слепого, любовь слепая,
Лишь тобою мы и дышим в пути весеннем!

2

Ведет по небу золотая вязь имя любимое.
Шепчу я, ночью долгою томясь, имя любимое.
На площадь выйдя, громко я скажу, все пускай
слушают,
Любви глашатай, крикну, не стыдись, имя любимое.
Пускай в темницу буду заточен, славить мне
песнями
Не может запретить жестокий князь имя любимое.
Две буквы я посею на гряде желтой настурцией,
Чтоб все смотрели, набожно дивясь, имя любимое.
Пусть рук и языка меня лишат — томными вздохами
Скажу, как наша неразрывна связь, имя любимое!

Кто видел Мекку и Медину — блажен!
 Без страха встретивший кончину — блажен!
 Кто знает тайну скрытых кладов, волшебств,
 Кто счастьем равен Аладину — блажен!
 И ты, презревший прелесть злата, почет
 И взявший нищего корзину, — блажен!
 И тот, кому легка молитва, сладка,
 Как в час вечерний муэдзину, — блажен!
 А я, смотря в очей озера, в сад нег
 И алых уст беря малину, — блажен!

Нам рожденье и кончину — всё дает Владыка неба.
 Жабе голос, цвет жасмину — всё дает Владыка
 неба.
 Летом жар, цветы весною, гроздя осенью румяной
 И в горах снегов лавину — всё дает Владыка неба.
 И барыш, и разоренье, путь счастливый, смерть
 в дороге,
 Власть царей и паутину — всё дает Владыка неба.
 Кравчим блеск очей лукавых, мудрецам седин
 почтенье,
 Стройной стан, горбунье спину — всё дает Владыка
 неба.
 Башни тюрем, бег Евфрата, стены скал, пустынь
 просторы,
 И куда я глаз ни кину — всё дает Владыка неба!
 Мне на долю — плен улыбок, трубы встреч,
 разлуки зурны,
 Не клянусь свою судьбину: всё дает Владыка неба.

Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо.
 Что мудреней всех загадок? Твое лицо.
 Что струею томной веет в вечерний час,
 Словно дух жасминных грядок? Твое лицо!
 Что, как молния, сверкает в день летних гроз

На охоте ты — олень: скоры ноги, чутки уши,
Но и я лихой ловец: нам пристала взглядов мена.
На горé ты стадо пас: бди, пастух, не засыпая:
Я как волк среди овец: нам пристала взглядов мена.
Милый скряга, клад храни: ловкий вор к тебе
крадется,
Ключ хитрей бери, скупец, нам пристала взглядов
мена.
Круг оцеплен, ключ звучал, выходи на поединок,
Я — испытанный боец, нам пристала взглядов мена.
Птица в клетке, жар в груди, кто нам плен наш
расколдует?
Что ж, летишь ли, мой скворец? нам пристала
взглядов мена.
У меня в душе чертог: свечи тают, ладан дышит,
Ты — той горницы жилец: нам пристала взглядов
мена.
Разве раньше ты не знал, что в любви морях
широких
Я — пловец и ты — пловец? нам пристала взглядов
мена.
Кто смеется — без ума; кто корит — без
рассужденья;
Кто не понял, тот — скопец: нам пристала взглядов
мена.
Что молчишь, мой гость немой? что косишь лукавым
оком?
Мой ты, мой ты наконец: нам пристала взглядов
мена!..

8

Покинь покой томительный, сойди сюда!
Желанный и медлительный, сойди сюда!
Собаки мной прикормлены, открыта дверь,
И спит твой стражник бдительный: сойди сюда!
Ах, дома мне не спáлося: всё ты в уме...
С улыбкой утешительной сойди сюда!
Оставь постели мягкие, свой плащ накинь,
На зов мой умильный сойди сюда!

Луною, что четырнадцать прошла ночей,
Яви свой лик слепительный, сойди сюда!
Нарушено безмолвие лишь звоном вод,
Я жду в тиши мучительной, сойди сюда!
Вот слышу, дверью скрипнули, огонь мелькнул...
Губительный, живительный, сойди сюда!

9

Всех поишь ты без изъятя, кравчий,
Но не всем твои объятя, кравчий!
Брови — лук, а взгляд под бровью — стрелы,
Но не стану обнимать я, кравчий!
Стан — копье, кинжал блестящий — зубы,
Но не стану целовать я, кравчий!
В шуме пира, в буйном вихре пляски
Жду условного пожатя, кравчий!
Ты не лей вина с избытком в чашу:
Ведь вино — плохая сватья, кравчий!
А под утро я открою тайну,
Лишь уснут устало братья, кравчий!

10

Как нежно золотеет даль весною!
В какой убор одет миндаль весною!
Ручей звеня бежит с высот в долину,
И небо чисто как эмаль весною!
Далёки бури, ветер с гор холодный,
И облаков прозрачна шаль весною!
Ложись среди ковра цветов весенних:
Находит томная печаль весною!
Влюбленных в горы рог охот не манит,
Забыты сабля и пицаль весною!
Разлука зимняя, уйди скорее,
Любовь, ладью свою причаль весною!
Желанный гость, приди, приди в долину
И сердце вновь стрелой ужаль весною!

Цветут в саду фисташки, пой, соловей!
 Зеленые овражки пой, соловей!
 По склонам гор весенних маков ковер;
 Бредут толпой барашки. Пой, соловей!
 В лугах цветы пестреют, в светлых лугах!
 И кашки, и ромашки. Пой, соловей!
 Весна весенний праздник всем нам дарит,
 От шаха до букашки. Пой, соловей!
 Смотря на глаз лукавый, карий твой глаз,
 Проигрываю в шашки. Пой, соловей!
 Мы сядем на террасе, сядем вдвоем...
 Дымится кофей в чашке... Пой, соловей!
 Но ждем мы ночи темной, песни мы ждем
 Любимой, милой пташки. Пой, соловей!
 Прижмись ко мне теснее, крепче прижмись,
 Как вышивка к рубашке. Пой, соловей!

Нынче праздник, пахнет мята, всё в цвету,
 И трава еще не смята: всё в цвету!
 У ручья с волною звонкой на горе
 Скачут, резвятся козлята. Всё в цвету!
 Скалы сад мой ограждают, стужи нет,
 А леса-то! а поля-то: всё в цвету!
 Утром вышел я из дома на крыльцо —
 Сердце трепетом объято: всё в цвету!
 Я не помню, отчего я полюбил,
 Что случается, то свято. Всё в цвету.

Острый меч свой отложи, томной негой полоненный.
 Шею нежно обнажи, томной негой полоненный.
 Здесь не схватка ратоборцев, выступающих в кругу,
 Позабудь свои ножи, томной негой полоненный!
 Здесь не пляска пьяных кравчих, с блеском глаз
 стекла светлей,
 Оком карим не кружи, томной негой полоненный!

Возлюби в лобзаннях сладких волн медлительную
 лень,
 Словно зыбью зрелой ржи, томной негой
 полоненный!
 И в покое затворенном из окна посмотришь в сад,
 Как проносятся стрижи, томной негой полоненный.
 Луч вечерний красным красит на ковре твой ятаган,
 Ты о битвах не тужи, томной негой полоненный!
 Месяц милый нам задержит, и надолго, утра час,—
 Ты о дне не ворожи, томной негой полоненный!
 До утра перебирая страстных четок сладкий ряд,
 На груди моей лежи, томной негой полоненный!
 Змеи рук моих горячих сетью крепкой заплету,
 Как свиваются ужи, томной негой полоненный.
 Ты дойдешь в восторгах нежных, в новых
 странствиях страстей
 До последней до межи, томной негой полоненный!
 Цепи клятв, гирлянды вздохов я на сердце положу,
 О, в любви не бойся лжи, томной негой полоненный.

14

Зачем, златое время, летишь?
 Как всадник, ногу в стремя, летишь?
 Зачем, заложник милый, куда,
 Любви бросая бремя, летишь?
 Ты, сеятель крылатый, зачем,
 Огня посея семя, летишь?!

15

Что стоишь ты опечален, милый гость?
 Что за груз на плечи взвален, милый гость?
 Проходи своей дорогой ты от нас,
 Если скорбью не ужален, милый гость!
 Ах, в гостинице закрытой — три двора
 Тем, кто ищет усыпален, милый гость.
 Трое кравчих. Первый — белый, имя — Смерть;
 Глаз открыт и зуб оскален, милый гость.

А второй — Разлука имя — красный плащ,
Будто искра наковален, милый гость.
Третий кравчий, то — Забвенье, он польет
Черной влагой омывален, милый гость.

16

Слышу твой кошачий шаг, призрак измены!
Вновь темнит глаза твой мрак, призрак измены!
И куда я ни пойду, всюду за мною
По пятам, как тайный враг,— призрак измены.
В шуме пира, пляске нег, стуке оружий,
В буйстве бешеных ватаг — призрак измены.
Горы — голы, ветер — свеж, лань быстронога,
Но за лаем злых собак — призрак измены.
Ночь благая сон дарит бедным страдальцам,
Но не властен сонный мак, призрак измены.
Где, любовь, топаза глаз, памяти панцирь?
Отчего я слаб и наг, призрак измены?

17

Насмерть я сражен разлукой стрел острей!
Море режется фелукой стрел острей!
Память сердца беспощадная, уйди,
В грудь пронзенную не стучай стрел острей!
Карий блеск очей топазовых твоих
Мне сиял любви порукой, стрел острей.
Поцелуй, что как розы зацвели,
Жгли божественной наукой, стрел острей.
Днем томлюсь я, ночью жаркою не сплю:
Мучит месяц сребролукий, стрел острей.
У прохожих я не вижу красоты,
И пиры мне веют скукой, стрел острей.
Что калека, я на солнце правлю глаз,
И безногий, и безрукий — стрел острей.
О, печаль, зачем жестоко так казнить
Уж израненного мукой, стрел острей?

Дней любви считаю звенья, повторяя танец мук,
 И терзаюсь, что ни день я, повторяя танец мук!
 Наполняя, подымая кубок темного вина,
 Провожу я ночи бденья, повторяя танец мук.
 Пусть других я обнимаю, от измены я далек,—
 Пью лишь терпкое забвенье, повторяя танец мук!
 Что, соседи, вы глядите с укоризной на меня?
 Я несусь в своем круженьи, повторяя танец мук.
 Разделенье и слиянье — в поворотах томных поз;
 Блещут пестрые каменья, повторяя танец мук.
 И бессильно опускаюсь к гиацинтовым коврам,
 Лишь глазами при паденьи повторяя танец мук.
 Кто не любит, приходите, посмотрите на меня,
 Чтоб понять любви ученье, повторяя танец мук.

От тоски хожу я на базары: что мне до них!
 Не развеют скуки мне гусяры: что мне до них!
 Кисея, как облак зорь вечерних, шитый баркан...
 Как без глаз, смотрю я на товары: что мне до них!
 Голубая кость людей влюбленных, ты, бирюза,
 От тебя в сердцах горят пожары: что мне до них!
 И клинок дамасский уж не манит: время прошло,
 Что звенели радостью удары: что мне до них!
 Сотню гурий купишь ты на рынке, был бы кошель,
 Ах, Зулейки, Фатьмы и Гюльнары: что мне до них!
 Не зови меня, купец знакомый,— щеголь ли я?
 Хороши шальвары из Бухары: что мне до них!

Алость злата — блеск фазаний в склонах гор!
 Не забыть твоих лобзаний в склонах гор!
 Рог охот звучит зазывно в тишине.
 Как бежать своих терзаний в склонах гор?
 Верно метит дротик легкий в бег тигриц,
 Кровь забьет от тех вонзаний в склонах гор.

Пусть язык, коснея, лижет острие —
Тщетна ярость тех лизаний в склонах гор.
Крик орлов в безлесных кручах, визги стрел,
Хмель строптивых состязаний в склонах гор!
Где мой плен? к тебе взываю, милый плен!
Что мне сладость приказаний в склонах гор?
Горный ветер, возврати мне силу мышц
Сеть порвать любви вязаний в склонах гор.
Ночь, спустись своей прохладой мне на грудь:
Власть любви всё несказанней в склонах гор!
Я лежу, как пард пронзенный, у скалы.
Тяжко бремя наказаний в склонах гор!

21

Летом нам бассейн отраден плеском брызг!
Блещет каждая из впадин плеском брызг!
Томным полднем лень настала: освежись —
Словно горстью светлых градин — плеском брызг!
Мы на пруд ходить не станем, окропись —
Вдалеке от тинных гадин — плеском брызг!
Ах, иссохло русло неги, о, когда
Я упыюсь, лобзаний жаден, плеском брызг?
И когда я, бедный странник, залечу
Жар больной дорожных ссадин плеском брызг?
Встречи ключ, сыграй привольно, как и встарь,
(О, не будь так беспощаден!) плеском брызг!

22

Несносный ветер, ты не вой зимою:
И без тебя я сам не свой зимою!
В разводе с летом я, с теплом в разводе,
В разводе с вешней бирюзой зимою!
Одет я в траур, мой тюрбан распущен,
И плащ с лиловою каймой зимою.
Трещи, костер из щеп сухих. О, сердце,
Не солнце ль отблеск золотой зимою?
Смогу я в ларчике с замком узорным
Сберечь весну и поддня зной зимою.

Печати воск — непрочен. Ключ лобзаний,
Вонзись скорей в замок резной зимою!
Разлуке кровь не утишить; уймется
Лишь под могильною плитой зимою!

23

Когда услышу в пеньи птиц: «Снова с тобой!»?
И скажет говор голубиц: «Снова с тобой!»?
И вновь звучит охоты рог, свора собак,
И норы скрытые лисиц: «Снова с тобой!»
Кричит орел, шумит ручей — всё про одно, —
И солнца свет, и блеск зарниц: «Снова с тобой!»
Цветы пестро цветут в лугах — царский ковер —
Венец любви, венок цариц — «Снова с тобой!»
Опять со мной топаза глаз, розовый рот
И стрелы — ах! — золотых ресниц! Снова с тобой!!

24

Зову: «Пещерный мрак покинь, о Джени! сильно
заключатье!
Во тьме, в огне, одет иль обнажен! сильно заключатье!
Я снял печать с дверей твоих пещер, тайные знаки;
К моим ногам ползи, как раб согбен! сильно
заключатье!
Стань дымом, рыбой, львом, змеей, женой, отроком
милым:
Игра твоих бесцельна перемен. Сильно заключатье!
Могу послать тебя, куда хочу, должен лететь ты,
Не то тебя постигнет новый плен. Сильно заключатье!
Не надо царства, кладов и побед; дай мне увидеть
Лицом к лицу того, кто чужд измен. Сильно
заключатье!
О факел глаз, о стан лозы, уста, вас ли я вижу?!
Довольно, Джени, твой сон благословен.
Сильно заключатье!»

Он пришел в одежде льна, белый в белом!
 «Как молочна белизна, белый в белом!»
 Томен взгляд его очей, тяжки веки,
 Роза щек едва видна: «Белый в белом,
 Отчего проходишь ты без улыбки?
 Жизнь моя тебе дана, белый в белом!»
 Он в ответ: «Молчи, смотри: дело Божье!»
 Белизна моя ясна: белый в белом.
 Бело-тело, бел-наряд, лик мой бледен,
 И судьба моя бледна; белый в белом!

Он пришел, угрозы тая, красный в красном,
 И вскричал, смущенный, тут я: «Красный в красном!
 Прежде был бледнее луны, что же ныне
 Рдеют розы, кровью горя, красный в красном?»
 Облечен в багряный наряд, гость чудесный
 Улыбнулся, так говоря, красный в красном:
 «В пламя солнца вот я одет. Пламя — яро,
 Прежде плащ давала заря. Красный в красном.
 Щеки — пламя, красен мой плащ, пламя — губы,
 Даст вина, что жгучей огня, красный в красном!»

Черной ризой скрыты плечи. Черный в черном.
 И стоит, смотря без речи, черный в черном.
 Я к нему: «Смотри, завистник-враг ликует,
 Что лишен я прежней встречи, черный в черном!
 Вижу, вижу: мрак одежды, черный локон —
 Черной гибели предтечи, черный в черном!»

¹ Газзлы 25, 26 и 27 представляют собою вольное переложение стихотворных отрывков, вставленных в «1001 ночь», написанных, впрочем, не в форме газэл. Взято по переводу Mardrus (t. VI. «Aventure du poëte Abou-Nowas», pgs. 68, 69 et 70, nuit 288). <Пер. фр. текста: «Т. 6. «Приключения поэта Абу-Новаса», стр. 68, 69 и 70, ночь 288». — *Peg.*>

Каких достоин ты похвал, Искандер!
 Великий город основал Искандер!
 Как ветер в небе, путь прошел к востоку
 И ветхий узел разорвал Искандер!
 В пещеру двух владык загнав навеки,
 Их узы в ней заколдовал Искандер!
 Влеком, что вал, вельнем воль предвечных,
 Был тверд средь женских покрывал Искандер.
 Ты — вольный вихрь, восточных врат воитель,
 Воловий взор, луны овал, Искандер!
 Весь мир в плену: с любви свечой в деснице
 Вошел ты в тайный мой подвал, Искандер.
 Твой страшен вид, безмолвен лик, о дивный!
 Как враг иль вождь ты мне кивал, Искандер?
 Желаний медь, железо воль, воитель,
 Ты всё в мече своем сковал, Искандер.
 Волшебник светлый, ты молчишь? вовеки
 Тебя никто, как я, не звал, Искандер!

Взглянув на темный кипарис, пролей слезу,
 любивший!
 Будь ты поденщик, будь Гафиз, пролей слезу,
 любивший!
 Белеет ствол столба в тени, покоя стражник строгий,
 Концы чалмы спустились вниз; пролей слезу,
 любивший!
 Воркует горлиц кроткий рой, покой не возмущая,
 Священный стих обвил карниз: пролей слезу,
 любивший.
 Здесь сердце, путник, мирно спит: оно любовью
 жило:
 Так нищего питает рис; пролей слезу, любивший!
 Кто б ни был ты, идя, вздохни; почти любовь,
 прохожий,
 И, бросив набожно нарцисс, пролей слезу,
 любивший!
 Придет ли кто к могиле нег заросшею тропею
 В безмолвной скорби темных риз? пролей слезу,
 любивший.

Я кладу в газэлы ларь венок вёсен.
 Ты прими его как царь, венок вёсен.
 Песни ты сочти мои,— сочтешь годы,
 Что дает тебе, как встарь, венок вёсен.
 Яхонт розы — дни любви, разлук время —
 Желтых крокусов янтарь — венок вёсен.
 Коль доволен — поцелуй, когда мало —
 Взором в сердце мне ударь, венок вёсен.
 Я ошибся, я считал лишь те сроки,
 Где был я твой секретарь, венок вёсен.
 Бровь не хмурь: ведь ящик мой с двойной крышкой,
 Чтоб длинней был календарь, венок весен!
Май—июнь 1908

II

230. ВСАДНИК

Гансу ф. Гюнтеру

1

Дремучий лес вздыбил по горным кручам
 Зубцы дубов; румяная заря,
 Прогнавши ночь, назло упрямым тучам
 В ручей лучит рубин и янтаря.
 Не трубит рог, не рыщут егеря,
 Дороги нет смиренным пилигримам,—
 Куда ни взглянь — одних дерев моря
 Уходят вдаль кольцом необозримым.
 Всё пламенней восток в огне необоримом.

2

Росится путь, стучит копытом звонкий
 О камни конь, будя в лесу глухом
 Лишь птиц лесных протяжный крик и тонкий
 Да белки бег на ствол, покрытый мхом.
 В доспехе лат въезжает в лес верхом,

Узду спустив, молодой и бледный витязь.
Он властью сил таинственных влеком.
Безумен, кто б велел: «Остановитесь!»
И кто б послу судьбы сказал: «Назад вернитесь».

3

Заграждены его черты забралом,
Лишь светел блеск в стальных орбитах глаз,
Да рот цветет просветом густо алым,
Как полоса зари в ненастный час.
Казалось, в лес вступил он в первый раз,
Но страха чужд был лик полудевичий
И без пятна золотых очей топаз.
Не преградит пути оракул птичий,—
«Идти всегда вперед» — вот рыцаря обычай.

4

Уж полпути от утра до полудня
Светило дня неспешно протекло.
Как и всегда, в день праздничный иль будни,
К зениту вверх стремится свой бег оно,
Туманна даль, как тусклое стекло,
Вдруг конь храпит, как бы врага почуя,
Трубит рожок, неслыханный давно,
И громкий крик несется, негодуя:
«Ни с места, рыцарь, стой! Тебя давно уж жду я!»

5

Блестящий щит и панцирь искрометный
Тугую грудь приметно отмечал,
Но шелк кудрей, румянец чуть заметный
Девицу в нем легко изобличал,
И речь текла без риторских начал:
«Браманта — я! самцов я ненавижу,
Но миру дать вождя мне дух вещал.
Ты выбран мной! Пусть враг! теперь увижу,
Напрасно ли судьба влекла меня к Парижу!

Сразись со мной! тебе бросаю вызов!
 О, если б был ты встречных всех сильней!
 Желанен мне не прихотью капризов,
 Но силой той, что крепче всех цепей.
 Возьми меня! Как звонок стук мечей!
 Паду твоей! О, сладость поражения!
 Вот грудь моя: победу пей на ней!
 Не медли, меч! О рыцарь, брось сомненья,
 Скуем любви союз и ненависти звенья!»

В ответ молчит; без эха прозвучала
 Браманты речь, и, тягостным мечом
 Рассекши ель, вперед свой бег промчала
 Девица-муж, мелькнувши в лес плащом,
 Исчезла в даль. Пожал герой плечом
 И едет вновь вперед неутомимо,
 Не думая, казалось, ни о чем.
 Леса и дол — всё протекало мимо,
 Так странника влечет звезда Иерусалима.

Уж полдень слать лучи приутомился,
 Закинул лук, вложил стрелу в колчан,—
 Как на лугу наш витязь очутился.
 Виднелся холм, венцом дубов венчан,
 И облаков белел воздушный стан.
 Над ручейком беспечным и спокойным
 В полях брела, склоняя гибкий стан,
 Без покрывал, лучам открыта знойным,
 Девица, что весна, с лицом, любви достойным.

Цветы рвала, на рыцаря взирая,
 И скромный стих в устах ее звенел;
 Она жильцом скорей казалась рая;

Был кожи цвет так нежен и так бел,
Что с лилией сравниться бы посмел.
Простой убор и кос шафранных пряди,
А наверху волос прямой раздел,
И жемчуг лег струей на тонком ряде.
Сильнее девы власть при скромном столь наряде.

10

Стыдливо речь ведет она к герою,
Потупя взор и выронив цветы:
«Ждала тебя, о витязь мой, не скрою.
Во сне давно уже являлся ты,
Посол небес, неясный плод мечты!
Молюсь тебе, склонив свои колени,
В пустынный край влекут твои черты,
Где жители лишь волки да олени,
Но не услышишь ты ни жалобы, ни пени.

11

Всегда с тобой: какое счастье выше?
Достался мне блаженнейший удел.
Всевышний Бог, мольбу мою услыши!
От копий злых храни его и стрел,
Чтоб совершить немало славных дел.
А мне в трудах служить твоим покоем,
Любить тебя желанный час приспел.
Мы славы, друг, теперь уже не скроем:
Как стоя на весах, равно друг друга стоим».

12

Движеньем рук томленья выражая,
К себе манит проезжего она:
«Возьми меня: тебе я не чужая,
Как не чужа в реке волне волна.
Ведь грудь твоя моей любви полна».
Подобна речь струям ручья журчащим:
Поет в камнях, прохладна и темна.

Но рыцарь вдаль стремится к новым чашам,
Влеком любви огнем, стремящим и не спящим.

13

Уж солнце вновь лучи свои скосило:
Вечерний лес — чернее каждый миг.
Коня ведет таинственная сила
Путем, где свет закатный не проник.
Был так же тих и светел бледный лик
У витязя с бесслезными глазами.
Не ищет встреч с веселым стуком пик
И к девам слеп с завитыми косами,
Но к цели Рок стремится неизвестными путями.

14

Пещеры свод навстречу встал из чащи,
Тенистый вход в темнеющую тень,
А крови стук — тревожнее и слаще,
Трепещет грудь, как загнанный олень...
Быстрее, быстрее стремится к ночи день...
Под сводом тем стоит недвижно дева,
Ни с места конь, копытом бьет о пень...
Глядит она без страха и без гнева,
Слова звучат свежей свирельного напева.

15

«Кто путь открыл, куда всем путь заказан,
Тот должен стать достойным тайну знать.
Елеем ты таинственным помазан,
Ты — господин, не самозванный тать.
Вступи сюда! Воззри, ночная Мать,
Твой сын пришел прочесть немые знаки;
Вот — тайный час, чтоб жатву жизни жать,
В колосья ржи вплести мечтаний маки,
Внемли, ночная Мать, к тебе зываю паки!»

И руки, вверх поднявши, опустила,
 И белый жезл чертил волшебный круг.
 Его душа тревожно-сладко ныла.
 Так тетиву прямит упрямый лук,
 А та дрожит, неся стесненный звук.
 «Что дашь ты мне?» — спросил у девы странной.
 — Любовь и власть — дары всё тех же рук, —
 Она в ответ. — Да к мудрости нежданной
 Получишь ключ, войдя в пещеру, гость желанный.

«Любовь не здесь!» — прочел я в фолиантах;
 «Любовь не здесь», — сказал мне говор птиц,
 Когда читал о чудищах, гигантах
 И бегал в лес от пламенных страниц.
 Пусть грот таит все таинства блудниц, —
 «Любовь не здесь!» — мне шепчет голос тайный.
 «Вперед, вперед!» — зовет рожок зарниц;
 И голос дев, прелестный, но случайный,
 Не в силах совратить с тропы необычайной.

Она к нему, полна глухой обиды:
 «Любовь не здесь? но где ж тогда любовь?
 Елены где? Дидоны и Армиды?
 Не здесь ли все? Молчи, не прекословь!
 Войди сюда, не хмурь угрюмо бровь:
 В любви лишь власть познания мы обрящем.
 Уйми свой бег, что тянет вновь и вновь
 Идти вперед к иным, всё новым чащам,
 Где неизвестность спит, глуха к рогам манящим».

— Ты знаешь путь к любви? в моей дороге
 Вот всё, что нужно от тебя мне знать.
 Где страсти храм, священные чертоги,

Ты мне должна, коль можешь, указать.
Властитель я, не самозванный тать,—
Твои слова, зовущая в пещеру,—
Венцом любви чело короновать
Дается тем, кто сохраняет веру,
Поправ гордыни льва и ярости пантеру.

20

«Один лишь путь — то путь к себе я знаю,
Другого нет пути в любви страну,
Зачем бежишь? зачем стремишься к краю,
Где тщетно ждешь без осени весну?»
Он тихо взор подымлет на жену,
И, поздний путь спеша свершить до мрака,
Он шпорой вновь в бок колет скакуну.
Послушен конь, как верная собака;
Чтоб бег стремить, лишь ждал условленного знака.

21

И снова лес, теснятся снова скалы;
Уж гасит ночь вечерние огни,
И в высоте изломы и оскалы
Стенных зубцов, чуть видные в тени.
«Эй, где ты, страж, ключ ржавый поверни!
Ответь рожку, пусть спустят мост подъемный,
Сигнальный флаг на башне разверни:
Здесь путник ждет, не недрут вероломный!»
Но горный замок спит, безмолвный и огромный.

22

Не поднят мост, и конь, стуча копытом,
Стремится внутрь, ворота миновав.
На том дворе, ничьим следом не взрытом,
Деревьев нет, зеленых нету трав.
Коня к крыльцу надежно привязав,
Спешит войти в безмолвное жилище,
Ища себе не суетных забав,

Но розу роз всех сладостней и чище.
Взалкавшим по любви святая дастся пища.

23

Лишь эхо зал ответы отдавало
Шагам, во тьме звучащим темных зал.
Всё обойдя, по лестнице подвала
Спустился он в неведомый подвал.
Замок с дверей, на землю сбит, упал,
И свет свечей чертой дрожащей круга
Явил очам высокий пьедестал,—
И отрок наг к нему привязан туго.
И витязь стал пред ним, исполненный испуга.

24

Лукавый взор был светел и печален,
Острился край златеющих ресниц,
И розан рта, пчелой любви ужален,
Рубином рдел, как лал в венце цариц;
Костей состав, от пятки до ключиц,
Так хрупок был под телом смугло-нежным,
Что тотчас всяк лицом склонился б ниц,
Признав его владыкой неизбежным.
И к гостю лик склонил с приветом безмятежным.

25

«Ты здесь, любовь! твои разрушу узы!» —
Воскликнул тут неистовый пришлец.
«Мне всё равно: твой лик иль лик медузы
Предстал бы мне, как странствия конец.
Служить тебе — вот сладостный венец!
Прими в рабы, твои беру девизы,
Твои цвета — мне дивный образец,
Закон же мне — одни твои капризы.
Смотри: я путь прошел, не заляпнавши ризы».

С улыбкою Амур освобожденный,
 Как поводырь, его за руку взял
 И, подведя ко двери потаенной,
 Сиявший знак над нею указал.
 Цветок любви тот знак изображал,
 Блестел в тени, горя и не сгорая
 И яркий луч струя в подземный зал.
 О сердца свет! о роза, роза рая,
 Я вновь крещен тобой, любви купель вторая!

И молвил вождь: «Вот я тебя целую!»
 И ртом в чело печать навеки вжег.
 Трепещет гость, почуя «аллилуйю».
 Открывши дверь, ступил через порог.
 Был мал и пуст открывшийся чертог,
 Узорный пол расчерчен был кругами,
 В середине куст, где каждый лепесток
 Сравнится б мог с рубинными огнями;
 Безмолвье и покой меж светлыми столбами.

Покой найдя, встал рыцарь успокоен,
 Любовь найдя, поднялся он влюблен,
 Свой меч храня, явился чистым воин,
 Кольцо храня, любви он обручен.
 Амур глядит, мечом освобожден,
 Цветок цветет, качаяся лениво,
 И, в узкий круг волшебно заключен,
 Лучит любовь до крайнего обвива.
 О круг святой любви! о райской розы диво!

Июль 1908

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Всеволоду Князеву

231

Сладостной веря святыне,
Ждал не тебя ли?
Страстным желаниям ныне
Ангелы вняли.

В комнате светлой и тесной
В сумерки мая
Гость появился чудесный,
Лат не снимая.

Кто его шепот расслышит
В пении здешнем?
Сердце же любит и дышит
Веяньем вешним.

Пусть мои мысли застыли,
Память немая,
Вспомни, являлся не ты ли
В сумерки мая?

Камень копьем прободая,
Вызови вогу,
Чтобы текла, золотая,
Вновь на свободу!

1912

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

232. ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Входила Пречистая
 На гору высокую,
 Увидела Чистая
 Михаила-Архангела,
 Сказала Пречистая
 Михайлу-Архангелу:
 «Ты светлый, пресветлый
 Михаи́л-Архангел,
 Сведи меня видеть
 Всю муку людскую,
 Как мучатся грешники,
 Бога не знавшие,
 Христа позабывшие,
 Зло творившие».
 Повел пречистую
 Михаи́л-Архангел
 По всем по мукам
 По мученским:
 В геенну огненную,
 В тьму кромешную,
 В огонь неусыпающий,
 В реку огненную.
 Что на севере муки
 И на юге,
 На востоке солнца
 И на западе.
 Видела Чистая
 Все муки людские,
 Как мучатся грешники,
 Бога не знавшие,
 Христа позабывшие,
 Зло творившие:
 Князья, попы и мирская чадь,
 Что в церковь не хаживали,

Канунов не читывали,
Святых книг не слыхивали,
Заутрени просыпали,
Вечерни пропивали,
С кумами блудили,
Нищих прогоняли,
Странных не принимали,
Пьяницы, зернщики,
Скоморохи, попы ленивые,
Немилостивые, нежалостливые,
Все лихие скаредные
Дела сотворшие.
Как увидела Чистая
Все муки людские,
Восплакала, возрыдала,
Грешникам говорила:

«Вы бедные, бедные грешники,
Бедные вы, несчастные,
Лучше бы вам не родиться.
Ты светлый, пресветлый
Михаил-Архангел,
Вверзи меня
В геенну огненную:
Хочу я мучиться
С грешными чадами Божьими».

Сказал Пречистой
Михаил-Архангел:

«Владычица Богородица,
Госпожа моя Пресветлая!
Твое дело — в раю покоиться,
А грешникам — в аду кипеть.
А попроси лучше Сына Своего,
Исуса Христа Единородного,
Да помилует Он грешников».

Не послушал Господь Богородицы,
Не помиловал Он грешников,
И опять взмолилась Пречистая:

«Где вы, пророки, апостолы,
Где ты, Моисей Боговидец,
Даниил с тремя отроки,
Иван Богословец, Христов возлюбленный,

Где ты, Никола угодник,
Пятница, красота христианская?
Припадите вы ко Господу,
Да помилует Он грешников!»
Не послушал Господь Богородицы,
Не помиловал Он грешников,
И втретие вскричала Пречистая:
«Где ты, сила небесная:
Ангелы и архангелы,
Херувимы и серафимы,
Где ты, Михаи́л-Архангел,
Архистратиг вой небесных?
Припадите вы ко Господу,
Да помилует Он грешников!»
И припали все святые ангелы,
Пророки, апостолы,
Иван Богословец, Христов возлюбленный,
Пятница, красота христианская,—
И застонала высота поднебесная
От их плача-рыдания.
И услышал их Господь Милостивый,
И сжалился Он над грешниками:
Дал им покой и веселие
От Великого Четверга
До святых Пятидесятницы.

[1901]

233. О СТАРЦЕ И ЛЬВЕ

Солнце за лесом уж скрылося,
На луга уж пал туман,
По дороге идет старец,
Старец, инок пречестной.
Навстречу старцу
Идет лев зверь,
Лев дикий, лютый
Зверь рыкающий.
«О люте льве, зверю рыкающий,
Пожри, пожри меня:
Во грехах я весь родился,
И прощенья нет уж мне.

А грехов на мне,
Что на сосне смолы.
Тридцать лет о грехах я плачуся
И очистил много их,
Лишь один грех неочищенный
День и ночь меня томит.
Был я в молодости возчиком,
И дитя я задавил.
И с тех пор отрок загубленный
Всё стоит передо мной.
Он стоит с улыбкой тихою,
Говорит, головой киваючи:
«Ты за что сгубил мою душу?»
Ни постом, ни молитвой, ни бдением
Не заглушить того голоса,
И одно лишь мне спасение:
Свою жизнь отдать за сгубленную.
О люте льве, зверю рыкающий,
Ты пожри меня, старца грешного!»
И лег старец льву на дороге,
Чтобы пожрал его лютый зверь,
Но лютый лев, зверь рыкающий,
Кротко посмотрел на инока,
Помотал головой косматою —
И прыгнул через старца в темный лес.
И встал старец светел и радостен,
Знать, простил его Господь,
И простило дитя,
Отроча малое.

[1902]

234. О РАЗБОЙНИКЕ

Жил в фракийских странах
Лютый-злой разбойник,
Убивал он, грабил,
Про Бога не помнил.
И стали мерзеть уж
Ему грех, насилье,—
Тут о Боге вспомнил
И горько заплакал.

И пошел он в город
Судиям предаться;
Ночевать остался
В гостинице бедной.
И всю ночь он плакал,
Жизнь вспоминая,
Утирал убррусцем
Горючие слезы.

В те поры гостинник
Дивный сон он видел:
Ангелы Божьи
Подъемлют вси души
И несут их борзо
К престолу Господню.
Принесли тут ангелы
Разбойничью душу,
Черна и страшлива,
К ангелам прижалась.
И кладут тут мурины
На левую чашку
Все грехи, неправду,
Татьбы и убийства.
Расплакались ангелы,
Красные юноши:
Нечего класть им
На правую чашку.
Вспомнили тут что-то
Ангелы Господни,
Встрепенули крыльями,
Слетели на землю,
Принесли убррусец,
Слезами смоченный,
Положили в чашку
С Божьим милосердьем.
Дивно виденью!
Неудобь сказанью!
Чашка с грехами
Вверх поднялась.
Проснулся гостинник
В страхе превеликом,
Бросился в покоец,

Где пристал разбойник.
Догорала свечка
У Спасова лика,
Лежит сам разбойник,
Лежит он, не дышит,
Сложены накрест
Грешные руки,
На груди убрусец,
Слезами смоченный.

[1902]

235. СТИХ О ПУСТЫНЕ

Я молодой, я бедный юнош,
Я Бога боюся,
Я пойду да во пустыню
Богу помолюся.
Молодое мое тело
Постом утрудити,
Мои глазоньки пресветлы
Слезами затмити.
И срублю я во пустыне
Себе тесну келью,
Стану жить я во пустыне
С дивьими зверями.
Я поставлю медный крестик
На зелену сѡсну,
Прилеплю я желту свечку
Ко тонкой ко ветке —
И начну я службу править,
Птички зааминят,
И услышит ангел Божий
Тайную молитву.
Ни исправник, ни урядник
Меня здесь не схватят,
Ни попы, ни дьяконы
В церковь не затащат.
Никого в пустыне нету,
Да не возгорюю,
Никого я здесь не встречу,
Да не воздохну я.

Распевают малы пташки
Архангельски гласы,
Утешают младу душу
Те ли песни райски.
Не попомню сладких брашен,
Одежд многоцветных,
Не взыщу я питей пьяных,
Друзей прелюбезных.
Дерева, вы деревочки,
Мои братцы милы,
А береза белоножка
Дорога сестрица.
О, прекрасная пустыня,
Мати всеблагая,
Приими свое ты чадо
В свои сладки недра!

[1903]

236. СТРАШНЫЙ СУД

Вы подумайте, мила братия,
Каково будет нам в последний день;
Как вострубит ангел во трубушку,
И отворятся двери райские,
Вся земля тут вспоколеблется,
Солнце, месяц тут померкнут вдруг,
Звезды с неба спадут, как листвие,
Само небушко тут скорежится,
Протекет тогда река огненна
По всей земле по черной,
Попалит она древа, былие,—
Ничего тогда не останется.
И услышат ту злату трубушку
Души праведны, души грешные,
И войдут они в телеса своя
В новой плоти на суд воскреснути:
Из сырой земли, со дна морюшка
Встают праведны, встают грешники,
Звери лютые, птицы дикие
Отдают тела бедных грешников.

И восседет тут Сам Иисус Христос
Судить праведных, судить грешников.
Он — судья-то ведь Судья Праведный,
Он не смотрит на лица, Батюшка,
А у ангелов мерила правильны,
И весы у них справедливые.
Тут уж все равны: цари, нищие,
Простецы и попы соборные,
Не поможет тут золото-серебро,
Ни краса, ни уста румяные,
Не помогут тут отец с матерью,
Не помогут друзья любезные,
Лишь дела наши аль оправят нас,
Аль осудят на муку вечную.
Поглотит тогда река огненна
В муку вечную отсылаемых,
А святых души засветятся,
И пойдут они в пресветлый рай.

[1903]

II

237—243. ПРАЗДНИКИ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

1

ВСТУПЛЕНИЕ

Прости неопытную руку, Дева,
И грешный, ах, сколь грешный мой язык,
Но к клятвам верности я так привык,
Что Ты словам хвалебного напева
Внемли без гнева.

Будь я царем — Тебе моя порфира,
Будь я монах — поклялся б в чистоте,
Но что мне дать в смиренной нищете:
Мое богатство, данное от мира,—
Одна лишь лира.

Слагаю набожно простые строки,
Святая Дева, благостно внемли!

Ты видишь всё на небе, на земли,
Тебе известны тайных слез потоки
И смерти сроки.

И как мне петь? откуда взять хвалений?
Что я в юдоли сей? никто, ничто.
Но сердце страстное, оно не запрето,
Оно дрожит и жаждет умилений
В часы горений.

2

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Анна плакала в пустыне:
«Ах, не знать мне благостыни!
Люди, звери, мошка, птица,—
Всё вокруг нас веселится,
Мне же, бедной, никогда
Не свивать себе гнезда.

О, неплодная утроба!
Кто проводит к двери гроба?
Мы как грешники в притворе:
Скрыт упрек во всяком взоре.
Всякий чище, всяк святей
Той, что ходит без детей».

Иоаким вдали тоскует,
Ангел с неба возвестует:
«Божий раб, тоска напрасна.
Глаз Господень ежечасно
Скорби праведников зрит
И награду им дарит.

Браки людям не запретны,
Не тужи, что вы бездетны,
А иди к своим воротам —
Анна ждет за поворотом.
Ты жену свою прими,
Сердце грустью не томи!»

Где наш путь? куда, откуда?
Все мы ждем святого чуда,
Кто покорен, кто смиренен,
Тот в пути лишь будет верен.
Претерпевый до конца
Устоится венца.

Молвит, плача, мать седая:
«Богу верила всегда я,
Он, слезу мою отерший,
Он, покров Свой распростерший,
Не покинет Он меня,
Сладкой вестью возманя!»

Дни и ночи, ближе, ближе,
Анна молит: «О, внемли же,
Милосерд к Своим созданьям,
Не томи нас ожиданьем!»
И в назначенную ночь
Родила Марию дочь.

О Мария, Дева девам,
Ты внемли моим напевам!
Спаса мира Ты носила,
Пусть и мне подастся сила
Песни свято довести
И себя Тобой спасти.

3

ВВЕДЕНИЕ

Вводится Дев'ица в храм по ступеням,
Сверстницы-девушки идут за Ней.
Зыблется свет от лампадных огней.
Вводится Дев'ица в храм по ступеням.

В митре рогатой седой иерей
Деву встречает, подняв свои руки,
Бренный свидетель нетленной поруки,
В митре рогатой седой иерей.

Лестницу поступью легкой проходит
Дева Мария, смиренно спеша.
Белой одеждой тихонько шурша,
Лестницу поступью легкой проходит.

Старец, послушный совету небес,
Вводит Ее во святилище храма.
Он не боится упреков и срама,
Старец, послушный совету небес.

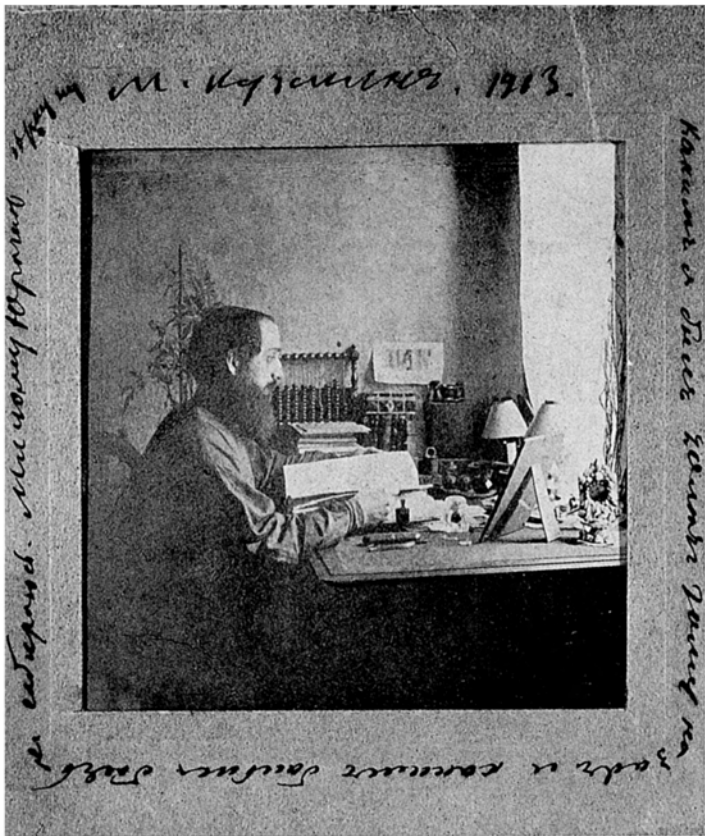
Белой голубкою скрылась внутри,
Плотно закрылась святая завеса.
Чуждая злым искушениям беса,
Белой голубкою скрылась внутри.

Что вы, подружки, глядите вослед?
Та, что исчезла белей голубицы,
Снова придет к вам в одежде Царицы.
Что вы, подружки, глядите вослед?

4

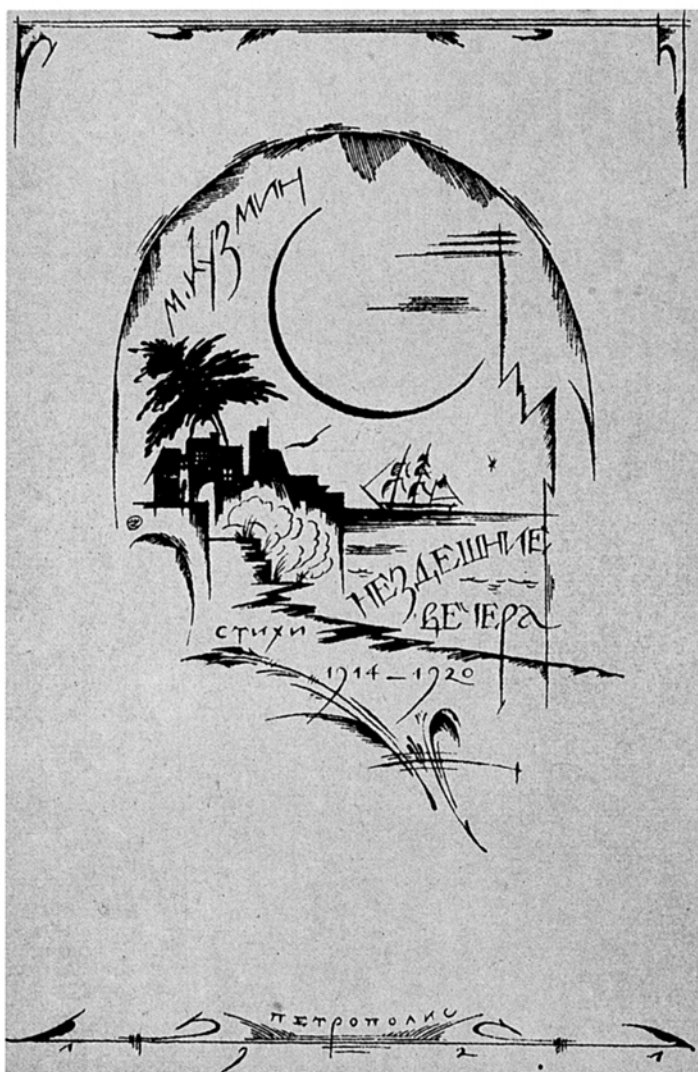
БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

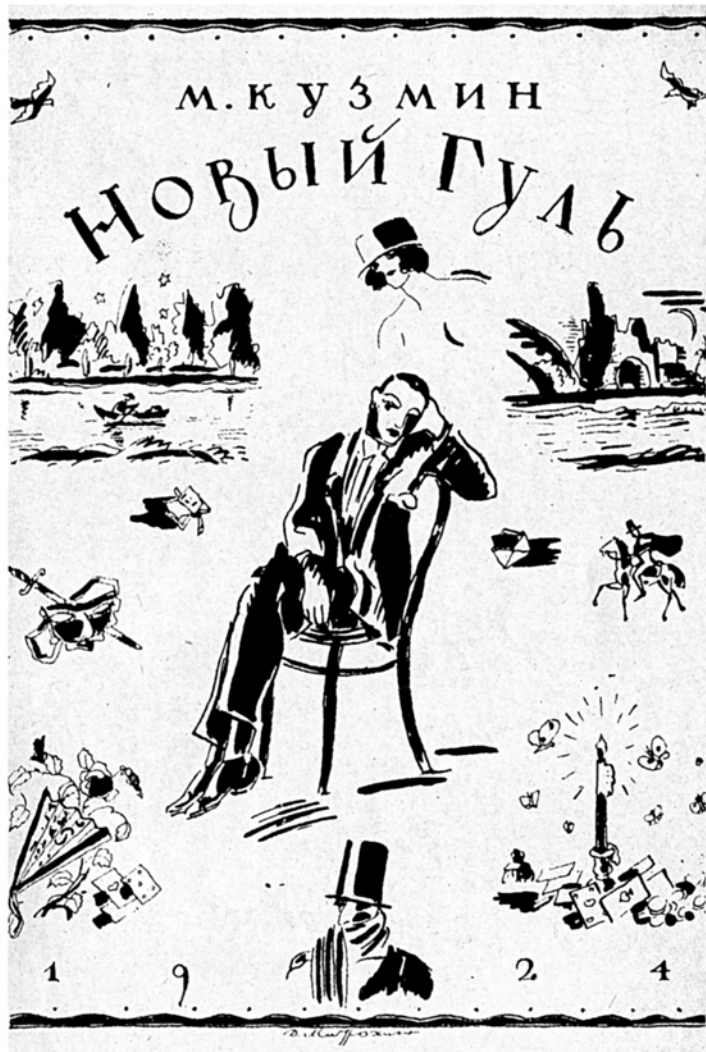
Какую книгу Ты читала
И дочитала ль до конца,
Когда в калитку постучала
Рука небесного гонца?
Перед лилеей Назаретской
Склонился набожно посол.
Она глядит с улыбкой детской:
«Ты — вестник счастья или зол?»
Вещает гость, цветок давая:
«Благословенна Ты в женах!»
Она глядит, не понимая,
А в сердце радость, в сердце страх.
Румяной розою зардела
И говорит, уняв испуг:
«Непостижимо это дело:
Не знаю мужа я, мой друг».
Спасенья нашего начало
Ей возвещает Гавриил;
Она смиренно промолчала,
Покорна воле вышних сил.

М. КУЗМИН

ФОРСАЖ
РАЗБИВАЕТ
ЛЕД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ

И утро новым блеском блещет,
Небесны розы скромных гряд,
А сердце сладостно трепещет,
И узким кажется наряд,
«Вот Я — раба, раба Господня!»
И долу клонится чело.
Как солнце светится сегодня!
Какой весной всё расцвело!
Умолкли ангельские звуки,
И нет небесного гонца.
Взяла Ты снова книгу в руки,
Но дочитала ль до конца?

5

УСПЕНИЕ

Успение Твое, Мати Богородица,
Опозданием Фомы нам открылося.
Святым Духом апостол водится
Далеко от братского клироса.
Покидает он страны далекие,
Переходит он реки широкие,
Горы высокие —
И приходит к братьям апостолам.

Вскричал он, Фома, со рыданием:
«Завела меня пучина понтова!
Вы блаженны последним лобзанием,
А Фома, сирота, он лишен того!
Уж вы дайте мне, рабу покорному,
Поклониться тому месту горнему,
Гробу чудотворному,
Как дано было прочим апостолам».

Между двух дерев холм виднеется,
Красно солнце садится за море,
На холме том гроб белеется,
Гроб белеется беломраморен.
Белы ноги у Фомы подгибаются,
Белы руки у него опускаются,
Очи смыкаются, —
И нашла тутá на апостолов.

Снова плач близнеца возносится,
Подымается к небу ясному,
Злая грусть в сердца братьев просится.
«Ах, увы мне, увы мне, несчастному!
Неужели, Мати, в таком загоне я,
Что стал хуже жида — Авфония,
Лишен благовония?
Нелюбимый я среди апостолов!»

И ко гробу Фома подводится,
Подводится ко гробу белому,
Где почила Святая Богородица.
Диво дивное сердцу оробелому!
Расцвели там, большие и малые,
Цветы белые, желтые и алые,
Цветы небывалые.
И склонились святые апостолы.

Вместо тела Богородицы Пречистая —
Купина цветов благовонная;
Поясок из парчи золотистая
Оставила Матерь Благосклонная
В награду за Фомино терпение,
В награду за Фомино смирение
И уверение.
И прославили Деву апостолы.

6

ПОКРОВ

Под чтение пономарей,
Под звонкие напевы клироса
Юродивый узрел Андрей,
Как небо пламенем раскрылося.
А в пламени, как царский хор,
Блестает воинство небесное,
И распростертый омофор
В руках Невесты Невестных.
Ударил колокольный звон
И клиры праздничными гласами,—
Выходит дьякон на амвон

Пред царскими иконостасами.
А дьякон тот — святой Роман,
Что «сладкопевцем» называется,—
Он видит чудо, не обман,
Что златом в небе расстилается.
Андрей бросается вперед
Навстречу воинству победному
И омофору, что дает
Покров богатому и бедному.
И чудом вещим поражен
Народ и причт, и царь с царицею,
И сонм благочестивых жен
Склонился долу вереницею.
«Даю вам, дети, свой покров:
Без пастыря — глухое стадо вы,
Но пастырь здесь — и нет оков,
Как дым, исчезнут козни адовы».
Горит звезда святых небес,
Мечи дрожат лучом пылающим,—
И лик божественный исчез,
Растаяв в куполе сияющем.
Край неба утром засерел,
Андрей поведал нищей братии,
Что в ночь протекшую он зрел
В святом соборе Халкопратии.

7

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Одигитрия)

Водительница Одигитрия!

Ты в море движешь корабли,
Звездой сияешь нам вдали,
Далёко от родной земли!
Ведешь Ты средь камней и скал,
Где волны воют, как шакал,
Где рок смертельный нас искал,—
Ты же из бури, пучины, погибели, рева,
Выведешь к пристани нас, Одигитрия Дева!

Водительница Одигитрия!

Ты воинство ведешь на бой,
И ратные — сильны Тобой,

На смерть готов из них любой.
Стучат блаженные мечи!
И воздух жарок, как в печи,
А в небе светлые лучи!
Ты не допустишь детей до последнего срама.
Ты распростерла над ними Свою орифламму!

Водительница Одигитрия!

Ты целым возвратишь царя,
Ты миру — красная заря!
Ты не стораешь, век горя!
Победа дастся в свой черед;
Как знамя, с нами Мать идет,—
И вражий клонится народ.
Ты нам — охрана, победа, защита и сила,
Оком Своим Ты враждебные рати скосила!

Водительница Одигитрия!

Помазан не был я царем,
Мне дан лишь жизни злой ярём:
Не сами мы судьбу берем.
Но я, как странник, страха полн,
Грозит разбиться утлый челн,
И как спастись от ярых волн?
Ты приведешь меня в тихую, сладкую воду,
Где я узнаю покорности ясной свободу.

Февраль 1909

ГЛИНЯНЫЕ ГОЛУБКИ

Третья книга стихов

Е. Нагродской

Из глины голубых голубок
Лепил прилежной я рукой,
Вдыхая душу в них дыханьем.
И шевелились с шуршаньем,
И жались одна к другой,
Садясь в круг на круглый кубок.
Клевали алые малины,
Лениво пили молоко,
Закинув горла голубые,
И были как совсем живые,
Но не летали далеко,
И знал я, что они из глины.
И показалось мне бездушным
Таинственное ремесло,
И призрачными стали птицы,
И начала душа томиться,
Чтоб сердце дар свой принесло
Живым голубкам, но послушным.

1913

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕСЕЛЫЙ ПУТЬ

I

245—257. В ДОРОГЕ

Посвящается Юр. Юркуну

1

Нет, жизни мельница не стерла
Любовной смелости в крови,—
Хочу запеть во всё я горло
Мальчишескую песнь любви!
Довольно таять! мы не бабы
И не эстеты, черт возьми!
Поверьте, мы не так уж слабы,
Чтоб дамам корчить *bel-ami*¹!
Ах да, боа, перчатки, перья
И юбок шелковых фру-фру...
Мы — два веселых подмастерья —
Идем, обнявшись, поутру.
Придется — красим и заборы,
Простую песенку споем.
Без уверенья верны взоры,
Весь мир другой, когда вдвоем.
Что нам обманчивая слава?
На мненье света наплевать!
Отель закрыт — с травой канава
Заменит пышную кровать.
Нам всё равно: столицы, села
Или некошенный пустырь,
Куда ведет, смеясь, веселый,
Влюбленный в солнце поводырь.

¹ Милого друга (фр.).— *Reg.*

Цветем, как впору только розе,
Пою бесцельно, словно чиж,
И ни в какой манерной позе
Теперь меня не уличишь.
Движенья нежности — не резки,
И смелая любовь — проста.
Не лучше ль свадебной поездки
Идти пешком, уста в уста?

2

Вы — молчаливо-нежное дитя,
Лениво грезите о Дориане,
И на лице, как на сквозном экране,
Мечты капризные скользят, летя.
Мне нравится чуть уловимый шорох
Страницы книжной у моих шкафов,
И, обернувшись, я всегда готов
Ответ найти в прозрачно-серых взорах.
Знакомый трепет будится в душе,
Как будто близко расцветает роза,
А вдалеке играют Берлиоза
И слышен запах старого саше.
С лукавством милым вы тихонько ждете,
Задумчиво-пленительный божок,
И вдруг неслышно, кошкой подойдете,—
И поцелуй уста мои обжег.

3

Слезами сердце я омою
И праздную уйму печаль,—
Ведь в веющий теплом февраль
Весна встречается с зимою.
Как в сельский топленный покой
Протрубит солнце светом новым,
Что сердцу должно быть готовым
Стать полноводною рекой,—
Так, в дом вступив, мой гость неожиданный
Принес мне молодость и свет,

Зарю грядущих теплых лет
И поцелуй любви желанной.
Всё голубее тонкий лед,
Он скоро сломится, я знаю,
И вся душа, все мысли к маю
Уж окрыляют свой полет.

4

Я твой до дна... бери и пей:
Моя любовь неистоцима,
Бескрайна, как простор степей,
И, как судьба, непоправима.
За что, зачем тебя люблю?
Позором крою иль прославлю?
Но пусть с собой тебя гублю —
Живым тебя я не оставлю.
Как жертву, сердце я держу:
Трепещет, бьется на ладони,
И близок час, когда заржут
На смерть обещанные кони.

5

Ютясь в тени тенистых ив,
Раздумчиво смотрю в аллею.
О прошлых днях я не жалею:
Чего жалеть уж, разлюбив?
 Как будто едет, молчалив,
 Ездок влюбленнейший в лилею.
Ютясь в тени, я не жалею
Раскатной радости мотив.
Какой блаженной тишью нив
Утишен, я живу и млею?..—
Нет! прошлых дней я не жалею,
Узнав дней нынешних прилив.

6

Вы — белое бургундское вино,
Где дремлет сладостно струя шампани,

И резвится, и пенится заране,
Восторга скрытого оно полно.
Вы — персик, румянеющий янтарно:
Пьянит и нежит девственный пушок,
Не правда ль, вы тот стройный пастушок,
Которым бредила царица Арно?
В вас светится таинственный топаз,
Как отголосок солнца, еле-еле.
Оживлено дыханием апреля
Веселье светлых и лукавых глаз.

7

Зачем мне рассказы гадалки,
Какой мне ждать еще весны,
Когда очей твоих фиалки
Мне льют весеннейшие сны?
Зовут томительно и нежно
В неведомую даль идти,
И сердце сладостно-мятежно
Готово к новому пути.
Когда б веселые равнины
И пасмурные все места
Могли пройти мы до кончины,
Как и теперь — уста в уста!

8

Разве можно дышать, не дыша,
Разве можно ходить, не вставая,
Разве можно любить, коль другая
Не ответит влюбленно душа?

Ах, без солнца бессолнечен день,
Холодны водопадные реки,
И с трудом подымаются веки,
Если голову ломит мигрень.

Разве странно, что, только любя,
Я дышу, и пишу, и мечтаю,

Что нигде я покоя не знаю,
Проведя полчаса без тебя?

9

Еще не скоро разбужнут почки
И до апреля ведь далеко,
А я читаю простые строчки —
И мне так радостно-легко.
Мы все умеем лицемерить
И за словом в карман не лезть,
Но сердцу хочется так верить,
Что ваши строчки — благая весть.
Я верю, верю. К чему порука?
Ведь я не скептик, не педант,
Но ревность — это такая мука,
Какой не выдумал и Дант.

10

Склоненный ангел на соборе
Свой пламенный бросает в твердь,
Исчезла с яростью во взоре
Растоптанная смертью смерть.
Дрожит восторженная ода
В гудении колоколов.
Все улицы полны народа,
Как будто чудный свой улов
«Ловец людей» сюда на сушу
Весь выкинул. Вдали пальба. —
Ожесточеннейшую душу
Растопит радостью мольба.
Иду с тобой. Весь мир — безлюден,
Толпы как нет, лишь ты да я.
Для нас одних так праздник чуден.
Идем дыханье затая.
И в сердце огненной горою
Не купина — горящий лес
Поет: «Тобой, одним тобою
Сегодня навсегда воскрес!»

Ни вид полей в спокойной дали,
 Ни мир безоблачных небес,
 Ни полные простой печали
 Старинные напевы месс
 Мне не дают успокоенья,
 Не льют мне сладостной любви. —
 Всё то же темное волнение
 Бунтует в сумрачной крови.
 И я, вода тоскливым оком,
 Вдруг падаю тебе на грудь,—
 И вот к живительным истокам
 Уж найден долгожданный путь.
 И нет уж тяжести безмерной,
 Светло и вольно впереди,
 Когда прижмусь я к верной, верной
 Твоей целованной груди.

Глупое сердце всё бьется, бьется —
 Счет ведет...
 Кажется, вот-вот сейчас разобьется —
 Нет, живет...

Вы перержавели, вы устали,
 Мысли, сны. —
 Но вдруг воспрянешь упрямей стали,
 Ждешь весны.

Весны не будет, весны не будет.
 Ложь, всё ложь!
 Сердце! когда же страданье убудет...
 Когда умрешь?

Мы думали, кончилось всё,
 Захлопнулась дверь...
 Почему? Отчего? Не знаю...
 Милый, поверь, поверь:

Мое сердце всегда твое!
Кончилось всё навек,
Лежу, не смыкая век...
Вспоминаю
Твое письмо,
Жестокие разговоры...
Белой ночи бельмо
Белеет сквозь бледные шторы...
Что это? сон?
Бесшумно двери открылись...
Остановились
Вы на пороге.
Ни радостный стон,
Ни крик
Моей не выдал тревоги...
Долгий, долгий миг!
Смотрю, раскрыв глаза,—
Так, это вы...
Только нет в руках ваших палки...
Так близки и так новы.
На глазах чуть блестит слеза...
Заплаканные фиалки!
Целуете... запах эфира
Знаком... Но зачем, зачем?
Как жилец иного мира,
Гость мой ласков и нем.
Жутко слегка и легко мне...
Целую, целую в уста.
Теперь я знаю: запомни!
Без тебя моя жизнь пуста.
С тобой пройду до могилы,
Измена — ложь!
И будешь мне так же милый,
Даже когда умрешь.
Я знаю (и тверд я в вере):
Когда мне будет невмочь,
Вы тихо откроете двери,
Как в эту ночь.
В дверце зеркального шкапа
Видна ваша шляпа
С большими полями.
Вы стоите без палки...
Не увянут в могильной яме

Заплаканные фиалки!
Раскрою глаза всё шире,
Жуткий, сладкий сон...
В знакомом, мертвом эфире
Чувствую: это он.
Февраль—август 1913

II

258—269. ХОЛМ ВДАЛИ

1

Счастливым сон ли сладко снится,
Не грежу ли я наяву?
Но кровли кроет черепица...
Я вижу, чувствую, живу...
Вот улицы и переулки,
На палках вывески висят;
Шаги так явственны и гулки,
Так странен старых зданий ряд.
Иль то страницы из Гонкура,
Где за стеной звучит орган?
Но двери немца-винокура
Зовут в подвальный ресторан.
И знаю я, что за стеною
Ты, милый, пишешь у окна.
За что безмерною ценою
Отплата мне судьбой дана?
И кажется, что в сердце, в теле
Разлит любовный водоем...
Подумать: более недели
Мы проживем с тобой вдвоем!

2

Тобой целованные руки
Сожгу, захочешь, на огне.

В. К<нязев>

Целованные мною руки
Ты не сжигай, но береги:

Не так суровы и строги
Законы сладостной науки.
Пожаром жги и морем мой,
Ты поцелуев смыть не сможешь
И никогда не уничтожишь
Сознания, что в веках ты — мой.
Ты — мой, и ты владеешь мною,
Твоим дыханьем я дышу
И стон последний заглушу
Перед стрелой неземною.
Поверь: судьба, не просто случай,
Тебе открыла тайну сил,
Чтоб ты стрелу благословил,
«Плененный прелестью певучей».

3

Ряд кругов на буром поле
Образует странно сеть...
Милый друг, не в силах боле
На обои я смотреть.
Выступают капли поту,
И сжимается рука,
На обоях сквозь дремоту
Вижу буквы «В» и «К».
Память тихо улетает,
Застилает взор туман...
Сквозь туман плывет и тает
Твой «зеленый доломан».
Мнится: встанешь, поцелуешь,
Сердце весело отдашь...
Обернусь — ты всё рисуешь
Да скрипит твой карандаш.
Мысли бьются, мысли вьются,
Как зимой мятель в трубе.
Буквы в сердце остаются,
Доломан же — на тебе.

4

Влюблен ли я — судите сами:
Могу смотреть на вас часами,

Не отводя плененных глаз,
Мне всё уныло, всё не мило,
Мне всё как мрачная могила,
Когда не вижу рядом вас.

Нет ни натяжки, ни рисовки
(Хотя на то поэты ловки),
Когда пою ваш «доломан»;
Коль вами жизнь моя согрета,
Пускай клеймят насмешки света
Мой нежный, набожный роман.

В своей судьбе уж я не волен.
Без вас я сумрачен и болен
И вами брежу наяву.
Пускай вопрос решится вами:
Какими новыми словами
Свое я чувство назову?

5

Дороже сына, роднее брата
Ты стал навеки душе моей,
И без тревоги я жду возврата
Румяно-ясных, осенних дней.
Зима и осень, весна и лето
Теперь — единый, счастливый круг,
Когда всё сердце тобой согрето,
Мой неизменный, желанный друг.

6

Я тихо от тебя иду,
А ты остался на балконе.
«Коль славен наш Господь в Сионе»
Трубят в Таврическом саду.
Я вижу бледную звезду
На теплом, светлом небосклоне,
И лучших слов я не найду,
Когда я от тебя иду,
Как «славен наш Господь в Сионе».

Покойся, мирная Митава,
 Отныне ты в моей душе,
 Как замков обветшалых слава
 Иль запах старого саше.
 Но идиллической дремоты
 Бессильны тлеющие сны,
 Когда мой слух пронзили ноты
 Кристально-звонкие весны!
 И осень с милым увяданьем
 Мне непонятна и пуста,
 Когда божественным лобзаньем
 Меня поят твои уста.

Что за Пасха! снег, туман,
 Неожиданная слякоть!
 В марте верить ли зиме?
 Ты опять придешь ко мне,
 Мой зеленый доломан,
 Будешь снова шпорой звякать.
 Был и я в чужих краях...
 Ах, Firenze, Vienna, Roma...¹
 Но я думал: «Не обман —
 Твой зеленый доломан!
 Хорошо гостить в гостях,
 Но куда милей быть дома!»
 О проказах — ни гу-гу,
 Пусть молчат твои чикчиры...
 Сядем лучше на диван,
 Мой зеленый доломан!
 Для тебя я сберегу
 Песенки всё той же лиры.

¹ Флоренция, Вена, Рим... (ит.) — *Reg.*

Ты приедешь сюда загорелым,
 Но всегда бесконечно милым.
 Ведь и в смуглом теле, как в белом,
 Та же кровь струится по жилам.

Твои губы, они не увяли,
 Твои щеки упруги, как прежде...
 А бывало: не я ли, не я ли
 Изнывал в далекой надежде?

Опьянен я всё тем же телом,
 Я покорен всё тем же силам...
 Ты приедешь сюда загорелым,
 Но всегда бесконечно милым.

«Два ангела напрасных за спиной».

В обманчивом, тревожном сне
 Я пел про ангелов напрасных,
 Не зная, из каких прекрасных,
 Пленительных и нежно страстных
 Пошлется спутник с неба мне.

Твои улыбчивые губы
 Амур стрелой нарисовал
 И юный округлил овал.
 Кого я прежде ни знавал,
 Перед тобой — пусты и губы.

Кто дал такую удлиненность
 Приподнятых и светлых глаз?
 Прозрачней фьорда в тихий час,
 Они всегда вселяют в нас
 Благоговенье и влюбленность.

Не ты ль от Божьего престола,
 Плащом прикрывши прелесть плеч,
 Держа в руке копье иль меч,
 Пришел для предрешенных встреч
 К тому, что звал тебя из дола?

Нет, не обманчивы мечты:
 Пускай пути мои опасны,
 Пускай грехи мои ужасны, —

Те ангелы, они напрасны,
Когда вождем мне послан ты.

11

Смутишься ль сердцем оробелым?
Моя любовь не так мала,
Чтоб не сказать пред миром целым,
Какое счастье мне дала,
К какому счастью привела.
Не трусы мы, не лицемеры...
Пусть все, кому любовь мила,
Прочтут влюбленности примеры.

Природа душу вместе с телом
В союзе стройном создала,
И в сердце лишь окаменелом
За это не звучит хвала.
Мы все — природы зеркала,
Мы люди с кровью, не химеры,
И тот, кого пронзит стрела,
Прочтет влюбленности примеры.

Блаженным и высоким делом
Соединяет страсть тела.
Безумьем было б неумелым
Отрезать ветви от ствола.
Кто — яркий пламень, не зола,
Кудрявый сын золотой Венеры,
Кого стрела твоя звала,
Прочтет влюбленности примеры.

Ты сам, амур, кому была
Известна крепость нашей веры,
Присядь у нашего стола —
Прочешь влюбленности примеры.

12

Всегда стремясь к любви неуловимой,
Скитался я, как странник, меж людей,

Еще тебя не зная, чародей,
Воинственно облеченный схимой.
Очаровательною пантомимой
Любуясь, думал я: «Помолодей,
О сердце, язвы от страстных гвоздей
Другим, а не тебе, да идут мимо!»

Кощунственно я мыслил о любви,
Не зная близости чудесной встречи,
И вдруг увидел сердце всё в крови.

Зовешь меня мечом небесной сечи?
Еще зовешь? на радость иль на бой
Веди меня! я — твой, я — твой, я — твой!
Май—октябрь 1912

III

270—276. ОСТАНОВКА

1

Какой насмешливый механик
Будильник в сердце мне вложил,
Чтоб меж восторгов и среди паник
Один мотив всегда в нем жил?
Минуты горько боевые,
Как всем, дадут мне небеса,
Но «очи, очи голубые»
Поет будильник полчаса.
Не радостен, но и не скучен,
Молчать и петь равно готов,
Кому-нибудь всегда поручен
Заводной ключик от часов.
Часы тоски, минуты шутки —
Напрасный и нелепый счет, —
Как хорошо, что через сутки
Опять про «очи» запоем!
Воспользуйся правами шире,
Завод любовный повтори:

Я не всегда пою в четыре,
Могу я петь и в два, и в три.

2

Девять родинок прелестных
Поцелуями считаю,
И, считая, я читаю
Тайну, слаще тайн небесных.
На щеках, на милой шее,
У груди, где сердце бьется...
От лобзаний не сотрется
То, что мускуса темнее.
Так, по лестнице небесной,
Четки нег перебирая,
Я дверей достигну рая
Красоты твоей чудесной.
Та ли родинка восьмая
Мне милей всего на свете,
Слаще тени в теплом лете
И милей, чем ветер мая.
А дойду я до девятой —
Тут уж больше не считаю...
Только таю, таю, таю,
Нежным пламенем объятый.

3

Ты ходишь в куртке зеленой,
Отвечаешь на всякий зов,
Но мой взор неясно-влюбленный
На тебя обратиться готов.
Напрасно и глупо ревную,
Следя улыбку и взгляд,
И волнует душу тупую
Знакомый и легкий яд.
Я тебя никогда не встречу,
А может быть, встречу опять...
И зачем я тебя замечу,
Тебе будет трудно понять.

Кому любви огонь знаком,
 Те понимают,
 Как лепесток за лепестком
 Томительно влюбленным ртом
 Срывают.

И сочной, белой розы яд
 Впиваем сладко,
 И щеки пламенем горят...
 Туманит нежно близкий взгляд
 Догадка.

Еще, еще последний раз
 Не розу, губы!..
 Игра причудливых проказ
 И трепет томно-темных глаз
 Мне любы.

В грустном и бледном гриме
 Играет слепой Пьеро.
 Не правда ли, лишь в пантомиме
 Ты слеп, белокурый Пьеро?
 Тебе не другие сказали,
 Что теперь я пленен тобой,
 Что, сидя в потухшем зале,
 Слежy за одним тобой.
 Ты видишь слепыми глазами
 Мои не слепые глаза,
 И взгляды, взгляды меж нами —
 Как стрелы из глаз в глаза.
 Ты знаешь: ничто не вечно,
 Зачем же плачет твой рот?
 А я бы хотел бесконечно
 Целовать этот алый рот.
 О будущем я не гадаю —
 Всё проходит, грустный Пьеро.

А теперь люблю и мечтаю
О тебе, белокурый Пьеро.

6

Свежим утром рано-рано
Бросил взор я на рябину: —
О, запекшаяся рана!

Мальчик, выбрав хворостину,
Пурпур ягод наземь бросит, —
А куда я сердце кину?

Осень ясность дней приносит,
Просквозили леса чащи.
Сердце радости не просит.

Всё упорнее, всё чаще
Прилетает призрак смерти,
Что любви и жизни слаще.

О, не верьте, о, не верьте,
Этим призрачным наветом
Грусть осеннюю умерьте.

Возвратится солнце с летом,
Зацветет опять рябина,
Жар придет с веселым светом.

Для кого моя терцина,
Тот не знает, тот не спросит,
А найдется хворосгина —

Пурпур ягод наземь сбросит.

7

Н. А. Зноско-Боровской

Я знаю, ты любишь другую,
Другую сердце полно,

Зачем же не плачу, тоскую,
Как будто мне всё равно?
Тоскую, тоскую, тоскую,
Но будет, что суждено:
Всё равно ты любишь другую
И ею сердце полно.

Мой милый, молю, на мгновенье
Представь, будто я — она.
Излей на меня волнение,
Каким твоя грудь полна.
Забудусь сладким забвением,
Что любовь у нас одна,
Что одним, одним волнением
Моя грудь и твоя полна.

Ты шепчешь имя чужое,
Но видишь мои глаза..
Я страданье глубоко скрою,
На глазах не блестит слеза.
Прошумит, прошумит весною,
Молодою весной гроза —
И встретят меня не чужою
Твои не чужие глаза.

1912—1913

IV

277—285. ОТДЫХ

1

Бывают странными пророками
Поэты иногда..
Косноязычными намеками
То накликается,
То отвращается
Грядущая беда.

Самим неведомо, что сказано,
Какой иероглиф.

Вдруг то, что цепью крепкой связано,
То разлетается,
То раздражается,
Сердца испепелив...

Мы строим призрачные здания,
Чертим чужой чертеж,
Но вдруг плотину рвут страдания,
И разбиваются,
И расстилаются...
Куда от них уйдешь?

Чем старше мы, тем осторожнее
В грядущее глядим.
Страшны опасности дорожные,
И в дни субботние
Всё беззаботнее
Немеет нелюдим.

2

Зачем те чувства, что чище кристалла,
Темнить лукавством ненужной игры?
Скрываться время еще не настало,
Минуты счастья просты и добры.
Любить так чисто, как Богу молиться,
Любить так смело, как птице летать.
Зачем к пустому роману стремиться,
Когда нам свыше дана благодать?

3

Как сладко дать словам размеренным
Любовный яд и острие!
Но слаще быть вполне уверенным,
Что ваше сердце — вновь мое.
Я знаю тайно, вне сомнения,
Что неизбежен странный путь,
Зачем же смутное волнение
Безверную тревожит грудь?

Мне всё равно: позор, победа ли, —
Я всё благословлю, пока
Уста любимые не предали
И не отдернулась рука.

4

Дни мои — облака заката...
Легок, ал златокрылый ряд...
Свет же их от твоих объятий,
Близко ты — и зарей горят.

Скрылся свет — и потухли груди
Хмурых туч, как свинцовый груз,
Нет тебя — и весь мир — безлюдье,
Тяжек гнет ненавистных уз.

5

Какие дни и вечера!
Еще зеленый лист не вянет,
Еще веселая игра
В луга и рощи сладко тянет.
Но свежесть белых облаков,
Отчетливость далеких линий
Нам говорит: «Порог готов
Для осени златисто-синей!»
Гляжу в кисейное окно
На палевый узор заката
И терпеливо так давно
Обещанного жду возврата.
И память сердца так светла,
Печаль не кажется печальной,
Как будто осень принесла
С собою перстень обручальный.
И раньше, чем кудрявый вяз,
Подернут златом, покраснеет,
(Я верю) вновь увидит Вас,
Кто любит, помнит, пламенеет!

6

Я не любовью грешен, люди,
Перед любовью грешен я,

Как тот, кто слышал весть о чуде
И сам пошел к навозной груде
Зарыть жемчужину огня.
Как тот, кто таял в свете новом
И сам, играя и смеясь,
Не веря сладостным оковам,
Высоким называет словом
Собачек уличную связь.
О, радость! в третий раз сегодня
Мне жизнь надежна и светла.
С ладьи небес спустились сходни,
И нежная рука Господня
Меня от бездны отвела.

7

Не называй любви забвеньем,
Но вещей памятью зови,
Учась по преходящим звеньям
Бессмертию одной любви.
Пускай мы искры, знаем, знаем:
Святая головня жива!
И, повторяя, понимаем,
Яснее прежние слова.
И каждым новым поворотом
Мы утверждаем ту же власть,
Не преданы пустым заботам
Во искушение не впасть.
Узнав обманчивость падений,
Стучусь я снова в ту же дверь,
И огненный крылатый гений
Родней и ближе мне теперь.

8

Судьба, ты видишь: сплю без снов
И сон глубок.
По самой смутной из основ
Снует челнок.
И ткет, и ткет в пустой тени —
Узора нет.

Ты нити длинной не тяни,
О лунный свет!
Во власти влажной я луны,
Но я не твой:
Мне ближе — солнце, валуны
И ветра вой.
Сиявший позабыл меня,
Но он придет,
Сухая солнечность огня
Меня зовет.
Затку я пламенный узор
(Недолго ждать),
Когда вернется прежний взор
И благодать!

9

Е. А. Нагроской

Мне снился сон: в глухих лугах иду я,
Надвинута повязка до бровей,
Но сквозь нее я вижу, не кодуя:
Растет трава, ромашка и шалфей,
(А сердце бьется всё живей, живей),
И вдруг, как Буонаротова Сивилла,
Предстала вещая царица Фей
Тому, кого повязка не томила.

Недвижно царственная, как статуя,
Она держала, как двойной трофей,
Два зеркала и ими, негодуя,
Грозилась мне; на том, что поправей,
Искусства знак, природы — тот левей,
Но, как в гербе склоненные стропила,
Вязались тончайшей из цепей
Для тех, кого повязка не томила.

Затрепетал, как будто был во льду я
Иль как челнок, забытый средь зыбей,
А им играет буря, хмуро дуя.
Жена ко мне: «Напрасный страх развей,
Смотри сюда, учись и разумей,

Что мудрость в зеркалах изобразила.
Обретено кормило средь морей
Тому, кого повязка утомила!»

«О, Фея, рассказал мне соловей,
Чье имя зеркала соединило!
И свято имя это (ну, убей!)
Тому, кого повязка не томила».

1912—1913

V

286—289. НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Посвящается Юр. Юркуну

1

Вы думаете, я влюбленный поэт?
Я не более как географ...
Географ такой страны,
которую каждый день открываешь
и которая чем известнее,
тем неожиданнее и прелестнее.
Я не говорю,
что эта страна — ваша душа,
(еще Верлен сравнивал душу с пейзажем),
но она похожа на вашу душу.
Там нет моря, лесов и альп,
там озера и реки
(славянские, не русские реки)
с веселыми берегами
и грустными песнями,
белыми облаками на небе;
там всегда апрель,
солнце и ветер,
паруса и колодцы
и стая журавлей в синеве;
там есть грустные,
но не мрачные места,
и похоже,

будто когда-то
беспечная и светлая страна
была растоптана
конями врагов,
тяжелыми колесами повозок
и теперь вспоминает порою
зарницы пожаров;
там есть дороги,
обсаженные березами,
и замки,
где ликовали мазурки,
выгнанные к шинкам;
там вы узнаете жалость,
и негу,
и короткую буйность,
словно весенний ливень;
малиновки аукаются с девушкой,
а Дева Мария
взирает с острых ворот.
Но я и другой географ,
не только души.
Я не Колумб, не Пржевальский,
влюбленные в неизвестность,
обреченные кочевники, —
чем больше я знаю,
тем более удивляюсь,
нахожу и люблю.
О, янтарная роза,
розовый янтарь,
топазы,
амбра, смешанная с медом,
пурпуром слегка подкрашенная,
монтраше и шабли,
смирнский берег
розовым вечером,
нежно-круглые холмы
над сумраком сладких долин,
древний и вечный рай!
Но тише...
и географу не позволено
быть нескромным.

Похожа ли моя любовь
на первую или на последнюю,
я не знаю,
я знаю только,
что иначе не может быть.
Разве Венерина звезда
может не восходить,
хотя не видная,
за тучей,
каждый вечер?
Разве хвост Юнониной птицы,
хотя бы сложенный,
не носит на себе
все изумруды и сафиры Востока?
Моя любовь — проста и доверчива,
она неизбежна и потому спокойна.
Она не даст
тайных свиданий, лестниц и фонарей,
серенад и беглых разговоров на бале,
она чужда намеков и масок,
почти безмолвна;
она соединяет в себе
нежность брата,
верность друга
и страстность любовника, —
каким же языком ей говорить?
Поэтому она молчит.
Она не романтична,
лишена милых прикрас,
прелестных побрякушек,
она бедна в своем богатстве,
потому что она полна.
Я знаю,
что это — не любовь юноши,
но ребенка — мужа
(может быть, старца).
Это так просто,
так мало,
(может быть — скучно?),

но это — весь я.
Разве можно хвалить человека
за то, что он дышит,
движется, смотрит?
От другой любви мне осталась
черная ревность,
но она бессильна,
когда я знаю,
что ничто —
ни она,
ни даже Вы сами —
не может нас разделить.
Это так просто,
как пить, когда жаждешь,
не правда ли?

3

Бывают мгновенья,
когда не требуешь последних ласк,
а радостно сидеть,
обнявшись крепко,
крепко прижавшись друг к другу.
И тогда всё равно,
что будет,
что исполнится,
что не удастся.
Сердце
(не дрянное, прямое, родное мужское сердце)
близко бьется,
так успокоительно,
так надежно,
как тиканье часов в темноте,
и говорит:
«Всё хорошо,
всё спокойно,
всё стоит на своем месте».
Твои руки и грудь
нежны, оттого что молоды,
но сильны и надежны;
твои глаза

доверчивы, правдивы,
не обманчивы,
и я знаю,
что мои и твои поцелуи —
одинаковы,
неприторны,
достойны друг друга, —
зачем же тогда целовать?
Сидеть, как потерпевшим кораблекрушение,
как сиротам,
как верным друзьям,
единственным,
у которых нет никого, кроме них,
в целом мире;
сидеть,
обнявшись крепко,
крепко прижавшись друг к другу!..
сердце
близко бьется
успокоительно,
как часы в темноте,
а голос
густой и нежный,
как голос старшего брата,
шепчет:
«Успокойтесь:
всё хорошо,
спокойно,
надежно,
когда вы вместе».

4

Как странно,
что твои ноги ходят
по каким-то улицам,
обуты в смешные ботинки,
а их бы нужно без конца целовать...
Что твои руки
пишут,
застегивают перчатки,

держат вилку и нелепый нож,
как будто они для этого созданы!..
Что твои глаза,
возлюбленные глаза
читают «Сатирикон»,
а в них бы глядеться,
как в весеннюю лужицу!
Но твое сердце
поступает как нужно:
оно бьется и любит.
Там нет ни ботинок,
ни перчаток,
ни «Сатирикона»...
Не правда ли?
Оно бьется и любит...
больше ничего.
Как жалко, что его нельзя поцеловать в лоб,
как благонаправленного ребенка!

1913

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

290—304. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В. <Князеву>

Пуститься бы по белу свету
Вдвоем с тобой в далекий путь,
На нашу старую планету
Глазами новыми взглянуть!
Всё так же ль траурны гондолы,
Печален золотистый Рим?
В Тосканские спускаясь доли,
О Данте вновь заговорим.
Твой вечер так же ль изумруден,
Очаровательный Стамбул?
Всё так же ль в час веселых буден
Пьянит твоих базаров гул?
О дальнем странствии мечтаю,
Зачем нам знать стесненье мер?
Достигнем мы садов Китая
Среди фарфоровых химер.
Стихов с собой мы брать не будем,
Мы их в дороге сочиним
И ни на миг не позабудем,
Что мы огнем горим одним.
Когда с тобою на корме мы,
Что мне все песни прошлых лет?
Твои лобзанья мне поэмы
И каждый сердца стук — сонет!
На океанском пароходе
Ты так же мой, я так же твой!

Ведет нас при любой погоде
Любовь — наш верный рулевой.

1912

2

А. Ахматовой

Залетною голубкой к нам слетела,
В кустах запела томно филомела,
Душа томилась вырваться из тела,
Как узник из темницы.

Ворожея, жестоко точишь жало
Отравленного, тонкого кинжала!
Ход солнца ты б охотно задержала
И блеск денницы.

Такою беззащитною пришла ты,
Из хрупкого стекла хранила латы,
Но в них дрожат, тревожны и крылаты,
Зарницы.

1912

3

Ю. Ракитину

Уж прожил года двадцать три я,
Когда увидел, пьян и горд,
Твой плоский и зеленый порт,
Блаженная Александрия!
С жасмином траурный левкой
Смешался в памяти бродячей,
Но воздух нежный и горячий
Всё возмущает мой покой.
Когда нога твоя коснется
Златого, древнего песка,
Пускай к тебе издалека
Мой зов, как ветер, донесется.
И пусть мохнатая звезда
В зеленых небесах Каноба,
Когда задумаетесь оба,
Засветит вам, как мне тогда.

Но пусть ваш путь не так печально
Окончится, как мой давно,
Хотя нам всё присуждено
С рождения первоначально.
Я верю, деньги все прожив,
Вернешься счастливо в Одессу,
И снова милого повесу
Увижу я, коль буду жив.

1912

4

На 20-летний юбилей Ю. Юрьева

Возможно ль: скоро четверть века?
Живем ли мы в века чудес?
Как дивен жребий человека,
Что волею храним небес!
Как, двадцать лет! и так же молод,
По-прежнему его черты
Изобразят то жар, то холод
В расцвете той же красоты!
Как прежде, трепетно и остро
Игру следим мы перемен,
Секрет ли знаешь Калиостро
Или ты — новый Сен-Жермен?
Иль двадцать лет всего лишь было,
Как появился ты на свет?
Все счеты сердце позабыло:
Ведь и всегда тому, что мило,
Всё тот же возраст — двадцать лет.

1912

5

НОВЫЙ ГОД

Мы ждем, и радостны, и робки,
Какой сюрприз нам упадет
Из той таинственной коробки,
Что носит имя: новый год.
Какая рампа, что за рама
Нам расцветет на этот раз:
Испанская ли мелодрама
Иль воровской роман Жиль Блаз?

Заплачем ли, ломая руки,
Порхнем ли, милы и просты?
Но пусть не будет только скуки,
Тупой и хмурой суеты.
Тоскливых мин, морщин не надо,
Уж свежий ветер пробежал,
Пусть будет лучше серенада,
Притон игорный и кинжал!
Кому же в смене жизни зыбкой
Святой покой в душе залег,
Тот знает с мудрою улыбкой,
Что это всё напел Лекок.

[1913]

6

ВОЛХВЫ

Тайноведением веры
Те, что были на часах,
Тихий свет святой пещеры
Прочитали в небесах.
Тот же луч блеснул, ликуя,
Простодушным пастухам.
Ангел с неба: «Аллилуйя!
Возвещаю милость вам».
Вот с таинственнейшим даром,
На звезду направляя взор,
Валтассар идет с Каспаром,
Следом смутный Мельхиор.
Тщетно бредит царь угрозой,
Туча тьмою напряглась:
Над вертепом верной розой
Стая ангелов взвилась.
И, забыв о дальнем доме,
Преклонились и глядят,
Как сияет на соломе
Божий Сын среди телят.
Не забудем, не забыли
Мы ночной канунный путь,
Пастухи ли мы, волхвы ли —

К яслям мы должны прильнуть!
За звездой изумрудной
Тайной все идем тропой,
Простецы с душою мудрой,
Мудрецы с душой простой.

1913

7

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Я был любим. Унылая могила
Моих стихов влюбленных не сокрыла.
Звенит свирели трепетная трель,
Пусть холодна последняя постель,
Пускай утасло страстное кадило!

Ко мне сошел ты, как весенний Лель,
Твоя улыбка мне во тьме светила.
В одном сознании — радость, счастье, сила:
Я был любим!

Рассказов пестрых сеть меня пленила,
Любви плененье петь мне было мило,
Но слава сладких звуков не во сне ль?
Одно лишь, как смеющийся апрель,
Меня будило, пенило, живило —
Я был любим!

1912

8

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЭНДИ

Ю. Ракишину

Разочарован, мрачен, скучен
Страну родную покидал,
Мечте возвышенной послушен,
Искал повсюду идеал.
Бездонен жизненный колодец,
Когда и кто его избег?
Трудиться — я не полководец,
Не дипломат, не хлебопек.

Тщеславье — это так вульгарно,
Богатство — это так старо!
Ломает чернь неблагодарна
Поэта славное перо...
Любовь — единая отрада,
Маяк сей жизни кочевой,
И тихо-мирная услада,
И яд безумно-огневой!
Ищу тебя, моя жар-птица,
Как некий новый Дон Жуан,
И, ах, могло ли мне присниться,
Что и любовь — один обман?
Теперь узнал, как то ни больно,
Что я ловил пустой фантом,
И дым отечества неволью
Мне сладок, как родимый дом.
От Эдинбурга до Канады
И от Кантона вплоть до Сьерр
Я не нашел себе отрады,
Теряя лучшую из вер.
Ах, женщины совсем не тонки,
Готовы все на компромисс —
И негритянки, и японки,
И даже английские мисс!
Мне экзотические чары
Сулили счастье до дна,
Но это всё — аксессуары
И только видимость одна.
Теперь от томной, бледной леди
Я не впадаю больше в транс,
С тех пор как, позабыв о плече,
Покинул спешно дилижанс.
Вид добродетельных Лукреций
Мне ничего не говорит,
А специальных разных специй
Желудок мой уж не варит.
Не знаю, вы меня простите ль
За мой томительный куплет.
Теперь я зритель, только зритель,
Не Дон Жуан и не поэт.

1913

ПИСЬМО ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Ю. Ракишину

Прощайте, нежная Колетта!
 Быть может, не увижу вас,
 Быть может, дуло пистолета
 Укажет мне последний час,
 И ах, не вы, а просто ссора
 За глупым ломберным столом,
 Живая страстность разговора
 И невоспитанный облом —
 Вот все причины. Как позорно!
 Бесчестия славнее гроб,
 И предо мной вертит упорно
 Дней прожитых калейдоскоп.
 Повсюду вы: то на полянке
 (О, первый и блаженный миг!),
 Как к вашему лицу смуглянки
 Не шел напудренный парик!
 Как был смешон я, как неловок
 (И правда, ну какой я паж!),
 Запутался среди шнуровок
 И смял ваш голубой корсаж!
 А помните, уж было поздно
 И мы катались по пруду.
 «Навек», — сказали вы серьезно
 И указали на звезду.
 Панье в зеленых, желтых мушках
 Напоминало мне Китай,
 Ваш профиль в шелковых подушках...
 Прощайте, ах, прощай, прощай!
 Мой одинокий гроб отметим
 Строкой короткой, как девиз:
 «Покоится под камнем этим
 Любовник верный и маркиз».

1913

БАЛЕТ (Картина С. Судейкина)

С. Судейкину

О царство милое балета,
 Тебя любил старик Ватто!
 С приветом призрачного лета
 Ты нас пленяешь, как ничто.
 Болонский доктор, арлекины
 И пудры чувственный угар!
 Вдали лепечут мандолины
 И ропщут рокоты гитар.
 Целует руку... «Ах... мне дурно!
 Измены мне не пережить!
 Где бледная под ивой урна,
 Куда мой легкий прах сложить?»
 Но желтый занавес колышет
 Батман, носок и пируэт.
 Красавица уж снова дышит,
 Ведь этот мир — балет, балет!
 Амур, кого стрелой ужалишь,
 Ты сам заметишь то едва,
 Здесь Коломбина, ах, одна лишь,
 А Арлекинов целых два.
 Танцуйте, милые, играйте
 Шутливый и любовный сон
 И занавес не опускайте,
 Пока не гаснет лампцион.

1912

ПРОГУЛКА (Картина С. Судейкина)

С. Судейкину

Оставлен мирный переулок
 И диссертации тетрадь,
 И в час условленных прогулок
 Пришел сюда я вновь страдать.
 На зов обманчивой улыбки
 Я, как сомнамбула, бегу, —

И вижу: там, где стали липки,
Она сидит уж на лугу.
Но ваше сердце, Лотта, Лотта,
Ко мне жестоко, как всегда!
Я знаю, мой соперник — Отто,
Его счастливее звезда.
Зову собачку, даже песик
Моей душой не дорожит,
Подняв косматый, черный носик,
Глядит, глядит и не бежит.
Что, праздные, дивитесь, шельмы?
Для вас луна, что фонари,
Но мы, безумные Ансельмы, —
Фантасты и секретари!

1912

12

По реке вниз по Яику
Плывут казаки-молодчики,
Не живые — мертвые,
Плывут, колыхаются,
Их ноздри повывраны,
Их уши обрублены,
Белое тело изранено,
Алые кафтаны изодраны,
Государевы ль люди,
Вóровы ли приспешники,
За вольность и за старинку
Живот положившие?
На берегу стоит старица,
Трупья клюкой притягивает,
Мила внучка выглядывает:
«Где ты, милый внучек мой,
Где ты, Степанушка?
Не твои ли кудри русые,
Очи соколиные,
Брови соболиные,
Не твое ли тело белое?»

[1900]

Надо мною вьются осы...
 Тяжки, тяжки стали косы...
 Голова тяжела!
 Обошла я все откосы —
 Ветерка не нашла...
 Не нашла.

Распласталась в небе птица,
 Леня в долину мне спуститься,
 Где протек ручеек.
 Кто же даст воды напиться?
 Милый брат, он далек...
 Он далек.

Не придет, не сядет рядом.
 Всё гуляет он по грядам,
 И одна я, одна.
 Солнце, встало ты над садом,
 Душу пьешь всю до дна...
 Всю до дна.

Солнце двинется к закату...
 Я пойду навстречу к брату
 (Так знаком этот путь!),
 Опершися на лопату,
 Он прижмет к сердцу грудь,
 К сердцу грудь.

Милый братец мой, когда же
 Отдохну от скучной пряжи
 Снов докучных моих?
 И на облачном на кряже
 Встанет тих наш жених,
 Наш жених?

1912

Защищен наш вертоград надежно
 От горных ветров и стужи,
 Пройти к нему невозможно:
 Путь чем дальше, тем уже.
 Корабельщикам сада незаметно:
 Никакой реки не протекает.

И с горы искать его тщетно:
Светлый облак его скрывает.
Благовонен розоватый иней
На яблонях, миндалях и вишнях
И клубит прямо в купол синий
Сладкий дух, словно «Слава в вышних»,
А летом заалеют щеки
Нежных плодов, райских:
Наливных, золотых, китайских,
Как дары царицы далекой.
Зимы там, как видно, не бывает —
Всё весна да сладкое лето.
И осенней незаметно приметы,
Светлый облак наш сад скрывает.
1912

15

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

М. Замятниной

Ведь Марию Египтянку
Грешной жизни пустота
Прикоснуться не пустила
Животворного креста.
А когда пошла в пустыню,
Блуд забыв, душой проста,
Песни вольные звучали
Славой новою Христа.
Отыскал ее Зосима,
Разделив свою милоть,
Чтоб покрыла пред кончиной
Уготованную плоть.
Не грехи, а Спаса сила,
Тайной жизни чистота
Пусть соделает Вам легкой
Ношу вольного креста.
А забота жизни тесной,
Незаметна и проста,
Вам зачтется, как молитва,
У воскресшего Христа,

И отыщет не Зосима,
Разделив свою милоть:
Сам Христос, придя, прикроет
Уготованную плоть.

1 апреля 1912

II

305—307. БИСЕРНЫЕ КОШЕЛЬКИ

1

Ложится снег... Печаль во всей природе.
В моем же сердце при такой погоде
Иль в пору жарких и цветущих лет
Печаль всё о тебе, о мой корнет,
Чью прядь волос храню в своем комоде.

Так тягостно и грустно при народе,
Когда придет скучный наш сосед!
Теперь надолго к нам дороги нет!
Ложится снег.

Ни смеха, ни прогулок нет в заводе,
Одна нижу я бисер на свободе:
Малиновый, зеленый, желтый цвет —
Твои цвета. Увидишь ли привет?
Быть может, ведь и там, в твоём походе
Ложится снег!

2

Я видела, как в круглой зале
Гуляли вы, рука с рукой;
Я слышала, что вы шептали,
Когда, конечно, вы не ждали,
Что мной нарушен ваш покой.

И в проходной, на геридоне
Заметила я там письмо!

Когда вы были на балконе,
Луна взошла на небосклоне
И озарила вас в трюмо.

Мне всё понятно, всё понятно,
Себя надеждой я не льщу!..
Мои упреки вам не внятны?
Я набелю румянца пятна
И ваш подарок возвращу.

О кошелек, тебя целую;
Ведь подарил тебя мне он!
Тобой ему и отомщу я:
Тебя снесу я в проходную
На тот же, тот же геридон!

3

Раздался трижды звонкий звук, —
Открыла нянюшка сундук.
На крышке из журнала дама,
Гора священная Афон,
Табачной фабрики реклама
И скачущий Багратион.

И нянька, наклонив чепец,
С часок порылась. Наконец
Из пыльной рухляди и едкой,
Где нафталин слоями лег,
Достала с розовою меткой
Зеленый длинный кошелек.

Подслеповатый щуря глаз,
Так нянька начала рассказ:
«Смотри, как старый бисер ярок,
Не то что люди, милый мой!
То вашей матушки подарок.
Господь спаси и упокой.

Ждала дружка издалека,
Да не дошла кошелька.
Погиб дружок в дороге дальней,
А тут приехал твой отец,
Хоть стала матушка печальней,
Но снарядилась под венец.

Скучала или нет она,
Но верная была жсна:
Благочестива, сердобольна,
Кротка, прямая детям мать,
Всегда казалася довольна,
Гостей умела принимать.
 Бывало, на нее глядим, —
 Ну, прямо Божий Херувим!
 Волоски светлые, волною,
 Бела, — так краше в гроб кладут.
 Сидит вечернею порою
 Да на далекий смотрит пруд.
Супруг же, отставной гусар,
Был для нее, пожалуй, стар.
Бывало, знатно волочился
И был изрядный ловелас,
Да и потом, хоть и женился,
Не забывал он грешных нас.
 Притом, покойник сильно пил
 И матушку, наверно, бил.
 Завидит на поле где юбки,
 И ну, как жеребенок, ржать.
 А что же делать ей, голубке, —
 Молиться да детей рожать?
Бледней, худее, что ни день,
Но принесла вас целых семь.
В Николу, как тебя крестили,
Совсем она в постель слегла
И, как малиной ни поили,
Через неделю померла.
 Как гроб был крышкою закрыт,
 Отец твой зарыдал навзрыд;
 Я ж, прибирая для порядка,
 Нашла в комодке медальон:
 Волос там светло-русых прядка,
 А на портрете прежний, „он“.
С тех пор осиротел наш дом...»
Отерла тут глаза платком
И крышкою сундук закрыла.
«Ах, няня, мать была святой,
Когда и вправду все так было!
Как чуден твой рассказ простой!»

«Святой? Святой-то где же быть,
Но барыню грешно забыть.
Тогда ведь жили все особо:
Умели сохнуть по косе
И верность сохранять до гроба, —
И матушка была как все».

Сентябрь 1912

III

308—315. ПЕСЕНЬКИ

1

В легкой лени
Усыпленья
Все ступени
Наслажденья
Хороши!

Не гадаешь,
Замирая,
Где узнаешь
Радость рая
В той тиши.

Нам не надо
Совершенья,
Нам отрада —
Приближенья...
Сумрак густ. —

Без заката
Зори счастья.
Тихо, свято
То причастье
Милых уст.

1912

Солнце — лицо твое, руки белы,
Жалят уста твои жарче пчелы.

Кудри шафрановы, очи — смелы,
Взгляд их быстрее и острее стрелы.

Щеки что персик — нежны и спелы,
Бедра что кипень, морские валы.

Где же найти мне достойной хвалы?
Скудные песни бедны и малы.

Улыбка, вздох ли?
Играют трубы...
Мои же губы
Все пересохли...
Прозрачная пленка,
Ты ее целовал...
Ее сорвал
Мой ноготь тонкий.
Поцелуй вчерашний,
Лети, лети!
В моей груди
Ты раной всегдашней.
Зачем пересохли
За ночь губы?
Играют трубы...
Улыбка, вздох ли!..

1912

Сердце — зеркально,
Не правда ль, скажи?
Идем беспечально
До сладкой межи.
Мы сядем вдвоем,
Сердце к сердцу прижмем.

Зеркало верно,
Не правда ль, скажи?
Не лицемерно,
Без всякой лжи.

Что же покажет,
Чьи там черты?
Прелесть расскажет
Чьей красоты?
 Мы сядем вдвоем,
 Сердце к сердцу прижмем.
Сердце всё ближе. —
Чьи там черты?
В обоих твои же.
Всё ты да ты.

1912

5

Сердца гибель не близка ли?
Для меня это не тайна.
Мы Эроса не искали,
Мы нашли его случайно,
Розы алые сорвав.

Крылья нежные расправил,
И хохочет, и щекочет,
И без цели, и без правил
Сердце бьется, сердце хочет,
Муки сладкие узнав.

То Эрот иль брат Эроса,
Что поет так нежно-сладко?
Ах, напрасная забота,
Уж разгадана загадка
Тем, кто пьян, любовь узнав.

1911

6

Звезды сверху, звезды снизу,
И в пруду, и в небесах.

Я ж целую сладко Лизу,
Я запутался в косах.

В старину пронзал маркизу
Позолоченный твой лук.
Я ж целую сладко Лизу,
Опустясь на мягкий луг.

Кто заткал чудесно ризу
Черно-синюю небес?
Я ж целую сладко Лизу,
Нет мне дела до чудес!..

7

Если б были вы Зюлейкой,
Заключенною в сераль,
Я бы вашей канарейкой
Пел любви своей печаль.
И печалью беспечальной
Пел сегодня ли, вчера ль,
Что не терем погребальный,
А Цитера ваш сераль.
Ах, зрачки так близко, близко, —
Всё клубится сладко вдаль:
Канарейка, одалиска...
Только двое — весь сераль.
Целый день пою я в клетке,
Но свободы мне не жаль,
Коли сны не нежно-редки,
Коль слова нередко метки, —
Ваше сердце — мой сераль.

8

УТЕШЕНИЕ ПАСТУШКАМ

Мне матушка твердила:
«Беги любви злой,
Ее жестока сила, —
Уколет не иглой.

Покоя ты лишишься,
Забудешь отчий дом,
Коль на любовь решишься
С пригожим пастушком».
Я матушке послушна,
Приму ее совет.
Но можно ль равнодушно
Прожить в шестнадцать лет?
Пускай ругают: «Дура!
Тебе добра хотим!»
Но я, узнав Амура,
Уж не расстанусь с ним.
А я жила на воле,
Запрет мне незнаком,
Но встретила я в поле
С пригожим пастушком,
Мы сели с ним бок-о-бок,
С рукой сплелась рука,
Но он был очень робок
И я была робка.
Прожить ли равнодушно,
Когда шестнадцать лет?
Любви своей послушна,
Я не сказала: нет!
Пускай сперва робеет,
Настанет скоро тьма, —
Чего пастух не смеет,
Посмею я сама.
Любовь зови, любовь гони —
Она придет сама,
Как прилетают вешни дни,
Когда уйдет зима.
Пускай любил ты прошлый год,
Полюбишь в новый вновь.
Она придет, она придет,
Крылатая любовь.
Пускай любви еще не знал,
Полюбишь в Новый год.
Любовь ты звал, любовь ты гнал?
Она сама придет.

1912—1913

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

316. НОВЫЙ РОЛЛА

Неоконченный роман в отрывках

І ГЛАВА

ВЕНЕЦИЯ

1

Ты помнишь комнату и свечи,
Открытое окно,
И песню на воде далече,
И светлое вино?
Ты помнишь первой встречи трепет,
Пожатье робких рук,
Неловких слов несмелый лепет
И взгляд безмолвных мук?
Навес мостов в дали каналов,
Желтеющий залив,
Зарю туманнее опалов
И строгих губ извив?
Вечерний ветер, вея мерно,
Змеил зеркальность вод,
И Веспер выплывает верно
На влажный небосвод.

2

О поцелуй, божественный подарок,
Кто изобрел тебя — великим был.
Будь холоден, жесток, печален, жарок, —
Любви не знал, кто про тебя забыл!
Но слаще всех минут в сей жизни краткой
Твой поцелуй, похищенный украдкой.

Кем ты была: Дездемоной, Розиной,
Когда ты в зал блистающий вошла?
А я стоял за мраморной корзиной,
Не смея глаз свести с того чела.
Казалось, музыка с уст сладких не слетела!
Улыбкой, поступью ты молча пела.

Была ль та песня о печальной иве,
Туманной Англии глухой ручей,
Иль ты письмо писала Альмавиве,
От опекунских скрытая очей?
Какие небеса ты отражала?
Но в сердце мне любви вонзилось жало.

Всё вдруг померкло, люстр блестящих свечи,
Дымясь, угасли пред твоим лицом,
Красавиц гордых мраморные плечи
Затменным отодвинулись кольцом.
И вся толпа, вздыхая, замолчала,
Моей любви приветствуя начало.

3

По струнам лунного тумана
Любви напев летит.
Опять, опять открылась рана,
Душа горит.

В сияньи мутном томно тает
Призывно-нежный звук.
Нет, тот не любит, кто не знает
Ревнивых мук!

Колдует песня крепким кругом,
Моей любви полна.
Ревную я тебя к подругам,
Будь ты одна.

Душа моя полна тревоги
И рвется пополам.
Ревную к камням на дороге
И к зеркалам.

Ревную к ветру, снам, к прохожим
И к душной темноте,
Ко вздохам, на мои похожим,
К самой тебе.

4

Собор был темен и печален
При свете стекол расписных,
И с шепотом исповедален
Мешался шум шагов глухих.
Ты опустилась на колени,
Пред алтарем простерлась ниц.
О, как забыть мне эти тени
Полуопущенных ресниц!
Незрим тобой, я удалился,
На площадь выйдя, как слепой,
А с хоров сладостно струился
Напев забытый и родной.
Скорей заставьте окна ставней,
Скорей спустите жалюзи!
О друг давнишний и недавний,
Разгул, мне в сердце нож вонзи!

5

Нос твой вздернут, губы свежи,
О, целуй меня пореже,
Крепче, крепче прижимай,
Обнимай, ах, обнимай!

А та, любимая...

Пусть твои помяты груди,
Что для нас, что скажут люди!?
Слов пустых не прибирай,
Что нам небо, что нам рай!

А та, любимая...

Вижу, знаю эти пятна...
Смерть несешь мне? презанятно!
Скинь скорей смешной наряд,
Лей мне в жилы, лей твой яд!

А та, любимая...

Лишь прощаясь, ты меня поцеловала
 И сказала мне: «Теперь прощай навек!»
 О, под век твоих надежное забрало
 Ни один не мог проникнуть человек.
 Светел образ твой, но что за ним таится?
 Рай нам снится за небесной синевою.
 Если твой я весь, простится, о, простится,
 Что когда-то я не знал, что весь я твой.
 Вот душа моя ужалена загадкой,
 И не знаю я, любим иль не любим,
 Но одним копьем, одной стрелой сладкой
 Мы, пронзенные, любви принадлежим.
 Лишь одно узнал, что ты поцеловала
 И сказала мне: «Теперь прощай навек».
 Но под век твоих надежное забрало
 Ни один не мог проникнуть человек.

7. письмо

Я тронута письмом, что вы прислали,
 Печали голос так понятен в нем,
 Огнем любви те строки трепетали.
 О, если б ваша ночь вновь стала днем!
 Вы пишете, что снова власть разгула,
 Как дуло пистолета, метит в вас,
 Чтоб в час ужасный к вам я протянула
 Улыбку кротких и прохладных глаз.
 Вы обманулись званием доступным,
 Преступным было бы ответить «да».
 Когда объаты вы тем ядом трупным,
 Молюсь за вас сильнее, чем всегда.
 Я скрыть могу, но вот я не скрываю:
 Страдаю не любя, но не люблю,
 Внемлю мольбам, но их не понимаю,
 Пусть судит Бог, когда я вас гублю.
 Вам недостаточно того, я вижу
 (Обижу ль вас, я не могу решить).
 Просить не стану, тем себя обижу,
 Но в ваших мыслях я б хотела жить.

В моей пустыне было бы отрадой
Оградой вам служить на злом пути.
Найти звезду так сладостно, так надо,
Что я не смею вам сказать: «Прости».

8

В ранний утра час покидал я землю,
Где любовь моя не нашла награды,
Шуму волн морских равнодушно внемлю,
Парус направлен!

Твой последний взгляд, он сильней ограды,
Твой последний взгляд, он прочней кольчуги,
Пусть встают теперь на пути преграды,
Пусть я отравлен!

Вот иду от вас, дорогие други,
Ваших игр, забав соучастник давний;
Вдаль влекут меня неудержно дуги
Радуг обетных.

Знаю, видел я, что за плотной ставней
Взор ее следил, затуманен дремой,
Но тоска моя, ах, не обрела в ней
Взоров ответных.

О, прощай навек! кораблем влекомый,
Уезжаю я, беглеца печальней,
Песне я внемлю, так давно знакомой,
Милое море!

Что я встречу там, за лазурью дальней:
Гроб ли я найду иль ключи от рая?
Что мне даст судьба своей наковальной,
Счастье иль горе?

II ГЛАВА

КОРФУ

1

Взорам пир — привольный остров в море.
О, леса, зеленые леса!
Моря гладь с лазурью неба в споре,
Что синей: волна иль небеса?
Что белей: наш парус или чайка?
Что алей, чем алых маков плащ?
Сколько звезд на небе, сосчитай-ка,—
Столько струй родник стремится из чащ.
По горам камней ряды сереют,
По камням сверкает светлый ключ.
В облаках зари румяна рдеют,
Из-за туч широк прощальный луч.
О Корфу, цветущая пустыня,
Я схожу на твой счастливый брег!
Вечер тих, как Божья благостыня,
Кроток дух, исполнен тихих нег.

2

О вольные сыны беспечности суровой,
Насколько вы милей, чем дети городов!
Дремотный дух навей, дубравы кров дубовый,
Голконду бы отдать за горы я готов!
Горды вы и просты, но нет средь вас обмана,
Улыбка ваших жен открыта и чиста.
Кто злобой поражен, кого сочтется рана,
Пусть радостно спешит в священные места.
О вольные орлы, друзья моей тревоги,
Парите выше скал и выше облаков,
Ах, долго я искал заоблачной дороги,
Куда бы мог бежать темницы и оков.
Счастливые края, счастливые селенья,
Целительный бальзам мне в сердце пролился,
Я горным высотам предам свои волненья,
Я вольной простоте с весельем предался.

Легче птицы, легче стрел
 Горный танец, быстр и смел,
 Кончен круг, и вновь сначала
 Тучкой вьется покрывало.

Гнися вниз, как нарцисс,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

Слышишь скрипок жгучий звук?
 Видишь кольца смуглых рук?
 Поспешай, приспело время
 Бросить в пляску злое бремя!

Не стройней кипарис,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

Завей и развевай
 Хоровод наш, милый май.
 Не хочу я знать, не знаю,
 Где конец настанет маю.

Локон твой как повис,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

Белой павой дева ступит,
 Кто ее казною купит?
 Пролетает, улетает,
 Точно тучка в небе, тает.

Белый рис — крылья риз,
 О Фотис, Фотис, Фотис!

О Фотис, скажи, какую силой
 Ты мой взор усталый привлекла
 И землей живую нарекла,
 Что считал я мертвою могилой?
 Кто тебя в унылости немилрой
 Мне послал, весеннего посла?

Как цветок цветет на дне долины,
 Ты росла в кругу своих подруг,
 И далек любовный был недуг,
 Как весной ручья далёки льдины.
 Ах, не знать тебе бы той кручины
 И не звать к себе напрасных мук!

Ты смогла невинностью стыдливой
Победить блистательных цариц.
О, стрела опущенных ресниц,
Ты сильнее, чем взгляд любви счастливой.
Так сверкнет средь ночи молчаливой
Белый блеск трепещущих зарниц.

Но, кропя меня водой живою,
Ты сама, Фотис, уже не та:
Ты — чиста, как прежде, и свята,
Но навек уж лишена покою, —
И теперь я знаю, хоть и скрою,
Что во сне твердят твои уста.

5

Сестры, о сестры! судьба злая,
Спрячусь куда я твоих стрел?
Горя не чая, к нему шла я,
Срок жгучей страсти меж тем зрел.
Я потеряла покой ночи,
Я потеряла покой дней,
Дома скрываться уж нет мочи,
Страстью гонимой, судьбы злей.
Выйду на площадь, скажу сестрам
(Пусть подивятся, подняв бровь!),
Как пронзена я мечом острым,
Яда лютее моя кровь!
Милое имя, язык странный,
Лепет невнятный — твоя речь.
Голос твой звонкий — призыв бранный,
Светлые взоры — любви меч!
О, я сгораю, где тень рощи?
Где ты, прозрачный лесной ключ?
Пение птиц мне бичей жестче,
Как беспощаден дневной луч!

6

Не ты ли приходила
Под тень чинара?

Всех сил сильнее сила
Полночных чар.
Травой росистой скрыты
Твои следы,
Бледны твои ланиты,
Боясь беды.
Стоит мой конь ретивый,
Не бьет, не ржет,
Струю стремится ленивый
Поток вперед.
Никто нам не помеха,
Отбрось твой страх.
Ни шепота, ни смеха
В густых кустах...
Уста мои застыли,
Застыла кровь.
Чу, шорох, ах, не ты ли,
Моя любовь?..

7

Она говорила: «Любима другим,
Его не люблю я,— давай бежим.
Мне жалко покинуть родные поля,
Но всё мне заменит любовь твоя».
Она говорила: «Ах, в доме твоём
Мы новое счастье, мой друг, найдем.
Нас там не настигнет ревнивца рука,
Нас там не догонит печаль-тоска».
Она говорила: «В пирушке друзей
Ты хвастаться можешь красою моей.
А если разлюбишь и лучше найдешь,
То горю поможет мой острый нож».
Она говорила: «В закрытую дверь
Других не пущу я, поверь, поверь.
Могу я быть верной, могу умереть,
Но я не умею расставить сеть».
Она говорила: «Не вижу других,
Мне солнце не светит без глаз твоих.
Без глаз твоих, милый, мне нету тепла,
Навеки с тобою судьба свела».

Опять «прощай», опять иду,
 Когда ж покой и мир найду?
 Но не клоню я взоров вниз,—
 Со мной она, со мной Фотис.
 Ну, кормщик, снасти подбирай,
 Прощай, Корфу, веселый рай!
 Шуми, волна, домой, домой!
 Мне песню прежнюю запой!
 И всплески весел говорят:
 «Церквей опять увидишь ряд,
 Старинный дом, большой канал,
 Чего нигде не забывал».
 Отчизна та ж, но я не тот,
 Уж не боюсь пустых невзгод.
 Я снова молод, снова смел
 И не страшусь коварных стрел,
 Любовь, любовь меня спасла
 И целым к счастью привела.

III ГЛАВА

ОПЯТЬ ВЕНЕЦИЯ

1

Лишь здесь душой могу согреться я,
 Здесь пристань жизни кочевой:
 Приветствую тебя, Венеция,
 Опять я твой, надолго твой!
 Забыть улады края жаркого
 Душе признательной легко ль?
 Но ты, о колокольня Маркова,
 Залечишь скоро злую боль!
 Пройдут, как тени, дни страдания,
 Взлетит, как сокол, новый день!
 Целую вас, родные здания,
 Простор лагун, каналов тень.
 Вот дом и герб мой: над лужайкою
 Вознесся темный кипарис,—
 Сегодня полною хозяйкою

Войдет в тот дом моя Фотис.
Привыкнет робою тяжелою
Смирять походки вольный бег.
Влекумы траурной гондолою,
Забудем ночью дальний брег.
Как воздух полн морскими травами!
Луна взошла на свой зенит,
А даль старинными октавами,
Что Тассо пел еще, звенит.
Когда ж, от ласк устал, я падаю
И сон махнет тебе крылом,
Зачем будить нас серенадою,
Зачем нам помнить о былом?
Здесь каждый день нам будет праздником,
Печаль отгоним рядом шлюз,
С амуром, радостным проказником,
Тройной мы заключим союз!

2

Зачем в тот вечер роковой
Вдвоем с тобой мы не остались?
Зачем с покоем мы расстались,
Какой несчастною судьбой?
Зачем «Севильский брадобрей»
На пестрой значился афише,
А голос неся выше, выше
Под вопли буйных галерей?
Зачем спокойна и одна
Она явилась рядом в ложе,
И что шепнуло мне, о Боже:
Взгляни налево, вот она!
Как прежде, смотрят очи вниз,
Бросая сладостные тени,
Но нет: глаза мои на сцене,
А сердце там, где ты, Фотис!
Принес цирульник фонари,
И ловкий брак уже улажен,
Соседки вид — печально важен.
Будь верен, глаз мой, не смотри!

Зачем толпы живой поток
Опять нам бросил случай встречи?
Она на мраморные плечи
Небрежно кинула платок.
Движенья те же и новы.
— Фотис! Фотис, я твой навеки! —
Тяжелые поднявши веки,
Другая шепчет: «Это — Вы?»

3

Опять, как встарь, открыта дверь балконная —
Опять, как встарь...
Вино желто в бокалах, что янтарь,
А ночь струит мне волны благовонные,
Опять, как встарь.

Во мгле ночной медлительно приблизилась —
Во мгле ночной, —
Гондолы тень с расшитой пеленой;
Грифона пасть у носа смутно виделась
Во мгле ночной. —

Она сошла, одета в платье черное,
Она сошла
В условный дом, откуда выпела
Судов видны; с решимостью упорною
Она сошла.

Я долго ждал за темною решеткою,
Я долго ждал,
Смотря без дум на дремлющий канал,
Встревоженный одною вашей лодкою,
Я долго ждал.

Но вот шаги... дверь тихо растворилась,
Но вот шаги...
Любовь, любовь! еще раз помоги,
Чтоб сердце так в груди моей не билось!

Цепь былую ныне рву я,
 Не порвал ли уж вчера?
 И, свободу торжествуя,
 Лишь с Фотис одной пируя,
 Проведу все вечера!

Я ль, как мальчик, ждал свиданья?
 Но любовь меня спасла.
 Та, которой робко дань я
 Прежде нес, сама признанья
 Запоздалые несла.

Я не дрогнул, я не сдался,
 Пусть стучала кровь в висках!
 Я свободен, не остался
 В ваших сладостных тисках.

Как мертвец из смертной сени,
 Как больной восстав с одра,
 Я бегу обнять колени,
 Вылить слезы, вылить пени
 На груди, что так мудра.

Не вздохнула, не спросила:
 «Что с тобой?»— моя Фотис,
 Но целительная сила
 Так любовно пригласила:
 «Не клонись главою вниз».

Не зная вас, вам шлю письмо.
 Меня как женщина поймете,
 Увидевши, что в каждой иоте
 Сквозит любви моей клеймо.
 Быть может, я неосторожна,
 Свиданье было бы верней,
 Но, лишь дойду я до дверей
 До ваших,— мысли: «Невозможно».
 Тот мало честью дорожит,
 Кто страстью поздней пламенеет,
 Бумага, к счастью, не краснеет,
 Пускай рука моя дрожит.

Зачем вам повести унылой
Докучное начало знать?
Дана вам свыше благодать
Не сделать жизнь мою могилой.
Робею, медлю, как дитя,
Прервать письмо уже готова,
Но нет, мучительное слово
Скажу, волненье укротя;
Сошлись любовные дороги
Моя и ваша. Разный путь
Заставил нас в глаза взглянуть,
Прочесть в другой свои тревоги,
Но ваша юная любовь
С моей равняться вряд ли может,
Ничто мне в муке не поможет,
Лишь в смертный час остынет кровь.
Другое счастье в долгой жизни
Еще вам будет суждено,
И знаю — встретится оно
Не здесь, а в радостной отчизне.
Как прежде позабыл меня,
Так вас он скоро позабудет,
И лепет детский не разбудит
Уже потухшего огня.
А я готова быть рабыней,
Всегда лежать у милых ног,
И взгляд один взрастить бы мог
Сады над бывшею пустыней!
Безумна просьба и смешна,
Для вас, быть может, непонятна.
Всегда любовь другим не внятна,—
Любви лишь явственна она.
Но если признаки недуга
Знакомы вам и не чужды,
Отбросьте мелочность вражды,
Коль вправду любите вы друга.
Не бойтесь слез, не бойтесь слов —
Ответьте на мое призванье.
Под вечер, позже, в семь часов,
Придите в среду на свиданье.

Мы обе вместе там решим,
В чем нам искать теперь спасенья,
И две любви соединим
В одну любовь, в одно хотенье.

6

Под пологом ли слишком жарко,
Ночник ли пущен слишком ярко,
Иль шум и шелесты мышей
Твоих коснулись ушей,
Что ты не спишь, раскинув руки,
И слушаешь глухие звуки?

«Фотис, ты спишь?» — Я сплю, молчи, —
И снова замерло в ночи.
«Ты плачешь?» — Нет, спокойся, милый,
Расторгнут нас одной могилой! —
Наутро встала так бледна,
Как будто год была больна.

Весь день был ветрен, сух и ясен,
Но лишь закат зарделся, красен,
Фотис сказала: «Я пойду
На час». Предчувствуя беду,
Ее просил побыть я дома,
Покуда не пройдет истома.

«Не бойся, друг, не будь враждебен.
Клялась я отслужить молебен.
Одна доеду без труда
И тотчас возвращусь сюда.
Ты жди меня, не мучься скукой, —
Молитва будет нам порукой».
Я скрыл тогда невольный вздох.
Вот шум шагов вдали заглох,
На темном и глухом канале
Гондолу тихо отвязали,
Но уж давно взошла луна,
Когда вернулась она.

Что с Фотис любезною случилось?
 Отчего ее покой утрачен?
 Отчего так скучен и так мрачен
 Темный взор, и что в нем затаилось?
 Онемела арфа-рокотунья
 И, печальная, стоит у стенки,
 А сама Фотис, обняв коленки,
 Всё сидит, не бегают, летунья.
 Или холодно моей голубке
 От приморского дождя-тумана,
 Что не встанет с мягкого дивана,
 Что не скинет с плеч тяжелой шубки?
 Или остров вспомнился родимый,
 Хоровод у берега девичий,
 Иль тяжел чужой земли обычай,
 О семье ль взгрустнулося родимой?
 Подойдешь — как прежде, улыбнется;
 Голосок — как прежде, будто флейта.
 Скажешь: «Милая, хоть пожалей-то!»—
 Промолчав, к подушке отвернется.

Сердце бьется, пленный стрепет,—
 Пенит волны белый след,
 Бледных звезд неверный свет
 Отмель плоскую отметит.
 Смолкнул долгий разговор,
 Лишь плеснет последний лепет
 Да замедлит нежный взор.

Снова скажет, слишком зная,
 Что отвечу ей: «Мой друг,
 Что моих бояться мук?
 Любит больше та, другая!
 Всех она прекрасней жен,

Но, любя иль умирая,
Я приму любви закон».

Стихла речь, ей отвечали
Взгляд, объятие, поцелуй.
«Видишь, муть молочных струй
Розы солнца пронизали?
Полно, сердце, слез не лей!
Снова реют в ясной дали
Флаги вольных кораблей!»

9

Не вернулись ли снова златые дни,
Не весной ли пахнуло в осенний день?
Мы опять засветили любви огни
И далёко бежала былая тень.
Пролетело ненастье, лазурь — для нас,
Только в мире и дышим, что я да ты,
Будто завтра наступит последний час,
Будто завтра увянут в саду цветы.
Каждый день — лучше утра, а вечер — дня,
Ночи — счастья залогов — того милей,
Как две арфы, согласной струной звеня,
Наше сердце трепещет, и звук полней.
Крепче к сердцу прижмися, сильнее, вот так!
Не расторгнутся губы, пусть смерть придет!
Разорвать цепь объятий не властен враг,
Вместе склонимся долу в святой черед.

10

Любовь, какую жалкой и ничтожной
Девчонкой вижу я себя! Возможной
Казалась мне дорога и не ложной,
Но я слаба.

Страшна ли я, горбата и ряба,
Иль речь моя несвязна и груба,—
Что глупая привозная раба
Меня милее?

Склонится ли негнущаяся шея?
И с плаксой ли расплачусь я, слабей?
Нет, сердце, нет, не бойся! не вотще я
Отчизны дочь.

Венеция, ты мне должна помочь!
Сомненья, робость, состраданье, прочь!
Зову любовь, зову глухую ночь,
Моих служанок.

Не празднуйте победы спозаранок;
Я вспомню доблесть древних венецианок
И выберу в ларце меж тайных стклянок
Одну для вас.

И тот, последний, долгожданный час
Любви моей да будет воскресеньем!
И раньше, чем закат вдали погас,
Ты будешь мой, клянусь души спасеньем!

11

Недаром красная луна
В тумане сумрачном всходила
И свет тревожный наводила
Сквозь стекла темного окна.
Одной свечой озарены,
Вдвоем сидели до утра мы,
И тени беглые от рамы
У ног скользили, чуть видны.
Но вдруг лобзанья прервала
И с тихим стоном отклонилась,
Рукою за́ сердце схватилась,
Сама, как снег в горах, бела.
«Фотис, но что, скажи, с тобой?»
Она чуть слышно мне: «Не знаю».
Напрасно руки ей лобзую,
Кроплю ее святой водой.

Был дик и странен милый взгляд,
В тоске одежду рвали руки,
И вдруг сквозь стон предсмертной муки
Вскричала: «Поздно, милый!.. яд!»
И вновь, сломясь, изнемогла,
Любовь и страх в застывшем взоре...
Меж тем заря на белой шторе
Уж пятна красные зажгла.
И лик Фотис — недвижно бел...
Тяжеле тело, смолкнул лепет —
Меня сковал холодный трепет:
Без слез, без крика я немел.

12

В густой закутана вуаль,
С улыбкой сдержанной и странной
Она вошла, как гость нежданный,
В покой, где веяла печаль.
Ко мне она не подошла,
С порога лишь заговорила:
«Теперь узнайте, что за сила
Меня опять к вам привела,
Любовь слепая так сильна,
Что в тягость стала мне личина.
Откроюсь — я была причина
Внезапной смерти, я одна.
Мое признание, ваш отказ,
Фотис надменной отреченье,
Любовь, обида, жажда мщенья
Водили мной в тот страшный час.
Но нет раскаянья во мне,
Так сладко быть для вас преступной.
Судите мерой неподкупной:
Любовь лишь к вам — в моей вине.
Я знаю, в вас еще живет
Былой огонь, бывшее чувство.
Напрасно хладное искусство —
Безумной страсти бил черед,
Я жизнь и честь для вас сожгла,

Стыдливость, гордость позабыла,
Желанье сердце отравило,
Как ядом полная игла.
Плативший вышею ценой
Едва ли может быть обманут;
Пусть скорби все в забвенье канут,
Со мной узнайте мир иной!»
И, платьем траурным шурша,
Она подвинулась, взглянула...
Не ты ль, Фотис, крылом махнула,
Что вдруг проснулась душа?
Наверно, диким был мой взор,
Утраты полн непоправимой,
И ясно в нем непримиримый
Она узнала приговор,—
Затем, что, смертно побледнев,
Она внезапно замолчала,
Но долго взор не отвращала:
Была в нем страсть, и смерть, и гнев.
Ушла навеки. Не вонзил
Ножа в предательское тело.
Какая воля так хотела,
Чтоб я был трус, лишенный сил?

IV ГЛАВА

ПАРИЖ

1

Снизу доносятся смутные шумы,
Крик продавцов и шум карет.
Тупо и тягостно тянутся думы,
В будущем счастья сердцу нет.
Как в голубятне, сижу я в светелке,
Мимо бежит глухой Париж...
Что собираешь сосуда осколки,
Целым разбитый вновь творишь?
Ветер в окошко мне пыль не доносит,
Смолкнув вдали колеса фур,

Бледное золото вечер набросит
На пол, на стол, на белый шнур.
Всё, что минулося, снова всплывает
В этот прозрачный, светлый час.
Час одиночества, тот тебя знает,
В ком навсегда огонь погас!

2

Как в сердце сумрачно и пусто!
В грядущем — дней пустынных ряд.
Судьба — искусная Локуста,—
Как горек твой смертельный яд!
Не я ль, словам твоим послушен,
Стоял часами на мосту?
Но всё ж я не был малодушен,
Не бросил жизни в темноту.
По небу пламенным размахом
Закат взвихрился выше труб,
Но я не стал бездушным прахом:
Дышу, живу, ходячий труп.
Кто грудь мою мечом разрежет?
Кто впрыснет влагою живой?
Когда заря в ночи забрезжит,
Затеплю где светильник свой?

3

Он подошел ко мне свободно,
Сказавши: «Вашей меланхолии
Причина очень мне близка,
И если мыслить благородно,
Что наша жизнь? мираж, не более.
Любовь — безумье, труд — тоска»,—
И пальцем поправляя слегка
В петлице лепестки магнолии.

Острится подбородок тонкий,
Отмечен черной эспаньолою,
Цилиндр на голове надет,
Перчаткою играл с болонкой,
Кривились губы шуткой колкою,
И горько говорил поэт:
«И я, как ты, моя Пипетт,
На счастье лишь зубами щелкаю.

Любовь и „вечное“ искусство
На камне призрачном основаны,
И безусловна смерть одна.
Что наше сердце, наши чувства?
Не вами, нет, душа окована,
Мечта лишь нам в удел дана».
Тут осушил стакан до дна
И замолчал разочарованно.

Казалось мне, в том разговоре
Всплывало смутно сновидение,
Когда-то виденное мной,
И в этой позе, в этом взоре,
В пустых словах разуверения
Мне голос слышится иной.
И в глубь души моей больной
Входило странное влечение.

4

Чья таинственная воля
Мне в пути тебя послала,
Странно другом нарекла?
Как утопанное поле,
Жизнь в грядущем мне предстала
И пустыней привлекла.
Так различны, так несхожи
Сердца грустные желанья,
Наши тайные мечты,—
Но тем ближе, тем дороже

Мне по улицам скитанья,
Где идешь со мною ты.
Вздохам горестным помеха,
Чувствам сладостным преграда,—
Стал сухой и горький смех.
Как испорченное эхо,
Мне на всё твердит: «Не надо:
Вздохи, чувства — смертный грех».
Всё, что мыслю, всё, что знаю,
Я в тебе ничтожным вижу,
Будто в вогнутом стекле,—
Но очей не отвращаю
И судьбу свою приближу
К намагниченной игле.
Словно злыми палачами
К трупцу вражьему прикован,
Я влачуся сам, как труп,
И беззвездными ночами
Я не буду расколдован
Ярым ревом новых труб.

5

Салон шумел веселым ульем,
В дверях мужчин теснился строй,
Манил глаза живой игрой
Ряд пышных дам по желтым стульям.
К камину опершись, поэт
Читал поэму томным девам;
Старушки думали: «Ну где вам
Вдохнуть, как мы, ему в ответ?»
В длиннейшем сюртуке политик
Юнцов гражданских поучал,
А в кресле дедовском скучал
Озлобленный и хмурый критик.
Седой старик невдалеке
Вел оживленную беседу,
То наклоняясь к соседу,
То прикасаяся к руке,

А собеседником послушным
Был из провинции аббат,
В рябинах, низок и горбат,
С лицом живым и простодушным.
Их разговор меня привлек
Какой-то странной остротою,—
Так, утомленный темнотою,
Влечется к лампе мотылек.
Но вдруг живой мотив «редовы»
Задорно воздух пронизал,—
И дамы высыпали в зал:
Замужние, девицы, вдовы.
Шуршанье платьев, звяки шпор,
Жемчужных плеч и рук мельканье,
Эгреток бойкое блистанье,
И взгляды страстные в упор...
Духов и тел томящий запах,
Как облак душный, поднялся,
А разговор меж тем велся
О власти Рима и о папах.
И старца пламенная речь
Таким огнем была повита,
Что, мнилось, может из гранита
Родник живительный иссечь.
И я, смущенье одолев,
Спросил у спутника: «Кто это?»
Сквозь стекла поглядев лорнета,
Он отвечал: «Де Местр, Жозеф».

6

Письмо любви! о пальцы женских рук,
Дрожали ль вы, кладя печать цветную?
Как без участия тот конверт миную,
Где спят признанья, девичий испуг!
А может быть, кокетка записная
Обдуманый, холодный приговор
Прислала мне, и блещет зоркий взор,
Заранее свою победу зная?

Зовете вы, любя или не любя,—
Что мне до вас: одна, другая, третья?
Ах, не могу огнем былым гореть я
И не хочу обманывать себя.
Я не сорву заманчивой печати,
Где сердце со стрелой и голубки...
Слова любви, вы — сладки и гибки,
Но я — уж не боец любовной рати.

7

И вот без шума и без стука
Скок на порог подруга-скука.
В лицо пытливо заглянула:
Не ждя в ответ
Ни «да», ни «нет»,
В приют привычный проскользнула.

Я ни мольбой, ни гибкой тростью
Прогнать не в силах злую гостью.
Косыми поведет глазами,
Как будто год
Со мной живет,
Сидит не двигаясь часами.

Сухой рукой укажет флягу,
Я выпью, на кровать прилягу,
Она присядет тут же рядом,
И запоеет,
И обоймет,
Шурша сереющим нарядом.

С друзьями стал теперь в разводе,
И не живу я на свободе.
Не знаю, как уйти из круга:
Всех гонит прочь
В глухую ночь
Моя ревнивая подруга.

Лежу, лежу... душа пустеет.
Рука в руке застывает.
Сама тоска уйдет едва ли...
И день за днем
Живем, живем
Как пленники в слепом подвале.

8

Аббат воскликнул: «Вы больны,
Мое дитя, примите меры!
Как чадо церкви, чадо веры,
В своей вы жизни не вольны.
Ведь не свободный вы мыслитель,
Для вас воскрес и жив Спаситель!»

.....
.....

1908—1910

ВОЖАТЫЙ

Случится все, что предназначено,
Вожатый нас ведет.

М. К<узмин>

I

317—325. ПЛОД ЗРЕЕТ

1

Мы в слепоте как будто не знаем,
 Как тот родник, что бьется в нас,—
 Божественно неисчерпаем,
 Свежей и нежнее каждый раз.

Печалью взвившись, спадает весельем...
 Глубже и чище родной исток...
 Ведь каждый день — душе новоселье,
 И каждый час — светлее чертог.

Из сердца пригоршней беру я радость,
 К высоким брошу небесам
 Беспечной бедности святую сладость
 И всё, что сделал, любя, я сам.

Всё тоньше, тоньше в эфирном горниле
 Синюют тучи над купами роц,—
 И вдруг, как благодать, к земле опустили
 Любовь, и радугу, и дождь.

1916

2

Под вечер выдь в луга поёмные,
 На скошенную ляг траву...
 Какие нежные и томные
 Приходят мысли наяву!
 Струятся небеса сиянием,
 Эфир мерцает легким сном,
 Как перед сладостным свиданием,
 Когда уж видишь отчий дом.
 Всё трепетней, всё благодарнее
 Встречает сердце мир простой,
 И лай собак за сыроварнею,
 И мост, и луг, и водопой.

Я вижу всё: и садик с вишнями,
И скатертью накрытый стол,
А облако стезями вышними
Плывет, как радостный посол.
Архангельские оперения
Лазурную узорят твердь.
В таком пленительном горении
Легка и незаметна смерть.
Покинет птица клетку узкую,
Растает тело... всё забудь:
И милую природу русскую,
И милый тягостный твой путь.
Что мне приснится, что вспомнится
В последнем блеске бытия?
На что душа моя оглянется,
Идя в нездешние края?
На что-нибудь совсем домашнее,
Что и не вспомнишь вот теперь:
Прогулку по саду вчерашнюю,
Открытую на солнце дверь.
Ведь мысли сделались летучими,
И правишь ими уж не ты,—
Угнаться ль волею за тучами,
Что смотрят с синей высоты?
Но смерть-стрелок напрасно целится,
Я странной обречен судьбе.
Что неделимо, то не делится:
Я всё живу... живу в тебе!

Июнь 1916

3

Господь, я вижу, я недостоин,
Я сердцем верю, и вера крепка:
Когда-нибудь буду я Божий воин,
Но так слаба покуда рука.
Твоя заря очам моим брезжит,
Твое дыханье свежит мне рот,
Но свет Твой легкий так сладостно нежит,
Что сердце медлит лететь вперед.

Я умиляюсь и полем взрытым,
Ручьем дороги в тени берез,
И путником дальним, шлагбаумом открытым,
И запахом ржи, что ветер принес.
Еще я плачу, бессильно бедный,
Когда ребенка бьют по щекам,
Когда на просьбу о корке хлебной
Слышат в ответ сухое: «Не дам!»

Меня тревожит вздох мятежный
(От этих вздохов, Господь, спаси!),
Когда призыв я слышу нежный
То Моцарта, то Дебюсси.
Еще хочу забыть я о горе,
И загорается надеждою взор,
Когда я чувствую ветер с моря
И грежу о тебе, Босфор!

Еще я ревную, мучусь, немею
(Господь, мое счастье обереги!),
Еще я легким там быть не смею,
Где должны быть крылаты шаги.
Еще я верю весенним разливам,
Люблю левкой и красную медь,
Еще мне скучно быть справедливым —
Великодушьем хочу гореть.

1916

4

Какая-то лень недели кроет,
Замедляют заботы легкий миг,—
Но сердце молится, сердце строит:
Оно у нас плотник, не гробовщик.
Веселый плотник сколотит терем.
Светлый тес — не холодный гранит.
Пускай нам кажется, что мы не верим:
Оно за нас верит и нас хранит.

Оно всё торопится, бьется под спудом,
А мы — будто мертвые: без мыслей, без снов...

Но вдруг проснемся пред собственным чудом:
Ведь мы всё спали, а терем готов.
Но что это, Боже? Не бьется ль тише?
Со страхом к сердцу прижалась рука...
Плотник, ведь ты не достроил крыши,
Не посадил на нее конька!

1916

5

Не знаешь, как выразить нежность!
Что делать: жалеть, желать?
Покоя полна мятежность,
Исполнена трепета гладь.
Оттого обнимаем, целуем,
Не отводим влюбленных глаз,
Не стремимся мы к поцелуям,
Они лишь невнятный рассказ
О том, что безбрежна нежность,
Что в нежности безнадежность,
Древнейшая в ней мятежность
И новая каждый раз!

1915

6

Находит странное молчание
По временам на нас,
Но в нем таится увенчание,
Спокойный счастья час.
Задумавшийся над ступенями,
Наш ангел смотрит вниз,
Где меж деревьями осенними
Златистый дым повис.
Затем опять наш конь пришпоренный
Приветливо заржет
И по дороге непроторенной
Нас понесет вперед.
Но не смущайся остановками,
Мой нежный, нежный друг,
И объясненьями неловкими
Не нарушай наш круг.

Случится все, что предназначено,
Вожатый нас ведет.
За те часы, что здесь утрачены,
Небесный вкусим мед.

1913

7

Какая белизна и кроткий сон!
Но силы спящих тихо прибывают,
И золоченый, бледный небосклон
Зари вуали розой закрывают.
В мечтах такие вечера бывают,
Когда не знаешь, спишь или не спишь,
И каплют медленно алмазы с крыш.

Смотря на солнца киноварный знак,
Душою умиляешься убогой.
О, в этой белой из белейших рак
Уснуть, не волноваться бы тревогой!
Почили... Путник, речью нас не трогай!
Никто не скажет, жив ли я, не жив,—
Так убедителен тот сон и лжив.

Целительный пушится легкий снег
И, кровью нежною горя, алеет,
Но для побед, для новых, лучших нег
Проснуться сердце медлит и не смеет:
Так терпеливо летом яблок спеет,
Пока багрянцем август не махнет,—
И зрелым плод на землю упадет.

1917

8

Красное солнце в окно ударило,
Солнце новолетнее...
На двенадцать месяцев всё состарилось...
Теперь незаметнее...
Как-то не жалко и всё равно,
Только смотришь, как солнце ударяет в окно.

На полу квадраты янтарно-дынные
Ложатся так весело.
Как прошли, не помню, дни пустынные,
Что-то их занавесило.
Как неделю, прожил полсотню недель,
А сестры-пряхи всё прядут кудель.

Скоро, пожалуй, пойду я дорогою...
Не избегнут ее ни глупцы, ни гении...
На иконы смотрю не с тревогою,
А сердце в весеннем волнении.
Ну что ж? Заплачу, как тебя обниму,
Что есть в суме, с тем и пойду.

1916

9

Я вижу, в дворовом окошке
Склонилась к ребенку мать,
А он раскинул ножки,
Хочет их ртом поймать.
Как день ему будет долог,
Ночам — конца словно нет...
А год? это — дивный сколок
Будущих долгих лет.
Вот улыбнулся сонно
С прелестью милых котят...
Ведь всякая мать — Мадонна
И всякий ребенок свят!
Потом настанут сурово
Труды, волненье и страсть,
И где найти тогда слово,
Что не дало бы упасть?
Мудры старики да дети,
Взрослым мудрости нет:
Одни еще будто в свете,
Другие уж видят свет.
Но в сумрачном бездорожье
Утешься: сквозь страстный плен
Увидишь — мы дети Божьи
У теплых родных колен.

1915

II

326—334. ВИНА ИГОЛКИ

1

Вина весеннего иголки
Я вновь принять душой готов,—
Ведь в каждой лужице — осколки
Стеклянно-алых облаков.
На Императорской конюшне
Заворковал зобатый рой...
Как небо сделалось воздушней,
Как слаще ветерок сырой!
О днях оплаканных не плачьте,
Ласкайтесь новою мечтой,
Что скоро на высокой мачте
Забьется вымпел золотой.
Ах, плаванья, моря, просторы,
Вечерний порт и острова!
Забудем пасмурные взоры
И надоевшие слова!
Мы снова путники! согласны?
Мы пробудились ото сна!
Как чудеса твои прекрасны,
Кудесница любви, весна!

1916

2

Еще нежней, еще прелестней
Пропел апрель: проснись, воскресни
От сонной, косной суеты!
Сегодня снова вспомнишь ты
Забывшие зимою песни.

Горé сердца! — гудят, как пчелы,
Колокола, и звон веселый
Звучит для всех: «Христос воскрес!»
— Воистину! — весенний лес
Вдохнет, а с ним поля и села.

Родник забил в душе смущенной,—
И радостный, и обновленный,
Тебе, Господь, Твое отдам!
И, внове созданный Адам,
Смотрю я в солнце, умиленный.

1916

3

Такие дни — счастливейшие даты.
Последний холод, первое тепло.
Смотрю не через пыльное стекло:
Собаки лают, учатся солдаты.

Как хлопья закоптелой, бурой ваты,
Бутрами снег, а с крыш давно стекло...
Но почему так празднично светло?
Или весны не видел никогда ты?

Весну я знаю и любил немало,
Немало прошумело вешних вод,
Но сердце сонное не понимало.

Теперь во мне проснулось всё — и вот
Впервые кровь бежит по сети вен,
Впервые день весны благословен!

1916

4

Просохшая земля! Прижаться к ней,
Бессолнечную смену мертвых дней
Ясней позабывать и холодней!

О, твердая земля, родная мать!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнет бедная душа хромать.

Как сладок дух проснувшейся травы,
Как старые ручьи опять новы,
Какой покой с высокой синевы!

Раскиньтесь, руки, по земле крестом!
Подумать: в этом мире, в мире том
Спасемся мы Воскреснувшим Христом!

Кто грудь земли слезами оросил,
Кто мать свою о помощи просил,
Исполнится неистошимых сил.

1916

5

СОЛНЦЕ-БЫК

Как матадоры красным глаз щекочут,
Уж рощи кумачами замахали,
А солнце-бык на них глядеть не хочет:
Его глаза осенние устали.

Он медленно ползет на небо выше,
Рогами в пруд устался он синий
И безразлично, как конек на крыше,
Глядит на белый и нежданный иней.

Теленком скоро, сосунком он будет,
На зимней, чуть зелененькой лужайке,
Пока к яренью снова не разбудит
Апрельская рука весны-хозяйки.

1916

6

L' ho perduta meschinella ..

*Le nozze di Figaro, Mozart.*¹

В такую ночь, как паутина,
Всю синь небесного павлина
Заткали звездные пути.
На башне полночь без пяти,
И спит росистая долина.

¹ Я потеряла ее, несчастная... Свадьба Фигаро. Моцарт.
(ит.). — *Рег.*

Куруется круглая куртина.
Как сладко цепь любви нести,
Как сладко сеть любви плести
В такую ночь!

Чуть-чуть приподнята гардина,
Звенит в беседке мандолина...
О песни вздох, лети, лети!
Тебе булавки не найти,
О маленькая Барберина,
В такую ночь!

1916

7

ЛЕТНИЙ САД

Н. А Югину

Пропало славы обветшалою
Воспоминанье навсегда.
Скользнут в веках звездою шалою
И наши годы, господа.
Где бабушкиных роб шуршанье,
Где мелкий дребезг нежных шпор
И на глазах у всех свиданье,
Другим невнятный разговор?
Простой и медленной прогулкой
В саду уж не проходит царь,
Не гонит крепость пушкой гулкой
Всех франтов к устрицам, как встарь.
Лишь у Крылова дремлют бонны,
Ребячий вьется к небу крик,
Да липы так же благовонны,
И дуб по-прежнему велик.
Демократической толпою
Нарушен статуй странный сон,
Но небо светится весною,
А теплый ветер — тот же он!
Ты Сам устроил так, о Боже,
Что сердце (так слабо оно)
Под пиджаками бьется то же,
Что под камзолами давно.

И, весь проспект большой аллеи
Вымеривая в сотый раз,
Вдруг остановишься, краснея,
При выстреле прохожих глаз.
Но кто же знает точный час
Для вас, Амура-чародея
Всегда неожиданные затей?

1916

8

К ДЕБЮССИ

Какая новая любовь и нежность
Принесена с серебряных высот!
Лазурная, святая безмятежность,
Небесных пчел медвяный, легкий сот!

Фонтан Верлена, лунная поляна
И алость жертвенных открытых роз,
А в нежных, прерывающихся piano
Звенит полет классических стрекоз.

Пусть говорит нам о сиамских девах,
Далеких стран пленяет красота,—
В раздробленных, чуть зыблемых напевах
Слышна твоя, о Моцарт, простота.

И легкая, восторженная Муза,
Готовя нежно лепестки венца,
Старинного приветствует француза
И небывалой нежности творца!

1915

9

ЗИМА

Близка студеная пора,
Вчера с утра
Напудрил крыши первый иней.
Жирней вода озябших рек.

Повалит снег
Из тучи медленной и синей.

Так мокрая луна видна
Нам из окна,
Как будто небо стало ниже.
Охотник в календарь глядит
И срок следит,
Когда-то обновит он лыжи.

Любви домашней торжество,
Нам Рождество
Приносит прелесть детской елки.
По озеру визжат коньки,
А огоньки
На ветках — словно Божьи пчелки.

Весь долгий комнатный досуг,
Мой милый друг,
Развеселю я легкой лютней.
Настанет тихая зима:
Поля, дома —
Милей всё будет и уютней.

1916

III * *

335—340

1

Среди ночных и долгих бдений
И в ежедневной суете
Невидимый и легкий гений
Сопутствует моей мечте.
Нежданную шепнет строку,
Пошлет улыбкой утешенье
И набожному простаку
Простейшее сулит решенье.

И вот небедственны уж беды,
Печаль забыта навсегда,
И снятся новые победы
Простого, Божьего труда.
Я долго спутника искал
И вдруг нашел на повороте:
В поверхности любых зеркал
Его легко, мой друг, найдете.
Печален взор его лукавый,
Улыбок непонятна вязь,
Как будто недоволен славой,
Лишь к славе горестной стремясь.
Вы так близки мне, так родны,
Что кажетесь уж нелюбимы.
Наверно, так же холодны
В раю друг к другу серафимы.
Но спутник мой — одна правдивость,
И вот — пусты, как дым и тлен,
И бесполезная ревнивость,
И беглый чад былых измен.
И вольно я вздыхаю вновь,
По-детски вижу совершенство:
Быть может, это не любовь,
Но так похоже на блаженство!

1915

2

Озерный ветер пронзителен,
Дорога в гору идет..
Так прост и так умиротелен
Накренившийся серый бот.

Если ты в путь готовишься,
Я знаю наверное: всё ж
На повороте ты остановишься
И шляпой махнешь...

А всё почему-то кажется,
Что оба поедем вдвоем,
И в час последний окажется,

Что один никто не отважится
Вернуться в покинутый дом.

1914

3

Что со мною? Я немею.
Что сначала мне воспеть?
Царскосельскую аллею,
Где на западе, алея,
Темных веток встала сеть?

Или пестрого подвала
Полуночные часы,
Где среди шумного развала
Тихо душу колдовала
Близость познанной красы?

Или сумрак той гостиной,
Что на Мойке, близ Морской,
Где с улыбкою невинной
Сквозь кайму ресницы длинной
Взглядывали вы порой?

Иль пробора пепел темный
На подушке у меня?
Взгляд усталый, нежно томный,
На щеках огонь нескромный
Розой тлеет, взор маня...

Или сладость пробужденья
Близко милого лица,
Умиленное волненье,
Холодок прикосновенья
Так знакомого кольца?

Все минуты, все мгновенья —
Лишь один блаженный час.
Ни тревоги, ни сомненья...
Вечное благодаренье
Небу милому за вас!

1913

Вдали поет валторна
 Заигранный мотив,
 Так странно и тлетворно
 Мечтанья пробудив.

И как-то лень разрушить
 Бесхитростную сеть:
 Гулять бы, пить да слушать,
 В глаза твои глядеть.

И знаешь ведь отлично,
 Что это всё — пустяк,
 Да вальсик неприличный
 Не отогнать никак.

И тошен, и отраден
 Назойливый рожок...
 Что пригоршнею градин,
 Он сердце мне обжег.

Невзрачное похмелье...
 Да разве он про то?
 Какое-то веселье
 Поет он «тро-то-то».

Поет, поет, вздыхает,
 Фальшивит, чуть дыша.
 Про что поет, не знает...
 Не знай и ты, душа!

1915

Душа, я горем не терзаем,
 Но плачу, ветреная странница.
 Всё продаем мы, всем должны,
 Скоро у нас ничего не останется.

Конечно, есть и Бог, и небо,
 И воображение, которое не ленится,

Но когда сидишь почти без хлеба,
Становишься как смешная пленница.

Муза вскочит, про любовь расскажет
(Она ведь глупенькая, дурочка),
Но взглянешь, как веревкой вяжет
Последний тюк наш милый Юрочка,—

И остановишься. Отрада
Минутная, страданье мелкое,
Но, Боже мой, кому это надо,
Чтобы вертелся, как белка, я?

Июнь 1917

6

Все дни у Бога хороши,
Все дни — одно благословенье,
Но в бедной памяти души —
Немногие, как воскресенье.
И знаете: они не те,
Когда я ждал, и волновался,
И торопливо в темноте
Губами ваших губ касался.
Они не те, когда так зло,
Упрямо веря, я не верил.
Всё это былью поросло,
И, может быть, я лицемерил.
Мне помнятся другие дни
(Они так сладостны и жалки)...
В гостинице глаза одни,
Как вылинявшие фиалки...
И вдруг узнали, удивясь,
Что вот теперь уж в самом деле...
Что выросла такая связь,
Какой, быть может, не хотели.
Потом клонило вас ко сну,
В тревоге детской вы дремали
И вдруг: «Отправят на войну
Меня!» — так горестно сказали.
Кому там нужны на войне
Такие розовые губы?

Не для того ли, чтоб вдвойне
Бои нам показались грубы?
А тот, для вас счастливый, день,
Такой недавний день, в который
Чужой любви смешалась тень
С тяжелым мраком желтой шторы...
Опять, опять, как в первый раз,
Признанья ваши и томленье,—
И вот смущенный ваш рассказ
Отвел последние сомненья.
Затворник я, вы — легкий конь,
Что ржет и прядает в весельи,
Но краток ветреный огонь,
И станет конь у той же кельи.
А ваша школьничья тетрадь?
Заплакать можно, так всё ново,—
И понял я, что вот — страдать —
И значит полюбить другого.

1915

IV

341—345. РУССКИЙ РАЙ

1

Всё тот же сон, живой и давний,
Стоит и не отходит прочь:
Окно закрыто плотной ставней,
За ставней — стынущая ночь.
Трещат углы, тепла лежанка,
Вдали пролает сонный пес...
Я встал сегодня спозаранку
И мирно мирный день пронес.
Беззлойный день так свято долог!
Всё — кроткий блеск, и снег, и ширь!
Читать тут можно только Пролог
Или Давыдову Псалтирь.

И зной печной в каморке белой,
И звон ночной издалика,
И при лампадке нагорелой
Такая белая рука!
Размаривает и покоит,
Любовь цветет, проста, пышна,
А вьюга в поле люто воет,
Вьюны сажая у окна.
Занесена пургой пушистой,
Живи, любовь, не умирай:
Настал для нас огнисто-льдистый,
Морозно-жаркий, русский рай!
Ах, только б снег, да взор любимый,
Да краски нежные икон!
Желанный, неискоренимый,
Души моей давнишний сон!
Август 1915

2

А. С. Рославлеву

Я знаю вас не понаслышке,
О верхней Волги города!
Кремлей чешуйчатые вышки,
Мне не забыть вас никогда!
И знаю я, как ночи долги,
Как яр и краток зимний день,—
Я сам родился ведь на Волге,
Где с удалю сдружилась лень,
Где исстари благочестивы
И сметливы, где говор крут,
Где весело сбегают нивы
К реке, где молятся и врут,
Где Ярославль горит, что в митре
У патриарха ал рубин,
Где рос царевич наш Димитрий,
Зарозовевший кровью крин,
Где всё привольно, всё степенно,
Где всё сияет, всё цветет,

Где Волга медленно и пенно
К морям далеким путь ведет.
Я знаю бег саней ковровых
И розы щек на холоду,
Морозов царственно-суровых
В другом краю я не найду.
Я знаю звон великопостный,
В бору далеком малый скит,—
И в жизни сладостной и косной
Какой-то тайный есть магнит.
Я помню запах гряд малинных
И горниц праздничных уют,
Напевы служб умильно-длинных
До сей поры в душе поют.
Не знаю, прав ли я, не прав ли,
Не по указке я люблю.
За то, что вырос в Ярославле,
Свою судьбу благословлю!

Январь 1916

3

ЦАРЕВИЧ ДИМИТРИЙ

Давно уж жаворонки прилетели,
Вернулись в гнезда громкие грачи,
Поскрипывают весело качели.
Еще не знойны майские лучи.
О май-волшебник, как глаза ты застишь
Слезою радостной, как летом тень!
Как хорошо: светло, все окна настезь,
Под ними темная еще сирень!
Ах, пробежаться бы за квасом в ледник,
Черемуху у кухни оборвать!
Но ты — царевич, царский ты наследник:
Тебе негоже козликом скакать.
Ты медленно по садику гуляешь
И, кажется, самой травы не мнешь.
Глядишь на облако, не замечаешь,

Что на тебя направлен чей-то нож.
Далекий звон сомненья сладко лечит:
Здесь не Москва, здесь тихо и легко...
Орешки сжал, гадаешь: чет иль нечет,
А жаворонки вьются высоко.
Твое лицо болезненно опухло,
Темно горит еще бесстрастный взгляд,
Как будто в нем не навсегда потухло
Мерцанье заалтарное лампад.
Что милому царевичу враждебно?
На беззащитного кто строит ков?
Зачем же руки складывать молебно,
Как будто ты удар принять готов?
Закинул горло детское невинно
И, ожерельем хвастаясь, не ждет,
Что скоро шею грозно и рубинно
Другое ожерелье обовьет.
Завыли мамки, вопль и плач царицы...
Звучит немолчно в зареве набат,
А на траве — в кровавой багрянице
Царя Феодора убитый брат.
В заре горит грядущих гроз багрянец,
Мятеж и мрак, невнятные слова,
И чудится далекий самозванец
И пленная, растленная Москва!
Но ты, наш мученик, ты свят навеки,
Всю злобу и все козни одолев.
Тебя слепцы прославят и калеки,
Сложив тебе бесхитростный напев.
Так тих твой лик, тиха святая рака,
И тише стал Архангельский Собор,
А из кровавой старины и мрака
Нам светится твой детский, светлый взор.
Пусть говорит заносчивый историк,
Что не царевич в Угличе убит,
Всё так же жребий твой, высок и горек,
Димитрий-отрок, в небесах горит.
О вешний цвет, на всех путях ты нужен,
И в мирный, и в тревожный, смутный миг!
Ведь каждая из маленьких жемчужин
Твоих дороже толстых, мертвых книг.

О убиенный, Ангел легкокрылый!
Ты справишься с разрухой и бедой
И в нашей жизни, тусклой и унылой,
Засветишь тихой утренней звездой.

Февраль 1916

4

ПСКОВСКОЙ АВГУСТ

Ю. П. Анненкову

Веселушки и плакушки
Мост копытят козами,
А заречные макушки
Леденцеют розами.
По пестро-рябым озерцам
Гребенцы наворачены.
Белым, черным, серым перцем
Лодочки наперчены.
Мельниц мелево у кручи
Сухоруко машется.
На березы каплет с тучи
Янтарева кашпица.
Надорвась, вечерня, шмелем,
Взвякивает узенько.
Белки снедки мелко мелем,—
Тпруси, тпруси, тпрусенька.
Завинти, ветрило, шпонтик,—
Что-нибудь получится!
Всколесила желтый зонтик
На балкон поручица!

Август 1917

5

ХЛЫСТОВСКАЯ

О, кликай, сердце, кликай!
Воздвигни к небу ключ!
Вельможный день, великий
Тем ключем возвеличь!

Струи на струны руки,
Ударь, ударь, ударь!
Вернется из разлуки
Наш Горний Господарь!

И горница готова,
Предубранный Сион,
Незнаемое слово
Вернет на землю Он.

Дождусь ли, о, дождусь ли
Тебя из дальних стран?
Звончей звените, гусли!
Урчи громчей, тимпан!

Ой, дух! Ой, царь! Ой, душе!
Сойди в корабль скорей!
Прожги до дна нам души
И рей, родимый, рей!

Крылами пышно машет
И дышит надо мной.
В поту нам пашню пашет
Хозяин Неземной.

Вздымай воскрылья крылец,
Маши, паши, дыши!
Гееннский огонь, Кормилец,
Огнем нам утиши!

1916

V

346—351. ВИДЕНЬЯ

1

Виденье мной овладело:
О золотом птицелове,
О пернатой стреле из трости,
О томной загробной роще.

Каждый кусочек тела,
Каждая капля крови,
Каждая крошка кости —
Милей, чем святые мощи!

Пусть я всегда проклинаем,
Кляните, люди, кляните,
Тушите костер кострами —
Льду не сковать водопада.
Ведь мы ничего не знаем,
Как тянутся эти нити
Из сердца к сердцу сами...
Не знаем, и знать не надо!

1916

2

Серая реет птица,
Странной мечты дочь...
Сон всё один мне снится
Третью почти ночь...
Вижу: идем лугами,
Темный внизу лог,
Синяя мгла над нами,
Где-то поет рог...
Так незнакомы дали,
Красный растет мак,
Оба в пути устали,
Густо застыл мрак...
Глухо рожок играет...
Кто-то упал вдруг!
Кто из нас умирает:
Я или ты, друг?
Нас, о Боже, Боже,
Дланью Своей тронь!
Вдруг, на корабль похожий,
Белый взлетел конь...
Верю: дано спасенье!
Сердце, восторг шпорь!
Сладостное смятенье,
Сердцу успокоенье,

Праздником вознесенья
Трелит свирель зоры!

1916

3

КОЛДОВСТВО

В игольчатом сверканьи
Занеженных зеркал —
Нездешнее исканье
И демонский оскал.
Горят, горят иголки —
Удар стеклянных шпаг,—
В клубах нечистой смолки
Прямится облик наг.
Еще, еще усилье,—
Плотнится пыльный прах,
А в жилах, в сухожилиях
Течет сладельный страх.
Спине — мороз и мокро,
В мозгу пустой кувырк.
Бесстыдный черный отрок
Плясавит странный цирк.
Отплата за обиды,
Желанье — всё в одно.
Душок асса-фетиды
Летучит за окно.
Размеренная рама
Решетит синеву...
Луна кругло и прямо
Упала на траву.

Май 1917

4

ПЕЙЗАЖ ГОГЕНА

К. А. Большакову

Красен кровавый рот...
Темен тенистый брод...
Ядом червлены ягоды...

У позабытой пагоды
Руки к небу, урод!..

Ярок дальний припек...
Гладок карий конек...
Звонко стучит копытами,
Ступая тропами изрытыми,
Где водопой протек.

Ивою связан плот,
Низко златится плод...
Между лесами и селами
Веслами гресть веселыми
В область больных болот!

Видишь: трещит костер?
Видишь: топор остер?
Встреть же тугими косами,
Спелыми абрикосами,
О, сестра из сестер!

1916

5

РИМСКИЙ ОТРЫВОК

Осторожный по болоту дозор...
на мху черные копыт следы...
за далекой плотиной
конь ржет тонко и ретиво...
сладкой волной с противо-
положных гор
мешается с тиной
дух резеды.

Запах конской мочи...
(недавняя стоянка врагов).
Разлапая медведицы семерка
тускло мерцает долу.
Сонно копошенье полу-
голодных солдат. Мечи

блещут странно и зорко
у торфяных костров.

Завтра, наверно, бой...
Смутно ползет во сне:
стрелы отточены остро,

остра у конников пика.
Увижу ли, Нико-
мидия, тебя, город родной?
Выйдут ли мать и сестры
Навстречу ко мне?

В дрему валюсь, словно песком засыпан в пустыне.
Небо не так сине, как глаза твои, Октавия, сини!

Июнь 1917

6

ВРАЖДЕБНОЕ МОРЕ

Oga

В. В. Маяковскому

Чей мертвящий, помертвелый лик
в косматых горбах из плоской вздыбившихся седины
вижу?
Горгона, Горгона,
смерти дева,
ты движенья на дне бесцельного вод жива!

Посинелый язык
из пустой глубины
лижет, лижет
(всплески — трепет, топот плеч утопленников!),
лижет слова
на столбах опрокинутого, потонувшего,
почти уже безымянного трона.
Бесформенной призрак свободы,
болотно лживый, как белоглазые люди,
ты разделяешь народы,
бормоча о небывшем чуде.

И вот,
как ристалищный конь,
ринешься взрывом вод,
взъяришься, храпишь, мечешь
мокрый огонь
на белое небо, рушась и руша,
сверливой воронкой буравя
свои же недра!

Оттуда несется глухо,
ветра глуше:
— Корабельщики-братья, взроем
хмурое брюхо,
где урчит прибой и отбой!
Разобьем замкнутый замок!
Проклятье героям,
изобретшим для мяса и самок
первый под солнцем бой!

Плачет всё хмурей:
— Менелай, о Менелай!
не знать бы тебе Елены,
рыжей жены!

(Слышишь неистовых фурий
неумолимо охрипший лай?)
Всё равно Парис белоногий
грядущие все тревоги
вонзит тебе в сердце: плены,
деревни, что сожжены,
трупы, что в поле забыты,
юношей, что убиты, —
несчастный царь, неси
на порфирных своих плечах!

На красных мечях
раскинулась опочивальня!..
В Елене — все женщины: в ней
Леда, Даная и Пенелопа,
словно любви наковальня
в одну сковала тем пламенней и нежней.

Ждет.

Раззолотили подушку косы...

(Братья,
впервые)

— Париса руку чует уже у точеной выи...

(впервые

Азия и Европа

встретились в этом объятии!!)

Подымается мерно живот,

круглый, как небо!

Губы, сосцы и ногти чуть розовеют...

Прилети сейчас осы —

в смятеньи завьются: где бы

лучше найти амброзийную пищу,

которая меда достойного дать не смеет?

Входит Парис-ратоборец,

белые ноги блестят,

взгляд —

азиатские сумерки круглых, что груди, холмов.

Елена подьемлет темные веки...

(Навеки

миг этот будет, как вечность, долог!)

Задернут затканый полог...

(Первая встреча! Первый бой!

Азия и Европа! Европа и Азия!)

И тяжелая от мяса фантазия

медленно, как пищеварение, грезит о вечной

народов битве,

рыжая жена Менелая, тобой, царевич троянский,

тобой

уязвленная!

Какие легкие утром молитвы

сдернут призрачный сон,

и все увидят, что встреча вселенной

не ковром пестра,

не как меч остра,

а лежат, красотой утомленные,

брат и сестра,

детски обняв друг друга?)

Испуга
ненужного вечная мать,
ты научила проливать
кровь брата
на северном, плоском камне.
Ты — далека и близка мне,
ненавистная, как древняя совесть,
дикая повесть
о неистово-девственной деве!..
Дуй, ветер! Вей, рей
до пустынь безлюдных Гипербореев.
Служанка буйного гения,
жрица Дианина гнева,
вещая дева,
ты, Ифигения,
наточила кремневый нож,
красною тряпкой отерла,
среди криков
и барабанного воя скифов
братское горло
закинула
 (Братское, братское, помни!
 Диана, ты видишь, легко мне!)
и вдруг,
как странный недуг,
мужественных душ услада
под ножом родилась
 (Гибни, отцовский дом,
 плачьте, вдовы девы, руки ломая!
 Бесплодная роза нездешнего мая,
 безуханный, пылай, Содом!)
сквозь кровь,
чрез века незабытая,
любовь
Ореста и его Пилада!
Море, марево, мать,
сама себя жрущая,
что от заемного блеска месяца
маткой больною бесится,
полно тебе терзать
бедных детей,

беспольность рваных сетей
и сплетенье бездонной рвани
называя геройством!
Воинственной девы безличье,
зовущее
к призрачной брани...
но кровь настоящая
льется в пустое геройство!
Геройство!
А стоны-то?
А вопли-то?
Прóклято, прóклято!
Точило холодное жмет
живой виноград,
жница бесцельная жнет
за рядом ряд.
И побледневший от жатвы ущербный серп
валится
в бездну, которую безумный Ксеркс
велел бичами высечь
(цепи — плохая подпруга)
и увидя которую десять тысяч
оборванных греков, обнимая друг друга,
крича, заплакали: «Θάλασσα»!¹
Апрель 1917

¹ Μορε! (др.-греч.). — *Рег.*

ДВУМ

352. ДЕВОЧКЕ-ДУШЕНЬКЕ

Розово, в качели колыбельной дыша,
психейная проснулась маленькая душа,
как в стародавнем прежде,
в той же (родильные завитушками волоса,
спины и ножек калачиком, вырастут еще, чудеса),
в той же умильно телесной одежде.
Припечной ящерицы ленивей
полураскрывый рот,
как океанских вод
меланхолический ската взор,
без всякого понятия о перспективе,
ловит через площадь мотор,
словно котенок на жирно летающих голубей
щелкает зубами через стекло
и думает: «Лети скорей,
сытно будет нам и тепло!»
Спозаранок, забыв постель
для младенчески огромного солнца,
золотую сучат канитель
пальчики-веретенца.
Еще зачинающих томности синева
фиалкой подглазник темнит,
над которым даже не невинных
(таких незнающих) два
бисера радостное любопытство кружит.
Остановятся, погоди, в истоме,
жадные до собственной синева,
когда дочитаешь в каком-то томе
до самой нежной главы.
Ринется шумокрылый Эрот,
может быть, в хаки,
может быть, в демократическом пиджачке,

Милые и дорогие друзья
моих братьев Николая и
Анвну Новичу Блюма и
и много их любимых

М. Кузнецки

1921.

в черно-синем мраке
коснется тебя перо,
и в близком далеке
заголубеют молнийно дали,
которых ждали,
и где цветы и звери
говорят о древней родимости всех Америк:
сколько, сколько открытий!
Так сладки и едки!
Как каждый мир велик!
Но всего богомольней,
когда невиданные, впервые, ветки
мокрых мартинов привольней,
плывя по волнам,
весть заколышут нам,
что скоро Колумб, в Южный Крест влюбленный,
увидит юно-зеленый,
может быть, золотиносный материк.
В солнечной, детской комнате,
милая душенька, запомните,
что не будет ничто для вас
таким умильным чудом,
как время, когда ваш глаз,
где еще всё вверх ногами,
увидит собаку с рыжими ушами
лохматым, на земле голубой, верблюдом.

[1917]

353. ВЫЗДРАВЛИВАЮЩЕЙ

Л. Ю. Брик

Девочка по двору вела, —
голубая косоплетка в косице, —
лепетала, семеня: «Выздоровела,
выздоровела наша сестрица!» —
Отвечал что-то неудачно я,
сам удивляясь своей надежде.
— Она стала совсем прозрачная,
но еще добрее, чем прежде.
Глаза — два солнца коричневые,

а коса — рыженькая медь.
Ей бы сесть под деревья вишневые
и тихонько что-нибудь петь.
Небо голубеет к путешествиям,
как выздоровленье — апрельская прель!
О минувших, не вспоминаемых бедствиях
греет прелый апрель.
Словно под легкою блузкою
млеет теплый денек.
Вы протянете руку узкую,
а на ней новый перстенок.
Сводили с ума кого хотели вы,
сколько сердец заставляли сумасбродно биться.
Для меня ж в этот день <апрелевый>
вы — простая милая сестрица.

[1917]

ЗАНАВЕШЕННЫЕ КАРТИНКИ

М.КУЗМИНЪ.
ЗАНАВѢШАННЫЯ
КАРТИНКИ

Рисунки
Владимира Милашевича
1920.

М. КУЗМИН

**ЗАНАВЕШЕННЫЕ
КАРТИНКИ**

**АМСТЕРДАМ
1920**

**Настоящее издание отпечатано в
количестве трехсот семи экзем-
пляров пронумерованных I-VII и 1-300**

Экз № I

ΑΤΕΝΑΙΣ.

Зовут красотку Атенѣис,
И так бровей залом высок
над глазом, что посажен нанс-
косок.

Задев за пуговицу пальчик,
недооткрыв любви магнит,
перед ней зарозмаринил мальчик
и спит.

Острыхся перламутром ушки,
плывут полого плечи вниз,
и волоски вокруг игрушки
взвнлись.

Покров румяно-перепончат,
подернут влагою слегка,
чего не кончил сон,— докончит
рука.

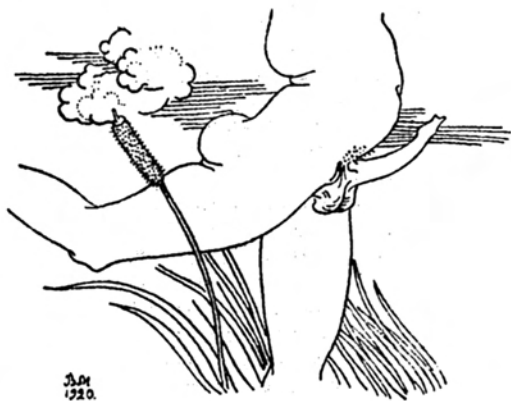
Его игрушку тронь-ка, тронька, —
и наливайся и дрожай,
ее рукой сожми тихонько
и гладь!

Ах, наяву игра и взвизги,
соперница и взрослый «он», —
здесь — теплоты молочной брызги
и сон.

Но будь искусным пчеловодом
(забота ведь одна и та ж)
и губы — хочешь, свежим медом
помажь.

Мы нежности откроем школу,
широкий заведем диван,
где все — полулюбовь и полу-
обман.

КУПАЊЕ.

Ах, прелестны вы, малютки,
Как невинные зверьки!
Эти смехи, эти шутки
У проснувшейся реки!
Тут Адамъ без штанишек,
Дальше Ева без колбас,
И глядя на шалунишек,
Погружаюсь в детский сон.
Розовеются, круглеют
Загорелые тела
И в безопасности алеют,
Словно роза их загла.
Спина, брызги, руки, ноги,
Пена, пятка, ухо, бровь...
Без желанья, без тревоги
Караулит, вас любовь.
Надоумит, нѣб отвратит,
А отврат так старе! —
Но без промаха направит
Руку, глаз еі совета.

Улетает вся забота
И легко, как никогда,
Занывает где то, что то
И милее чехарда.
Чью то шею, чью то спину...
Что? лизать, царапать, бить? .
В середину, в середину
Все ловчишься угодить.
Подвернулся вниз Егорка,
В грудь уперся крепкий лоб,
И расправя, смотришь зорко
В чей то зад, как в телескоп.
Любопытно и ужасно
И сладело — озорно,
И желанно, и бесстрастно
И грешно и не грешно
Вот команда: враз мочиться;
Все товарищи в кружок!
У кого сильней струится
И упруге хоботок.
Кувыркаться, плавать, драться,
Тискать, шлепаться нырять,
Снова плавать, кувыркаться,
И опять, опять, опять!
Кто-то крикнет, кто то ахнет,
Кто то плещется рукой
Небывало, странно пахнет,
Но не потом, не рекой.

Вейтесь, птички! Клейтесь, почки!
Синева, синей, синей!
Розовые ангелочки,
Будьте проще голубей!
Да, пока топ шер с топ шер'ом
И с та шёр'ою та шère
Но не служит ли примером
Нам пленительный пример?
Вам, папаши, и мамыши,
Надо быть на стороже:
Ведь опасней игры наши
Всех куплетов Беранже.

1918.

МИМИ-СОБАЧКА.

B.M.
1920

Печаль, помедли, не томи,
Прошу я о простой подачке:
Готов завидовать Мими,
Пушистой, маленькой собачке
Пусть ее нету пустолайки,
Что лает, только подойдет,
Но не отходит от хозяйки,
Она ни вечером, ни днем.
Порой ее зовут, голубка,
Сокровище, «та chère, та biche»,
Из под хозяйской из под юбки
Ее ничем не соблазнишь.
И я б, поверьте мне, не вышел,
Урчал бы, дулся, словно уж,
Когда б подняв глаза повыше
Я видел розоватый душ,
Когда б голубоватым газом
Был занавешен свет в глазах,
И чувствовал себя я разом
Как пленник и как педешах;

И я, поверь, привстав на лапах,
Разширив ноздри, уши, рот,
Небесный обонял бы запах
И озира́л чудесный грот
А ночью, взяв чепец небрежно,
Поправив в палильотках лоб,
Меня погладили бы нежно,
Произнеся чуть слышно «гоп!»
Поверьте, я б не промахнулся,
Нашел бы место, где лежать,
Где лег, уж там бы и проснулся,
Не обегал бы всю кровать,
Как тыкался бы, как крутился,
Ворочался, ворчал, визжал,
А вам бы в это время снился
В мундире молодой нахал.
В испарине устали б оба.
Собачке слава прогреми:
Она до самого до гроба
Была вернейшей из Мими!

КЛАРНЕТИСТ

(Романс)

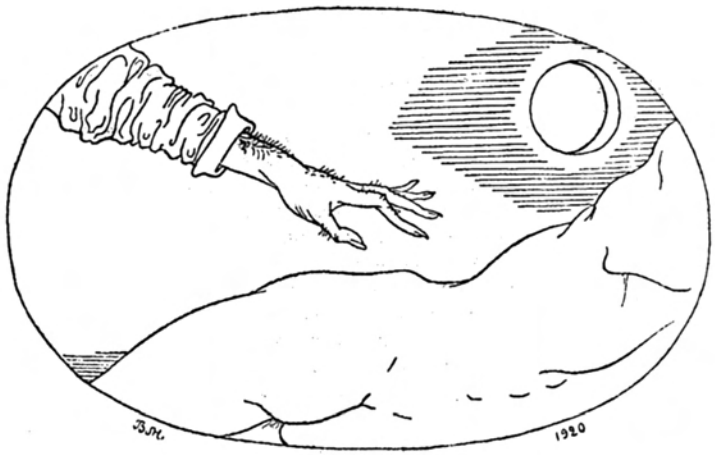
Я возьму почтовый лист,
Напишу письмо с ответом:
«Кларнетист мой, кларнетист,
Приходи ко мне с кларнетом.
Чернобров ты и румян,
С поволокой томной око,
И когда не очень пьян,
Разговорчив, как сорока,
Никого я не впущу,
Мой веселый, милый кролик.
Занавесочку спущу,
Передвину к печке столик.

Упоительный момент!
Не обмолвлюсь словом грубым...
Мил мне очень инструмент
С замечательным раструбом!
За кларнетом я слежу,
Чтобы слиться в каватине
И рукою провожу
По открытой окарине.

1918.

АЛ И.

Не так ложишься, мой Али,
Какие женские привычки!
Люблю лопаток миндали
Через бисерные перемычки,
Чтоб расширялась спина
В два полушария округлых
Где дверь запретная видна
Пленительно в долинах смуглых.
Коралловый дрожит бугор,
Как поздри скакуна степного
И мой неутомимый взор
Не ищет зрелища другого,
О, свет зарни! О, розы дух!
Звезда вечерних вожделений!
Как нежен юношеский пух
Там, на истоке разделений!

Когда-б я смел, когда-б я мог,
О, враг, о, шах мой, свитсься в схватке,
И сладко погрузить клинок
До самой, самой рукоятки!
Вонзить и долго так держать,
Сгорая страстью и отвагой,
Не вынимая, вновь вонзая
И истекать любовной влагой!
Разлился соловей ваван,
Порхают золотые птички!
Ложись спиною вверх, Али,
Отбросив женские привычки!

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛУКИ.

Сосед Лука снаел переважно,
А член его двибился до стола
И думалось ему отважно:
«Чем хуже я Петра Апостола?
Ему вручен был ключ от рая
(Поглажу, ну-ка, против шерсти я)
А разве я не проникаю
В любое дамское отверстие?
И распахну легко калитку
Из самых даже нерасшатанных:
Монахиню, израелитку,
В роскошных платьях, иль заплечных
Раз! опрокину на скамейку,
Под юбкою рукой пощупаю,
И рай открыть легко злодейку
Я научу (пусть даже глупую).

Не спору: член мой крепколюбый
Покуда — все мое имущество,
Но пусть грозит апостол злобой,
Пред ним имею преимущество.
Ведь мокрый рай, признаться надо,
Пленяет только первой целостью,
А я, Лука, в теснины ада
Готов пуститься с той же смелостью.
От двух дверей мой ключ железный
(Прилично-ль пояснять примерами?)
И в путь второй, равно любезный,
Отправляюсь даже с кавалерами.»

1918

НАЧАЛО ПОВЕСТИ.

Я не знаю: блядь-ли, сваха-ль
Тут насупротив живет,
Каждый вечер ходит халадь:
В пять придет, а в семь уйдет.
Летом в городе так скучно
И не спится до зари,
Смотришь в окна равнодушно,
Как ползут золотари,
Прогремит вдали пролетка,
Просвистит городской –
Снова тихо... рядом тетка
Дрыхнет тушей неживой.
В головах коптит лампадка
И в окно несется вонь...
Молодой вдовой не сладко
Жить, уж как ты ни резонь.

Тетка прежде посылала
Мне и Мить, и Валь, и Вась,
Но вдовство я соблюдала,
Ни с которым не сблась.
Так жестоко и сурово
Целых восемь лет жила,
До того была здорова,
Что из носа кровь пошла,
Раздобрела, ела сытно,
Но, толкну меня пострел,
Страсть, как стала любопытна
До чужих любовных дел.
Где по-вдови промолчать-бы,
Тут и разберет меня:
Где метрески, или свадьбы,
Или просто так сбня.
Что уж там ни говорите,
А огонь в крови кипит!
Поп твердит: «могий вместити,
Тот, мол, девство да вместит.»
Но такого уложенья
Не возьму никак я в толк:
При моем телосложеньи
Я вмещу хоть целая полк!»

ЭХО

Стуху

І. ПРЕДЧУВСТВИЯ

361

Предчувствию, душа моя, внемли!
Не изменяй испытанным приметам.
Который снег сбежит с моей земли?
Которая весна замкнется летом?
Завеет март... лети, лети за ним!
Все облака — что голуби Венеры,
Весенний трепет неискореним,
Неизъяснимый трепет нежной веры.
И грезится необычайный путь,
Где нет случайных и ненужных бедствий.
Набегавшись, щекой к земле прильнуть,
Как в позабытом и прелестном детстве.
Души с землею неразрывна связь,
Но не влюбленная поет затея.
Узнает всякий, сладко удивясь,
Что сердце, обновляясь, — всё святее.
Пускай не покидает снег виски,
Пускай, как ящерица, не линяю, —
Расслабленно-живительной тоски
Весенней ни на что не променяю.

1917

362

Несовершенство мира — милость Божья!
Паси стада своих свободных воль,
Пускай стоишь у нижнего подножья.

Желанье вольное утолено ль?
Автоматичность — вряд ли добродетель,
Без тела тупы и восторг и боль.

Во мгле ли дремлем мы, в зенитном свете ль
Крылим, острее стрел, свои лучи —
Отображение небесных петель, —

383

Чужой чертеж прилежнее учи,
Желаний ветошь с воли совлекая,
И слушай голос в набожной ночи.

Воскликнешь, удивясь: «Так вот какая
Нам сила суждена! ее берем!»
Не борозди, кометою мелькая,

Случайный небосвод, плыви путем
Тебе удобнейшим. Желанье Бога!
Единая цель и волен твой ярём,

Покорная, свободная дорога!

1919

363. СТРАННИЧИЙ ВЕЧЕР

О, этот странничий вечер!
Черный ветер речной
Сутулит попутные плечи
Упорной, тугой волной.
Мелкий дождя стежарус
Сорвался, держаться не смог.
Бьется пальто, как парус,
Меж худыми ходульками ног.
Неужели только похожа
На правду бывалая печь?
Что случилось, что случилось, Боже,
Что даже некуда лечь?
Чуть вижу в какой-то истоме:
Ветер и струи — злы, —
Как грустны в покидаемом доме
Связанные узлы.
Скаречно лампы потухли,
Паутина по всем углам,
Вещи — жалкая рухлядь,
Когда-то любимый хлам.
Закрыв бы глаза на всё это,
Не смотрел бы больше кругом.
Неужели не будет света?
Не найдется уютный дом?

Взгляните ж, мой друг, взгляните ж,
На время печаль отложив.
В глазах ваших — тихий Китеж
Стеклянно и странно жив.
И мозглый пар — целебен,
И вновь я идти готов,
Когда дребезжит молебен
Невидных колоколов.

1917

364. ИОСИФ

Ю. Юркуну

Сомненья отбросив,
На колыбель
Смотрит Иосиф.

Ангел свирель:
«Понял ли, старче,
Божию цель?»

Молись жарче:
Взойдет день
Зари ярче.

Гони тень,
Что знал вначале,
И с ней лень.

Кого ждали,
Тот спит
Без печали,

Пеленами повит.
Возле — Мария
Мирно стоит.

О, Мессия!

Конечно, я не святой,
Но и на меня находит удивленье,
И мне трудно сдержать волненье
При мысли о вас.

Конечно, я не святой,
Но и я не избежал скуки
И ныл от ревнивой муки
В былой час.

Конечно, я не святой,
Но и мне ангел открыл,
Каким я глупым был,
Не оберегая вас.

Я вижу настоящее и будущее
(Еще более головокружительное)
Сокровище,
Чей я небрежный хранитель
(Так часто теперь сам
Делающийся хранимым).

Я вижу еще никем не выраженную,
Может быть, невыразимую
Нежность,
На которую так недостаточно, неумело
(Не знаю, более любящий или любимый)
Отвечаю.

Я вижу исполненными
Самые смелые желанья,
Лелеемые мною с давних пор
В скромном родительском доме
Или в рассеяньи веселой и насмешливой жизни.

Я вижу, немея, всё,
И еще больше,
Чего вы и сами можете не видеть,
И, как Иосиф Младенцу,
Кланяюсь,
И как голодный,
Получивший краюху горячего белого хлеба,
Благодарю в этот день небо
За вас.

1918

II. ЛИКИ

365. ДВА СТАРЦА

Жили два старца
Во святой пустыне,
Бога молили,
Душу спасали.
Один был постник,
Другой домовитый,
Один всё плакал,
Другой веселился.
Спросят у постника:
«Чего, отче, плачешь?»
Отвечает старец:
«О грехах горюю». —
Спросят веселого:
«О чем ты ликуешь?»
Отвечает старец:
— Беса труждаю.
У постника печка
Мхом поросла вся,
У другого — гости
С утра до полночи:
Странники, убогие,
Божии люди,
Нищая братия,
Христовы братцы.
Всех он встречает,
Всех привечает,
Стол накрывает,
За стол сажает.
Заспорили старцы
О своих молитвах,
Чья Богу доходчивей,
Господу святее.
Открыл Вседержитель
Им знаменье явно:
Две сухих березки
На глухой поляне.
«Вместе ходите,

Вровень поливайте;
Чья скорее встанет,
Чья зазеленеет,
Того молитва
Господу святее».
Трудятся старцы
Во святой пустыне,
Ко деревьям ходят,
Вровень поливают,
Темною ночью
Ко Господу взывают.
За днями недели
Идут да проходят,
Приблизились сроки
Знаменья Господня.
Встали спозаранок
Святые старцы.
Начал положили,
Пошли на поляну.
Господь сердцеведец,
Помилуй нас грешных!
Пришли на поляну:
«Слава Тебе, Боже!»
Гла́зы протерли,
На́земь повалились!
У постного брата
Береза-березой.
У другого старца
Райски распушилась.
Вся-то зелёна,
Вся-то кудрява,
Ветки качает,
Дух испущает,
Малые птички
Свиристыя легонько.
Заплакали старцы
Знаменью Господню.
— Старцы, вы старцы,
Душу спасайте,
Кто как возможет,
Кто как восхочет.

Господь Милосердный
Всех вас примет.
Спасенью с любовью, —
Спасу милее.
Слава Тебе, Боже наш,
Слава Тебе,
И ныне, и присно,
И во веки веком,
Аминь.

1915

366. ЕЛКА

С детства помните сочельник,
Этот детский день из дней?
Пахнет смолкой свежий ельник
Из незапертых сеней.
Всё звонят из лавок люди,
Нянька ходит часто вниз,
А на кухне в плоском блюде
Разварной миндальный рис.
Солнце яблоком сгорает
За узором льдистых лап.
Мама вещи прибирает
Да скрипит заветный шкаф.
В зале всё необычайно,
Не пускают никого,
Ах, условленная тайна!
Всё — известно, всё ново!
Тянет новая матроска,
Морщит в плечиках она.
В двери светлая полоска
Так заманчиво видна!
В парафиновом сияньи
Скоро ль распахнется дверь?
Это сладость ожиданья
Не прошла еще теперь.
Позабыты все заботы,
Ссоры, крики, слезы, лень.
Завтра, может, снова счеты,
А сейчас — прощенный день.

Свечи с треском светят, яркие,
От орехов желтый свет.
Загадаешь все подарки,
А загаданных и нет.
Ждал я пестрой карусели,
А достался мне гусар,
Ждал я пушки две недели —
Вышел дедка, мил и стар.
Только Оля угадала
(Подглядела ли, во сне ль
Увидала), но желала
И достала колыбель.
Все довольны, старый, малый,
Поцелуи, радость, смех.
И дрожит на ленте алой
Позолоченный орех.
Не ушли минуты эти,
Только спрятаны в комод.
Люди все бывают дети
Хоть однажды в долгий год.
Незаслуженного дара
Ждем у запертых дверей:
Неизвестного гусара
И зеленых егерей.
Иглы мелкой ели колки,
Сумрак голубой глубок,
Прилетит ли к нашей елке
Белокрылый голубок?
Не видна еще ребенку
Разукрашенная ель,
Только луч желто и тонко
Пробивается сквозь щель.
Боже, Боже, на дороге
Был смиренный Твой вертеп,
Знал Ты скорбные тревоги
И узнал слезовый хлеб.
Но ведет святая дрёма
Ворожейных королей.
Кто лишен семьи и дома,
Божья Мама, пожалей!

1917

На полях черно и плоско,
 Вновь я Божий и ничей!
 Завтра Пасха, запах воска,
 Запах теплый куличей.
 Прежде жизнь моя текла так
 Светлой сменой точных дней,
 А теперь один остаток
 Как-то радостно больней.
 Ведь зима, весна и лето,
 Пасха, пост и Рождество,
 Если сможешь вникнуть в это,
 В капле малой — Божество.
 Пусть и мелко, пусть и глупо,
 Пусть мы волею горды,
 Но в глотке грибного супа —
 Радость той же череды.
 Что запомнил сердцем милым,
 То забвеньем не позорь.
 Сладче нам постом унылым
 Сладкий яд весенних зорь.
 Будут, трепетны и зорки,
 Бегать пары по росе,
 И на Красной, Красной горке
 Обвенчаются, как все.
 Пироги на именины,
 Дети, солнце... мирно жить,
 Чтобы в доски домовины
 Тело милое сложить.
 В этой жизни Божья ласка,
 Словно вышивка, видна,
 А теперь ты, Пасха, Пасха,
 Нам осталася одна.
 Уж ее не позабудешь,
 Как умом ты ни мудри.
 Сердце теплое остудишь? —
 Разогреют звонари.
 И поют, светлы, не строги:
 Дили-бом, дили-бом-бом!
 Ты запутался в дороге?
 Так вернись в родимый дом.

[1916]

Богородицыно Успенье
 Нам нетленье открыло встарь.
 Возликуйте во песнопеньи,
 Заводите красно тропарь.
 Во саду Богоматерь дремлет,
 Словно спит Она и не спит,
 В тонком сне Она пенью внемлет, —
 Божий вестник пред Ней стоит.
 Тот же ангел благовествует,
 Но посуплен и смутен он,
 Ветвью темною указывает,
 Что приходит последний сон.
 Наклонилась раба Господня:
 — Вот готова я умереть,
 Но позволь мне, Господь, сегодня
 Всех апостолов вновь узреть. —
 Во свечах, во святых тимьянах
 Богородицы чтут конец,
 Лишь замедил во Индিনিанах
 Во далеких Фома близнец.
 Он спешит из-за рек глубоких,
 Из-за сизых высоких гор,
 Но апостолов одиноких
 Неутешный обрел собор.
 Говорит Фома милым братьям:
 «Неужели я хуже всех?
 Богородицыным объятям
 За какой непричастен грех?
 Жажду, братия, поклониться,
 Лобызать тот святой порог,
 Где Небесная спит Царица
 На распутии всех дорог».
 Клонит голову он тоскливо,
 Греет камни пожаром уст...
 Гроб открыли... Святое диво!
 Гроб Марии обрящен пуст.
 Где Пречистой лежало тело,
 Рвался роз заревой поток.
 Что ручьем парчевым блестело?
 То Владычицы поясок.

О, цветы! о, ручьи! о, люди!
О, небес голубая сень!
О златом, о нетленном чуде
Говорится в Успеньев день.
Ты и Дева, и Мать Святая,
Ты и родина в пору гроз:
Встанет, скорбная, расцветая
Буйным проливнем новых роз!

1916

369. СТРАСТНОЙ ПЯТОК

Плачет Дева, Распента зря...
Крвава заря
Чует:
Земнотряси гробы зияют зимны.
Лепечут лепетно гимны
В сияньи могильных лысин.
Возвысил
Глас, рая отвыкший, адов Адам:
— Адонаи! Адонаи! —
Гуляют,
Трясьясь могильно, старцы,
Отцы и деды;
Вселяют
Ужас и радость ходильцы прохожим.
Зрите, пророки:
Оки
Девы без бури —
Синее кобольта и берлинской лазури!
Синё сползло на щеки,
Синеет пречистый рот!..
Народ
Любимый,
Разве в разбеги зигзаг
Не чтется могиле могила?
Хлестко
Рванулась завесь святая...
Молила,
Распента зря, жестко

Жестоковидных железных...
Адонан!
В безднах
Остановился вир синий.
Павлиний
Луч рассекают кометы,
С петель сорвныи!
Деве сердце вонзло пронзило
Копье, и меч, и трость.
Моли, да подаст Тебе силы
Тлени тенной Гость.
О, как бьется
Голубь сердный,
Страж усердный
Божьей Мати!
Вот склонилась,
Вот скорбнилась,
К бледну палу
Вот упала.
А над Девьей млстивной главой,
Как плаканый у мытаря золотой,
Звезда восстала!

1917

370. ЛЕЙНЫЙ ЛЕМУР

В покойце лейном летавит Лемур.
Алеет Лейла, а Лей понур.
«О, лейный сад!
О, лейный сад!»
Девий заклик далече рад.

Зовешь ты, Лейла, всё алей:
«Обручь меня, о милый Лей.
Возьми, летун!
Пронзи, летун
Могильник глинный, живой ползун!»

Всё близит, близит груди грудь,
Зубий чешуй на грустную чудь,
Змеей зверит,
Горей горит
В зрачке перлиный маргарит...

Кровей пятнит кабаний клык...
О, отрочий, буявый зык!
— О, бледный птич!
О, падь опличь! —
Плачует дале девий клич!

1917

III. ЧУЖАЯ ПОЭМА

371. ЧУЖАЯ ПОЭМА

Посвящается
В. А. Ш<илинг>
и
С. Ю. С<угейкину>

1

В осеннем сне то слово прозвучало:
«Луна взошла, а донны Анны нет!»
Сулишь ты мне конец или начало,
Далекий и таинственный привет?
Я долго ждал, я ждал так много лет,
Чтоб предо мной мелькнула беглой тенью,
Как на воде, меж веток бледный свет,
Как отзвук заблудившемуся пенью, —
И предан вновь любви и странному волнению.

2

Заплаканна, прекрасна и желанна,
Я думал, сквозь трепещущий туман,
Что встретится со мною донна Анна,
Которой уж не снится дон Жуан.

Разрушен небом дерзостный обман,
Рассеян дым, пронзительный и серный,
И командору мир навеки дан...
Лишь вы поводите глазами серны,
А я у ваших ног, изменчивый и верный.

3

Как призрачно те сны осуществились!
И осень русская, почти зима,
И небо белое... Вы появились
Верхом (стоят по-прежнему дома).
О, донна Анна, ты бледна сама,
Не только я от этой встречи бледен.
На длинном платье странно бахрома
Запомнилась... Как наш рассудок беден!
А в сердце голос пел, так ярок и победен.

4

О, сердце, может, лучше не мечтать бы!
Испания и Моцарт — «Фигаро»!
Безумный день великолепной свадьбы,
Огни горят, зажженные пестро.
Мне арлекина острое перо
Судьба, смеясь, сама в тот день вручила
И наново раскинула Таро.
Какая-то таинственная сила
Меня тогда вела, любила и учила.

5

Ведь сам я создал негров и испанцев,
Для вас разлил волшебство звездных сфер,
Для ваших огненных и быстрых танцев
Сияет роскошь гроздьевых шпалер.
Моих... моих! напрасно кавалер
Вам руку жмет, но вы глядите странно.
Я узнаю по томности манер:
Я — Фигаро, а вы... вы — донна Анна.
Нет, дон Жуана нет, и не придет Сузанна!

Скорей, скорей! какой румяный холод!
 Как звонко купола в Кремле горят!
 Кто так любил, как я, и кто был молод,
 Тот может вспомнить и Охотный ряд,
 Какой-то русский, тепло-сонный яд
 Роднит меня с душою старовеера.
 Вот коридор, лампадка... где-то спят...
 Целуют... вздох... угар клубится серо...
 За занавеской там... она — моя Венера.

Вы беглая... наутро вы бежали
 (Господь, Господь, Тебе ее не жаль?),
 Так жалостно лицо свое прижали
 К решетке итальянской, глядя вдаль.
 Одна слеза, как тяжкая печаль,
 Тяжелая, свинцово с век скатилась.
 Была ль заря на небе, не была ль,
 Не знала ты и не оборотилась...
 Душой и взором ты в Успенский храм стремилась.

И черный плат так плотно сжал те плечи,
 Так неподвижно взор свой возвела
 На Благовещенья святые свечи,
 Как будто двинуться ты не могла.
 И золотая, ковкая мгла
 Тебя взяла, благая, в обрамленье.
 Твоих ресниц тяжелая игла
 Легла туда в умильном удивленьи.
 И трое скованы в мерцающем томленьи.

Еще обрызгана златистой пылью
 (О солнце зимнее, играй, играй!),
 Пришла ко мне, и сказка стала былью,

И растворил врата мне русский рай.
Благословен родимый, снежный край
И розаны на чайнике пузатом!
Дыши во сне и сладко умирай!
Пусть млеет в теле милом каждый атом!
И ты в тот русский рай была моим вожатым.

10

А помнишь час? мы оба замолчали.
Твой взор смеялся, темен и широк:
«Не надо, друг, не вспоминай печали!»
Рукой меня толкнула нежно в бок.
Над нами реял нежный голубок,
Два сердца нес, сердца те — две лампадки.
И свет из них так тепел и глубок,
И дни под ними — медленны и сладки, —
И понял я намек пленительной загадки.

11

В моем краю вы все-таки чужая,
И всё ж нельзя России быть родней,
Я думаю, что, даже уезжая
На родину, вы вспомните о ней.
В страну грядущих непчатых дней
Несете вы культуру, что от века
Божественна, и слаще, и вольней
Я вижу будущего человека.

12

О донна Анна, о моя Венера,
Запечатлею ли твой странный лик?
Какой закон ему, какая мера?
Он пламенен, таинствен и велик.
Изобразить ли лебединый клик?
Стою перед тобой, сложивши руки,
Как руки нищих набожных калик.
Я — не певец, — твой я слышу звуки.
В них всё: и ад, и рай, и снег, и страсть, и муки.

IV. КУКОЛЬНАЯ ЭСТРАДА

372. ПРОЛОГ К СКАЗКЕ АНДЕРСЕНА «ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ»

Вот, молодые господа,
Сегодня я пришел сюда,
Чтоб показать и рассказать
И всячески собой занять.
Я стар, конечно, вам не пара,
Но все-таки доверьтесь мне:
Ведь часто то, что слишком старо,
Играет с детством наравне.
Что близко, то позабываю,
Что далеко, то вспоминаю,
И каждый день, и каждый час
Приводит новый мне рассказ.
Я помню детское окошко
И ласку материнских рук,
Клубком играющую кошку
И нянькин расписной сундук.
Как спать тепло, светло и сладко,
Когда в углу горит лампадка
И звонко так издалика
Несется пенье петуха.
И всё яснее с каждым годом
Я вспоминаю старый дом,
И в доме комнату с комодом,
И спинки стульев под окном.
На подзеркальнике пастушка,
Голубоглазая вострушка.
И рядом, глянцеvit и чист,
Стоит влюбленный трубочист.
Им строго (рожа-то не наша)
Китайский кланялся папаша.
Со шкапа же глядела гордо
Урода сморщенная морда.

Верьте, куклы могут жить,
Двигаться и говорить,
Могут плакать и смеяться,

Но на всё есть свой же час,
И живут они без нас,
А при нас всего боятся.

Как полягут все в постель,
Таракан покинет щель.
Заскребутся тихо мыши, —
Вдруг зардеет краска щек,
Разовьется волосок, —
Куклы вздрогнут... тише, тише!

От игрушек шкапик «крак»,
Деревянный мягче фрак,
Из фарфора легче юбки,
Все коровы враз мычат,
Егеря в рога трубят,
К потолку порхнут голубки...

Смехи, пiski, треск бичей,
Ярче елочных свечей
Генералов эполеты...
Гусар, саблей не греми:
За рояль бежит Мими,
Вертят спицами кареты...

Теперь смотрите лучше, дети,
Как плутоваты куклы эти!
При нас как мертвые сидят,
Не ходят и не говорят,
Но мы назло, поверьте, им
Всех хитрецов перехитрим,
Перехитрим да и накажем,
Все шалости их вам покажем.

Давно уж солнце закатилось,
Сквозь шторы светится луна,
Вот няня на ночь помолилась,
Спокойного желает сна,
Погасла лампа уж у папы,
Ушла и горничная спать,
Скребутся тоненькие лапы
Мышат о нянькину кровать.

Трещит в столовой половица,
И мне, и вам, друзья, не спится.
Чу, музыка! иль это сон?
Какой-то он? Какой-то он?
1918

373. ЭПИЛОГ

Уж скоро солнце заиграет,
Стирать придет служанка пыль
И ни за что не угадает,
Всё это сказка или быль.
Все на местах: китаец, рожка,
И поза всё одна и та ж,
Но у пастушки, ах, похоже,
Помят фарфоровый корсаж.
Чур, господа, не выдавайте,
Ни слова про ее беду,
А то сюда вас, так и знайте,
В другой раз я не приведу.
1918

374. НОКТЮРН ¹

На небо выезжает
На черных ко́нях ночь,
Кто счастье обещает,
Та может мне помочь.
Уста навеки клейки,
Где спал твой поцелуй,
Пугливей кенарейки,
О сердце, не тоскуй!
Луна за облак скрылась,
Не вижу я ни зги.
Калитка... чу!.. открылась,
В аллее... чу!.. шаги!

¹ Из пьесы «Все довольны».

Всё спит в очарованьи,
Курится мокрый лен...
Кто ждал, как я, свиданья,
Поймет, как я влюблен.

1917

375. СИМОНЕТТА¹

О Симонетта,
Спеши в леса!
Продлился, лето,
Златись, коса!

Как дни погожи,
Пестры цветы!
На них похожи
Мои мечты.
Промчится лето,
Близка зима.
Как грустно это,
Пойми сама,
О Симонетта!

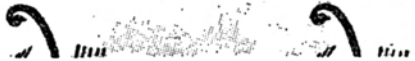
Зачем тоскуем
В лесной тиши?
О, к поцелуям
Спеши, спеши!
Ведь день удачный
Иль праздный день —
Все к смерти мрачной
Мелькнут, как тень.
О, Симонетта!

1917

¹ Из пьесы «Волшебная груша».

М. КУЗМИНЪ
КУРАНТЫ ЛЮБВИ
К-ВО «СКОРПИОНЪ»

376. РОМАНС ¹

Оно самой мне непонятно,
Но как же спрашивать его?
Оно лепечет еле внятно,
И мне ужасно неприятно
Не знать, люблю ли я кого.

(К Арженору)

Покуда я резва, невинна,
Покуда бегать я люблю,
Я не привыкла к юбке длинной,
Мне скучно от прогулки чинной,
Но ради вас я всё стерплю.

(К Тьерри)

День целый с вами б я играла
(Кто хочет, сердце разбери!)
Как куклу, вас бы одевала,
И раздевала, целовала
И тискала бы вас, Тьерри.

(К обоим)

«Спросите сердце», — говорите,
Мой ожидая приговор.
Я спрашивала уж, простите:
Оно молчит, дрожа на нити,
Иль шепчет непонятный вздор.
1917

377. ЛОРД ГРЕГОРИ ²

Лорд Грегори был очень горд,
Недаром Грегори был лорд.

¹ Из пьесы «Муж, вор и любовник, каких не бывает».

² Из пьесы «Самое ветреное место в Англии».

Немногих в жизни он любил,
Кого любил, того губил.
Белинда юная цвела,
Как розмарин, была мила.
Лорд Грегори встречался с ней —
И стала буквицы бледней.
Кто может ветер удержать?
Кто может молнию догнать?
Кто страсть в душе своей носил,
Тот навсегда лишился сил.
Лорд едет гордо на коне,
Стоит Белинда в стороне
И молит бросить взгляд один,
Но ей не внемлет господин.
Проехал всадник, не глядит:
Он обручен вчера с Эдит.
Эдит, Эдит, молись судьбе:
Назначен Грегори тебе.
Лорд Грегори был очень горд,
Недаром Грегори был лорд.
Немногих в жизни он любил,
Кого любил, того губил.

1917

378—380. КИТАЙСКИЕ ПЕСЕНЬКИ

1

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спросили меня: «Что лучше:
Солнце, луна или звезды?» —
Не знал я, что ответить.

Солнце меня греет,
Луна освещает дорогу,
Звезды меня веселят.

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

Утром подруга скажет:
«Верно, ты жасмин целовала,
Парным молоком умывалась,
Всю ночь безмятежно почивала,
Что, как заря, ты прекрасна».
— Нет, — ответчу, —
Милый был вчера со мною.

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Сегодня счастливый день,
Белый жасмин снегом
Опадает на желтый песок,
Ветру лень надувать паруса,
Утки крикают в молочном пруду,
Мельница бормочет спросонок.
Идет ученый, вежливый человек,
Делает учтивый поклон.
У него в доме лучший чай,
А в голове изящные мысли.
Сегодня счастливый день,
Когда отрок делается юношей.

1918

НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА

Стихи 1914—1920

О, нездешние
Вечера!
Злато-вешняя
Зорь пора!
В бездорожья
Звезды Божьи,
Ах, утешнее,
Чем вчера.

Всё кончается,
Позабудь!
Уж качается
Сонно муть.
Ропот спора...
Скоро, скоро
Увенчается
Розой грудь.

Сладко просится
В сердце боль —
В небо броситься
Нам дозволю!
Легким шагом
По оврагам
Благоносица
Божьих воль.

Божья клироса
Дрогнет зверь.
Всё открылося,
Друг, поверь.
Вдруг узнали
(Ты ли, я ли):
Не закрылася
Счастья дверь.

1919

І. ЛОДКА В НЕБЕ

382

Я встречу с легким удивленьем
Нежданной старости зарю.
Ужель чужим огнем горю?
Волнуюсь я чужим волненьем?
Стою на тихом берегу,
Далек от радостного бою,
Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу.
Теперь и пенного Россини
По-новому впиваю вновь
И вижу только чрез любовь,
Что небеса так детски сини.
Бывало, плача и шутя,
Я знал любовь слепой резвухой,
Теперь же в чепчике, старушкой,
Она лишь пестует дитя.

1915

383

Весны я никак не встретил,
А ждал, что она придет.
Я даже не заметил,
Как вскрылся лед.
Комендантский катер с флагом
Разрежет свежую гладь,
Пойдут разнеженным шагом
В сады желать.
Стало сразу светло и пусто,
Как в поминальный день.
Наползает сонно и густо
Тревожная лень.
Мне с каждым утром противней
Заученный, мертвый стих...
Дождусь ли весенних ливней
Из глаз твоих!?

1915

Как месяц молодой повис
 Над освещенными домами!
 Как явственно стекает вниз
 Прозрачность теплыми волнами!
 Какой пример, какой урок
 (Весной залога сердце просит)
 Твой золотисто-нежный рог
 С небес зеленых нам приносит?
 Я трепетному языку
 Учусь апрельскою порою.
 Разноречивую тоску,
 Клянусь, о, месяц, в сердце скрою!
 Прозрачным быть, гореть, манить
 И обещать, не обещая,
 Вести расчисленную нить,
 На бледных пажитях мерцая!
 1915

М. Бамгасу

Ведь это из Гейне что-то,
 А Гейне я не люблю.
 Твой шепот, полудремота
 Весенняя, я ловлю.

Во Франкфурте, что на Майне,
 Серенький, теплый денек, —
 Обречен я сладкой тайне
 И свято ее сберег.

Зовут Вас фрейлейн Ревекка,
 А может быть, фрау Рахиль.
 Про Вас говорили от века
 Песни, картина ль, стихи ль.

Увижу ль хоть край одежды?
 Откроется ль новый мир?

Поэту так мало надежды:
Отец Ваш — важный банкир. —

На крыши надменных зданий,
Дождик, слезы пролей!
Из всех прощенных страданий
Страданья любви — светлей.

[1916]

386

Разбукетилось небо к вечеру,
Замерзло окно...
Не надо весеннего ветра,
Мне и так хорошо.

Может быть, всё разрушилось,
Не будет никогда ничего...
Треск фитиля слушай,
Еще не темно...

Не навеки душа замуравлена —
Разве зима — смерть?
Алым ударит в ставни
Страстной четверг!

1917

387

Листья, цвет и ветка —
Всё заключено в одной почке.
Крути за крутами сеткой
Суживаются до маленькой точки.
Крутящийся книзу голубь
Знает, где ему опуститься.
Когда сердце делается совершенно голым,
Видно, из-за чего ему стоит биться.
Любовь большими крутами
До последнего дна доходит,
И близорукими, как у вышивальщиц, глазами
В сердце сердца лишь Вас находит.

412

Не следил ее перемены —
И вдруг... о, Боже мой,
Совсем другие стены,
Когда я пришел домой!
Где бег коня без уздечки?
Капризных бровей залом?
Как от милой, детской печки
Веет родным теплом.
Широки и спокойны струи,
Как судоходный Дунай!
Про те, про те поцелуй
Лучше не вспоминай.
Я солнце предпочитаю
Зайчику мерклых зеркал,
Как Саул, я нашел и знаю
Царство, что не искал!
Спокойно ль? Ну да, спокойно.
Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь холодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею, —
Лишь рожденный воздухом звук?
1917

389. НОВОЛУНЬЕ

Мы плакали, когда луна рождалась,
Слезами серебристый лик омыли,—
И сердце горестно и смутно сжалось.

И в самом деле, милый друг, не мы ли
Читали в старом соннике приметы
И с детства суеверий не забыли?

Мы наблюдаем вещие предметы,
А серебро пророчит всем печали,
Всем говорит, что песни счастья спеты.

Не лучше ли, поплакавши вначале,
Принять, как добрый знак, что милой ссорой
Мы месяц молодой с тобой встречали?

То с неба послан светлый дождь, который
Наперекор пророческой шептунье
Твердит, что месяц будет легкий, спорый,

Когда луна омылась в новолунье.

1916

390

Успокоительной прохладой
Уж веют быстрые года.
Теперь, душа, чего нам надо?
Зачем же бьешься, как всегда?

Куда летят твои желанья?
Что знаешь, что забыла ты?
Зовут тебя воспоминанья
Иль новые влекут мечты?

На зелень пажитей небесных
Смотрю сквозь льдистое стекло.
Нечаянностей нет прелестных,
К которым некогда влекло.

О солнце, ты ведь не устало...
Подольше свет на землю лей.
Как пламя прежде клокотало!
Теперь ровнее и теплей.

Тепло волнами подымаясь,
Так радостно крылит мне грудь —
Что, благодарно удивляясь,
Боюсь на грудь свою взглянуть.

Всё кажется, что вот наружу
Воочию зардеет ток,

415

Как рдеет в утреннюю стужу
Зимою русскою восток.

Еще волна, еще румянец...
Раскройся, грудь! Сияй, сияй!
О, теплых роз святой багрянец,
Спокойный и тревожный рай!

1916

391

По-прежнему воздух душист и прост,
По-прежнему в небе повешен мост,
Когда же кончится постылый пост?

Когда же по-прежнему пойдем домой,
Когда успокоимся, милый мой?
Как жались мы тесно жалкой зимой!

Как стыла и ныла покорная кровь!
Как удивленно хмурилась бровь!
И теплилась только наша любовь.

Только и есть теперь одни мечты,
Только и есть теперь Бог, да ты,
Да маленький месяц с желтой высоты.

Месяц квадратит книги да пол,
Ты улыбнешься, опершись на стол...
Какую сладкую пустыню я нашел!

1920

392

Это всё про настоящее, дружок,
Про теперешнее время говорю.
С неба свесился охотничий рожок,
У окна я, что на угольях, горю,—
Посмотреть бы на китайскую зарю,
Выйти вместе на росистый на лужок,
Чтобы ветер свежий щеки нам обжег!

Медью блещет океанский пароход,
Край далекий, новых путников встречай!
Муравейником черно́ кишит народ,
В фонарях пестрит диковинный Шанхай.
Янтареет в завитках душистых чай...
Розу неба чертит ласточек полет,
Хрусталем дрожит дорожный table d'hôte¹.

Тучкой перистою плавятся мечты,
Неподвижные, воздушны и легки,
В тонком золоте дрожащей высоты,
Словно заводи болотистой реки. —
Теплота святой, невидимой руки
Из приснившейся ведет нас пустоты
К странным пристаням, где живы я да ты.

1920

393. СМЕРТЬ

В крещенски-голубую прорубь
Мелькнул души молочный голубь.

Взволнённый, долгий сердца вздох,
Его поймать успел ли Бог?

Испуганною трясогузкой
Прорыв перелетаю узкий.

Своей шарахнусь черноты...
Верчу глазами: где же ты?

Зовет бывалое влечение,
Труда тяжеле облегчение.

В летучем, без теней, огне
Пустынно и привольно мне!

1917

¹ Табльдот; стол, накрываемый в ресторане для общей еды (фр.).— *Рег.*

Унылый дух, отыди!
Ты, праздность, улетай!
И в здешней Фиваиде
Найдем утешный край.

«Вы — дети не изгнанья!»—
Прокликал Параклит
И радостное зданье
Построить нам велит.

Пологие ступени
К прозрачным воротам.
Внизу что значат тени,
Узнаешь зорко «там».

И зори, и зарницы —
Предвосхищенья слав,—
Зачем же сумрак снится,
Сиянье отослав?

Легчи мне душу, Отче,
И окрыли персты:
Ведь я же — Божий зодчий,
Как приказал мне Ты.

1916

II. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

395. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий,
На желтом небе золотой вулкан.
Как блюдечко природу странно узит!
Но новый трепет мелкой рябью дан.
Как облаков продольных паутинки
Пронзает солнце с муравьиный глаз,
А птицы-рыбы, черные чаинки,
Чертят лазури зыблемый топаз!

Весенний мир вместится в малом мире:
Запахнут миндали, затрубит рог,
И весь залив, хоть будь он вдвое шире,
Фарфоровый обнимет ободок.
Но ветка неожиданной мимозы,
Рассекши небеса, легла на них,—
Так на страницах философской прозы
Порою заблестит влюбленный стих.
1917

396

Далеки от родного шума
Песчинки на башмаках.
Фиалки в петлице у грума
Пахнут о дальних лугах.

И в стриженной пыльной аллее,
Вспоминая о вольном дне,
Всё предсмертнее, всё нежнее
Лиловеют на синем сукне.
1914

397

Тени косыми углами
Побежали на острова,
Пахнет плохими духами
Скошенная трава.

Жар был с утра неистов,
День, отдуваясь, лег.
Компания лицеистов,
Две дамы и котелок.

Мелкая оспа пота —
В шею нельзя целовать.
Кому же кого охота
В жаркую звать кровать?

419

Тенор, толст и печален,
Вздыхает: «Я ждать устал!»
Над крышей дырявых купален
Простенький месяц встал.

1914

398

Расцвели на зонтиках розы,
А пахнут они «fol ag̃те»...
В такой день стихов от прозы
Мы, право, не разберем.
Синий, как хвост павлина,
Шелковый медлит жакет,
И с мостика вся долина —
Королевски-сельский паркет.
Удивленно обижены пчелы,
Щегленок и чиж пристыжён,
И вторят рулады фонолы
Флиртовому поветрию жен.
На теннисе лишь рубашки
Мелко белеют вскачь,
Будто лилии и ромашки
Невидный бросают мяч.

1914

399

Всю тину вод приподнял сад,
Как логовище бегемота,
И летаргический каскад
Чуть каплет в глохлые болота.
Расставя лапы в небо, ель
Картонно ветра ждет, но даром!
Закатно-розовый кисель
Ползет по торфяным угарам.
Лягушке лень профлейтить «квак»,
Лишь грузно шлепается в лужу,
И не представить мне никак
Вот тут рождественскую стужу.

420

Не наше небо... нет. Иду
Сквозь сетку липких паутинок...
Всю эту мертвую страду
И солнце, как жерло в аду,
Индуc в буддическом бреду
Придумал, а не русский инок!
1914

**400. ПЕЙЗАЖ ГОГЕНА
(второй)**

Тягостен вечер в июле,
Млеет морская медь...
Красное дно кастрюли,
Полно тебе блестеть!
Спряталась паучиха.
Облако складки мнет.
Песок золотится тихо,
Словно застывший мед.
Винно-лиловые грозди
Спустит с небес лоза.
В выси мохнатые гвозди
Нам просверлят глаза.
Густо алеют губы,
Целуют, что овода.
Хрипы пастушьи трубы,
Блеют вразброд стада.
Скатилась звезда лилово...
В траве стрекозиный гром.
Всё для любви готово,
Грузно качнулся паром.
1916

401. АНТИЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Смолистый запах загородью тесен,
В заливе сгинул зеленистый рог,
И так задумчиво тяжеловесен
В морские норы nereид нырок!
Назойливо сладелая фиалка
Свой запах тычет, как слепец костыль,

И волны полые лениво-валко
Переливают в пустоту бутль.
Чернильных роц в лакричном небе ровно

Ряды унылые во сне задумались.
Сова в дупле протяжно воет, словно
Взгрустнулось грекам о чухонском Юмале.

1917

402. МОРЕХОД НА СУШЕ

Курятся, крутят роц отроги,
Синеются в сияньи дня,
И стрелы летнего огня
Так упоительно не строги!
Прозрачно розовеют пятки
Проворных нимф на небесах.
В курчавых скрытые лесах
Кукушки заиграли в прятки.
И только снится иногда
Шатанье накрененных палуб:
Ведь путевых не надо жалоб,
Коль суша под ногой тверда.

1917

403. БЕЛАЯ НОЧЬ

Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекленелое предчувствие.
И дремлет медленная воля —
Секунды навсегда отстукала,—
Небесно-палевое поле —
Подземного приемник купола.
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.

1917

404. ПЕРСИДСКИЙ ВЕЧЕР

Смотрю на зимние горы я:
Как простые столы, они просты.
Разостлались ало-золотоперые
По небу заревые хвосты.
Взлётывш стада фазаньего,
Хорасанских, шахских охот!
Бог дает — примем же дань Его,
Как принимаем и день забот.
Не плачь о тленном величии,
Ширь глаза на шелковый блеск.
Все трещотки и трубы птичьи
Перецокает соловьиный треск!

1917

405. ХОДОВЕЦКИЙ

Наверно, нежный Ходовецкий
Гравировал мои мечты:
И этот сад полунемецкий,
И сельский дом, немного детский,
И барбарисные кусты.

Пролился дождь; воздушны мысли.
Из окон рокот ровных гамм.
Душа стремится (вдаль ли? ввысь ли?),
А капли на листьях повисли,
И по карнизу птичий гам.

Гроза стихает за холмами,
Ей отвечает в роще рог,
И дядя с круглыми очками
Уж наклоняет над цветами
В цветах невиданных шлафрок.

И радуга, и мост, и всадник,—
Всё видится мне без конца:
Как блещет мокрый палисадник,
Как ловит на лугу лошадник
Отбившегося жеребца.

Кто приезжает? кто отбудет?
Но мальчик вышел на крыльцо.
Об ужине он позабудет,
А теплый ветер долго будет
Ласкать открытое лицо.

1916

III. ДНИ И ЛИЦА

406. ПУШКИН

Он жив! у всех душа нетленна,
Но он особенно живет!
Благоговейно и блаженно
Вкушаем вечной жизни мед.
Пленительны и полнозвучны,
Текут родимые слова...
Как наши выдумки докучны,
И новизна как не нова!
Но в совершенства хладный камень
Его черты нельзя замкнуть:
Бежит, горя, летучий пламень,
Взволнованно вздымая грудь.
Он — жрец, и он веселый малый,
Пророк и страстный человек,
Но в смене чувства небывалой
К одной черте направлен бег.
Москва и лик Петра победный,
Деревня, Моцарт и Жуан,
И мрачный Герман, Всадник Медный
И наше солнце, наш туман!
Романтик, классик, старый, новый?
Он — Пушкин, и бессмертен он!
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон?
Из стран, откуда нет возврата,
Через года он бросил мост,
И если в нем признаем брата,

Он не обидится: он — прост
И он живой. Живая шутка
Живит арапские уста,
И смех, и звон, и прибаутка
Влекут в бывалые места.
Так полон голос милой жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в печальной тризне
Дыханье светлых именин.

1921

407. ГЕТЕ

Я не брошу метафоре:
«Ты — выдумка дикаря-патагонца», —
Когда на памяти, в придворном шлафоре
По Веймару разгуливало солнце.
Лучи свои спрятало в лысину
И негромко назвалось Geheimrath'ом¹,
Но ведь из сердца не выкинуть,
Что он был лучезарным и великим братом.
Кому же и быть тайным советником,
Как не старому Вольфгангу Гете?
Спрятавшись за орешником,
На него почтительно указывают дети.
Конечно, слабость: старческий розариум,
Под семидесятилетним плащом Лизетта,
Но всё настоящее в немецкой жизни —
лишь комментарий,
Может быть, к одной только строке поэта.

1916

408. ЛЕРМОНТОВУ

С одной мечтой в упрямом взоре,
На Божьем свете не жилец,
Ты сам — и Демон, и Печорин,
И беглый, горестный чернец.

¹ Тайным советником (нем.). — *Ред.*

Ты с малых лет стоял у двери,
Твердя: «Нет, нет, я ухожу»,—
Стремясь и к первобытной вере,
И к романтичному ножу.

К земле и людям равнодушен,
Привязан к выбранной судьбе,
Одной тоске своей послушен,
Ты миру чужд, и мир — тебе.

Ты страсть мечтал необычайной,
Но, ах, как прост о ней рассказ!
Пленился ты Кавказа тайной,—
Могилой стал тебе Кавказ.

И Божьи радости мелькнули,
Как сон, как снежная мятель...
Ты выбираешь — что? две пули
Да пошловатую дуэль.

Поклонник демонского жара,
Ты детский вызов слал Творцу.
Россия, милая Тамара,
Не верь печальному певцу.

В лазури бледной он узнает,
Что был лишь начат долгий путь.
Ведь часто и дитя кусает
Кормящую его же грудь.

1916

409. САПУНОВУ

Храня так весело, так вольно
Закон святого ремесла,
Ты плыл бездумно, плыл безбольно,
Куда судьба тебя несла.

Не знал, другая цель нужна ли,
Как ярче сделать завиток,

Но за тебя другие знали,
Как скромный жребий твой высок.

Всегда веселое горенье
И строгость праздного мазка,
То в пестроте уединенья,
То в грусти шумной кабака.

Всегда готов, под мышки ящик,
Дворец раскрасить иль подвал,
Пока иной, без слов, заказчик
От нас тебя не отозвал.

Наверно, знал ты, не гадая,
Какой отмечен ты судьбой,
Что нестерпимо голубая
Кулиса красилась тобой.

Сказал: «Я не умею плавать»,—
И вот отплыл, плохой пловец,
Туда, где уж сплетала слава
Тебе лазоревый венец.

1914

410. Т. П. КАРСАВИНОЙ

Полнеба в улице далекой
Болото зорь заволокло,
Лишь конькобежец одинокий
Чертит озерное стекло.
Капризны беглые зигзаги:
Еще полет, один, другой...
Как острием алмазной шпаги,
Прорезан вензель дорогой.
В холодном зареве не так ли
И Вы ведете свой узор,
Когда в блистательном спектакле
У Ваших ног — малейший взор?
Вы — Коломбина, Саломея,
Вы каждый раз уже не та,

Но, всё яснее пламеня,
Златится слово «красота».

1914

411. «ШВЕДСКИЕ ПЕРЧАТКИ»

Юр. Юркуну

Картины, лица — бегло-кратки,
Влюбленный вздох, не страстный крик,
Лишь запах замшевой перчатки
Да на футбольной на площадке
Полудитя, полустарик.

Как запах городских акаций
Напомнит странно дальний луг,
Так между пыльных декораций
Мелькнет нам дядя Бонифаций,
Как неизменный, детский друг.

Пусть веет пудрой по уборным
(О дядя мудрый, не покинь!),
Но с послушаньем непокорным
Ты улыбнешься самым вздорным
Из кукольнейших героинь.

И надо всем, как ветер Вильны,
Лукавства вешнего полет.
Протрелит смех не слишком сильно,
И на реснице вдруг умильно
Слеза веселая блеснет.

1914

IV. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

412. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ (кантата)

А. М. Кожебаткину

Пеной
Персеев конь
у плоских приморий
белеет, взмылясь...
Георгий!

Слепя, взлетает
облаком снежным,
окрылив Гермесов петаз
и медяные ноги...
Георгий!

Гаргарийских гор эхо
Адонийски вторит
серебра ударам,
чешуй победитель,
Георгий!

Мыться ли вышла царева дочь?
мыть ли белье, портомоя странная?
В небе янтарном вздыбилась ночь.
Загородь с моря плывет туманная.

Как же окованной мыть порты?
Цепи тягчат твое тело нежное...
В гулком безлюдьи морской черноты
плачет царевна, что чайка снежная.

— Прощай, отец родимый,
прощай, родная мать!
По зелени любимой
мне не дано гулять!

И облака на небе
не буду я следить:
мне выпал горький жребий —
за город смерть вкусить.

Девичьего укора
не слышать никогда.
Вкушу, вторая Кора,
гранатова плода.

Рожденью Прозерпины
весною дан возврат,
а я, не зная кончины,
схожу в печальный ад!

Боги, во сне ли?
Мерзкий
выползок бездны на плоской мели,
мирней
свернувшейся рыбы
блестит в полумраке чешуйчатой глыбой
змей...
Сонная слюна
медленным ядом
синеет меж редких зубов.
Мягким, сетчатым задом
подымая бескостный хребёт,
ползет,
словно оставаясь на месте,
к обреченной невесте.
Руки прикрыть не могут стыд,
стоит,
не в силах охать...
По гаду похоть,
не спеша, как обруч,
проталкивается от головы к хвосту.
Золотой разметался волос,
испуганный голос
по-девы звенит в темноту:
— Ты думаешь: я — Пасифая,
любовница чудищ?

Я — простая
девушка, не знавшая мужьего ложа,
почти без имени,
даже не Андромеда!
Ну что же!
Жри меня —
жалкая в том победа! —
Смерть разжалобить трудно,
царевна, даже Орфею,
а слова непонятны и чудны
змею,
как саранче паруса.
Напрасно твоя коса
золотом мреет,
розою щеки млеют,
и забыла гвоздика свои лепестки
на выгибе девьих уст,—
гибель,
костный хруст,
пакостной мякоти чавканье
(ненавистный, думаешь, брак?),
сопенье, хрип и храп,
пенной вонь слюны,
зубов шелк,
и гибель, гибель, гибель
волочет тебе враг!
Вислое брюхо сосцато
поднялось...

— Ослепите, ослепите,
боги, меня!
Обратно возьмите
ужасный разум!
Где вы? где вы?
где ты, Персей?
Спите?
Не слышите бедной девы?!
Нагая, одна,
скована...
Разите разом,
топором,
как овна.

Скорей,
Зевс,
гром!!!
Пепели, пепели!
Как Семела,
пускай пылаю,
но не так,
подло,
беззащитно,
одиоко,
как скот,
дохну!!! —

Мягко на грудь вскочила жаба,
лягушечьи-нежная гада лапа...
Пасти вихрь свистный
близкой спицей
колет ухо...
Молчит, нос отвернув
дальше от брюха.
— В вечернем небе широкая птица
реет,— верно, орел. —
Между ног бесстыдно и склизко
пополз к спине хвост...

— О-о-о!!!
Богов нет!
Богинь нет!
(Камнем эхо — «нет!»).
Кто-нибудь, кто-нибудь!
Небо, море,
хлыньте, прикройте!
Горе!
Не дайте зверю!
Гад, гад, гад!
Проснитесь!
Слушай, орел,—
свидетель единственный,—
я верю (гибель — залогом),
верю:

спустится витязь
таинственный,
он же меня спасет.
Молюсь тебе, неведомый,
зову тебя, незнаемый,
спаси меня, трисолнечный,
моря белого белый конник!!!
Аллилуйя, аллилуйя,
помилуй мя. —

Глаза завела,
замерла
предсмертно и горько.
Жилы — что струны.
Вдруг
остановился ползучий холод
— откраснела за мысом зорька —
Смерть?
Снова алеет твердь...
(Сердце, как молот,
кузнечным мехом:
тук!)
разгорается свет
сверху, не с горизонта,
сильней, скоро брызнет
смехом.
Свету навстречу встает другая пена понта...
Жизни...
отлетавшей жизни вестник? —
Герой молёный?
Змей, деву оставив, пыхает на небо...
Смотрят оба,
как из мокрого гроба.
Серебряной тучей
трубчатый хвост
закрывает янтарное небо
(золотые павлины!),
наверху раскинулись задние ноги,
внизу копыта длинная искра...
быстро,
кометой,

пущенной с небесной горы,
алмазной лавиной...
шесть ног,
грива,
хвост, шлем,
отрочий лик,
одежды складки
с шумом голубино-сладким
прядают, прядают!..
Четыре копыта прямо врылись в песок.
Всадник встал в стремях, юн и высок.

На месте пустом,
на небесное глядя тело
(веря, не верит,
не веря, верит),
пророчески руки раскинув крестом,
онемела.

Ржанье — бою труба!
Золотой облак
закрывает глаза,
иногда разверзаясь молнией,—
уши наполнены
свистом, хрипом,
сопением диким,
ржаньем, бряцаньем,
лязгом.

Трёмбово, трёмбово
тарабанит копытом конь —
Тра-ра́ —
комкает, комкает
узорной узды узел...
Тра-ра́!

Стрел
лёт —
глаз
взгляд.
Радугой реет радостный рай.

Трубит ангел в рожок тра-рай!
И вот,
словно вдребезги разбили
все цепочки, подвески, звезды,
стеклянные, золотые, медные,
на рясном кадиле,—
последний треск,—
треснула бездна,
лопнуло небо,
и ящер
отвалился, шатаясь,
и набок лег спокойно,
как мирно почивший пращур.

— Не светлый ли облак тебя принес?
— Меня прислал Господь Христос.

Послал Христос, тебя любя.
— Неужели Христос прекрасней тебя?

— Всего на свете прекрасней Христос,
И Божий цвет — душистее роз.

— Там я — твоя Гайя, где ты — мой Гай,
В твой сокровенный пойду я рай!

— Там ты — моя Гайя, где я — твой Гай,
В мой сокровенный вниди рай!

— Глаза твои, милый, — солнца мечи,
Святой науке меня учи!

— Верной вере откройся, ухо,
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

— Верной вере открыто ухо
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

— Чистые души — Господу дань.
Царевна сладчайшая, невестой встань!

— Бедная дева верой слаба,
Вечно буду тебе раба!

Светлое трисолнечного света зеркало,
Ты, в котором благодать промерцала,
Белый Георгий!

Чудищ морских вечный победитель,
Пленников бедных освободитель,
Белый Георгий!

Сладчайший Георгий,
Победительнейший Георгий,
Краснейший Георгий,
Слава тебе!

Троице Святой слава,
Богородице Непорочной слава,
Святому Георгию слава
И царевне присновспоминаемой слава!
1917

V. СОФИЯ

*Гностические стихотворения
(1917—1918)*

413. СОФИЯ

В золоченой утлой лодке
По зеленому пространству,
По лазури изумрудной
Я ждала желанных странствий.
И шафранно-алый парус
Я поставила по ветру,
У кормы я прикрепила
Вешний пух пушистой вербы.
На расплавленном просторе —
Благостно и светозарно,
Но одна я в легкой лодке:
Сестры, братья — все попарно.
На престоле семистолбном

Я, как яхонт, пламенела
И хотеньем бесхотенным
О Тебе, Христос, хотела!
Говорила: «Беззаконно
Заковать законом душу,
Самовольно ли, невольнo ль,
А запрет любви нарушу!»
Расковались, оборвались
Златокованны цепочки...
Неужель, Отец, не вспомнишь
О своей любимой дочке?
Солнце вверх летит, что мячик...
Сердцем быстрым холодею...
Ниже, ниже... видны горы...
Тяжелею, тяжелею...
Прорасту теперь травую,
Запою водой нагорной,
И немеркнувшее тело
Омрачу землею черной.
Вот, дышу, жених, и помню
Про селения благие,
Я, распятая невеста,
А зовут меня — София!

[1917]

414. БАЗИЛИД

Даже лошади стали мне слонов огромней!
Чепраки ассирийские давят
Вспененных боков ущелья,
Ужасен зубов оскал!...
И ливийских солдат веселье,
Что трубой и горлами вождя славят,
Тяжело мне,
Как груз сплющенных скал.
Я знаю, что был Гомер,
Елена и павшая Троя.
Герои
Жрали и дрались,

И по радуге боги спускались...
Муза, музища
Плоской ступней шагала,
Говоря во всё горло...
Милая Музенька
Пальчиком стерла
Допотопные начала.
Солнце, ты не гори:
Это ужасно грубо,
— Только зари, зари,—
Шепчут пересохшие губы,—
Осенней зари полоской узенькой!

Сегодня странный день.
Конечно, я чужд суеверий,
Но эта лиловая тень,
Эти запертые двери!
Куда деваться от зноя?
Я бы себя утопил...
(Смерть Антиноя!)
Но ужасно далёко Нил.
Здесь в саду
Вырыть прудок!
Будет не очень глубокий,
Но я к нему приду.
Загородиться ото всего стеною!
Жизнь, как легкий из ноздрей дымок,
Голубок,
Вдали мелькнувший.
Неужели так и скажут: «Умер»?
Я никогда не думал,
Что улыбку променяю на смех и плач.
Мне противны даже дети,
Что слишком шумно бросают мяч.
Я не боролся,
Был слаб,
Мои руки — плети,
Как неграмотный раб,
Слушал набор напыщенных междометий.
И вдруг,
Мимо воли, мимо желаний,

Разверзся невиданных зданий
Светозарный ряд,
Из бледности пламя исторг.
Глашатаем стал бородатый бродяга,
И знание выше знаний,
Чище любви любовь,
Сила силы сильнейшая,
Восторг,—
Как шар,
Кругло, круто,
Кричаще, кипяще
Кудесно меня наполнили.

Эон, Эон, Плэрома,
Плэрома — Полнота,
До домного до дома,
До тронного до трона,
До звона, громозвона,
Ширай, души душа!

Сила! Сила! Сила!
Напряженные мышцы плети!
Громче кричите, дети,
Красный бросая мяч!
Узнал я и смех и плач!
Что Гомер?
Сильней лошадей, солдат, солнца, смерти
и Нила,—

Семинебесных сфер
Кристалльная гармония меня оглушила.

Тимпан, воркуй!
Труба, играй!
Вой, бей!
Вихрь голубей!
Орлов клекот!
Стон лебедей!
Дух, рей,
Вей, вей,
Дверей
Райских рай!
Рай, рай!

В руке у меня был полированный камень,

Из него струился кровавый пламень,
И грубо было нацарапано слово: *'Αβραξας*
[1917]

415. ФАУСТИНА

Серебристым рыба махнула хвостом,
Звезда зажелтела в небе пустом,—
О, Фаустина!

Всё ближе маяк, темен и горд,
Всё тише вода плещет об борт —
Тянется тина...

Отбившийся сел на руль мотылек...
Как день свиданья от нас далек!
Тень Палатина!

Ветром запах резеды принесло.
В розовых брызгах мое весло.
О, Фаустина!

[1917]

416. УЧИТЕЛЬ

Разве по ристалищам бродят учителя?
Разве не живут они в безмятежной обители?
(Голубой, голубой хитон!)
Хотите ли воскресить меня, хотите ли
Убить, уста, что покой похитили?
(И никто не знает, откуда он).

Мало ли прошло дней, много ли
С того, как его пальцы мои трогали?
(Голубой, голубой хитон!)
С каких пор мудрецы причесываются как щеголи?
В желтом сияньи передо мной не дорога ли?
(И никто не знает, откуда он).

Полированные приравняю ногти к ониксу,—
Ах, с жемчужною этот ворот пронизьюю...
(Голубой, голубой хитон!)
Казалось, весь цирк сверху донизу
Навстречу новому вздрогнул Адонису.
(И никто не знает, откуда он).

Из Вифинии донеслось дыхание,
Ангельские прошелестели лобзания,
Разве теперь весеннее солнцестояние?

[1917]

417. ШАГИ

Твои шаги в затворенном саду
И голос горлицы загорной: «Я приду!»
Прямые гряды гиацинтов сладки!
Но новый рой уж ищет новой матки,
И режет свежую пастух дуду.

В пророческом кружится дух бреду
Кадилами священной лихорадки,
И шелестят в воздушном вихре схватки
Твои шаги.

Так верится в томительном аду,
Что на пороге прах пустынь найду!
Полы порфирные зеркально гладки...
Несут все радуги и все разгадки
Созревшему, прозрачному плоду
Твои шаги.

[1917]

418. МУЧЕНИК

Сумеречный, подозрительный час...
Двусмысленны все слова,
Круги плывут по воде! —
Не святой ли это рассказ?
Отчего же так горит голова,
Чуя «быть беде!»

Варварское и нежное имя —
Я не слышал такого...
Оно пахнет медом и хлебом...
В великом Риме
Не видали такого святого
Под апостольским небом!
[1918]

419. РЫБА

Умильно сидеть возле
Учительной руки!
— Рыбачат на плоском озере
Еврейские рыбаки.
Ползут облака снѣгово.
— Хлеба-то взяли? Эй! —
Над заштопанным неводом
Наклонился Андрей.
Читаем в затворенной комнате,
Сердце ждет чудес.
Вспомни, сынок, вспомни
Мелкий, песчаный лес.
Золотые полотнища спущены
(В сердце, в воде, в камыше?).
Чем рассудку темней и гуще,
Тем легче легкой душе.
Отчего в доме ветрено?
Отчего в ароматах соль?
Отчего, будто в час смертный,
Такая сладкая боль?
Ползут облака снѣгово...
По полотнищу вверх глянь —
Играет серебряным неводом
Голый Отрок, глаза — лань.
Наклоняется, подымается, бегаёт,
Круглится отрочески бедро.
Рядом — солнце, от жара белое,
Златодонное звонкое ведро.
Поймай, поймай! Благовестия
Самой немой из рыб
Брошусь сам в твои сети я,
Воду веретеном взрыв!

Белое, снеговое сияние
Обвеваает важно и шутя.
Ты мне брат, возлюбленный и няня,
Божественное Дитя.
Спадает с глаз короста,
Метелкой ее отмести.
Неужели так детски просто
Душу свою спасти?
Всё то же отцовское зало,
— Во сне ли, или грежу я? —
Мне на волосы с неба упала
Золотая, рыба чешуя.

[1918]

420. ГЕРМЕС

Водителем душ, Гермесом,
Ты перестал мне казаться.
Распростились с болотистым адом,
И стал ты юношей милым.
Сядем
Над желтым, вечерним Нилом.
Нырять двурогий месяц
В сетке акаций.
Твои щеки нежно пушисты,
Не нагладиться вдосталь!
— Чистым — всё чисто, —
Помнишь, сказал Апостол?
В лугах заливных всё темней.
Твой рот — вишня, я — воробей.
В твоих губах не эхо ли
На каждый поцелуй?
Все лодочки уехали,
Мой милый, не тоскуй.
Все лодочки уехали
Туда, далёко, вдаль!
Одежда нам помеха ли?
Ужаль, ужаль, ужаль!
Но отчего этот синий свет?
Отчего этот знак на лбу?

Маленькие у ног трещоткой раскрылись крылья.
Где ты? здесь ли? нет?
Ужаса
Связал меня узел,
Напало бессилье...
Снова дремлю в гробу...
Снова бледная лужица
(Выведи, выведи, водитель мой!),
Чахлый и томный лес...
(Ветер все лодки гонит домой)
Гермес, Гермес, Гермес!

[1918]

VI. СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

Т. М. Персиц

421. ПЯТЬ

Веслом по-прежнему причаль!
Не в Остии ли фонари?
Какая чахлая печаль
В разливах розовой зари!
А память сердцу всё: «Гори!»

Что ты, кормщик, смотришь с вышки?
Берег близок уж совсем.
Мы без карт и без систем
Всё плывем без передышки.
Лишь предательские мышки
С обреченных прочь трирем.

Горит душа; горя, дрожит...
И ждет, что стукнет кто-то в дверь
И луч зеленый побежит,
Как и теперь, как и теперь...
А память шепчет: «Друг, поверь».

Лунный столб в воде дробится,
Пусто шарит по кустам...

Кто запекшимся устам
Из криницы даст напиток?
Пролетает грузно птица...
Мы увидимся лишь там!..

Я верю: день благословен!
Налей мне масла из лампад!
Какой молочный, сладкий плен!
О, мед несбывшихся услад!
А память мне: «Господень сад!»

Как болотисты равнины!
Вьется пенье вдалеке...
В вечной памяти реке
То поминки иль крестины?
Слышу руку Фаустины
В помертвелой я руке...

Господень сад, великий Рим,
К тебе вернусь опять!
К тебе мы, странники, горим,
Горим себя распять!..
А эхо шепчет: «Пять!»

[1920]

422. ОЗЕРО НЕМИ

Занереидил ирис Неми,
Смарагдным градом прянет рай,
Но о надежде, не измене,
Зелено-серый серп, играй.

И словно лунный луч лукавы
(Твой петел, Петр, еще не стих!),
Плывут гадательные славы
В пленительных полях твоих.

Сребристый стелет лён Селена
По влажным, топистым лугам...
Светло-болотистого плена
Тяжелый кружит фимиам.

Под кипарисами бездомно
Белеют мрамором гроба.
«Италия!» — темно и томно
Поет далекая труба.

[1919]

423. СНЫ

— Спишь ли? — Сплю; а ты? — Молчи!
— Что там видно с каланчи?
— Византийская парча
Ниспадает со плеча.
— Слышишь? — Сквозь густую лень
Звонко белый ржет олень.
И зелена, и вольна,
Мнет волокна льна волна!
— Видишь? — Вижу: выпела
Нам мадонна привела.
Корабли, корабли
Из далекой из земли!
На высокое крыльцо
Покажи свое лицо.
Чтоб сподобиться венца,
Удостоиться конца,
Золотое брось кольцо.

[1920]

424. СВЯТОЙ > МАРКО

Морское марево,
Золотое зарево,
Крась жарко
Узор глыб!
Святой Марко,
Святой Марко,
Пошли рыб!

[1919]

425. ТРАЗИМЕНСКИЕ ТРОСТНИКИ

Затрепещут тразименские тростники, затрепещут,
Как изменники,
Что болтливую болтовню разболтали
У реки
О гибели прекрасной богини,
Не о смешной Мидасовых ушей тайне.
В стоячей тине
Они не знали,
Что румяная спит Фетида,
Не мертва, но покоится дремотно,
Ожидая золотого востока.
Мужественная дева воспрянет,
Протрет лавандовые очи,
Удивленно и зорко глянет
Сивиллой великого Буонаротта
(Не напрасны были поруки!),
И озеро багряных поражений
Римскую медь воротит,
И трепетуны-тростники болтушки
Умолкнут
При возврате родимого солнца.

[1919 или 1920]

426. ВЕНЕЦИЯ

Обезьяна распростерла
Побрякушку над Ридотто,
Кристалличной сонатиной
Стонет дьявол из Казотта.
Синьборина, что случилось?
Отчего вы так надуты?
Рассмешитесь: словно гуси,
Выступают две бауты.
Надушённые сонеты,
Мадригалы, триолеты,
Как из рога избылья
Упадут к ногам Нинеты.
А Нинета в треуголке,
С вырезным, лимонным лифом,—

Обещая и лукавя,
Смотрит выдуманым мифом.
Словно Тъеполо расплавил
Теплым облаком атласы...
На террасе Клеопатры
Золотеют ананасы.
Кофей стынет, тонкий месяц
В небе лодочкой ныряет,
Под стрекозьи серенады
Сердце легкое зевает.
Треск цехинов, смех проезжих,
Трепет свечки нагоревшей.
Не бренча стряхает полночь
Блестки с шали надоевшей.
Молоточки бьют часочки...
Нина — розочка, не роза...
И секретно, и любовно
Тараторит Чимароза.

[1920]

427. ЭНЕЙ

Нагая юность с зеркалом в руке
Зеленые заливы отражает,
Недвижной пикой змея поражает
Золотокудрый рыцарь вдалеке.
И медью пышут римские законы
В дымах прощальных пламенной Дидоны.

Какие пристани, Эней, Эней,
Найдешь ты взором пристально-прилежным?
С каким товарищем, бродягой нежным,
Взмутишь голубизну седых морей?
Забудешь ты пылающую Трою
И скажешь: «Город на крови построю».

Всегда ограда — кровь, свобода — зверь.
Ты — властелин, так запасись уздою,
Железною ведешься ты звездою,
Но до конца звезде своей поверь.

Смотри, как просты и квадратны лица,—
Вскормила их в горах твоя волчица.

И, обречен неколебимой доле,
Мечта бездомников — домашний гусь
(Когда, о родичи, я к вам вернусь?),
Хранит новорожденный Капитолий.
Пожатье загрубелых в битве рук
Сильней пурпурных с подписью порук.

Спинной хребет согнулся и ослаб
Над грудой чужеземного богатства,—
Воспоминание мужского братства
В глазах тиранов, юношей и пап.
И в распыленном золоте тумана
Звучит трубой лучистой: «Рах Романа».

[1920]

428. АМУР И НЕВИННОСТЬ
(Аллегория со свадебного сундука)

Невинность:

Не учи в ручей подругу
Ловить радуги дугу!
По зеленому по лугу
Я бегу, бегу, бегу!

Амур:

Охотник, метко целю в дичь,
Стрелок крылатый я.
Откуда ты, куда бежишь,—
Ты всё равно — моя.

Невинность:

Ты ль меня предашь испугу?
Не поддамся хвостуну.
Ты — стрелок, а я кольчугу —
Свои косы протяну.

Амур:

Бесцельно убегаешь стрел.
Плетешь по-детски речь.
Никто не мог, никто не смел
От стрел себя сберечь.

Невинность:

Свой букварь забросил школьник,
Мух пугает по лесам.
Ах, как страшно, ах, как больно!
Не бежать ли вздумал сам?

Амур:

Пряма стрела, натянут лук,
Кручена тетива.
Не убежишь желанных рук,
Помнется мурава.

Невинность:

Мой младенец просит соски?
Подбородок не колюч.
Сундучка красивы доски,
Но прибрать — задача — ключ.

Амур:

Замкнешь — я отомкну замок,
Бежишь — я нагоню,—
Ведь снег противиться не мог
Весеннему огню.

Невинность:

Оступилась, ах, упала!
Закружился луг пестро..
Сладко радугу поймала
В золоченое ведро.

[1920]

429. АССИЗИ

Месяц молочный спустился так низко,
Словно рукой его можно достать.
Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?
Умбрия, мать задумчивых далей,
Ангелы лучшей страны не видали.

В говоре птичьем — высокие вести,
В небе разводы павлинья пера.
Верится вновь вечеровой невесте
Тень Благовещенья в те вечера.
Лепет легчайший — Господне веленье —
Льется в разнеженном благоволеньи.

На ночь ларьки запирают торговцы,
Сонно трубит с холма пастух,
Блея, бредут запыленные овцы,
Розовый час, золотея, потух.
Тонко и редко поет колокольня:
«В небе привольнее, в небе безбольней».

Сестры серебристые, быстрые реки,
В лодке зеленой сестрица луна,
Кто вас узнал, не забудет вовеки, —
Вечным томленьем душа полна.
Сердцу приснилось преддверие рая —
Родина всем умиленным вторая!

[1920]

430. РАВЕННА

Меж сосен сонная Равенна,
О, черный, золоченый сон!
Ты и блаженна, и нетленна,
Как византийский небосклон.
С вечерних гор далекий звон
Благовестит: «Благословенна!»

Зарница отшумевшей мощи,
Еле колеблемая медь,
Ты бережешь святые мощи,
Чтоб дольше, дольше не мертветь,
И ветер медлит прошуметь
В раздолиях прибрежной роши.

Изгнанница, открыла двери,
Дала изгнанникам приют,
И строфы Данте Алигьери
О славном времени поют,
Когда вились поверх кают
Аллегорические звери.

Восторженного патриота
Загробная вернет ли тень?
Забыта пестрая забота,
Лениво проплывает день,
На побледневшую ступень
Легла прозрачная дремота.

Не умерли, но жить устали,
И ждет умолкнувший амвон,
Что пробудившихся Италий
Завеет вещей аквилон,
И строго ступят из икон
Аполлинарий и Виталий.

Мою любовь, мои томленья
В тебе мне легче вспоминать,
Пусть глубже, глуше, что ни день я
В пучине должен утопать,—
К тебе, о золотая мать,
Прильну в минуту воскресенья!

[1920]

431. ИТАЛИЯ

Ворожея зыбей зеленых,
О первозданная краса,
В какую сеть твоя коса

Паломников влечет спасенных,
Вновь умиленных,
Вновь влюбленных
В твои былые чудеса?

Твой рокот заревой, сирена,
В янтарной рощи Гесперид
Вновь мореходам говорит:
«Забудьте, други, косность тлена.
Вдали от плена
Лепечет пена
И золото богов горит».

Ладья безвольная пристала
К костру неопалимых слав.
И пениться, струя, устав,
У ног богини замолчала.
Легко и ало
Вонзилось жало
Твоих пленительных отрав.

Ежеминутно умирая,
Увижу ль, беглый Арион,
Твой важный и воздушный сон,
Италия, о мать вторая?
Внемлю я, тая,
Любовь святая,
Далеким зовам влажных лон.

Сомнамбулически застыли
Полуоткрытые глаза...
— Гудит подземная гроза
И крылья сердца глухо взвыли,—
И вдруг: не ты ли?
В лазурной пыли —
Отяжеленная лоза.

[1920]

VII. СНЫ

432. АДАМ

Я. Н. Блоху

В осеннем кабинете
Так пусто и бедно,
И, радужно на свете
Дробясь, горит окно.
Под колпаком стеклянным
Игрушка там видна:
За ограждением странным
Мужчина и жена.
У них есть ручки, ножки,
Сосочки на груди,
Вокруг летают мошки,
Дубочек посреди.
Выводит свет, уводит
Пигмейская заря,
И голый франтик ходит
С осанкою царя.
Жена льняные косы,
Что куколка, плетет,
А бабочки и осы
Танцуют хоровод.
Из-за опушки козы
Подходят, не страшась,
И маленькие розы
Румяно вяжут вязь.
Тут, опершись на кочку,
Устало муж прилег,
А на стволе дубочка
Пред дамой — червячок.
Их разговор не слышен,
Но жар у ней в глазах,—
Вдруг золотист и пышен
Кружится плод в руках.
Готова на уступки...
Как любопытен вкус!

Блеснули мелко зубки...
О, кожицы надкус!
Колбля звонко колбу,
Как пузырек рекой,
Адам ударил по лбу
Малюсенькой рукой!
— Ах, Ева, Ева, Ева!
О, искуситель змей!
Страшись Иеговы гнева,
Из фиги фартук шей! —
Шипящим тут зигзагом
Вдруг фосфор взлиловел...
И расчертился магом
Очерченный предел.
Синё плывут осколки,
Корежится листва...
От дыма книги, полки
Ты различишь едва...
Стеклом хрустелят стоны,
Как стон, хрустит стекло...
Всё — небо, эмбрионы
Канавкой утекло.
По-прежнему червонцем
Играет край багет,
Пылится острым солнцем
Осенний кабинет.
Духами нежно веет
Невысохший флакон...
Вдали хрустально реет
Протяжный, тонкий стон.
О, маленькие душики!
А мы, а мы, а мы?!
Летучие игрушки
Непробужденной тьмы.

[1920]

433. ОЗЕРО

Е. И. Блок

В душе журавлино просто,
Чаша налита молоком сверх меры...

Вдоль плоских полотниц реки
Ломко стоят тростники
Выше лошадиного роста,
Шурша, как из бус портьеры.
Месяц (всегда этот месяц!) повис
Рожками вниз,
Как таинственный мага брелок...
Всё кажется, где-то караулит, — лежит
(В траве, за стволами раки?)
Стрелок.
Подхожу к самой воде...
Это — длинное озеро, не река. —
Розовые, голубые лужицы.
Ястреб медленно кружится,
И лоб трет рука:
«Где, где?»
Лодка, привязанная слабо,
Тихонько скрипит ключинами.
Птицы улетели в гнезда.
Одинок свирелит жаба.
Милыми глазами замученными
Лиловеют звезды.
Кажется, никогда не пропоет почтовый рожок,
Никогда не поднимется пыль,
Мимо никакой не лежит дороги.
И болотный лужок
Ничьи не топтали ноги.
Прозрачный, фиалковый сон,
Жидкого фосфора мреянье,
Веянье
Невечернего света
Топит зарей небосклон.
Тростник всё реже,
Всё ниже.
Где же, где же
Я всё это видел?

Журавлино в сердце просто,
Мысли так покорно кротки,
Преодо мной стоит подросток
В голубой косоворотке.

Высоко застегнут ворот,
И худые ноги босы...
Сон мой сладостно распорот
Взглядом глаз его раскосых.

За покатыми плечами
Золоченый самострел,
Неуместными речами
Дух смущаться не посмел.
Молча на него смотрел,
А закат едва горел
За озерными холмами.

Наконец,
Будто не он,
А воздух
Звонким альтом
Колебясь побежал:
«Червонный чернец
Ответа ждал
О том,
Где венец,
Где отдых?
Я — встречный отрок,
Меня не минуешь,
Но не здесь, а там
Всё узнаешь
О чуде,
О том, где обетный край».
Я молчал,
Всё молчало
При лиловой звезде,
Но сердце дрожало:
«Где?»
Косил, косил
Неподвижно зеленым глазом...
— Там живут блаженные люди! —
И указал
(Вдруг такую желанною,
Что только бы ее целовать,
Целовать и плакать)

Рукою
На еле освещенный зарею
На далеком холме
Красный, кирпичный сарай.
1920

434. ПЕЩНОЙ ОТРОК

Дай вспомнить, Боже! научи
Узреть нетленными очами,
Как отрок в огненной печи
Цветет аврорными лучами.
Эфир дрожащий, что роса,
Повис воронкою воздушной,
И ангельские голоса
В душе свиваются послушной.
Пади, Ваал! пади, Ваал!
Расплавленную медью тресни!
Лугов прохладных я искал,
Но жгучий лут — еще прелестней.
Огонь мой пламенную печь
В озерную остудит влагу.
На уголья велишь мне лечь —
На розы росные возлягу.
Чем гуще дымы — легче дух,
Оковы — призрачны и лживы.
И рухнет идол, слеп и глух,
А отроки пещные живы.
1921

435. РОЖДЕНИЕ ЭРОСА

О. Н. Арбениной

Пурпуровые паруса
Курчаво стали в сизых тучах,
И бирюзово полоса
Тускнеет на зеленых кручах,
В тяжелых островах пловучих
Зеркально млеют небеса.

Предлунная в траве роса
Туманит струи вод текучих.

Поет таинственно звезда
Над влажным следом каравана,
Ложится важно борода
На сумеречный блеск кафтана,
Дыханье дальнего ливана
Несет угасшая вода,
Полумерцающая иногда
Восточным сотом Гюлистана.

Кофейноокий эфиоп
В дуге дикарской самострела,
Склонив к кормилу плоский лоб,
К неизвестному ведет пределу.
Крестом искривленное тело,
Стройней гигантских антилоп,
Заране видя тщетным гроб,
Пророчески окаменело.

Загадочно в витом браслете
Смутлеет тусклый амулет.
(Кто этот юноша, кто третий?)
Шестнадцать ли жасминных лет
Оставили весенний след
В полете медленных столетий?
Предмет влюбленных междометий,
Смущенный выслушай привет.

Какая спутница, какая,
Тяжелый ладан рассекая,
Лазурно-острыми лучами,
Как бы нездешними мечами,
Из запредельных сонных стран
Ведет пловучий караван?

Линцей, Линцей!
Глаза — цепи!
Не в ту сто-
рону цель

взор.
Пусто...
Синие степи...
Корабель-
щики всей
шири,
четыре
стороны горизонта
соединяет понта
простор!
Остри зренье,
жмурь, жмурь
веки! —
(Зрачок — лгун)
ни бурь,
ни лагун,
ни зарева
(виденье, виденье,
зачем тебе реки?)
не надо видеть, —
всё — марево!
Чу, — пенье!
Медвяный сирен глас!
Круги пошли в сердце...
Смотри,
слухом прозревший!
Настал час...
Тише, тише
Чудо рожденье!

Медвяный сирен глас:

Чудо рожденье! заря розовеет,
В хаосе близко дыханье Творца,
Жидкий янтарь, золотея, густеет,
Смирной прохладною благостно веет
Роза венца!
Эрос!

Слезы стекают священного воска,
Чадно курится святой фитиль,
Затрепетала от ветра березка,
Падает храмина плавно и плоско,
Вспенилась пыль.

Эрос!

Лоно зеленое пламенно взрыто,
Вихрем спускается на море рай,
Радужной влагой рожденье повито,
О белоногая, о Афродита,
Сладостно тай!

Эрос!

Скок высокий, Эрос, Эрос!
Пляс стеклянный, райский скок!
Отрок вечный, Эрос, Эрос,
Лёт божественный высок!
В розе, в радуге рожденье,
В пене брызг плескучий рай,
В вещий час уединенья,
Гость весенний, заиграй.
По сердцам, едва касаясь,
Ты летишь, летишь, летишь!
И, свиваясь, развиваясь,
Голубую взрежешь тишь.
Все наяды, ореады
И дриады вслед тебе,
Не обманчивы отрады,
Розы брошены судьбе.
Танец водит караваны,
Хороводит хор планет.
Как цветут святые раны!
Смерть от бога — слаще нет!
Эрос, всех богов юнейший
И старейший всех богов,
Эрос, ты — коваль нежнейший,
Раскователь всех оков.

Отрок, прежде века рожденный,
ныне рождается!

Отрок, прежде хаоса зачатый,
зачинается!
Всё, что конченным снилось до века,
век не кончается!

1920

ПАРАБОЛЫ

Стихотворения 1921—1922

І. СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

436

Косые соответствия
В пространство бросить
Зеркальных сфер,—
Безумные параболы,
Звоня, взвивают
Побег стеблей.

Зодиакальным племенем
Поля пылают,
Кипит эфир,
Но все пересечения
Чертеж выводят
Недвижных букв

Имени твоего!

[1922]

437

Как девушки о женихах мечтают,
Мы об искусстве говорим с тобой.
О, журавлей таинственная стая!
Живых полетов стройный перебой!

Обручена Христу Екатерина,
И бьется в двух сердцах душа одна.
От щек румянец ветренный отхлынет,
И загораются глаза до дна.

Крылато сбивчивое лепетанье,
Почти невысказанное «люблю».

465

Какое же влюбленное свиданье
С такими вечерами я сравню!

1921

438

Невнятен смысл твоих велений:
Молиться ль, проклинать, бороться ли
Велишь мне, непонятный гений?
Родник скудеет, скуп и мал,
И скороход Беноццо Гоццоли
В дремучих дебрях задремал.

Холмы темны медяной тучей.
Смотри: я стройных струн не трогаю.
Твой взор, пророчески летучий,
Закрывает крылатых струй не льет,
Не манит майскою дорогою
Опережать Гермесов лёт.

Не ржут стреноженные кони,
Раскинулись, дряхлая, воины...
Держи отверстыми ладони!
Красна воскресная весна,
Но рощи тьмы не удостоены
Взыграть, воспрянув ото сна.

Жених не назначает часа,
Не соблазняйся промедлением,
Лови чрез лед призывы гласа.
Елеем напоен твой лен,
И, распротясь с ленивым мнением,
Воскреснешь, волен и влюблен.

1921

439

Легче пламени, молока нежней,
Румянцем зари рдяно играя,
Отрок ринется с золотых сеней.
Раскаты в кудрях раева грая.

466

Мудрый мужеством, слепотой стрелец,
Когда ты без крыл в горницу внидешь,
Бельма падают, замерзал венец,
Земли неземной зелени видишь.

В шуме вихревом, в осияньи лат —
Всё тот же гонец воли вельможной!
Память пазухи! Откровений клад!
Плывите, дымы прихоти ложной!

Царь венчается, вспоминает гость,
Пришлец опочил, строятся кущи!
Всесожжение! возликует кость,
А кровь всё поет глуше и гуще.

Декабрь 1921

440. ИСКУССТВО

Туман и майскую росу
Сберу я в плотные полотна.
Закупорив в сосудец плотно,
До света в дом свой отнесу.
Созвездья благостно горят,
Указанные в Зодиаке,
Планеты заключают браки,
Оберегая мой обряд.
Вот жизни горькой и живой
Истлевшее беру растение.
Клокочет вещее кипенье...
Пылай, союзник огневой!
Всё, что от смерти, ляг на дно.
(В колодце ль видны звезды, в небе ль?)
Былой лозы прозрачный стебель
Мне снова вывести дано.
Кора и розоватый цвет —
Всё восстановлено из праха.
Кто тленного не знает страха,
Тому уничтоженья нет.
Промчится ль ветра буйный конь —
Верхушки легкой не качает.

Весна нездешняя венчает
Главу, коль жив святой огонь.

Май 1921

441. МУЗА

В глухие воды бросив невод,
Под вещей лепет темных лип,
Глядит задумчивая дева
На чешую волшебных рыб.

То в упоении зверином
Свивают алые хвосты,
То выплывут аквамарином,
Легки, прозрачны и просты.

Восторженно не разумея
Плодов запечатленных вод,
Всё ждет, что голова Орфея
Златистой розою всплывет.

Февраль 1922

442

В раскосый блеск зеркал забросив сети,
Склонился я к заре зеленоватой,
Слежу узор едва заметной зыби,—
Лунатик золотеющих озер!
Как кровь сочится под целебной ватой,
Яснеет отрок на гранитной глыбе,
И мглой истомною в медвяном лете
Пророчески подернут сизый взор.

Живи, Недвижный! затрепещут веки,
К ладоням нежным жадно припадаю,
Томление любви неуголимой
Небесный спутник мой да утолит.
Не вспоминаю я и не гадаю,—
Полет мгновений, легкий и любимый,
Вдруг останавливаешь ты навеки
Роскошеством юнеющих ланит.

Апрель 1922

Тебя я обнимаю —
 И радуга к реке,
 И облака пылают
 На Божеской руке.
 Смеешься — дождь на солнце,
 Росится резеда,
 Ресницею лукавит
 Лиловая звезда.
 Расколотой кометой
 Фиглярит Фигаро.
 Таинственно и внятно
 Моцартово Таро.
 Летейское блаженство
 В тромбонах сладко спит,
 Скрипичным перелеском
 Звенит смолистый скит.
 Какие бросит тени
 В пространство милый взгляд?
 Не знаешь? и не надо
 Смотреть, мой друг, назад.
 Чье сердце засияло
 На синем, синем Si?
 Задумчиво внимает
 Небывший Дебюсси.
 Май 1922

О. А. Глебовой-Сугейкиной

«А это — хулиганская», — сказала
 Приятельница милая, стараясь
 Ослабленному голосу придать
 Весь дикий романтизм полночных рек,
 Всё удалство, любовь и безнадежность,
 Весь горький хмель трагических свиданий.
 И дальний клекот слушали, потупясь,
 Тут романист, поэт и композитор,
 А тюлевая ночь в окне дремала,
 И было тихо, как в монастыре.

«Мы на лодочке катались...
Вспомни, что было!
Не гребли, а целовались...
Наверно, забыла».

Три дня ходил я вне себя,
Тоскуя, плача и любя,
И, наконец, четвертый день
Знакомую принес мне лень,
Предчувствие иных дремот,
Дыхание иных высот.
И думал я: «Взволненный стих,
Пронзив меня, пронзит других,—
Пронзив других, спасет меня,
Тоску покоем заменя».

И я решил,
Мне было подсказано:
Взять старую географию России
И перечислить
(Всякий перечень гипнотизирует
И уносит воображение в необъятное)
Все губернии, города,
Села и веси,
Какими сохранила их
Русская память.
Костромская, Ярославская,
Нижегородская, Казанская,
Владимирская, Московская,
Смоленская, Псковская.

Вдруг остановка,
Провинциально роковая поза
И набекрень нашлепнутый картуз.
«Вспомни, что было!»
Все вспомнят, даже те, которым помнить-
То нечего, начнут вздыхать неволью,
Что не живет для них воспоминанье.

Второй волною
Перечислить

Второй волною
Перечислить
Хотелось мне угодников
И местные святыни,
Каких изображают
На старых образах,
Двумя, тремя и четырьмя рядами.
 Молебные руки,
 Очи горé,—
 Китежа звуки
 В зимней заре.

Печора, Кремль, леса и Соловки,
И Коневец Корельский, синий Саров,
Дрозды, лисицы, отроки, князья,
И только русская юродивых семья,
И деревенский круг богомолений.

Когда же ослабнет
Этот прилив,
Плывет неистоцимо
Другой, запретный,
Без крестных ходов,
Без колоколов,
Без патриархов...

Дымятся срубы, тундры без дорог,
До Выга не добратся полицейским.
Подпольники, хлысты и бегуны
И в дальних плавнях заживо могилы.
Отверженная, пресвятая рать
Свободного и Божеского Духа!

И этот рой поблэк,
И этот пропал,
Но еще далек
Девятый вал.
Как будет страшен,
О, как велик,
Средь голых пашен
Новый родник!

Опять остановка,
И заманчиво,
Со всею прелестью
Прежнего счастья,
Казалось бы, невозвратного,
Но и лично, и обще,
И духовно, и житейски,
В надежде неискоренимой
Возвратимого —
Наверно, забыла?

Господи, разве возможно?
Сердце, ум,
Руки, ноги,
Губы, глаза,
Всё существо
Закричит:
«Аще забуду Тебя?»

И тогда
(Неожиданно и смело)
Преподнести
Страницы из «Всего Петербурга»,
Хотя бы за 1913 год,—
Торговые дома,
Оптовые особенно:
Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни,—
Какое-то библейское изобилие,—
Где это?
Мучная биржа,
Сало, лес, веревки, ворвань...
Еще, еще поддать...
Ярмарки... там
В Нижнем, контракты, другие...
Пароходства... Волга!
Подумайте, Волга!
Где не только (поверьте)
И есть,

Что Стенькин утес.
И этим
Самым житейским,
Но и самым близким
До конца растерзав,
Кончить вдруг лирически
Обрывками русского быта
И русской природы:
Яблочные сады, шубка, луга,
Пчельник, серые широкие глаза,
Оттепель, санки, отцовский дом,
Березовые рощи да покосы кругом.

Так будет хорошо.

Как бусы, нанизать на нить
И слушателей тем пронзить.
Но вышло всё совсем не так,—
И сам попался я впросак.
И яд мне оказался нов
Моих же выдумок и слов.
Стал вспоминать я, например,
Что были вёсны, был Альбер,
Что жизнь была на жизнь похожа,
Что были Вы и я моложе,
Теперь же все мечты бесцельны,
А песенка живет отдельно,
И, верно, плоховат поэт,
Коль со стихами сладу нет.

1922

445

А. Рагловой

Серым тянутся тени роем,
В дверь стучат нежеланно гости,
Шепчут: «Плотью какой покроем
Мы прозрачные наши кости?
В вихре бледном — темно и глухо,
Вздрыгнут трупы при трубном зове...

473

Кто вдохнет в нас дыханье духа?
Кто нагонит горячей крови?»

Вот кровь; — она моя и настоящая!
И семья, и любовь — они не призрачны.
Безглазое я вам дарую зрение
И жизнь живую и неистощимую.
Слепое племя, вам дано приблизиться,
Давно истлевшие и нерожденные,
Идите, даже не существовавшие,
Без родины, без века, без названия.
Все страны, все года,
Мужчины, женщины,
Старцы и дети,
Прославленные и неизвестные,
Македонский герой,
Гимназист, даже не застрелившийся,
Люди с метриками,
С прочным местом на кладбище,
И легкие эмбрионы,
Причудливая мозговых частиц
Поросль...
И русский мальчик,
Что в Угличе зарезан,
Ты, Митенька,
Живи, расти и бегай!

Выпейте священной крови!
Новый «Живоносный Источник» — сердце,
Живое, не метафорическое сердце,
По всем законам Божьей анатомии созданное,
Каждым ударом свой конец приближающее,

Дающее,
Берущее,
Пьющее,
Напоющее,
Жертва и жертвоприноситец,
Умиравший воскреситель,

Чуда чудотворец чающий,
Таинственное, божественное,
Слабое, родное, простейшее
Сердце!

Июнь 1922

446. КОЛОДЕЦ

В степи ковылиной
Забыты истоки,
Томится малиной
Напрасно закат.

В бесплодных покосах
Забродит ребенок,
Ореховый посох
Прострет, златоокий,—
Ручьется уж тонок
Живительный клад.

Клокочет глубоко
И пенье, и плески,—
В живом перелеске
Апрельский раскат.

И чудесней Божьих молний,
Сухую грудь мнимых неродниц
Подземным молоком полнит
Любви артезианский колодец.

Май 1922

447

Шелестом желтого шелка,
Венерина аниса (медь — ей металл) волною,
искрой розоватой,
радужным колесом,
двойника поступью,
арф бурными струнами,
ласковым,

словно телефонной вуалью пониженным,
голосом,
синей в спине льдиной
(«пить! пить!» пилит)
твоими глазами,
янтарным на солнце пропеллером
и розой (не забуду!) розой!
реет,
мечется,
шепчет,
пророчит,
неуловимая,
слепая...
Сплю, ем,
хожу, целую...
ни времени,
ни дня,
ни часа
(разве ты — зубной врач?)
неизвестно.
Муза, муза!
Золотое перо
(не фазанье, видишь, не фазанье)
обронено.

Раздробленное — один лишь Бог цел!
Безумное — отъемлет ум Дух!
Непонятное — летучий Сфинкс — взор!
Целительное — зеркальных сфер звук!

Муза! Муза!

— Я — не муза, я — орешина,
Посошок я вещий, отрочий.
Я и днем, и легкой полночью
К золотой ладье привешена.

Медоносной вьюсь я мушкой,
Пеленой стелюсь я снежною.
И не кличь летунью нежную
Ни женой ты, ни подружкой.

Обернись — и я соседкою.
Любишь? сердце сладко плавится,
И плывет, ликует, славится,
Распротысь с постылой клеткою.
Май 1922

448

Поля, попольщица, поли!
Дева, полотнища полощи!
Изида, Озириса ищи!
Пламень, плевелы пепели!
Ты, мельница, стучи, стучи,—
Перемели в муку мечи!

Жница ли, подземная ль царица
В лунном Ниле собирает рожь?
У плотин пора остановиться,—
Руку затонувшую найдешь,
А плечо в другом поймаете месте,
Уши в третьем... Спину и бедро...
Но всего трудней найти невесте
Залежей живительных ядро.

Изида, Озириса ищи!
Дева, полотнища полощи!

Куски раздробленные вместе слагает
(Адонис, Адонис загробных высот!)
Душа-ворожея божественно знает,
Что медом наполнен оплаканный сот.
И бродит, и водит серебряным бреднем...
Все яви во сне мои, сны наяву!
Но сердце, Психея, найдешь ты последним,
И в грудь мою вложишь, и я оживу.

Пламень, плевелы пепели!
Поля, попольщица, поли!

В раздробленьи умирает,
Целым тело оживает...

477

Как Изида, ночью бродим,
По частям его находим,
Опаляем, омываем,
Сердце новое влагаем.

Ты, мельница, стучи, стучи,—
Перемели в муку мечи!

В теле умрет — живет!
Что не живет — живет!
Радужной сфер живет!
Зеркалом солнц живет!
Богом святым живет!
Плотью иной живет
Целостной жизни плод!

1922

II. ПЕСНИ О ДУШЕ

449

По черной радуге мушиного крыла
Бессмертье щедрое душа моя открыла.
Напрасно кружится немолчная пчела,—
От праздничных молитв меня не отучила.

Медлительно плыву от плавней влажных снов.
Родные пастбища впервые вижу снова,
И прежний ветерок пленителен и нов.
Сквозь сумрачный узор синё яснит основа.

В слезах расплавился злаченый небосклон,
Выздоровления не вычерпано лоно.
Средь небывалых рощ сияет Геликон
И нежной розой зорь аврорится икона!

1922

Вот барышня под белою березой,
 Не барышня, а панна золотая,—
 Бирюзовато тянет шелковинку.
 Но задремала, крестики считая,
 С колен скользнула на траву ширинка,
 Заголубела недошитой розой.

Заносчиво, как молодой гусарик,
 Что кунтушом в мазурке размахался,
 Нагой Амур широкими крылами
 В ленивом меде неба распластался,
 Остановясь, душа моя, над нами,—
 И по ресницам спящую ударил.

Как встрепенулась, как захлопотала!
 Шелка, шитье, ширинку — всё хватает,
 А в золотом зрачке зарделась слава,
 И пятки розоватые мелькают.
 И вдруг на полотне — пожар и травы,
 Корабль и конница, залив и залы.

Я думал: «Вышьешь о своем коханном!»
 Она в ответ: «Во всем — его дыханье!
 От ласки милого я пробудилась
 И принялась за Божье вышиванье,
 Но и во сне о нем же сердце билось —
 О мальчике минутном и желанном».

1921

Врезанные в песок заливы —
 кривы
 и плоски;
 с неба ускакала закатная конница,
 ивы,
 березки —
 тощи.
 Бежит, бежит, бежит

девочка вдоль рощи:
то наклонится,
то выгнется,
словно мяч бросаю;
треплется голубая
ленточка, дрожит,
а сама босая.
Глаза — птички,
на висках кисточкой румянец...
Померанец
желтеет в осеннем величьи...
Скоро ночь-схимница
махнет манатей на море,
совсем не античной.
Дело не в мраморе,
не в трубе зычной,
во вдовой пазухе,
материнской утробе,
теплой могиле.
Просили
обе:
внучка и бабушка
(она — добрая,
старая, всё знает)
зорьке ясной подождать,
до лесочка добежать,
но курочка-рябушка
улетела,
в лугах потемнело...
«Домой!» —
кричат за рекой.
Девочка всё бежит, бежит,
глупая.
Пробежала полсотни лет,
а конца нет.
Сердце еле бьется.
Наверху в темноте поется
сладко-пленительно,
утешительно:

— Тирли-тирлинда! я — Психея.
Тирли-то-то, тирли-то-то.
Я пестрых крыльев не имею,
но не поймал меня никто!
Тирли-то-то!

Полно бегать, мышонок мой!
Из-за реки уж кричат: «Домой!»

1921

452. ЛЮБОВЬ

Любовь, о подружка тела,
Ты жаворонком взлетела,
И благодна, и смела,
Что Божеская стрела.

Теперь только песня льется,
Всё вьется вокруг колодца.
Кто раз увидал Отца,
Тот радостен до конца.

Сонливые тени глуше...
Восторгом острятся уши,
И к телу летит душа,
Жасмином небес дыша.

1922

453. АРИАДНА

У платана тень прохладна,
Тесны терема князей,—
Ариадна, Ариадна,
Уплывает твой Тезей!

Лепесток летит миндальный,
Цепко крепнет деревцо.
Опускай покров венчальный
На зардевшее лицо!

Не жалея весны желанной,
Не гонись за пухом верб:
Всё ясней в заре туманной
Золотеет вещий серп.

Чередую плод за цветом,
Синий пурпур кружит вниз,—
И, увенчан вечным светом,
Ждет невесты Дионис.

1921

454

Стеклоянно сердце и стеклоянна грудь,
Звенят от каждого прикосновенья,
Но, строгий сторож, осторожен будь:
Подземная да не проступит муть
За это блещущее огражденье.

Сплетенье жил, теченье тайных вен,
Движение частиц, любовь и сила,
Прилив, отлив, таинственный обмен,—
Весь жалостный состав — благословен:
В нем наша суть искала и любила.

О звездах, облаке, траве, о вас
Гадаю из поющего колодца,
Но в сладостно-непоправимый час
К стеклу прихлынет сердце — и алмаз
Пронзительным сияньем разольется.

1922

III. МОРСКИЕ ИДИЛЛИИ

455. ЭЛЕГИЯ ТРИСТАНА

Седого моря соленый дух,
За мысом зеленый закат потух,
Тризной Тристану поет пастух —

482

О, сердце! Оле-олайе!
Ивы плакучей пух!

Родимая яблоня далека.
Розово спит чужая река...
Ни птицы, ни облака, ни ветерка...
О, сердце! Оле-олайе!
Где же твоя рука?

Угрюмый Курвенал умолк, поник,
Уныло булькает глохлый родник,
Когда же, когда же настанет миг —
О, сердце! Оле-олайе! —
Что увидим мы *transatlantiques*¹?
1921

456. СУМЕРКИ

Наполнен молоком опал,
Залиловел и пал бесславно,
И плачет вдаль с унылых скал
Кельтическая Ярославна.

Все лодки дремлют над водой,
Второй грядкою спят на небе.
И молится моряк седой
О ловле и насущном хлебе.

Колдунья гонит на луну
Волну смертельных вожделений.
*Grand Saint Michel, protège nous*²!
Сокрой от сонных наваждений!

Май 1922

¹ Трансатлантические (фр.) <пароходы>. — *Reg.*

² Пресвятой Михаил, защити нас! (фр.) — *Reg.*

457. БЕЗВЕТРИЕ

Эаозу иозэй!

Красильщик неба, голубей
Горшочек глиняный пролей
Ленивой ленте кораблей.

Эаозу иозэй!

О Солнце-столпник, пожалей:
Не лей клокочущий елей
Расплавленных тобой полей!

Эаозу иозэй!

Мне реи — вместо тополей,
От гребли губы всё белей
И мреет шелест голубей...

Эаозу иозэй!

Май 1922

458. КУПАНЬЕ

Конским потом,
Мужеским девством
Пахнет тело
Конников юных.
Масло дремлет
В локонах вольных.
Дрогнул дротик,
Звякнула сбруя.
Лаем лисьим
Лес огласился.
Спарта, Спарта!
Стены Латоны!

Песок змеится плоско,
А море далеко.

Купальная повозка
Маячит высоко.
На сереньком трико
Лиловая полоска.

Лаем лисьим
Лес огласился.

Английских спин аллея..
Как свист: «How do you do!»
Зарозовела шея
На легком холоду.
Пастух сопит в дуду,
Невольно хорошея.

Спарта, Спарта!
Стены Латоны!

Румяно руки всплыли,—
Султанский виноград —
Розовоцветной пыли
Разбился водопад,
О, мужественный сад
Возобновленной были!

Спарта, Спарта!

30 мая 1921

459. ЗВЕЗДА АФРОДИТЫ

О, Птоломея Филадельфа фарос,
Фантазии факелоносный знак,
Что тучный знак
Из златолаковых смарагдов моря
Возносится аврорной пыли парус
И мечет луч, с мечами неба споря.

И в радуго иных великолепий,
Сосцами ряби огражденный круг,
Волшебный плут

Вплетал и наше тайное скитанье,
Пурпурукудрый, смуглый виночерпий
Сулил магическое созиданье.
Задумчиво плыли
По сонному лону
К пологому склону
Зеленых небес.
Назло Аквилону
О буре забыли
У розовой пыли
Зардевших чудес.

Растоплено время,
На западе светел —
Далек еще петел —
Пророческий час...
Никто не ответил,
Но вещее семя,
Летучее бремя
Спустилось на нас.

К волне наклонился...
Упали ветрила,
Качались светила
В стоячей воде.
В примории Нила
Священно омылся,
Нездешне томился
К вечерней звезде.

И лицо твое я помню,
И легко теперь узнаю
Пепел стынувший пробора
И фиалки вешних глаз.
В медном блеске парохода,
В винтовом движеньи лестниц,
В реве утренней сирены
Слышу ту же тишину.
Ангел служит при буфете,
Но в оранжевой полоске
Виден быстрый нежный тóрок

У послушливых ушей.
Наклонился мальчик за борт —
И зеленое сиянье
На лицо ему плеснуло,
Словно вспомнил старый Нил.
Эта смелая усмешка,
Эти розовые губы,
Окрыленная походка
И знакомые глаза!
Где же море? где же фарос?
Океанский пароходик?
Ты сидишь со мною рядом,
И не едем никуда,
Но похоже, так похоже!
И поет воспоминанье,
Что по-прежнему колдует
Афродитина звезда.

1921

IV. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ

Юр. Юркуну

460. ПРИГЛАШЕНИЕ

Понежилось солнце на розовом кресле,
Перебралось на кровать.
Хоть вы и похожи порою на Бердсли,
Всё же пора вставать.

В Бедекере ясно советы прочтете:
Всякий собравшийся в путь,
С тяжелой поклажей оставь все заботы,
Леность и грусть забудь.

Весеннего утра веселый глашатай
Трубит в почтовый рожок:
«Поспеете ночью поспать на кровати,
Розу мой луч зажег».

Май 1921

461. УТРО ВО ФЛОРЕНЦИИ

От San Michele,
Мимоз гора!
К беспечной цели
Ведет игра.
Веточку, только веточку
В петлицу вдень —
Проходишь весело
С ней целый день.
В большой столовой
Звенит хрусталь,
Улыбки новой
Сладка печаль!
Какой-то особенный,
Легкий миг:
Блестят соломенно
Обложки книг.
В каком апреле
Проснулись мы?
На самом деле
Нет тюрьмы?
Свежо и приторно...
Одеколон?
Тележка подана,
Открой балкон!
Апрель 1921

462. РОДИНА ВЕРГИЛИЯ

Медительного Минчо к Мантуе
Зеленые завидя заводи,
Влюбленное замедлим странствие,
Магически вздохнув: «Веди!»

Молочный пар ползет болотисто,
Воле лежат на влажных пастбищах,
В густые травы сладко броситься,
Иного счастья не ища!

Голубок рокоты унылые,
Жужжанье запоздалых пчельников,
И проплывает тень Вергилия,
Как белый облак вдалеке.

Лети, лети! Другим водителем
Ведемся, набожные странники:
Ведь ад воочию мы видели,
И нам геенна не страшна.

Мы миновали и чистилище —
Венера в небе верно светится,
И воздух розами очистился
К веселой утренней весне.

Апрель 1921

463. ПОЕЗДКА В АССИЗИ

Воздух свеж и волен после
Разморительных простынь...
Довезет веселый ослик
До высоких до святынь.

Осторожным вьемся ходом,
Город мелок и глубок.
Плечи пахнут теплым медом,
Выплывая на припек.

По траве роса живая,
И пичуг нагорных писк —
Славил вас, благословляя,
Брат младенческий Франциск.

За лозовыми стеблями
Облупившийся забор.
Остановка, сыр, салями,
Деревенский разговор.

Небо, ласточки, листочки!
Мелкий треск звенит кругом.
И топазовые точки
В сером галстухе твоём.

Дома сладко и счастливо
Ляжем и потушим свет,
Выполнив благочестивый
И любовный наш обет.

Апрель 1921

464. КОЛИЗЕЙ

Лунный свет на Колизее
Видеть (стоит una lira)
Хорошо для forestieri¹
И скитающихся мисс.
Озверелые затеи
Театральнейшего мира
Помогли гонимой вере
Рай свести на землю вниз.

Мы живем не как туристы,
Как лентяи и поэты,
Не скупясь и не считая,
Ночь за ночью, день за днем.
Под окном левкой душистый,
Камни за день разогреты,
Умирает, истекая,
Позабытый водоем.

1921

465. ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЛУНА

Вожделенья полнолуний,
Дездемонины светлица...

¹ Туристов (ит.).— *Рег.*

И протяжно, и влюбленно
Дух лимонный вдоль лагун...

Заигралась зеркалами
Полусонная царевна,
Лунных зайчиков пускает
На зардевшее стекло.

Словно Дандоло, я славен
Под навесом погребальным.
О, лазоревые плечи!
О, лаванда в волосах!

Не смеемся, только дышим,
Обнимаем да целуем...
Каждый лодочник у лодки
В эту ночь — Эндимион.

1921

466. КАТАКОМБЫ

Пурпурные трауры ирисов приторно ранят,
И медленно веянье млеет столетнего тлена,
Тоскуют к летейскому озеру белые лани,
Покинула, плачет на отмели дальней сирена.

О via Appia! О, via Appia!
Блаженный мученик, святой Калликст!
Какой прозрачною и легкой памятью,
Как мед растопленный, душа хранит.
О via Appia! О, via Appia!
Тебе привет!

Младенчески тени заслушались пенья Орфея.
Иона под ивой всё помнит китовые недра.
Но на плечи Пастырь овцу возлагает, жалея,
И благостен круглый закат за верхушкою кедра.

О via Appia! О, via Appia!
О, душ пристанище! могильный путь!
Твоим оплаканным, прелестным пастбищем

Ты нам расплавила скупую грудь,
O via Arria! O, via Arria! —
Любя, вздохнуть.

1921

V. ПЛАМЕНЬ ФЕДРЫ

467. ПЛАМЕНЬ ФЕДРЫ

Палючий заразу ветер несет,
Стекает лава с раскаленных высот,
Смертельные открылись ключи,
Витая труба
Хрипит
Древний рассказ.
Глаз
Мечи
Сквозь страстных туч
Лиловым
(Каким известным и каким новым!)
Блеском спелят
(Критской Киприды яд
Могуч!).
Сердце!
Шелковых горлиц борьба
Глухо спит.

Уймись, Сердце!
Вспомни высокий дом!
Пафии голубь,
Не мути Иордана
Сизым крылом!

Златопоясная Критянка
В синеве тоскующей кедра,
Алчная ветра нагорного,
Предсмертно томится
Злополучная Федра
(Не подземная ли царица?),
Как ядом полная склянка.

Опустились лиловые веки,
Рукам грузны запястья.
Сжигают рыжие косы,
Покрывал пена
Тяжкá страсти!
(Измена! Измена!)
Не сойдут медвяные росы
На перси вовеки!

Сожженной сестра Семелы,
Род и кровь Пасифаи,
Чудищ зачатъе,
Конника зря Иполита,
Дианины грозы зная,
Неистовым духом повито,
В пустом объятьи
Безумствует тело.

Кто прокричал: «Безумье»?!
Сахары дыханье,
Пахнув, велело
Запыхавшейся Эхо
Прохрипеть на «любовь» — «смерть».
Глухие волны глухому небу
Урчали: «Безумье!»

Душа моя, душа моя!

Утром рано ты вставала,
Умывалась и молилась,
И за дело принималась,
Не томясь и не грустя.
Рай в земле ты узнавала.
Как небес высоких милость,
Веселила тебя малость,
Словно малое дитя.

И младенчески ты знала,
Что всему свое довлеет
И сплетается согласно
Дней летучих хоровод,

Что весной снега играют,
Летом ягода алеет,
Что в плоде осенне-красном
Спеет Богу зрелый год.

Крылатая свирель поет!

Небесный узор,
Земная ткань.
Забудь укор,
Человеком встань!

Крылатая свирель поет!

Кто прокричал: «Безумье»?!

Подними лиловые веки, Федре!
Взгляни на круглое солнце, Федре!
Печени моей не томи, Федре!

Безумная царица, знаешь,
Что отражаешь
Искривленным зеркалом?
Что исковеркало
Златокосмого бога образ?

Солнце — любовь!!

Любовью зиждется мир.
Любящий, любовь и любимый —
Святая Троица!
Она созидает,
Греет и освещает,
Святит и благословляет,
Но собери самовольно
Лучи в магический фокус
Страсти зеркала,—
И палящую кару,
Гибель Икара,
Пожар Гоморры
Получишь в оплату!
Горе! Горе!

Зачем же тусклый и тягостный облак
Застилает и мои глаза?
Гроза
Гудит в беспросветных недрах:
Федра! Федра! Федра!

Узкобедрый отрок,
Бодрый хранитель,
Может быть, Вилли Хьюз,
Гонец крылатый,
Флорентийский гость,
Где ты летаешь,
Забыв наш союз,
Что не отгонишь
Веянья чумного
Древних родин?
Ты — бесплодный,
Ты — плодоносный,
Сеятель мира,
Отец созданий,
По которым томятся сонеты Шекспира.

Покой твой убран,
Вымыт и выметен,
Свеча горит,
Стол накрыт.
— Любящий, любовь и любимый —
Святая Троица,
Посети нас,
И ветер безумной Федры
Да обратится
В Пятидесятницы вихрь вещей!

Май 1921

VI. ВОКРУГ

468

Любовь чужая зацвела
Под новогоднюю звездою,—
И всё ж она почти мила,
Так тесно жизнь ее сплела
С моей чудесною судьбою.

Достатка нет — и ты скупец,
Избыток — щедр и простодушен.
С юницей любитя юнец,
Но невещественный дворец
Любовью этой не разрушен.

Пришелица, войди в наш дом!
Не бойся, снежная Психея!
Обитель и тебе найдем,
И станет полный водоем
Еще полней, еще нежнее.

1921

469. А. Д. РАДЛОВОЙ

Как птица, закликать и биться
Твой дух строптивый не устал.
Всё золотая воля снится
В неверном отблеске зеркал.

Свои глаза дала толпе ты
И сердце — топоту копыт,
Но заклинанья уж пропеты
И вещей знак твой не отмыт.

Бестрепетно открыты жилы,
Густая кровь течет, красна.
Сама себя заморозила
Твоя «Вселенская весна».

Апрель 1921

Если будешь, странник, в Берлине,
у дорогих моему сердцу немцев,
где были Гофман, Моцарт и Ходовецкий
(и Гете, Гете, конечно),—
кланяйся домам и прохожим,
и старым, чопорным липкам,
и окрестным плоским равнинам.
Там, наверно, всё по-другому,—
не узнал бы, если б поехал,
но я знаю, что в Шарлоттенбурге,
на какой-то, какой-то штрассе,
живет белокурая Тамара
с мамой, сестрой и братом.
Позвони не очень громко,
чтоб она к тебе навстречу вышла
и состроила милую гримаску.
Расскажи ей, что мы живы, здоровы,
часто ее вспоминаем,
не умерли, а даже закалились,
скоро совсем попадем в святые,
что не пили, не ели, не обувались,
духовными словесами питались,
что бедны мы (но это не новость:
какое же у воробьев именье?),
занялись замечательной торговлей:
всё продаем и ничего не покупаем,
смотрим на весеннее небо
и думаем о друзьях далеких.
Устало ли наше сердце,
ослабели ли наши руки,
пусть судят по новым книгам,
которые когда-нибудь выйдут.
Говори не очень пространно,
чтобы, слушая, она не заскучала.
Но если ты поедешь дальше
и встретишь другую Тамару —
вздروгни, вздрогни, странник,
и закрой лицо свое руками,
чтобы тебе не умереть на месте,

слыша голос незабываемо крылатый,
следуя за движеньями вещей Жар-Птицы,
смотря на темное, летучее солнце.

Май 1922

471. РОЖДЕСТВО

Без мук Младенец был рожден,
А мы рождаемся в мученьях,
Но дрогнет вещий небосклон,
Узнав о новых песнопеньях.

Не сладкий глас, а ярый крик
Прорежет темную утробу:
Слепой зародыш не привык,
Что путь его подобен гробу.

И не восточная звезда
Взвилась кровавым метеором,
Но впечатлелась навсегда
Она преображенным взором.

Что дремлешь, ворожейный дух?
Мы потаённы, сиры, наги...
Надвинув на глаза треух,
Бредут невиданные маги.

Декабрь 1921

472. ЗЕЛЕНАЯ ПТИЧКА

В ком жив полет влюбленный,
Крылато сердце бьется,
Тех птичкою зеленой
Колдует Карло Гоцци.
В поверхности зеркальной
Пропал луны топаз,
И веется рассказ
Завесой театральной.

Синьоры, синьорины,
Места скорей займите!
Волшебные картины
Внимательней смотрите!
Высокие примеры
И флейт воздушный звук
Перенесут вас вдруг
В страну чудесной веры,

Где статуи смеются
Средь королей бубновых,
Подкидыши найдутся
Для приключений новых...
При шелковом шипеньи
Танцующей воды
Певучие плоды
Приводят в удивленья.

За розовым плюмажем
Рассыпалась ракета.
Без масок мы покажем
Актера и поэта,
И вскроем осторожно
Мечтаний механизм,
Сиявший романтизм
Зажечь опять возможно.

И сказки сладко снятся
Эрнеста Амедея...
Родятся и роятся
Затея из затей...
Фантазия обута:
Сапог ей кот принес...
И вдруг мелькнет твой нос,
О, Доктор Дапертутто!

473—475. АНГЛИЙСКИЕ КАРТИНКИ

(Сонатина)

а) ОСЕНЬ

Бери, Броун! бритвой, Броун, бряк!
Охрипый флейтист бульк из фляг.
Бетси боится бегать в лес.
В кожаной куртке курит Уэлс.

Стонет Томми на скрипке.
Облетели липки...
Простите, прогулки!
Простите, улыбки!
В неметеном дому
Шаги — гулки,
Спущен флаг...
К чему?

Джин, Броун! Джигу, Броун! У дров дремать.
Постным блином поминать покойную мать.
Что нам до Уэлса, что до Бетси?
Будет пора дома насидеться.
В смятых шляпках торчат ромашки,
По площади плоско пляшут бумажки...
Бодришь, Броун, Бомбейский князь!
Не грянь в грязь.
Фонарь... Что такое фонарь?
Виски, в висок ударь!
Ну!

«Пташечки в рощице славят согласно
Всё, что у Пегги приятной прекрасно!»

Морской черт,
Не будь горд!
Я самому лорду
Готов дать в морду.

«Лишь только лен, мой лен замнут,
Слезы из глаз моих побегут».

б) именины

Алисы именины,
Крыжовенный пирог,
В гостиной — пол-куртины,
Кухарка сбилась с ног.
Саженный мореходец
Краснеет до рыжа.
Ну-ну, какой народец:
Зарежет без ножа!
Бульдог свирепо скачет
И рвется из окна.
Хозяйка чуть не плачет,
Соседка смущена.
— Нелепо в Пикадили
Болтаться целый день.
«Зачем не приходили
Вчера вы под сирень?»
— Алисин нынче праздник,—
Кладите потроха!
«Хоть вы большой проказник,
Но я вас... ха, ха, ха!»
Ах, вишни, вишни, вишни
На блюдах и в саду.
— Я, может быть, здесь лишний,
Так я тогда уйду.
— О нет! — ликують ушки.
Веселый взгляд какой!
И поправляет рюшки
Смеющейся рукой.

в) возвращение

Часы буркнули «бом!»
Попугай в углу «каково!»
Бабушка охнула «Джо!»
И упала со стула.

Малый влетел, как шквал,
Собаку к куртке прижал,
Хлопнул грога бокал,—
Дом загудел, как улей.

Скрип, беготня, шум,
Трубки, побитый грум,
Рассказы, пиф-паф, бум-бум!
Господи Иисусе!

Нелли рябая: «Мам,
Я каморку свою отдам.
Спать в столовой — срам:
Мальчик-то не безусый».

Гип-гип, Вест-Индия!!

1922

476

У печурки самовары,
Спит клубком сибирский кот.
Слышь: «Меркурий» из Самары
За орешником ревет.

Свекор спит. Везде чистенько.
Что-то копать от лампад!
«Мимо сада ходит Стенька».
Не пройтись ли мне в сад?

Крутлы сутки всё одна я.
Расстегну тугой свой лиф...
Яблонь, яблонька родная!
Мой малиновый налив!

Летом день — красной да долгий.
Пуховик тепло томит.
Что забыла там, за Волгой?
Только теткин тошный скит!

1921

477

На площадке пляшут дети.
Полон тени Палатин.
В синевато-сером свете
Тонет марево равнин.

502

Долетает едкий тмин,
Словно весть о бледном лете.

Скользкий скат засохшей хвои,
Зноя северный припек.
В сельской бричке едут двое,
Путь и сладок, и далек.
Вьется белый мотылек
В утомительном покое.

Умилен и опечален,
Уплываю смутно вдаль.
Темной памятью ужален,
Вещую кормлю печаль.
Можжевельника ли жаль
В тусклом золоте развалин?

1921

478

Барабаны воркуют дробно
За плотиной ввечеру...
Наклоняться хоть неудобно,
Васильков я наберу.

Всё полнеет, ах, всё полнеет,
Как опара, мой живот:
Слышу смутно: дитя потеет,
Шевелится теплый крот.

Не сосешь, только сонно дышишь
В узком сумраке тесноты.
Барабаны, может быть, слышишь,
Но зари не видишь ты.

Воля, воля! влажна утроба.
Выход всё же я найду
И взгляну из родимого гроба
На вечернюю звезду.

Все валы я исходила,
Поднялся в полях туман.

503

Только б маменька не забыла
Желтый мой полить тюльпан.

1921

479

Сквозь розовый утром лепесток посмотреть на
солнце,
К алой занавеске медную поднести кадьлицу —
Поллюбоваться на твои щеки.

Лунный луч чрез желтую пропустить виноградину,
На плоскогорьи уединенное встретить озеро —
Смотреться в твои глаза.

Золотое, ровное шитье — вспомнить твои волосы,
Бег облаков в марте — вспомнить твою походку,
Радуги к небу концами встали над вертящейся
мельницей — обнять тебя.

Май 1921

VII. ПУТИ ТАМИНО

480. ЛЕТАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

«Zauberflöte»¹

Звезда дрожит на нитке,
Подуло из кулис...
Забрав свои пожитки,
Спускаюсь тихо вниз.

Как много паутины
Под сводами ворот!
От томной каватины
Кривит Тамино рот.

Я, видите ли, Гений:
Вот — крылья, вот — колчан.
Гонец я сновидений,
Жилец волшебных стран.

¹ «Волшебная флейта» (нем.) — Рег.

Летаю и качаюсь,
Качаюсь день и ночь...
Теперь сюда спускаюсь,
Чтоб юноше помочь.

Малеванный тут замок
И ряженая знать,
Но нелегко из дамок
Обратно пешкой стать.

Я крылья не покину,
Крылатое дитя,
Тамино и Памину
Соединю, шутя.

Пройдем огонь и воду,
Глухой и темный путь,
Но милую свободу
Найдем мы как-нибудь.

Не страшны страхи эти:
Огонь, вода и медь,
А страшно, что в квинтете
Меня заставят петь.

Не думай: «Не во сне ли?» —
Мой театральный друг.
Я сам на самом деле
Ведь только прачкин внук.

1921

481. FIDES APOSTOLICA

Юр. Юркулу

Et fides Apostolica
Manebit per aeterna...¹
Я вижу в лаке столика
Пробор, как у экстерна.

¹ И Апостольская вера пребудет навеки (лат.).— *Reg.*

Рассыпал Вебер утренний
На флейте брызги рондо.
И блеск щеки напудренной
Любого демимонда.

Засвиристит без совести
Малиновка-соседка,
И строки вашей повести
Летят легко и едко.

Левкой ли пахнет палевый
(Тень ладана из Рима?),
Не на заре ль узнали вы,
Что небом вы хранимы?

В кисейной светлой комнате
Пел ангел-англичанин...
Вы помните, вы помните
О веточке в стакане,

Сонате кристаллической
И бледно-желтом кресле?
Воздушно-патетический
И резвый росчерк Бердсли!

Напрасно ночь арабочка
Сурдинит томно скрипки,—
Моя душа, как бабочка,
Летит на запах липки.

И видит в лаке столика
Пробор, как у экстерна,
Et fides Apostolica
Manebit per aeterna.

1921

482

Брызни дождем веселым,
Брат золотой апреля!
Заново пой, свирель!
Ждать уж недолго пчелам:

Ломкого льда неделя,
Голубоватый хмель...

При свете зари неверной
Загробно дремлет фиалка,
Бледнеет твоя рука...
Колдует флейтой пещерной
О том, что земли не жалко,
Голос издалека.

1922

483

Вот после ржавых львов и рева
Настали области болот,
И над закрытой пастью зева
Взвился невидимый пилот.

Стоячих вод прозрачно-дики
Белесоватые поля...
Пугливый трепет Эвридики
Ты узнаешь, душа моя?

Пристаннице! поют тромбоны
Подземным зовом темноты.
Пологих гор пустые склоны —
Неумолимы и просты.

Восточный гость угас в закате,
Оплаканно плывет звезда.
Не надо думать о возврате
Тому, кто раз ступил сюда.

Смелее, милая подруга!
Устала? на пригорке сядь!
Ведет причудливо и туго
К блаженным рощам благодать.

1921

Я не мажусь снадобьем колдуний,
 Я не жду урочных полнолуний,
 Я сижу на берегу,
 Тихий домик стерегу
 Посреди настурций да петуний.

В этот день спустился ранним-рано
 К заводям зеленым океана,—
 Вдруг соленая гроза
 Ослепила мне глаза —
 Выплеснула зев Левиафана.

Громы, брызги, облака несутся...
 Тише! тише! Господи Иисусе!
 Коням — бег, героям — медь.
 Я — садовник: мне бы петь!
 Отпусти! Зовущие спасутся.

Хвост. Удар. Еще! Не переспорим!
 О, чудовище! нажрися горем!
 Выше! Выше! Умер? Нет?..
 Что за теплый, тихий свет?
 Прямо к солнцу выbleван я морем.

Май 1922

485. ПЕРВЫЙ АДАМ

Йони-голубки, Ионины недра,
 О, Иоанн Иорданских струй!
 Мирты Киприды, Кибелины кедрь,
 Млечная мать, Маргарита морей!

Вышел вратами, немотствуя Воле,
 Влажную вывел волной колыбель.
 Берег и ветер мне! Что еще боле?
 Сердцу срединному солнечный хмель.

Произрастание — верхнему севу!
Воспоминание — нижним водам!
Дымы колдуют Дельфийскую деву,
Ствол богоносный — первый Адам!

Май 1922

486

Весенней сыростью страстной седмицы
Пропитан Петербургский бурый пар.
Псковское озеро спросонок снится,
Где тупо тлеет торфяной пожар.

Колоколов переплывали слитки
В предпраздничной и гулкой пустоте.
Петух у покривившейся калитки
Перекликался, как при Калите.

Пестро и ветренно трепался полог,
Пока я спал. Мироний мирно плыл.
Напоминание! твой путь недолог,
Рожденный вновь, на мир глаза открыл.

Подводных труб протягновенно пенье.
Безлюдная, дремучая страна!
Как сладостно знакомое веленье,
Но всё дрожит душа, удивлена.

1922

487. КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА

Я шел дорожкой Павловского парка,
Читая про какую-то Элизу
Восьмнадцатого века ерунду.
И было это будто до войны,
В начале июня, жарко и безлюдно.
«Элизиум, Элиза, Елисей», —
Подумал я, и вдруг мне показалось,
Что я иду уж очень что-то долго:
Неделю, месяц, может быть, года.

Да и природа странно изменилась:
Болотистые кочки всё, озерца,
Тростник и низкорослые деревья,—
Такой всегда Австралия мне снилась
Или вселенная до разделенья
Воды от суши. Стаи жирных птиц
Взлетали невысоко и садились
Опять на землю. Подошел я близко
К кресту высокому. На нем был распят
Чернобородый ассирийский царь.
Висел вниз головой он и ругался
По матери, а сам весь посинел.
Я продолжал читать, как идиот,
Про ту же всё Элизу, как она,
Забыв, что ночь проведена в казармах,
Наутро удивилась звуку труб.
Халдей, с креста сорвавшись, побежал
И стал точь-в-точь похож на Пугачева.
Тут сразу мостовая проломилась,
С домов посыпалась штукатурка,
И варварские буквы на стенах
Накрасились, а в небе разливалась
Труба из глупой книжки. Целый взвод
Небесных всадников в персидском платы
Низринулся — и яблонь зацвела.
На персях же персидского Персея
Змея свой хвост кусала кольцевидно,
От Пугачева на болоте пятка
Одна осталась грязная. Солдаты
Крылатые так ласково смотрели,
Что показалось мне — в саду публичном
Я выбираю крашенных мальчишек.
«Ашанта бутра первенец Первантра!» —
Провозгласили,— и смутился я,
Что этих важных слов не понимаю.
На облаке ж увидел я концовку
И прочитал: конец второго тома.

VIII. ЛЕСЕНКА

488. ЛЕСЕНКА

Юр. Юркуну

Опусти глаза, горло закинь!
Белесоватая без пятен синь...
Пена о прошлом напрасно шипит.
Ангелом юнга в небе висит.
Золото Рейна... Зеленый путь...
Странничий перстень, друг, не забудь.

Кто хоть однажды не смел
Бродяжно и вольно вздохнуть,
Завидя рейнвейна звезду
На сиреневом (увы!) небосклоне?
Если мы не кастраты и сони,
Путь — наш удел.
Мертв без спутника путь,
И каждого сердце стучит: «Найду!»

Слишком черных и рыжих волос берегись:
Русые — вот цвет.
Должен уметь
Наклоняться,
Подыматься,
Бегать, ходить, стоять,
Важно сидеть и по-детски лежать,
Серые глаза, как у друга,
Прозрачны и мужественны мысли,
А на дне якорем сердце видно,
Чтоб тебе было стыдно
Лгать
И по-женски бежать
В пустые обходы.
Походы
(Труба разбудит) ждут!
Всегда опоясан,
Сухие ноги,
Узки бедра,
Крепка грудь,

Прям короткий нос,
Взгляд ясен.
Дороги
В ненастье и ведро,
Битвы, жажду,
Кораблекрушение,—
Всё бы с ним перенес!
Всё, кроме него, забудь!
Лишний багаж — за борт!

Женщина плачет.

Засох колодец, иссяк...
Если небо не шлет дождей,
Где влаги взять?
Сухо дно моря,
С руки улетел сокол
Не за добычей обычной.
Откуда родятся дети?
Кто наполнит мир,
За райскую пустыню ответит?
Тяжелей, тяжелей
(А нам бы всё взлегчиться, подняться)
Унылым грузилом
В темноту падаем.

Критски ликовствуя,
Отрочий клик
С камня возник,
Свят, плоского!

Гелиос, Эрос, Дионис, Пан!
Близнецы! близнецы!
Где двое связаны — третье рождается.
Но не всегда бывает тленно.
Одно, знай,— неизменно:
Где двое связаны, третье рождается.

Спины похитились
Впадиной роз,
Радуйтесь: рос
Рок мой, родители!

Гелиос, Эрос, Дионис, Пан!
Близнецы! близнецы!

Рождаемое тело небу угодно,
Угоден небу и рождаемый дух...
Если к мудрости ты не глух,
Откроешь, что более из них угодно.

Близнецы, близнецы!

Частицы, семя,
Легкий пух!
Плодовое племя,
Молочный дух!
Летишь не зря,
Сеешь, горя!

В воздухе, пламени, земле, воде,—
Воскреснет вольный Феникс везде.

Наши глаза полны землею,
Виевы веки с трудом поднимаются,
Смутен и слеп, глух разум,
Если не придет сестра слепая.

Мы видим детей, башни, лес,
Мы видим радугу в конце небес,
Львов морских у льдистых глыб,
Когда море прозрачно, мы видим рыб,
Самые зрячие вскроют живот,
И слышно: каша по кишкам ползет.

Но мы не видим,
Как рождаются мысли,— взвесишь ли?
Как рождаются чувства,— ухватишь ли?
Как рождается Илиада,— откуси кусок!
Как летают ангелы,— напрасно нюхать!
Как живут покойники,— разговорись!

Иногда мы видим и не видим вместе,
Когда стучится подземная сестра,
И мы говорим: «Что за сон!»
А смерть — кто ее видел?

Кроты, кроты, о чем вы плачете?
Юнга поет на стройной мачте:

— Много каморок у нас в кладовой,
Клады сияют, в каждой свой.
Рожь ты посеешь — и выйдет рожь,
Рожь из овса — смешная ложь.

Что ребенка рождает? Летучее семя,
Что кипарис на горе вздымает? Оно.
Что возводит звенящие пагоды? Летучее семя.
Что движением кормит «Divina Comedia»¹? Оно!
Что хороводы вверх водит
Платоновских мыслей
И Фокинских танцев,
Серафимских кругов?
Летучее семя.

Что ничего не рождает,
А тяжелой смертью
В самом себе лежит,
Могильным, мокрым грузом?
Бескрылое семя.

Мы путники: движение — обет наш,
Мы — дети Божьи: творчество — обет наш,
Движение и творчество — жизнь,
Она же Любовь зовется.
Движение только вверх:
Мы — мужчины, альпинисты и танцоры.
Воздвиженье!

В тени бразильской Бросельяны
Сидели девушки кружком,
Лиловые плетя лианы
Над опустелым алтарем.

«Алác! Алác!» Нашло бесплодьё!
Заглох вещательный Мерлин.
Точил источник половодье
Со дна беременных долин.

¹ «Божественную комедию» (ит.).— *Рег.*

Пары сырые ветр разгонит,
Костер из вереска трещит.
«Алác! Алác!» — угод застонет,
И медно меркнет польй щит.

Любовь — движенье,
Недвижный не любит,
Без движенья — не крылато семя,
Девы Бросельянские.

Отвечали плачеи Мерлиновы:

— Бесплодье! Бесплодье!
Алác! Алác!
Двигался стержень,
Лоно недвижно.
Семя летело,
Летело и улетело,
А плода нет. —

Удоды, какаду, пересмешники,
Фламинго, цапли, лебеди
Захлопали крыльями,
Завертели глазами.

Алác, Алác!
А плода нет!

Над лесом льдина плывет;
На льдине мальчик стоит,
Держит циркуль, весы и лесенку.
Лесенка в три ступеньки.

Лесенка золотая,
Мальчик янтарный,
Льдина голубая,
Святой Дух розовый.

— Девы Бросельянские,
Умеете считать до трех?
Не спросит Бог четырех.
Глаза протри:
Лесенка, — раз, два, три.
Только: раз, два, три,
А не три, два, раз, —

Иначе ничего не выйдет у нас.
Я говорю о любви,
О том же думаете и вы.
Где раз и два,
Там и три.
Три — одно не живет.
Раз и три,
Два и три,
Опять не живет.
Скакать и выкидывать нельзя.

Такая загадка.
Разгадаете — всё вернется.
Раз для двух,
Два для раза,
Три для всех.
Если раз для всех,
Два плачет,
Если два для всех,
Раз плачет,
А три не приходит.

Только три для всех,
Но без раза для двух
И без двух для раза.
Трех
Для всех
Нет —
Вот и весь секрет! —

Мыс запылал меж корабельных петель,
Вином волна влачится за кормой.
Всё мужество, весь дух и добродетель
Я передам тебе, когда ты — мой.

Кто любит, возвышается и верен,
В пустынях райских тот не одинок,
А путь задолго наш судьбой измерен.
Ты — спутник мой: ты — рус и светлоок.

НОВЫЙ ГУЛЬ

Посвящается Л. Р<акову>

ВСТУПЛЕНИЕ

Американец юный Гуль¹
 Убит был доктором Мабузо:
 Он так похож... Не потому ль
 О нем заговорила муза?
 Ведь я совсем и позабыл,
 Каким он на экране был!

Предчувствий тесное кольцо
 Моей душою овладело...
 Ах, это нежное лицо,
 И эта жажда жизни смелой,
 И этот рот, и этот взор,
 Где спит теперь мой приговор!

Всё узнаю... вот он сидит
 (Иль это Вы сидите?) в ложе.
 Мабузо издали глядит...
 Схватились за голову... Боже!
 Влюбленность, встречи, казино...
 Но выстрел предрешен давно.

Конечно, Вы судьбе другой
 Обречены. Любовь и слава!
 У жизни пестрой и живой
 Испив пленительной отравы,
 Направить верно паруса
 Под золотые небеса.

¹ Гуль и гипнотизер Мабузо — действующие лица в известной кинематографической картине «Доктор Мабузо». Взаимоотношения их отчасти выясняются из данного стихотворения.

Но так же пристально следит
За Вами взгляд, упрям и пылок.
Не бойтесь: он не повредит,
Не заболит у Вас затылок,
То караулит звездочет,
Каким путем звезда течет.

Март 1924

1

Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!
Зеленый рай, Тристанов Irish boy¹!
Крестильным звоном задрожал хрусталь...
Ленивых тополей теперь не жаль:
Взвился пузатый парус над тобой.

— Подобно смерти промедленья —
Один восторг, одно волненье
Сулит летучее движенье,
Где радостна сама печаль.

Не писанная — мокрая река,
Не призрачный — дубовый крепкий руль,
Жасминный дух плывет издалека...
И разгорается заря, пока
Не перестанет улыбаться Гуль...

В любви расплавятся сомненья.
Одна весна, одно влеченье!
Протянута, как приглашенье,
К тебе горячая рука.

Февраль 1924

2

Античность надо позабыть
Тому, кто вздумал Вас любить,
И отказаться я готов
От мушек и от париков.

¹ Ирландский мальчик (англ.).— *Рег.*

Новый Труб

А. А. Рубин

Приглашение...

Что сменишь в апреле? Солнце и февраль...
Зеленый рай... Тристанова Гиль-Ван... (свирель...)
Крестовинный звоном зловеще кружится...
Влажные голубые зорьки не жаль,
Взвисьте музский парус наш жаль...

Подобно асфальту промедель...
Вдоль восторга, ажно вонюче
Судить не хуже восторга
Ты равнина сама сама!

Не писанная, но аркай рая!
Не призрачная, - дубовый, крапиво руб.
Железные духи ласкаться издалека
И разгорается зорька пака
Не передалась чуждым Труб.

В подобии распадаются самиллы..
Вдоль восторга, ажно восторга!
Трубить, как приглашение,
К зорьке горючей рая.

М. Вершинин

17 февраля 1924.

Ретроспективный реквизит
Ненужной ветошью лежит,
Сегодняшний, крылатый час
Смеется из звенящих глаз,
А в глубине, не искривлен,
Двойник мой верно прикреплен.
Я всё забыл и всё гляжу —
И «Orbis pictus»¹ нахожу.
Тут — Моцарт, Гофман, Гете, Рим,—
Всё, что мы любим, чем горим,
Но не в туман облечено,
А словно брызнуло вино
Воспоминаний. Муза вновь,
Узнав пришелицу-любовь,
Черту проводит чрез ладонь...
Сферически трещит огонь...

Февраль 1924

3

Я этот вечер помню, как сегодня...
И дату: двадцать третье ноября.
Нас музыка, прелестнейшая сводня,
Уговорила, ветренно горя.

Недаром пел я «Случай и Дорину»²,
Пропагандируя берлинский нрав!
Мне голос вторил: «Вас я не покину,
Открой глаза, сомненья отогнав».

Вдруг стало всё так ясно, так желанно,
Как будто в руку мне вложили нить.
И я сказал: «Быть может, это — странно,
Но я Вас мог бы очень полюбить!»

¹ «Orbis pictus» — «Вселенная в картинах» — распространенные в старину альбомы — географическая, этнографическая, историческая и ремесленно-художественная наглядная энциклопедия. Особенно замечателен «Orbis pictus» Д. Ходовецкого с учениками.

² «Дорина и случай» («Dorine und der Zufall») — оперетта Жильбера 1923 г.

С каким слова приходят опозданием!
Уж сделался таинственным свиданием
Простой визит, судьбу переменив.
А дурочка Дорина с состраданием
Нас слушала, про шимми позабыв,
Как будто были мы ее созданием!

Февраль 1924

4

Разлетаются, как птицы,
Своевольные мечты.
Спится мне или не спится,
Но всегда со мною ты.
Притворяться не умею,
А всего сказать не смею,
 И робею,
 И немею
У пленительной черты.

От весеннего похмелья
Каруселит голова...
Сладость этого веселья
Мне знакома и нова!
Как должны быть полновесны,
Необычны, неизвестны,
 И чудесны,
 И прелестны
Легковейные слова!

И беру приготовишкой
Логарифмов толстый том.
Не поэтом, а воришкой
Чувствую себя во всем!
Но заминки, заиканья,
Неумелость, лепетанье,
 И молчанье,
 И желанье —
Всё о том, о том, о том!

Февраль 1924

К вам раньше, знаю, прилетят грачи,
 И соловьи защелкают на липах,
 И талый снег в канавах побежит...
 Но ласточки, что делают весну
 И вечера жемчужные пророчат,
 Уж прочертили небеса мои,
 И если легкой рябью ваших глаз
 Коснулись — то было отраженье
 Моих зрачков, упорных и смущенных.

Февраль 1924

Он лодку оттолкнул. На сером небе
 Заметил я неясную фигуру.
 Высокий, плоский берег только тучи
 Давал мне видеть да пучки травы.
 Его лицо наклонено ко мне...
 Я пристально старался угадать,
 Не тот ли он, о ком мне говорили.
 Глаза смотрели смело и легко,
 Прелестный рот, упрямый подбородок,
 И ожидание далеких странствий,
 Друзей, завоеваний и побед...
 Но в юности такое выраженье,
 Пытливое и нежное, встречаем
 Довольно часто... Вдруг он улыбнулся.
 Я посмотрел еще раз и сказал:
 «Мне говорили... нас предупреждали,
 Что в этом месте, в этот день и час
 Мы встретим человека, по приметам
 Похожего на Вас. Он — тайный друг
 И уготован для любви и славы,
 Быть может, это Вы? Тогда садитесь,
 Поедемте, — нам надо торопиться.
 Но может быть... Я слышу запах роз...
 Высокий берег этот так нелепо
 Устроен, что никак нельзя узнать,
 Что дальше там находится. Наверно,
 Там — поле, сад и Ваш отцовский дом,
 Невеста и шотландская овчарка...

Пожалуй, всё это придется бросить,
Коль не хотите, сидя Вы на месте,
Скончаться мирно мировым судьей.
А если, мистер, Вы — простой прохожий
И просто так мою толкнули лодку,
Благодарю Вас и за то. Услуги
Я не забуду Вашей... Добрый путь!..
А очень жаль!..»

Март 1924

7

Слова — как мирный договор:
Параграфы и пункты,
Но прозвенел веселый взор,
Что к плаванию весна.

Взлетит волна, падет волна...
Мы не боимся качки!
Кому Голконда суждена,
Тому — не гладкий путь.

Люби одно, про всё забудь!
За горизонтом звезды...
В единый вздох вместила грудь
И море, и поля.

Стою у смуглого руля,—
Безлюдно в плоском блеске,
Но с мачты, пристани суля,
Любовь кричит: «Земля!»

Март 1924

8

Я мог бы!.. мертвые глаза
Стеклянятся в прорезах узких,
И ни усмешка, ни слеза
Не оживят их отблеск тусклый...
Целую... ближе... грудь тепла...
Ни содрогания, ни пульса...
Минута в вечность протекла...
Непререкаемо искусство!

Я мог бы!.. в комнате своей
Встаете Вы. Луна ущербна.
Сомнамбулических очей
Недвижен взгляд. Утихло сердце...
Проспект, мосты, и сад, и снег —
Всё мимо... Незаметно встречных...
Автоматический свой бег
Остановили... Дверь и свечи...

Я мог бы, мог!.. Напрасный бред!
Надежде верить и не верить,
Томительно ловить ответ
В твоих глазах прозрачно серых,
Взлетать и падать... Жар и лед...
Живое всё — блаженно шатко.—
Таких восторгов не дает
Каббалистическое счастье.

Март 1924

9

Уходит пароходик в Штеттин,
Остался я на берегу.
Не знаменит и незаметен,—
Так больше жить я не могу!

Есть много разных стран, конечно,
Есть много лиц, и книг, и вин,—
Меня ж приковывает вечно
Всё тот же взор, всегда один.

Ведь не оставишь сердца дома,
Не запереть любви на ключ...
Передвесенняя истома,
Хоть ты остановись, не мучь!

Ну вот и солнце, вот и тает...
Стекло блестит, сверкает глаз...
Любовь весенними считает
Лишь те часы, что подле Вас.

Мы ясновидим не глазами,
Не понимаем сами, чем,
А мне весь мир открылся Вами,
Вдали от Вас я — слеп и нем.

Без Вас и март мне не заметен,
Без Вас я думать не могу...
Пусть пароход уходит в Штеттин,
Когда и Вы — на берегу.

Март 1924

10

Я имени не назову...
Ни весел, ни печален,
Посеял садовый траву
На выступе развалин.
 Свирель поет,
 Трава растет,
А время быстрое не ждет.

Прогулкой служит старый вал,
Покрыт травой юной.
Влюбленный всякий повидал
И башенку за дюной,
 И дальний бор,
 И косогор,
И моря плоского простор...

Пришел и прежний садовод:
— Ого, как луг-то зелен!
Не думал я, что проживет
Зерно в сени расселин! —
 Медвяный дух,
 Жужжанье мух,
Да вдалеке дудит пастух.

Находит сладкий, теплый сон...
Вдруг голос, прост и тонок,
Поет: «Ты спишь, Эндимион,
Магический ребенок!

Меня взрастил,
Себя пленил,
Прими ж приток взаимных сил».
Март 1924

II

Держу невиданный кристалл,
Как будто множество зеркал
Соединило грани.
Особый в каждой клетке свет:
То золото грядущих лет,
То блеск воспоминаний.

Рука волшебю навела
На правильный квадрат стекла
Узорные фигуры:
Моря, леса и города,
Потоки, радуга, звезда,
Все «таинства Натуры».

Различных лиц летучий рой:
Поэт, отшельник и герой,
И звуки, и дыханья.
И каждый быстрый поворот
Всё новую с собой несет
Игру и сочетанье.

Когда любовь в тебе живет,
Стекла ничто не разобьет:
Ни молоток, ни пуля.
Я ближе подхожу к окну,
Но как кристалл ни поверну —
Всё вижу образ Гуля.

Март 1924

ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД

Стихи 1925—1928

I

501—515. ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД

А. Д. Рагловой

1

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Ручей стал лаком до льда:
Зимнее небо учит.
Леденцовые цепи
Ломко брячат, как лютня.
Ударь, форель, проворней!
Тебе надоело ведь
Солнце аквамарином
И птиц скороходом — тень.
Чем круче сжимаешься —
Звук резче, возврат дружбы.
На льду стоит крестьянин.
Форель разбивает лед.

2

ВТОРОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Непрошенные гости
Сошлись ко мне на чай,
Тут, хочешь иль не хочешь,
С улыбкою встречай.

Глаза у них померкли
И пальцы словно воск,
И нищенски играет
По швам жидовский лоск.

Забывшие названья,
Небывшие слова...

От темных разговоров
Тупеет голова...

Художник утонувший
Топочет каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

А вы и не дождались,
О, мистер Дориан, —
Зачем же так свободно
Садитесь на диван?

Ну, память-экономка,
Воображенье-boy,
Не пропущу вам даром
Проделки я такой!

3

ПЕРВЫЙ УДАР

Стояли холода, и шел «Тристан».
В оркестре пело раненое море,
Зеленый край за паром голубым,
Остановившееся дико сердце.
Никто не видел, как в театр вошла
И оказалась уж сидящей в ложе
Красавица, как полотно Брюллова.
Такие женщины живут в романах,
Встречаются они и на экране...
За них свершают кражи, преступленья,
Подкарауливают их кареты
И отравляются на чердаках.
Теперь она внимательно и скромно
Следила за смертельною любовью,
Не поправляя алого платочка,
Что сполз у ней с жемчужного плеча,
Не замечая, что за ней упорно
Следят в театре многие бинокли...
Я не был с ней знаком, но всё смотрел
На полумрак пустой, казалось, ложи...

Я был на спиритическом сеансе,
Хоть не люблю спиритов, и казался
Мне жалким медиум — забитый чех.
В широкое окно лился свободно
Голубоватый леденящий свет.
Луна как будто с севера светила:
Исландия, Гренландия и Тулэ,
Зеленый край за паром голубым...
И вот я помню: тело мне сковала
Какая-то дремота перед взрывом,
И ожидание, и отвращенье,
Последний стыд и полное блаженство...
А легкий стук внутри не прерывался,
Как будто рыба бьет хвостом о лед...
Я встал, шатаясь, как слепой лунатик,
Дошел до двери... Вдруг она открылась...
Из аванложи вышел человек
Лет двадцати, с зелеными глазами;
Меня он принял будто за другого,
Пожал мне руку и сказал: «Покурим!»
Как сильно рыба двинула хвостом!
Безволие — преддверье высшей воли!
Последний стыд и полное блаженство!
Зеленый край за паром голубым!

4

ВТОРОЙ УДАР

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки, снег, бубенцы, пальба!
Что до страшной, как ночь, расплаты?
Разве дрогнут твои Карпаты?
В старом роге застынет мед?

Полость треплется, диво-птица;
Визг полозьев — «гайда, Марица!»
Стоп... бежит с фонарем гайдук...
Вот какое твое домовье:
Свет мадонны у изголовья
И подкова хранит порог,

Галереи, сугроб на крыше,
За шпалерой скребутся мыши,
Чепраки, кружева, ковры!
Тяжело от парадных спален!
А в камин целый лес навален,
Словно ладан, шипит смола...

Отчего ж твои губы желты?
Сам не знаешь, на что пошел ты?
Тут о шутках, дружок, забудь!
Не богемских лесов вампиром —
Смертным братом пред целым миром
Ты назвался, так будь же брат!

А законы у нас в остроге,
Ах, привольны они и строги:
Кровь за кровь, за любовь любовь.
Мы берем и даем по чести,
Нам не надо кровавой мести:
От зарока развяжет Бог,

Сам себя осуждает Каин...
Побледнел молодой хозяин,
Резанул по ладони вкось...
Тихо капает кровь в стаканы:
Знак обмена и знак охраны...
На конюшню ведут коней...

5

ТРЕТИЙ УДАР

Как недобитое крыло,
Висит модель: голландский ботик.
Оранжевое светло
В стекле подобных библиотек.

Вчерашняя езда и нож,
И клятвы в диком исступленьи
Пророчили мне где-то ложь,
Пародию на преступленье...

Узнать хотелось... Очень жаль...
Но мужественный вид комфорта
Доказывал мне, что локаль
Не для бесед такого сорта.

Вы только что ушли, Шекспир
Открыт, дымится папироза...
«Сонеты»!! Как несложен мир
Под мартовский напев вопроса!

Как тает снежное шитье,
Весенними гонясь лучами,
Так юношеское житье
Идет капризными путями!

6

ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР

О, этот завтрак так похож
На оркестрованные дни,
Когда на каждый звук и мысль
Встает, любя, противовес:
Рожок с кларнетом говорит,
В объятых арфы флейта спит,
Вещает траурный тромбон —
Покойникам приятен он.

О, этот завтрак так похож
На ярмарочных близнецов:
Один живот, а сердца два,
Две головы, одна спина...
Родились так, что просто срам,
И тайна непонятна нам.
Буквально вырази обмен —
Базарный выйдет феномен.

Ты просыпался — я не сплю,
Мы два крыла — одна душа,
Мы две души — один творец,
Мы два творца — один венец...

Зачем же заперт чемодан
И взят на станции билет?
О, этот завтрак так похож
На подозрительную ложь!

7

ПЯТЫЙ УДАР

Мы этот май проводим как в деревне:
Спустили шторы, сняли пиджаки,
В переднюю бильярд перетащили
И половину дня стучим киями
От завтрака до чая. Ранний ужин,
Вставанье на заре, купанье, лень...
Раз вы уехали, казалось нужным
Мне жить, как подобает жить в разлуке:
Немного скучно и гигиенично.
Я даже не особенно ждал писем
И вздрогнул, увидавши штемпель: «Гринок».
— Мы этот май проводим как в бреду,
Безумствует шиповник, море сине
И Эллинор прекрасней, чем всегда!
Прости, мой друг, но если бы ты видел,
Как поутру она в цветник выходит
В голубовато-серой амазонке,—
Ты понял бы, что страсть — сильнее воли. —
Так вот она — зеленая страна! —
Кто выдумал, что мирные пейзажи
Не могут быть ареной катастроф?

8

ШЕСТОЙ УДАР / Баллада

Ушел моряк, румян и рус,
За дальние моря.
Идут года, седеет ус,
Не ждет его семья.
Уж бабушка за упокой
Молилась каждый год,
А у невесты молодой
На сердце тяжкий лед.

Давно убрали со стола,
Собака гложет кость,—
Завыла, морду подняла...
А на пороге гость.
Стоит моряк, лет сорока.
— Кто тут хозяин? Эй!
Привез я весть издалека
Для мисстрис Анны Рэй.
— Какие вести скажешь нам?
Жених погиб давно! —
Он засучил рукав, а там
Родимое пятно.
— Я Эрвин Грин. Прошу встречать! —
Без чувств невеста — хлоп...
Отец заплакал, плачет мать,
Целует сына в лоб.
Везде звонят колокола
«Динг-донг» среди равнин,
Венчаться Анна Рэй пошла,
А с нею Эрвин Грин.
С волынками проводят их,
Оставили вдвоем.
Она: — Хочу тебя, жених,
Спросить я вот о чем:
Объездил много ты сторон,
Пока жила одной,—
Не позабыл ли ты закон
Своей страны родной?
Я видала: не чтишь святыни!,
Колен не преклонял,
Не отвечаешь ты «аминь»,
Когда поют хорал,
В святой воде не мочишь рук,
Садишься без креста,—
Уж не отвергся ли ты, друг,
Спасителя Христа?
— Ложись спокойно, Анна Рэй,
И вздора не мели!
Знать, не видала ты людей
Из северной земли.
Там светит всем зеленый свет

На небе, на земле,
Из-под воды выходит цвет,
Как сердце на стебле,
И всё ясней для смелых душ
Замерзшая звезда...
А твой ли я жених и муж,
Смотри, смотри сюда! —
Она глядит и так и сяк,—
В себя ей не прийти...
Сорокалетний где моряк,
С которым жизнь вести?
И благороден, и высок,
Морщин не отыскать,
Ресницы, брови и висок,—
Ну, глаз не оторвать!
Румянец нежный заиграл,
Зарделася щека,—
Таким никто ведь не видал
И в детстве моряка.
И волос тонок, словно лен,
И губы горячей,
Чудесной силой наделен
Зеленый блеск очей...
И вспомнилось, как много лет...
Тут... в замке... на горе...
Скончался юный баронет
На утренней заре.
Цветочком в гробе он лежал,
И убивалась мать,
А голос Аннушке шептал:
«С таким бы вот поспать!»
И легкий треск, и синий звон,
И огоньки кругом,
Зеленый и холодный сон
Окутал спящий дом.
Она горит и слезы льет,
Молиться ей невмочь.
А он стоит, ответа ждет...
Звенит тихонько ночь...
— Быть может, душу я гублю,
Ты, может,— сатана:

Но я таким тебя люблю,
Твоя на смерть жена!

9

СЕДЬМОЙ УДАР

Неведомый купальщик
Купается тайком.
Он водит простодушно
Обиженным глазком.
Напрасно прикрываешь
Стыдливость наготы —
Проходим деревенским
Неинтересен ты.
Перекрестился мелко,
Нырнул с обрыва вниз...
А был бы ты умнее,
Так стал бы сам Нарцисс.
И мошки, и стрекозы,
И сельский солнцепек...
Ты в небо прямо смотришь
И от земли далек...
Намек? Воспоминанье?
Всё тело под водой
Блестит и отливает
Зеленою слюдой.
Держи скорей налево
И наплывешь на мель!..
Серебряная бьется
Форель, форель, форель!..

10

ВОСЬМОЙ УДАР

На составные части разлагает
Кристалл лучи — и радуга видна,
И зайчики веселые живут.
Чтоб вновь родиться, надо умереть.
Я вышел на крыльцо; темнели розы
И пахли розовою плащаницей.

Закатное малиновое небо
Чертили ласточки, и пруд блестел.
Вдали пылило стадо. Вдруг я вижу:
Автомобиль несется как стрела
(Для здешних мест редчайшее явление),
И развевается зеленый плащ,
Я не успел еще сообразить,
Как уж смотрел в зеленые глаза,
И руку жали мне другие руки,
И пыльное усталое лицо
По-прежнему до боли было мило.
— Вот я пришел... Не в силах... Погибаю.
Наш ангел превращений отлетел.
Еще немного — я совсем ослепну,
И станет роза розой, небо небом,
И больше ничего! Тогда я прах
И возвращаюсь в прах! Во мне иссякли
Кровь, желчь, мозги и лимфа. Боже!
И подкрепленья нет и нет обмена!
Несокрушимо окружен стеклом я
И бьюсь как рыба! «А зеленый плащ?»
— Зеленый плащ? Какой? — «Ты в нем приехал».
— То призрак,— нет зеленого плаща.—
Американское пальто от пыли,
Перчатки лайковые, серый галстук
И кепка, цветом нежной rose champagne.
«Останься здесь!» — Ты видишь: не могу!
Я погружаюсь с каждым днем всё глубже! —
Его лицо покрылось мелкой дрожью,
Как будто рядом с ним был вивисектор.
Поцеловал меня и быстро вышел,
Внизу машина уж давно пыхтела.
Дней через пять я получил письмо,
Стоял всё тот же странный штемпель: «Гринок».
— Я всё хотел тебе писать, но знаешь,
Забывчивость простительна при счастье,
А счастье для меня то — Элинор,
Как роза — роза и окно — окно.
Ведь, надобно признаться, было б глупо
Упрямо утверждать, что за словами
Скрывается какой-то «высший смысл».

Итак, я — счастлив, прямо, просто — счастлив.—
Приходят письма к нам на пятый день.

II

ДЕВЯТЫЙ УДАР

Не друзей — приятелей зову я:
С ними лучше время проводить.
Что прошло, о том я не горюю,
А о будущем что ворожить?
Не разгул — опрятное веселье,
Гладкие, приятные слова,
Не томит от белых вин похмелье,
И ясна пустая голова.
Каждый час наполнен так прилежно,
Что для суток сорок их готовь,
И щекочет эпидерму нежно
То, что называется любовь.
Да менять как можно чаще лица,
Не привязываться к одному.
Неужели мне могли присниться
Бредни про зеленую страну?
— Утонули? — В переносном смысле.
— Гринок? — Есть. Шотландский городок.
Все метафоры как дым повисли,
Но уйдут кольцом под потолок,
Трезвый день разгонит все химеры,—
Можно многие привести примеры.
 А голос пел слегка, слегка:
 — Шумит зеленая река,
 И не спасти нам челнока.
 В перчатке лайковой рука
 Всё будет звать издавека,
 Не примешь в сердце ты пока
 Эрвина Грина, моряка.

ДЕСЯТЫЙ УДАР

Чередованье милых развлечений
 Бывает иногда скучнее службы.
 Прийти на помощь может только случай,
 Но случая не приманишь, как Жучку.
 Храм случая — игорные дома.
 Описывать азарт спаленных глаз,
 Губ пересохших, помертвелых лбов
 Не стану я. Под выкрики крупье
 Просиживал я ночи напролет.
 Казалось мне, сижу я под водою.
 Зеленое сукно напоминало
 Зеленый край за паром голубым...
 Но я искал ведь не воспоминаний,
 Которых тщательно я избегал,
 А дожидался случая. Однажды
 Ко мне подходит некий человек
 В больших очках и говорит: — Как видно,
 Вы вовсе не игрок, скорей любитель,
 Или, верней, искатель ощущений.
 Но, в сущности, здесь — страшная тоска:
 Однообразно и неинтересно.
 Теперь еще не поздно. Может быть,
 Вы не откажетесь пройтись со мною
 И осмотреть собранье небольшое
 Диковинок? Изъездил всю Европу
 Я с юных лет; в Египте даже был.
 Образовался маленький музей, —
 Меж хламом есть занятные вещицы,
 И я, как всякий коллекционер,
 Ценю внимание; без разделенья,
 Как все другие, эта страсть — мертва. —
 Я быстро согласился, хоть по правде
 Сказать, не нравился мне этот человек:
 Казался он назойливым и глупым.
 Но было только без четверти час,
 И я решительно не знал, что делать.
 Конечно, если разбирать как случай —
 Убого было это приключенье!

Мы шли квартала три; подъезд обычный,
Обычная мещанская квартирка,
Обычные подделки скарабеев,
Мушкеты, сломанные телескопы,
Подъеденные молью парики
Да заводные куклы без ключей.
Мне на мозги садилась паутина,
Подташнивало, голова кружилась,
И я уж собирался уходить...
Хозяин чуть замаялся и сказал:
— Вам, кажется, не нравится? Конечно,
Для знатока далёко не товар.
Есть у меня еще одна забава,
Но не вполне закончена она.
Я всё ищу вторую половину.
На днях, надеюсь, дело будет в шляпе.
Быть может, взглянете? — Близнец! — «Близнец?!»
— Близнец. — «И одиночка?» — Одиночка.
Вошли в каморку мы: посередине
Стоял аквариум, покрытый сверху
Стеклом голубоватым, словно лед.
В воде форель вилась меланхолично
И мелодично била о стекло.
— Она пробьет его, не сомневайтесь. —
«Ну, где же ваш близнец?» — Сейчас, терпенье. —
Он отворил в стене, с ужимкой, шкап
И отскочил за дверцу. Там, на стуле,
На коленкоровом зеленом фоне
Оборванное спало существо
(Как молния мелькнуло — «Калигари!»):
Сквозь кожу зелень явственно сквозила,
Кривились губы горько и преступно,
Ко лбу прилипли русые колечки,
И билась вена на сухом виске.
Я с ожиданием и отвращеньем
Смотрел, смотрел, не отрывая глаз...
А рыба бьет тихонько о стекло...
И легкий треск и синий звон слились...
Американское пальто и галстук...
И кепка цветом нежной rose champagne.
Схватился за сердце и дико вскрикнул...

— Ах, Боже мой, да вы уже знакомы?
И даже... может быть... не верю счастью!..
«Открой, открой зеленые глаза!
Мне всё равно, каким тебя послала
Ко мне назад зеленая страна!
Я — смертный брат твой. Помнишь, там, в Карпатах?
Шекспир еще тобою не дочитан
И радугой расходятся слова.
Последний стыд и полное блаженство!..»
А рыба бьет, и бьет, и бьет, и бьет.

13

ОДИННАДЦАТЫЙ УДАР

- Ты дышишь? Ты живешь? Не призрак ты?
- Я — первенец зеленой пустоты.

- Я слышу сердца стук, теплеет кровь...
- Не умерли, кого зовет любовь...

- Румяней щеки, исчезает тлен...
- Таинственный свершается обмен...

- Что первым обновленный взгляд найдет? —
- Форель, я вижу, разбивает лед.—

- На руку обопришь... Попробуй... встань...
- Плотнеет выветрившаяся ткань...

- Зеленую ты позабудешь лень?
- Вскожу на следующую ступень! —

- И снова можешь духом пламенеть?
- Огонь на золото расплавит медь.

- И ангел превращений снова здесь?
- Да, ангел превращений снова здесь.

ДВЕНАДЦАТЫЙ УДАР

На мосту белеют кони,
Оснеженные зимой,
И, прижав ладонь к ладони,
Быстро едем мы домой.

Нету слов, одни улыбки,
Нет луны, горит звезда —
Измененья и ошибки
Протекают, как вода.

Вдоль Невы, вокруг канала, —
И по лестнице с ковром
Ты взбегаешь, как бывало,
Как всегда, в знакомый дом.

Два веночка из фарфора,
Два прибора на столе,
И в твоём зеленом зоре
По две розы на стебле.

Слышно, на часах в передней
Не спеша двенадцать бьет...
То моя форель последний
Разбивает звонко лед.

Живы мы? и все живые.
Мы мертвы? Завидный гроб!
Чтя обряды вековые,
Из бутылки пробка — хлоп!

Места нет печали хмурой;
Ни сомнений, ни забот!
Входит в двери белокурый,
Сумасшедший Новый год!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А знаете? Ведь я хотел сначала
 Двенадцать месяцев изобразить
 И каждому придумать назначенье
 В кругу занятий легких и влюбленных.
 А вот что получилось! Видно, я
 И не влюблен, да и отяжелел.
 Толпой нахлынули воспоминанья,
 Отрывки из прочитанных романов,
 Покойники смешались с живыми,
 И так всё перепуталось, что я
 И сам не рад, что всё это затеял.
 Двенадцать месяцев я сохранил
 И приблизительную дал погоду,—
 И то не плохо. И потом я верю,
 Что лед разбить возможно для форели,
 Когда она упорна. Вот и всё.

1927

II

516—523. ПАНОРАМА С ВЫНОСКАМИ

1. ПРИРОДА ПРИРОДСТВУЮЩАЯ И ПРИРОДА ОПРИРОДЕННАЯ

(Natura naturans et natura naturata)

Кассирша ласково твердила:
 — Зайдите, миленький, в барак,
 Там вам покажут крокодила,
 Там ползает японский рак.—
 Но вдруг завыла дико пума,
 Как будто грешники в аду,
 И, озираяся утрюмо,
 Сказал я тихо: «Не пойду!
 Зачем искать зверей опасных,
 Ревущих из багровой мглы,
 Когда на вывесках прекрасных
 Они так кротки и милы?»

2. ВЫНОСКА ПЕРВАЯ

Скок, скок!
Лакированный ремешок
Крепче затяни,
Гермес!
Внизу, в тени —
Лес...
Дальше — моря,
С небом споря,
Голубеет рог чудес.
Следом
За Ганимедом
Спешит вестник,
А прыгун-прелестник
Катит обруч палочкой,
Не думая об обрученьи,
Ни об ученьи.
Неужели ловкий бог,
Идол беременных жен,
Не мог
Догнать простого мальчика,
А пришел
Хохлатый орел
С гор?
Совка, совка, бровь не хмурь,
Не зови несносных бурь!
Как завидишь корабли
Из Халдейской из земли,
Позабудешь злую дурь! —

3. МЕЧТЫ ПРИСТЫЖАЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Есть ли что-нибудь нелепей,
Когда в комнатке убогой
От земных великолепий
Разбегаются глаза?
По следам науки строгой
Не излечит и Асклепий,
Если висельник двурогий
Заберется вам в глаза.

Комфортабельны покои,
Есть и выезд, и премьеры,
Телефоны и лифтбои,
Телеграммы, вечера.
Всех мастей и всякой меры,
То гурьбою, то их двое,
Молодые кавалеры
Коротают вечера.

Приглашенья и издания
На веленовой бумаге,
От поклонников признанья,
Путешествия, моря,
Легкомысленной отваги
Мимолетные свиданья,—
И сверканья резвой влаги
Разливаются в моря...

Летний сад, надутый гений,
Бестолковый спутник Лева,
Иностранных отделений
Доморощенный Вольтер.
Грузно скачет Большакова...
От балетных сновидений
Впечатленья никакого,
Будто прав мосье Вольтер.

А поэмы, а романы,
Переписки, мемуары,—
Что же, это всё обманы
И приснилось лишь во сне?
Поэтические пары —
Идиотские чурбаны?
И пожары, и угары —
Это тоже всё во сне?

Право, незачем портрету
Вылезать живьем из рамок.
Если сделал глупость эту —
Получилась чепуха.
Живописен дальний замок —

Приближаться толку нету:
Ведь для дядек и для мамок
Всякий гений — чепуха.

4. УЕДИНЕНИЕ ПИТАЕТ СТРАСТИ

Ау, Сергунька! серый скит осиротел.
Ау, Сергунька! тихий ангел пролетел.
Куда пойду, кому скажу свою печаль?
Начальным старцам сердца бедного не жаль.
Зайду в покоец — на постели тебя нет,
Зайду в борочек — на полянке тебя нет.
Спущуся к речке — и у речки тебя нет.
На том песочке потерялся милый след.
Взойду на клирос и читаю наобум.
Ударь в клепало — не отгонишь грешных дум.
 Настань, страдовая пора.
 Столбом завейся, мошкара!
 Конопатка-матушка,
 Батюшка-огонь,
 Попали́ тела наши,
 Души успокой!
Что стыдиться, что жалеть?
Раз ведь в жизни умереть.
Скидавай кафтан, Сережа.
Помогай нам, святой Боже!
Братья все дивуются,
Сестры все красуются,
И стоим мы посреди,
Как два отрока в печи,
Хороши и горячи.
Держись удобней — никому уж не отдам.
За этот грех ответим пополам!

5. ВЫНОСКА ВТОРАЯ

Дымок сладельный вьется,
На завесе — звезда.
Я знаю: друг мой милый
Потерян навсегда.

Один у нас заступник,
Он в длинном сюртуке,
Мешает тонкой палочкой
В грошовом котелке.

Заплачено за помощь
(Считал я) пять рублей,—
А сердце бьется верою
Быстрой и веселей.

Мяукает на печке
Какой-то пошлый кот.
Помощник остановится,
Отрет платочком пот...

И дальше зачитает.
Тоска, тоска, тоска!
Прозрачней с каждым словом
Сосновая доска.

Тошнотное круженье...
В руке пустой бокал...
За сердце я схватился —
И друга увидал.

6. ТЕМНЫЕ УЛИЦЫ РОЖДАЮТ ТЕМНЫЕ ЧУВСТВА

Не так, не так рождается любовь!
Вошла стареющая персианка,
Держа в руках поддельный документ,—
И пронеслось в обычном кабинете
Восточным клетком сладостное: — Мечь! —
А как неумолим твой легкий шаг,
О кавалер умученных Жизелей!
Остановился у портьер... стоишь...
Трещит камин, затопленный весною.
Дыханье с той и с этой стороны
Непримиримо сталкивают искры...
Имагинация замкнула круг
И бешено спласталась в голове.
Уносится тайком чужой портфель,

Подносится отравленная роза,
И пузырьками булькает со дна
Возмездие тяжелым водолазом.
Следят за тактом мертвые глаза,
И сумочку волною не качает...
Уйди, уйди, не проливалась кровь,
А та безумица давно далёко!
Не говор — шепот, эхо — не шаги...
Любовь-сиротка, кто тебя калечил?
Кто выпивает кровь фарфорных лиц?
Благословение или заклятье
Исходит волнами от тонких рук?
Над девичьей постелью в изголовьи
Висит таинственный знакомый знак,
А колдовские сухожилья Винчи
Люциферически возносят тело
И снова падают природой косной,
Где ты, весенняя, сквозная роща?
Где ты, неломленная дико бровь?
Скорей бежать из этих улиц темных:
Поверь, не там рождается любовь!

7. ДОБРЫЕ ЧУВСТВА ПОБЕЖДАЮТ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Есть у меня вещица —
Подарок от друзей,
Кому она приснится,
Тот не сойдет с ума.

Безоблачным денечком
Я получил ее,
По гатям и по кочкам
С тех пор меня ведет.

Устану ли, вздремну ли
В неровном я пути —
Уж руки протянули
Незримые друзья.

Предамся ль малодушным
Мечтаньям и тоске —

Утешником послушным,
Что Моцарт, запоем.

Меж тем она — не посох,
Не флейта, не кларнет,
Но взгляд очей раскосых
На ней запечатлен.

И дружба, и искусства,
И белый низкий зал,
Обещанные чувства
И верные друзья.

Пускай они в Париже,
Берлине или где,—
Любимее и ближе
Быть на земле нельзя.

А как та вещь зовется,
Я вам не назову,—
Вещунья разобьется
Сейчас же пополам.

8. ВЫНОСКА ТРЕТЬЯ

По веселому морю летит пароход,
Облака расступились, что мартовский лед,
И зеленая влага поката.
Кирпичом поначищены ручки кают,
И матросы все в белом сидят и поют,
И будить мне не хочется брата.
Ничего не осталось от прожитых дней...
Вижу: к морю купаться ведут лошадей,
Но не знаю заливу названья.
У конюших бока золотые, как рай,
И, играя, кричат пароходу: «Прощай!»
Да и я не скажу «до свиданья».
Не у чайки ли спросишь: «Летишь ты зачем?»
Скоро люди двухлетками станут совсем,
Заводною заскачет лошадка.
Ветер, ветер, летящий, пловучий простор,

Раздувает у брата упрямый вихор,—
И в душе моей пусто и сладко.

1926

III

524—530. СЕВЕРНЫЙ ВЕЕР

Юр. Юркуну

1

Слоновой кости страус поет:
— Оледенелая Фелица! —
И лак, и лес, Виндзорский лед,
Китайский лебедь Бердсли снится.
Дощечек семь. Сомкни, не вей!
Не иней — букв совокупленье!
На пчельниках льняных полей
Голубоватое рожденье.

2

Персидская сирень! «Двенадцатая ночь».
Желтеет кожей водораздел желаний.
Сидит за прялкою придурковато дочь,
И не идет она поить псаломских ланей.
Без звонка, через кухню, минуя швейцара,
Не один, не прямо, прямо и просто
И один,
Как заказное письмо
С точным адресом под расписку,
Вы пришли.
Я видел глазами (чем же?)
Очень белое лицо,
Светлые глаза,
Светлые волосы,
Высокий для лет рост.
Всё было не так.
Я видел не глазами,
Не ушами я слышал:

От желтых обоев пело
Шекспировски плотное тело:
— «За дело, лентяйка, за дело».

3

О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!
Позолотись зимой, скачок!
Румяных крыльев какая рань!
Луком улыбки уныло рань.
Холодный пóтик рюмку скрыл,
Иголкой в плечи — росточек крыл.
Апрель январский, Альбер, Альбер,
«Танец стрекоз», арена мер!

4

Невидимого шум мотора,
За поворотом сердце бьется.
Распирает муза капризную грудь.
В сферу удивленного зора
Алмазный Нью-Йорк берется
И океанский, горный, полевой путь.
Раскидав могильные обломки,
Готова заплакать от весны незнакомка,
Царица, не верящая своему царству,
Но храбро готовая покорить переулок
И поймать золотую пчелу.
Ломаны брови, ломаны руки,
Глаза ломаны.
Пупок то подымается, то опускается...
Жива! Жива! Здравствуй!
Недоверие, смелость,
Желание, робость,
Прелесть перворожденной Евы
Среди австралийских тростников,
Свист уличного мальчишки,
И ласточки, ласточки, ласточки.

Баржи затопили в Кронштадте,
 Расстрелян каждый десятый,—
 Юрочка, Юрочка мой,
 Дай Бог, чтоб Вы были восьмой.

Казармы на затонном взморье,
 Прежний, я крикнул бы: «Люди!»
 Теперь молюсь в подполье,
 Думая о белом чуде.

На улице моторный фонарь
 Днем. Свет без лучей
 Казался нездешним рассветом.
 Будто и теперь, как встарь,
 Заблудился Орфей
 Между зимой и летом.
 Надеждинская стала лужайкой
 С загробными анемонами в руке,
 А Вы, маленький, идете с Файкой,
 Заплетая ногами, вдалеке, вдалеке.
 Собака в сумеречном зале
 Лает, чтобы Вас не ждали.

Двенадцать — вещее число,
 А тридцать — Рубикон:
 Оно носителю несло
 Подземных звезд закон.

Раскройся, веер, плавно вей,
 Пусти все планки в ход.
 Животные земли, огней,
 И воздуха, и вод.

Стихий четыре: север, юг,
 И запад, и восток.
 Корою твердой кроет друг
 Живительный росток.

Быть может, в щедрые моря
Из лейки нежность лью,—
Возьми ее — она твоя.
Возьми и жизнь мою.

1925

IV

531—537. ПАЛЬЦЫ ДНЕЙ

О. Черемшановой

1. ПОНЕДЕЛЬНИК / Луна

Прикосновенье лунных пальцев...
Вставай, лунатик, в путь-дорогу.
Дорога — чище серебра,
Белеет Ева из ребра,

Произрастают звери, птицы,
Цветы сосут земную грудь.
Всё, что свечой в субботу снится,
Ты можешь в небо окунуть.

Закладка. Радуга. Молебен.
Ковчег строгают старый Ной,
И день простой уже не беден —
Играет радостью иной.

В окошко зорю мирозданья
Пронзает школьникам петух.
О, первых почек клейкий дух,
О, раннее в росе свиданье!

2. ВТОРНИК / Марс

Приземисто краснея, глаз
Траншеи тускло озаряет.
Какой неслыханный рассказ
Глухая пушка повторяет?

Висит туман янтарево,
Столбом тускнеет зарево,
Клокочет в колбе варево,
Из-за моря нам марево.

Свары, ссоры,
Схватки, своры,
Шпоры, шоры

И барабан, барабан, барабан...

А люди тонки и стройны,
Неколебимы и высоки,
Как будто стеклами войны
Стекли бушующие соки.

Гляди в продольные глаза:
Не в сером вечере гроза,—
Блестит каюта на востоке.

Когда вы сидели на кресле, я думал, я думал,
я думал:

Зачем этот стан, эти ноги и ребра не могут
прижаться,

Зачем не могу я погладить затылок, и плечи, и щеки,
Зачем не измерить, целуя, длину протянувшего тела,
Не вычерпать воду озер, где испуганно «да»
рассмеялось?

И в город — начало конца — лазутчики тихо
вползали.

3. СРЕДА / Меркурий

Меркурий, Меркурий,
Черных курей зарежем.
Рудокоп с ногами крылатыми,
Рулевой задумчиво-юный,
Ходок по морям и по небу,
Безбородый Никола,
Офеня небесный,
Без брони, без пики архангел,
Шапка есть у тебя невидимка,
Посошок волшебный,
Учишь купцов торговать,
Корабельщиков плавать,
Поэтам нагоняешь сон,

Развязываешь воображенье,
Связываешь несвязуемое,
Изобретать ты учишь,
Выходить из положения,
Отталкиваться от земли
И снова к ней прикасаться.
Покой тебе ненавистен,
Умершим ты даешь мудрость.
В любви ты учишь уловкам,
Ревности, нежности,
Ссорам и примиренью,
Переходам к последней победе.
Ты переменчив, как радуга,
Твой день — посреди недели,—
Катись в любую сторону.

Серо ивы клонятся,
Сиро девы клонятся,
Прошуршала конница
Шумом бесшумным.
Ветер узаконится,
Крылья узаконятся,—
Веди, бледноколонница,
К думам бездумным.

Пастух и хранитель серебряных полей,
На горячую маковку молоко пролей!

4. ЧЕТВЕРГ / Юпитер

Довольно. Я любим. Стоит в зените
Юпитер неподвижный. В кабинет
Ко мне вошел советник тайный Гете,
Пожал мне руку и сказал: «Вас ждет
Эрцгерцог на бостон. Кольцо и якорь».
Закрыв окно, я потушил свечу.

5. ПЯТНИЦА / Венера

Кто скрижали понимает,
Кто благую весть узнает,
Тот не удивляется.

2 Вторник.

Пришлись крапиво, вез
Французы душно озадрели
Коткой несмаханной фрозкой
Турская пушка повторил?
Василу дуван жарарево,
Стоибым дувану зарева,
Клакогел в коиде варева,
Из зот моры ном марево:
Сварн, ссорн,
Схварки, сворн,
Шпорн, шорн
И барабан, барабан, барабан...

А люди тонки и стройны,
Неколбыми и ансоки
Как будто летящие вайны
Слегка бущуоизие соки.
Тилди в правдоубныи миза,
Ни в сероми ветери гроза,
Боксеру коюта на востоке.

Когда Вас сидели на крыси, а дуван
а дуван, а дуван,

По полям пятнистым идя
И цветущий крест увидя,
Сердцем умиляется.

Разомкнулись вес и мера,
У креста стоит Венера,
Очи томно кружатся.
По морю дымятся флоты,
Пташек мартовских полеты
Раздробила лужица.

Нисхожденье — состраданье,
Восхожденье — обладанье
Огибают струями.
О, святейший день недели,
Чтоб не пили и не ели —
Жили поцелуями.

6. СУББОТА

Беременная Рая,
Субботу приготовь:
Всё вымети,
Всё вычисти,
Чтоб оживились вновь
Мы запахами рая.

О, елка, о, ребята.
О, щука, о, чеснок.
Не выразить,
Не высказать,
Как жребий наш высок,
Как наша жизнь богата.

Ну, опустите полог.
Считай: рабочих шесть,
А день седьмой,
А день святой
На то у Бога есть,
Чтобы покой был долог.

Теперь гут нахт, тушите свечи
До деловой, житейской встречи.

7. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Только колоколам работа.
Равны рабы Божии.
Паруса опустились.
Штиль, безмолвие.
Если я встречу вас —
Не узнаю.
На всех крахмальные воротнички
И шляпы, как на корове седло.
Бездействие давит воочию.
Все блаженно растекаются
В подобии небытия.
Сердце боится остановок
И думает, что это сон,
Выдуманный Сёра и Лафоргом.
Подходило бы, чтобы у соседей
Непрерывно играли гаммы
И гуляли приюты,
Изнывая от пустоты.
Точка, из которой ростками
Расходятся будущие лучи.
1925

V

538—547. ДЛЯ АВГУСТА

С. В. Демьянову

1. ТЫ

Так долго шляпой ты махал,
Что всем ужасно надоел.
Взяла брюнетка на прицел,
Подрута вставила «нахал».

И долго крякал капитан,
Который здорово был пьян.

Махал, махал, и, наконец,
Когда остался ты один,
Какой-то плотный господин
Тебя уводит как отец.
В одной из светленьких кают
Уж скоро рюмки запоют.

Ты треугольник видишь бри
И рядом страсбургский пирог...
Тут удержаться уж не мог,
Подумал: «Ах, черт побери!
Я никогда их не едал,
У Блока кое-что читал».

Отец неожиданный стороной
Заводит речь о том, о сем:
Да сколько лет, да как живем,
Да есть ли свой у вас портной...
То Генрих Манн, то Томас Манн,
А сам рукой тебе в карман...

Папаша, папа, эй-эй-эй!
Не по-отцовски вы смелы...
Но тот, к кому вы так милы,—
Видавший виды воробей.
Спустилась шторка на окне,
Корабль несется по волне.

2. ЛУНА

А ну, луна, печально!
Печатать про луну
Считается банально,
Не знаю почему.

А ты внушаешь знанье
И сердцу, и уму:

Понятней расстоянье
При взгляде на луну,

И время, и разлука,
И тетушка искусств —
Оккультная наука,
И много разных чувств.

Покойницкие лица
Ты милым придаешь,
А иногда приснится
Приятненькая ложь.

Без всякого умения
Ты крыши зеленишь
И вызовешь на пенье
Несмысленную мышь.

Ты путаешь, вещаешь,
Кувыркаешь свой серп
И точно отмечаешь
Лишь прибыль да ущерб.

Тебя зовут Геката,
Тебя зовут Пастух,
Коты тебе оплата
Да вороной петух.

Не думай, ради Бога,
Что ты — хозяйка мне, —
Лежит моя дорога
В обратной стороне.

Но, чистая невеста
И ведьма, нету злей,
Тебе найдется место
И в повести моей.

Стоит в конце проспекта сад,
Для многих он — приют услад,
А для других — ну, сад как сад.

У тех, кто ходят и сидят,
Особенный какой-то взгляд,
А с виду — ходят и сидят,

Куда бы ни пришлось идти —
Всё этот сад мне по пути,
Никак его не обойти.

Уж в августе темнее ночи,
А под деревьями еще темнее.
Я в сад не заходил нарочно,
Попутчика нашел себе случайно...
Он был высокий, в серой кепке,
В потертом несколько, но модном платье.
Я голоса его не слышал —
Мы познакомились без разговоров,—
А мне казалось, что, должно быть,— хриплый.

— На Вознесенском близко дом...
Мы скоро до него дойдем...
Простите, очень грязный дом.—

Улыбка бедная скользит...
Какой у Вас знакомый вид!..
Надежды, память — всё скользит...

Ведь не был я нисколько пьян,
Но рот, фигура и туман
Твердили: — Ты смертельно пьян!..

Разделся просто, детски лег...
Метафизический намек
Двусмысленно на сердце лег.

4. ТОТ

Поверим ли словам цыганки,—
До самой смерти продрожим.
А тот сидит в стеклянной банке,
И моложав, и невредим.

Сидит у столика и пишет,—
Тут каждый Бердсли и Шекспир,—
Апрельский ветер тюль колышет,
Сиреневый трепещет мир,

Звенят, звенят невыносимо
Иголки, искры и вино,
И ласточки просвищут мимо
Американкою в окно.

Измены здесь для примиренья,
А примиренья для измен.
Политональнейшее пенье
От лаковых несется стен.

Всё кружится, и всё на месте...
Всё близко так, и всё поет,
Отчетливо, как при Норд-Эсте,
Прозрачно, словно жидкий мед...

Куда пропал ты, беспечальный
И чистый воздух медных скал?
На Вознесенском дом скандальный
Да пароходный тот нахал!

5. ТЫ / 2-ое

— Остановка здесь от часа до шести,
А хотелось бы неделю провести.
Словно зайчики зеркал,
Городок из моря встал,
Всё каналы да плотины,
Со стадами луговины,—
Нет ни пропастей, ни скал.

Кабачок стоит на самом берегу,
Пароход я из окна устерегу.
Только море, только высь.
По земле бы мне пройтись:
Что ни город — всё чудесно,
Неизвестно и прелестно,
Только знай себе дивись!

Если любишь, разве можно устоять?
Это утро повторится ли опять?
И галантна, и крепка
Стариковская рука.
Скрипнул блок. Пахнуло элем.
Чепуху сейчас замелем,
Не услышать нам свистка.

6. А Я / 2-ое

Постучали еле слышно...
Спичка чирк... шаги... глаза...
Шепот... «Вася, осторожней:
По домам идет обход».
— Шпалер, шпалер... Брось за печку...
— Гость?.. смывайтесь... разве пьян?..
— Черный ход еще не заперт,—
Мина Карловна сидит.
— Извиняюсь... не нарочно...
Я и сам тому не рад...
Я засыпаюсь, наверно,
На Конюшенной налет.
Ну, пока! — поцеловались...
— Стой! и я с тобой.— Куда? —
— Всё равно! — А попадетесь?
Укрывателю тюрьма.
Отчего же хриплый голос
Стал прозрачным и любимым,
Будто флейта заиграла
Из-за толстого стекла.
Отчего же эта нежность
Щеки серые покрыла,
Словно в сердце заключенной

Оставаться не могла?
Разве ты сидишь и пишешь,
Легче бабочки из шелка,
И причесан, и напудрен,
У апрельского стола?

— Что же стали? — Кот-басила...
Опрокинулось ведро.
— Тише, черти! — Сердце бьется,
Заливается свисток.
— Значит, ты?.. — До самой смерти! —
Улыбнулся в темноте.
— Может, ждать совсем не долго,
Но спасибо и на том.
Тут калитка возле ямы...
Проходной я знаю двор.
Деньги есть? Айда на Остров.
Там знакомый пароход,
Паспортов у нас не спросят,
А посадят прямо в трюм.
Дней пяток поголодаем
Вместе, милый человек!

7. ТОТ / 2-ое

Февральский радио поет
Приволье молодости дальной,
Натопленность кисейной спальней
И межпланетный перелет.

Перечит нежности начальной
Воспоминаний праздный счет.
Сереет снег, тончает лед,
Не уберечь зимы венчальной!

Хрусталь на прежнее стекло
Воображенье налагает,
Изменчивое так светло!

Плывут вуали, воздух тает...
И сонный вой гавайских труб
Напоминает трепет губ.

Луна! Где встретились!.. сквозь люки
Ты беспрепятственно глядишь,
Как будто фокусника трюки,
Что из цилиндра тянет мышь.
Тебе милей была бы урна,
Руины, жалостный пейзаж!
А мы устроились недурно,
Забравшись за чужой багаж!
Всё спит; попахивает дегтем,
Мочалой прелой от рогож...
И вдруг, как у Рэнбо, под ногтем
Торжественная щелкнет вошь.
И нам тепло, и не темно нам,
Уютно. Качки нет следа.
По фантастическим законам
Не вспоминается еда...
Сосед храпит. Луна свободно
Его ласкает как угодно,
И сладострастна, и чиста,
Во всевозможные места.
Я не ревнив к такому горю:
Ведь стоит руку протянуть —
И я с луной легко поспорю
На деле, а не как-нибудь!
Вдруг... Как?.. смотрю, смотрю... черты
Чужие вовсе... Разве ты
Таким и был? И нос, и рот...
Он у того совсем не тот.
Зачем же голод, трюм и море,
Зубов нечищенных оскал?
Ужели злых фантазмагорий,
Луна, игрушкою я стал?
Но так доверчиво дыханье
И грудь худая так тепла,
Что в темном, горестном лобзаньи
Я забываю всё дотла.

— Вы мне не нравитесь при лунном свете:
 Откуда-то взялись брюшко и плешь,
 И вообще, пора бы шутки эти
 Оставить вам,— Голландия скучна!
 — Но, детка, вы же сами захотели
 Остановиться в этом городке.
 Не думал я, что в столь прелестном теле
 Такой упрямец маленький сидит.
 — Вы лишены духовных интересов.
 Что надо вам, легко б могли найти
 В любом из практикующих балбесов!
 А я... а я...— Брюссельская капуста
 Приправлена слезами. За окном
 На горизонте растушеван густо
 Далекий дождь...
 В глазах плывет размытая фиалка,—
 Так самого себя бывает жалко!
 — Вы сами можете помочь невзгодам,
 Ведь дело не в Голландии, а в вас!
 — Нет, завтра, завтра, первым пароходом!
 А вас освобождаю хоть сейчас! —
 Забарабанил дружно дождь по крышам,
 Всё стало простодушней и ясней.
 Свисток теперь, конечно, мы услышим,
 А там посмотрим. «Утро вечера мудреней».

10. ВСЕ ЧЕТВЕРО / Апофеоз

Тра-та-та-та́-та, тра-та-та-та́-та,
 Тра-та-та-та́-та, тра-та́-та-та́!
 Нептун трезубцем тритонов гонит.
 Апофеоз. Апофеоз!

Тра-та-та-та́-та. Дельфин играет!
 Тра-та-та-та́-та. Яркая лазурь!
 Брады завеса ключом взлетает.
 Апофеоз. Апофеоз!

Парная роскошь — была мокредь.
 Повеял ужас, дымит восторг...

И ты — не тот ведь, и тот — не тот ведь!
Апофеоз. Апофеоз!

Потягиваясь сладко, вышли.
Голландия! Конец пути.
Идти легко, как паре в дышле.
И заново глядят глаза:
Земля и воздух — всё другое.
Кругом народ, всё видим мы,
И все-таки нас только двое,
И мы другие, как и все.
Какой чудесный день сегодня.
Как пьяно вывески твердят,
Что велика любовь Господня!
Поют опущенные сходни,
Танцуют краны, паруса.
Ты не сидишь уже, окован,
В стеклянном пресном далеке,
Кисейный столик расколдован
И бьется в сердце, как живой.
Вдруг... Боже мой. Навстречу пара,
И машет та же шляпа мне.
Ах, в ожидании удара
Прижаться в нежной простоте.
Другой кричит издалека:
— Fichue rencontre! c'est toi! c'est moi!¹

Толчком проворным старик за бортом.
Такая жертва, такой отказ
Считаться мог бы первейшим сортом.
Апофеоз. Апофеоз!

— Ведь я всё тот же! минута бреда...
Опять с тобою — и нет измен.—
— Круги бросайте! Тащите деда! —
Апофеоз. Апофеоз!

¹ Ничего себе встреча! вот и ты! вот и я! (фр.) — *Рег.*

Тра-та-та́-та. Но я не тот же
Тра-та-та-та́-та. Я не один!
— Какая черствость! и с кем? о Боже!
Тра-та-та-та́-та, тра-та-та-та́.

Триумф Нептуна туземцев тешит.
И остаются все при своем.
В восторге дядя затылок чешет.
Апофеоз! Апофеоз!

1927

VI

548—560. ЛАЗАРЬ

К. П. Покровскому

1. ЛАЗАРЬ

Припадочно заколотился джаз,
И Мицци дико завизжала: «Лазарь!»
К стене прилипли декольте и фраки,
И на гитары негры засмотрелись,
Как будто видели их в первый раз...

— Но Мицци, Мицци, что смутило вас?
Ведь это брат ваш Вилли? Не узнали?
Он даже не переменил костюма,
Походка та же, тот же рост, прическа,
Оттенок тот же сероватых глаз.

— Как мог мой Вилли выйти из тюрьмы?
Он там сидит, ты знаешь, пятый месяц.
Четыре уж прошло... Четыре чувства,
Четыре дня, четырехдневный Лазарь!
Сошли с ума и он, и Бог, и мы!

— Ах, Мицци дорогая...— О, позволь
Мне опуститься вновь в небытие,
Где золотая кровь и золотые

Марта сбилася с ног: принять, занять разговором,
Всех накормить, напоить, розы поставить на стол.
Мицци — та не хозяйка: только бы ей наряжаться,
Только бы книги читать, только бы бегать в саду.
Мицци имеет успех гораздо больший, чем Марта,
Не потому, что всего только семнадцать ей лет.
Марте тоже не много, она и добрей, и спокойней,
Меньше капризов у ней, чаще улыбка видна.
Мицци, за что ни возьмется, мигом всё одолеет,
Мигом забросит одно, мигом другое в уме.
То ненасытно танцует, хохочет, правит мотором,
То помрачнеет, как ночь, молча запрется одна,
Час, полтора просидит, плача, она неподвижно.
Губы кривятся, дрожат, сводит суставы болезнь...
Выйдет, как после припадка, сядет, глядит виновато...
Спрашивать вздумает кто, молвит: ...сидела у ног, —
Слава не очень хорошая ходит про наших сестричек.
Марту тревожит она, Мицци на всё наплевать...
Ну, а друзья? Да что же друзья? Какое им дело:
Музыка, танцы, игра, вечно вино на столе.

А Вилли — брат любимый;

Румян, высокий рост,

И сердце золотое,

И нравом очень прост.

Вилли несчастный, милый мой друг,
Зачем это время я вспомнил вдруг?

Быстро в беседку вошла и бросилась к Мицци на
шею,

Розою вся запыхав, старшая, Марта, сестра.

— Мицци, послушай меня: какая забавная новость!

Всех я корю за любовь, — вот полюбила сама.

— Марточка, Марточка, ты? Признаться —

разодолжила.

Можно и имя узнать? — Помнишь, высокий

блондин...

В Духов день он пришел и на крыльце спотыкнулся...

Вилли со скрипкой тогда в комнату быстро вбежал,

Гость покраснел и смутился... Ужели не помнишь,

родная? —

Мицци умолкла на миг, тень пробежала по лбу.

— Марта, разумная Марта, всё для других ты

рассудишь,

А доведись до себя — выйдешь ребенка глупей.
Ты полюбила его. Я верю и этому рада,
Но рассудила ли ты, что ты получишь в ответ? —
Марта, еще покраснев, смущенная, молвит: —

Зачем же

Он не выходит от нас, словно забыл о делах.
Он человек занятой, а вечно сидит да играет,
Слушает песни мои, робко краснеет, молчит. —
Мицци прищурила глаз и тихо, раздельно сказала:
— Мы тут, поверь, ни при чем; хочет он с Вилли
дружить.

А Вилли, брат любимый,
Глядит себе во двор...
Вот бы расхохотался,
Услыша разговор.

Вилли несчастный, милый мой друг,
Зачем это время я вспомнил вдруг?

4. ЭДИТ

Весь город поутру твердит:
— Вчера убита Джойс Эдит. —
А кто она, и где жила,
И с кем тот вечер провела?

Чужая смерть невнятна нам —
Поахали — и по делам:
Кто на завод, кто в магазин,
В контору, в банк — и ни один

Из них не думал, что когда-
Нибудь исчезнет навсегда.

Звенят трамваи, слаб ледок,
А девушка глядит в листок:
Всё те же десять черных строк,
А уж заныл от боли бок,

Расширенно стоят глаза,
И не бежит на них слеза,

И рот запекшийся твердит:
— Моя Эдит, моя Эдит.

Куда девался милых смех,
Улыбки и соболий мех,
Сережки длинные в ушах
И воробьиная душа?

Кто будет в опере бывать,
Блэк-беттом с Вилли танцевать?
Где ты упала, где лежишь,
Не обновивши модных лыж?

Тебя в саду я не найду...
Вдруг вскрикнула и на ходу
С трамвая бросилась в мотор...
Всё так же дик недвижимый взор.

Скорей, скорей, скорей, скорей
В простор сугробистых полей!
Прокрикнул адрес кое-как...
Шофер, как видно, не дурак,

Пускает запрещенный ход,
Застопорил лишь у ворот.
— Не надо сдачи! — Вот звонок...
Рукою жмет себе висок...

— Где Вилли? — Старшая сестра
Шепнула: — Он еще вчера
Был арестован.— Мицци, ах,
Не устояла на ногах.

5. суд

Дамы, дамы, молодые люди,
Что вы не гуляете по липкам,
Что не забавляетесь в Давосе,
Веселя снега своим румянцем?

Отчего, как загнанное стадо,
Вы толпитесь в этом душном зале,
Прокурора слушая с волнением,
Словно он объявит приз за хоккеей?
Замелькали дамские платочки,
Котелки сползают на затылок:
Видно, и убитую жалеют,
Жалко и убийцы молодого.
Он сидит, закрыв лицо руками;
Лишь порою вздрагивают уши
Да пробор меж лаковых волосьев
Проведен не очень что-то ровно.
Он взглянуть боится на скамейку,
Где сидят его родные сестры,
Отвечает он судьбе, не глядя,
И срывается любимый голос.
А взглянул бы Вилли на скамейку,
Увидал бы Мицци он и Марту,
Рядом пожилого господина
С черной бородою, в волчьей шапке...
Мицци крепко за руку он держит.
Та к нему лисичкою прижалась.
— Не волнуйтесь, барышня, о брате:
Как бы судьбы тут ни рассудили,
Бог по-своему всегда рассудит.
Вижу ясно всю его дорогу,—
Труден путь, но велика награда.
Отнимаются четыре чувства:
Осязанье, зренье, слух — возьмутся,
Обонянье испарится в воздух,
Распадутся связки и суставы,
Станет человек плачевней труп.
И тогда-то в тишине утробной
Пятая сестра к нему подходит,
Даст вкусить от золотого хлеба,
Золотым вином его напоит:
Золотая кровь вольется в жилы,
Золотые мысли — словно пчелы,
Чувства все вернуться хороводом
В обновленное свое жилище.
Выйдет человек, как из гробницы

Вышел прежде друг Господень Лазарь.—
Все писцы внезапно встрепенулись,
Перья приготовили, бумагу;
Из дверей свидетелей выводят,
Четверых подводят под присягу.
Первым нищий тут слепорожденный
Палкою настукивал дорогу,
А за ним домашняя хозяйка —
Не то бандерша, не то сиделка.
Вышел тут же и посадский шкетик,
Дико рот покрашен, ручки в брючки,
А четвертым — долговязый сыщик
И при нем ищейка на цепочке.
Встали все и приняли присягу.
— Отчего их четверо, учитель?
Что учил ты про четыре чувства,
Что учил про полноту квадрата,
Неужели в этом страшном месте
Понимать я начинаю числа?
Вилли, слушай! Вилли, брат любимый,
Опускайся ниже до предела!
Насладись до дна своим позором,
Чтоб и я могла с тобою вместе
Золотым ручьем протечь из снега!
Я люблю тебя, как не полюбит
Ни жена, ни мать, ни брат, ни ангел! —
Стали белыми глаза у Вилли,
И на Мицци он взглянул с улыбкой,
А сосед ее тихонько гладит,
Успокаивает и ласкает;
А в кармане у него конвертик
Шелестит с американской маркой:
«Часовых дел мастеру в Берлине,
Вильмерсдорф, Эммануилу Прошке».

6. ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ / Слепорожденный

Слепым родился я на свет
И так живу уж сорок лет,
Лишь понаслышке, смутно зная,
Что есть и зорька золотая,

Барашки белые в реке,
Румянец свежий на щеке.
И как бы ни твердили внятно,
А пестрота мне непонятна
Природы: для меня она
В глубокий мрак погружена.
Я рос и вырос сиротою
И по домам хожу с сумою.
Кто даст — Господь того спаси,
А нет — пустой суму неси.
Конечно, есть между слепыми —
Живут ремеслами какими,
Меня же смолоду влекло
На ветер, дождик, снег, тепло!
Что близких нет, так мне не жалко,
Верней родни слепому — палка:
Она и брат, она и друг,
Пока не выпадет из рук.
Вот так-то, палкою водимый,
Я брел равниною родимой...
Вдруг палкой ткнул — нельзя идти,
Лежит преграда на пути.
Остановился. Шум далёко,
Собака лает одиноко.
Провел рукою — предо мной
Лежит мужчина молодой...
Потрогал — он не шевелится,
А сердце бьется, ровно птица.
— Послушай, встань! Напился, брат?
Пора домой идти назад.
Замерзнешь на снегу...— Очнулся,
Вскочил и сам ко мне нагнулся.
— Кто здесь? Ты видел? Боже мой,
Собака гонится за мной!
— Я слеп и ничего не вижу,
А и видал бы — не обижу.
— Тебе не страшно? — Нет, чего?
— Я, может быть... убил кого!
— Всё может быть. Не нам, убогим,
Пристало быть к другому строгим.
Я — просто бедный человек.—

Умолк. Рука сгребает снег,
А снег ледок осевший кроет,
Да столб от телеграфа воеет,
Да поезд по мосту стучит,
Да ночь снеговая молчит...
— Ощупай мне лицо рукою!
Скажи, кто здесь перед тобою?
Глубоко врезалась печать?
Черты уж начали кричать?
— Ты — молодой и добрый мальй,
В нужде и горе не бывалый.
Есть у тебя друзья и дом,
Ты с лаской нежною знаком.
В труде рука не загубела,
Еще приятно, гладко тело...
Ты говоришь, что ты убил,—
Но грех до кожи не доплыл:
Она по-прежнему чиста,
Она по-прежнему свята,
По-прежнему ее коснуться —
Для жизни и любви проснуться.—
Он весь дрожит и руку жмет,
На снег умятый слезы льет.
— Есть люди, для которых Вилли
Его грехи не изменили!
Он денег дал, простился, встал...
С тех пор его я не встречал.

7. ВТОРОЙ СВИДЕТЕЛЬ / Хозяйка

Покойный муж говаривал мне: «Минна,
Умру спокойно — ты не пропадешь,—
Сумеешь грош нажить на каждый грош
И в деле разобраться, как мужчина».
А Фриц мой знал отлично в людях толк,—
Недаром шудманом служил лет десять;
На глаз определит — того повесят,
А тот поступит в гренадерский полк.
Ко мне, быть может, был он и пристрастен:
Свою жену ну как не похвалить?
Но вскоре приказал он долго жить.

В таких делах уж человек не властен!
Живым — живое, а умершим — тленье.
И вот, покрывшись траурным чепцом,
Открыла гарнированный я дом,
Чтоб оправдать супружеское мнение.
Вложила весь остаток капитала
Я в этот дом; не мало и хлопот...
А через год — глядь — маленький доход.
Но большего ведь я и не искала.
Без нищеты дни протянуть до смерти —
Вот вся задача. Но зато труда
Потратила не мало, господа,
На это дело, верьте иль не верьте!
Руководить жильцовскою оравой,
Распределять и строгость, и привет —
Трудней такой работы в свете нет.
Должны бы мы увенчиваться славой,
Как полководцы, иль как дипломаты,
Иль как какой известный дирижер...
Всё должен знать хозяйский слух и взор
Насчет скандалов, нравственности, платы.
Перебывала масса квартирантов;
Видала я и фрейлин, и певиц,
И адмиралов, и простых девиц,
И укротителей, и модных франтов.
И Джойс Эдит была между другими;
Актрисою писалася она,
Нужды не знала, но была скромна
И превосходно танцевала шимми.
Конечно, к ней ходили тоже гости,
Но человек — всегда ведь человек,
И так короток наш девичий век!
Степенным быть успеешь на погосте.
Я никого — мой Бог! — не осуждаю:
За молодость кто может быть судья?
Как вспомнится: «К Максиму еду я»,
Так до сих пор теряюсь и вздыхаю...
Меж прочими к нам приходил и Вилли,
И наконец — бывал лишь он один.
Ну что ж? Вполне приличный господин,
И по-семейному мы время проводили.

И барышня к нам часто забегала,
Его сестра, да друг его, блондин
Высокий, тоже милый господин,
И ничего я не подозревала.
В день роковой я около полночи
Решила спать. А Вилли был у нас
Свой человек!.. Я потушила газ
В передней и легла, сомкнувши очи.
Поутру встала. С виду всё в порядке.
Эдит вставала рано. Стук-стук-стук.
Стучу... Еще... Хоть бы единый звук
Из-за дверей в ответ! Как в лихорадке,
Какао я скорей на подоконник...
Стучу что мочи в двери кулаком,
Ломаю их, не думая о том,
Что, может, не ушел еще поклонник...
Ах, ах! как замертво я не упала?
Как упустил свою добычу черт?!
Бутылки между роз, слоеный торт
И два недопитых до дна бокала...
Лишилась дара речи... рву косынку,
Как дура... А Эдит моя лежит —
Как спит; кинжал в груди у ней торчит,
И кровь течет на новую простынку!..
Ну кто бы тут, скажите, не рехнулся?
Никто же ведь не думал, не гадал!
Такое преступленье и скандал!
Я на пол — бух, и речи дар вернулся.
Поверите, я никому на свете
Такого не желаю пережить.
Как застрахованной от горя быть,
Когда мы все как маленькие дети?..

8. ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ / Шкет

Что ж, господа, вы хотите знать?
Видел что? — ничего не видел.
Знал кого? — никого не знал.
Слышал кой-что, да и то случайно.

Род занятий? — как вам сказать?
Чем придется — всего вернее.
Возраст? — Двадцать. Холост. Крещен.
Местожительства не имею...
Был не очень большой мороз,
Как вы помните: сухо, ясно —
Прямо, погода как на заказ
Для такой вот бездомной братьи.
Тут кино, а туда — кафе,
Так — фонарь, там — стоянка трама.
Место бойкое, свет всюду:
Можно выбрать кого угодно!
Клюнуло... Видно, важный гусь.
Я за ним в переулок темный.
Вдруг куда-то пропал мой тип,
Будто сквозь землю провалился.
Закурил... Надо подождать.
Слышу в желудке: скоро полночь...
С двух... выходит — десять часов!
Дело дрянь! А стою у подъезда.
Как прошли, не заметил я,
Только слышу: как будто спорят.
Голос у девушки чист, приятен!
Думал — гулящая; нет, не то.
Ну а мужчина совсем как мальчик!
Старшие классы... юнкер... спорт.
Да и не спорят, а как-то странно
Оба волнуются всё об одном.
С голоду всё мне было понятно,
Вспомню — опять не понять ни черта.
Будто она ему: — Милый, ты видишь?
Легкая поступь тяжелей всех,
Легкий стук — это гроб забивают,
Плод получить — не сливы трясти.—
Он ей: — Когда тебя что смущает...
Ну, искушенье... сделай и брось!
Тут очищенье, крепость, сила.
— «Сделай и брось!» А прилипнет рука?
— Есть огонь, всякий клей растопит.
— Да, огонь, и железо, и смерть!
Тут умолкла. Вдруг очень нежно:

— Кто тебе дороже всего?
— Кто дороже всего, ты знаешь.
Я говорил, не скрывал ничего.
— Преступление — такая честность!
— Что с тобой? Ты сегодня больна?
— Ах, в болезни острее зрение,
Мысль яснее, тончает слух!
— Право, какая-то ночь вопросов!
— Что ж? пускай, но скажи мне одно,
Больше я приставать не буду:
Прав ли тот, кто уходит сам?
Ну, уходит... ты понимаешь?
— Я далеко не фаталист,
Но считаю, что все уходы
Нам предписывает судьба.
Тешимся детски свободной волей,
А уходим, окончив роль.
— Это ясно, по крайней мере! —
Тут вернулся мой господин,
Подошел и пыхнул сигарой...
Не напрасно так долго ждал!
Пусть приходят и пусть уходят, —
Что мне за дело до других?
Я на сегодня имею ужин...
А чего-то мне было жаль...

9. ЧЕТВЕРТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ / Сыщик

Когда нас пригласили вместе с Дэзи
На место преступления, я не знал,
В чем дело. Может быть, простой грабеж
Иль воровство. В лицо мне эта дама
Была известна, но особой слежки
За ней не полагалось, так что я
Не знал — ни кто она, ни с кем водилась,
Ни где бывала, — и пришел, как в лес.
Но для собаки не играет роли
Осведомленность: стоит ей на след
Напасть — и вам преступника отыщет.
Одно скажу, что не специалист
Тут действовал: следов он не засыпал

И прямо побежал, не забегая
Туда-сюда, без всяких остановок.
За ней помчалось на автомобилях
Нас человека три. В поля, за город,
За полотно куда-то нас вела.
Мы думали, совсем уж убежала...
Вдруг слышим лай — и бросились туда.
Лежал без чувств преступник на сугробе;
Сидела Дэзи, высунув язык,
И уходил вдали слепой прохожий...
Ведь на снегу всё видно, словно днем.
Отдался в руки он беспрекословно.
Свое я дело сделал. Дальше — вам!
Напомню только, что одна собака
В суде бывает лишена пристрастья,
Ей всё равно — что молод, стар, красив,
Один ли сын иль что-нибудь такое...
Всё это — человеческие чувства,
А ею водит нюх и запах крови.
Где запах крови, там ищи убийства.

10. ПОСЛЕ СУДА

Зачем идти домой,
Когда не встречу брата?
Весь мир мне стал тюрьмой,
А жизнь цвела когда-то
Привольно и богато
Тобой, одним тобой.

Зачем он всё молчал,
В устах улыбка жалась?
Он правды не искал,
И правда оказалась,
Как будто приближалось
Начало всех начал.

Начало всех начал друзей согнало
К Эммануилу за перегородку.

Тут ничего о Вилли не напомнит,
Тут тиканье часов их успокоит,
Глубокий голос уврачует раны,
Закат об утренней заре пророчит.

Ведь одного лишь нет,
А будто всё разбито,
И омрачился свет,
И солнце тучей скрыто.
До крика не забыто,
Какой несем ответ.

Связать нельзя черты,
Не восстановишь круга,
Своей неправоты
Не отогнать испуга,
И смотрят друг на друга,
И повторяют: «Ты».

11. НОЧЬЮ

Шаги за спиною, и черный канал,
А на сердце льется тягучий асфальт.
Зачем он увидел, зачем он догнал?
Пускай бы лишь искры, да сажа из труб,
Да куст бузины, неопрятен и тощ,
Тщедушный изгнанник младенческих роц!

Обгонит, быть может, и мимо пройдет?
Вот эта скамейка в тени на мосту...
Нет, шаг замедляет, за руку берет...
Теперь никуда от него не уйти!
О, как ненавистен и светлый пробор
И братом любимый болотистый взор!

— Куда вы, Мицци? Час глухой,
И место здесь глухое.
— Зачем следите вы за мной?
Мне тяжелее вдвое.

— Я должен вас оберегать,
Теперь я вместо брата.
— Нет! Вилли будет жить опять,
Как с нами жил когда-то! —

Стал гуще липкий полумрак.
— Не верите? молчите?
— Наверно, всё и будет так,
Как вы того хотите.

— Известно, вижу, что-то вам,
Чего другой не знает.
Быть может, сами были там,
Где дух Эдит витает?

Зачем молчанием томить?
Сознайтесь: были? были??..
Она могла помехой быть —
И вы ее убили.

Так ясно всё! Конечно, вы...
Другой посмел бы кто же?
Но он смолчал — и вы правы,
И всё на бред похоже!

— Нет, я не убивал... А бред
Всегда был в этом деле.
Сказали бы: «Виновных нет», —
Когда б понять сумели.

— Кругом такая пустота...
Я ничего не вижу...
Я не любила вас всегда,
Теперь же ненавижу!..

— Всё это бред. Я вам — не враг.
Я друг, поймите, Вилли. —
Они ускорили свой шаг,
Про тех не говорили.

И быстро и молча проходят они
Заводы, заставы, заборы, мосты...
Слилися вдали городские огни,
И ветру просторней, и тише дышать...
Виднеется вдруг словно вымерший дом —
По снам позабытым он сердцу знаком.

12. ПОСЕЩЕНИЕ

В окне под потолком желтеет липа
И виден золотой отрезок неба.
Так тихо, будто вы давно забыты,
Иль выздоравливаете в больнице,
Иль умерли, и всё давно в порядке.
Здесь каждая минута протекает
Тяжелых, полных шестьдесят секунд.
И сердце словно перестало биться,
И стены белы, как в монастыре.
Когда раздался хриплый скрип ключа,
Сидевший у стола не обернулся,
А продолжал неистово смотреть
На золотую липу в небе желтом.
Вот перед ним какой-то человек.
Он в волчьей шапке, с черной бородою,
В руках он держит круглый белый хлеб
И узкогорлую бутылку с рейнским.
— Я навестить пришел вас. Может быть,
Не только навестить...— Молчит, ни слова.
— Мне всё известно. Вы ведь Вильгельм Штуде.
У вас есть сестры, Марта и Мария,
И друг у вас Эрнест фон Гогендакель...
А Джойс Эдит вам не была невестой.
— Вот чудеса! Газетные известья!
Кто ж этого не знает? Имена!
— Ну хорошо. Тогда напомню то,
Что не было помещено в газетах:
Что вы Эдит совсем не убивали,
А взяли на себя вину затем,
Чтоб не коснулось подозренье друга.
— Зачем нам заново вести все дело?
В суде сказалося не мнение судей,

А чья-то правда правду оттолкнула
И мне не позволяла говорить.
Теперь мне всё равно, как будто чувства
Мои исчезли, связки и суставы
Распалися. Одна осталась жажда
Да голод маленький. Вот, я читал,
Что дикари живьем съедают бога.
Того, кто дорог, тоже можно съесть.
Вы понимаете? я будто умер,
И приговор есть только подтвержденье
Того, что уж случилось. Право, так.
— Я вам принес хорошего вина.
Попробуйте и закусите хлебом.
— О, словно золото! А хлеб какой!
Я никогда такой не видел корки!
Вливается божественная кровь!
Крылатыми становятся все мысли!
Да это — не вино, не хлеб, а чудо!
И вас я вспоминаю. Вас видал,
Еще когда я назывался Вили.
Теперь я, может быть, уж Фридрих, Карл,
Вольфганг иль как-нибудь еще чуднее.
— Идемте. Дверь открыта. Всё готово.
Вас ждут. Вы сами знаете — вас любят.
И заново начать возможно жизнь.
— А Джойс Эдит, бедняжка, не воскреснет.
— Воскреснет, как и все. Вам неизвестно,
Что у меня предсмертное письмо
Ее находится? Улики сняты.
— Ах так!.. Я разучился уж ходить...
Я не дойду. Какое солнце! Липы!

13. ДОМ

Благословен, благословен
И сад, и дом, и жизнь, и тлен.
Крыльцо, где милый друг явился,
Балкон, где я любви учился,
Где поцелуй запечатлен!

Вот две сестры, учитель, друг.
Какой восторженный испут!
Ведь я опять на свет родился,
Опять я к жизни возвратился,
Преодолев глухой недуг!

Зачем же Мицци так бледна?
О чем задумалась она,
Как будто брату и не рада,—
Стоит там, у калитки сада,
В свои мечты погружена?

— О, тише, тише,— говорит,—
Сейчас придет сюда Эдит.
Она уснула — не шумите.
К окну тихонько подойдите
И посмотрите — тихо спит...

Нет, Вилли, нет. Ты был не прав.
У ней простой и нежный нрав.
Она мышонка не обидит...
Теперь она тебя не видит,
Но выйдет, досыта поспав.

Смешной нам выдался удел.
Ты, братец, весь позолотел:
Учитель, верно, дал покушать?..
Его по-детски надо слушать:
Он сделал всё, что он умел.

Взгляни с балкона прямо вниз:
Растет малютка-кипарис,
Всё выше траурная крошка!
Но погоди еще немножко —
И станет сад как парадиз!..

Как золотится небосклон!
Какой далекий, тихий звон!
Ты, Вилли, заиграл на скрипке?
Кругом светло, кругом улыбки...
Что это? сон? знакомый сон?..—

А брат стоит, преображен,
Как будто выше ростом он...
Не видит он, как друг хлопчет —
Вернуть сознание Мицци хочет —
И как желтеет небосклон...

1928

II
СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ПРИЖИЗНЕННЫЕ
СБОРНИКИ

Лодка тихо скользила по глади зеркальной,
 В волнах тумана серебристых задумчиво тая.
 Бледное солнце смотрело на берег печальный,
 Сосны и ели дремотно стояли, мечтая.

Белые гряды песку лежат молчаливо,
 Белые воды сливаются с белым туманом,
 Лодка тонет в тумане, качаясь сонливо,—
 Кажется лодка, и воды, и небо — обманом.

Солнца сиянье окутано нежностью пара,
 Сосны и ели обвеяны бледностью света,
 Солнце далёко от пышного летнего жара,
 Сосны и ели далёки от жаркого лета.

<1896—1897>

562. АПУЛЕЙ

Бледное солнце осеннего вечера;
 Грядки левкоев в саду затворенном;
 Слышатся флейты в дому, озаренном
 Солнцем осенним бледного вечера;
 Первые звезды мерцают над городом;
 Песни матросов на улицах темных,
 Двери гостиниц полуотворенных;
 Звезды горят над темнеющим городом.
 Тихо проходят в толпе незаметные
 Божьи пророки высот потаенных;
 Юноши ждут у дверей отворенных,
 Чтобы пришли толпе не заметные.
 Пестрый рассказ глубины опьяняющей,
 Нежная смерть среди роз отцветающих,
 Ты — мистагог всех богов единящий,
 Смерть Антиноя от грусти томящей,
 Ты и познание, ты и сомнение,

Вечно враждующих ты примирение,
Нежность улыбки и плач погребальный,
Свежее утро и вечер печальный.

1902

563—575. ТРИНАДЦАТЬ СОНЕТОВ

Посвящается А. Б<ехли>

1
(Вступительный)

Меня влекут чудесные сказанья,
Народный шум на старых площадях,
Ряд кораблей на дремлющих морях
И блеск парчи в изгибах одеянья.

Неясные и странные желанья...
Учитель сгорбленный, весь в сединах,
И рядом — отрок с тайною в глазах...
В тени соборов дремлют изваянья...

В каналах узких отблески огней,
Звук лютни, пенье, смех под черной маской,
Стук шпаг, повсюду кровь... свет фонарей...

Ряд дам, мечтающих над старой сказкой...
Глаза глядят внимательно и нежно,
А сердце бьется смутно и мятежно.

2

Открыто царское письмо нельзя прочесть,
Но лишь поднести его к свече горячей —
Увидишь ясно из бумаги спящей
Ряд слов, несущих царственную весть.

Бывает нужно правду с ложью сплести,
Пустые речи с истиной гласящей,
Чтобы не мог слуга неподходящий
Те думы царские врагу донести.

Моя душа есть царское письмо,
Закрото всем, незначаще иль лживо.
Лишь тот прочтет, кому прочесть дано,
Кому гонец приносит бережливо.

От пламени любви печати тают
И знаки роковые выступают.

3

В густом лесу мы дождь пережидали,
По колеям бежали ручейки,
Был слышен шум вздымавшейся реки,
Но солнце виделось уж в ясной дали.

Под толстым дубом мы вдвоем стояли,
Широким рукавом твоей руки
Я чуть касался — большей нет тоски
Для сердца, чуткого к такой печали.

К одной коре щекой мы прижимались,
Но ствол меж нами был (ревнивый страж).
Минуты те не долго продолжались,
Но сердце потерял я вмиг тогда ж

И понял, что с тобой я неразделен,
А солнце так блестит, а лес так зелен!

4

Запел петух, таинственный предвестник,
Сторожкий пес залаял на луну —
Я всё читал, не отходя ко сну,
Но всё не приходил желанный вестник...

Лишь ты, печаль, испытанный наперсник,
Тихонько подошла к тому окну,
Где я сидел. Тебя ль я ждал одну,
Пустынной ночи сумрачный наместник?

Но ты, печаль, мне радость принесла,
Знакомый образ вдруг очам явила
И бледным светом сердце мне зажгла,
И одиночество мне стало мило...

Зеленоватые глаза с открытым взглядом
Мозжечек каждый мне налили ядом...

5

В романе старом мы с тобой читали
(Зовется он «Озерный Ланселот»),
Что есть страна под ровной гладью вод,
Которой люди даже не видали.

Лишь старики от прадедов слышали,
Что там живет особый, свой народ,
Что там есть стены, башни, ряд ворот,
Крутые горы, гаснущие дали...

Печали сердца, тающая сладость
Так крепко скрыты от людских очей,
Что им не видны ни печаль, ни радость,
Ни пламень трепетной души моей —

И кажется спокойной моря гладь
Там, где пучин должно бы избегать.

6

Есть зверь норок, живет он в глуби моря,
Он мал, невидим, но когда плывет
Корабль по морю — зверь ко дну прильнет
И не пускает дальше, с ветром споря.

Для мореходцев большего нет горя,
Как потерять богатство и почет,
А сердце мне любовь теперь гнетет
И крепко держит, старой басне вторя.

Свободный дух полет свой задержал,
Упали смиренно сложенные крылья,
Лишь только взор твой на меня упал
Без всякого страданья и усилья.

Твой светлый взгляд, волнующий и ясный,
Есть тот норок незримый, но всевластный.

7

В Кремоне скрипку некогда разбили
И клеили; бездушный, тусклый звук
Преобразился в нежный, полный вдруг,
И струны, как уста, заговорили.

Любовь и скорбь в тех звуках слышны были,
Рожденных опытностью властных рук,
Мечты, и страсть, и трепетный испуг
В сердцах замороженных пробудили.

Моя душа была тиха, спокойна,
Счастлива счастьем мертвым и глухим.
Теперь она мятется, беспокойна,
И стынет ум, огнем любви палим.

Воскресшая, она звенит, трепещет,
И скорбь безумная в ней дико блещет.

8

С прогулки поздней вместе возвращаясь,
Мы на гору взошли; пред нами был
Тот городок, что стал мне нежно мил,
Где счастлив я так был, с тобой встречаясь.

И, неохотно с лесом расставаясь,
Когда уж вечер тихо подступил
(Тот теплый вечер — дорог и уныл),
Мы стали оба, медленно прощаясь.

И ноги как в колодках тяжелели,
Идя различною с тобой тропой,
И всё в уме слова твои звенели,
Я как скупец их уносил с собой,

Чтоб каждый слог незначащей той речи
Меня питал до новой дальней встречи.

9

Пусть месяц молодой мне слева светит,
Пускай цветок последним лепестком
Мне «нет» твердит на языке немом —
Я знаю, что твой взор меня приметит.

Колдунья мне так ясно не ответит
Своими чарами и волшебством,
Когда спрошу о счастья я своим,
И звуков счастья слепо не заметит.

Пусть «чет иль нечет» мне сулит несчастье,
Пусть смутный сон грозит бедою злой,
Пусть, загадавши ведро иль ненастье,
Обманут встану хитрою судьбой.—

Пусть всё про нелюбовь твердит всегда —
Твоя улыбка говорит мне «да».

10

Из глубины земли источник бьет.
Его художник опытной рукою,
Украшив хитро чашей золотою,
Преобразил в шумящий водомет.

Из тьмы струя, свершая свой полет,
Спадает в чашу звучных капель толпою,
И золотится радужной игрою,
И чаша та таинственно поет.

В глубь сердца скорбь ударила меня,
И громкий крик мой к небу простирался,
Коснулся неба, радужно распался
И в чашу чудную упал звеня.

Мне петь велит любви лишь сладкий яд —
Но в счастья уста мои молчат.

11

От горести не видел я галеры,
Когда она, качаясь, отплыла;
Вся та толпа незрима мне была,
И скорбь была сверх силы и сверх меры.

Страдали так лишь мученики веры:
Неугасимо в них любовь жила,
Когда терзала их железная пила,
Жрал рыжий лев иль пестрые пантеры.

Всегда с тобой душою, сердцем, думой
Я, рассеченный, за тобой плыву,
А телом — здесь, печальный и угрюмый,
И это всё не сон, а наяву.

Из всей толпы улыбка лишь твоя
С галеры той светилась для меня.

12

Всё так же солнце всходит и заходит,
На площадях всё тот же шум и гам,
Легка всё так же поступь стройных дам —
И день сегодня на вчера походит.

Раздумье часто на меня находит:
Как может жизнь идти по колеям,
Когда моя любовь, когда я сам
В разлуке тяжкой, смерть же не приходит?

Вы, дамы милые, без сердца, что ли?
Как вы гуляете, спокойны и ясны,
Когда я плачу без ума, без воли,
Сквозь плач гляжу на нежный блеск весны?

Ты, солнце красное, зачем всходило,
Когда далеко всё, что было мило?

13

Моя печаль сверх меры и границ;
Я так подавлен мыслью об утрате,
Как каторжник в холодном каземате,
Наполненном двухвосток и мокриц.

Как труп бездушный, падаю я ниц,
И грезятся мечтанья о возврате,
Как будто в тусклом розовом закате
Иль в отблеске стухающих зарниц.

Увижу ль я тебя, мой друг желанный,
Ряд долгих зимних дней мечтой прожив?
Придет ли ясный день, так долго жданный,
Когда весна несет любви прилив?

Когда с цветов струятся ароматы,
Увидишь ли, увидишь ли меня ты?

Лето—осень 1903

576. РЕКИ

Реки вы, реки, веселые реки,
С вами расстаться я должен навеки.

Горы высокие, снежные дали,
Лучше б глаза мои вас не видали!

Сердце взманили зарею багряной,
Душу мне сделали гордой и пьяной.

Чаща лесная, ручей безыменный —
Вот где темница для страсти надменной.

Страсти надменной, упорной и пьяной,
Бурно стремящейся к воле багряной.

Но не поверю, чтоб вновь не видали
Очи мои лучезарной той дали.

В тесный ручей я уйду не навеки,
Снова вернусь к вам, веселые реки.

1904

577

Пришли ко мне странники из пустыни,
Пришли ко мне гости сегодня,
Они были вестники благостыни
И вестники гнева Господня.
И сели под дубом мы в тень у дома,
Чтоб им отдохнуть от скитаний,
И в лицах читал я их казнь Содома
За дерзостность ярых желаний.
«Не снести,— подумал я,— жителям града,
Не снести красоты лучистой;
Какая безумцам грозит награда,
Когда любовь будет нечистой?
Напрасно Лот дочерей предложит —
Ему самому пригодятся.
Огню же, что мозг их и кости гложет,
От ангелов только уняться».
Молил я ангелов о прощеньи,
И благостны были их лица,
Но чем лучезарней будет явленье,
Яснее тем гнева зарницы.
Я утром, предчувствуя страх и горе,
Взглянул на соседей долину.
Сквозь дым на рассвете блестело море,
Блестело оно к Еглаину.
На месте, где были дома с садами,
Лишь волны спокойно плещут,

Да птицы, высоко летя стадами,
От солнца невидного блещут.

1904

578—586. ХАРИКЛ ИЗ МИЛЕТА

1

В ранний утра час покидал Милет я.
Тихо было всё, ветерок попутный
Помощь нам сулил, надувая парус,
В плаваньи дальнем.

Город мой, прощай! Не увижу долго
Я садов твоих, побережий дальних,
Самоса вдали, голубых заливов,
Отчего дома.

Круг друзей своих покидаю милых,
В дальний, чуждый край направляю путь свой,
Бури, моря глубь — не преграда ждущим
Сладкой свободы.

Как зари приход, как маяк высокий,
Как костер вдали среди ночи темной,
Так меня влечет через волны моря
Рим семихолмный.

2

Тихо в прохладном доме у философа Манлия Руфа,
Сад — до тибурских ворот.
Розы там в полном цвету, гиацинты, нарциссы и
мята,

Скрытый журчит водомет.

В комнатах окна на юг (на всё лето он Рим
покидает),

Трапеза окнами в сад.

Часто заходят к нему из сената степенные мужи,
Мудрые речи ведут!

Часто совета спросить забегают и юноши к Руфу:
Он — как оракул для них.
Манлий — знаток красоты; от раба до последней
безделки —
Всё — совершенство в дому.
Лучше же нет его книг, что за праздник
пыгливому духу!
Вечно бы книги читал!
Ласков Манлий со мной, но без крайности,
без излишней:
Сдержанность мудрым идет.

3

Я белым камнем этот день отмечу.
Мы были в цирке и пришли уж поздно:
На всех ступенях зрители теснились.
С трудом пробившись с Манлием мы к месту.
Все были налицо: сенат, весталки;
Лишь место Кесаря еще пустело.
И, озирая пестрые ступени,
Двух мужей я заметил, их глаза
Меня остановили... я не помню:
Один из них был, кажется, постарше
И так смотрел, как заклинатель змей,—
Глаз не сводил он с юноши, тихонько,
Неслышно говоря и улыбаясь...
А тот смотрел, как будто созерцая
Незримое другим, и улыбался...
Казалось, их соединяла тайна...
И я спросил у Манлия: «Кто эти?»
— Орозий-маг с учеником; их в Риме
Все знают, даже задавать смешно
Подобные вопросы... тише... цезарь. —
Что будет, что начнется, я не знаю,
Но белым камнем я тот день отметил.

4

С чем сравню я тебя, тайной любви огонь?
Ты стрела из цветов, сладкую боль с собой

Нам всегда ты несешь; ты паутины сеть,—
Льву ее разорвать нельзя.

Аргус ты и слепец, пламя и холод ты,
Кроткий, нежный тиран, мудрость безумья ты,
Ты — здоровье больных, буря спокойная,
Ты — искатель цветных камней.

Тихо всё в глубине; сердце как спит у нас:
Эрос, меткий стрелок, сердце пронзит стрелой —
Славно луч заблестит алой зари дневной.
Мрак ночной далеко уйдет.

Всё сияет для нас, блеском залито всё,
Как у лиры струна, сердце забьется вдруг,
Будто факел зажгли в царском хранилище,—
Мрак пещеры убит огнем.

Эрос, факел святой, мрак разогнал ты нам,
Эрос, мудрый стрелок, смерть и отраду шлешь,
Эрос, зодчий-хитрец, храмы созиждешь ты,
Ты — искатель цветных камней.

5

Я к магу шел, предчувствием томим.
Был вечер, быстро шел я вдоль домов,
В квартал далекий торопясь до ночи.
Не видел я, не слышал ничего,
Весь поглощенный близостью свиданья.
У входа в дом на цепи были львы,
Их сдерживал немой слуга; в покоех
Всё было тихо, сумрачно и странно;
Блестела медь зеркал, в жаровне угли
Едва краснели. Сердце громко билось.
К стене я прислонившись, ждал в тиши.
И вышел маг, но вышел он один...

Радостным, бодрым и смелым зрю я блаженного
 мужа,
 Что для господства рожден, с знаком царя на челе.
 Всем не одно суждено, не одно ведь для всех —
 добродетель,
 Смело и бодро идет вечно веселый герой.
 В горных высотах рожденный поток добегаёт до
 моря.
 В плоских низинах вода только болото даёт.
 С кровли ты можешь увидеть и звезды далекие в
 небе,
 Темную зелень садов, город внизу под холмом.
 Скорым быть, радости вестник, тебе надлежит;
 осушивши
 Кубок до дна, говори: «Выпил до капли вино».
 И между уст, что к лобзанию стремятся, разлука
 проходит.
 Скорым быть нужно, герой; куй, пока горячо.
 Радостна поступь богов, легка, весела их осанка,
 Смех им премудрей всего, будь им подобен, герой.

Казнят? казнят? весь заговор открыт!..
 Всё цезарю известно, боги, боги!
 Орозий, юноша и все друзья
 Должны погибнуть иль бежать, спастись.
 По всем провинциям идут аресты,
 Везде, как сеть, раскинут заговор.
 Наверно, правду Руф сказал, но что же будет?
 И юноша погибнет! он шепнул мне:
 «Во вторник на рассвете жди меня
 У гаванских ворот: увидит цезарь,
 Что не рабов в нас встретил, а героев».

Как помню я дорогу на рассвете,
 Кустарник по бокам, вдали равнину,

На западе густел морской туман,
И за стеной заря едва аела.
Я помню всадника... он быстро ехал,
Был бледен, сквозь одежду кровь сочилась,
И милое лицо глядело строго.
Сошел с коня, чтоб больше уж не ехать,
Достал мне письма, сам бледнел, слабей:
«Спеши, мой друг! мой конь — тебе, скорее,
Вот Прохору в Ефес, вот в Смирну; сам ты
Прочтешь, куда другие. Видишь, видишь,
Меж уст, к лобзанию близких, смерть проходит!
Убит учитель, я едва умчался.
Спеши, мой милый (всё слабел, склоняясь
Ко мне). Прощай. Оставь меня. Не бойся».
И в первый раз меня поцеловал он
И умер... на востоке было солнце.

9

Солнце, ты слышишь меня? я клянуся великою
клятвой:
Отныне буду смел и скор.
Солнце, ты видишь меня? я целую священную
землю,
Где скорбь и радость я узнал.
Смерть, не боюсь я тебя, хоть лицом я к лицу тебя
встретил,
Ведь радость глубже в нас, чем скорбь.
Ночь! Мне не страшен твой мрак, хоть темнишь ты
вечернее небо;
К нам день святой опять придет!
Всех призываю я, всех, что ушли от нас в мрак
безвозвратный,
И тех, чья встреча далека;
Вами, любимыми мной, и которых еще люблю я,
Клянуся клятвою святой.
Радостный буду герой, без сомнений, упреков и
страха,
Орлиный взор лишь солнце зрит.
Я аргонавт, Одиссей, через темные пропасти моря
В златую даль чудес иду.

Август 1904

1

С тех пор как ты, без ввода во владенье,
 Владеешь крепко так моей душой,
 Я чувствую, что целиком я — твой,
 Что всё твое: поступки, мысли, пенье.
 Быть может, это не твое хотенье —
 Владеть моею жизнью и мечтой,
 Но, оказавшись под твоей рукой,
 Я чувствую невольное волнение:
 Теперь, что я ни делаю — творю
 Я как слуга твой, потому блаженство
 В том для меня, чтоб, что ни говорю,
 Ни делаю — всё было совершенство.
 Хожу ли я, сижу, пишу ль, читаю —
 Всё перлом быть должно — и я страдаю.

2

Ни бледность щек, ни тусклый блеск очей
 Моей любви печальной не расскажут
 И, как плуты-приказчики, покажут
 Лишь одну сотую тоски моей.
 Ах, где надежды благостный елей?
 Пусть раны те им бережно помажут,
 Пускай врачи, заботливо накажут,
 Чтоб в комнате не слышалось речей.
 Пускай внесут портрет, столь сердцу милый,
 Зеленая завеса на окно;
 И звуки песни сладкой и унылой,
 Когда-то слышанной, давно... давно...
 Но лживы все слова, как женский глаз...
 Моя печаль сильнее в сотни раз!..

3

Твой взор — как царь Мидас — чего коснется,
 Всё в золото чудесно обратит.
 Так искра, в камне скрыта, тихо спит,

Пока от молота вдруг не проснется.
Израиль Моисея так дождется —
И из скалы источник побежит.
Про чудо равное всё говорит,
Куда пытливый взор ни обернется...
Ты всё, чего коснешься, золотишь,
Всё освящаешь, даже не желая,
И мне ты золотым же быть велишь,
А я не золочусь, стыдом сгорая.
Без скромности уж я не золотой,
Не золотым же я — обидчик твой.

4

Врач мудрый нам открыл секрет природы:
«Что заставляет нас в болезнь впадать,
То, растворенное, и облегченье дать
Нам может», — и целятся тем народы.
Но не одни телесные невзгоды
Закону отдала природа-мать,
Покорно голосу ее внимать
Лишь люди не сумели долги годы.
А так легко: твой взор печаль мне дал,
И радость им же может возвратиться.
Ведь тут не лабиринт, где сам Дедал,
Строитель хитрый, мог бы заблудиться.
С разлукой лишь не знаю, как мне быть.
Или разлукою с разлукою целить?

5

Ах, я любви ленивый ученик!
Мне целой азбуки совсем не надо:
Двух первых букв довольно мне для склада,
И с ними я всю жизнь свою проник.
Ничтожен ли мой труд или велик,
Одна моим стараниям отрада,
Одна блестит желанная награда:
Чтоб А и Б задумались на миг,
Не о строках моих, простых и бедных,
Где я неловко ставлю робкий стих

В ряды метафор суетных и бледных,
Не о любви, что светит через них.
А чтоб не говорить, что мы лукавим,
Меж А и Б мы букву Д поставим.

6

Читаю ли я «Флор и Бланшефлор»,
Брожу ль за Дантом по ступеням ада,
Иль Монтеверди, смелых душ отрада,
Меня пленяет, как нездешний хор.

Плетет ли свой причудливый узор
Любви и подвигов Шехеразада,
Иль блеск осенний вянущего сада
К себе влечет мой прихотливый взор,

Эроса торс, подростки Ботичелли
Иль красота мелькнувшего лица,—
То вверх, то вниз, как зыбкие качели,
Скользящие мечтанья мудреца,—

Приводят мне на мысль одно и то же:
Что светлый взор твой мне всего дороже.

7

Как Порции шкатулка золотая
Искателей любви ввела в обман
И счастья залог тому был дан,
Кем выбрана шкатулочка простая,
И как жиды каморка запертая
Хранит Челлини дивного стакан,
И с бирюзою тайный талисман,
И редкие диковины Китая.
Зерно кокоса в грубой спит коре,
Но мягче молока наш вкус ласкает.
И как алмазы кроются в горе,
Моя душа клад чудный сохраняет.
Открой мне грудь — и явится тебе,
Что в сердце у меня горят: А. Б.

Я не с готовым платьем магазин,
 Где всё что хочешь можно взять померить
 И где нельзя божбе торговца верить;
 Я — не для всех, заказчик мой один.

Всех помыслов моих он господин,
 Пред ним нельзя ни лгать, ни лицемерить,
 Власть нежную его вполне измерить
 Тот может лишь, над кем он властелин.

Ему я пеструю одежду шью,
 Но складки легкие кладу неровно,
 Ему я сладостно и горько слезы лью,
 О нем мечтаю свято и любовно.

Я мудрый швец (заказчик мой один),
 А не с готовым платьем магазин.

Не для того я в творчество бросаюсь,
 Чтоб в том восторге позабыть тебя,
 Но и в разлуке пламенно любя,
 В своих мечтах тобой же окрыляюсь.
 Неверности к тебе не опасаясь,
 Так смело я ручаюсь за себя,
 И, всё чужое в сердце истребя,
 Искусства я рукой твоей касаюсь.
 Но иногда рожденные тобою
 Так властны образы... дух пламенеет,
 В душе тогда, охваченной мечтою,
 В каком-то свете образ свой темнеет.
 Но чем полней тебя я забываю,
 Тем ближе я тогда к тебе бываю.

Твое письмо!.. о светлые ключи!
 Родник воды живой в пустыне жаркой!

Где мне найти, не будучи Петраркой,
Блеск жгучих слов, как острые мечи?

Ты, ревность жалкая, молчи, молчи...
Как сладко в летний день, сухой и яркий,
Мечтать на форуме под старой аркой,
Где не палят жестокие лучи.

Опять я вижу строчек ряд небрежных,
Простые мысли, фразы без затей.
И, полон дум таинственных и нежных,
Смотрю, как на играющих детей...

Твое письмо я вновь и вновь читаю,
Как будто прядь волос перебираю.

11

Как без любви встречать весны приход,
Скажите мне, кто сердцем очерствели,
Когда трава выходит еле-еле,
Когда шумит веселый ледоход?

Как без любви скользить по глади вод,
Оставив весла, без руля, без цели?
Шекспир влюбленным ярче не вдвойне ли?
А без любви нам горек сладкий мед.

Как без любви пускаться в дальний путь?
Не знать ни бледности, ни вдруг румянцев,
Не ждать письма, ни разу не вздохнуть
При мадригалах старых итальянцев!

И без любви как можете вы жить,
Кто не любил иль перестал любить?..

12

Высокий холм стоит в конце дороги.
Его достигнув, всякий обернется

И на пройденный путь, что в поле вьется,
Глядит, исполненный немой тревоги.

И у одних подкосятся здесь ноги,
А у других весельем сердце бьется,
И свет любви из глаз их ярко льется,—
А те стоят угрюмы и убоги.

И всем дорога кажется не равной:
Одним — как сад тенистый и цветущий,
Другим — как бег тропинки своенравной,
То степью плоской, жгучей и гнетущей,

Но залитые райским светом дали —
Тем, кто в пути любили и страдали.

13

Из моего окна в вечерний час,
Когда полнеба пламенем объято,
Мне видится далекий Сан-Миньято,
И от него не оторвать мне глаз.

Уже давно последний луч погас,
А я всё жду какого-то возврата,
Не видя бледности потухшего заката,
Смотрю ревниво, как в последний раз.

И где бы ни был я, везде, повсюду
Меня манит тот белый дальний храм,
И не дивлюся я такому чуду:

Одно по всем дорогам и горам
Ты — Сан-Миньято сердца моего,
И от тебя не оторвать его.

14

Любим тобою я — так что мне грозы?
Разлука долгая — лишь краткий миг,

Я головой в печали не поник:
С любовью — что запреты? что угрозы?

Я буду рыцарь чаши, рыцарь розы,
Я благодарный, вечный твой должник.
Я в сад души твоей с ножом проник,
Где гнулись ждавщие точила лозы.

И время будет: в пьяное вино
Любовь и слезы дивно обратятся.
Воочию там ты и я — одно;

Разлука там и встреча примирятся.
Твоя любовь — залог, надежда блещет,
Что ж сердце в страхе глупое трепещет?

15. SINE SOLE SILEO

(Надпись на солнечных часах)

«Без солнца я молчу. При солнце властным
Его шаги я рабски отмечаю,
Я ночью на вопрос не отвечаю
И робко умолкаю днем ненастным.

Всем людям: и счастливым, и несчастным,
Я в яркий полдень смерть напоминаю,
Я мерно их труды распределяю,
И жизнь их вьется ручейком прекрасным».

— Ах, жалкий счетчик мелочей ненужных,
Я не сравнюсь с тобой, хоть мы похожи!
Я не зову трусливых и недужных,
В мой дом лишь смелый и любивший вхожи.

И днем и ночью, в ведро иль ненастье
Кричу о беззакатном солнце счастья.

Прекрасен я твоею красотой,
Твое же имя славится моим.

Как на весах, с тобою мы стоим
И каждый говорит: «Тебя я стою».

Мы связаны любовью не простою,
И был наш договор от всех тайм,
Но чтоб весь мир был красотой палим,
Пусть вспыхнет пламень, спящий под золою.

И в той стране, где ты и я одно,
Смешались чудно жертва и убийца,
Сосуд наполненный и красное вино,

Иконы и молитва византийца,
И, тайну вещь пленительно тая,
Моя любовь и красота твоя.

17

Сегодня утром встал я странно весел,
И легкий сон меня развел со скукой.
Мне снилось, будто с быстрою фелукой
Я подвигаюсь взмахом легких весел.

И горы (будто чародей подвесил
Их над волнами тайною наукой)
Вдали синели. Друг мой бледнорукий
Был здесь со мной, и был я странно весел.

Я видел остров в голубом тумане,
Я слышал звук трубы и ко́ней ржанье,
И близко голос твой и всплески весел.

И вот проснулся, всё еще в обмане,
И так легко мне от того свиданья,
Как будто крылья кто к ногам привесил.

<1904—1905>

1

Не во сне ли это было,
 Что жил я в великой Александрии,
 Что меня называли Евлогий,
 Катался по зеленому морю,
 Когда небо закатом пламенело?
 Смотрелся в серые очи,
 Что милее мне были
 Таис, Клеопатр и Антиноев?
 По утрам ходил в палестру
 И вечером возвращался в свой дом с садами,
 В тенистое и тихое предместье?
 И слышался лай собак издали?
 Что ходил я в темные кварталы,
 Закрывши лицо каракаллой,
 Где слышалось пенье и пьяные крики
 И пахло чесноком и рыбой?
 Что смотрел я усталыми глазами,
 Как танцовщица пляшет «осу»,
 И пил вино из глиняного кубка,
 И возвращался домой одиноким?
 Не во сне ли тебя я встретил,
 Твои глаза мое сердце пронзили
 И пленником повлекли за собою?
 Не во сне ль я день и ночь тоскую,
 Пламенею горестным восторгом,
 Смотря на вечерние зори,
 Горько плачу о зеленом море
 И возвращаюсь домой одинокий?

2

Говоришь ты мне улыбаясь:
 «То вино краснеет, а не мои щеки,
 То вино в моих зрачках играет;
 Ты не слушай моей пьяной речи».
 — Розы, розы на твоих ланитах,
 Искры золота в очах твоих блистают,

И любовь тебе подсказывает ласки.
Слушать, слушать бы тебя мне вечно.

3

Возвращался я домой поздней ночью,
Когда звезды при заре уж бледнели
И огородники въезжали в город.
Был я полон ласками твоими
И впивал я воздух всею грудью,
И сказали встречные матросы:
«Ишь как угостился, приятель!» —
Так меня от счастья шатало.

4

Что ж делать, что ты уезжаешь
И не могу я ехать за тобой следом?
Я буду писать тебе письма
И ждать от тебя ответов,
Буду каждый день ходить в гавань
И смотреть, как корабли приходят,
И спрашивать о тех городах, где ты будешь,
И буду казаться веселым и ясным,
Как нужно быть мудрецу и поэту.
Накоплю я много поцелуев,
Нежных ласк и изысканных наслаждений
К твоему приезду, моя радость,
И какое будет счастье и веселье,
Когда я тебя на палубе завиджу
И ты мне махнешь чем-нибудь белым.
Как мы опять в мой дом поедем
Среди садов тенистого предместья,
Будем опять кататься по морю,
Пить терпкое вино в глиняных кувшинах,
Слушать флейты и бубны
И смотреть на яркие звезды.
Как светел весны приход
После долгой зимы,
После разлуки — свиданье.

Ко мне сошел
 блаженный покой.
 Приветствовать ли мне тебя,
 сын сна,
 или страшиться?
 И рассказам о кровавых битвах
 там, далеко,
 где груды мертвых тел
 и стаи воронов под ярким солнцем,
 внимаю я
 равнодушно.
 И повести о золотом осле,
 столь дорогой мне,
 смеху Вафилла кудрявого,
 Смердиса пенью,
 лирам и флейтам
 внимаю я
 равнодушно.
 На коней белогривых с серебряной сбруей,
 дорогие вазы,
 золотых рыбок,
 затканые жемчугом ткани
 смотрю я
 равнодушно.
 И о бедственном дне, когда придется
 сказать «прости» милой жизни,
 вечерним зорям,
 прогулкам веселым,
 Канопу трижды блаженному,
 я думаю
 равнодушно.
 Не прислушиваюсь я больше к твоим шагам,
 не слежу зорким ревнивым глазом
 через портик и сад
 за твоею в кустах одеждой
 и даже,
 и даже
 твой светлый взор
 серых под густыми бровями глаз
 встречаю я
 равнодушно.
 <1904—1905>

Нежной гирляндой надпись гласит у карниза:
«Здесь кабачок мудреца и поэта Гафиза».

Мы стояли,
Молча ждали
Пред плющом обвитой дверью.
Мы ведь знали:
Двери звали
К тайномуудрому безделью.
Тем бездельем
Мы с весельем
Шум толпы с себя свергаем.
С новым зельем
Новосельем
Каждый раз зарю встречаем.
Яркость смеха
Тут помеха,
Здесь улыбки лишь пристойны.
Нам утеха —
Привкус меха
И движенья кравчих стройны.
В нежных пудрах
Златокудых
Созерцаем мы с любовью,
В круге мудрых
Любомудрых
Чаши вин не пахнут кровью.
Мы — как пчелы,
Вьемся в доли,
Сладость роз там собираем.
Горы — голы,
Ульи — полы,
Мы туда свой мед слагаем.
Мы ведь знали:
Двери звали
К тайномуудрому безделью,
И стояли,
Молча ждали
Пред плющом обвитой дверью.

Нежной гирляндой надпись гласит у карниза:
«Здесь кабачок мудреца и поэта Гафиза».

<1906>

610

Если б ты был небесный ангел,
Вместо смокинга носил бы ты стихарь
И орарь из парчи золотистой
Крестообразно опоясывал бы грудь.

Если б ты был небесный ангел,
Держал бы в руках цветок или кадилу¹
И за нежными плечами
Были б два крыла белоснежных.

Если б ты был небесный ангел,
Не пил бы ты vino Chianti¹,
Не говорил бы ты по-английски,
Не жил бы в вилле около Сан-Миньято.

Но твои бледные, впалые щеки,
Твои светлые, волнующие взоры,
Мягкие кудри, нежные губы
Были бы те же,
Даже если бы был ты небесный ангел.

<1906>

611. УТРО

Звезды побледнели,
небо на востоке зеленеет,
ветер поднялся,
скоро заря засветит.
Как легко дышать
после долгой ночи,
после душных горниц,
после чада свечей заплывших!

¹ Вино Кьянти (ит.).— *Рег.*

Пенье доносится снизу,
с кровли виден город,
всё спит, всё тихо,
только ветер в саду пробегает.
Как лицо твое бледно
в свете звезд побледневших,
в свете зари нерожденной,
в свете грядущего солнца!
<1907>

612

Свистков призыв, визг круглых пил
Моей любви не усыпил.
Шипенье шлюз, шумы котлов
Не заглушают сладких слов.
Сквозь запах серы и резин
Мне запах слышится один.
Кругом народ, иль нет жилья —
Пленен мечтой, не тот же ль я?
Вослед мечте влечется ум,
И тщетен фабрик душных шум.
Пусть, ворожа, они манят —
Мне не опасен дымный яд;
Не заглушат прошедших слов
Шипенье шлюз, шумы котлов.
И всё любви не усыпил
Свистков призыв, визг круглых пил.
1907

613. СОНЕТ

В последний раз зову тебя, любовь,
Слабеют силы в горестном усилье...
Едва расправлю радостные крылья,
Взбунтуется непокоренной кровью...
Ответь мне «да», — молю, не прекословь.
Лишь для тебя прошел десятки миль я.
О, связки милые, о, сухожилья,
Двойные звезды глаз, ресницы, бровь.

Кольцо дано не на день, а навеки.
Никто другой, как я, тебя не звал,
Я вижу лишь тебя, закрывши веки...

Зачем прибой стремится свой шумный вал?
Едва домчавшись, он отпрянет снова,
Во всех скитаньях ты — моя основа...

31 марта 1912

614—621. <ИЗ ЦИКЛА «ЗЕЛЕНый ДОЛОМАН»>

1

Я рассмеялся бы в лицо
Тому, кто мне сказал заране,
Что после сладостных лобзаний,
Размолвок, ссор, опять свиданий
Найду я прежнее кольцо,
Кольцо любовных обручений,
Надежд, томлений и мучений.

Как, я, Кузмин, опять влюблен,
И в Вас, кого люблю два года?
Не изменилась ли природа,
Иль нипочем мне стала мода,
Что я, как мальчик, увлечен
И что нетерпеливо жду я
Известного поцелуя?

Причуды милые Мюссе,
Где всё так радостно и чисто,
Фривольности ли новеллиста,
Воздушные ли песни Листа
Иль запах Chevalier d'Orsay,—
Понять ваш смысл определенный,
Ах, может лишь один влюбленный!

Читаю книгу целый час,
Читаю очень я прилежно,
И вместо строчек неизбежно
Я вижу, замирая нежно,

Лежащим на диване Вас.
Я отвернусь, глаза закрою,
Но тем мученья лишь утрою.

Лежит ленивое перо,
Лежу я сам на том диване,
Где Вы сидели после бани
В своем зеленом доломане,
Глядя и нежно и остро.
Ужели сердце позабыло
Всё то, что было, право, было?

А я так помню как вчера
И вместе с тем так странно ново,
Что Вас люблю я, не другого,
И что твержу одно лишь слово
Я от утра и до утра
(Как то ни мало остроумно):
«Люблю, люблю, люблю безумно».

2

НУТАИН¹

Поют вдали колокола,
И чудится мне: «Рига, Рига».
Как хороша ты, как светла,
Любви продолженная книга.
Дождусь ли сладостного мига,
Когда Вас въяве обниму
И нежное придется иго
Нести не мне уж одному.

3

ПРИ ПОСЫЛКЕ ЦВЕТОВ В МАРТОВСКИЙ ВТОРНИК

Не пышны вешние сады,
Но первый цвет всего милее.

¹ Восьмиштише (фр.) — *Reg.*

Пусть солнце светит веселее
В канун обещанной среды.

Ах, злой неожиданности плоды:
Ложится снег «белей лилей»,
Но тем надежней, тем милее
Весны не пышные сады.

И чем светлей, чем веселее
Мне солнце светит, пламенея,
Тем слаще, нежностью горды,
Цветут цветы в канун среды.

29 марта 1911

4

**НА ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПЬЕСЫ
«НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГ АЛТЫН»**

Мы сидели рядом в ложе,
В глубине.
Нас не видно (ну так что же?)
В глубине.

Я рукой колени слышу
Не свои,
Руки я плечом колышу
Не свои.

Мне и радостно и глупо —
Отчего?
Я смотрю на сцену тупо...
Отчего?

И кому уста шептали:
«Вас люблю»?
Чьи уста мне отвечали:
«Вас люблю»?

«Ни гроша я не имею —
Вдруг алтын!»
Я от радости робею:
Вдруг алтын?!

НАДПИСЬ НА ЛЕВОЙ ШПОРЕ

Прекрасна участь этих шпор —
Сжимать прекраснейшие ноги.
Смотря на них, я полн тревоги
Желая сжать их с давних пор.

НАДПИСЬ НА ПРАВОЙ ШПОРЕ

Какой скакун принять укол
И бремя сладкое достоин?
О жребий, ты ко мне не зол:
Я знаю, чей ты, милый воин.

Объяты пламенем поленья,
Трещат, как дальняя картечь.
Как сладко долгие мгновенья
Смотреть в немом оцепененьи
На нежно огненную печь.

Бросают лепестки авроры
Уж угли алые на нас,
А я, не опуская взоры,
Ловлю немые разговоры
Пленительных, знакомых глаз.

И близость всё того же тела
Дарит надежду новых сил —
Когда б любовь в сердцах пропела
И, пробудившись, захотела,
Чтоб уголь свет свой погасил!

Зачем копьё Архистратига
Меня из моря извлекло?

Затем, что существует Рига
И серых глаз твоих стекло;
Затем, что мною не окончен
Мой труд о войнах святых,
Затем, что нежен и утончен
Рисунок бедр твоих крутых,
Затем, что Божеская сила
Дает мне срок загладить грех,
Затем, что вновь душа просила
Услышать голос твой и смех;
Затем, что не испита чаша
Неисчерпаемых блаженств,
Что не достигла слава наша
Твоих красот и совершенств.
Тем ревностней беру я иго
(О, как ты радостно светло!),
Что вдруг копьё Архистратига
Меня из моря извлекло.

<1911—1912>

622. ГАЗЭЛА

Мне ночью шепчет месяц двурогий всё о тебе.
Мечтаю, идя долгой дорогой, всё о тебе!
Когда на небе вечер растопит золото зорь,
Трепещет сердце странной тревогой всё о тебе.
Когда полсуток глаз мой не видит серых очей,
Готов я плакать, нищий убогий, всё о тебе!
За пенной чашей, радостным утром думаю я
В лукавой шутке, в думе ли строгой всё о тебе.
В пустыне мертвой, в городе шумном всё говорит
И час медлитель, миг быстроногий всё о тебе!

<1911—1912>

623. КАБАРЕ

Здесь цепи многие развязаны,—
Всё сохранит подземный зал,
И те слова, что ночью сказаны,
Другой бы утром не сказал...

<1913>

Я книгу предпочту природе,
Гравюру — тени вешних роц,
И мне шумит в весенней оде
Весенний, настоящий дождь.
Не потому, что это в моде,
Я книгу предпочту природе.

Какая скука в караване
Тащиться по степи сухой.
Не лучше ль, лежа на диване,
Прочсть Жюль Верна том-другой.
А так — я знаю уж заране,
Какая скука в караване.

Зевать над книгою немецкой,
Где тяжек, как картофель, Witz¹,
Где даже милый Ходовецкий
Тяжел и не живет <?> страниц.
Что делать: уж привык я с детской
Зевать над книгою немецкой.

Милей проказливые музы,
Скаррона смех, тоска Алин,—
Где веселились французы
И Лондон слал туманный сплин.
Что в жизни ждет? одни обузы,
Милей проказливые музы.

Не променял бы одного я
Ни на гравюру, ни на том —
Тех губ, что не дают покоя,
В лице прелестном и простом.
Пускай мне улыбнутся трое,
Не променял бы одного я.

¹ Острота (нем.) — *Peg*.

Но ждать могу ли я ответа
От напечатанных листков,
Когда лишь повороты света
Я в них искать всегда готов,
Пускай мне нравится всё это,
Но ждать могу ли я ответа?

Я выражу в последней коде,
Что без того понятно всем:
Я книги предпочту природе,
А вас хоть тысяче поэм.
Любовь (когда она не в моде?)
Поет в моей последней коде.

13 марта 1914

625. МОЛЕНИЕ

О, Феодоре Стратилате,
О, Егорий, апрельский цвет!
Во пресветлой вы во палате,
Где ни плача, ни скорби нет.
Выходите вы со полками
Из высоких значеных врат!
Ваш оплот надо всеми нами...
Божий воин — земному брат.
Изведите огонь и воду,
Растопите вы топь болот,
Понашлите всю непогоду
На безбожный и вражий род!
Преподобные, преклоните
Ваши взоры от райских книг,
Вы, святители, освятите,—
Предводи нас, Архистратиг!
Мы молебны поем не втуне,
Не напрасно поклоны бьем.
От приморской спешит Солуни
Свет-Димитрий, звеня копьем.
На пороге же Божья Мати
Свой покров простирает вслед,
Чтобы Царь-Христос нашей рати
Дал венец золотых побед.

<1914>

Великое приходит просто
 И радостно, почти шутя,
 Но вдруг спадает с глаз короста,
 И видишь новыми зрачками,
 Как новозданное дитя.
 Не шлет вестей нам барабаном,
 Трубач пред ним не трубит вскачь.
 Подобно утренним туманам,
 Спадает с солнца пеленами!
 Прими, молись и сладко плачь,
 Чтоб небо снизошло на землю
 И духу плоть дала приют,—
 Землядохнула тихо: «Внемлю»,
 Звезда цветет, и с пастухами
 Свирельно ангелы поют.
 <1914>

627. ЦАРЬГРАД

Тройное имя носит город,
 Четвертое названье — Рим.
 Пусть сонной пушкой воздух вспорот —
 Надеждой крестной мы горим.
 И я бывал, друзья, в Стамбуле,
 Покой прелестный полюбив.
 Мои глаза в дыму тонули,
 Где зыбит зелени залив.
 Лишь ты одна, Айя-София,
 Гнала мечтательную лень,
 Напоминая дни иные,
 Особенно тот горький день!
 Трещат машины боевые,
 Всё ближе крик: «Велик Аллах!»
 Предсмертно меркнут золотые
 Орлы на царских сапогах.
 Служитель алтаря с дарами
 И клириков нестройный рой...
 «Господь, о, смилуйся над нами!
 Да не погибнет Рим второй!»

Султан разгорячен от зноя,
На столб, чтоб славу увенчать,
Окровавленной пятернею
Несмытую кладет печать.
Она не смыта, нет, о, турки,
Нагляднейшая из улик,
Что снова из-под штукатурки
Нам засияет Спасов лик.
И даже там, в раю, приснится,
О, бедный Византийский брат,
Что снова милая столица
Окрестится «Святой Царьград».

1915

628

Ангелы удивленные,
Ризами убеленные,
Слетайтесь по-старому,
По-старому, по-бывалому
На вечный вертеп!

Божьи пташечки,
Райские рубашечки,
Над пещерой малою,
Ризою алою
Свивайте свой круг!

Пастухи беспечные,
Провидцы вечные,
Ночными закатами
Пробудясь с ягнятами,
Услышьте про мир.

Мудрецы восточные,
Дороги урочные
Приведут вас с ладаном
К Тому, Кто отрада нам,
Охрана и Спас.

629

И в годы крошечные
Мы, бедные грешные,
Виденьями грозными,
Сомненьями слезными
Смущаем свой дух.

Пути укажите нам,
Про мир расскажите нам,
Чтоб вновь не угрозою,
Но райскою розою
Зажглись небеса!

О люди, «Слава в вышних Богу»
Звучит вначале, как всегда,—
Потом и мирную дорогу
Найдете сами без труда.
Исполнитесь благоволенья,
Тогда поймете наставленья
Рождественских святых небес.
Сердца откройте, люди, люди,
Впустите весть о древнем чуде,
Чудеснейшем из всех чудес!
<1915>

629. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Словно сто лет прошло, а словно неделя!
Какое неделя... двадцать четыре часа!
Сам Сатурн удивился: никогда доселе
Не вертелась такой вертушкой его коса.
Вчера еще народ стоял темной кучей,
Изредка шарахаясь и смутно крича,
А Аничков дворец красной и пустынной тучей
Слал залп за залпом с продажного плеча.
Вести (такие обычные вести!)
Змеями ползли: «Там пятьдесят, там двести
Убитых...» Двинулись казаки.
«Они отказались... стрелять не будут!..»—
Шипят с поднятыми воротниками шпики.
Сегодня... сегодня солнце, встав,
Увидело в казармах отворенными все ворота.

Отчего травяная, древесная
 Весна не летит на землю?
 Отчего на зовы небесные
 Земля не вздыхает: «Внемлю»?
 Отчего из золотых шкатулок
 Не пускают мартовских пичуг?
 Засмотрелся Господь на Виленский переулок,
 Заслушался Волынских труб.
 Ведь они ничего ни знали,
 Радуюсь круглыми горлами:
 Расстреляют ли их в самом начале
 Или другие пойдут за ними святыми ордами.
 Не знали, что ручьи-мятежники
 Уже бегут бурливо и хлестко
 И алые, алые подснежники
 Расцветают на всех перекрестках.
 Любуйтесь, хотите ли, не хотите ли!
 Принимайте, ждали или не ждали!
 Ничего, что небесные распорядители
 С календарной весной опоздали.
 <1917>

Не знаю: душа ли, тело ли
 Вселилось сквозь радостные лица
 Людей, которые сделали
 То, что могло только сниться.
 Другое ли окно прорубили, двери ли
 Распахнули в неожиданную свободу —
 Но стоят в изумлении, кто верили и не верили
 Пробудившемуся народу.
 Твердою и легкою походкою
 Проходят освободители,
 Словно в озеро ходкою лодкою
 Вышли из затонной обители.
 Не удивляйтесь, что скромно сияние
 В глазах таких родных и ежедневных,—
 Ведь почти стыдливое в своем величии
 благодеяние

Всегда детски просто и детски безгневно.
Словно великая река, что, не злясь,
не опрометчиво

Подымается до крутого склона,
А ласково, свободно и доверчиво
Кольшет полноводное лоно.

<1917>

632

Слоями розовыми облака опадали.
Вечер стих, но птицы еще не пели.
Золотой купол был апостольски полон,
и не проснувшееся с горы было видно море.
Зеленоватые сырые дали
ждали
загорной свирели,
и непроросшие еще гребни волн
к утру не вызывал звук.
Вдруг
легкий и теплый, словно дыханье, голос
(из долины, с неба?) пропел:
— Милый путник, слушай.
К премудрости открой уши.
Закрыты запада двери:
я, ты и Бог — трое.
Четвертого нет.
Безгласны спящие звери.
Но Божий сияет свет.
Посвященным — откровенье.
Просто стой.
Кругами небесных тел
восхожденье
к полноте неоскудно простой.
Слушай мой голос,
говорю я, Радужных Врат дева,
Праматерь мира, первозданная Ева.
Я колышу налитый мною колос,
я алею в спелой малине
и золотею в опереньи фазана,
трепещу на магнитной игле,

633

плачу в сосновой смоле,
в молоке разломанного стебля,
с птицей летаю,
с рыбой ныряю,
с ветром рыдаю,
мерцаю звездой.

Через меня в пустоте возникает эхо
и в пустыне обманчивые здания.

Я извожу искры из кошачьего меха
и филину наплакала ночные рыдания.

Теку, неподвижная,
лежу, текучая,
золотая и темная,
раздробленная и целая,
родная и непонятная
слепая пророчица,
косное желание.

Ростки мироздания —
я вывожу траву из подземной гнили,
я, подымая прямо деревья —
на косогорах и уклонах растут они прямо, —
я воздвигаю храмы.

Мною головы людей смотрят в небо
и поднимают вспученные мужские органы
(прямо, крепко, вверх)

для той же цели.

Слушай, слушай!

Зови меня Ева,

Енной,

Душа мира,

София.

Я в тебе,

и ты во мне.

Я, ты и Бог — трое,

четвертого нет. —

Тихим воркованьем наполнились уши.

Посветлели последние тени;

голос пел всё нежнее, всё глуше,

по долинным опускаясь ступен <ям>.

Как проснувший <ся>

поднял я голову
и увидел круглое,
как диск, солнце.

29 ноября 1917

633

Ольге Афанасьевне Судейкиной
11 июля 1918

Пускай нас связывал издавна
Веселый и печальный рок,
Но для меня цветете равно
Вы каждый час и каждый срок.
Люблю былое безрассудство
И алых розанов узор,
Влюбленность милую в искусство
И комедийный, нежный вздор.
На сельском лежа на диване,
Вы опускали ножку вниз
И в нежно-желтом сарафане
Сбирали осенью анис.
Весенним пленены томленьем
На рубеже безумных дней,
Вы пели с пламенным волненьем
Элизий сладостных теней.
Вы, коломбинная Психея,
Сплетаєте воздушно дни,
И, страстный странник, я, старея,
Плетусь на прежние огни.
Двух муз беспечная подруга,
Храня волшебство легких чар,
От старого примите друга
Последней музыки скромный дар.

1918

АНГЕЛ БЛАГОВЕСТВУЮЩИЙ

Прежде
 Мление сладкое,
 Лихорадка барабанной дроби,—
 Зрачок расширенный,
 Залетавшегося аэроплана дыханье,
 Когда вихревые складки
 В радужной одежде
 Вращались перед изумленным оком
 (Белоризцы при Иисусовом гробе
 Вещают: «Кого ищите?»
 А мирносицы в радостном страхе обе
 Стоят уже не нищие).
 И в розово-огненном ветре
 Еле
 Видны, как в нежном кровь теле,
 Крылья летящей победы.
 Лука́, брошенная отрочьим боком,
 Неведомого еще Ганимеда
 И орла,
 Похитителя и похищаемого вместе
 (Тепло разливается молочно по жилам немой
 невесте),
 И не голос,—
 Тончайшей златопыли эфир,
 Равный стенобитным силам,
 Протрепещет в сердце: вперед!
 «Зри мир!
 Черед
 Близится
 С якоря
 Взвиться
 Летучим воображения кораблям.
 Сев
 Пахаря,
 Взлетев,
 Дождится
 Нездешним полям».

Иезекииелево колесо —
Его лицо!
Иезекииелево колесо —
Благовестие!
Вращаясь, всё соединяет
И лица все напоминает,
Хотя и видится оно,
Всегда одно.
Тут и родные, милые черты,
Что носишь ты,
И беглый взгляд едущей в Царское дамы,
И лик Антиноя,
И другое,
Что, быть может, глядит из Эрмитажной рамы,
Всё, где спит
Тайны шелест,
Где прелесть
Таинственного, милого искусства
Жива...
Крутится искряной розой Адонисова бока,
Высокого вестник рока,
Расплавленного вестник чувства,
Гавриил.
 Твои свиданья, вдохновенье,
 Златисты и легки они,
 Но благовестное виденье
 Прилежные исполнит дни.
Рукою радостной завеса
Отдернута с твоей души...
Психея, мотылек без веса,
В звенящей слушает тиши.
 Боже, двух жизней мало,
 Чтобы всё исполнить.
 Двух, трех, четырех.
 Какую вспахать пашню,
 Какую собрать жатву.
 Но это радостно, а не страшно...
 Только бы положить начало,
 Только бы Бог сберег!
Бац!

По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу,—
Всё,

И сказали:

«Живи и будь свободен!»

Бац!

Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,
Тоску и ненависть посеяв...

Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?

«Живи и будь свободен!»

Бац!

Плитой придавили грудь,
Самый воздух сделался другим,
Чем бывало,

Чем в хорошие дни...

Когда мир рвотой томим,

Во рту, в голове перегарная муть,

Тусклы фонарей огни,

С неба, с земли грязь,

И мразь,

Слякоть,

Хочется бить кого-то и плакать,—

Тогда может присниться такое правленье,

Но разве возможно оно

В чуть сносный день,

При малейшем солнце,

При легчайшем ветерке с моря,

Несущем весну?

Затоптанные

Даже не сапогами,

Не лаптями,

А краденными с чужой ноги ботинками,

Живем свободные,

Дрожим у нетопленной печи

(Вдохновенье).

Ходим впотьмах к таким же дрожащим друзьям.

Их так мало, —
Едим отбросы, жадно косясь на чужой кусок.
Туп ум,
Не слышит уже ударов.
Нет ни битв, ни пожаров.
Подлые выстрелы,
Серая ненависть,
Тяжкая жизнь подпольная
Червей нерожденных.
Разве и вправду
Навоз мы,
К<a>к говорит навозная куча
(Даже выдохшаяся, простывшая),
Нас завалившая?

Нет.

Задавленные, испуганные,
Растерянные, может быть, подлые,—
Но мы — люди,
И потому это — только сон
(Боже, двухлетний сон)
Потому не навек
Отлетел от меня
Ангел благовествующий.
Жду его,
Думая о чуде.
Я человек,
И в каждом солнце:
Великопостно русском,
Мартовской розою кроющем
Купола и купеческие дѣбмы,
Итальянском рукодельном солнце,
Разделяющем, к<a>к Челлини,
Ветку от ветки,
Жилку от жилки,
Парижском, грязном, заплаканном солнце,
Ванильном солнце Александрии,
Среди лиловых туманов
И песков марева
Антично маячащем,
В ветренном, ветренном
Солнце Нью-Йорка,

Будто глядит на постройки,
На рабочих
Молодая мильярдерша хозяйка,
В зимнем Онегинском солнце,
Что косо било
В стекла «Альбера»,
И острое жало
Вина и любви
Ломалось в луче
(Помните?)
И в том небывалом,
Немного в Чикаго сделанном,
Что гуляет на твоих страницах,
В высоких дамских сапожках,
То по литовским полям,
То по американским улицам,
То по утренним, подозрительным комнатам,
То по серым китайским глазам,
Капризном, земном,
Лукавом, иногда вверх ногами
(И рейнвейн не прольется?)
Солнце, —
Я вижу,
Что вернется
Крылатый блеск,
И голос, и трепет,
И снова трех жизней окажется мало,
И сладким отчаяньем замрет сердце,
А ангел твердит: «Пора!
Срок твой не так уж долгод!
Спеши, спеши!
Разве не радостен скрип пера
В заревой тиши,
Как уколы винных иголок!»
И сон пройдет,
И мир придет,
Перекрестись, протри глаза!
Как воздух чист,
Как зелен лист,
Хотя была и не гроза!

Снова небо голубыми обоями оклеено,
Снова поют петухи,
Снова можно откупорить вино с Рейна
И не за триста рублей купить духи.
И не знаешь, что делать:
Писать,
Гулять,
Любить,
Покупать,
Пить,
Просто смотреть,
Дышать,
И жить, жить!

Тогда свободно, безо всякого груза,
Сладко свяжем узел
И свободно (понимаете: свободно) пойдем
В горячие, содержимые частным лицом,
Свободным,
Наживающим двести тысяч в год
(Тогда это будут огромные деньги),
Бани.

Словом довольно гадким
Стихи кончаю я,
Подвергался стольким нападкам
За это слово я.
Не смею прекословить,
Неловок, может быть, я,
Но это было давно ведь,
С тех пор изменился я.
В этом убедится всякий беспричастный
читатель.

Притом есть английское
(на французском языке) motto ¹,
Которое можно видеть
На любом портсигаре, подвязках и мыле:
«Honny soit qui mal у pense».

¹ Девиз (фр.). — *Reg.*

ВСТРЕЧНЫМ ГЛАЗАМ

Ветер широкий, рей,
Сети высоких рей,
Горизонты зеленых морей,
Расплав заревых янтарей, —
Всем наивно богаты,
Щурясь зорко,
Сероватые глаза,
Словно приклеенные у стены среди плакатов:
«Тайны Нью-Йорка»
И «Mamzelle Zaza».
Шотландский юнга Тристана
Плачет хроматическими нотами,
А рейд, рейд рано
Разукрашен разноцветными ботами!
Помните, май был бешен,
Балконы с дамами почти по-крымски грубы,
Темный сок сладких черешен
Окрашивал ваши губы,
И думалось: кто-то, кто-то
В этом городе будет повешен.
Теперь такая же погода,
И вы еще моложе и краше,
Но где желание наше?
Хоть бы свисток парохода,
Хоть бы ветром подуло,
Зарябив засосную лужу.
Всё туже, всё туже
Серым узлом затянуло...
Неужели эти глаза — мимоходом,
Только обман плаката?
Неужели навсегда далека ты,
Былая, золотая свобода?
Неужели якорь песком засосало,
И вечно будем сидеть в пустом Петрограде,
Читать каждый день новые декреты,
Ждать, к<a>к старые девы
(Бедные узники!),
Когда придут то белогвардейцы, то союзники,

То Сибирский адмирал Колчак.
Неужели так?
Дни веселые, где вы?
Милая жизнь, где ты?
Ветер, широко взрей!
Хоть на миг, хоть раз,
К<a>к этот взгляд прохожих,
Морских, беловатых глаз!

3

РАЗЛИВЫ

Подняв со дна всю гниль и грязь,
Уж будто нехотя ярясь,
Автоматически бурливы,
Шумят, шумящи и желты,
В воронку черной пустоты
Всем надоевшие разливы.

Вдруг жирно выплюнет нырок
То падаль, то коровий рог,
Иконной полки бухлый угол.
Туземец медленным багром
На мели правит свой паром,
Тупее огородных пугал.

Проснись, пловец, утешься, глянь:
Не всё в воде и небе — дрянь,
Не всё лишь ветошь раззоренья.
К<a>к разучившийся читать,
Приготовишкой в школу сядь
Слагать забытые моленья.

Простой разломанный предмет
Тебе напомнит ряд примет
Неистребимой, милой жизни.
И ужаснет тебя провал,
Что сам ты дико запевал
Бессмысленной начало тризны.

И смутно, жадно, глух и слеп,
Почуешь теплый белый хлеб,
В село дорогу, мелкий ельник,
И вспомнишь санок легкий бег

И то, что всякий человек
Очищен в чистый понедельник.

4

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Теплый настанет денек,
Встретим его, словно дар мы.
Не поминай про паек
И про морские казармы.
 Всё это сон, только сон.
 Кончишь «Туман за решеткой» —
 Снова откроем балкон
 И почитаем с охоткой.
Будем палимы опять
Легким пленительным жаром,
Пустимся снова гулять
К нашим друзьям-антикварам.
 Резво взлимонит рейнвейн,
 Пар над ризотто взовьется.
 «Schlafe, mein Prinzchen, schlaf ein!» —
 Как у Моцарта поется.

1919

638

Декабрь морозит в небе розовом,
Нетопленный мрачнеет дом.
А мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем.

И ждем чего? самим известно ли?
Какой спасительной руки?
Уж взбухнувшие пальцы треснули
И развалились башмаки.

Никто не говорит о Врангеле,
Тупые протекают дни.
На золотокованном Архангеле
Лишь млеют сладостно огни.

644

Пошли нам крепкое терпение,
И кроткий дух, и легкий сон,
И милых книг святое чтение,
И неизменный небосклон!

Но если ангел скорбно склонится,
Заплакав: «Это навсегда!» —
Пусть упадет, как беззаконница,
Меня водившая звезда.

Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
О, бедная моя любовь.
Струями нежными, не пылками,
Родная согревает кровь,

Окрашивает щеки розово,
Не холоден минутный дом,
И мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем.

8 декабря 1920

639

Утраченного чародейства
Веселым ветрам не вернуть!
А хочется Адмиралтейству
Пронзить лазоревую муть.
Притворно Невской перспективы
Зовет широкий коридор,
Но кажется жестоко лживым
Былого счастья обзор.
Я знаю: будет всё, как было,
Как в старину, как прошлый год;
Кому семнадцать лет пробило,
Тому восемнадцатый пойдёт.
Настанет лето, будет душно,
Летает детское серсо,
Но механично и бездушно
Природы косной колесо.
За ивовым гоняйся пухом,
Глядись хоть день в речную тишь,

645

Но вольным и влюбленным духом
Свои мечты не оживишь.
Все схемы — скаредны и тощи.
Освободимся ль от оков,
Окостенеем ли, как мощи,
На удивление веков?
И вскроют, словно весть о чуде,
Нетленной жизни нашей клеть,
Сказав: «Как странно жили люди:
Могли любить, мечтать и петь!»

Апрель 1921

640

Мне не горьки нужда и плен,
И разрушение, и голод,
Но в душу проникает холод,
Сладелой струйкой вьется тлен.
Что значат «хлеб», «вода», «дрова» —
Мы поняли, и будто знаем,
Но с каждым часом забываем
Другие, лучшие слова.
Лежим, как жалостный помет,
На вытопанном, голом поле
И будем так лежать, доколе
Господь души в нас не вдохнет.

Май 1921

641

Живется нам не плохо:
Водица да песок...
К земле чего же охать,
А к Богу путь высок!

Не болен, не утоплен,
Не спятил, не убит!
Не знает вовсе воплей
Наш кроликовый скит.

646

Молиться вздумал, милый?
(Кочан зайчонок ест.)
Над каждою могилой
Поставят свежий крест.

Оконце слюдяное,
Тепло лазурных льдин!
Когда на свете двое,
То значит — не один.

А может быть, и третий
Невидимо живет.
Кого он раз приветил,
Тот сирым не умрет.

Сентябрь 1921

642

Островитянам строить тыны,
К тычку прилаживать лозу,
Пока не выпустят вершины
В туманах скрытую грозу.

Предвестием гора дымится,
Угрозою гудит прилив.
Со страхом пахари за птицей
Следят, соху остановив.

И только девушки слепые
Не видят тучи, да и те
Заломят руки, как впервые
Качнется Китеж на ките.

Движение — любви избыток!
О, Атлантида! О, Содом!
В пророчестве летучих ниток —
Кочевой воли прочный дом!

Ноябрь 1922

647

Медяный блеск пал на лик твой.
 Смуглее зорь рдеют щеки.
 О, поцелуй перед битвой
 И утлый челн переправ далеких!
 Стоишь, а царственна твоя поступь!
 Дикарский бог так ступает...
 Воловий взор открыт просто,
 Иной божественности не зная.
 Шатер разбит, зреет яблонь,
 Вспорол полей грудь я плугом.
 Подруга спит, на заре озябла,
 И я забыл, что ты был мне другом.
 Земля мне мать, там тепло так!
 Корнями в мрак расползаюсь цепко.
 — Зачем же, зачем, дикий отрок,
 Ты будишь опять ветер едкий?
 Свист флейт с моря доносится...
 Брось гроздь, о зареносица!
 Ты, беззакатная,
 Ты, благодатная!..
 Медь ржи на небо бросится!
 — Обуйся. Вот. Снова здравствуй!
 Дороги ждут. Мы — солдаты.
 Узнал ты клик боевой страсти?
 Ведь нищие всем, всем богаты!
 Престало преть зерном тучным.
 Еще удар — колос будешь.
 Скажи «прощай» сестрам скучным.
 Взгляни на меня — всё забудешь.
 В мире мы — гости,
 Всё — чужое.
 И, как ни один хозяин,
 Ты можешь сказать: «Мое».
 Отдай виноградник проходим,
 Стань проходим —
 И каждый виноградник — твой.
 Чего тебя могут лишить,
 Когда у тебя нет ничего?
 Очисти глаза и уши,

Как новорожденный младенец,
Укрепи ноги и сердце —
И у тебя будет всё:
Все страны, царства,
Сердца и люди!
Движенье бессмертного духа,
Простор
(Свят пославший!)
И пожатые ведущей
Сухой и горячей руки!
Медь наш металл, — помни!
Ноябрь 1922

644

В гроте Венерином мы горим...
Зовы голубок, россыпи роз...
Даже не снится нам круглый Рим
И странничий посох, что каждый нес.

Сирены, сирены, сладельный плен.
Алого сумрака смутный гнет,
А путь был ангелом благословен,
Коней стреноженных до сих пор он пасет.

Золотого моря желанный лов
Сладчайшего в мире коснулся дна.
Благовещеньем колоколов —
В полях родных земная весна.

Развейся, раковин розовый дым!
Рвитесь, венки из фиалок! Есть
Рим, и сердцу простым и прямым
Мужеским цветом дано зацвести.

Январь 1923

649

В какую высь чашка весов взлетела!
Легка была, а в ней — мое сердце, душа и тело.

Другая, качаясь, опустилась вниз, —
Твой мимолетный, пустой каприз.

Не заботься, что мука мне будет горька:
Держала весы твоя же рука.

Хорошо по небесным, заревым полям
Во весь дух мчатся упорным саням!

Обо мне забудь, но помни одно:
Пустелое сердце — полным-полно.

Январь 1923

Встала заря над прорубью,
Золотая, литая зима.
Выпускаю за голубем голубя,
Пока не настала тьма.

Словно от темной печени,
Отрываю кусок за куском.
Последний гость, отмеченный,
Покидает златоверхий дом.

Лети! Свободен! Не хотел,
А без хотенья нет победы.
Но не решат и звездovedы,
Какой полету дан предел.

Лети! На девичьем окне
Клевать остатки каши пшенной,
Но, прирученный и влюбленный,
Ты не забудешь обо мне.

Приснится вновь простор высот,
Падучие, льдяные реки.
И, как беременный, навеки
Носить ты будешь горький сот.

Дымное пламя затопило слова.
Эта страда мне страшна и нова.

Горесть и радость, смех, испуг...
Голубь смертельный, огненный друг.

Лейся, вар!
Шуми, пожар!
Дыбись, конь!
Крести, огонь!
Грянь, гром!
Рушь дом!
Санок бег
Растопит снег!
Зацветут,
Зацветут —
Там и тут
Щедрые капли
Алой горячей крови.

И крещеные помертвелые глаза
Видят:

Купол отверст, синь и глубок.
Недвижно висит Крещенский голубок.

Январь 1923

647

Крашены двери голубой краской,
Смазаны двери хорошо маслом.
Ночью дверей не слышно,
Ночью дверей не видно...
Полной луны сила!
Золото в потолке зодиаком,
Поминальные по полу фиалки,

651

Двустороннее зеркало круглеет...

Ты и я, ты и я — вместе...

Полной луны сила!

Моя сила на тебе играет,

Твоя сила во мне ликует;

Высота медвяно каплет долу,

Прорастают розовые стебли...

Полной луны сила!

Февраль 1923

648

В осеннюю рваную стужу
Месяц зазубренный падает в лужу.
Самоубийцы висят на кустах
В фосфорических, безлюдных местах.
Ключки тумана у мерклых шпор...
Словно выпит до дна прозрачный взор...
Без перчаток руки слабы и белы.
Кобылка ржет у далекой скалы.
Усталость, сон, покой... не смерть ли?
Кружится ум, как каплун на вертеле.

Рожок, спой

Про другой покой!

Как пляшут лисы

Под ясной луной...

Полно лая и смеха

Лесное эхо...

Грабы и тисы —

Темной стеной!

Галлали! Галлали!

Учись у Паоло Учелло!

Но разве ты сам не знаешь,
Что летучи и звонки ноги,
Быстры снеговые дороги,
Что месяц молодой высок,
Строен и тонок юный стрелок,
Что вдовство и сиротство — осени чада,

652

Что летней лени мужам не надо,
Что любви нам ржанье и грубая трель
И что лучшее слово из всех: «Апрель!»
Февраль 1923

649. ГЕРМАНИЯ

С безумной неподвижностью
приближаясь,
словно летящий локомотив экрана,
яснее,
крупнее,
круглее, —
лицо.
Эти глаза в преувеличенном гриме,
опущенный рот,
сломаны брови,
ноздря дрожит...
Проснись, сомнамбула!
Какая судорога исказила
черты сладчайшие?
Яд, падение, пытка, страх?..
Веки лоснятся в центре дико...
Где лавровый венец?
Почему как мантия саван?
Д-а-а!! родная, родная!
Твой сын не отравлен,
не пал, не страшится, —
восторг пророчества дан ему:
неспокойно лицо пророка,
и в слепящей новизне старо.
Пожалуй, за печать порока
ты примешь его тавро.
Мужи — спокойны и смелы —
братства, работа, бой! —
но нужно, чтобы в крепкое тело
пламя вдувал другой.
Дуйте, дуйте, братья!
Ничего, что кривится бровь...
Сквозь дым, огонь и проклятье
ливнем хлынет любовь.

Нерожденный еще, воскресни!
Мы ждем иждемся его...
Родина, дружба и песни —
выше нет ничего!
Февраль 1923

650

Зеркальным золотом вращаясь
в пересечении лучей,
 (Лицо, лицо, лицо!..)
стоит за царскими вратами
невыносимый и ничей!

В осиной талии Сиама
искривленно качнулся Крит
 (Лицо, лицо, лицо!..)
В сети сферических сияний
неугасаемо горит.

Если закрыть лицо покрывалом плотным,
прожжется шитье тем же ликом.
Зачочить в горницу без дверей и окон,
с вращающимся потолком и черным ладаном,
в тайную и страшную моленную, —
вылезет лицо наружу плесенью,
обугленным и священным знаком.
Со дна моря подыметя невиданной водорослью,
из могилы прорастет анемонами,
лиловым, томным огнем
замреет с бездонных болот...

Турин, Турин,
блаженный город,
в куске полотна
химическое богословье
хранящий,
радуйся ныне и присно!

Турманом голубь: «Турин!» — кричит,
Потоком По-река посреди кипит,

654

Солдатская стоянка окаменела навек,
Я — город и стены, жив человек!
Из ризницы тесной хитон несусь,
Самого Господа Господом спасусь!

Не потопишь,
не зароешь,
не запрешь,
не сожжешь,
не вырубишь,
не вымолишь
своего лица,
бедный царек,
как сам изрек!

В бездумные, легкие, птичьи дни — выступало.
Когда воли смертельной загорались огни —
выступало.
Когда голы мы были, как осенние пни, —
выступало.
Когда жалкая воля шептала: «распни!» —
выступало.

Отчалил золотой апрель
на чайных парусах чудесных, —
дух травяной, ветровый хмель,
расплавы янтарей небесных!
Ручьи рокочат веселей,
а сердце бьется и боится:
всё чище, девственной, белей
таинственная плащаница.

Открываю руки,
открываю сердце,
задерживаю дыханье,
глаза перемещаю в грудь,
желанье — в голову,
способность двигаться — в уши,
слух — в ноги,
пугаю небо,
жду чуда,

Милостивому Стану Аббакичу

Радкову, за десет ми години до нашего
знакомства личествено и лично
влияние на мене не може да през
десет ми години, знаменитостта в Ваши
тази образцова работа на
широтата на аутентичността
персона и на изследовател-
ския верен интересен до
показател.

За всежеланието

М. Кузнецова

Золотий 1927.

А. Ракову

Кто мы старше, Младар и Конрад!
Душа моя резервана и готова
И сам себе кофусь в бивийском
Это по земле ехиднею надрисю,
Тжесуь в зимней абиссисе,
Али така фарабу, а любви!
Санабуле славнайше с бегуше
Да фазористившійся в сверхант
Да недумогнае бисуренно ^{Крейсер} фруцян
Метерь кадыдеи маси чувбю.

Тсак, тсак, тсак...

Мадсе тнотм арабисе...
ны аблака, ма нрмсе...
Втобвншійся мазмиса

Взнае недвурноме вменен
Вес снр...

Как шір знакамоеи дансат

не дышу....
Еще, еще....

Кровь запела густо и внятно:
«Увидишь опять вещи пятна».

Апрель 1923

651

Один другому говорит:
«У вас сегодня странный вид:
Горит щека, губа дрожит,
И солнце по лицу бежит.
Я словно вижу в первый раз
Таким давно знакомым вас,
И если вспомнить до конца,
То из-под вашего лица
Увижу...» — вдруг и сам дрожит,
И солнце по лицу бежит,
Льет золото на розу губ...
Где мой шатер? Мамврийский дуб?
Я третьего не рассмотрел,
Чтоб возгордится не посмел...
Коль гостя третьего найдешь,
Так с Авраамом будешь схож.

Июль 1923

652

Л. Ракову

Ко мне скорее, Теодор и Конрад!
Душа моя растерзана любовью,
И сам себе кажусь я двойником,
Что по земле скитается напрасно,
Тоскуя о телесной оболочке.
Я не покоя жажду, а любви!
Сомнамбулы сладчайшее безумье,
Да раздробившийся в сверканьях Крейслер,
Да исступленное блаженство дружбы —
Теперь водители моей судьбы.

658

Песок, песок, песок...
Жаркие глыбы гробницы...
Ни облака, ни птицы...
Отбившийся мотылек
В зное недвижим висит...
Всё спит...
Как мир знакомый далек!
Шимми и небоскребы
Уплыли: спутники оба
Читают на входе гроба
Непонятное мне заклатье,
Как посвященные братья.
Смерть? объятья?

Чужое, не мое воображенье
Меня в пустыню эту привело,
Но трепетность застывшего желанья
Взошла из глубины моей души.
Стучало сердце жалкое: откройся,
Мне всё равно: таишь объятья, смерть,
Сокровище царей, богов бессмертье.
Я дольше ждать, ты видишь, не могу.
Фейдт и Гофман улыбнулись,
Двери тихо повернулись.
Сумрак дрогнул, густ и ал,
Словно ветер пробежал...
И выходит...

Игра несоответствий вам мила!
Я вижу не в одежде неофита,
Не в облачении древнего Египта,
А в пиджаке последнего покроя,
С высокой пуговицей, узкой тальей,
Давно известного мне человека.
Прямой, как по линейке, узкий галстук,
Косой пробор волос, светлее русых,
Миндалевый разрез апрельских глаз,
Любовным луком вычерчены губы,
И, как намек, саксонский подбородок...
Назад откинут юношеский стан,
Как тетива, прямы и длинные ноги,
Как амулеты, розовые ногти...
На правой, гладко выбритой щеке

Темнеет томно пятнышко Венеры.
Известно всё, но золотой туман,
Недвижный и трепещущий, исходит...
Оцепенение, блаженный сон,
И ожидание, любовь, желанье, —
Соединилось всё, остановившись.
А мотылек усталый опустился
На кончик лакированной ботинки
И белым бантиком лежать остался.
О, золотистая струя рейнвейна!
Всё кажется, что скрытая игра
Пробьется пеной на твою поверхность.

Сердце, могу ль
Произнести я
Полное имя?
Тайну хранить
Трудно искусству...
Маску надев,
Снова скажу:
Гуль!

Я принимаю!.. сладко умереть,
Коснувшись этих ног, руки, одежды,
В глазах увидев ласточек полет,
Апрельский вечер, радугу и солнце!
Ответ, ответ, хоть уголками губ!
Ты улыбнулся. Спутники стояли,
Едва заметные, у стен гробницы.

— Но я не смерть, а жизнь, — произнеслось. —
Всё, что пленяет, что живет и движет,
Всё это — я! Искусство, города,
Поездки дальние и приключенья,
Высокие, крылатейшие мысли,
И мелочи быстротекущей жизни,
И блеск, и радость, ревность и страданье,
Святая бедность и веселый голод,
И расточительность, любовь и слава,
Всё это — я, всё это — я. Узнал ты?

— Я принимаю! я изнемогаю
От жажды. Напой живой водою,
О Гуль! душа моя, судьба и сердце —
Вот сделалось всё шатким и непрочным,

Капризным, переменчивым, как жизнь.
Опасное блаженство! но я понял:
Покой устойчивый подобен смерти.
Куда меня, о Теодор и Конрад,
Вы завели, в чужом воображеньи
Явился я непрошеным пришельцем.
Найдется ль место мне в твоих мечтах? —
Но парус поднят... и — плыви, галера!
Сокровище царей, оно со мною!

Апрель 1924

653

Не рыбу на берег зову,
А птицу в воздух кличу,
Росу на спящую траву
И ветер парусам.

Лишь первый шаг — увидишь сам,
Какой родимый воздух,
Как сладостна сухим устам
Проточная вода.

Рулем ведется борозда,
Куда направит воля,
Но недвижима навсегда
Полярная звезда.

Май 1924

654. ЭФЕССКИЕ СТРОКИ

Флейта, пой! Пещеры своды
Зацвели волшебным мленьем:
Рощи, копыя, города,
Тихо каплет дни и годы
Наговорным усыплением
Голубиная вода.

661

Мреет сумрак. Свет на воле.
Предначертанные тени
За мерцанием зарниц.
Горстью сыпь на угли соли!
Спины, шеи и колени,
Шелестенье тщетных лиц.

Ток эфира бурей станет,
Буря нежит ток эфира,
Кошка львом и кошкой лев.
Арфы трепет громом ранит.
Полноте внимаешь мира,
Бренный слух преодолев.

Зоркий страж не видит леса,
Тайноведенья уроки
Неученый раб принес.
Спим с тобой у врат Эфеса...
Пробужденья скрыты сроки,
И не лает чуткий пес.

Июль 1924

655. ИДУЩИЕ

В сумерках идут двое.
По разделяющимся длинным ногам
видно,
что они — мужчины.
Деревья цветут,
небо зеленеет,
квакают лягушки.
Идут они вдоль канала.
Они почти одинакового роста,
может быть — одного возраста.
Они говорят о деревьях и небе,
о Германии и Италии,
о плавании на «Левиафане»,
о своих работах и планах,
о проехавшей лодке,
о вчерашнем завтраке.
Иногда в груди одного

Идущие

Вау меркла идути днае,
Но раздвигнувшись длинными ногами
всёмо,
это они - иерусалим,
деревья иветуют,
ктоб зеленее,
ктомоют илгушнее.
Идут они вдали конюга,
они пагити одинакового роста,
Мафет был, одинаго возраста.
Они говорят о деревьях и море,
о Термани и Ирали,
о шаваби на "Вашаграи",
о своих работах и таяна,
о проговиней ладне,
о вращении зовтраке.
Иногда в груди одинаго
аказываются два сердца,
подем оба переидают в другую грудь,
как мексиканские птицы.
Если их руки ветроулет,
когдакост,
это из насбиа в насель
переидают Гемсо и кро'в.
соедав отой ярови - одне родни.
Они могут бло'в, зрети,
и сидят за одним столом,

оказываются два сердца,
потом оба перелетают в другую грудь,
как мексиканские птички.
Если их руки встретятся,
кажется,
что из пальца в палец
переливается тепло и кровь.
Состав этой крови — однороден.
Они могут бегать, грести
и сидеть за одним столом,
занимаясь каждый своим делом.
Иногда улыбнутся друг другу —
И это — будто поцелуй.
Когда щека одного
коснется щеки другого,
кажется — небо позолотело.
Они могут и спать на одной кровати...
разве они — не мужчины?
Они могут обменяться платьем,
и это не будет маскарадом.
Если мир вспорется войною,
наступит новый 1814 год,
они рядом поскачут на лошадях,
в одинаковых мундирах,
и умрут вместе.
Огромная звезда повисла.
Из сторожки выходит сторож,
запирает двери на ключ,
ключ кладет в карман.
Посмотрел вслед паре,
и может насвистывать,
что ему угодно.

20 октября 1924

656

Отяжелев, слова корой покрылись.
Скорей косматый разбивай кокос!
Пока слизняк из домика не вылез,
Высокий тополь к небу не пророс.

664

А чувствую: гетеро
Ноги, и все идет,
Всперей, прищипи и шере
Глаза мои грядут.

Дайнае сердце бьется,
(Мне, или ты?)

Зеркала и догера
Обаими глазами.

Коричневые наливом
Мягкосту твой зрачок,
А мой, какими же девочкой
Сережи, как река.

Меней, дески с младшими!
Душа, и плоть, и дух, —
И светящиеся херувимом,
Зудовищные небес.

7 ноября 1924.

По шахте катится, крутятся, граната.
Курган Малахов, взрывы и восторг.
Девятый месяц семенем богата,
Прорыв кровавый крика не исторг.

Терпение!.. О-о-о-а́, мой милый!
Как розово засвиристал апрель!..
Летучею, зеленою могилой
Младенчески качнется колыбель.

Октябрь 1924

657

Я чувствую: четыре
Ноги, и все идут.
Острее, прямей и шире
Глаза мои глядят.
Двойное сердце бьется
(Мое или твое?),
Берется и дается
Обоими сполна.
Коричневым наливом
Темнеет твой зрачок,
А мой каким-то дивом
Сереет, как река.
Тесней, тесней с любимым!
Душа, и плоть, и дух, —
И встанешь херувимом,
Чудовищем небес.

7 ноября 1924

658

Не губернаторша сидела с офицером,
Не государыня внимала ординарцу,
На золоченом, закрученном стуле
Сидела Богородица и шила.
А перед ней стоял Михал-Архангел.
О шпору шпора золотом звенела,

666

У палисада конь стучал копытом,
А на пригорке полотно белилось.

Архангелу Владычица сказала:
«Уж, право, я, Михайлушка, не знаю,
Что и подумать. Неудобно слуху.
Ненареченной быть страна не может.
Одними литерами не спастися.
Прожить нельзя без веры и надежды
И без царя, ниспосланного Богом.
Я женщина. Жалею и злодея.
Но этих за людей я не считаю.
Ведь сами от себя они отверглись
И от души бессмертной отказались.
Тебе предам их. Действуй справедливо».

Умолкла, от шитья не отрываясь.
Но слезы не блеснули на ресницах,
И сумрачен стоял Михал-Архангел,
А на броне пожаром солнце рдело.
«Ну, с Богом!» — Богородица сказала,
Потом в окошко тихо посмотрела
И молвила: «Пройдет еще неделя,
И станет полотно белее снега».

Ноябрь 1924

659

О чем кричат и знают петухи
Из курной тьмы?
Что знаменуют темные стихи,
Что знаем мы?
За горизонтом двинулась заря,
Душа слепая ждет поводыря.

Медиумически синей, Сибирь!
Утробный звон...
Спалили небо перец и инбирь,
Белесый сон...

667

Морозное питье, мой капитан!
Невнятный дар устам судьбою дан.

На сердце положи, закрой глаза.
Баю, баю!

И радужно расправит стрекоза
Любовь мою.

Не ломкий лед, а звонкое вино
Летучим пало золотом на дно.

Декабрь 1924

660. СМОТР

«Победа» мечет небо в медь.
Разбег весны, раскат знамен,
Знакомой роскоши закон:
Ходить, любить, смотреть, неметь,

Как зажигательным стеклом
Стекла каски блеск, мой взгляд
Следит, как в ней войска горят
И розовеет дальний дом.

Труба, мосты, гремучий лед...
Не Пруссии ли то поля?
И вдруг, дыханье веселя, —
Сухой Флоренции пролет.

Пока идут... О, катер Мурр,
Johannisberger Kabinett!
Лак пролит на скользящий свет, —
И желтым хлынул с лип Н-dur.

Мне гейзером опять хотеть...
Вдруг капнула смолой слеза,
Что я смотрел в твои глаза,
А не в магическую медь.

Февраль 1925

«Веселенькую! Ну, привольно!»
 В клетке запел слепой скворец.
 Ты помнишь? — Нет, совсем не больно! —
 И в ванну падает отец.

Но в высоту ли, в глубину ли
 Забагровел седой прыгун,
 Когда пеленки затянули
 Глухую муть глазных лагун?

Вспорхну я выдуманным пухом,
 Пускай гниет смешной старик.
 По озеру, под легким духом
 Плынут подтяжки и парик...

И бросилась к щекам щетина —
 Небритого гниенья сад, —
 На зелень зазывает тина,
 Но не поднять ноги назад.

Одна уступка разделенью...
 Держите крепче! Я пропал!..
 Но эти дни меж днем и тенью!
 Бессчетный счет московских шпал!...

30 мая 1925

Воздушную и водяную гладь
 Не одинаковым разбить полетам, —
 Зачем крылатым тяжести желать?
 Зачем ползучим делаться пилотом?

О девочка, не думая, резвясь,
 Себя бездушной массе ты вручила.
 Где соответствие? Какая связь,
 Когда в одном легчайшем легким сила?

И брызги к небу, слезы и укор, —
Они, поверь, из сердца, не из моря,
Но их ведь ждал твой удивленный взор,
Когда летел, певучим брызгам вторя.

Из пара влага — плодovitый дождь.
Приблизятся назначенные сроки,
И ты увидишь из нездешних рош,
Что не прошли жестокие уроки.

Декабрь 1925

663. ОЛЕНЬ ИЗОЛЬДЫ

Олень комельский, сотник благочестный,
Улусам лень казать ледяный рог,
Но свет зеленоватый зорь полных
В своих зрачках ты и теперь сберег.

Слова «любовь и честь» — они смертельны!
Живое сердце кровью истекло...
А лесовые круглые просторы,
А зимнее, домашнее тепло!

Взмолился о малиновой рубашке,
А зори рвут маляновый мороз...
Умели пасть подрубленные братья,
И ты такой же родился и рос.

А синий соболь, огненная птица
У печени и вьется и зовет:
«Смотри, смотри, Тристан зеленоглазый,
Какое зелье фрау Изольда пьет!»

О, этот голос! девочка с испугу
Запела в недостроенном дому.
Поет, пророчит, ворожит и плачет,
И голос не понятен никому.

Придут жильцы, она забудет страхи.
Как именинница, пойдет прилечь,

Переселенцы

Гуфки, саямисе за гуфрисе боювтица
Менеджево епидижеи на посегуб,
А завтра внаибь самнадирравно везе-
не, не поитсуд, не бнзаванови.
Как старомашаво витег тавбе, а Нами!
Как апуеишисеа витег витеиши Бик,
што так забавно говорит о бавес,
Мама вас ехали на поитсуде!
Скарин в барак! Диланбе мопирин
С еирек витеи еушеркати ваведь?
Из законнопасенние тавхо тави,
Кондиш вконномическая етисии
И епедискиена бнбнбн распринда...
Как витеи руки, а Нами, зотзубеа
Как вавезриниашь витеи арасада?
А фреде вас гедвердго рибена..
Ме трас - рохидурниа, маааааааа
Ворзенаа коедьши асудидь
К фредью кирисеаблестинуу мисе риве.
О Мафе, Мафе, Мафе, Мафе, Мафе!
Зотсее нами просеитовьш, сеии зотзуба
Чувидии де фе капки и дорозу.
Тде тавика е мидтебн, проеиешу мовьш
Лавзениу и кабак на кирисеиде,
Да о зотзубеишнуу мифу, а Нами риве?

Сердца же помнят, что в часы ночные
Они стучали в горячий меч.

Февраль 1926

664. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Чужое солнце за чужим болотом
Неистово садится на насест,
А завтра вновь самодержавно встанет,
Не наказуя, не благоволя.
Как старомодно ваше платье, Молли!
Как опустился ваш веселый Дик,
Что так забавно говорил о боксе,
Пока вы ехали на пакетботе!
Скорей в барак! дыханье малярии
С сиреневыми сумерками входит
В законопаченные плохо щели,
Коптит экономическая лампа,
И бабушкина библия раскрыта...
Как ваши руки, Молли, погрубели,
Как выветрилась ваша красота!
А ждете вы четвертого ребенка...
Те трое — рахитичны, малокровны,
Обречены костями осушать
К житью неприспособленную местность.
О Боже, Боже, Боже, Боже, Боже!
Зачем нам просыпаться, если завтра
Увидим те же кочки и дорогу,
Где палка с надписью «Перспект побед»,
Лавчонку и кабак на перекрестке
Да отгороженную лужу «Капитолий»?
А дети вырастут, как свинопасы:
Разучатся читать, писать, молиться,
Скупую землю станут ковырять
Да приговаривать, что время — деньги,
Бессмысленно толпиться в Пантеоне,
Тесовый мрамор жвачкой заплывав,
Выдумывать машинки для сапог,
Плодить детей и тупо умирать,
Почти не сознавая скучной славы
Обманчивого слова «пионеры»!..

Прспите лучше, Молли, до полудня.
Быть может, вам приснится берег Темзы
И хмелем увитой родимый дом...

Апрель 1926

665

Блеснула лаком ложка, —
И лакомка-лучок
Сквозь мерзлое окошко
Совсем, совсем немножко
Отведал алых щек.

Неметена избенка,
Не вытоплена печь.
Звенит легко и звонко,
Умильнее ребенка,
Неслышимая речь.

Кто в небе мост поставил,
Взрастил кругом леса?
Кто, обращенный Павел,
Наставил и прославил
Простые чудеса?

Намеков мне не надо.
О, голос, не пророчь!
Повеяла прохлада,
Пастух загонит стадо,
Когда настанет ночь.

Хрустальная лачуга.
Благословенный дом.
Ни скорби, ни испуга, —
Я вижу рядом друга
За тесным столом.

Апрель 1926

Золотая Елена по лестнице
 Лебедем сходит вниз,
 Парень, мнущий глину на задворках,
 Менее смешон, чем Парис.
 Тирские корабли разукрашены —
 (Белутою пой, Гомер!)
 Чухонские лайбы попросту
 В розовой заводи шхер.
 Слишком много мебели,
 Шелухой обрастает дом.
 Небесные полотеры шепотом
 Поставили всё вверх дном.
 В ужасе сердце кружится...
 Жарю, кипячу, варю...
 Прямая дорога в Удельную,
 Если правду заговорю.
 Покойники, звери, ангелы,
 Слушайте меня хоть вы!
 Грошовыми сережками связаны,
 Уши живых — мертвы.

Ноябрь 1926

Базарный фокус-покус
 Живет не дольше дня,
 А всё же мне сдается,
 Что любишь ты меня.

У лужи удит рыбу
 Ученый дурачок...
 Возьмися за Спинозу —
 И взглянешь на крючок.

Один крючок на стенке,
 Другой плавает в воде...
 До одури понятно,
 И что, и как, и где!..

Фантазия рисует
Проворней маляра.
Куда-то ускакали
И завтра, и вчера.

И русая прическа,
И узкие бока...
Поправит портупею
Поручика рука.

Вдали играют трубы:
Тра-ра, тра-ра, тра-ра.
Поют из-за плотины
И завтра, и вчера.

Совсем ведь непохоже,
А верно всё до слез,
И карточные бредни
Мой ветерок разнес.

Декабрь 1926

668. ПАМЯТИ ЛИДИИ ИВАНОВОЙ

Завет, воспоминание, испуг?
Зачем опять трепещут тополя?
В безветрии истаял томный звук,
Тепло и жизнь покинули поля.

А грезилась волшебная страна,
Фонтаны скрипок, серебристый тюль,
И не гадала милая весна,
Что встретить ей не суждено июль.

Исчезла. Пауза. Безмолвна гладь.
Лишь эхо отвечает на вопрос,
И в легком духе можем отгадать
Мы вянью уже нездешних роз...

Апрель 1927

О. А. Черемшановой

Был бы я художник, написал бы
 Скит девичий за высоким тыном,
 А вдали хребет павлиний дремлет,
 Сторожит сибирское раздолье.
 И сидит кремневая девица,
 Лебедь черная окаменела,
 Не глядит, не молвит, не внимает,
 Песня новая уста замкнула,
 Лишь воронкою со дна вскипает.
 По кремню ударь, ударь, сударик!
 Ты по печени ударь, по сердцу!
 То-то искры, польмя, безумье!
 Грозная вспорхнула голубица,
 Табуны забыла кобылица,
 Разметала гриву на просторе,
 Засинело греческое море.
 Черное вихрит богомоленье,
 Стародавнее воскресло пенье,
 Перекинулся пожар по крышам.
 Что увидим, други, что услышим?

Дикий зной сухой гитаны,
 В кастаньетах треск цикады,
 Бахрома ресниц и шали,
 Роза алая в зубах!

Ничего, что юбки рваны,
 Много ли цыганке надо?
 Бубны враз заворковали,
 Словно горлица в горах!..

Вспомнила?.. О — лэ!!
 Вздрогнула?.. О — лэ!!
 Подземная память, как нож,
 В дымную дыню дней!

И когда на оживленный дансинг,
Где-нибудь в Берлине или Вене,
Вы войдете в скромном туалете,
Праздные зеваки и вивёры
Девушку кремневую увидят
И смутятся плоскодонным сердцем.
Отчего так чуждо и знакомо
Это пламя, скрытое под спудом,
Эта дикая, глухая воля,
Эти волны черного раденья?
На глазах как будто ночи ставни,
На устах замок висит заветный,
А коснитесь — передернет тело,
Словно мокрою рукой взялся за провод,
И твердят посупленные брови
О древнейшей, небывалой нови.

26 апреля 1927

670

О. Н. Арбениной-Гильдебрангт

Сколько лет тебе, скажи, Психея?
Псюхэ милая, зачем считать?
Всё равно ты будешь, молодея,
В золотые рощи прилетать.

В этих рощах воздух не прозрачный,
Испарений и туманов полн,
И заливы спят под тучей мрачной
В неподвижности тяжелых волн.

Там пустые, темные квартиры,
Где мерцает беловатый пол,
Или ночи северной Пальмиры,
Иль невиданный, пустынный мол.

У заборов девочки-подружки
Ожидают, выстроившись в ряд,

677

Или смотрят, позабыв игрушки,
На чужой и недоступный сад.

Там играют в сумерках Шопена.
Тот, кого зовут, еще в мечтах,
Но соперничество и измена
Уж видны в приподнятых глазах.

Там по царским дням в парадной ложе
Восседает Смольный институт,
А со сцены, на туман похожи,
Лебеди волшебные плывут.

Но, сквозь пар и сумрак розовея,
Золотая роща нам видна,
И пути к ней, юная Психея,
Знаешь, молодея, ты одна.

11 января 1930

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие М.А.Кузмина велико, и данный сборник представляет его не полно. Оно состоит из 11 стихотворных книг, обладающих внутренней целостностью, и значительного количества стихотворений, в них не включенных. Нередко в составе поэтического наследия Кузмина числятся еще три его книги: вокально-инструментальный цикл «Куранты любви» (опубликован с нотами — М., 1910), пьесе «Вторник Мэри» (Пг., 1921) и вокально-инструментальный цикл «Лесок» (поэтический текст опубликован отдельно — Пг., 1922; планировавшееся издание нот не состоялось), а также целый ряд текстов к музыке, отчасти опубликованных с нотами. В настоящий сборник они не включены, прежде всего из соображений экономии места, как и довольно многочисленные переводы Кузмина, в том числе цельная книга А. де Ренья «Семь любовных портретов» (Пг., 1921).

В нашем издании полностью воспроизводятся все отдельно опубликованные сборники стихотворений Кузмина, а также некоторое количество стихотворений, в эти сборники не входивших. Такой подход к составлению тома представляется наиболее оправданным, т. к. попытка составить книгу избранных стихотворений привела бы к разрушению целостных циклов и стихотворных книг. Известно несколько попыток Кузмина составить книгу избранных стихотворений, однако ни одна из них не является собственно авторским замыслом: единственный сборник, доведенный до рукописи (Изборник¹), отчетливо показывает, что на его составе и композиции сказались как требования издательства М. и С.Сабашниковых, планировавшего его опубликовать, так и русского книжного рынка того времени, а потому не может служить образцом. В еще большей степени сказались эти обстоятельства на нескольких планах различных книг «избранного», следуя которым попытался построить сборник стихов Кузмина «Арена» (СПб., 1994) А.Г.Тимофеев (см. ред. Г.А.Морева // НАО. 1995. № 11).

Следует иметь в виду, что для самого Кузмина сборники не выглядели однородными по качеству. 10 октября 1931 г. он записал в Дневнике: «Перечитывал свои стихи. Откровенно говоря, как в период 1908—1916 года много каких попало, вялых и небрежных стихов. Теперь — другое дело. М<ожет> б<ыть>, самообман. По-моему, оценивая по пятибалльной системе все сборники, получится: „Сети“ (все-таки 5), „Ос<енние> Озера“ —

¹ Список условных сокращений, принятых в примечаниях, см. на с. 686—688.

3, „Глиняные голубки“ — 2, „Эхо“ — 2, „Нездешние Вечера“ — 4, „Вожатый“ — 4, „Нов(ый) Гуль“ — 3, „Параболы“ — 4, „Фореель“ — 5. Баллы не абсолютны и в сфере моих возможностей, конечно. (НЛО. 1994. № 7. С. 177).

Довольно значительное количество стихотворных произведений Кузмина осталось в рукописях, хранящихся в различных государственных и частных архивах. Наиболее значительная часть их сосредоточена в РГАЛИ, важные дополнения имеются в различных фондах ИРЛИ (описаны в двух статьях А.Г.Тимофеева: Материалы М.А.Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993, Материалы М.А.Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Некоторые дополнения) // Ежегодник... на 1991 год. СПб., 1994), ИМЛИ, РНБ, ГЛМ, РГБ, ГРМ, Музея А.А.Ахматовой в Фонтанном Доме (С.-Петербург), а также в ряде личных собраний, доступных нам лишь частично. Полное выявление автографов Кузмина является делом будущего, и настоящий сборник не может претендовать на исчерпывающую полноту как подбора текстов (по условиям издания тексты, не включенные в авторские сборники, представлены весьма выборочно), так и учета их вариантов. В соответствии с принципами «Библиотеки поэта» ссылки на архивные материалы даются сокращенно: в случаях, если автограф хранится в личном фонде Кузмина (РГАЛИ, Ф. 232; РНБ, Ф. 400; ИМЛИ, Ф. 192; ГЛМ, Ф. 111), указывается лишь название архива; в остальных случаях указывается название архива и фамилия фондообразователя или название фонда.

На протяжении многих лет, с 1929 и до середины 1970-х годов, ни поэзия, ни проза Кузмина не издавались ни в СССР, ни на Западе, если не считать появившихся в начале 1970-х годов репринтных воспроизведений прижизненных книг (ныне они довольно многочисленны и нами не учитываются), а также небольших подборок в разного рода хрестоматиях или антологиях и отдельных публикаций единичных стихотворений, ранее не печатавшихся.

В 1977 г. в Мюнхене было издано «Собрание стихов» Кузмина под редакцией Дж.Малмстада и В.Маркова, где первые два тома представляют собою фотомеханическое воспроизведение прижизненных поэтических сборников (в том числе «Курантов любви», «Вторника Мэри» и «Леска»; «Занавешенные картины» воспроизведены без зротических иллюстраций В.А.Милашевского), а третий (ССт) состоит из чрезвычайно содержательных статей редакторов, большой подборки стихотворений, не входивших в прижизненные книги (в том числе текстов к музыке, стихов из прозаических произведений, переводов и коллективного), пьесы «Смерть Нерона» и театрально-музыкальной сюиты «Прогулки Гуля» (с музыкой А.И.Канкаровича под названием «Че-пу-ха (Прогулки Гуля)» была исполнена в 1929 г. в Ленинградской Академической капелле. См.: «Рабочий и театр». 1929. № 14/15), а также примечаний ко всем трем томам (дополнения и исправления замеченных ошибок были изданы отдельным приложением под загл. «Addenda et errata», перечень необходимых исправлений вошел также в Венский сборник).

Названное издание является, бесспорно, наиболее ценным из осуществленных в мире до настоящего времени как по коли-

честву включенных в него произведений, так и по качеству комментариев, раскрывающих многие подтексты стихов Кузмина. Однако оно не лишено и отдельных недостатков, вызванных обстоятельствами, в которых оно готовилось: составители не имели возможности обращаться к материалам советских государственных архивов, бывшие в их распоряжении копии ряда неизданных стихотворений являлись дефектными, по техническим причинам оказалось невозможным внести необходимую правку непосредственно в текст стихотворений и т.п. Ряд стихотворений остался составителям недоступным.

Из изданий, вышедших на родине Кузмина до 1994 г. включительно, серьезный научный интерес имеют прежде всего «Избранные произведения» (Л., 1990) под редакцией А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика, представляющие творчество Кузмина далеко не полно, но оснащенные в высшей степени ценным комментарием; в частности, особый интерес вызывают обзоры критических откликов на появление книг поэта, которые из соображений экономии места в предлагаемом томе не могут быть представлены. Добросовестно откомментирован уже упоминавшийся нами сборник «Арена» под редакцией А.Г.Тимофеева, хотя его композиция не может быть, с нашей точки зрения, принята в качестве удовлетворительной. Книги, вышедшие под редакцией С.С.Куныева (Ярославль, 1989; иной вариант — М., 1990) и Е.В.Ермиловой (М., 1989), научной ценностью не обладают (см. рецензию Л.Селезнева // «Вопросы литературы». 1990. № 6).

Настоящее издание состоит из двух больших частей. В первую, условно называемую «Основным собранием», вошли прижизненные поэтические сборники Кузмина, с полным сохранением их состава и композиции, графического оформления текстов, датировок и прочих особенностей, о чем подробно сказано в преамбулах к соответствующим разделам. Во вторую часть включены избранные стихотворения, не входившие в авторские сборники. При составлении этого раздела отдавалось предпочтение стихотворениям завершенным и представляющим определенные этапы творчества Кузмина. Более полно представлено послеоктябрьское творчество поэта.

Обращение к рукописям Кузмина показывает, что для его творческой практики была характерна минимальная работа над рукописями: в черновых автографах правка незначительна, а последний ее слой практически совпадает с печатными редакциями. Это дает возможность отказаться от традиционного для «Библиотеки поэта» раздела «Другие редакции и варианты» и учесть их непосредственно в примечаниях. При этом варианты фиксируются лишь в тех случаях, когда они представляют значительный объем текста (как правило, 4 строки и более), или намечают возможность решительного изменения хода поэтической мысли, или могут свидетельствовать о возможных дефектах основного текста. Следует отметить, что далеко не всегда функция автографа — белой или черновой — очевидна. В тех случаях, которые невозможно разрешить однозначно, мы пользуемся просто словом «автограф».

В тексте основного собрания сохранена датировка стихотворений, принадлежащая самому Кузмину, со всеми ее особенностями, прежде всего — часто применяемыми поэтом общими

датировками для целого ряда стихотворений, а также заведомо неверными датами, которые могут обладать каким-либо особым смыслом (как правило, в списках своих стихотворений Кузмин обозначает даты весьма точно, что говорит о его внимании к этому элементу текста). Исправления и дополнения к авторским датировкам вынесены в примечания. Лишь в нескольких случаях в текст внесены датировки, намеренно опущенные самим автором (чаще всего — при включении в книгу стихотворений, написанных задолго до ее издания); такие даты заключаются в квадратные скобки. В разделе «Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники», произведения датировались на основании: 1) дат, проставленных самим автором в печатных изданиях или автографах; 2) различных авторских списков произведений; 3) археографических признаков или разного рода косвенных свидетельств; 4) первых публикаций. В двух последних случаях даты заключаются в ломаные скобки; во всех случаях, кроме первого, обоснование датировки приводится в примечаниях. Даты, между которыми стоит тире, означают время, не раньше и не позже которого писалось стихотворение или цнкл.

Орфография текстов безоговорочно приведена к современной, за исключением тех немногих случаев, когда исправление могло войти в противоречие со звучанием или смыслом стиха Кузмин постоянно писал названия месяцев с прописных букв — нами они заменены на строчные. В то же время в текстах поздних книг Кузмина слова «Бог», «Господь» и др., печатавшиеся по цензурным (а нередко и автоцензурным, т. к. такое написание встречается и в рукописях) соображениям со строчной буквы, печатаются с прописной, как во всех прочих текстах. Пунктуация Кузмина не была устоявшейся, она сбивчива и противоречива. Поэтому мы сочли необходимым в основном привести ее к современным нормам, оставив без изменения в тех местах, где можно было подозревать определенно выраженную авторскую волю, или там, где однозначно толковать тот или иной знак препинания невозможно.

Примечания содержат следующие сведения: указывается первая публикация (в единичных случаях, когда стихотворение практически одновременно печаталось в нескольких изданиях, — через двойной дефис указываются эти публикации; если впервые стихотворение было опубликовано в книге, воспроизводимой в данном разделе, ее название не повторяется). В тех случаях, когда стихотворение печатается не по источнику, указанному в преамбуле к сборнику, или не по опубликованному тексту, употребляется формула: «Печ. по ...». Далее приводятся существенные варианты печатных изданий и автографов, дается реальный комментарий (ввиду очень большого количества реальный разного рода, встречающихся в текстах, не комментируются слова и имена, которые могут быть отысканы читателем в «Большом (Советском) энциклопедическом словаре» и в «Мифологическом словаре», М., 1990), а также излагаются сведения, позволяющие полнее понять творческую историю стихотворения и его смысловую структуру. При этом особое внимание уделено информации, восходящей к до сих пор не опубликованным дневникам Кузмина и его переписке с Г.В.Чичериным, тоже лишь в незначительной степени введенной в научный оборот. При этом даже опубликованные в различных изданиях отрывки из этих

материалов цитируются по автографам или по текстам, подготовленным к печати, дабы не загромождать комментарий излишними отсылками. Для библиографической полноты следует указать, что отрывки из дневника Кузмина печатались Ж.Шероном (WSA. Bd. 17), К.Н.Суворовой (ЛН. Т. 92. Кн. 2) и С.В.Шумихиным (Кузмин и русская культура. С. 146—155). Текст дневника 1921 года опубликован Н.А.Богомоловым и С.В.Шумихиным (Минувшее: Исторический альманах. [Paris, 1991]. Вып. 12; М., 1993. Вып. 13), текст дневника 1931 года — С.В.Шумихиным (НЛО. 1994. № 7). Обширные извлечения из писем Кузмина к Чичерину приводятся в биографии Кузмина (Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996), ряд писем из Италии опубликован А.Г.Тимофеевым (Тимофеев А.Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993), фрагменты двусторонней переписки опубликованы С.Чимишьян («Cahiers du Monde Russe et soviétique». 1974. Т. XV. № 1/2).

Особую сложность представляло выявление историко-культурных и литературных подтекстов стихотворений Кузмина. Как показывает исследовательская практика, в ряде случаев они не могут быть трактованы однозначно и оказываются возможными различные вполне убедительные интерпретации одного и того же текста, основанные на обращении к реальным и потенциальным его источникам. Большая работа, проделанная составителями-редакторами ССт и Избр. произв., не может быть признана исчерпывающей. В данном издании, в связи с ограниченностью общего объема книги и, соответственно, комментария, указаны лишь те трактовки ассоциативных ходов Кузмина, которые представлялись безусловно убедительными; тем самым неминуемо оставлен без прояснения ряд «темных» мест. По мнению комментатора, дальнейшая интерпретация различных текстов Кузмина, особенно относящихся к 1920-м годам, может быть осуществлена только коллективными усилиями ученых.

При составлении примечаний нами учтены опубликованные комментарии А.В.Лаврова, Дж.Малмстада, В.Ф.Маркова, Р.Д.Тименчика и А.Г.Тимофеева. В тех случаях, когда использовались комментарии других авторов или же опубликованные в других изданиях разыскания уже названных комментаторов, это оговаривается особо.

Редакция серии приносит благодарность А.М.Луденко за предоставление им ряда уникальных материалов (автографов и надписей Кузмина на книгах), использованных в данном издании. Редакция благодарит также Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме за помощь, оказанную при иллюстрировании настоящего издания впервые публикуемыми материалами из фонда Музея и его библиотеки.

Составитель приносит свою глубокую благодарность людям, способствовавшим ему в поиске и предоставившим возможность получить материалы для издания: С.И.Богатыревой, Г.М.Гавриловой, Н.В.Котрелеву, А.В.Лаврову, Е.Ю.Литвин, Г.А.Мореву, М.М.Павловой, А.Е.Парнису, В.Н.Сажину, М.В.Толмачеву, Л.М.Турчинскому. Особая благодарность — А.Г.Тимофееву, рецензировавшему рукопись книги и высказавшему ряд важных замечаний.

Список условных сокращений

- А** — журн. «Аполлон» (С.-Петербург. — Петроград).
Абр. — альм. «Абракада». Вып. 1 и 2 — 1922. Вып. 3 — 1923 (Петроград).
АЛ — собр. А.М.Луценко (С.-Петербург.).
Арена — Кузмин М. Арена: Избранные стихотворения / Вст. ст., сост., подг. текста и комм. А.Г.Тимофеева. СПб.: «Северо-Запад», 1994.
Ахматова и Кузмин — Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // «Russian Literature». 1978. Vol. VI. № 3.
Бессонов — Бессонов П.А. Калеки переходные: Сборник стихов и исследование. М., 1861. Вып. 1—3 (с общей нумерацией страниц).
В — журн. «Весы» (Москва).
Венский сборник — Studies in the Life and Works of Mikhail Kuzmin / Ed. by John E.Malmstad. Wien, 1989 (WSA. Sonderband 24).
ГГ-1 — Кузмин М. Глиняные голубки: Третья книга стихов / Обл. работы А.Божеянова. СПб.: Изд. М.И.Семенова, 1914.
ГГ-2 — Кузмин М. Глиняные голубки: Третья книга стихов. Изд. 2-е / Обл. работы Н.И.Альтмана. [Берлин]: «Петрополис», 1923.
ГЛМ — Рукописный отдел Гос. Литературного музея (Москва).
ГРМ — Сектор рукописей Гос. Русского музея (С.-Петербург.).
Дневник — Дневник М.А.Кузмина // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 51—67а. Дневники 1921 и 1931 гг. цитируются по названным в преамбуле публикациям, за остальные годы — по тексту, подготовленному Н.А.Богомоловым и С.В.Шумихиным к изданию с указанием дат записи.
ЖИ — газ. (впоследствии еженедельный журн.) «Жизнь искусства» (Петроград — Ленинград).
Журнал ТЛХО — «Журнал театра Литературно-художественного общества» (С.-Петербург.).
ЗР — журн. «Золотое руно» (Москва).
Изборник — Кузмин М. Стихи (1907—1917), избранные из сборников «Сети», «Осенние озера», «Глиняные голубки» и из готовящейся к печати книги «Гонцы» // ИМЛИ. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 4.
Избр. произв. — Кузмин М. Избранные произведения / Сост., подг. текста, вст. ст. и комм. А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика. Л.: «Худож. лит.», 1990.
ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы РАН.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.
Кузмин и русская культура — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—7 мая 1990 г. Л., 1990.
Лесман — Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: «Книга», 1989.
Лит. прил. — «Русская мысль» (Париж): Лит. прил. № 11 к № 3852 от 2 ноября 1990.

- ЛН — Лит. наследство (с указанием тома).
 Лук. — журн. «Лукоморье» (С.-Петербург. — Петроград).
 Майринк — Густав Майринк. Ангел западного окна: Роман. СПб., 1992.
- НАО — журн. «Новое литературное обозрение» (Москва).
- П — Кузмин М. Параболы: Стихотворения 1921—1922. Пб.; Берлин: «Петрополис», 1923.
- Пример — Кузмин М., Князев Всеволод. Пример влюбленным: Стихи для немногих / Украшения С.Судейкина // РГБ. Ф. 622. Карт. 3. Ед. хр. 15 (часть рукописи, содержащая стихотворения Кузмина [без украшений, которые, очевидно, и не были выполнены], предназначенной для изда-ва «Альциона»; часть рукописи со стихами Князева — РГАЛИ, арх. Г.И.Чулкова).
- Ратгауз — Ратгауз М.Г. Кузмин — кинозритель // Киноведческие записки. 1992. № 13.
- РГАЛИ — Российский гос. архив литературы и искусства.
- РГБ — Отдел рукописей Российской гос. библиотеки (бывш. Гос. Библиотеки СССР им. В.И.Ленина).
- РНБ — Отдел рукописей и редких книг Российской Национальной библиотеки (бывш. Гос. Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина).
- РМ — журн. «Русская мысль» (Москва).
- РТ-1 — Рабочая тетрадь М.Кузмина 1907—1910 гг. // ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 321.
- РТ-2 — Рабочая тетрадь М.Кузмина 1920—1928 гг. // ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 319.
- Рук. 1911 — Кузмин М. Осенние озера, вторая книга стихов. 1911 // ИМЛИ. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 5—7 (рукопись).
- С-1 — Кузмин М. Сети: Первая книга стихов / Обл. работы Н.Феофилактова. М.: «Скорпион», 1908.
- С-2 — Кузмин М. Сети: Первая книга стихов. Изд. 2-е / Обл. работы А.Божерянова. Пг.: Изд. М.И.Семенова, 1915 (Кузмин М. Собр. соч. Т. 1).
- С-3 — Кузмин М. Сети: Первая книга стихов. Изд. 3-е / Обл. работы Н.И.Альтмана. Пб.; Берлин: «Петрополис», 1923.
- СевЗ — журн. «Северные записки» (С.-Петербург. — Петроград).
- СИМ — Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.
- Списки РГАЛИ — несколько вариантов списков произведений Кузмина за 1896—1924 гг. // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43.
- Список РТ — Список произведений Кузмина за 1920—1928 гг. // РТ-2.
- ССт — Кузмин Михаил. Собрание стихов / Вст. статьи, сост., подг. текста и комм. Дж.Маллстада и В.Маркова. München: W.Fink Verlag, 1977. Bd. III.
- ст. — стих.
- ст-ние — стихотворение.
- Стихи-19 — Рукописная книжка «Стихотворения Михаила Кузмина, им же переписанные в 1919 году» // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 6.
- Театр — М. Кузмин. Театр: В 4 т. (в 2-х книгах) / Сост. А.Г. Тимофеев. Под ред. В. Маткова и Ж. Шерона. Berkly Slavic Specialties, [1994].

I

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

СЕТИ

Первая книга стихов

Первое издание сборника (С-1) вышло в апреле 1908 г. в московском издательстве «Скорпион», с которым Кузмин был, видимо, связан каким-то (вероятно, поначалу неформальным) договором о постоянном сотрудничестве. Обложка к книге была сделана художником Н.П.Феофилактовым, близким знакомым Кузмина (см. преамбулу к части четвертой «Сетей»). В оглавлении были специально отмечены стихи, публикуемые впервые.

История издания восстанавливается по переписке Кузмина с В.Я.Брюсовым. 20 января 1908 г. Кузмин написал: «Получили ли Вы в достаточно благополучном виде рукопись „Сетей“? Мне крайне важно Ваше мнение о стихах, неизвестных Вам. Я писал Михаилу Федоровичу <Ликиардопуло, секретарю В> о возможном сокращении (и желательном, по-моему) „Любви этого лета“. Если это не затруднит Вас, я был бы счастлив предоставить Вам это решение, равно как и выбор из 8 стихотворений («Различные стихотворения»), где я стою исключительно только за сохранение последнего: „При взгляде на весенние цветы“. Что можно опустить без потери смысла в „Прерванной повести“? „Мечты о Москве“? „Несчастный день“? „Картонный домик“?» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). 15 февраля Брюсов отвечал ему: «Сборник Ваших стихов я прочел, — пока еще бегло, оставляя себе удовольствие настоящего чтения в будущем. <...> Вы спрашивали меня, не нахожу ли я лучшим выкинуть какие-либо пьесы из Вашего сборника. Разумеется (— и это Вы знаете не хуже меня и любого критика), не все стихотворения в книге равны одно другому и рядом со „счастливыми“ есть и „неудачные“. Но я был бы решительно против каких бы то ни было сокращений. Не говоря о том, что книга и так очень невелика, в ней есть цельность, которая может легко нарушиться от таких пропусков» (WSA. Bd. 7. S. 73-74, публ. Ж.Шерона; здесь и далее печатается с исправлениями по автографу — РНБ, арх. П.Л.Вакселя). 20 февраля последовал ответ Кузмина: «Пусть будет: выбрасывать из книги я ничего не буду, но вот что думаю. Т. к. последние 2 цикла не очень вяжутся с остальной книгой и т. к. я предполагаю писать еще несколько тесно связанных с этими двумя циклов, не помещать их в „Сетях“, а оставить для возможного потом небольшого отдельного издания» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). Об этом первоначальном замысле см. также: «Решили <с Вяч.Ивановым> „Мудрую встречу“, „Вожатого“, „Струи“, и дух(овные) стихи издать отдельно в „Орах“ весною же» (Дневник, 19 февраля 1908). Однако уже 23 февраля Кузмин записывает «При-

слали корректуры „Сетей“ до конца» (Дневник), что, по всей видимости, и отменило задуманное предприятие.

Второе издание сборника вышло в декабре 1915 г. с большими изъятиями, сделанными военной цензурой (в тексте они отмечены строками точек), что было воспринято Кузминым как «неприятности» (Дневник, 14 июля 1915). В остальном текст почти не претерпел изменений, поэтому как источник С-2 нами учитывается в единичных случаях.

В сборнике воспроизводится текст С-3. Это издание выходило в Берлине без авторского наблюдения, но явно с ведома Кузмина и, можно полагать, по тексту, предоставленному им владельцу издательства «Петрополис», Я.Н.Блоху, о близких дружеских отношениях Кузмина с которым см.: Letter of M.A.Kuzmin to Ja N.Blox / Publ. of John E.Malmstad // Венский сборник. С. 173—185; Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» // Русская литература. 1991. № 1. С. 189—204; Харер К. «Верчусь, как ободранная белка в колесе»: Письма Михаила Кузмина к Я.Н.Блоху (1924—1928) // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 222—242. Хотя разночтения трех изданий немногочисленны, но отброшены быть не могут.

1. ЗР. 1907. № 5. Возможно, загл. не является интегральной частью текста: оно напечатано на шмуцтитуле и может быть воспринято как название раздела, состоящего из одного стиха — «Моряки старинных фамилий...». В Дневнике стих упоминается 17 мая 1907 г. В стихе содержатся явные автобиографические намеки: отец — моряк, прапрадед — французский актер, служивший в Петербурге, и др. Д'Орсэ Альфред Гийом Габриэль, граф (1801—1852) — знаменитый парижский денди. Брюммель (Джордж Брайэн Браммэл, 1778—1840) — столь же знаменитый английский денди. Французская огласовка его фамилии связана, видимо, с книгой Ж.Барбе д'Оревильи «О дендизме и Жорже Брюммеле» (рус. пер. с пред. Кузмина: «Дендизм и Джордж Брэммель», М., 1912). «Магомет» — трагедия Вольтера. Банго — женская прическа. Маркальо д'Эмерик (1807—1855) — французский композитор и пианист, автор популярных вальсов. Вышивающие бисером кошельки. См. стиха 305—307. Цветы театральных училищ. Дед Кузмина со стороны матери был инспектором классов в Императорском театральном училище, где училась его будущая жена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. 2—13. Весь цикл — В. 1907. № 3. Маслов Павел Константинович — молодой человек, род занятий которого нам определить не удалось, любовник Кузмина, связь с которым началась в середине июня 1906 г. и продолжалась до лета 1907 г. См.: «Он нет еще 2 лет, как в Петербурге, из Вологодской губернии» (Дневник, 14 июня 1906). Цикл начинал писаться в Петербурге, а завершался в Васильсурске, куда Кузмин уехал 13 июля и вернулся 21 августа. Психологическое состояние Кузмина в дни создания цикла рисует запись в Дневнике: «Я давно уже не был

в таком чувственном возбуждении, как последнее время, и это угнетает, неудовлетворенное. Я вспоминаю роман Гонкура, где Жермини Ласерте ножки от столов, стульев, палки от щеток, перила, свечи представлялись мужскими членами, и она старалась не глядеть, чтобы не возбуждаться. Не в такой степени, но вроде этого теперь со мною, и я понимаю, как любители женщин не могут равнодушно слышать одно шуршанье женских одежд» (13 августа 1906). По мере возникновения стихи сообщались тогдашнему кругу друзей Кузмина, прежде всего В.Ф.Нувеля и К.А.Сомову. В сентябре чтение цикла неоднократно фиксируется в Дневнике. 3 сентября на вечере у Ивановых: «Наверху я читал новые стихи. Не знаю, понравилась ли. Вяч. Ив<анович Иванов> уверяет, что Соллогубу <так!> понравилась»; 26 сентября: «...читал „Любовь этого лета“. Кажется, понравилось, мне особенно ценно и важно, что нравится молодым». 6 сентября Кузмин отправил цикл Брюсову с письмом, начало которого приводим: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, обращаюсь к Вам с большою просьбою написать Ваше мнение о посылаемом мною ряде стихотворений, тесно связанных между собою и которые я хотел бы назвать „Любовь этого лета“, если бы это не звучало так некрасиво» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). Получив ответ в письме от 1 октября: «От всей души приветствую вашу „Любовь этого лета“. Читал и перечитываю этот цикл Ваших стихов, как близкую и давно любимую книгу. Как читатель приношу Вам свою благодарность за эти 12 стихотворений. <...> Видел здесь М.Волошина и очень рад, что его впечатление от Ваших стихов совершенно сходно с моим» (WSA. Bd. 7. S. 72), — 5 октября Кузмин написал: «Я был несказанно обрадован Вашим сочувственным отношением к „Любви этого лета“; это — лучшая мне награда, за которую я Вам чрезвычайно благодарен. Радуюсь, что эти стихи увидят свет опять в „Вессах“...» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). Успех цикла у читателей и слушателей побудил Кузмина к дальнейшей работе над поэтическими произведениями, не требовавшими обязательного музыкального сопровождения. В декабре 1906 г. он записывает в Дневнике: «У меня мысль написать цикл, аналогичный „Любви этого лета“, Судейкину» (3 декабря). Опытным литераторам публикация «Любви этого лета» казалась проблематичной: «Вяч. Ив<анович Иванов> боится „Прерв<анной> повести“ и „Любви эт<ого> лета“» (Дневник, 29 января 1907). Однако 29 марта Кузмин уже читал корректуру, а 20 апреля — видимо, получив номер журнала с публикацией, — записал в Дневнике: «„Любовь этого лета“ выглядит страшно классически, будто Огарев или Веневитинов».

1. Беловой автограф — РГАЛИ. *Шабли* — белое французское сухое вино. *Твой нежный взор* и т.д. Друзьями Кузмина воспринимались как портрет П.К.Маслова. См. в письме В.Ф.Нувеля от 1 августа 1906 г.: «К сожалению, я не мог долго беседовать с ним <Масловым>, т.к. я был не один, но могу сказать, что он такой же, как и прежде. И нос Пьеро, и лукавые глаза, и сочный рот — все на месте» (Сим. С. 236; далее в том же письме цитируются и другие фрагменты стихов). *Иль Мариво капризное перо*. В Дневнике зафиксировано, что Кузмин купил пьесы Мариво 21 сентября 1905 г. и неоднократно их перечитывал. «*Свадьба Фигаро*» — опера Моцарта на сюжет комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

2. Беловой автограф — РГАЛИ. Второй беловой автограф — РГАЛИ, колл. Я.Е. Тарнопольского, подд. «Антиной» (см. след. примеч.).

3. Беловые автографы — там же. *Антиной* — фаворит римского императора Адриана (нач. II в.), обладавший необыкновенной красотой. Кузмин нередко идентифицировал себя с ним; в кружке «гафизитов» (подробнее см.: СиМ. С. 57—98) по инициативе Л.Д.Зиновьевой-Аннибал он получил прозвище «Антиной», печатью с изображением Антиноя запечатывал свои письма. В 1899 г. им была написана вокальная сюита «Антиной» на стихи А.Н.Майкова (цикл «Альбом Антиноя» из незавершенной драматической поэмы «Адриан и Антиной»). По предположению Е.Г.Рабинович, образ Антиноя, каким он предстает в сочинениях Кузмина, восходит к роману Г.Эберса «Император» (Рабинович Елена. Ресницы Антиноя // «Вестник новой литературы». 1992. № 4. С. 232—242). См. также примеч. 80—86(7). *Ферсит* (Терсит) — персонаж «Илиады», обладавший безобразной внешностью. Ср.: «Нет великого Патрокла, жив презрительный Терсит» (В.А.Жуковский, «Торжество победителей»).

4. Беловые автографы — РГАЛИ (в том числе — Стихи-19). См.: «Вставали, умывались, я старательно накрывал стол, было почему-то выметено, зята уже не было. И здороваясь поделуем, и сидя за чаем, будто с каким-то родственником, племянником, гостем, милым, услужливым, скромным, угощать, занимать после любовной ночи — было прелестно. У меня именно страсть, чтобы любимый человек существовал и был не только для моментов любви. <...> Потом поиграл Faust и Шуберта и поехали» (Дневник, 25 июня 1906).

5. Беловой автограф — в письме к К.А.Сомову от 5 августа 1906 г. из Васильсурска (ГРМ, арх. К.А.Сомова). См.: «Обедал у Нувель, несколько объяснились, собирались завтра к Сомову, а сегодня ненадолго к Ивановым и в Тавр<ический> сад. Пошел дождь совершенно неожиданно, будто весной <...>. И мне казалось, что В.Ф. <Нувелю>, который был довольно меланхоличен, не хочется идти в сад, хотя я был почти уверен, что Павлик там, и очень скучал о нем. Пели арию Розины; поднесенный когда-то букет от „друзей среды“ уныло сох на рояли, горели свечи, шел уже настоящий дождь, и мы сидели до третьего часа» (Дневник, 1 июля 1906). *Ария Розины* — каватина из второго акта оперы Д.Россини «Севильский цирюльник». *Пезарский лебедь* — Россия, уроженец г. Пезаро. *Моцарт*, как и «Севильский цирюльник», — реальный музыкальный фон лета 1906 г. для «гафизитов». *Рафаэль «Парнас»* — фреска в Ватиканском дворце. См. в письме Г.В.Чичерина от 18 августа 1906 г.: «...Стихи в духе XVIII в. — где пели как ту арию Розины *Io sono docile, io sono rispettosa* — прелестны, полны остроты, настроения; только я нахожу, что свойственная тебе оргиастичность, пряность, пантеистическая и страстная морбидность <болезненность> более соответствует миру эллинистически-азиатским, египетски-азиатским или наистрастнейшим (хотя и морбидно тающим) ренессансным. В XVIII в. было больше простой веселости и здоровости. А свежесть этих стихов — не свежесть Парни или пушкинской „Красавицы, нюхающей табак“» (РГАЛИ).

6. Беловой автограф — в письме к В.Ф.Нувелю от 25 июля 1906 г. (РГАЛИ, арх. В.Ф.Нувеля).

7. Беловые автографы — в письмах к В.Ф. Нувелю от 25 июля 1906 г. (РГАЛИ, арх. В.Ф. Нувеля) и к К.А. Сомову от 5 августа 1906 г. (ГРМ, арх. К.А. Сомова). В ССт (С. 620) приведены пародийные вставки К.А. Бальмонта, сделанные на экземпляре С-1. По поводу ст-ний 6 и 7 В.Ф. Нувель писал Кузмину: «Ваши стихотворения мне понравились, хотя в первом чувствуется некоторая искусственность, а второе (первые 2 строфы очень хороши) написано несколько небрежно; мне не нравится тавтология: не могу я, мне невмочь, а „Паладин“ нарушает стих» (Сим. С. 237).

8. Беловой автограф — в письме к К.А. Сомову от 30 июля 1906 г. (ГРМ, арх. К.А. Сомова). 10 августа Сомов писал Кузмину по поводу ст-ний 6, 7 и 8: «Ваши последние три стихотворения обсуждались нами после их прочтения вслух у Эль-Руми <В.И. Иванова>. Мне многое нравится по образам и музыке в „Зачем луна“ и „Мне не спится“, но в них много мыслей не „сделанных“ и диссонансных. „Мне не спится“ — слишком разностилен. Стихи о почтовом пароходе понравились только Иванову, и то с ограничениями, он нашел в них музыкальный, чисто Вам свойственный ритм. Мне же они, хотя в них и включено ярко выраженное чувство грусти, не понравились» (Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 95—96). Каменский, Волжский или Любимов. Названы суда, принадлежавшие различным пароходствам. Любимова, бр. Каменских и «По Волге 1843 г.» (см.: Нехотин В.В. Из реального комментария к стихотворениям М.А. Кузина // De Visu. 1994. № 1/2. С. 68). «*Всера Вас вспоминаю, Будучи с одним, будучи с другим*». См. в письме Кузина к В.Ф. Нувелю от 30 июля 1906 г.: «Я не ревную его <Маслова> теперь ни к Вам, ни к Сомову, хотя я знаю, что он был с вами, и я люблю его больше, чем прежде, больше, чем думал, больше, чем кого-нибудь прежнего» (Сим. С. 236).

9. Беловой автограф — РГАЛИ.

10. Беловой автограф — РГАЛИ. В В и автографе ст. 14: «Когда же тебя увижу вновь?». *Вот сад, где прыгают гимнасты. Видимо, имеется в виду Таврический сад в Петербурге, где Кузмин чаще всего встречался с Масловым.*

11. Беловой автограф — РГАЛИ.

12. Беловой автограф — РГАЛИ.

II. 14—23. Весь цикл — Белые ночи. [СПб.], 1907, с общей датой: 1907. Ст-ния не нумерованы. Цикл посвящен отношениям Кузина и художника Сергея Юрьевича Судейкина (1882—1946), разворачивавшимся в конце 1906 г. Они познакомились 14 октября (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 152), быстротечный роман окончился 26 декабря, когда Кузмин записал в Дневнике: «Получил письмо от С<ергея> Ю<рьевича>: „Мое долгое молчание считаю извинительным; теперь я спокойнее. Я женюсь на О.А. Глебовой. Шлю Вам привет, мой дорогой друг. Если бы Вы приехали, мы были бы очень рады“ <...> Сегодня большой день для меня, несмотря на видимую легкость. Это потяжеле смерти князя Жоржа. Быть так надутым! Но отчего такая легкость? разве я совсем бессердечный? Вчера еще я мог броситься из окна из-за него, сегодня — ни за что. Но впереди — ничего» (Князь Жорж — любовник Кузина в первой половине 1890-х гг.,

офицер конногвардейского полка, личность которого установить нам не удалось. См.: Кузмин и русская культура. С. 150—151). Сохранившаяся в собрании М.С.Лесмана копия письма Судейкина (Избр. произв. С. 505) довольно близка к изложению в Дневнике. В тот же день, в 10 часов вечера, С.А.Ауслендер писал Л.Н.Вилькиной: «Многоуважаемая Людмила Николаевна, по просьбе Кузмина, который не в состоянии писать лично, находясь в положении, близком к смерти, сообщая Вам, что С.Ю.Судейкин женится на О.А.Глебовой. Мне кажется, несчастный Кузмин, хотя, несомненно, скоро имеющий возродиться, в данную минуту являет вид достаточно плачевный и нуждающийся в участии и утешении. Извиняюсь за беспокойство, думая все-таки, что Вам как его „приятелю“ это небезынтересно» (ИРЛИ, арх. Н.М.Минского и Л.Н.Вилькиной). В январе 1907 г. Кузмин развил «прерванную повесть» в прозаической повести «Картонный домик», опубликованной в том же альманахе без 4-х последних глав, утерянных в типографии. (С неточностями полный текст опубликован: Кузмин М. Проза / Ред и прим. В.Маркова и Ф.Шольца. Berkeley, 1990. Т. VIII. С. 243—277; наборная рукопись всей повести — РГАЛИ; авторский список утерянных глав — ИМЛИ; подробнее см. в письме Кузмина в редакцию (В. 1907. № 6); а также: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 286; СиМ. С. 130—139), где под достаточно прозрачными «псевдонимами» (см.: Ахматова и Кузмин. С. 285) выведены те же действующие лица. Цикл вызвал одобрительную реакцию в кругах, близких к «Скорпиону» и В, о чем 19 июля 1907 г. Кузмину писал секретарь В.М.Ф.Ликиардопуло: «Мне очень понравилась „Прерванная повесть“. Когда я купил „Белые Ночи“, я сейчас же ее прочитал Брюсову, Белому и Элису, кот<орые> были все в восторге» (СиМ. С. 196).

1. В первой публикации ст. 11: «Не поразят мой слух ни гром, ни трубы». *Этот... портрет* Кузмина работы Судейкина, очевидно, не был написан. См.: «Судейкин делал набросок, портрет он будет писать без меня; очень черный, en face, за головой венки, в глубине серебряные 2 ангела» (Дневник, 30 октября 1906). Упоминаний в литературе о портрете нам не удалось обнаружить.

2. В ст-нии описан театр В.Ф.Коммиссаржевской на Офидерской, где Судейкин и Кузмин часто встречались.

3. В ст-нии описан вечер у Вяч Иванова 22 ноября 1906 г., о котором см. в Дневнике: «Первое представление „Беатрисы“ <...> Маленькие актрисы тащили куда-нибудь после спектакля, но мы поехали к Ивановым. <..> Мы не пошли в зал, где, потом оказалось, говорили о театре Коммиссаржевской. А я с Судейкиным, бывшим все время со мною и Сераф<имой> Павловной, удаляясь в соседнюю комнату, занялась музыкой; приползла кое-какая публика; Вилькина с Нувель <так!> и Сомовым так громогласно говорили, хотя рядом были 2 пустые комнаты, что музыку пришлось прекратить. С<ергей> Ю<рьевич> сказал, что мог бы заехать ко мне, что меня побудило уйти раньше, инкогнито, хотя я думал, что меня будут искать». *Толстая гора* — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876—1943), жена писателя А.М.Ремизова. «*Куранты*» — вокально-музыкальный цикл Кузмина «*Куранты любви*». *Тонкая модница* — поэтесса

Людмила Николаевна Вилькина (1873—1920), жена поэта Н.М.Минского, с которой Кузмин в это время часто виделся.

4. Имеется в виду день 3 декабря 1906 г., когда Кузмин записал в Дневнике: «Сегодня, в воскресенье<...> я был утешен, не только утешен, но в радости, не только в радости, но и счастлив». «Шаблы во льду» — автоцитата из ст-ния 1 цикла 2—13. «Вена» — известный петербургский ресторан (ул. Гоголя, 13/2), место встреч литературной богемы. *Сапунов* — см. примеч. 409.

5. Ср. запись в Дневнике: «Приехавши домой, нашел программу от современников <кружка „Вечера современной музыки“> и святочный домик с прозрачной цветной бумагой, сквозящей от вставляемой свечки, оставленный приезжавшим Сергеем Юрьевичем» (1 декабря 1906). *Картонный домик* — см. одноименную повесть Кузмина. *Короли-маги* — волхвы, приносившие в дар новорожденному Христу золото, ладан и смиру.

7. Ст-ние явно связано с неоконченным наброском 1904 г. (РГАЛИ):

Эти весенние теплые дыхания
Будят уснувшие в сердце воспоминания.
Мысли влекут меня, солнцем тем влекомые,
В город чужой теперь, в улицы же знакомые.
Будто Москва-река, будто как Неглинная,
Розовый дом стоит, церковь рядом старинная.
Благовест слышится, солнце встает багровое,
Ждет меня лошадь; попона на ней ковровая.
Кто-то поедет, и [с кем-то] я должен встретиться,
Кем-то любовь моя скоро должна приветиться.
Солнце весеннее, мысли же холодные,
В сердце живут моем змеи лишь подкожные.
Все там по-прежнему, так же там Неглинная,
.....
Так же люблю тебя, так же я все думаю,
Что не узнать тебе думу мою угрюмую.

Розовый дом с голубыми воротами. См. «В конце концов Судейкин согласился ко мне ехать, сестра еще не спала; снова стали пить чай и ужинать, я много играл. Судейкин рассказывал об их розовом доме с голубыми воротами, о своих комнатах, семье, знакомых, собаках...» (Дневник, 27 ноября 1906).

8. Ст. 2 исправлены по первой публ. и С-1 (в С-3 «Купив такую шапку, как у Вас»). В первой публикации ст. 15: «Но тотчас же пройду опять понуро». См. в Дневнике: «Ездил с Сережей <С.А.Ауслендером> покупать шапку и перчатки. Купил фасон „Гоголь“ и буду носить отогнувши козырек, как Сергей Юрьевич» (16 декабря 1906).

9. Беловой автограф — Стихи-19. *Сережа* — племянник Кузмина, писатель Сергей Абрамович Ауслендер (1886 или 1888—1943 <1937?>). *Сестра* Кузмина — Варвара Алексеевна Мошкова (в первом браке Ауслендер). С ее семьей Кузмин в то время жил. *Далайрак* Никола Мария (1753—1809) — французский композитор. Не вполне точно цитируемые Кузминым слова (в

оригинале: hélas, hélas, Le bien aimé ne revient pas») входят в арию Нины из оперы «Нина, или Лишенная разума любовью».

10. См. запись Кузмина в дневнике 26 декабря, после окончания романа с Судейкиным: «Опять свободен? пуст? легко? написал эпилог к циклу». Арман, Элиза. См. в поэме А.С.Пушкина «Граф Нулин»:

Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль Переписка двух семей.

III. 24—31. В отличие от большинства циклов книги, данный не представляет сюжетного единства, чем и определена авторская датировка каждого ст-ния в отдельности, а не всего цикла.

1. Список с нотами — РНБ, дата (очевидно, относящаяся к созданию музыки): «24 апреля 1903 г., Св. Саввы Стратилата» и помета Г.В.Чичерина: «Кузминская проблематика, как в Ал<ександрийских> Песнях».

2. Белые ночи. [СПб.], 1907, в тексте рассказа С.А.Ауслендера, названного в подзаг., без загл., подзаг. и эпиграфа. В рассказе стихи читает поэт Жарди, и они встречаются репликой: «Стишки недурны, но я не заметил необходимой рифмы — гильотина». Эпиграф — из песни И.П.Э.Шварцендорфа на стихи Ж.П.К. де Флориана, начинающейся этими строками. Очевидно, к этому ст-нию относится запись: «...я ему <Ауслендеру> для рассказа написал стишки» (Дневник, 20 сентября 1906).

3. В. 1907. № 11, в тексте рассказа С.А.Ауслендера «Корабельщики, или Трогательная повесть о Феличе и Анжелике». Уж давно сказал поэт. По предположению А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика, имеется в виду фрагмент Семонида Аморгского (VII в. до н.э.). См.: Античная лирика. М., 1968. С. 122—123. Биче — сокращенное имя Беатриче Портинари (ок. 1266—1290), воспетой Данте в «Божественной комедии». Лиза — видимо, героиня повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза».

4. «Перевал». 1907. № 8/9, в тексте повести С.А.Ауслендера «Флейты Вафила». Имя Вафила есть у Анакреона (см. также: Гораций, эпод 14). Ср. ст-ние 5 в цикле 604—608.

5. ЗР. 1907. № 5. Два беловых автографа — РГАЛИ. Я вижу странно, прозревая. Ср. в ст-нии А.А.Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...»: «И как-то странно порой прозреваю».

6. Первая публ. не разыскана, хотя в оглавл. книги ст-ние обозначено как уже публиковавшееся.

7. «Перевал». 1907. № 10, как второе ст-ние цикла «На фабрике» (другие ст-ния этого цикла, первоначально предполагавшегося быть более обширным, см.: 175—182(4) и 612). Лист из С-2 со вписанными строками — Изборник. Отвода — «ворота, заборы в околице и в городье» (Словарь В.И.Даля, с пометой «н<о>вг<ородское>»). Указано М.Л.Гаспаровым). Каноник — очевидно, каноник Мори, под духовным руководством которого Кузмин провел некоторое время в Италии. Пейзаж ст-ния связан с пребыванием Кузмина в Окуловке Новгородской губ., где его зять, П.С.Мошков, служил на бумагоделательной фабрике. Па-

мать сердца. Ср.: «О память сердца! ты сильнее Рассудка памяти печальной» (К.Н.Батюшков, «Мой гений»).

В. Вероятно, относится к В.А.Наумову (см. примеч. к циклам 32—40 и 52—60).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. 32—40. Виктор Андреевич *Наумов* — юнкер Инженерного училища, в которого был влюблен Кузмин; однокашник поэта и литературоведа М.Л.Гофмана, знакомого Кузмина. Его имя встречается в Дневнике с февраля 1907 г. Последнее известие — письмо к Кузмину с фронта 14 апреля 1915 г. (ЦГАЛИ С.-Петербурга). Цикл писался в Окуловке (см. ст-ние 7 в цикле 24—31). См.: «Любовь к радугам и фейерверкам, к мелочам техники милых вещей — причесок, мод, камней, Сомовщина мною овладела» (Дневник, 6 июля 1907); «Написал романс на слова Брюсова и кончил цикла стихов XVIII века» (Дневник, 16 июля 1907). Ср. также: «У Солюс имянины, прошлый год в этот день у них был фейерверк, породивший „Ракеты“» (Дневник, 5 июля 1908).

Первая публикация — В. 1908. № 2, без посвящ. и эпиграфа, с опечатками, исправленными в следующем номере журнала на основании письма Кузмина к М.Ф.Ликиардопуло от 17 марта 1908 г. (присоединено к письмам к В.Я.Брюсову; РГБ, арх. В.Я.Брюсова) со словами: «Простите, что я так сутяжничаю, но, право, у Вас так редко бывают небрежности, что эти меня очень огорчили, т<ем> более, что, не неся явной нелепости, они могут сойти за мои намерения». Эпиграф — из ст-ния В.Я.Брюсова «Фонарики» (1904). Согласно списку РГАЛИ, в 1908 г. Кузмин написал к циклу музыку.

2. *Роброн* — старинное женское платье.

3. В журнальном тексте слово «любовь» (ст. 3) набрано с прописной буквы.

5. Ср. одноименную картину К.А.Сомова.

II. 41—45. Цикл обращен к В.А.Наумову (см. примеч. 32—40), но на его содержание, видимо, отразилась смерть жены Вяч.Иванова Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, о которой Кузмин узнал 18 октября 1907 г.

2. «Русский артист». 1908. № 1. «*Манон*» опера Ж.Массне (1884) на сюжет романа аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» или же сам этот роман.

4. *Родина Гольдони* — Венеция. *О темных тайных сестрах*. Имеются в виду мойры (греч. миф.) или парки (рим. миф.) — богини судьбы, изображавшиеся в виде трех сестер, прядущих нити человеческих жизней.

5. *День рожденья* и т.д. См.: «Сегодня день не только рожденья, но и обрученья. Я со слезами благодарю Небо, пославшее мне такое счастье. В.А.<Наумов> благословил меня на любовь к нему, чистую и уничтожающую другие амулеты» (Дневник, 6 октября 1907).

III. 46—51. Цикл обращен к В.А. Наумову (см. примеч. 32—40).

2. *Высоко горит рассветная звезда* — см. след. ст-ние.
3. «Русский артист». 1908. № 14. Лист из С-2 — Изборник.
4. Беловой автограф — Стихи-19.
6. «Русский артист». 1908. № 7. Беловой автограф — Изборник.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Специально о семантике этой части см. Гаспаров М.Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М.Кузмин, «Сети», ч. III) // Проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988. С. 125—136.

I. 52—60. Беловой автограф всего цикла — ИРЛИ, арх. П.Е.Щеголева, с надписью: «Посвящается навсегда дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову». Ср. в письме к В.В.Руслову от 6 февраля 1908 г.: «„Мудрая встреча“» посвящена Вяч.Иванову, т.к. ему особенно нравится, но по-настоящему посвящается, как и все с весны 1907 г., тому лицу, имя которого Вы прочтете над „Ракетами“ и над „Вожатым“» (т. е. В.А. Наумову) (СИМ. С. 214). См. также: «Наверху <у Вяч. Иванова> у меня нашли вид Аббата и шарлатана, пел, новые стихи посвятил Вяч.Иван.» (Дневник, 14 декабря 1907). Значительная часть цикла, если не весь он, была положена на музыку: указанные в примеч. к отдельным ст-ниям автографы из писем к Андрею Белому представляют собою нотные записи с текстами. Лексика цикла в значительной степени ориентирована на библейскую, и особенно на евангельскую.

1. Беловой автограф — в письме к В.В.Руслову от 29 января 1908 г. (ИМЛИ).

2. Беловой автограф — там же. *Вы ждете трепетно трубы?* Ср.: «...Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде» (1-е Фесс. 4, 16; ср.: 1-е Кор. 15, 52).

3. Беловые автографы — в письме к В.В.Руслову от 29 января 1908 г. (ИМЛИ), в письме к Андрею Белому от 2 февраля 1908 г. (РГБ, арх. Андрея Белого) и в Изборнике. *На весах высоких взвешены* и т.д. Ср.: «Пусть взвесит меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность» (Иов. 31, 6).

4. Беловые автографы — в письме к В.В.Руслову от 6 февраля 1908 г. (ИМЛИ), в письме к Андрею Белому от 2 февраля 1908 г. (РГБ, арх. Андрея Белого) и в Изборнике. *Как лосох страниций* — ср. ст-ние 644. *Поспешник* — покровитель (Словарь В.И.Даля). *Знаю вес и знаю меру я*. Вероятно, комбинированная отсылка к легенде о пире Валтасара (Дан. Гл. 5) и к Апокалипсису: «...Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей» (Откр. 6, 5).

5. Беловые автографы — там же. *О милые други, дорогие костыли*. См. запись в Дневнике 17 декабря 1907 г.: «Мои друзья мне дороги; с такими костылями можно идти на небо».

6. Беловые автографы — там же.

7. Беловые автографы — письмо к В.В.Руслову от 6 февраля 1908 г., Изборник.

8. Беловой автограф — в письме к В.В.Руслову от 8 февраля 1908 г. (ИМЛИ). В автографе ИРЛИ ст. 11: «(Клятвы не сказаны)». *Разделение*. Ср.: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение» (Лк. 12, 51) *Время и тление* — слова, в разных контекстах часто встречающиеся в Новом Завете.

9. Беловые автографы — в письме к Андрею Белому от 2 февраля 1908 г. (РГБ, арх. Андрея Белого) и в Изборнике. *Свет* — вероятно, имеется в виду свет Преображения Господня (Мф. 17, 2).

II. 61—67. Посвящ. относится к В.А.Наумову (см. примеч. 32—40). Беловой автограф всего цикла — ИРЛИ, арх. П.Е.Щеголева. Конец декабря 1907 и январь 1908 г. были для Кузмина временем постоянных медитаций под водительством А.Р.Минцловой и следовавших за ними видений. Многие ст-ния данного и след. циклов связаны именно с этим.

1. *Сестры вертят веретенами*. Имеются в виду парки (мойры) (см. примеч. 41—45, 4). *Рядом ты в блистаньи лат*. См.: «Молился. Днем видел ангела в золот<исто>коричневом плаще и золот<ых> латах с лицом Виктора и, м<ожет> б<ыть>, князя Жоржа. Он стоял у окна, когда я вошел от дев. Дллось это яснейшее видение секу<нд> 8» (Дневник, 29 декабря 1907). Очевидно, тем самым Наумов идентифицируется со святым Кузмина, архистратигом Михаилом, изображавшимся в латах и с мечом.

2. Беловой автограф — Изборник. «*Лето Господнее — благоприятно*». См.: «Дух Господа Бога на мне, ибо Господь помазал Меня <...> проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих» (Ис. 61, 1—2; ср.: Лк. 4, 21, где Иисус, прочитав эти слова, произносит: «...ныне исполнилось писание сие, слышанное вами»). *Белым камнем отмечен этот день*. Так древние отмечали счастливый день. *Меч*. См.: «Вернувшись <от А.Р.Минцловой> я долго видел меч, мой меч и обрывки пелен» (Дневник, 16 февраля 1908).

3. В автографе ИРЛИ ст. 1: «Издадека пришел жених и друг». *Жених и друг*. См.: Ин. 3, 27—30, где Жених — Христос, а его друг — Иоанн Предтеча. *Целую ноги твои*. См. слова Демьянова (ср. традиционную пару святых Кузьма и Демьян) в повести «Картонный домик»: «Благодарю наши иконы, что они Вас послали сюда, и целую Ваши ноги, приведшие Вас на мое счастье, на мою радость» (Белые ночи. [СПб.], 1907. С. 141). Аналогичная сцена между Кузминым и Судейкиным описана в Дневнике 8 ноября 1906). 30 января 1908 г. Блок послал это ст-ние матери со словами: «Переписываю тебе новое, ненапечатанное стихотворение Кузмина. По-моему — очень замечательно» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 227).

4. Лист из С-2 со вписанными строками — Изборник. В автографе ИРЛИ — без строфы 3. *Пред сиянием лица Я пал*. См.: «...и просияло лице Его как солнце» (Мф. 17, 2; имеется в виду Преображение Господне).

5. *Горит в груди Блаженства рана*. Ср.: «Днем ясно видел. прозрачные 2 розы, и будто из сердца у меня поток крови на

пол» (Дневник, 7 февраля 1908); «Болит грудь, откуда шла кровь» (Там же. 8 февраля).

6. Лист из С-2 — Изборник. *Божья купина*. См.: «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» (Исх. 3, 2).

7. Лист из С-2 — Изборник.

III. 68—76. Ни в одном из изданий цикла не датирован, однако он явно относится к началу 1908 г. (см. преамбулу к сборнику «Сети» и примеч. к предыдущему циклу) и обращен к В.А.Наумову (см. примеч. 32—40). Согласно списку произведений в РГ-1, написано в феврале—марте 1908.

1. Лист из С-2 — Изборник. *Точит кровь*. См. примеч. 61—67 (5).

2. *Истекай, о сердце, истекай!* См. примеч. 61—67 (5).

3. *Александры*. Имеется в виду Александр Македонский. *Саламангры* — по средневековому поверью, животные, обитающие в пламени.

4. Ст-ние связано с долгой болезнью Наумова. *А мне мерещатся латы*. См. примеч. 61—67 (1).

7. *Ладана тебе не надо*. См. описание видения Кузмина: «Видение. В большой комнате, вмещающей человек 50, много людей, в разных платьях, но неясных и неузнаваемых по лицам — туманный сонм. На кресле, спинкою к единствен(ному) окну, где виделось прозрачно-синее ночное небо, сидит ясно видимая Л(идия) Д(митриевна Зиновьева-Аннибал) в уборе и платье византийских императриц, лоб, уши и часть щек и горло закрыты тяжелым золотым шитьем; сидит неподвижно, но с открытыми, живыми глазами и живыми красками лица, хотя известно, что она — ушедшая. Перед креслом пустое пространство, выходящие на которое становятся ясно видными, смутный, колеблющийся сонм людей по сторонам. Известно, что кто-то должен кадить. На ясное место из толпы быстро выходит Виктор в мундире, с тесаком у пояса. Голос Вячеслава (Иванова) из толпы: „Не трогайте ладана, не Вы должны это делать“. Л(идия) Д(митриевна), не двигаясь, громко: „Оставь, Вячеслав, это все равно“. Тут кусок ладана, около которого положены небольшие нож и молоток, сам падает на пол и рассыпается золотыми опилками, в которых — несколько золотых колосьев. Наумов подымает не горевшую и без ладана кадильницу, из которой вдруг струится клубами дым, наполнивший облаками весь покой, и сильный запах ладана. Вячеслав же, выйдя на середину, горстями берет золотой песок и колосья, а Л(идия) Д(митриевна) подымается на кресле, причем оказывается такой огромной, что скрывает все окно и всех превосходит ростом. Все время густой розовый сумрак. Проснулся я, еще долго и ясно слыша запах ладана, все время медитации и потом» (Дневник, 31 января 1908). Из дневниковых записей В.К.Шварсалон (Сим. С. 333) известно, что Кузмин в начале 1909 г. жег ладан у себя в комнате. *Небесного града*. См.: Откр. 21, 2.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Александрийские песни

Помимо публикаций в периодике, указанных в примечаниях к отдельным ст-ниям, весь цикл был издан отдельно [СПб.: «Прометей», [б.г.]; по поводу этого издания см.: «В 1919 году изд. „Прометей“ выпустило их <„Александрийские песни“> отдельным изданием, теперь распроданным. По-видимому, рецензируемая книга представляет собой новый запас старого издания с перелицованной обложкой» ([б.п.] // «Книга и революция». 1922. № 7 (19). С. 59)]. В 1921 г. было осуществлено издание ряда песен с нотами (М.: Гос. музыкальное изд-во. Художественный отдел), куда вошли ст-ния 3 из цикла 77—79, 4, 2, 1 из цикла 93—97; 7 из цикла 80—86; 5 из цикла 93—97 (тетрадь I) и 2 из цикла 77—79; 5, 2, 1 из цикла 80—86; 1, 5 из цикла 87—92 (тетрадь II).

Начало работы над циклом может быть отнесено к 1904 г., когда часть ст-ний оказывается включена в «Комедию из Александрийской жизни» (другое название «Евлогий и Ада», апрель 1904 г. — РГАЛИ; опублик. — Театр. Кн. 2). 5 сентября 1905 г. «Александрийские песни» впервые упоминаются в письмах Г.В.Чичерина (ст-ния 7 из цикла 80—86; 1 из цикла 98—102 и 5 из цикла 103—107), в письме от 27 октября того же года упоминается ст-ние 5 из цикла 98—102. В Списке РГАЛИ работа над циклом отнесена к апрелю—октябрю 1905 г., при этом названы ст-ния 1 и 2 из цикла 604—608; 2 и 3 из цикла 80—86; 2 из цикла 87—92; 4, 1, 5 из цикла 80—86; 5 из цикла 87—92; 6 из цикла 80—86; 3 из цикла 77—79; 3 и 4 из цикла 604—608; 1 (и/или 2) из цикла 77—79; 1 из цикла 87—92; 1 из цикла 93—97, не опубликованное при жизни ст-ние «Три платья», известное по записи со слов И.А.Лихачева (ССт., особое приложение «Addenda et errata». С. 4), одно ст-ние, которое нам не удалось идентифицировать; 4 из цикла 93—97; 3 из цикла 87—92; 5 из цикла 604—608; 7 из цикла 80—86; 4 из цикла 87—92. 20 января 1906 г. с циклом ознакомился В.Я.Брюсов. 9 февраля 1906 г. В.Ф.Нувель сообщил Кузмину, что Брюсов готов взять «Александрийские песни» для В. 3 марта 1906 г. Кузмин извещает Брюсова: «...одновременно с этим письмом посылаю Вам переписанными „Алек<андрийские> п<есни>“, которые Вы находили возможным поместить в „Весак“. Посылаю их почти все, чтобы Вы сами могли сделать выбор годного, что, равно как и перестановку их, предоставляю на полнейшее Ваше усмотрение» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). Брюсов воспользовался этим правом, отобрав для публикации 11 ст-ний и соответственно перенумеровав их (наборный оригинал — ИМЛИ); остальные, под общим загл.: «Александрийские песни Михаила Кузмина. 1905 г. Лето — осень», сохранились в его архиве (из них одно осталось не опубликованным при жизни — см. ст-ние 5 из цикла 604—608). Часть не принятых Брюсовым ст-ний Кузмин опубликовал в сборнике «Корабли». Полный белой автограф «Александрийских песен», вероятно, представляющий собою текст для планировавшегося, но неосуществленного отдельного издания с илл. Н.П.Феофилактова, — ИМЛИ. В нем ст-ние 6 из цикла 87—92 переписано позднее и снабжено датой: 1908 (в

списке произведений Кузмина [РТ-1] январем—мартом 1908 г. помечено: «Алекс. песня»).

Об источниках «Александрийских песен» существует довольно значительная литература. Традиционно они возводились к «Песням Билитис» П.Луиса (подробнее см. примеч. 87—92, 5), однако Г.Г.Шмаков справедливо указал, что Кузмин был очень низкого мнения об этом произведении (Шмаков Г. Блок и Кузмин: Новые материалы // Блоковский сборник. Тарту, 1972. [Вып. 2]. С. 350). Чрезвычайно важно впервые введенное в научный оборот А.В.Лавровым и Р.Д.Тименчиком указание Н.В.Волькенау, сделавшей 4 декабря 1925 г. на заседании подсекции русской литературы при Литературной секции Государственной Академии художественных наук доклад «Лирика Михаила Кузмина». Этот доклад заслуживает особого внимания, т. к. источником сведений докладчицы были беседы с Кузминым: «Вдруг приезжает из Москвы девица гермесовская. Сведения» (Дневник, 25 декабря 1924; «Гермес» — московский машинописный журнал, сотрудницей которого была Волькенау. Подробнее о нем см.: Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 167—210). В докладе говорилось: «Сам М.А.Кузмин на вопрос о том, что он считает источником „Александрийских песен“, указал докладчице на переводы древнеегипетских текстов, издававшиеся в 70-х годах XIX в. под эгидой английского Общества Библейской археологии и выходявшие в течение нескольких лет серией под названием „Records of the Past“. По мнению автора, бытовая ткань была дана ему этим материалом; общие исторические сведения его дополнили: александрийских же эпиграмматиков и элегиков Кузмин, по его словам, никогда не читал. Среди длинного ряда царских надписей о войнах и победах, молений подземным богам, встречаем мы в „Records of the Past“ несколько отрывков, своеобразное мировоззрение которых окрашивает многие „песни“» (Избр. произв. С. 509). Не лишено основания суждение Волькенау: «Представление о Египте как о земном рае, которое создают и „Александрийские Песни“, было распространено в эллинистическом мире: „...Верь мне; в Египте / уж так-то хорошо, что и сказать трудно. / Ведь там найдется все, что только есть в мире: / Палестра, роскошь, деньги, власть, покой, слава, / Театры, злато, мудрецы, царя свита...“ — из «Свахи» Герода, пер. Г.В.Церетели» (РНБ, арх. А.Д. и С.Э.Радовых). В прениях по докладу Д.С.Усов назвал еще два возможных источника: антологические стихотворения Фета и легенды Лескова. Из называвшихся другими авторами параллелей к циклу следует упомянуть поэзию Мелеагра (Волошин Максимilian. Лики творчества. М., 1988. С. 471—473), египетские легенды в обработке Марузо и французские парафразы античных мотивов у Т.Готье, А.Самена, отчасти П.Луиса (Шмаков Г. Цит. соч. С. 342), «песни» Метерлинка (см.: Гиндин С.И. «Александрийские песни» Кузмина, «Песни» Метерлинка и семантическая теория стихосложения // Кузмин и русская культура. С. 39—42).

Появление первой публикации части «Александрийских песен» вызвало интерес критики. Наиболее содержательный отзыв принадлежал М.А.Волошину («Русь». 1906, 22 декабря). Весьма

интересен отклик Г.В.Чичерина в письме к Кузмину от 16 мая 1906 г.: «I серия Алекс<андрийских> Песен не только „приемлетя“ мною, но я нахожу их наиболее зрелым, уравновешенным, ровным, компактным, стильным из всех твоих капитальных циклов или произведений; одним словом, наиболее чисто художественным. Я их менее могу любить,— это менее кусок биографии, менее проповедь <...>, менее философское откровение. Но как поэзия, художество, красота, благоухождение — это наилучшее. Jetzt haben wir eine Kunst <Сейчас мы имеем искусство — нем.>. Времена Года были отчасти Мусоргский; Калашников и Дух<овные> Ст<ихи> прислонялись к народному эпосу; Шекспир прислонялся к старым балладам. Алекс<андрийские> Песни — наиболее Кузмин le plus pur <наиболее чистый — фр.>, беспримесный. В них воскресают твои первейшие вдохновения и соединяются с наипоследнейшей сложностью, сжатостью, выкидываньем лишнего и слишком материального, каркасностью, схематичностью одних только lignes determinantes <определяющих линий — фр.>. Начало II серии решительно интереснее всей I серии; так ли и дальше?» (РГАЛИ; речь идет не только о поэтической, но и о музыкальной стороне цикла).

Николай Петрович Феофилакт (1878—1941) — художник, приятель Кузмина, иллюстратор (совм. с С.Ю.Судейкиным) «Кургантов любви», автор обложки к С-1. См. запись в Дневнике 23 февраля 1906 г.: «Да, Нувель говорил, что молодые московские художники: Феофилакт, Кузнецов, Мильоти, Сапунов, пришли в дикий восторг от моей музыки и Феофил<актов> находит возможным уговорить Полякова издать ноты с его, Феофил<актова>, виньетками». В недатированном письме к Кузмину Феофилакт говорил: «Очень часто вспоминаю Вас и Вашу музыку, очень часто декламирую Ваши Александрийские Песни». В другом недатированном письме, уговаривая Кузмина не участвовать в организуемом журнале «Перевал» (что само по себе свидетельствовало об известной доверительности в отношении), Феофилакт писал: «Я пленен Вашими Александрийскими песнями и скоро начну оканчивать к ним рисунки» (РНБ, арх. П.А.Вакселя). Долго обсуждавшийся проект издания цикла с иллюстрациями Феофилактова осуществлен в конце концов не был.

1. 77—79. 1. В. 1906. № 7. В черновом автографе (РГАЛИ), начало стиха выглядит так:

Как песня матери
У колыбели первенца,
Как утро свежее
На высях гор заоблачных,
Как дикий мед,
Жасмина цвет молочный,
[Меня влечет
Твой голос неумолчный,
Трижды блаженная,
Трижды сладчайшая
Александрия.

2. Беловой автограф трех последних строк — РГБ, арх.

В.Я. Брюсова (перед ст-нием XIV, что свидетельствует, что в рукописи, посланной Брюсову, ст-ние стояло под номером XIII).

3. Беловой автограф — РГАЛИ. Включено в повесть «Крылья». «Оса». См. описание этого танца в «Комедии из Александрийской жизни»: «Таицовщица, закутанная в несколько одежда, пляшет, представляя, что ее кусает оса:

Ах, меня оса кусает,
А дружок про то не знает.
Дружок, подойди,
Осу мне найди!
Ах, дружочек мой не знает,
Что меня оса кусает,—
Придется самой
Справляться с осой.
Я возьму, возьму сначала —
Сброшу это покрывало.
Вот и нету его —
Не нашла ничего.

Сбрасывает одежды одну за другой, все смотрят» (Театр. Кн. 2 С. 65, с исправл. по автографу РГАЛИ).

II. 80—86. 1—3. Автографы — РГАЛИ.

4. Черновой автограф — РГАЛИ.

5. Беловой автограф — РГАЛИ.

6. Черновой автограф — РГАЛИ. В нем между ст. 8 и 9: «Как ни толковать его искомно».

7. В. 1906. № 7. *Гробницу Менкаура*. Пирамида Менкара — одна из величайших египетских пирамид. Кузмин посетил ее во время путешествия в Египет в 1895 г. *Антиноем, утопившимся в священном Ниле*. См. в повести «Крылья»: Он «Антиной» был родом из Вифинии; «...» и он был пастухом раньше, чем его взял к себе Адриан; он сопровождал своего императора в его путешествии «так!», во время одного из которых он и умер в Египте. Носились смутные слухи, что он сам утопился в Ниле, как жертва богам за жизнь своего покровителя, другие утверждали, что он утонул, спасая Адриана во время купанья. В час его смерти астрономы открыли новую звезду на небе; его смерть, окруженная таинственным ореолом, его оживившая уже приходившее в застой искусство необыкновенная красота действовали не только на придворную среду, — и неутешный император, желая почтить своего любимца, причислил его к лику богов. «...» Мы встречаем гораздо позднее, несколькими почти столетиями, общины в честь Дианы и Антиной. «...» Члены этих общин — прототипов первых христианских — были люди из беднейшего класса...» (Кузмин М. Первая книга рассказов. М., 1910. С. 314—315). См. в письме Г.В. Чичерина Кузмину от 5 октября 1905 г.: «От вынешней серии Александр<ийских> песен я все в большем восторге. До сих пор ты ничего не писал столь адекватно-античного, как кусок целой действительности, столь морbidно, изящно, пантеистично, первозданно интенсивного. И раб в подземельи, и сistr, и бог Фта — это все утонченнейшее совершенство в данном роде» (РГАЛИ).

III. 87—92. 1. Беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова. № II.

2. Автограф — РГАЛИ.

3. В. 1906. № 7. «Оса». См. примеч. 77—79 (3). По поводу этого стиха Н.В.Волькену говорила: «Прямым указанием на влияние египетских текстов является песня Кузмина „Сегодня праздник...“, заимствующая общий колорит и отдельные образы из отрывка романа эпохи 19-й династии „Рассказ о саде цветов“ (РНБ, арх. А.Д. и С.Э.Радловых).

4. В. 1906. № 7.

5. Луис Пьер (1870—1925) — французский писатель, автор широко известной книги «Песни Билитис». Об этой книге Г.В.Чичерин сообщал Кузмину 18/31 января 1897 г.: «Кстати об александрийско-римском мире: ты не оставил мысли о Kallista, помнишь? в газетах я часто читал большие похвалы Chansons de Bilitis (Pierre Louÿs), это подражания антологиям того времени; иногда, говорят, грязновато, в общем очень хвалят, какой-то ученый немецкий историк написал книгу о них, я не заметил его имени, это было в дороге. У P Louÿs также — роман «Aphrodite», — говорят, очень грязно» (РГАЛИ). 22 февраля Кузмин отвечал ему: «За Bilitis я тебе очень благодарен, но ею крайне разочарован и даже до некоторой степени возмущен. Во всем этом — ни капельки древнего духа, везде бульвар, кафешантан или еще хуже; и тем недостойней, что античность треплется для прикрытия подобной порнографии. Ну какой это VI-ой век! Там какая-то улыбка золотого утра, так все чисто и солнечно, нагота вследствие наивности; здесь же полуобнаженность на диванах отдаленных кабинетов для возбуждения. Гимн Астарте очень хорош, но он так похож на автентичные и на воззвания Флобера и Леконт де Лиляя <так!>, что несколько теряет. Мне больше всего нравятся купающиеся дети, и проходящие верблюды, и затем картина зимы, когда он смотрит сквозь куски льду на бледное небо, — это тонко и поэтично; многие вещи, сами по себе грациозные и милые, он пачкает и портит безвозвратно» (РНБ, арх. Г.В.Чичерина). Стих представляет собою вариацию на тему «Песни» из третьей части «Песен Билитис». Праздник *Агониса* — т.н. адонии. Подробнее см.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 47—48.

IV. 93—97. 1. Корабли: Сборник стихов и прозы. М., 1907, под общим для всех напечатанных там стихов загл.: «Александрийские песни (дополнительные)». Беловой автограф — РГБ, арх. В.И.Иванова, с неотчетливо написанной датой, которая, вероятно, должна читаться: 1904. В этом автографе строки выровнены по правому краю. Второй беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова. № III.

2. В. 1906. № 7. *Каллимах*. Во всех трех изданиях «Сетей» имя было напечатано «Каллимах». Исправлено в соответствии с современными нормами и написанием в В и в издании 1921 г.

3. Там же.

4. Там же. *Сладко умереть* и т.д. Ср.: «Сладко и почетно умереть за отчизну» (Гораций. Оды, III, 2).

5. Там же. *Гелиополь* — древний город, недалеко от нынешнего Каира, центр поклонения Солнцу.

V. 98—102. 1. Корабли. М., 1907. В этой публ. ст. 13—15 и 30—31 слиты в одну строку. Беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова. № XIV. *Фта* (Птах) — бог-демиург в мемфисской мифологии, представлялся в виде прекрасного мужчины. *Изи-га* — см. примеч. 448.

2. Там же. Ст. 2—3, 5—6, 19—20 и 24—25 слиты в одну строку. Беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова. № XV. *Гатор* (Хатор) — египетская богиня Неба, покровительница женщин и любви. *Систры* — священные погремушки.

3. В. 1906. № 7.

4. Корабли. М., 1907. Ст. 1—2, 3—4, 5—6, 9—10, 19—20, 29—30, 31—32, 36—37, 43—44, 47—48 соединены в одну строку, различения в ст. 10: «(неизменное)» и ст. 33: «с упругим телом, гибкими руками и душистой косою». Беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова. № XVII. *Не зная, куда склонить главу*. См.: «...лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20; Лк. 9, 58). *Авва*. Ср. слова Иисуса: «Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк. 14, 36).

5. В. 1906. № 7. *Лохия* — мыс, на котором в Александрии находился дворец императора. *Кесарь* — император (117—138) Адриан. *Никомидия* — город в Малой Азии. «Новый бог дан людям!» После смерти Антиной был обожествлен (см. примеч. 80—86, 7). 27 октября 1905 г. Г.В.Чичерин писал Кузмину об этом ст-нии, сохраняя ранние варианты, не дошедшие до нас: «Стихи о солдате и Антиное великолепны по живому воскрешению живой жизни; но некоторые словечки меня немножко огорошивают, как „флигель“; но по-русски трудно; по-французски все можно сказать красиво, а по-русски иногда приходится или прибегать к „мифостратикам“ и поповским славянизмам, или употреблять словечки, кот<орые> не звучат. По-русски ли „имея впереди раба“? Это как будто галлицизм «*ayant devant soi un esclave*». Мне не нравится „обычным жестом“ не только потому, что жест, но и потому, что тут имеется в виду не жестикуляция, а движение» (РГАЛИ).

VI. 103—107. *Каноп* (Каноб; Кузмин употреблял обе формы, в С-1 — вторая) — город недалеко от Александрии, связанный с нею каналом. Был местом отдыха и развлечений.

1. Включено в «Комедию из Александрийской жизни», где его поет Голос.

2. Вошло в «Комедию из Александрийской жизни» как песня певиц из первой картины. В этом варианте ст. 1: «Ах, мой сад, мой виноградник», ст. 5: «В моем садике прохладном».

4. Вошло в «Комедию из Александрийской жизни» как реплика Ады, ее главной героини. *Киприда* — Афродита.

5. В. 1906. № 7. В тексте В и издания 1921 г. ст. 27: «что все уходит от нас безвозвратно». *Систр* — см. примеч. 98—102 (2).

VII. 108. *Кипр, горогой Богине*. Имеется в виду Афродита, родившаяся из морской пены около острова Кипр.

ОСЕННИЕ ОЗЕРА

Единственное издание, по которому сборник печатается, вышло в августе 1912 г. в издательстве «Скорпион» с обложкой С.Ю.Судейкина. Рук. 1911 по всем признакам является наборной, однако в ней есть значительное количество разночтений, вероятно, указывающих на обширную правку автора в корректуре. В Рук. 1911 вся книга была посвящена В.Г.Князеву (см. ниже).

109. Адресат посвящения (в Рук. 1911 посвящения нет, сохранился лишь лист с надписью «Посвящение»), очевидно, поэт Всеволод Гаврилович Князев (1891—1913), первая запись о котором в Дневнике относится ко 2 мая 1910 г. «Мне очень понравился проходивший Князев. Вдруг он мне приносит две розы от Паллады <Богдановой-Бельской>. Пошел ее поблагодарить. Звала слушать стихи Князева». Отношения Кузмина с Князевым завершились в сентябре 1912 г. Подробнее об истории этих взаимоотношений см.: Тименчик Р. «Рижский эпизод» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // «Даугава». 1984. № 2, а также в примеч. к отдельным стихам этого и следующего сборников.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. 110—121. Первоначально цикл был опубликован в составе стихов: 1 из цикла 110—121, 5 из цикла 183—192, 4—6 из цикла 110—121 под общим загл. «Осенние озера» и с общей датой: октябрь 1908. В Рук. 1911 после стихов 5 следует еще одно, обозначенное (не рукой Кузмина) номером 5б:

О, райских дней слепительный венок,
Ночей любви пленительная смена!
Опять со мной веселая Камена,
Поет, склонясь: «Вот ты — не одинок!»

Теперь весь день склонен у милых ног,
Несу ярмо целительного плена.
Как далека нам кажется измена,
Ты, ревность, прочь! не нужен твой клинок.

Зачем шептать: «Любовь и мир — крылаты,
Вспорхнут опять, присев на краткий миг,
Заплачешь вновь, как прежде, одинокий?»

Нет, верю я: надежны эти латы,
И страха нет, чтоб я главой поник,
Вдвоем с тобой, перед судьбой безокой.

1909. Март.

1. В. 1909. № 3, ст. 9 и 22 заключены в скобки. Беловой

автограф (РНБ, арх. А.И.Тинякова), под загл. «Канцона». Первые три строки составляют акrostих, резко контрастирующий с завершающим всю книгу циклом «Праздники Пресвятой Богородицы» (отмечено в: Ахматова и Кузмин. С. 252).

2. ЗР. 1909. № 1. Черновой автограф — РТ-1 под загл. «Канцонетта».

3. Журнал ТЛХО, вторая половина сезона 1908—1909. № 7. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф — РТ-1 под загл. «Сицильяна».

4. ЗР. 1909. № 1. Разночтения в ст. 2: «Поля уж сжаты» и в ст. 13: «Осенняя заря, пылая, догорает». Черновой автограф — РТ-1 под загл. «Канцона».

5. В. 1909. № 3, с подзаг. «Акrostих» и с разночтениями в ст. 4: «Горят, мерцают, снежные вершины», ст. 6: «И песни вьются, песни прошлых бед», ст. 8: «Они развеют жаждущие кручины», ст. 12: «Каким весельем трубит рог: „Пора“». Черновой автограф — РТ-1. В Рук. 1911 — вариант, промежуточный между журнальным и книжным (ст. 1: «Снега покрыли гладкую равнину»). В книжном варианте акrostих разрушен в ст. 4. *Позняков Сергей Сергеевич* (1889—1940-е?) в 1908—1909 гг. был студентом Петербургского университета. М.А.Волошин записал в Дневнике его слова: «Мне 18 лет, это мое единственное достоинство. Я русский дворянин» (Избр. произв. С. 515). В Дневнике имя Познякова появляется с начала декабря 1907 г. 7 декабря Кузмин записал: «Пришел Ауслендер и Позняков, оставшийся с твердым намерением довести дело до конца, в чем он и успел. Вот случай. Но я не скажу, что это было без приятности. <...> Он и не надеется, что это не для времяпрепровождения». 24 января 1908 г. Кузмин писал А.М.Ремизову: «Он ничего себе, только очень много говорит» (РНБ, арх. А.М.Ремизова). 12 ноября 1908 г. он сообщил Брюсову: «...я посылаю Вам вещи совсем никому не известного писателя, которые, по моему мнению, не только обещают, но и дают уже нечто. Его имя — Сергей Сергеевич Позняков, он стоит вне всяческих кружков Петербурга, и только действительно возбужденный во мне интерес заставил меня впервые беспокоить Вас просьбою об „устройстве“ этих опытов» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). 20 ноября, получив благосклонный ответ Брюсова (см.: WSA. Bd. 7. S. 74) относительно судьбы посланных ему «Диалогов» Познякова (опубликованы — В. 1909. № 2, с посвящ. Кузмину), он написал: «Этот же молодой человек мог бы быть бесполезен для заметок о книгах, будучи знаком хорошо с литературой, образован и не глуп, притом он на верном пути в смысле вкуса (к чужим вещам), и не думаю, чтобы его статьи расходились со взглядами „Весов“» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). В конце 1908 и начале 1909 г. Кузмин переживал особо острый период увлечения Позняковым. Последний раз имя Познякова фиксируется в 1923 г., когда он издавал в Краснодаре журнал «Театр и жизнь» (см. также: НАО. 1993. № 3. С. 120—123). Два других сонета-акrostиха, обращенных к Познякову, см.: НАО. 1993, № 3. С. 124, 128. / Публ. А.Г.Тимофеева. *Рог трубит: «Пора!»* См. первый стих «Графа Нулина» А.С.Пушкина: «Пора, пора! рога трубят».

6. В. 1909. № 3. Черновой автограф — РТ-1. В Рук. 1911 ст. 1: «Мою любовь никто не сможет смерть».

7. В. 1909. № 3, с разночтениями в ст. 8: «Светило всходит, зло смеясь закату», ст. 19—22.

Мое стремление — не видать отливу!
Мое желанье — не кидать долину!
Мои обеты — не идти на убыль!
Твержу одно лишь: «Сердце вечно любит

Черновой автограф — РТ-1 (под загл. «Сестина»). В Рук. 1911 — журнальный вариант.

8. Журнал ТЛХО, вторая половина сезона 1908/1909. № 7. Черновой автограф — РТ-1 (под загл. «Санзонеге. Канциона»).

9. Черновой автограф — РГАЛИ. *Я маски лел*. См. ст-ние 4 в цикле 2—13, а также: «Маски ловятся слепо в повязке жмурок» (Кузмин М. Куранты любви. М., 1910. С. 2).

10. Журнал ТЛХО. 1908/1909. № 8 с пометой: «Парахино, 25 февраля 1909»). — Альманах для всех. СПб., 1911. Кн. 2. Черновой автограф — РГАЛИ.

11. Журнал ТЛХО. 1909/1910. № 1 (факсимильное воспроизведение автографа) с датой: декабрь 1908. Беловой и черновой автографы — РГАЛИ. См. в письме к Г.В.Чичерину от 13 октября 1898 г.: «Моя душа вся вытоптана, как огород лошадыми. И иногда мне кажется таким прекрасным, таким желательным — умереть. <...> я, здоровый и смеющийся, умираю от жажды любви, и никогда не люблю, и боюсь любить, хотя я знаю, что воскрес бы от этого» (РНБ, арх. Г.В.Чичерина). Ср. также в Дневнике 2 апреля 1908: «Приехал Сапунов. Заезжал к Людмиле, не застал. Были Макс, Ремизов, Новицкий, князь, Сухотин, Серг<ей> Серг<еевич> и Сапунов, очень милый и дорогой. Было не скучно. Сапунов и Позняков сидели долго. Сговорились завтра встретиться. Московские всегда меня привлекают. Ничего не делаю. Как неполотый огород».

12. ЗР. 1909. № 1 с датой: 1908. Черновой автограф — РТ-1.

II. 122—132. Весь цикл — Антология. М., 1911. Черновой автограф цикла — РГАЛИ, с пометой: «Стихи Всеволоду Князеву посвящаются, как и все, что я имею написать». Участвовать в сборнике Кузмина пригласил Андрей Белый в недатированном письме (РНБ, арх. П.Л.Вакселя). *Всеволод Князев* — см. примеч. 109.

2. В первой публ. ст. 27: «Сердце все дрожит и пламенеет». В Рук. 1911 ст. 1: «Трижды в темный sklep тюрьмы томящей». Черновой автограф — РГАЛИ.

3. Беловой автограф — Изборник.

8. *В краю Эстляндии пустынной*. Лето 1910 г. Князев проводил в Аренсбурге на о. Эзель (ныне Сааремаа).

III. 133—137. В Рук. 1911 раздел, посвященный Всеволоду Князеву (см. примеч. 109) и датированный мартом 1911 г., состоял из двух частей, первая из которых лишена нумерации отдельных ст-ний и состоит из ст-ний: 1 данного цикла; 4 из цикла 614—621 (без загл.); 2 и 5 данного цикла. Вторая часть пронумерована: 4—6 и состоит из ст-ний 3 из цикла 614—621 (без загл.); 3 и 4 из данного цикла.

1. «Московская газета». 1911, 4 сентября. Черновой авто-

граф с датой: 26 февраля <1911> — РГАЛИ. «*Проходит всё, и чувствам нет возврата*» — неточно цитируемая первая строка романса С.В.Рахманинова на стихи Д.М.Ратгауза: «*Проходит все, и нет к нему возврата*».

2. Черновой автограф с датой: 4 марта <1911> — РГАЛИ. *Мне не страшен гальний Псков*. См.: «Явился и Всеволод, мил, но суховат, синяки под глазами: что он там делал во Пскове?» (Дневник, 25 марта 1911). «*Сорок мученик*» — 9 марта ст. ст.

3. Беловой автограф — Стихи-19. В Рук. 1911 дата — 1911, апрель. Черновой автограф с датой: 5 апреля <1911> — РГАЛИ. *Пойдем сниматься к Буасона*. Имеется в виду фотография «Буасон и Эглер» на Невском пр., 24. См.: «Князев пришел и вдруг стал разводить разные теории о девстве, плутовстве и т. д. <...> Вышла сцена: не знаю, понял ли он, но все слухи о нем ожили в моем воспоминании. Кое-как примирились. Снимались уже весело. <...> Всеволод всех пленил. Гумилев говорит, что это самый красивый мужчина, которого бы он видел» (Дневник, 4 апреля 1911).

4. Беловой автограф — Стихи-19. В Рук. 1911 дата — 1911, май. Черновой автограф с датой: 7 мая 1911 — РГАЛИ. *Окна неясны очертанья...* см. в ст-нии В.Г.Князева «М.А.К-ну»: «Может снова найти потерянный Рай при смутном мерцании окна» (Князев В. Стихи. СПб., 1914. С. 50).

5. А. 1911. № 5. Черновой автограф с датой: 8 марта 1911 — РГАЛИ.

IV. 138—145. В Рук. 1911 цикл, датированный: «1911. Февраль», разделен на две части. Первая из них лишена нумерации (в нее входят ст-ния 1—5), вторая состоит из пронумерованных ст-ний 6—8, из которых ст-ния 6—7 переписаны рукой Кузмина, а 8 — неизвестной нам. Кузнецов Николай Дмитриевич (ум. 1942) — актер театра «Дом интермедий». См. ретроспективную запись в Дневнике от 28 октября 1910 г.: «...сколько здесь произошло: весь блеск и вся трагедия нашего театра <„Дом интермедий“>, любовь к Кузнецову, приезд Князева, работы, надежды, разочарование, деньги и безденежье. Москвичи, ссоры, дружбы. Я теперь с Ник. Дмитр. всех и все растерял».

1. «*Gaudeamus*». 1911. № 3. Черновой автограф с датой: 30 января 1911 — РГАЛИ.

2. А. 1911. № 5. Черновой автограф, относящийся, судя по расположению на листах из тетради, к началу февраля 1911 г. — РГАЛИ.

3. Гамаюн. СПб., 1911 с датой: январь 1911. Черновой автограф — РГАЛИ. В нем между ст. 16 и 17 читается:

Протянет к дровам он руки,
Но видит в окошко снег,
Как будто, не слыша скуки,
Веселья лишен навек.
«О третьем ведь мы тоскуем,
Кто обоих держит в плену,
Кто может своим поцелуем
Вернуть нам в келью весну».

Отрок ногой — Амур (Эрот).

4. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: 13 февраля 1911 — РГАЛИ.

5. А. 1911. № 5. Черновой автограф с датой: 29 января 1911 — РГАЛИ.

6. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: 21 апреля 1911 — РГАЛИ. В нем вторая строфа первоначально открывалась стихом: «Ночной грозой освеженный», потом строка была зачеркнута и записано: «Ни жалобы, ни жалкой пени» (и также зачеркнуто).

7. Беловой автограф с датой: май 1911 — РГАЛИ. Черновой автограф — ГЛМ. *Площадь Сан-Марка* — Piazza di San Marco, центральная площадь Венеции.

8. Черновой автограф — РГАЛИ. В нем первоначальный вар. строфы 3:

[Что нам тучи? ветер встанет,
Ветер прянет и сметет,
Парус облач<ный>
И направит на восток]

В Рук. 1911 дата — 26 октября 1911.

V. 146—154. В Рук. 1911 (раздел переписан неизвестной нам рукой) имя адресата посвящения раскрыто полностью: Сергею Львовичу Ионину. Ст-ния пронумерованы красным карандашом. *Ионин Сергей Львович* (1890—1971) — выпускник Училища Правоведения, брат Ю.Л. Ракитина (см. ниже примеч. 6), был офицером, служил в белой армии, потом во французской армии, в годы второй мировой войны — в РОА. См. о нем: Императорское Училище Правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. С. 383. См. также записи в Дневнике: «Ионин очаровательный мальчик, в которого я тотчас же влюбился» (17 октября 1911); «Мне ужасно нравится Сережа Ионин, ужасно» (21 октября 1911), а также 8 марта 1912 г.: «Пришел Ионин просить, чтобы посвящения не было напечатано. Был мил».

1. В Рук. 1911 дата — 25 октября 1911. Черновой автограф с датой: 15 октября 1911 — РГАЛИ.

2. Черновой автограф с датой: 20 октября 1911 — РГАЛИ (та же дата в Рук. 1911). Первая строка ст-ния была взята эпиграфом к ст-нию В.Князева «М.А.К-ну» («Ах, не зови меня, любимец Аполлона...»).

3. Черновой автограф с датой: 27 октября 1911 — РГАЛИ (та же дата в Рук. 1911). Первоначальный вар. ст. 9—10:

Все, что знал я, все, что знаю, —
Позабыл я навсегда.

4. Черновой автограф с датой: 6 ноября <1911> — РНБ (та же дата в Рук. 1911). «Маркиза» — см. цикл 32—40. «Левкои» — см. цикл 77—79.

5. Черновой автограф — РГАЛИ. Судя по расположению на листах из тетради, написано 26 или 27 октября 1911 г.

6. «Рампа и жизнь». 1911. № 41. В Рук. 1911 дата — 6 ноября 1911. *Юрочка* — Юрий Львович Ракитин (наст. фамилия Ионин, 1882—1952), актер МХТ, в 1911 — режиссер Алек-

сандринского театра, в 1920—1930-е гг. — режиссер Народного театра в Белграде, автор мемуарной статьи «Две тени» («Новое время». Белград, 1923, 19 декабря; перепечатано: Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991). См.: «Очень не хотелось ехать в Царское ночью; к тому же пришел Юрочка Ракитин, так что я вообще из дому-то никуда не выходил. Юрочка очень мил и уютен, хотя бы он помирил меня со Всеволодом <Князевым>, а то, правда, получается какой-то вздор» (Дневник. 7 октября 1911). Ракитину посвящены ст-ния 3, 8, 9 в цикле 290—304. *От середины и до субботы* — см. ст-ние 5 в цикле 155—166. «Презренной прозой» — из поэмы А.С.Пушкина «Граф Нулин»: «В последних числах сентября (Презренной прозой говоря)...» *Твой день, Архангел Михаил* — день именин Кузмина, Собор Архистратига Михаила (8 ноября ст. ст.).

7. Беловой автограф — РНБ. Черновой автограф — РГАЛИ. *Как люблю я запах кожи*. См. в повести «Крылья»: «...пахло кожей и жасмином» (Кузмин М. Первая книга рассказов. С. 311). *Улица Calzaioli* (правильно — Calzaioli) находится во Флоренции, как и *Лунгарно* (набережная реки Арно). *Тебе было тогда три года*. Кузмин был в Италии в 1897 г.

8. Черновой автограф с датой: 4 ноября <1911> — РНБ (та же дата в Рук. 1911). В нем между ст. 8 и 9 были еще 4 строки, впоследствии зачеркнутые:

Рожь сожнут, спекут нам хлеб —
Не заметишь мелких блесток.
От любви ведь я ослеп —
Не замечу мелких блесток.

Голый отрок — Амур.

9. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: 27 октября 1911 — РГАЛИ (та же дата в Рук. 1911).

VI. 155—166. В Рук. 1911 цикл датирован «1911. Декабрь», имя и отчество С.В.Миллера названы полностью. Переписаны только ст-ния 1—6 (без нумерации, неизвестной нам рукой). Беловой автограф цикла с общим посвящ. С.В.Миллеру распался на 2 части (обе — РГАЛИ). В фонде Кузмина — ст-ния 3, 4, 2, 5, 9, 1, 6, а в арх. Я.Е.Тарнопольского — ст-ния 10, 8, 11, 12, 7 и, помимо того, заключительное ст-ние под № 13, не вошедшее в текст книги:

Вдвоем опять, летим вдвоем
На милое нам пепелище.
Казалось — чистый водоем
Вернет нам прежнее жилище.
Пусть смутен тусклый небосвод,
Все то же солнце нам сияет,
Любовь — надежнейший оплот,
Как прежде, нас соединяет.
О день возврата, вечер встреч!
Здесь Князев, Валечка, Сережа,
Но сквозь приветливую речь
Судьба твердит одно и то же.

Сергей Владимирович Миллер — молодой офицер, пропавший

без вести во время первой мировой войны. Первое упоминание о нем в Дневнике относится к 16 ноября 1911 г.; отношения, постепенно затухая, тянулись довольно долго. В письме от 15 августа 1912 г. Кузмин просил владельца изд-ва «Скорпион» С.А.Полякова снять в книге посвящение цикла Миллеру (ИМЛИ, арх. С.А.Полякова), однако в части тиража посвящение осталось.

1. Беловой автограф — Изборник. В автографе РГАЛИ ст. 14: «Словно царский двор!» В Рук. 1911 дата: 9 декабря 1911. *Тимьян* — фимиам (см.: Бессонов. С. 107).

2. Беловой автограф — Изборник. В Рук. 1911 дата — 7 декабря 1911.

3. Беловой автограф — Изборник. В Рук. 1911 дата — 8 декабря 1911.

4. Беловой автограф — Стихи-19. В Рук. 1911 (с датой — 8 декабря 1911) ст. 1: «Ты сидишь и стихи мои пишешь».

5. В Рук. 1911 дата — 9 декабря 1911. «*Сплошная седмица*» — любая неделя без постных дней.

6. В Рук 1911 дата — 3 декабря 1911. *Я знаю, я буду убит* и т.д. Ср.: «Вчера, как я ехал домой и ветер холодил лица, мне представилось, как сладко умирать на снегу застреленным; именно на снегу; мне ничего не было бы жалко» (Дневник, 29 ноября 1907).

9. Беловой автограф — Изборник. В автографе РГАЛИ ст. 2: «И надпись: „Плоть бесплотну ешь!“». Описываемое в ст-нии здание, идентифицировать которое нам не удалось, должно находиться в Москве, как и гостиница «*Метрополь*», где Кузмин останавливался в свои приезды в Москву, и *телеграф* на Тверской. Кузмин с Миллером были в Москве в декабре 1911 — январе 1912 г.

12. Беловой автограф — Изборник. *Смирна* — ароматическая смола.

VII. 167—174. В комментариях ССт и Избр. произв. указано, что «трое» — это, помимо Кузмина, С.С.Позняков и художник В.П.Белкин. Однако, как показывает Дневник, цикл посвящен влюбленности Кузмина в приказчика фабрики в Окуловке «Фонечку» (вероятно, Афанасия или Агафона, — он подписывался в письмах, которые частично сохранились в ЦГАЛИ С.-Петербурга, инициалом «А.») Годунова, в которого одновременно была влюблена племянница Кузмина. Сложные отношения вызвали множество проблем. Имя Годунова впервые встречается в Дневнике 8 марта 1909. См. подробнее: Malmstad John E. «Real» and «Ideal» in Kuzmin's «The Three» // For S.K.: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky. Berkeley, 1994. P. 173—183. В Рук. 1911 ст-ния перенумерованы карандашом, цикл завершается неопубликованным девятым ст-нием:

Ты сам сказал: «Нас только двое».
Ну что ж? пойдем тогда вдвоем.
Зажглось небо грозное,
Как медно-красный водоем.
На камне бурю переждем
Средь вихря, визга, свиста, воя.

Души не две ли половины
Тот камень снова сочел?
Пусть ночи синие павлины
Взлетают в пламенный металл,
Пускай под эхо звучных скал
Сольются темных две пучины!

Но сердцу ль смелому смутиться
От вопля волн и грома гор?
И камню кб дну покатиться
Велит ли яростный напор?
Двойной и светлый приговор
Судьбы нам вынесет страница.

Черновой автограф цикла — РГАЛИ. 11 и 13 июля в Дневнике помечено: «Писал стихи», 8 августа Кузмин переписал стихи для «Аполлона» (очевидно, для первого номера, т. е. ст-ния 2 и 3 данного цикла).

1. Беловой автограф — Изборник. Ср. запись в Дневнике 8 июля 1909: «Вчера Годунов просил сегодня утром его встретить. Я проснулся очень рано, тихонько встал и, вышедши в шляпе уже на балкон, нашел там Варю <племянницу>. Она ждала Фонечку, чтобы передать ему письмо. Пошли вместе. Годунов был поражен, увидя нас вдвоем. Тихонько шли. Варя позвала в поле, собрать цветы, пошли втроем, было так весело, молодо и хорошо, как редко бывало; я свои цветы отдавал Варе, Годунова же букет она дала мне. Вероятно, он опоздал в контору, а сегодня приехал Карпов. Придя домой, всех нашли спящими, только зять вставал; мы его поздравили и отдали цветы. Сестра сказала зятю, так что я слышал, что каждый, каждый миг, проводимый мною, — зло, что я гублю Сережу и Варю, и т. д. Зять попросил меня уехать сегодня же».

2. А. 1909. № 1. В Рук. 1911 дата: 1909. Июль.

3. А. 1909. № 1.

4. Ср. запись в Дневнике 7 июля 1909: «Сережа <С.А.Ауслендер> нездоров, говорит, что теперь на моей стороне. Говорили очень дружески. Потом я писал, как вдруг слышу, что он плачет, больше и больше, вроде истерики; я стал его успокаивать, давать воду, целовать, гладить, маму не велел звать; потом стал бредить: „Где Годунов? Ведь его убили! Я видел нож. Проклятая! Не может быть, нет, нет!“ Я все-таки стукнулся к сестре, та воскликнула: „Когда только это кончится“. Зять пришел, послушал и, сказав: „Это он во сне“, — ушел. Я еще долго сидел на полу около Сережи. Никогда я не чувствовал к нему большей нежности и жалости».

5. Ср. в Дневнике 8 июля 1909, когда Кузмин по настоятельным просьбам родных уезжал в Петербург: «На станцию почти сейчас же пришел и Фоня с шиповником для меня. Просидели очень долго, пропуская поезд, говорили деловито и нежно; его заботливость меня трогает. Сидел, все время держа меня за руку, вроде Вишневских; разве я этого хотел. Теперь перед самым собою я говорю, что, даже если б он сам захотел, я бы удержался и удержал его, что, если бы, скажем, он женился на Варе, я бы любил их еще больше обоих. Мечтали, как дети, о жизни в Боровичах. Медорка клала морду на колени и смотрела умильно; написали записку: „Прощайте, живите без помехи“. Когда Фоня вернется, у моста привяжет Медор <ке> эту записку и впустит ее

в наш двор. Годунов все печалел' больше и больше. Мать его хотела бы хоть на 5 мин. меня видеть. К нашим ходить не будет, постарается, чтобы спектакля не состоялось. Мечтал о неосуществившемся, как он хотел брать отпуск, чтобы идти со мной и Сержей в Валдайский монастырь, верст за 80, как только заниматься со мною, делать музыку, говорить, гулять, слушать, слушаться, что кому мы помешали? Как судьба несправедлива. Смотри на часы, говорил, будто умирая: „Еще 20 м<инут>. 15. 10. 5". Долго прощались, целуясь и на платформе, и с площадки, бежал за поездом без шапки, и Медорка бежала. Потом побредет по грязи в темноте домой. Так я уехал».

6. На рассвете. Казань, 1910, с датой: 1909, июль. В Рук. 1911 ст. 5: «Очищен позднею порою».

7. Эпиграф — первые слова арии Лоретты из оперы А.Э.М.Гретри. Эта ария была использована П.И.Чайковским для песенки Графини в опере «Пиковая дама». В Рук. 1911 ст. 33: «Слезу я слышу на щеке». Пение арии зафиксировано в Дневнике 10 июля 1909.

8. В. 1909. № 10/11. В ст. 25 слово «Вождь» напечатано с прописной буквы.

VIII. 175—182. В Рук. 1911 цикл включает в себя еще одно ст-ние под № 5 (см. наст. изд. № 612).

1. Ст-ния осени 1907 г., по признанию самого Кузмина, обращены к В.А.Наумову (см. примеч. 52—60; о Наумове см. примеч. 32—40).

3. Беловой автограф — РГАЛИ, в тетради 1904 г.

4. «Перевал». 1907. № 10, как первое ст-ние цикла «На фабрике» (см. примеч. 24—31, 7). Беловой автограф — Изборник.

5. Черновой автограф под загл. «В вагоне» — РГАЛИ. Очевидно, написано 18 или 19 октября, когда Кузмин возвращался из Окуловки в Петербург, и обращено к С.С.Познякову.

6. «Скэтинг-Ринк». 1910. № 2. Ср. запись в Дневнике 11 марта 1907 г.: «Я думаю о том студенте, которого, наконец, гуляя часа 2 по Морской, мы видели с Вал<ьтером> Фед<оровичем Нувелем>, потом он пропал». *История любовников Вероны* — трагедия В.Шекспира «Ромео и Джульетта».

IX. 183—192. В Рук. 1911 цикл расширен на 3 ст-ния за счет песен к пьесе Е.А.Зноско-Боровского «Обращенный принц»: «Серенада» («Приходит ночь в серебряной порфире...»), «Застольная» («Ближе сдвигайте звонкие бокалы...»), «Любовная» («Разлукой я томлюсь и день и ночь...»), идущих под №№ 1, 2 и 4. Соответственно далее нумерация ст-ний сдвинута.

1. В Рук. 1911 под загл. «Корабельная (женская)». Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф — РГАЛИ. *Зноско-Боровский Евгений Александрович* (1884—1954) — секретарь редакции А, театральный критик, драматург. Автор статьи «О творчестве М.Кузмина» (А. 1917. № 4/5). В 1909—1910 гг. — близкий приятель Кузмина (сестра Зноско-Боровского была женой племянника Кузмина С.А.Ауслендера). Пьеса «Обращенный принц» игралась в «Доме интермедий» в 1910—1911 гг. в постановке В.Э.Мейерхольда, с музыкой Кузмина и в декорациях

С.Ю.Судейкина. Опубликовано: «Любовь к трем апельсинам». 1914. № 3.

2. Автограф рукой С.С. Познякова с позднейшей карандашной пометой Кузмина: «С.С. Позняков писал» — РГАЛИ. Фолиус — имя героини поэмы Кузмина «Новый Ролла» (см. № 316).

3. Черновой автограф — РГАЛИ.

4. Черновой автограф — РГАЛИ. Геро — имя героини греческой легенды, на свидания к которой ее возлюбленный Леандр приплывал через пролив Гемеспонт (ныне — Дарданеллы).

5. В. 1909. № 3, в цикле «Осенние озера» (см. примеч. 110—121), с общей датой: октябрь 1908. Беловой автограф — РГАЛИ. Черновой автограф под загл. «Триолет» — РТ-1.

6. ЗР. 1907. № 7/9, под загл. «Из старых лет (Посвящается Венецианову и его современникам)». Стих было заказано редактором ЗР Н.П.Рябушинским Кузмину 2 сентября 1907 г.; написано 11 сентября (Дневник) специально для номера, посвященного А.Г.Венецианову.

7. А. 1911. № 5. Черновой автограф с датой: 7 февраля 1911 — РГАЛИ. Беловой автограф — Изборник. Троицын день празднуется через 7 недель после Пасхи. «В этот день по всей Руси отправляется народное празднество завивания венков, семейного каравая и хороводных игр. <...> Рано утром в городах и селах убирают дома березкою и цветами, пекут караван, сзывают гостей, завивают венки из березы и цветов для старых и молодых людей» (Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым М., 1989. С. 352).

8. На рассвете. Казань, 1910. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф — РГАЛИ.

9. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф — РГАЛИ. В Рук. 1911 последние 2 стиха восстанавливали акростих:

Вечер долг наш, клянуся!
Утром выйдешь, утомленный.

«В солнце облеченный» — парафраз еванг. «Жена, облеченная в солнце» (Откр. 12, 1).

10. «Речь». 1910, 18 апреля, беспл. прил. к № 106 (пасхальному) под загл. «Инок».

X 193—199. 1. ЗР 1909. № 1. В журнале и Рук. 1911 ст 1—2.

Одна звезда цвела над колыбелью
И над моей далекою весной.

Черновой автограф — РТ-1 под загл. «С.А.Ауслендеру». С.А.Ауслендер — см. примеч. 14—23 (9). Одна звезда тебе над колыбелью и т.д. Имеется в виду, что Ауслендер родился 18 (по другим данным — 25) сентября, а Кузмин — 6 октября, т.е. под одним знаком Зодиака. Весну Тосканы сладко возродил. Побывав весной 1908 г. во Флоренции, Ауслендер написал несколько рассказов, связанных с ее историей. Любви чужой прилежный ученик. Возможно, имеется в виду, что Ауслендер ездил в Италию с Н.И.Петровской, о чем Кузмин с сожалением записал: «Сережа, оказалось, как я и предполагал, уехал не один, а с Ниной. Бедный

мальчик! недаром ему не хотелось ехать» (Дневник, 6 марта 1908). Отношения Петровской и В.Я.Брюсова были хорошо известны.

2. В. 1909. № 1, под загл. «Посвящение (Акrostих)», в начале повести Кузмина «Подвиги великого Александра» 12 ноября 1908 г. Кузмин писал Брюсову: «Вы согласились, так любезно, на принятие от меня посвящения одного из моих произведений, но т. к. предполагаемое тогда „Путешествие“ <„Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам“> сильно затормозилось и „Подвиги Александра“ будут готовы, несомненно, раньше, то не согласитесь ли Вы позволить мне посвятить и эту вещь Вам, как явному учителю?» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). 20 ноября 1908 г. Кузмин благодарил Брюсова за разрешение, а в самом конце года получил от Брюсова ответный сонет (В. 1909. № 2), за который специально благодарил: «Дорогой Валерий Яковлевич, неожиданным и тем самым еще более драгоценным подарком был мне Ваш сонет, который так незаслуженно Вы обратили ко мне. Пусть он послужит новой и лучшей шпорой в моих дальнейших занятиях» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова). Вскоре после обмена сонетами Л.Мович (Л.М.Маркович) упрекнул поэтов в саморекламиривании («Образование», 1909. № 5) и получил отповедь Брюсова (В. 1909. № 6). 24 января 1909 г. Кузмин записал в дневнике: «Вячеслав <В.И. Иванов> на меня кричал за сонет к Брюсову». *Букефал* (Буцефал) — конь Александра Македонского.

3. Черновой автограф — РГАЛИ. *Верховский* Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт, переводчик, близкий друг Кузмина. Сонет Кузмина входит в ряд сонетов на одни и те же рифмы, написанных также Верховским и Вяч. Ивановым. Сонет Верховского см.: Избр. произв. С. 520. Сонет Иванова см.: Иванов Вяч. *Cor Ardens*. М., 1911. Т. I. С. 150, где в эпитафии процитированы 4 первые строки сонета Верховского и 2 первые строки сонета Кузмина. В коде ивановского сонета упоминается Кузмин: «Бетховенского скерца Сейчас Кузмин уронит ливень вешний...» См. в дневнике Вяч. Иванова 12 августа: «От Юрия Верховского сонет без рифм, кот<орый> я прочел без труда, а Кузмин долго с трудом клеивал» (Иванов Вячеслав. Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 788), а также в дневнике Кузмина 13 августа: «Вяч<еслав> обиделся за двусмысленные строки в сонете к Юраше и вообще чем-то расстроен». «*Башня*» — квартира Вяч. Иванова (Таврическая, 25) в Петербурге. «*Оры*» — издательство, возглавлявшееся Ивановым, в котором в 1908 г. вышли «Комедии» Кузмина, а в 1910 г. — «Идиллии и элегии» Верховского. *Гость* <...> стал певушьей всегдашней. Имеется в виду, что Кузмин жил на «башне» довольно долгое время. Три последние слова — *гневах, прозрачность и сердца* представляют собою названия или фрагменты названий двух осуществившихся и одного планировавшегося сборников стихов Иванова: «Прозрачность» (М., 1904), «*Cor Ardens*» (т. е. «Пламенеющее сердце», М., 1911) и «*Itis in itis*» (т. е. «Радуга в гневах» — один из вариантов загл. сборника «*Cor Ardens*»). Неслучайность подтверждается тем, что в терцетах сонета Верховского обыграны названия еще трех сборников Иванова — «По звездам» (СПб., 1909), «Кормчие звезды» (СПб., 1903) и «Эрос» (СПб., 1907).

4. Черновой автограф — РГАЛИ. Николай Степанович Гуми-

лев был близким другом Кузмина в 1909—1912 гг. Письма Гумилева к Кузмину опубликованы. Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 1. С. 59—61 (публ. Р.Д.Тименчика) Кузмину посвящено ст-ние Гумилева «В библиотеке» из сборника «Жемчуга» (1910) Герои романа аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско», как и упоминающаяся ниже, в ст-нии 6, Хлоя, называются в ст-нии Гумилева «Надпись на книге (Георгию Иванову)».

5. Ответом Иванова на это ст-ние является ст-ние «Жилец и баловень полей...», входящее в посвященный Кузмину цикл «Соседство» (Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 48—49 и комм. на с. 701—702). *Певцу ли розы*. В сборнике Иванова «Сог Ardens» большой раздел составлен из стихов о розе. *Кошница* — очевидно, намек на название альманаха, изданного Ивановым, — «Цветник Ор: Кошница первая» (СПб., 1907). *В день именьный* — 4 марта ст. ст.

6. Черновой автограф — РГ-1. Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт, критик, рецензировавший, между прочим, «Сети» (В 1908. № 6). *Мирта, Хлоя* — условные имена в русской лирике XIX в. и стилизациях под нее, в том числе в ст-ниях Соловьева «Хлоя» (Соловьев С. Цветы и ладан. М., 1907. С. 213) и «Элегия», посвященная Кузмину (Соловьев С. Апрель. М., 1910. С. 26).

7. Беловой автограф — РГБ, арх. В.И.Иванова, следом за неопубликованным ст-нием «Как я могу быть весел и спокоен...» с общей датой: июль 1909. Черновой автограф — РГАЛИ. *Шварсалон* Вера Константиновна (1890—1920) — падчерица, а впоследствии жена Вяч. Иванова. См. в Дневнике Кузмина: «Написал стихи Вере, она меня за них поцеловала» (18 июля 1909). См. также в публикации дневниковых записей В.К.Шварсалон (Сим. С. 310—337); Богомолов Н.А. К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Кузмин и русская культура. С. 166—169; Азадовский К.М. Эпизоды // НЛО. 1994 № 10. С. 123—129. Непосредственная причина создания ст-ния — переселение Кузмина на «башню» к Ивановым, решенное накануне дня, когда была сделана приведенная выше дневниковая запись. Мистическое рыцарство, по всей видимости, было постоянным мотивом в круге бесед Вяч. Иванова с А.Р.Минцловой, свидетелем и, возможно, участником которых был Кузмин. Намеки на это содержатся в письме Эллы к Вяч. Иванову от 4 апреля 1910 г. (РГБ, арх. В.И.Иванова). *К Мейстеру*. В автографе слово написано со строчной буквы, что явно обозначает игру двух значений: мейстер — мастер (нем.), и Мейстер — герой романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», героиню которого зовут *Мишьона*. *Две жены* — В.К.Шварсалон и М.М.Замятнина (см. о ней примеч. 290—304, 15). *Орифламмы* — священные знамена. *Как, в одной признавши Марфу, В Вас Марии не узнать?* См.: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10, 41—42). Отметим игру имен: *Марфой* названа *Мария* Замятнина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. 200—229. Частично ЗР. 1909. № 7/9, под загл.: «12 газэл из „Книги газэл“, с посвящ. Сергею Сергеевичу Познякову (см. о нем примеч. 110—121, 5), с датой: июнь 1908, в следующем порядке: 30, 4, 10, 11, 6, 7, 9, 20, 19, 18, 15, 29. В Рук. 1911 весь цикл посвящен С.С.Познякову (впоследствии посвящ. зачеркнуто красным карандашом). Схема расположения рифм в газэлах — РТ-1. Упоминания о работе над газэлами в Дневнике содержатся 7—8, 12, 13 (о писании музыки; «Газэлы» отмечены в списке музыкальных произведений 1908 г. в РТ-1) июня 1908 г. 1 июля записано: «Переписывал Газэлы». О значении этого цикла для творчества Кузмина см.: «Перечитывал „Ролла“; я еще не умел писать строчки. Газэлы мне дали очень многое» (Дневник, 22 июня 1908). Цикл создавался во время тесного общения Кузмина с И. фон Гюнтером (см. о нем примеч. 230), что дало тому основания утверждать, будто именно он познакомил Кузмина с творчеством немецкого поэта Августа фон Платена, писавшего газэлы. Однако известно, что уже в 1906 г. в кружке «гафизитов» Вяч.Иванов планировал переводить газэлы Платена (См.: СИМ. С. 87).

1. Беловой автограф — Изборник.

2. Исправление (точнее соответствующее ритму) в ст. 9 внесено по Рук. 1911 (в книге — «Пусть рук и языка меня лишают...»).

3. *Алагин* — не только имя персонажа «Тысячи и одной ночи», но и прозвище К.А.Сомова в кругу «гафизитов».

4, 6, 8, 10, 14, 15. Беловые автографы — Изборник. Беловые автографы ст-ний 8 и 10 — РГАЛИ.

19. Беловой автограф — Изборник. *Баркан* — шерстяная ткань, применявшаяся для обивки мебели. *Зулейки*, *Фатмы* и *Гюльнары* — имена, часто встречающиеся в восточной поэзии, но популярные и в поэзии европейской, когда речь идет о Востоке: *Зулейка* — «Западно-восточный диван» Гете и «Абидосская невеста» Байрона; *Фатима* — «Заира» Вольтера; *Гюльнара* — «Корсар» Байрона.

20. Беловой автограф — Изборник. *Парг* (устар.) — леопард.

23. Беловой автограф — Изборник.

25—27. Тексты, на которые ссылается Кузмин в подстрочном примеч., см.: Сказки тысячи и одной ночи. М., 1959. Т. 4. С. 323—333.

28. Беловой автограф — Изборник. *Искангер* в восточной традиции — Александр Македонский. *Великий город основал* — Александрию. В ст-нии идет речь о ряде легенд, связанных с именем полководца.

29. Беловой автограф — Изборник. *Кипарис* — во многих мифологических представлениях древо скорби.

30. В ЗР подзаг.: «Посвятительная».

II. 230. В Рук. 1911 дата — июнь 1908. Черновой автограф с датой: «Июль 1908» — РТ-1. Черновой набросок начала — РГАЛИ:

Еще заря за темными горами
Не розовела узкой полосой.
Вершины, не покрытые лесами,
Еще сырели утренней росой,
Галеры с спущенными парусами
Чуть отражались в глубине морской,
И Генуя дремала горделиво
Над темной гладью спящего залива.

Зачеркнув эту октаву (в окончательном варианте поэма будет написана спенсеровой строфой), Кузмин начал снова:

Заря пылала розовым пожаром
За темными, безлесными горами,

и далее, оставив пропуск для двух ненаписанных строк:

Но в городе, нахмуренном и старом,
С высокими угрюмыми домами.

Работа над поэмой датируется на основании записей в Дневнике довольно точно. 28 июня 1908 г.: «Задумал поэму „Всадник“ в Спенсеровской строфе»; 1 июля: «Переписывал Газзэлы, писал с трудом „Всадника“»; 19 июля: «„Всадник“ адски хочется писать, и недостаточно хорошо все выходит, хотя этот Ариосто-Байроновский ублюдок и не без прелести. Осенью думаю очень шарлатанить»; 21 июля: «Кончил „Всадника“, довольно ерундисто». Гюнтер Иоганнес фон (1886—1973) — немецкий поэт, переводчик русских поэтов на немецкий язык, близкий знакомый Кузмина, автор мемуаров «Жизнь на восточном ветру» (Мюнхен, 1969; в переводе на русский печатались отрывки), где много говорится о Кузмине. О причинах возникновения поэмы Гюнтер писал В.Ф.Маркову (ССт. С. 638—639). Однако в этом письме искажено психологическое состояние двух поэтов. Как вырисовывается из Дневника, оно было далеко от вспоминаемой Гюнтером «легкой иронии»: «Вечером я до полусмерти напугал немца, притворившись злым магом, но и самого меня это взволновало отчасти» (24 июня 1908); «Гюнтер <...> открыл, что мне необходимо ехать с ним, чтобы очаровать Сиреневу<ю> и мильонера; я решительно отказывался; он целовал меня, становился на колени, умолял любовью к Сергею Сергеевичу <Познякову> и т.д. Обедали. Я сказал: «Гюнтер, я уйду, не ходите за мною, через полчаса я скажу Вам решение». — «Аббат, не делайте этого, это страшно». — «Ждите меня». Присидев полчаса и обдумав, я вошел, молча запер двери на ключ и сказал: «Не говор<ите>, возьмите перо и бумагу. Пишите. Все это тайна. Все это верно. Вы поедете одни, если Вам я буду нужен, я приеду, только бы не сломал себе ногу, в Митаве оставяйтесь очень недолго, спешите к сестре. Увидите Сиреневу<ю> 3-го, 8-го, в 7 ч. вечера говорите с человеком, я буду с Вами. 13<-го> поезжайте в Митаву, раньше 17-го мне не телеграфир<уйте>. Каждый день в 3 ч. мин<ут> 3—5 думайте об одном и том же предмете, очень простом, напр<имер> — цветке. Если это — цветок, носите его. Я Вам дам вещь, не имеющую особенной ценности, но всегда имейте ее с собою. Встаньте; не касайтесь меня и не противьтесь». Я поцелов<ал> ему лоб, глаза, уши, руки, ноги и сердце. Потом гово-

рили, любовно и нежно, беспрестанно и долго целуясь, изливаясь, клянясь. Потом он стал просить меня остаться до завтра, чтоб я его не покидал. Приезд зятя за мною увеличил его беспокойство. Опять умолял, заклинал, рыдал; я ушел. До последней минуты не выходил ко всем. Войдя проститься, я зашел к нему, спящему на столе; со сна ли, от гнева ли он отстранил меня. Простился очень холодно» (29 июня). *Браманта* — имя, очевидно, восходящее к имени героини поэмы Л.Ариосто «Неистовый Роланд», — Брадаманта. *Елена, Дигона, Армига* — героини, соответственно, «Илиады» Гомера, «Энеиды» Вергилия и «Освобожденного Иерусалима» Т.Тассо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Всеволод Князев — см. примеч. 109.

231. В Рук. 1911 ст-ние отсутствует. *Камень кольем прободая, Вызови воду*. Очевидно, связано с легендой о Моисее, вызвавшем воду из скалы ударом жезла (Исх. 17, 5—7), однако адресат ст-ния изображен в виде воина (среди планов Кузмина начала 1910-х годов была «Книга о святых воинах»).

I. ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Эти произведения были созданы как тексты для музыки в 1901—1903 гг., что заставило Кузмина при публикациях снять даты, чтобы не создавать впечатления явной устарелости. В 1912 г. «Духовные стихи» были изданы с нотами (СПб.: Ю.Г.Циммерман) общим альбомом и отдельными выпусками. Каждый текст был снабжен посвящ. Всеволоду Князеву (см. примеч. 109). Небольшие разночтения, вызванные приспособлением текстов для пения, здесь не учитываются. См. рец. Н.Я.Мяковского (Мяковский Н.Я. Статьи, письма, воспоминания. М., 1960. Т. II. С. 124). Беловые автографы всех ст-ний — Изборник, Рук. 1911.

232. Беловой автограф нот с датой: 12 апреля 1901 — ИРЛИ, арх. А.Е.Бурцева (на титульном листе название — «Хождение Богородицы по мукам», а непосредственно над текстом — «Хождение Богоматери по мукам»). Список нотного текста с обозначением автора: «Михайла Кузмина Ярославца» — РНБ. Черновой автограф нот — РГБ. В Рук. 1911 имеется подзаг.: «(стих)». Согласно списку РГАЛИ, написано в марте 1901 г. Текст апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н.Пыпиным. СПб., 1862. С. 118—124. Один из вариантов апокрифа, переписанный Кузиным, — РГАЛИ. О популярности этого ст-ния (в музыкальном варианте) см.: Ремизов Алексей. Кукха: Розановы письма. [Берлин], 1923. С. 105—107. *Михайла-Архангела*. См. в письме к Г.В.Чичерину от 4 апреля 1903 г.: «В старопечатных книгах ударения: Миха́ил,

Миха́йла, Миха́йлу» (РНБ, арх. Г.В.Чичерина). *Зернщики* — игроки в кости. *Моисей Боговидец* — первый пророк Иеговы, которому многократно являлся Господь (см. книгу Исход). *Даниил с тремя отроки*. Легендарный праведник и пророк Даниил в отрочестве вместе с тремя другими юношами — Ананием, Мисаилом и Азарией — был приведен к вавилонскому царю Навуходоносору и совершил с ними ряд богоугодных дел (см. книгу пророка Даниила). *Иван Богословец* (Иоанн Богослов) — один из двенадцати апостолов, автор Евангелия, трех посланий и откровения, любимый ученик Христа. *Никола угодник* — св. Николай, один из наиболее почитаемых на Руси святых. В 1919 г. Кузмин написал небольшую поэму «Николино житие» (ССт. С. 472—483; оригинал — РГАЛИ). *Пятница* — св. Параскева Пятница, особое почитание которой у славян было связано с языческой мифологией. На старых севернорусских иконах образ Пятницы встречается на обороте иконы Богоматери. *Где ты, сила небесная* и т.д. См.:

Возносился Христос Бог на небеса,
Со Ангелами и со Архангелами,
С Херувимами и Серафимами,
Со всею силою со небесною. (Бессонов С. 3).

Великий Четверг — четверг Страстной недели. *Пятидесятница* — Троицын день, 50-й день после Пасхи.

233. Беловой автограф нотного текста — ИРАИ, арх. А.Е.Бурцева, с датой: 21 января 1902. В нем (и в печатном издании нот) между ст. 14 и 15:

И от тех грехов
Уж стало тяжело мне.

В Рук. 1911 — под загл. «Стих о старце и льве».

234. Беловой автограф нотного текста с датой: 16 декабря 1902 — ИРАИ, арх. А.Е.Бурцева. Список нотного текста с той же датой — РНБ. В Рук. 1911 — под загл. «Стих о разбойнике». *Убрусец* — расшитый платок или полотенце. *Мурины* — черти.

235. В печатном издании нот — под загл. «Пустыня (раскольничья)». Список нотного текста под загл. «Пустыня», с датой: «14 марта 1903. Св. Венедикта» — РНБ. В конце текста: «Писал Михайла Кузмин Ярославец». Варианты народного стиха о пустыне — Бессонов С. 206—234. В ст-нии отчетливо слышны мотивы старообрядческой поэзии, особенно в ст. 21—24. О духовных стихах такого типа, стилизованных под городскую книжную поэзию, см.: Никитина С. Об общих сюжетах в фольклоре и народном изобразительном искусстве // Народная граюра и фольклор в России XVIII—XIX вв. М., 1976. С. 320—350.

236. Список нотного текста с датой: «10 апр. 1903. Св. Терентия» — РНБ. Согласно списку РГАЛИ, написано в январе 1903 г. Сюжет о Страшном Суде, хотя и разработанный в ином

ключе, популярен в русских духовных стихах. *А святых души засветятся, И пойдут они в пресветлый рай.* Ср.:

Положите его душеньку на пелены,
Поднимите душеньку на небеса,
Положите душеньку в пресветлый рай. (Бессонов. С. 49).

II. 237—243. Весь цикл — «Остров». 1909. № 1, с датой: 1909. Январь—февраль. См.: «Прислали „Остров“; есть опечатки» (Дневник, 14 мая 1909). Вырезка из журнала с правкой — Изборник. В Рук. 1911 — без ст-ния 7. Черновой автограф — РГАЛИ. См. о цикле: «Вяч<слав Иванов> раскричал мои стихи Богородице, что они православны, католичны и т.п.» (Дневник, 8 февраля 1909). Содержательный отзыв о цикле см.: Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 366. Изложение преданий, легших в основу цикла, см.: Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 111—116.

1. *Грешный мой язык.* См.: «И вырвал грешный мой язык» (А.С.Пушкин, «Пророк»).

2. *Анна, Иоаким* — родители Богородицы. Ритмико-интонационное построение ст-ния связано со «Сказкой о царе Салтане...» А.С.Пушкина (отмечено в рец. П.Н.Медведева // «Новая студия». 1912. № 9).

4. Легенда о *Благовещении* — Лк., гл. 1. Там же — параллели к отдельным строкам ст-ния.

5. *Опозданием Фомы нам открылося.* Легенда восходит к Житию св. Фомы (Миней Четви на русском языке. М., 1904. Кн. 2). *Понтова* — морская. *Тута* — печаль. *Плач близнеца* — т.е. Фомы. См.: «Фома, иначе называемый Близнец» (Ин. 11, 16). *Авфоний* (Афоний) — согласно житию Фомы, иудейский священник, пытавшийся сбросить тело Богородицы с ора, на котором ее несли апостолы. За это у него были отсечены руки, однако после того, как он уверовал и раскаялся, руки снова приросли.

6. *Юродивый Андрей* (ум. 236). Легенда, излагаемая в ст-нии, относится к его житию: в соборе *Халкопратии* в Константинополе он и его ученики увидели, как Богородица (*Невеста Невестная*) покрывает своим *омофором* (головным покровом) молящихся. *Покров Пресвятой Богородицы* празднуется 1 октября ст. ст., в день памяти св. *Романа Сладкопевца* (кон. V — перв. пол. VI в.). Подробнее см.: Сергей, архим. Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. СПб., 1898. Из новейшей научной литературы: Гурвиц И. Роман Сладкопевец и праздник Покрова // Тезисы докладов конференции по гуманитарным и естественным наукам Студенческого научного общества: Русская филология. Тарту, 1988. С. 6—8; Плюханова М. Композиция Покрова Богородицы в политическом самосознании Московского царства // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М.Лотмана. Тарту, 1992. С. 76—90; здесь же литература вопроса.

7. В журнале ст. 17: «Ты не допустишь детей до последнего сраму». *Одигитрия* — путеводительница, один из эпитетов Богородицы и название Ее иконы. *Орифламма* — священное знамя.

ГЛИНЯНЫЕ ГОЛУБКИ

Третья книга стихов

Первое издание (ГГ-1) появилось во второй половине мая 1914 г. См.: «Евд<окия> Ап<оллоновна Нагродская> привезла „Голубок“» (Дневник, 20 мая 1914). Печ. по ГГ-2, в некоторых частностях отличающемся от первого издания. На фортитуре ГГ-2 указано: «...отпечатано в Берлине <...> в <...> мае 1923 г.». Разночтения не могут быть отброшены, т.к. есть значительная вероятность того, что в текст автором были внесены коррективы.

244. Беловой автограф без посвящ.— Изборник. *Нагродская Евдокия Аполлоновна (1866—1930)* — романистка, поэтесса, автор скандально известного романа «Гнев Диониса». Покровительствовала Кузмину, тот в 1913—1914 гг. жил у нее в квартире. Сюжет ст-ния восходит к апокрифическому Евангелию детства Христова, гл. 17.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Веселый путь

1. 245—257. Юркун Юрий (Иосиф) Иванович (1895—1938) — прозаик и художник, ближайший спутник Кузмина на протяжении долгих лет, с конца 1912 г. и до самых последних лет жизни. См.: «Никак не налажусь с писаньем; самая тесная дружба с Нагродскими, любовь к Юркуну, отъезд от Судейкиных,— вот все, что произошло» (Дневник, 3 марта 1913). Подробнее о Юркуне см.: Письмо Б.Пастернака Ю.Юркуну / Публ. Н.А.Богомолова // Вопросы литературы. 1981. № 7; Художники группы «Тринадцать»: Из истории художественной жизни 1920—1930-х годов. М., 1986. С. 201—202; Никольская Т.Л. Творческий путь Ю.Юркуна // Кузмин и русская культура. Л., 1990. С. 101—102; О.Н.Гильдебрандт-Арбенина. Письмо Ю.И.Юркуну. 13.02.1946 / Публ. Г.А.Морева // Там же. С. 244—256.

1. Беловой автограф — РГАЛИ. *Vel-ami* — видимо, отсылка к известному роману Г. де Мопассана «Милый друг».

2. Беловой автограф — Стихи-19. *Дориан* — Дориан Грей, герой романа О.Уальда «Портрет Дориана Грея». Дорианом часто называли Юркуна за долго сохранявшийся молодой вид. *Саше* — сухие духи, ароматические подушечки.

6. Беловой автограф — Стихи-19. *Тот стройный пастушок* — герой поэмы Д.Бокаччо «Фезоланские нимфы» Африка. *Царица Арно* — Флоренция, расположенная на берегу реки Арно.

7. «Новая жизнь». 1914. № 1. Беловой автограф — Изборник.

8. «Весна». 1914. № 2, под загл. «Разве можно?» (вероятнее всего, не авторским). Беловой автограф — Изборник.

9. Беловой автограф — Изборник. *Благая весть* — точный перевод греческого слова «Евангелие».

10. Беловой автограф — Изборник. *Склоненный ангел на*

соборе. Имеются в виду фигуры ангелов с факелами на Исаакиевском соборе в Петербурге. *Расстолпанная смертью смерть*. Отсылка к началу пасхального тропаря: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ». *Ловец людей*. См. в рассказе о призвании первых апостолов: «И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф., 4, 19). *Вгали пальба*. В Петербурге во время пасхальной заутрени одновременно с началом колокольного звона началась стрельба из пушек Петропавловской крепости *Кулина* — см. примеч. 61—67 (6).

13. Очевидно, в ст-нии имеется в виду ситуация, обозначенная в Дневнике 20 июня 1913 г.: «Сегодня случилось нечто совершенно неожиданное. Я расстался с Юркуном». Впрочем, расхождение оказалось недолгим

II. 258—269. Цикл обращен к В Г Князеву (см. о нем примеч. 109).

1. В ст-нии описана Рига, где Кузмин был у Князева в первой половине сентября 1912 г. Сходным образом город описан и в романе Кузмина «Плавающие путешествующие». *Страницы из Гонкура*. Имеется в виду начало романа Э. де Гонкура «Актриса» («Актриса Фостэн»). В Дневнике зафиксировано, что Кузмин с Князевым в Риге читали французские романы.

2. Беловой автограф — Пример (цикл «Сердце зеркальное». № 13). Эпиграф — из ст-ния Князева «Плененный прелестью певучей...» (первая строка которого стала последней строкой стихотворения Кузмина). См.: Князев В. Стихи. СПб., 1914. С. 79

3. Беловой автограф — Пример (цикл «Зеленый доломан». № 11). «Зеленый доломан» (т. е. гусарский мундир) — форма 16-го гусарского Иркутского полка, где служил Князев. Слова заключены в кавычки, т. к. нередко повторяются в стихах как Князева, так и самого Кузмина.

4. Беловой автограф — Пример (цикл «Зеленый доломан». № 12); РНБ, арх. В.С.Спиридонова, с датой: 9 июля 1912 и посвящ. В.С. Князеву. Ср.: «Вечером был у Князева. Он меня провожал и мечтал, что завтра долго будет со мною. Ходили мирно и тихо по пустынным, милым улицам. Написал 4 стихотворения» (Дневник, 10 июля 1912).

5. Беловые автографы — Стихи-19; РНБ, арх. В С Спиридонова, с датой: 23 июля <1912> и посвящ.: «Милому Всеволоду».

6. «Гиперборей». 1912. № 2. Беловые автографы — Пример (цикл «Зеленый доломан», № 10); Изборник. «Коль славен наш господь в Сионе» — старинный гимн (сл. М.М.Хераскова, муз. Д.С.Бортнянского).

7. Беловой автограф — РНБ, арх. В.С.Спиридонова. *Митава* (ныне Елгава, Латвия) — город, где Кузмин и Князев были в гостях у И. фон Гюнтера (см. примеч. 230) в сентябре 1912 г. См.: «Были в Митаве, в гостинице, где останавливались Карамзин, Казанова и Калиостро, с чудной мебелью, старый дом» (Дневник, 16—18 сентября 1912). *Саше* — см. примеч. 245—257 (2).

8. Беловой автограф — Пример (цикл «Зеленый доломан». № 2). *Был и я в чужих краях*. Имеется в виду итальянское путешествие Кузмина весной—летом 1897 г. (подробнее см.: Тимофеев А.Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина //

Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993. С. 40—55). *Чикчиры* — гусарские штаны.

9. Беловые автографы — Пример (цикл «Зеленый доломан». № 4); Стихи-19.

10. Беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова, как второе ст-ние в неозаглавленном цикле из трех ст-ний с общим посвящ. Всеволоду Князеву и датой: июль 1912. Эпиграф — из ст-ния 1 цикла 14—23.

11. Беловой автограф — Пример (цикл «Зеленый доломан», под загл. «Вступление. Баллада»), с перестановкой ст. 4 и 5.

12. Беловые автографы — РГБ, арх. В.Я.Брюсова; Пример (цикл «Сердце зеркальное», № 2, под загл. «Сонет (акrostих)»). В обоих автографах ст. 11: «Я вдруг увидел сердце, все в крови». После ссоры с Князевым Кузмин решил разрушить акrostих, и в ГГ-1 изменил чтение ст. 11 и ст. 14 («Зови меня! я — твой, я — твой, я — твой!»).

III. 270—276. Цикл обращен к Вс.Князеву (см. примеч. 109).

1. «Сатирикон». 1913. № 32, под загл. «К часам, играющим „Ах, очи, очи голубые“». Беловой автограф — Изборник. «Очи, очи голубые». Из песни на стихи Ф.Н.Глинки «Тройка» (см.: Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 1. С. 312).

2. Беловые автографы — Пример (цикл «Сердце зеркальное». № 10) и два — в РГАЛИ (один — в книге Стихи-19) Стихотворение производило на современников впечатление очень эротического. См. в письме заведующего редакцией издательства М. и С. Сабашниковых М. Лукина к Кузмину, предлагающему включить ст-ние в первонач. вар. Изборника: «Выбор, сделанный Вами, кажется издательству односторонним в том смысле, что стихотворения специального рода, как „Девять родинок“ и т. п., получают в сборнике преобладание» (РГАЛИ).

4. Беловой автограф — Стихи-19.

5. Ср. ст-ние Вс. Князева «Сонет» («Пьеро, Пьеро, — счастливый, но Пьеро я...» — Князев В. Стихи. СПб., 1914. С. 89), а также определение персонажа «Поэмы без героя» А.А.Ахматовой, прототипом которого в значительной степени был Князев: «драгунский Пьеро».

6. Черновой автограф — РГ-1.

7. *Зноско-Боровская* Надежда Александровна — актриса, сестра Е.А.Зноско-Боровского (см. прим. 183—192, 1), жена С.А.Ауслендера (см. примеч. 14—23, 9). В ГГ-1 ст. 7: «Все равно ты любил другую». Следует отметить, что, согласно Дневнику Кузмина, у Н.А.Зноско-Боровской был роман с Ю.И.Юркуном.

IV. 277—285. 1. Беловой автограф — Изборник.

2. «Златоцвет». 1914. № 9. Беловой автограф — РГБ, арх. В.Я.Брюсова, как третье ст-ние в неозаглавленном цикле, посвященном В.Г.Князеву.

3. «Златоцвет». 1914. № 5. Беловые автографы — Пример (цикл «Сердце зеркальное». № 12); РГБ, арх. В.Я.Брюсова, как первое ст-ние в неозаглавленном цикле, посвященном В.Г.Князеву; РНБ, арх. В.С.Спиридонова, с датой: 15 июля 1912 и посвящ.: «Милому Вс.Князеву». Написано вскоре после крупной размолвки, случившейся 11 июля (Дневник).

4. Беловой автограф — Пример (цикл «Сердце зеркальное», № 6); Изборник, с датой: 1912.

5. Беловой автограф — РНБ. На листе внизу приписано: «Милому Всеволоду». *Память сердца*. См. примеч. 24—31 (7).

6. Беловой автограф — Изборник, с датой: 1913.

7. Беловой автограф — Пример (цикл «Сердце зеркальное», № 3).

8. Беловые автографы — Пример (цикл «Сердце зеркальное», № 4); Изборник (с датой: 1913).

9. Беловые автографы — Изборник (без посвящ.); РНБ, арх. А.А.Дернова, без посвящ., с датой: 6 июня 1913. *Нагродская Е.А.* — см. примеч. 244. *Буонаротто Сивилла* — одно из изображений сивилл в росписи Сикстинской капеллы, выполненной Микельанджело Буонаротти.

V. 286—289. *Юркун Юр.* — см. прим. к разделу «В дороге».

1. *Еще Верлен сравнивал душу с пейзажем.* — Имеется в виду стихотворение П.Верлена «*Clair de lune*» из сборника «*Fetes galantes*». *Монтраше и шабли* — названия французских вин.

2. Беловой автограф — РНБ, арх. В.С.Спиридонова, под загл. «*Любовь*», с посвящ. Всеволоду Князеву и датой: 16 сентября <1912>. В автографе между ст. 36 и 37:

И я хотел бы,
чтобы никто не знал,
никто, никто,
кроме Вас,
которому это известно и без моих слов,
что такова моя любовь к Вам,
хотя все лучшее во мне
через Вас,
для Вас,
для одного Вас,
без Вас не может быть.

Между ст. 45 и 46: «как коршуны Прометея». *Юнонина плеча* — павлин. Написано во время пребывания с Князевым в Риге, описание которого в Дневнике завершается записью: «Всеволод нежен, предан и мил, мил, мил! <...> Господи, благодарю тебя за все!» (18 сентября 1912).

4. Беловой автограф — Стихи-19.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. 290—304. 1. РМ. 1912. № 11, без посвящ. Ст. 5 исправлен по первой публ. и беловому автографу (в ГГ-1 и ГГ-2 — «Все так же траурны гондолы»). Беловой автограф — РГАЛИ с датой: 1912 [Август]. Беловой автограф (начиная со ст. 20) — РГБ, арх. В.Я.Брюсова. В нем ст. 21—24:

Твой лобзанья — мне поэма,
И каждый сердца стук — сонет.

Плыви, плыви, моя трирэма:
Тебе нигде преграды нет.

Рукой Брюсова ст. 2—3 этого четверостишия исправлены:

Когда с тобою на корме мы,—
Что мне все песни прошлых лет.

Очевидно, первоначальная редакторская правка Брюсова была более обширной. См. в письме Кузмина к Брюсову от 11 сентября 1912 г.: «Относительно данного стихотворения: 1) я оставил бы „стесненые мер“ в фразе, вообще несколько отвлеченной.

2) если позволите, я воспользуюсь Вашим стихом

„И ни на миг не позабудем“.

Относительно „трирэмы“ строфа переделана так:

Когда с тобой на корме мы,
Что мне все песни прошлых лет?!
Твои лобзанья мне — поэмы,
И каждый сердца стук — сонет.

но выбрасывать строфу жалко. Последний фиговый листок, если он необходим, конечно, возможен, и я благодарен Вам за подсказанный так удачно временный стих:

Все тот же я, все так же твой» (РГБ, арх. В.Я.Брюсова).

2. Беловой автограф — в альбоме А.А.Ахматовой (РГАЛИ, арх. А.А.Ахматовой). С Ахматовой Кузмин познакомился, по всей видимости, 10 июня 1910 г., когда записал в Дневнике: «Приехали Гумилевы, она манерна, но потом обойдется». Особенно тесно Кузмин общался с ней в начале 1912 г., когда в феврале некоторое время жил у Гумилевых в Царском Селе. Вероятно, тогда и было написано стихотворение, как и предисловие к первой книге Ахматовой «Вечер». Более подробно см.: Ахматова и Кузмин. *Филомела* — соловей.

3. «Гиперборей». 1912. № 2, под загл.: «Послание Ю.Раки-тину». *Рахитин Ю.Л.* — см. примеч. 146—154 (6). *Уж прожил года двадцать три я.* Кузмин был в Александрии в 1895 г., когда ему шел 23-й год. *Траурный левкой.* В Египте Кузмин был со своим возлюбленным, «князем Жоржем», который умер в Вене, возвращаясь из путешествия (см.: Кузмин и русская культура. С. 151). *Каноб* — см. примеч. 103—107. *Вернешься счастливо в Одессу.* Через Одессу пролегал наиболее удобный морской путь в Египет. Кузмин путешествовал именно этим путем.

4. Беловой автограф — РГАЛИ. *Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948)* — знаменитый актер Александринского театра, впоследствии народный артист СССР. 20-летний юбилей его сценической деятельности праздновался 14 января 1912 г. *Калиостро* Алессандро (1743—1795) и граф *Сен-Жермен* (ум. 1784) — знаменитые авантюристы. Оба утверждали, что им более двух тысяч лет.

5. «Сатирикон». 1914. № 1, под загл. «1914». Беловой автограф — РГАЛИ. *Испанская мелограма.* Возможно, имеется в виду «Поклонение кресту» Кальдерона, поставленное В.Э.Мейерхольдом в 1910 г. на «башне» Вяч. Иванова (в этой постановке Кузмин играл роль отца Курсио) и в Териокском театре в 1912 г. *Воровской роман Жиль Блаз* — плутовской роман А.Р.Лесажа «История Жиль Блаза де Сантьяны» (1715—1735). *Ленок*

Александр Шарль (1832—1918) — французский композитор, автор оперетт. Кузмин написал о нем статью (Кузмин М. Условности. Пг., 1923. С. 128—129).

6. «День», бесплатное приложение к № 350 от 25 декабря 1913 под загл. «Волхвы и пастыри». Беловые автографы — Изборник; РГАЛИ. Ст. 1 исправлен по автографам (в ГГ-1 и ГГ-2 — «тайноведением»). Возможно, нуждается в исправлении и ст. 12 (в автографах — «смуглый Мельхиор»). Легенда о поклонении волхвов — Мф., 2, 7—12. Имена волхвов заимствованы Кузминым из западной традиции. *Бредит царь угрозой*. Имеется в виду царь Ирод. Сюжет стихотворения связан с пьесой Кузмина «Рождество Христово. Вертеп кукольный» (WSA. Вд. 14 / Публ. Ж.Шерона; Театр. Кн. 1), поставленной 6 января 1913 г. в кабаре «Бродячая собака». Подробнее о постановке см.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 203—204.

7. Беловые автографы — РНБ, арх. В.С.Спиридонова, с датой: 16 сентября 1912 и посвящ.: «Милому Всеволоду»; РГАЛИ, без посвящ. и с зачеркнутым обозначением дня и месяца. См. примеч. 2 к циклу 286—289.

8. «Гиперборей». 1913. № 9/10, с существенными пунктуационными отличиями в ст. 7: «Трудиться? — я не полководец» (аналогично — в ст. 9 и 10) и ст. 13: «Любовь! единая отрада». *Ракитин Ю.Л.* — см. примеч. 146—154 (6). *Дым отечества... мне сладок*. Парафраз стиха из «Горя от ума» А.С.Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен», являющегося, в свою очередь, вариантом стиха Г.Р.Державина «Отечества и дым нам сладок и приятен» (из ст-ния «Арфа»). Об этом выражении в широком историческом контексте см.: Ерофеева Н.Н. О культурной толще крылатого выражения «Дым отечества — сладок» // Диалог культур: Материалы научной конференции «Вишперовские чтения — 1992». М., 1994. С. 77—87. *Лукреция* — героиня римской истории (VI в. до н.э.). Обещанная, она закололась, призвав перед этим к мести.

9. «Огонек». 1914. № 12, без посвящ.. *Панье* — фижмы. *Маркиз* — см. ст-ния 32—40.

10. Беловой автограф — РГАЛИ с датой: [20 августа] 1912. Посвящение зачеркнуто карандашом. Картина С.Ю.Судейкина «Балет» (1910) хранится в Гос. Русском музее (воспроизведена: Коган Д. Сергей Юрьевич Судейкин. М., 1974. С. 50).

11. Беловой автограф — Изборник. Возможно, имеется в виду картина «Гулянье» (1906, Гос. Третьяковская галерея; воспроизведена: Коган Д. Цит. соч. С. 14). *Ансельмы*. Отсылка к имени героя повести Э.Т.А.Гофмана «Золотой горшок».

12. Проталина. СПб., 1907, под загл. «Пугачев». После ст. 21 в альманахе следовало:

Плывут, плывут молодчики,
Не живые, мертвые,
Плывут-колыхаются
По реке вниз по Яику.

В списке РГАЛИ ст-ние (вероятно, в музыкальном варианте)

отнесено к октябрю 1900 г. Беловой автограф — РГАЛИ. Сюжет построен на рассказе А.С.Пушкина в «Истории Пугачевского бунта»: «В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: Не ты ли, мое детище? не ты ли, мой Степушка? не твои ли черные кудри своеа вода моет? и видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : В 16 т. М., 1950. Т. 9. Ч. 1. С. 51).

14. Беловой автограф — Изборник. «Слава в вышних» — первые слова Великого славословия: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (поется во время утрени, после слов священника: «Слава Тебе, показавшему нам свет»).

15. Беловые автографы — Изборник, РГАЛИ. *Замятнина* Мария Михайловна (1862—1919) — друг и домоправительница Вяч. Иванова, заботившаяся и о быте Кузмина. Ст-ние написано ко дню ее именин. *Мария-Египтянка* (Мария Египетская, кон. V—VI в.) была блудницей в Александрии, потом отправилась с паломниками в Иерусалим, где не смогла по своим грехам войти во храм. После этого она покаялась и провела 47 лет в пустыне. *Зосима* — отшельник, укрывший Марию своей милотью (овчиной).

II. 305—307. Весь цикл — СевЗ. 1914, январь. *Бисерные кошельки* — один из постоянных мотивов в творчестве Кузмина (см. ст-ние 1, рассказ «Набег на Барсуковку»). Чтение этого цикла входило в постоянный репертуар О.А.Глебовой-Судейкиной.

1. Беловой автограф — РНБ, арх. В.С.Спиридонова, под загл. «Верная», с датой: 2 сентября <1912>. См. в Дневнике за это число: «Стихи писали вместе <с В.Г.Князевым>». *Мой корнет*. В «Поэме без героя» А.А.Ахматовой, где использованы рассказы близко знавшей Князева О.А.Глебовой-Судейкиной, он назван «драгунский корнет», хотя реально до этого чина и не дослужился. *Малиновый, зеленый, желтый* — цвета Князева. Полоской этих цветов украшена обложка посмертного сборника его стихов.

2. Беловой автограф — РНБ, арх. В.С.Спиридонова, под загл. «Ревнивая», с датой: сентябрь 1912. *Геридон* — столик с одной ножкой.

3. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Бисерный кошелек». Беловой автограф последних трех строф — Гос. архив Ярославской области, арх. К.Ф.Некрасова (сообщено А.Г.Тимофеевым со ссылкой на сотрудницу архива И.В.Ваганову). Ст-ние (или весь цикл), очевидно, предназначалось для планировавшегося изд-вом К.Ф.Некрасова альманаха «Старые усадьбы» (см.: Книгоиздательство К.Ф.Некрасова и русские писатели начала XX века / Публ. И.Вагановой // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 458). Ст. 3 нами исправлен по журнальному тексту (в ГГ-1 и ГГ-2 — «дамы»). В ст-нии, очевидно, отразились отношения между родителями Кузмина (см.: Кузмин и русская культура. С. 147). *Сохнуть по косе* — т.е. по девичеству. Перед замужеством косу расплетали.

III. 308—315. Восстанавливаем огласовку («Песенки») за-

главия раздела по ГГ-1 (в ГГ-2 — «Песенки») в соответствии со стабильным написанием Кузмина.

1. Беловые автографы — РГАЛИ; РНБ, арх. В.С.Спиридонова, с датой: 23 июля 1912 и посвящ.: «Моему Всеволоду».

3. Беловые автографы — Пример (цикл «Сердце зеркальное», № 8); РГАЛИ с датой: [11 июля] 1912; РНБ, арх. В.С.Спиридонова, с той же датой. В этот день, согласно Дневнику, между Кузминым и Князевым была сильная ссора.

4. Беловой автограф — Пример (цикл «Сердце зеркальное», № 1); РГАЛИ, с датой: [10 июля] 1912; РНБ, арх. В.С.Спиридонова, с той же датой (не зачеркнута). См. примеч. 258—269 (6).

5. Два беловых автографа — РГАЛИ, с датой: 13 сентября 1911. В Дневнике за этот день зафиксировано «увлечение Сабининым» (певцом, исполнявшим песенки Кузмина).

6. «Сатирикон». 1913. № 35.

7. Там же. Зюлейка — см. примеч. 200—229 (19).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

316. Беловой автограф (без отрывков 1—5, 7 и 10—11 главы третьей, частично — расклейка) — РГАЛИ. Черновые автографы отрывков из частей (так они обозначены в оригинале) II и III (с первоначальным, впоследствии зачеркнутым посвящ. С.С.Познякову) — РТ-1. Черновые автографы отрывков 3—5 гл. II — собр. М.С.Лесмана (см.: Лесман. С. 302). Черновой автограф гл. III и IV — РГАЛИ. Первое упоминание о поэме в Дневнике — 1 июня 1908 г.: «Кончил первую часть „Ролла“ плана» потом 22 июня, 7 августа 1908, 20 и 24 августа, 23 сентября, 2 ноября 1909 г. Для истории текста существенно дневниковые записи Вяч. Иванова: «Кузмин рассказывал, что думает представить в 6-й и 7-й частях Rolla, который очень меня занимает. Я ему дал в общих чертах сюжет 4-й и 5-й части, а потом требовал еще продолжения — до 7 части. Что он задумал, нежно и изящно; но, б<ыть> м<ожет>, опасно (и даже не наверно ли?), поскольку может содержать намек на мои мистические искания и, как он, б<ыть> м<ожет>, подозревает, увлечение и разочарование» (Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 783; запись от 5 августа 1909). И далее, 22 августа: «Этот <Кузмин> пишет Ролла; мы обсуждали каждое стихотворение, которое потом иногда изменяется» (Там же. С. 794) и 2 сентября: «К<узмин> кончил 3-ю часть „Rolla“. <...> я бы хотел видеть „Rolla“ в издании „Op“» (Там же. С. 799). Следует отметить также запись от 14 августа, отнесенность которой к точному месту поэмы трудно определить: «С Кузминым ссорюсь, бракуя новый № из Rolla, монолог венецианки, и прекословя его планам. Но, кажется, вырабатывается согласие» (Там же. С. 789).

Поэма публиковалась отдельными отрывками: глава I, 1: «Весна». 1908. № 4; 2 — «Весна». 1908. № 5, под загл. (вероятно, не принадлежащим Кузмину) «Поцелуй»; 4 — А. 1909. № 3 (с иллюстрациями В.П.Белкина, любовника Кузмина), а также — «Весна». 1909. № 16, под загл. «Собор» (вероятно, Кузмину не принадлежащим); 6 — А. 1909. № 3 и — «Весна». 1909. № 17. Глава II, 1 — «Межа». 1908, 20 октября; 4 — А. 1909. № 3; 6 —

«Весна». 1909. № 13; 7 — «Весна». 1908 № 12. Глава III, 2 — А. 1909. № 3; 7 — Там же; 11 — Там же. Глава IV, 1—2, 4—6 — Литературный альманах. СПб., 1912 (второе изд. — 1914); 3 — «Дэнди». 1910. № 2.

«Ролла» — поэма Альфреда де Мюссе. В дальнейших комментариях к поэме римской цифрой обозначается глава, арабской — отрывок.

I, 1. *Веспер* — Венера.

I, 2. *Дездемона, Розина* — героини опер Дж Россини «Отелло» и «Севильский цирюльник» (опера «Отелло» есть также у Дж. Верди, и не исключено, что в виду имеется она). *Песня о печальной иве* — из оперы «Отелло». *Письмо... Альмавиве* — из «Севильского цирюльника».

II, 2. *Голконда* — легендарная страна несметных сокровищ.

II, 4 В А разночтение в ст. 18: «Беглый блеск трепещущих зарниц» (так же в расклейке, входящей в состав автографа РГАЛИ). В тексте книги, возможно, ошибка наборщика.

II, 5. В ГГ-1 ст. 4: «Срок жгучий меж тем зрел», ст. 14: «Лепет невинный — твоя речь».

III, 1. Беловой автограф с датой: 6 марта 1910 — ИРЛИ (указано А. Г. Тимофеевым). Ст. 17 и 19 исправлены, исходя из общего ритма. В ГГ-1 и ГГ-2 конечные слова в них — «тяжелой» и «гондолой». *Колокольня Маркова* — базилика Сан-Марко в Венеции.

III, 2. «*Севильский брадобрей*» — опера Дж Россини «Севильский цирюльник».

IV, 2. *Локуста* (Лукуста, ум. 68) — римская отравительница, служившая Агриппине и Нерону. Казнена Гальбой.

IV, 3. В журнале и беловом автографе ст. 30: «Мне голос слышался иной».

IV, 5. *Редова* — богемский танец. *Де Местр, Жозеф* — гр. Ж. де Местр (1753—1821), известный французский публицист, автор книги «О папе» (1819).

IV, 6. Ст. 16 исправлен по первой публ. В ГГ-1 и ГГ-2 он выглядел: «Но я — уж не борец любовной рати».

ВОЖАТЫЙ

Печ. по единственному прижизненному изданию (СПб.: Прометей, 1918). Первоначально книга, планировавшаяся к изданию после ГГ-1, должна была называться «Гонцы» (см. полное загл. «Изборника»). Эпиграф — из ст-ния 6 цикла 317—325.

1. 317—325. 1. Лук. 1917. № 7. 2 черновых автографа (один — с датой: 11 сентября 1916) — РГАЛИ.

2. Лук. 1916. № 37. Черновой автограф (начиная со ст. 22) — РГАЛИ, с датой: 27 июня 1916.

3. Лук. 1916. № 28, под загл. «Я недостойн» *Дебюсси* — см. примеч. 326—334 (8).

4. Лук. 1916. № 25.

5. Беловой автограф — Стихи-19.

6. СевЗ. 1914. № 3. Беловые автографы — РГБ, арх. В. Я. Брюсова; РНБ, с посвящ.: «Всеволоду моему».

7. Черновой автограф с датой 6 янв<аря> 1917 — РГАЛИ.
8. СевЗ. 1916. № 2. В ССт. С. 649 указано, что имеется неизвестный нам автограф, посвящ Ю.Юркуну (см. о нем примеч. 245—257).

9. Лук. 1915. № 50, без ст. 9—12, с разночтениями. Ст. 7: «А год — это гладкий сколок», ст. 18 заключен в скобки.

II. 326—334. 1. СевЗ. 1916. № 2. *На Императорской конюшне*. Имеется в виду здание придворных конюшен в Петербурге на Конюшенной площади и набережной Мойки.

2. «Утро России». 1916, 10 апреля, под загл. «Апрель». Ст-ние насыщено пасхальной символикой

3. СевЗ. 1916. № 2

5. «Огонек». 1916. № 49. Черновой автограф без загл., с датой: 22 ноября <1916> — РГАЛИ.

6. СевЗ. 1916. № 2, с перестановкой ст. 7 и 8. *Барбарина* (Барбарина) — персонаж оперы Моцарта «Свадьба Фигаро». Эпиграф — начальные слова ее арии (в традиционном рус. пер. — «Потеряла я булавку»).

7. Черновой автограф без загл. и посвящ. — РГАЛИ, с датой: 5 августа <1916>. *Югин Н.А.* — литератор, в годы гражданской войны — сотрудник различных газет юга России, в двадцатые годы жил в Ростове-на-Дону. *У Крылова*. Имеется в виду памятник И.А.Крылову в Летнем саду работы П.К.Клодта (1855) — традиционное место гуляния с детьми.

8. СевЗ. 1916. № 6. *Дебюсси Ашиль Клод* (1862—1918) — французский композитор, бывший одним из постоянных любимцев Кузмина, начиная по крайней мере с 1907 г. (см. письмо к В.В.Руслову от 8 декабря 1907 // СМ. С. 210). *Фонтан Верлена, лунная поляна*. Имеется в виду романс Дебюсси на стихи П. Верлена «Лунный свет». *Старинного... француза*. Очевидно, имеется в виду пристрастие Дебюсси к старой французской музыке.

9. «Любовь к трем апельсинам». 1916. № 2/3, без загл. Черновой автограф без загл. — РГАЛИ. Судя по расположению в тетради, ст-ние написано в ноябре—декабре 1916 г.

III. 335—340. 1. Альманах муз. Пг., 1916. В ССт. С. 650 указано, что имеется неизвестный нам автограф, посвящ. Ю.И.Юркуну (см. о нем примеч. 245—257).

2. Два белых автографа — РГАЛИ (один — Стихи-19, другой — арх. Кузмина, под загл. «Прощание», с датой. 3 мая <1914>). Черновой автограф с той же датой — РГАЛИ.

3. *Пестрого подвала Полуночные часы*. Имеется в виду подвал «Бродячей собаки», в котором в конце 1912 и в 1913 г. Кузмин регулярно бывал с Юркуном. Подробнее о «Собаке» см.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия / Ежегодник 1983. Л., 1985. *Что на Мойке, близ Морской*. Имеется в виду квартира Е.А.Нагродской (см. примеч. 244) и ее мужа, инженера путей сообщения В.А.Нагродского (Набережная Мойки, 91). *Взгляд усталый, нежно томный, На щеках огонь нескромный*. Ср.: «В них сияет пламень томный — Наслаженный знак нескромный...» (А.С.Пушкин, «Узнают коней ретивых...»).

4. «Огонек». 1917. № 5.

5. Автограф — РГАЛИ, с датой: 15 <?> июня 1917. *Юрочка* — Ю.И.Юркун.

6. Альманах муз. Пг., 1916. Обращено к Ю.И.Юркуну. *Кому там нужны на войне Такие розовые губы?* Ср. записи в Дневнике: «Потом были в кинемо. Снят бой. Как умирают. Это непоправимо, и всякого любит кто-нибудь» (23 декабря 1914); «Мои молитвы услышаны. Юр. <Юркуна> освободили» (19 сентября 1915).

IV. 341—345. 1. Лук. 1915. № 45. Беловой автограф с пометой: «Переписано для Сереженьки Судейкина. 1916» — альбом В.А.Стравинской (арх. И.Ф.Стравинского, Цюрих. Копия любезно предоставлена А.Е.Парнисом). *Пролог* — древнерусский сборник кратких житий, поучительных рассказов и пр. Входил в круг постоянного чтения Кузмина.

2. Лук. 1916. № 5, под загл. «Мой герой», без посвящ. *Рославлев Александр Степанович (1883—1920)* — поэт и прозаик, сотрудник Лук. Его ст-ние, посвящ Кузмину, см.: Сад поэтов. Полтава, 1916. *Я сам родился весть на Волге*. Кузмин действительно родился в Ярославле. *Где рос царевич наш Дмитрий* — в Угличе, недалеко от Ярославля. *Крин* — лилия. *Вырос в Ярославле*. Поэтическое преувеличение: Кузмина родители увезли в Саратов, когда ему было полтора года.

3. Лук. 1916. № 27. *Еще не знойны майские лучи* Царевич Дмитрий был убит 15 мая 1591 г. *Пог ними темная еще сирень* — анахронизм: сирень появилась в России лишь в XVIII в. См.: Белоусов А. Акклиматизация сирени в русской поэзии // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М.Лотмана. Тарту, 1992. С. 311. В *Архангельском Соборе* московского Кремля находится рака с прахом царевича Дмитрия. *Пусть говорит заносчивый историк*. О возможном спасении царевича Дмитрия писали С.Д.Шереметев, И.С.Беляев и (очевидно, имеющийся здесь в виду) К.Валишевский. Подробнее см. справку в ССт. С. 652—653.

4. «Биржевые ведомости». 1917, 25 августа, веч. вып. Черновой автограф, без загл и посвящ., с датой: 14 августа <1917> — РГАЛИ. *Анненков Юрий Павлович (1889—1974)* — художник, поэт и прозаик, автор графического портрета Кузмина. См. этот портрет и статью Кузмина об Анненкове в кн.: Анненков Ю. *Портреты*. Пг., 1922. Анненков вспоминал о Кузмине в книге: «Дневник моих встреч: Цикл трагедий» ([Нью-Йорк], 1966; перепеч.: М.: «Худож. лит.», 1991. Т. 1—2. По указателю).

5. СевЗ. 1916. № 6. Черновые автографы — РГАЛИ, с датой: март 1916 (8 последних строк); РНБ, без загл., с неразборчиво написанной датой. В последнем автографе представляет интерес вар. ст. 5—6: «Стреми на струны руки, В тимпан ударь, удары!», и первоначальный вар. последней строфы:

Святи, святи [хозяин],
Паши, маши, дыши!
[И в пламени,] родимец,
[Скорей нас задуши].

Ст-ние построено на образности, восходящей к легендам секты хлыстов. См: Мельников П.И. (Андрей Печерский). Белые голу-

би // Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 6, а также в многочисленных разысканиях этнографов и религиоведов начала XX в. Из новейшей литературы (особенно в связи с интересом Кузмина к футуристическим опытам) см.: Топоров В.Н. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // WSA. Bd. 23. S. 33—80.

V. 346—351. 1. СевЗ. 1916, № 2. Беловой автограф — Стихи-19.

2. Черновой автограф с датой: 10 октября — РГАЛИ.

3. Черновой автограф с датой: 5 мая — РГАЛИ. *Асса-фетида* — затверделый млечный сок корней зонтичных растений с неприятным запахом.

4. «Новый журнал для всех». 1916. № 2/3, как второе ст-ние в цикле «Два пейзажа Гогена» (см. примеч. 400), без посвящ., с общей для цикла датой: январь 1916. Верстка журнальной публикации с авторской правкой — РГАЛИ. *Большаков Константин Аристархович* (1895—1938) — поэт-футурист, принадлежавший к различным группировкам, в год создания ст-ния — к «Центрифуге». Посвятил Кузмину ст-ния «Осень» и «Польше» (в сб. «Солнце на излете», М., 1916). Очевидно, познакомился с Кузминым, когда учился в Николаевском кавалерийском училище в Петрограде. О достаточно близких отношениях свидетельствуют письма Большакова Кузмину (РГАЛИ, ЦГАЛИ С.-Петербурга). В ст-нии названы мотивы многих картин П.Гогена (перечень см.: ССт. С. 654). Ср. также: Доронченков И.А. «...Красавица, как полотно Брюллова» // Русская литература. 1993. № 4.

5. Беловой автограф — РНБ. Черновой автограф — РГАЛИ. По кающемуся вероятным предположению комментаторов ССт, ст-ние может представлять собою монолог того же солдата, что и в ст-нии 5 из цикла 98—102, только в эпоху германских походов императора Адриана. *Мегведицы семерка* — созвездие Большой Медведицы. *Никомидия* — город в Малой Азии.

6. Тринадцать поэтов. Пг., 1917, без посвящ., с разночтением в ст. 68: «лучше найти амброзийную рощу». Беловой автограф — РНБ. Черновые автографы под загл. «Море [несч (астное)] враждебное», «Море» — РГАЛИ. На одном из автографов РГАЛИ — план ст-ния: «Море. Война. Менелай. Фурии. Впервые встреча Азии и Европы. Брат и сестра. Ифигения. Орест и Пилад. Ксеркс». Ст-ние построено на образах «Илиады», «Ифигении в Тавриде». В конце — отсылки к легенде о персидском царе Ксерксе, приказавшем высечь море, и к «Анабасису» Ксенофонта. Более подробный реальный комментарий см.: ССт. С. 654; Избр. произв. С. 528—529. Об отношениях Кузмина с В.В.Маяковским см.: Селезнев Л. Михаил Кузмин и Владимир Маяковский.: К истории одного посвящения // «Вопросы литературы». 1989, № 11 (интерпретация данного ст-ния, предлагаемая автором статьи, не представляется убедительной). См. также: Кацис Л. «В курганах книг, похоронивших стих...» // Там же. С. 91—94. Следует отметить, что Маяковский недружелюбно рецензировал альманах «Тринадцать поэтов» (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С.10). *Белоглазые люди* — т.н. «чудь белоглазая», остатки финского племени чудь, пользовавшиеся на

русском Севере дурной славой. *О вечной народов битве*. Вероятно, имеется в виду не только прямой смысл сочетания, но и нередко встречающееся название Лейпцигского сражения 1813 г. — «битва народов». *Ореста и его Пилага*. См. в повести «Крылья» слова учителя греческого языка Даниила Ивановича: «В XV-м веке у итальянцев уже прочно установился взгляд на дружбу Ахилла с Патроклом и Ореста с Пиладом как на содомскую любовь, между тем как у Гомера нет прямых указаний на это» (Кузмин М. Первая книга рассказов. С. 210). Летом 1907 г. Кузмин предполагал писать пьесу «Орест» (план — РТ-1).

ДВУМ

Печ. по единственному прижизненному изданию, вышедшему летом или осенью 1918 г. с обложкой Е.Туровой в издательстве артели художников «Сегодня», выпустившем ряд однотипных книг стихов с гравюрами. Подробнее см.: Письма О.И.Лешковой к И.М.Зданевичу / Публ. М.Марцадури // Русский литературный авангард: Материалы и исследования. Тренто, 1990. С. 49—50. Расклейка включена в Изборник.

352. Беловой автограф с датой: 29 августа 1917, без ст. 45 — РНБ. Черновой автограф с первоначальным загл. «Психейная душа» и с датой: 27 (возможно — 28) августа — РГАЛИ. *Душенька* — Евдокия Борисовна Пронина-Лишневская, дочь Б.К.Пронина и В.А.Лишневской-Кошницкой, учредителей и руководителей кабаре «Привал комедиантов». Ст-ние написано на ее рождение. Подробнее см.: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989.

353. Конъектура в ст. 23 сделана на основании примечания в ССт и соображений точности рифмовки. В первом издании — «апрельский» (в расклейке для Изборника не исправлено). *Брик Лиля Юрьевна* (1891—1978) — жена литературоведа и прозанка О.М.Брика, адресат множества ст-ний В.В.Маяковского. В 1917 г. Кузмин был завсегдаем как «Привала комедиантов», так и дома Бриков, чем, очевидно, и вызвано объединение двух стихотворений в книгу. На экземпляре сборника, принадлежащем составителям Собр. стихов, Брик написала, комментируя первое слово ст-ния: «Наша домработница. Кузмин встретил ее на дворе, идя к нам. Он бывал у нас тогда ежедневно» (ССт. С. 655). Об отношениях Кузмина и Бриков см. также: Янгфельд Бенгт. *Любовь это сердце всего: В.В.Маяковский и Л.Ю.Брик. Переписка 1915—1930*. М., 1991 (по указателю).

ЗАНАВЕШЕННЫЕ КАРТИНКИ

Книга вышла тиражом в 307 экземпляров с пометой: Амстердам: 1920, очень изящно изданная, с эротическими иллюст-

рациями В.А.Милашевского. В наст. изд. воспроизводится в виде «книги в книге». На самом деле ее выпустило издательство «Петрополис» в Петрограде в декабре 1920 г. Первые известия о книге в дневнике появляются 9 ноября 1920. «Только что вернулись, как пришел Милашевский. Картиночки его мне не понравились, но отправилась в „Петрополь“»; 18 ноября: «Картинки уже набраны»; 6 декабря: «Пошли в Дом <Дом искусств>, потом в „Петрополь“. „Картинки“ уже готовы». 19 декабря: «Получили 3 экземпляра „Картинок“ и один продали тотчас же». Книга получила скандальную известность (см.: Ст.Э. [Волынский А.Л.]. Амстердамская порнография // ЖИ. 1924, № 5; ср. письмо Кузмина к Волынскому, частично опубликованное // ССт. С. 251—252). Кузмин и Юркун сами распространяли сборник, забирая по несколько экземпляров из издательства.

Первоначально Кузмин хотел продавать рукописи этой книги. Одна, предлагавшаяся им букинисту Л.Ф.Мелину (см. письмо Кузмина ему от 6 июля 1919 — РГАЛИ), сохранилась в РГАЛИ. На ней помета: «Запретный сад: Стихи не для печати. Рукописей собственноручных существует три, считая эту, одна у автора, другая — у С.А.Мухина. Никаких других, ни своеручных, ни переписанных, нет и не будет. М.Кузмин». Другая рукопись, о которой собрали сведения комментаторы ССт, через М.Горького была передана для продажи С.Н.Андрониковой-Гальперн, однако продана не была и вернулась в Россию (называлась «Кузмин М. Стихи не подлежащие печати. 1919 г.»). В черновике (РГАЛИ) сохранилось недоработанное «Вступление» (с неточностями опубли.: Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го в комментариях. М., 1993. С. 155—156 как пример ронсаровских шестистиший):

Пусть слова как будто узки,
И по-русски
Выйдет лишь острее любовь.
Не пристрастны мы к фигурам,
И Амуром,
Как и встарь, ведемся вновь.

Быстрый, розовый, крылатый
Тот вожатый,
Кем наш стих и путь храним.
Он проворнее пилота —
С ним болото
На крылах перелетим.

Что хотели, то посмели.
В милом теле
Жизни плещет(?) водоем.
Справа ль, слева ль, дальше ль, ближе ль,
Выше ль, ниже ль —
Все зовем и назовем.

Доведет перечисленье
Восхищенья
До сладчайшей до межи.
Пусть косятя на примеры

Лицемеры
И печальные ханжи.

Словно трепетная птица,
Что стремится
Шелковых лететь сетей,
Взвейтесь звонче, песни эти:
Мы не дети
И поем не для детей.

Вам, кто смелы и не строги,
Все дороги,
Все тропинки хороши,
Что венком крутят лужайку,
Как хозяйку
Пробудившейся души.

В статье Л.Ф.Кациса «.. Я точно всю жизнь прожил за занавескою» (Русская альтернативная поэтика. М., 1990. С. 38—51) устанавливается связь сборника с произведениями А.М.Ремизова и В.В.Розанова. См. также: Богомолов Н.А. «Мы — два грозой зажженные ствола»: Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 61—63.

<354>. В автографе РГАЛИ названо «Атенаис или полулюбовь (d'argès Boucher)». В копии Гальперн — под тем же загл., но без подзаг. Черновой автограф с датой: 13 сентября <1917> — РГАЛИ. Список рукой Ю.И.Юркуна — в рукописной книжке «Лизанькин часовник, или Сборник эротический» с фиктивным обозначением места и года «издания»: Тула: 1908 (РГАЛИ, Собрание ст-ний). Буше Франсуа (1703—1770) — французский художник и гравер, прославившийся картинами на фривольные сюжеты.

<355>. В автографе РГАЛИ с подзаг.: «d'après Béranger». В копии Гальперн изменен порядок стихов. 9, 12, 11, 10. Черновой автограф — РГАЛИ. По наблюдению Л.Ф.Кациса, ст. 5—6 восходят к «Дон Жуану» Байрона в пер. П.А.Козлова:

Штудирюя классических поэтов,
Как скрыть богов амурные дела?
Резвясь без панталон и без корсетов,
Наделали они немало зла...

Пьер-Жан Беранже имел репутацию не только остросатирического поэта, но и автора эротических стихов.

<356>. В автографе РГАЛИ и копии Гальперн под загл. «Собачка Мими». Черновой автограф с датой: 1 июня <1918> — РГАЛИ.

<357>. В автографе РГАЛИ под загл. «Романс (d'après Dèveria)» (Девериа Жак Жан-Мари Ашиль (1800—1857) — французский художник и гравер, известный эротическими гра-

вюрами). Черновой автограф (под тем же загл., но без подзаг.), с датой: 21 сентября <1917> — РГАЛИ.

<358>. В автографе РГАЛИ дата — май 1918. 2 черновых автографа (один — до ст. 8) — РГАЛИ.

<359>. Черновой автограф с датой: 18 мая 1918 — РГАЛИ. Имя героя стихотворения восходит к известной анонимной порнографической поэме «Лука Мудищев», приписывавшейся И.С.Баркову, во что Кузмин, возможно, верил. Текст «Луки Мудищева» и ряд статей об истории поэмы и ее бытования в России см.: Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII — начала XIX [следует читать: XX] века / Изд. подготовил Н.Сапов. М., 1994.

<360>. В автографе — с подзаг. «(d'après Барков)». Творчество И.С.Баркова интересовало Кузмина. См. в Дневнике 18 августа 1906: «Я купил <в Нижнем Новгороде> 3 книжечки Баркова, рассчитывая на обман, и очень жалею, что не купил всех, т.к. по стиху и известной прелестн вещи, безграмотно и искаженно напечатанные, очевидно — автентичные». *А огонь в крови кипит* — см.: «В крови горит огонь желанья» (А.С.Пушкин). *Могий вместити* — Мф. 19, 12.

ЭХО

Печатается по единственному прижизненному изданию с исправлением опечаток по наборному рукописному оригиналу (архив А.Ивича; за предоставление возможности воспользоваться рукописью приносим сердечную благодарность С.И.Богатыревой). Принципиальные исправления отмечены в примечаниях к соответствующим ст-ниям. Следует отметить, что первоначально состав книги должен был быть несколько другим: как следует из оглавления, отсутствовали ст-ния 368 и 370, но в отделе «Кукольная эстрада» под №№ 7 и 8 были еще два — «Ловля раков» и «Любовь к танцмейстеру». Ст-ние 362 в рукописи отсутствует, однако в оглавлении числится.

Книга вышла в свет в середине сентября 1921 г. с обл. и маркой А.Я.Головина. История ее печатания прослеживается достаточно отчетливо: 30 марта 1921 г. она была сдана в издательство «Картонный домик» (штамп на титульном листе наборной рукописи), 18 апреля Кузмин записал в Дневнике: «„Эхо“ разрешили», 14 сентября: «Книжка моя вышла», 3 октября: «„Эхо“ собираются ругать за хлебниковщину. Вообще положение мое далеко не упрочено, мой „футуризм“ многим будет не по зубам».

I. ПРЕДЧУВСТВИЯ

361. Черновой автограф с датой: 12 февраля 1917 — РГАЛИ.

362. «Москва». 1920. № 5. Беловой автограф — РГБ, арх. С.А.Абрамова. Черновой автограф с датой: 6 декабря — РГАЛИ.

363. «Огонек». 1917. № 35, под загл. «Дождливый вечер», без ст. 21—24, с разночтениями в ст. 1: «Этот странничий вечер!» и 13—14: «Вижу в тупой истоме: Ветер и струи зла». Возможно, писалось к вечеру в «Привале комедиантов» 21 июня 1917 г. (см.: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 139).

364. Черновой автограф с датой: 19 марта 1918 — РГАЛИ. Юркун Ю.И. — см. примеч. 145—157. Иосиф — не только имя мужа Богоматери, но и подлинное имя Юркуна. См.: «Юрочку <Юркуна> ведь действительно звали Иосиф. А „Юрия“ ему придумал Михаил Алексеевич, просто для гармонии с фамилией Юркун» (Милашевский В.А. Вчера, позавчера: Воспоминания художника / Изд. 2-е. М., 1989. С. 205). Ср. ст-ние 3 в цикле 286—289.

II ЛИКИ

365. Восходит к легенде из древнего «Патерика», известной нам по пересказу С.Н.Дурылина (Дурылин С. Св. Франциск Ассизский и «Цветочки» // Цветочки святого Франциска Ассизского. М., 1913. С. III, факсимильное воспроизведение — М., 1990). Кузмин мог знать этот рассказ как по варианту Дурылина, так и по оригиналу, т.к. был начитан в житийной литературе, а св. Франциском специально интересовался.

366. Лук. 1916. № 52, под загл. «Рождество». Ст. 12 исправлен по первой публикации (в книге и в наборном оригинале: «Да скрипит заветный шкаф», что разрушает рифму). В книге ст. 23: «Эта сладость ожидания», ст. 29: «Свечи с треском светят ярко». Черновой автограф без загл. — РГАЛИ. *Ворожейных королей*. См. примеч. 290—304 (6).

367. Лук. 1916. № 15/16, под загл. «Пасхе». Вырезка из журнала — Изборник. Черновой автограф с датой: март 1916 — РГАЛИ. В книге ст. 4: «Запах теплых куличей». *Красная горка* — воскресенье Фоминой недели (второй по Пасхе).

368. Лук. 1915. № 33, где между ст. 16 и 17:

И сошлись они на пороге
С четырех со вселенских стран.
Всех апостолов по дороге
Покрывал золотой туман.

Черновой автограф от ст. 21 с датой: 28 июля <1915> — РГАЛИ. *Во Индианах* — в Индии. Легенда об Успении Богородицы была уже воспроизведена Кузминым в ст-нии «Успение» (ср. примеч. 237—243, 5).

369. В книге ст. 23: «Разве в разбеге зигзаг»; ст. 36: «Девье сердце вонзало пронзило». *Страстной пяток* — пятница Страстной недели. *Распента* — распятого (в старославянском произношении с носовым «е»). *Агов Агам*. По апокрифическому преданию, Христос был распят на кресте, сделанном из дерева, выросшего на могиле Адама (см.: Сказание [св.] Григория Богослова о кресте честном и дву кресту разбойничю // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. С. 81). *Агонаи* — имя Бога, употреблявшееся иудеями вместо запретного «Иегова». *Кобальт* (кобальт), *берлинская лазурь* — ярко-синие краски. *Вир* — омут, водоворот. *Трость* — копьё; в данном контексте — то, на котором Иисусу подали губку с уксусом, а потом им же закололи. *Мытарь* — сборщик податей.

370. В книге ст. 12: «Зубий чешуй на грустную губь». По предположению комментаторов ССт, *покоец лейный* — нечто вроде прозрачного шара, описанного в стихотворении 432, где живут два человека — *Лей* и *Лейла*, а также злой дух — *Лемур*. *Маргарит* — жемчуг.

III. ЧУЖАЯ ПОЭМА

371. Впервые — Орион (Тифлис). 1919. № 5, с датой: апрель 1916, с посвящением: «Дорогим С.Ю.С. и В.А.Б.» Беловой автограф, без посвящ. и без нумерации строф, с датой записи: 17 апреля 1918 — РГАЛИ, арх. Н.В.Власова. Второй беловой автограф с датой: 1916. Апрель. Пасха — арх. И.Ф.Стравинского, Цюрих, в альбоме В.А.Стравинской (копия любезно предоставлена А.Е.Парнисом). Во всех известных нам источниках строфа 11 или дефектна (как в печатаемом нами тексте, — не хватает одного стиха для правильной спенсеровой строфы, которой написана вся поэма), или отсутствует, что, очевидно, свидетельствует о том, что она написана не ранее весны 1918 г. В наборной рукописи отсутствует посвящ. В книге ст. 3 седьмой строфы — «Так жалостно лицо свое прижала». Адресаты посвящения — С.Ю.Судейкин и его вторая жена Вера Артуровна *Шиллинг* (урожд. Боссе, откуда посвящение первой публикации, по второму мужу — Судейкина, по третьему — Стравинская), художница. По воспоминаниям героини поэмы (подробнее всего изложенным в написанной Дж.Мальмстадом биографии Кузмина — ССт), Судейкин (отождествленный в поэме с *Дон Жуаном*) встречался с нею в соборах московского Кремля (среди которых в поэме названы *Успенский* и *Благовещенский*) и в *Охотном ряду*. В строфах 4 и 5 речь идет о том, что Судейкин оформлял для театра А.Я.Таирова спектакль «Женитьба Фигаро» (1915), где В.А.Шиллинг танцевала испанский танец. *Таро* — набор символических изображений на картах типа игральных, служащих для различных магических действий. В моем краю вы все-таки чужая. В.А.Шиллинг была по происхождению шведкой. *Калика* — богатырь во смиренности, в убожестве и богоугодных делах (Словарь В.И.Даля).

IV. КУКОЛЬНАЯ ЭСТРАДА

372. Впервые — «Игра». 1918. № 1. Ч. 2. Черновой автограф — РГАЛИ. Сказка «Пастушка и трубочист» была поставлена в Детском театре с музыкой А.Канкаровича (см.: «Игра». 1918. № 1. Ч. 1. С. 24). За указание на источники благодарим А.Г.Тимофеева. В книге ст. 46: «Деревянный легче фрак». В наборной рукописи дата под ст-нием поставлена карандашом и не рукой автора.

373. Черновой автограф — РГАЛИ. Относится к той же пьесе, что и предыдущее стихотворение. В книге ст. 6: «И поза, все одно и то же». В наборной рукописи дата поставлена карандашом и не рукой Кузмина.

374. В списке РГАЛИ пьеса «Все довольны (Из Боккачо)» отнесена к 1915 г. Опубл.: «Всемирное слово». 1993. № 4/5 (публ. П.В.Дмитриева). Была поставлена 22 сентября 1915 г. в театре «Летучая мышь» (Москва). В наборной рукописи дата поставлена карандашом и не рукой Кузмина.

375. В списке РГАЛИ пьеса «Волшебная груша» отнесена к 1915 г.. В наборной рукописи дата поставлена карандашом и не рукой Кузмина.

376. В списке РГАЛИ пьеса «Муж, вор и любовник...» значится под 1917 г..

377. В списке РГАЛИ пьеса «Самое ветреное место в Англии» значится действительно под 1917 г., однако ст-ние «Лорд Грэгори» — под 1915-м. Сохранившийся отрывок пьесы см.: Театр. Кн. 1. С. 215—216.

378—380. 1,3. Беловой автограф — РГБ, арх. С.А.Абрамова. Черновой автограф — РГАЛИ (в обоих случаях — в тексте пьесы «Счастливы день, или Два брата»). 2. Черновой автограф — РГАЛИ (в тексте пьесы «Китайская»). Пьесы опубл.: Театр. Кн. 1 («Счастливы день») и кн. 2 («Китайская»). Первая относится к 1918 г., вторая — к 1915-му. Первую из них рецензировал А.А.Блок (Собр. соч. Т. 6. С. 314—315). 1 января 1919 г. она была поставлена в мастерской Передвижного Общедоступного театра А.А.Брянцевым. О постановке см. заметки режиссера («Записки Передвижного Общедоступного театра П.П.Гайдебурова и Н.Ф.Скарской». 1919. № 16/18, 20). Фотография сцены из спектакля — там же, обложка № 22. В наборной рукописи дата и помета об источнике стихотворения вписаны карандашом и не рукой Кузмина. В книге помета об источнике отсутствует.

НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА

Стихи 1914—1920

Печ. по первому изд. (Пб.: «Петрополис», 1921), вышедшему в свет в июне 1921 г. с обл. и маркой М.В.Добужинского. Выпущенное в 1923 г. берлинским изд-вом „Слово“ второе издание, по всей видимости, авторизовано не было и потому как источник не учитывается.

381. «Творчество» (Харьков). 1919. № 4. В этой публикации (в оглавл. журнала каждая строфа отмечена как отдельное стихотворение) ст. 1—2 напечатаны в одну строку, ст. 21—22 — в обратном порядке, ст. 30 — без скобок. Беловой автограф — РГАЛИ.

I. ЛОДКА В НЕБЕ

382. Лук. 1915. № 23.

383. «Огонек». 1915. № 22. Черновой автограф — РНБ, арх. А.И.Тинякова, с посвящ. Ю.И.Юркуну и датой: 13 апр<еля> 1914.

384. «Огонек». 1915. № 38.

385. Беловой автограф с датой: 16 апреля 1916 записан в дневнике М.М.Бамдаса (архив Т.М.Корзинкиной). Черновой автограф с датой: апрель <1916>, без посвящ. — РГАЛИ. Бамдас Моисей Маркович (1896—1959) — поэт, впоследствии журналист, переводчик. Кузмин написал предисловие к первой книге стихов Бамдаса «Предрассветный ветер» (Пг., 1917) и посвятил ему рассказ «Слава в плюшевой рамке». Гейне я не люблю — см. в письме В.В.Руслову от 15 ноября 1907: «Я не люблю Шиллера, Гейне, Ибсена и большинство новых немцев» (СМ. С. 203). В стихотворении речь идет не о творчестве, а о жизни Гейне. *Во Франкфурте, что на Майне* Гейне в 1815 г. некоторое время обучался банковскому делу у банкира Риндкопфа. *Фрейлейн Ревекка* — возможно, Ребекка Мендельсон (1809—1858), младшая сестра композитора Ф.Мендельсона-Бартольди. *Фрау Рахиль* — Рахиль Фарнгаген фон Энзе (1771—1833), жена известного литератора Карла Августа Фарнгагена фон Энзе, покровительница Гейне в берлинские годы. *Отец Ваш* — важный банкир. Имеется в виду Амалия Гейне, двоюродная сестра поэта, в которую тот был влюблен; ее отец, дядя Гейне, был гамбургским банкиром. Впрочем, следует отметить, что и отец Ребекки Мендельсон также был банкиром.

386. «Москва». 1919. № 2 с разночтением в ст. 1: «Забукетилось небо к вечеру». Черновой автограф с датой: 30 декабря <1917> — РГАЛИ.

387. СевЗ. 1916. № 12. Беловой автограф — Изборник. В

нем ст. 5—8 следуют после ст. 24. Черновой автограф с датой: 7 н<о>ября 1916 — РГАЛИ. *Когда вы меня называете «Майкель»*. См.: «Юрочка всегда называл Кузмина по-английски» (Милашевский В.А. Вчера, позавчера: Воспоминания художника / Изд. 2-е. М., 1989. С. 164).

388. «Дракон». Пг., 1921 (вся книга перепечатана под загл.: Цех поэтов: Альманах 1. Берлин, 1923). Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: февраль 1917 — РГАЛИ. *Как Саул, я нашел и знаю Царство, что не искал*. См.: 1-я Царств. гл. 9—10.

389. Беловой автограф без загл. — Изборник. Черновой автограф, без загл., с датой: 26 сентября 1916 — РГАЛИ.

390. Лук. 1916. № 49, с пропуском ст. 3 и со значительным количеством мелких разночтений. В строфе 3 1-е и 2-е двустопия следуют в обратном порядке. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: 27 <окт>ября? 1916 — РГАЛИ.

391. Черновой автограф с датой: июнь 1920 — РТ-2. В списке РТ-2 дата — 7 июня 1920.

392. Черновой автограф с датой: 8 июня 1920 — РТ-2. В списке РТ-2 дата — 9 июня.

393. «Аргус». 1917. № 11/12. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: май 1917 — РГАЛИ.

394. Беловой автограф с датой: 1914 — Изборник. Черновой автограф с датой: 7 ноября 1916 — РГАЛИ. В списке РГАЛИ — под 1916 г. Ст. 1—2 — ср. великопостную молитву Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалаия и празднословия не даждь ми». Словами этой молитвы завершается рассказ Кузмина «Высокое искусство» (см. также: Морев Г. Заметки о прозе Кузмина: «Высокое искусство» // Лит. прил. С. V). *Фивауга* — византийское название области древних Фив, пришедшей в упадок; место пребывания многих отшельников. *Параклит* (Параклет) — «утешитель», «заступник». Несколько раз упоминаемое в Евангелии от Иоанна и в 1-м послании Иоанна имя, под которым подразумевается то Христос, то Святой Дух. У гностиков Параклит понимался то как Божий посланник, то как зон (см. примеч. 414). По Л.П Карсавину — «зон, порожденный четюю Человек — Церковь и сочетанный с эоном Верою» (Карсавин Л.П. Св. Отцы и Учители Церкви. Париж, [б.г.]. С. 39). См. также в статье о древнерусской системе записи церковного пения, которую Кузмин профессионально знал: «Символом святого духа в древнерусской знаменной нотации является ее первый знак — параклит» (Владышевская Т.Ф. Богодухновенное, ангелогласное пение в системе средневековой музыкальной культуры (эволюция идеи) // Механизмы культуры. М., 1990. С. 130).

II. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

Специально об этом разделе см: Цивьян Т.В. К анализу цикла Кузмина «Фузий в блюдечке» // Кузмин и русская культура. С. 43—46.

395. «Аргус». 1917. № 7. Черновой автограф, без загл., с датой: 27 января <1917> — РГАЛИ.

396 «Вершины». 1914. № 3. Черновой автограф с датой: 9 июня <1914> — РГАЛИ.

397. Стрелец: Сборник первый. Пг., 1915, как первое ст-ние в цикле «Летние стихи». Черновой автограф с датой: 22 июня <1914> — РГАЛИ.

398 Там же, как второе ст-ние цикла «Летние стихи». Черновой автограф с датой. 29 июня 1914 — РГАЛИ. *Fol arête* (в альманахе неверно: «Folle arête») — сорт духов. *Фонола*. См. в хронике: «На выставке новейших изобретений, в киоске музыкальной фирмы К.И.Бернгарда экспонируется весьма музыкальное изобретение, фонола, дающая возможность всякому, не имеющему даже понятия о музыке, исполнять на рояли или пианино любую пьесу. При помощи фонолы, приставляющейся к любому инструменту, можно придать исполнению все нужные оттенки и нюансы. Рояль с вделанной фонолой почти ничем не отличается от обыкновенного рояля, и издали нельзя отличить — играет ли сидящий за роялем <так!> обыкновенным способом или при помощи фонолы. Кроме того, в таком рояле — фонола может служить партнером для игры в четыре руки» (Обозрение театров. 1909. 29 мая. № 743. С. 6).

399. Альманахи стихов, выходящие в Петрограде. Пг., 1915. Вып. I, под загл. «Жара». Беловой автограф первопечатного текста — РГАЛИ, арх. Д.М.Цензора. Вырезка из альманаха — Изборник. Черновой автограф — РГАЛИ.

400 «Новый журнал для всех». 1916. № 2/3, как первое ст-ние цикла «Два пейзажа Гогена» (см. ст-ние 4 цикла 346—351), с общей датой: январь 1916, с разночтениями в ст. 4: «Полно тебе гореть!» и ст. 14: «Жалят, что овода». Ст. 10 исправлен по журнальному тексту (в книге: «Спустит небес лоза»). Верстка журнального текста с авторской правкой — РГАЛИ.

401. Черновой автограф — РГАЛИ (по расположению в тетради датируется: апрель — до 4 мая 1917). *Юмала* — общее название божества у финнов-язычников.

402. «Аргус». 1918. № 1. Черновой автограф с датой: 4 мая <1917> — РГАЛИ.

403. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: май <1917> — РГАЛИ.

404. Беловые автографы — Изборник; РНБ, арх. А.А.Дернова. Черновые автографы — ГЛМ; РГАЛИ, с датой: 23 мая <1917>. *Хорасан* — область в Иране, прославленная производством ковров.

405. «Москва». 1919. № 2, без загл. Беловой автограф — собрание М.С.Лесмана (см.: Лесман. С. 302). Черновой автограф без строфы 4 — ГЛМ. *Хоговецкий* Даниэль Николаус (1726—1801) — немецкий рисовальщик, один из любимых художников Кузмина. Параллели к ст-нию см. в рассказах «Смертельная роза», «Записки Тивуртия Пендля» и в книге «Лесок»

III. ДНИ И ЛИЦА

406. «Вестник литературы». 1921. № 3, с примеч.: «Прочитано на торжественном собрании в Доме Литераторов 11 февраля 1921 г.» — Пушкин. Достоевский. Пг., 1921. Черновой автограф, без загл., с датой: февр<аль> — РГ-2. Собрание в Доме литераторов неоднократно описывалось в дневниках и мемуарах (Вл. Ходасевич, К.И.Чуковский, Е.П.Казанович, М.А.Бекетова и др.), однако чтение Кузмина практически не упоминалось: оно осталось в тени речи Блока «О назначении поэта», произнесенной на том же вечере. Оценки ст-ния см.: «Стишки М.Кузмина, прошепелявленные не без ужимки, — стихи на случай — очень обыкновенные» (Чуковский К. Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 158); «Открываю дальше: Пушкин — мой Пушкин, то, что всегда говорю о нем — я» (Цветаева Марина. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 117). Анализ ст-ния см.: Hughes R. Pushkin in Petrograd: February 1921 // *Cultural Mythologies of Russian Modernism*. Berkeley e.a., 1992. P. 204—207.

407. Беловой автограф с датой: 1917 — Изборник. Черновой автограф с датой: 9 ноября <1916> — РГАЛИ. В списке РГАЛИ — 1916. *Geheimrath* — тайный советник. Гете был тайным советником при дворе веймарских герцогов с 1776 г. *Пог семидесятилетним плащом Лизетта*. Очевидно, имеется в виду вдохновительница «Мариенбадской элегии» Ульрика фон Левенцов.

408. «Биржевые ведомости». 15 (28) июля 1916, утр. вып. — «Северный луч». 1916. № 2. В обеих публикациях — под загл. «Лермонтов» и с довольно многочисленными разночтениями. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф с датой: июль 1916 — РГАЛИ. Так как текст этого автографа практически совпадает с книжным, то, очевидно, при первой публикации было осуществлено редакторское вмешательство. Еще одно ст-ние Кузмина, посвященное Лермонтову и также датированное июлем 1916 г., см.: ССт. С. 464 (по черновому автографу РГАЛИ).

409. Н. Сапунов: Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916, под загл. «Памяти Н.Н. Сапунова», с перестановкой двустихий в строфе 3. Беловой автограф — Изборник. Черновой автограф — РГАЛИ. Сапунов Николай Николаевич (1880—1912) — художник, друг Кузмина. Об их взаимоотношениях см. воспоминания Кузмина, опубликованные в том же сборнике, что и ст-ние. См. также: «Я очень дружен, очень люблю Ник. Ник., но совсем не влюблен в него, конечно...» (Дневник, 14 января 1907). О круге общих художественных интересов см. письмо Сапунова Кузмину от 18 августа 1907 г.: «Дорогой мой Михаил Алексеевич, это очень хорошая мысль — поставить Вашу «Евдокию» в духе XVIII-го века, хотя, я думаю, лучше было бы держаться XVII-го столетия; по-моему, это острее, и в этом духе можно было бы сделать нечто поразительное из этой постановки. Вот где можно было бы применить цветные парики и огненные краски! Восемнадцатый век слишком использован и стал уже надоедать. Кому это пришла мысль пригласить Бенуа? Он все испортит и делает из этой постановки виньетку, меню или черт знает что. Неужели Вы, дорогой мой, не понимаете, что все эти Бенуа, Баксты и прочие «типы Мира Искусства» — люди отжившие, это художники вчерашнего дня. <...> Как Вам не стыдно связываться с этими Петербургскими старичками, из которых, кажется, уже песок сыпется. <...> Ужасно грустно то, что такое все-таки живое и симпатичное предприятие, как театр Коммиссаржевской, начинают уже пакостить такие пошляки и аферисты «товарищи», как Анисфельд и Гржебин, или Чулков со своим мистическим анархизмом. Черт бы их побрал! В конце концов, право, нам следовало бы устроить им оппозицию и всеми правдами и неправдами захватить театр в свои руки; мы имеем большее право на это. Не так ли?» (РНБ; другие письма опубликованы Дж. Малмстадом в Венском сборнике с незначительными неточностями, исправленными в ст.: Тимофеев А.Г. Некоторые поправки и добавления к венскому Кузминскому сборнику // Лит. прил. С. IV). Непосредственный повод для создания ст-ния — воспоминания о гибели Сапунова: «Поехали <с Сапуновым> в «Собаку», где был Пронин и Цыбульская. На вокзале дождался Яковлеву и Бебутову. Поехали. В Териоках сыро и мрачно. <...> Решили поехать кататься. Насилу достали лодку. <...> Было не плохо, но когда я менялся местами с княжной <Бебутовой>, она свалилась, я за нею, и все в воду. Погружаясь, я думал: неужели это смерть? Выплыли со стенами. Кричать начали не тотчас. Сапунов говорит: «Я плавать-то не умею», уцепился за Яковлеву, стянул ее, и опять лодка перевернулась, тут Сапунов потонул, лодка кувыркалась раз 6. Крик, отчаяние от смерти Сапунова, крики принцессы и Яковлевой — ужас, ужас» (Дневник, 14 июня 1912). Закон святого ремесла. Ср.: «Мое святое ремесло!» (К.К.Павлова, «Ты, уделевший в сердце ницем...»).

410. Тамаре Платоновне Карсавиной — «Бродячая собака». [СПб., 1914]. Сборник выпущен к вечеру танцев Карсавиной в «Бродячей собаке» 26 марта 1914 г. и состоит из факсимильно воспроизведенных автографов ст-ний различных поэтов, а также статей и нот. Подробнее см.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей Собаки». С. 231—232 См. также: «Писал

стихи Карсавиной» (Дневник, 19 марта 1914). Черновой автограф — РГАЛИ. Колумбина, Саломея — роли Карсавиной в балете М.М.Фокина «Карнавал» на музыку Шумана (1910) и в балете Б.Г.Романова на музыку Ф.Шмитта «Трагедия о Саломее» (1913).

411. Черновой автограф с датами: 8 и 9 мая <1914> — РГАЛИ. «Шведские перчатки» — повесть Ю.И.Юркуна, вышедшая в 1914 г. с предисловием Кузмина. Многие реалии стиха связаны с персонажами и предметным миром повести. Ср. инскрипт Кузмина на ГГ-1, обращенный к Юркуну: «Единственному Юрочке любимому первый экземпляр книги, радуясь, что она выйдет вместе с его «Шведскими перчатками», любящий его М.Кузмин. 1914» (АЛ).

IV. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

412. Беловой автограф до ст. 180 — РНБ, без посвящ. Еще два беловых автографа — Изборник; РГАЛИ. Черновой автограф с датой: 13 июня 1917 — РГАЛИ. Стих было положено Кузминым на музыку. Подробный анализ стиха.: Hager K. Michail Kuzmin: Studien zur Poetik der frühen und mittleren Schaffensperiode. München, 1993. S. 90—168. Кожеваткин Александр Мелетьевич (1884—1942) — секретарь изд-ва «Мусагет», владелец изд-ва «Альциона» (подробнее о нем см.: Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1981). Состоял в переписке с Кузминым. В основе сюжета стиха — отождествление змеборца св. Георгия с другим змеборцем — Персеем (подробнее см.: Аверинцев С.С. Георгий // Мифы народов мира., 1980. Т.1; в статье анализируется и стих Кузмина). *Петаз* — древнегреч. головной убор. У бога Гермеса он изображен с крыльями. *Гаргарийских гор эхо*. Гаргария — область на северном побережье Мраморного моря. *Агонийски* — как на адониях, где оплакивали бога Адониса, частого персонажа стиха Кузмина. *Прощай, отец рогатый* и т.д. Очевидно, связано с мелодией т.н. «жестокое романс». *Кора* — одно из имен богини Персефоны (греч. миф.), которой в римской миф. соответствует Прозерпина. *Пасифая* (греч. миф.) была не только матерью Федры (что важно для Кузмина), но и любовницей чудовищ, точнее — быка, от которого родила получеловека-полубыка Минотавра. *Семела* (греч. миф.) — фиванская царица, мать Диониса, возлюбленная Зевса, которой он однажды по ее требованию явился во всем своем величии и испепелил ее. *Там я — твоя Гайя, где ты — мой Гай*. Часть римской свадебной формулы.

V. СОФИЯ

Гностические стихотворения

Все стихи данного раздела, кроме стиха 418, — Петербургский альманах. Пб.; Берлин, 1922. Автограф этих же стихов с надписью неизвестного лица: «Принять для 1-го альм. И.С.» — РНБ. Беловой автограф в виде рукописной книги, переписанной в 1920 г., — собрание Л.М.Турчинского.

413. Черновой автограф с датой: 25 ноября 1917 — РГАЛИ. В основе сюжета ст-ния лежит гностическая легенда о Софии-Премудрости, своею мыслью породившей низший, природный мир. Подробнее см.: Трофимова М.К. Из истории ключевой темы гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. *На престоле семистолбном*. См.: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его» (Притчи. 9,1).

414. В «Петербургском альманахе» ст. 52 — в скобках, ст. 51 и 52, 62 и 63 слиты в одну строку, последнее слово ст-ния выделено в отдельную строку. В беловом автографе РНБ ст. 81—83 расположены в другом порядке: 82, 83, 81. Черновой автограф с датой: 27 декабря <1917> — РГАЛИ. *Базилид* (Василид) — гностик, учивший в Александрии между 120 и 140 г. Его идеи известны только по изложению Отцов церкви. *Смерть Антонию* — см. примеч. 80—86 (7). *Зон*. В миропонимании гностиков — основание гармонии вселенной, ее части, обладающие внутренней замкнутостью и в то же время связанные между собой. *Плзрома*, т.е. полнота, — вся совокупность зон, целостность мира. *Семинебесных сфер*. Согласно учению Базилида, небо состояло из семи планетных сфер. *Авраξας* — неоднократно в различных контекстах встречающееся магическое слово. См. рассуждения Кузмина: «Происхождение слова Авраксас темно и недостаточно исследовано. Значение его отнюдь не смысловое или мифологическое, а звуковое и числовое. На гностических амулетах оно писалось различно, но в подавляющем большинстве случаев именно Авраксас. Изображения, иногда сопровождавшие его, тоже не были одинаковы: солнце, человек, стоящий на быке, и т.п. (Montfaucon: *Antiquité expliquée*, t. 2). Число значение его по пифагорейской или каббалистической системе — 365, полнота творческих мировых сил. Так как важна сумма цифр (1+2+100+1+60+1+200), то перестановка букв не имеет значения». И далее, делая отсылку к литературному сборнику «Авраксас»: «Вероятно, мистическое значение этого слова, а также точки соприкосновения поэзии и вообще словесного искусства с звуковой магией натолкнули редакцию сборника на это название» (Кузмин М. Письмо в редакцию <газеты «Последние новости»> // РГАЛИ; частично опубл.: Избр. произв. С. 535). Ср. также: «Слово авракадабра давно известно в Европе и Азии. Еврейские магики вместо авракадабра принимали слово *авракадан*. Одни производили его от имени сирийского идола, другие от персидского Авраксас, означающего бога солнца, митру. Некоторые составляли из этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200 — которые, вместе сложенные, составляют сумму 365, или число дней солнечного года» (Сказание русского народа, собранные И.П.Сахаровым. М., 1989. С. 94). Согласно Базилиду, Плзрома состоит из 365 зон.

415. Черновой автограф, без загл., с датой: 27 декабря <1917> — РГАЛИ. *Фаустина* — жена римского императора Антонина Пия, в честь которой он воздвиг храм на Форуме, напротив Палатинского холма. То же имя встречается среди имен христианских мучениц на стенах катакомб. Можно отметить, что роман Э. де Гонкура, в русском переводе называющийся

«Актриса» или «Актриса Фостэн», по-французски называется «La Faustine». См. в связи с этим примеч. 258—269 (1).

416. Черновой автограф с датой: 29 декабря <1917> — РГАЛИ. *Вифиния* — область в Малой Азии, родина Антиноя. Ср. ст-ния 578—585.

417. Черновой автограф с датой: 30 декабря <1917> — РГАЛИ.

418. Беловой автограф — РГБ, арх. С.А.Абрамова. Черновой автограф — РГАЛИ.

419. Черновой автограф с датой: 5 марта <1918> — РГАЛИ. *Рыба* — один из символов христианства, особенно раннего. Первоначально — символ самого Христа, т.к. греческое слово «рыба» расшифровывалось как сокращенное именование Христа: «Иисус Христос, Божий сын, Спаситель». *Рыбачат на плоском озере Еврейские рыбаки*. См.: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф. 4, 18—19; Лк. 5, 1—11). *Играет серебряным неводом*. См.: «Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, Который, когда наполнился, вытащили на берег и, севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон» (Мф. 13, 47—48).

420. Черновой автограф с датой: 15 марта <1918> — РГАЛИ. *Гермес* (греч. миф.) нередко выступает в роли сопровождающего душ в ад и из ада. Не исключено, что здесь с ним отождествлен Антиноя, который мог изображаться в виде Гермеса. *Чистым — всё чисто!* См.: Посл. к Титу. 1, 15. *Маленькие у ног <...> крылья* — один из атрибутов Гермеса.

VI. СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

Беловой автограф всех ст-ний — в рукописной книжке «Стихи об Италии» (Пг., 1920; РГАЛИ, арх. рукописных книг московской лавки писателей). Подробнее см.: Богомолов Н.А., Шумякин С.В. Книжная лавка писателей и автографические издания 1919—1922 гг. // Ново-Басманная, 19. М., 1990 С. 96—97. *Персиц* (Кобеко) Тамара Михайловна (ум. 1955) — богатая дама, владелица изд-ва «Странствующий энтузиаст», позже находилась в эмиграции.

421. Черновой автограф с датой: 20 июня <1920> — РГ-2. *Остия* — римский порт. *Фаустина* — см. примеч. 415. По мнению комментаторов ССт, в системе христианской символики могут быть дешифрованы *масло* (Благодать Господня), *мед* (Христос), *молоко с медом* (рай), *трيرهма* (церковь). *Пять* — см.:

Вы, люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Пять?
«Пять ран без вины Господь терпел» (Бессонов. С. 383).

422. Черновой автограф с датой: 27 (?) ноября 1919 — РГАЛИ. Неми — озеро недалеко от Рима. По римскому обычаю (подробнейшим образом исследованному в книге Дж. Фрзера «Золотая ветвь»), жрец храма Дианы (Селены), расположенного на этом озере, в любой момент мог быть убит желающим занять его место (см. также балладу Вяч. Иванова «Жрец озера Неми»). *Смарагдный* — изумрудный. *Твой петел, Петр, еще не стих!* См.: «И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом. прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И вышел вон, плакал горько» (Мф. 26, 74—75). *Гагательные славы*. По предположению комментаторов ССт, может относиться к гипотетической интерпретации мифа в прославленной книге Фрзера.

423. Черновой автограф без загл. — РГАЛИ. Согласно списку РГАЛИ, написано в 1920. *Каланча* — Кампаниле в Венеции. *Парча Ниспагает со плеча*. Очевидно, имеются в виду богатые одежды венецианских дождей. *Вольна Мнет волокна льна*. Ср.: «Ты, волна моя, волна! Ты гульлива и вольна» (А.С.Пушкин. «Сказка о царе Салтане...»). *Золотое брось кольцо*. В 1177 г. в честь победы над пиратами венецианский дож Орсеоло обручился с морем, бросив в него кольцо.

424. Черновой автограф без загл. — РГАЛИ. В автографе ст-ния на экземпляре «Вожатого», подаренном Кузминым Б.С. Мосолову, была дата: ноябрь 1919 (ССт. С. 671). *Святой Марко* (Марк), покровитель Венеции, был также и покровителем рыбаков.

425. Черновой автограф без загл. (до ст. 12 включительно) — РГАЛИ. Около Тразименского озера (почему оно названо «*озеро багряных поражений*») в 217 г. до н.э. Ганнибал нанес поражение войскам римлян. *Тростники, затрепещут, Как изменники*. Имеется в виду легенда о царе Мидасе и его ослиных ушах, о существовании которых кто-то узнали из шелеста тростника. *Фетида* — не-рейда, мать Ахиллеса. *Буонаротт* — Микельанджело Буонарроти. В росписи Сикстинской капеллы им изображены пять сивилл.

426. Черновой автограф без загл., в котором каждые два стиха одного текста составляют одну строку, с датой. 27 май 1920 — РТ-2 (по списку РТ-2 — 28 мая). *Риготто* — два венецианских игорных дома. *Дьявол из Казотта* — персонаж романа Ж.Казотта «Влюбленный дьявол». *Баута* — венецианская маска. *На террасе Клеопатры*. Имеется в виду роспись Дж. Б. Тьеполо «Пир Клеопатры», где Клеопатра изображена с обнаженной грудью (*ананасы*). *Цехин* — золотая венецианская монета. *Малоточки бьют часочки*. Имеются в виду куранты на

пл. св. Марка. *И секретно, и любовно*. Подразумевается наиболее известная опера умершего в Венеции Д.Чимарозы «Тайный брак».

427. Беловой автограф с датой: 27 мая 1920 — РНБ. Черновой автограф, без загл. и с зачеркнутой первой строкой — РТ-2. По списку РТ-2 дата — 28 мая. Очевидные подтексты ст-ния — «Энеида» Вергилия и сказания о начале Рима. «Город на крови построю». Речь идет об убийстве Рема Ромулом. *Квадратны лица*. Рим нередко именовался *Roma quadrata*. О мифологических коннотациях этого названия см.: Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 130—132. *Волчица* — та, которая вскормила Ромула и Рема. *Домашний гусь* — очевидно, один из спасших, по преданию, Рим, разбудив гоготанием спавшую стражу. *Пурпурных с подписью порук*. Пергамент для важных договоров мог окрашиваться в пурпур. «*Rex Romani*» — Рим со всеми покоренными провинциями. Ср. начало романа Кузмина «Златое небо» (Абр. Вып. III).

428. Черновой автограф с датой: 11 июня 1920 — РТ-2. Ср.: «Ему <Кузмину> нравились итальянские примитивы, робкие, но такие поэтичные художники раннего расцвета искусства в Италии. Нравились безвестные изготовители „свадебных ларцов“...» (Милашевский В. Побег тополя // «Волга». 1970. № 11. С. 185).

429. Дом искусств. Пб., 1921. Кн. 1. Черновой автограф с датой: 11 июня <1920> — РТ-2. В списке РТ-2 — под. загл. «Умбрия». *Ассизи* — родина св. Франциска Ассизского, которым Кузмин очень интересовался (см.: Шмаков Г. Блок и Кузмин. С. 344—345; Вишневецкий И.Г. Михаил Кузмин и св. Франциск: Заметки к теме // Кузмин и русская культура. С. 25—27). *Цветики милые*. Имеется в виду книга «Цветочки святого Франциска Ассизского» (рус. пер. А.П.Печковского — М., 1913; репринтное воспроизведение — М., 1990).

430. Черновой автограф, без загл., с датой: 30 июня <1920> — РТ-2. Многочисленные параллели — в ст-нии А.Блока «Равенна». *Строфы Данте Алигьери*. По предположению комментаторов ССт, имеется в виду «Рай», песнь IV, 61—63 и далее. Данте жил в Равенне с 1317 г. *Восторженного патриота*. Имеется в виду Гарибальди (жил в Равенне в 1849). *Аполлинарий и Виталий* — первый равеннский епископ и святой покровитель Равенны.

431. Черновой автограф с датой: июнь <1920> — РТ-2. Согласно списку РТ-2, написано 16 июня 1920.

VII. СНЫ

432. Черновой автограф, без загл. и посвящ., с датой: июль

19<20> — РТ-2 По списку РТ-2 — 14 июля 1920. В черновике между ст. 12 и 13 незаконченное четверостишие

Другое солнце светит,
Другая бьет вода,
.....
..... иногда.

Блох Яков Ноевич (1892—1968) — издатель, владелец изд-ва «Петрополис» (подробнее об этом предприятии см.: Лозинский Г.Л. *Petropolis* // *Временник Общества друзей русской книги*. Париж, 1928. Кн. II). См в его устных воспоминаниях: «Из кооператива родилась мысль об издательстве, была создана литературная комиссия, в которую вошли проф. Д.К. Петров, Г.Л. Лозинский, А.Каган, М.Кузмин и я. М.А.Кузмин очень быстро привязался ко мне и к моей жене, каждый вечер появлялся он в нашей семье, и мы усаживались играть с увлечением в «короли» — времяпрепровождение, очень мало, казалось бы, соответствующее облику Кузмина как эротического поэта» (Офросимов Ю. О Гумилеве, Кузмине, Мандельштаме... Встреча с издателем // «Новое русское слово». 1953, 13 декабря. Цит. по пред. Дж. Малмстада к письму Кузмина к Блоху // *Венский сборник*. С. 173). «Петрополис» издал много книг Кузмина как в России, так и позже, в Берлине. Подробнее см.: Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис»: Новые материалы по истории «русского Берлина» // «Русская литература». 1991. № 1. *Под коллаком стеклянным* и т.д. Сюжет стихотворения заимствован из рукописи XVIII в. «О философических человечках, — что они суть в самом деле и как их рождают?» (Пыпин А.Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 495—497). Подробнее см.: СМ. С. 151—158. Ср. также ст-ние 440 и примеч. к нему.

433. Черновой автограф, без загл. и посвящ., с датой: июль <1920> — РТ-2. По списку РТ-2 — 21 июля 1920. Блох Елена Исааковна — жена Я.Н.Блоха (см. о нем примеч. 432). *Погросток В голубой косоворотке* — Амур.

434. В списке РТ-2 дата — 9 декабря 1920. Рассказ о *лещных отроках* — см.: Дан. 3, 1—30.

435. Черновой автограф, без загл. и посвящ., с датой: август 1920. В списке РТ-2 дата — 15 августа 1920. В РТ-2 также имеется вариант начала стихотворения под загл. «Рождение любви»:

Разбег широких теплых волн расходится
До [плоских] берегов пополненного озера,
Кругами отразясь на сердце зеркальном
Периною <пропуск в рукописи> гора в груди.

Ст. 85: «Лоно земное пламенно взрыто», что, возможно, является подлинным текстом. Ст. 108: «Хороводит ход планет». Ср. «Я не считаю себя пупом земли, но внешняя жизнь такова, что отсекает

разные земные пристрастия. Сначала половые, направляя все на еду. А теперь и еду. Я думал сначала, что это импотенция, но нет. Просто поставлено на десятое место. Конечно, большевики тут ни причем, и все равно прокляты и осуждены, но подневольный режим делает свое дело. Жестокое, но, м(ожет) б(ыть), благотворительное» (Дневник, 27 мая 1920). Арбенина-Гильдебранд Ольга Николаевна (1897—1980) — актриса и художница, многолетняя спутница Ю.Юркуна. Их роман начался в самом конце 1920 г. (см. примеч. 468), так что посвящение явно добавлено позднее. Подробнее о ней см.: Художники группы «Тринадцать»: Из истории художественной жизни 1920—1930-х годов. М, 1986. С. 152—156; Кузмин и русская культура. С. 244—256; ее воспоминания «М.А.Кузмин» см.: Лица: Биогр. альманах. М; СПб, 1992. Вып. 1 (публ. М.В.Толмачева, пред. и комм. Г.А.Морева). *Ливан* (в значении «ладан») и *звезда* — явная отсылка к легенде о поклонении волхвов. См. в записи Кузмина: «Когда я говор<ил> Юр<куну> о стих. «Рождение Любви» и о волхвах, он словно испугался ереси, но мне чувствуется, что это напрасные опасения». *Голистан* — сборник ст-ний персидского поэта Саади. *Линцей* — рулевой на «Арго» в легенде об аргонавтах, но одновременно и дозорный Фауста во второй части поэмы Гете *В хаосе близко дыхание творца*. См. об Эросе в романе «Златое небо». «Многие считают его древнейшим разделителем хаоса, отцом гармонии и творческой силы» (Абр. Вып. III. С. 10). *Всех богов юнейший И старейший всех богов*. В этих словах слиты два облика Эроса: традиционный мальчик с луком — и один из древнейших (по Гесиоду) или самый древний (по Пармениду) из богов.

ПАРАБОЛЫ

Стихотворения 1921—1922

Печ по единственному прижизненному изданию, вышедшему в Берлине, в изд-ве «Петрополис», в декабре 1922 г. с пометой на титульном листе: 1923. Книга дошла до Кузмина с большим опозданием, лишь 14 октября 1923 г. он записал в Дневнике: «У Радловых тихо, холодновато, чуть-чуть кисло. Был Ник(олай) Эрн(естович Радлов) и Бор. Папаригопуло. Смотрели «Параболы». Кажется, книга слишком почтенна и отвлеченна». Очевидно, такая задержка книги была вызвана если не официальным запрещением, то нежеланием впускать сборник, изданный за границей, в СССР. 15 декабря 1923 г. Кузмин записал в Дневнике: «Ходил к Ионову. „Параболы“ разрешены и есть (где?)» (Ср также в письмах Кузмина к В В Руслову от 1 марта и 27 мая 1924 г. // Кузмин и русская культура. С. 181, 189 / Публ. А.Г.Тимофеева). 17 марта 1924 г. он писал Я.Н.Блоху: «Потом, относительно «Парабол». Ионов меня уверял, что они не запрещены (чему я, по правде сказать, не очень-то верю), а между тем их нигде нет и не было. <...> «Парабол» все жаждут Мне лично не очень нравится внешний их вид, очень «цеховой», и потом

масса опечаток, пропущены целые строчки» (Венский сборник. С. 175 / Публ. Дж. Малмстада). Эти опечатки исправляются нами на основании поправок Кузмина в одном из экземпляров «Парабол», воспроизведенных в комментариях к ССт. Помимо того, в примечаниях отмечаются расхождения между текстом книги и ее оглавлением, где некоторые стихи обозначены заглавиями, отсутствующими в тексте. В основной текст эти заглавия не введены, т.к. у нас нет полной уверенности, что такова была авторская воля поэта.

В 1924 г. Кузмин задумал переиздать книгу в Ленинграде, в изд-ве «Академия», о чем появился анонс в сборнике «Новый Гуль», а в конце этого же года предложил Я.Н.Блоху выпустить второе издание «Парабол». На основании этого мимолетного плана А.Г.Тимофеев попытался реконструировать «Ленинградские Параболы» (см.: Арена. С. 403—406), что, с нашей точки зрения, выглядит убедительно.

I. СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

436. В П ст. 7: «Зодиакальным пламенем». По списку РТ-2 дата — август 1922.

437. В П ст. 5: «Обречена Христу Екатерина». Черновой автограф с датой: май 1921 — РТ-2. *Екатерина* — здесь может быть как св. Екатерина Александрийская (ум. 307), так и св. Екатерина Сиенская (1347—1380), в жизни которых были «обращения» с Христом, однако значительно вероятнее, что речь идет о второй из них, чьи сочинения Кузмин изучал в 1898 г. См. письмо к Г.В.Чичерину от 28 августа этого года (РНБ, арх. Г.В.Чичерина; отрывок из него с подробным комм. см.: Арена. С. 407) и помету в записной книжке о чтении «Писем св. Катерины Сиенской» в сентябре—декабре 1898 г. (РГАЛИ).

438. Черновой автограф, без посл. строфы, под загл. «Промедление» — РТ-2. По списку РТ-2 дата — май 1921. *Скороход Беноццо Гоццолы* — фигура на фреске «Шествие волхвов» работы Беноццо Гоццолы (1420—1497). Однако там он вовсе не «задремал», а движется. Представляется справедливым толкование комментаторов ССт: в ст-нии рисуется картина, которая только произойдет в будущем: задремлет скороход, кони будут стреножены, воины заснут, дряхлея во сне и ожидая воскресения.

439. «Москва». 1922. № 5, с разночтением в ст. 11: «Память пачули! Откровений клад». Беловые автографы: РГБ, арх. С.А.Абрамова; ГАМ.

440. «Искусство» (Баку). 1921. № 2/3. Беловой автограф — РГАЛИ. Черновой автограф с датой: 24 мая <1921> — РТ-2. Первоначальный вар. ст. 3—4:

Заключив их в сосуде <плотно>,
До рассвета в покой отнесу,
Как дары святые несут.

Ст. 7—8: «Свиваются планеты в браке И охраняют мой обряд». *Планеты заключают браки* — указание на алхимическую природу действия. *Всё, что от смерти, ляг и дно* и т.д. Многие реалии ст-ния восходят к розенкрейцерскому тексту, указанному в примеч. 432. Подробнее см.: Сим. С. 151—158.

441. Черновой автограф — РНБ, арх. М.Половцева (см.: Сажин Валерий, *Тысяча мелочей* // НЛО. 1994. № 7. С. 231), с датой: 3 февраля 1922. *Голова Орфея*. По наиболее известной легенде об Орфее, после того как он был разорван менадами, его голову бросили в реку и она, плавая, пела (Овидий. «Метаморфозы», кн. XI).

442. Черновой автограф с датой: 20 апреля 1922 — РТ-2.

443. Черновой автограф — РТ-2. Комментаторы ССт указывают, что моцартовские мотивы переплетены в ст-нии с мотивами «Орфея» Глюка. *Таро* — см. примеч. 371.

444. Два черновых автографа — РТ-2. Первый представляет собою иной вариант начала:

И я на лодочке катался,
Не греб, а сладко целовался,
И месяц медленно качался
Над нами в летней синеве.

Второй датирован: июнь 1922. В огл. П названо «Мы на лодочке катались» (так же — в списке РТ-2). В тексте П в ст. 70 «Выга» набрано со строчной буквы, ст. 117: «В Нижнем контрасты, другие», ст. 122: «Что Стенькин курган». непосредственный повод к созданию ст-ния фиксируется записью в Дневнике: «Пронзила меня песня, что из Архангельска привезла О.А. <Глебова-Судейкина>: „Хулитанская“. Романтизм вроде Достоевского:

— Мы на лодочке катались...
Вспомни, что было!
Не гребли, а целовались...
Наверно, забыла.

Все, все, и относящееся, и прошлое, и небывшее вспомнил. И Нижегородские леса, и Павлик <Маслов>, и Князев, и Юроч <кино> начало» (11 июня 1922; опубл.: Кузмин и русская культура. С. 190. Там же — сходная запись 1919 г.). *Глебова-Судейкина* Ольга Афанасьевна (1885—1945) — первая жена С.Ю.Судейкина, актриса и художница. Подробнее о ней см.: Мок-Бикер Э. «Коломбина десятых годов». СПб., 1993. *Романист, поэт и композитор* — Ю.И.Юркун, Кузмин и Артур Сергеевич Лурье (1892—1966). Последний свидетельствовал, что «поэма» «написана о нас троих» (Лурье А. *Ольга Афанасьевна Судейкина* // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. Кн. V. С. 142). *Китежа звуки*. Очевидно, имеется в виду не сам легендарный город Китеж, а опера учителя Кузмина по консерватории Н.А.Римско-

го-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии», т. к., согласно преданию, колокольный звон из затонувшего в озере Китежа слышится летом, а не на «зимней заре». *Печора* — река, на которой был расположен Пустозерск, одна из святынь старообрядчества. *Коневец Корельский* — Рождественский монастырь на острове Коневец в Ладожском озере. *Синий Саров* — Саровская пустынь в Тамбовской губ., место подвижничества св. Серафима Саровского (1760—1833). *Запретный*. Имеются в виду старообрядческие и сектантские святыни, в том числе *Выг* — река в Олонецкой губ., один из центров старообрядчества. *Подпольники, хлысты и бегуны* — различные секты. *И в гальных плавнях зажиwo могилы* Речь идет о случаях самозахоронения сектантов в днестровских плавнях около Тирасполя (см.: Розанов В. Темный лик: Метафизика христианства // Розанов В. В. [Сочинения]. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 460—541; см. также: Нехотин В. В. Из реального комментария к стихотворениям Кузмина // *De Visu*. 1994. № 1/2. С. 68). «*Аще забуду Тебя?*». См.: «Как нам петь песнь Господню на чужой земли? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя» (Пс. 136, 4—5). *Неожиданно и смело* См.: «Неожиданный и смелый Женский голос в телефоне» (Н. С. Гумилев, «Телефон», 1916, по некоторым сведениям, обращено к О. Н. Арбениной). «*Весь Петербург*» — ежегодный адресный справочник. *Стенькин утес*. См. в песне на стихи А. А. Навроцкого: «Есть на Волге утес» (Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 2. С. 173, 413). *Альбер* — известный петербургский ресторан (Невский, 18), упоминающийся в ст-ниях Кузмина неоднократно. См. также ст-ния 524—530 (3) и 634—637 (1).

445. «Россия». 1922. № 1, август, без посвящ., под загл. «Сердце» (так же — в огл. П., автографе и списке РТ-2). В тексте П ст. 11: «Безглазые в вам дарую зренье», ст. 13: «Слепое пламя, вам дано приблизиться», ст. 26: «Причудливых мозговых частиц». Черновой автограф — РТ-2. *Раглова Анна Дмитриевна* (1891—1949) — поэтесса и переводчица, с которой Кузмин был дружен, высоко ценил ее поэзию (см.: Кузмин М. Условности. Пг., 1923. С. 169—176). Ст. 3—7 — ср.: Иезек. 37, 1—14, особ. ст. 11—12: «И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии — весь дом Израилев. Вот, они говорят. «иссохли кости наши, и погибла надежда наша» мы оторвались от корня». Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и введу вас в землю Израилеву». *Мишенька* — не только царевич Дмитрий, но и сын А. Д. Радловой. «*Живоносный Источник*» см.: Иезек., гл. 47, а также название иконы Богоматери.

446. Абр. [Вып. 1], под загл. «Артезианский колодец» (так же в огл. П) и с посвящ. Оресту Тизенгаузену. В тексте П ст. 1: «В степи ковыленной», ст. 15: «И чудеснее Божьих молний». Разночтения в Абр. совпадают с исправлениями в тексте П. В основе ст-ния — предания о людях, владеющих способностью отыскивать подземные воды с помощью орехового прутика. *Тизенгаузен Орест* — литератор. Подробнее о нем см. в комм. Г. А. Морева: Лица: Биографический альманах. М., СПб., 1992. Вып. 1. С. 287.

447. Абр. [Вып. 1], под загл. «Муза орешина» (так же и в огл. П; по списку РТ-2 — «Орешина»), с посвящ. Оресту Тизенгаузену (в автографе вписано карандашом), ст. 15—16, 17—18, 19—20 и 23—25 попарно (в последнем случае — три стиха) соединены в одну строку. Черновой автограф — РГАЛИ. См. примеч. 446 (по списку РТ-2 в мае 1922 г. друг за другом следуют ст-ния 447 и 446). В автографе после ст 31 было (впоследствии зачеркнутое): «Стой!». *Медь — ей металл*. Согласно алхимическим представлениям, планете Венере соответствует медь.

448. Абр. [Вып. 1], под загл. «Новый Озирис» (так же — в огл. П и в беловом автографе). В тексте П ст. 17: «Куски разрубленные вместе слагает». Беловой автограф — РНБ. Черновой автограф — РТ-2. В обоих автографах между ст. 38 и 39 был еще один. «Ликом Творца живет» (не исключено, что его пропуск — след цензурного или автоцензурного вмешательства, не замеченный автором при подготовке неподцензурного издания П). В черновом автографе между ст. 32 и 33 первоначально был еще один: «Евое! воскрес! воскрес!». Ст-ние основано на мифе об *Изиде* (Исиде), собирающей части тела растерзанного *Озириса* (Осири-са). *Жница*. Исиде была покровительницей земледелия.

II. ПЕСНИ О ДУШЕ

449. По списку РТ-2 — июль 1921. *Злаченный небосклон* — ср. название неоконченного романа Кузмина о Вергилии «Златое небо».

450. Литературная мысль. Пг., 1922. Альм. 1, под загл. «Вышивальщица», как второе ст-ние в цикле «Душа». Беловой автограф цикла — РГАЛИ. По списку РТ-2 (без загл.) — август 1921. Общее настроение ст-ния сопоставимо с записью в Дневнике от 30 августа 1921 г.: «Тепло. Слухи. Аресты. Расстрелы. Такой уж беспокойный город. Но я как-то не волнуюсь и не надеюсь». *Ширинка* (укр.) — полотенце. *Кунтуш* — старинная польская одежда.

451. Там же, под загл. «Бегущая девочка» (так же в огл. П, автографах, списке РТ-2), как третье ст-ние в цикле «Душа». Беловой автограф — РГАЛИ. Черновой автограф — РНБ, арх. М.Половцева (см. статью В.Сажина, указ. в примеч. 441). По списку РТ-2 дата — июль 1921. *Манатья* — монашеское одеяние. *Пробежала полсотни лет*. Ст-ние создавалось, когда Кузмин близился к пятидесятилетию.

452. «Новости». 1922, 19 июня. Черновой автограф — РНБ, арх. М.Половцева (см. примеч. 441), с датой: 22 февраля 1922. По списку РТ-2 дата — февраль 1922.

453. Литературная мысль. Пг., 1922. Альм. 1, как первое ст-ние цикла «Душа». Беловой автограф — РГАЛИ. Черновой автограф с датой: август 1921 — ИРАИ, Р 1. *Ариагна* — дочь царя

Миноса и сестра Феды, спасла Тезея в лабиринте. Впоследствии стала женой бога Диониса.

454. «Жизнь искусства». 1922. № 1, ноябрь (не путать с ЖИ; подробнее см.: Дмитриев П.В. Об одном редком петроградском издании начала 20-х гг. // НЛО. 1993. № 2. С. 215—218). По списку РТ-2 дата — сентябрь 1922. Параллели к ст-нию — в цикле «Форель разбивает лед».

III. МОРСКИЕ ИДИЛЛИИ

О ст-ниях этого раздела см.: «...цикл „Морские идиллии“ в „Параболах“ почти целиком навеян вагнеровским „Тристаном и Изольдой“» (Шмаков Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Венский сборник. С. 33).

455. Черновой автограф с датой: 7 июня <1921> — РТ-2. О содержании ст-ния см.: «...смертельно раненный Мелотом Тристан находится в Бретани в своем родовом имении Кареоль и лежит под тенью липы в ожидании Изольды. В головах у него сидит его друг и наперсник Курвенаал, неотрывно следящий за дыханием умирающего Тристана. За оградой сада пастух, выстрагивающий в морской дали корабль Изольды, выводит на окарине печальный напев» (Шмаков Г. Цит. соч. С. 33).

456. Черновой автограф, без загл., с датой: 7 мая 1922 — РТ-2. Кельтическая Ярославна — Изольда, отождествленная с героиней «Слова о полку Игореве» (см.: Шмаков Г. Цит. соч. С. 34; Гаспаров В.М., Гаспаров М.Л. К интерпретации стихотворения М.Кузмина «Олень Изольды» // Кузмин и русская культура. С. 48—49). Св. Михаил является покровителем рыбаков.

457. Черновой автограф под загл. «Морская идиллия» — РТ-2. В нем ст. 1: «Не видно больше кораблей». Эпосу поэз. По мнению Г.Г.Шмакова, это восклицание смоделировано «по аналогии с дикарскими выкриками в сольных партиях вагнеровских героинь — «иозй» кричит Зента в „Летучем голландце“» (Шмаков Г. Цит. соч. С. 34).

458. Часы. Пб., 1922. Час I. Черновой автограф — РТ-2. В списке РТ-2 — под загл. «Спарта». Латона (рим. миф.) — соответствует греческой богине Лето, матери Аполлона и Артемиды, покровительницы Спарты.

459. Черновой автограф, под загл. «Морская идиллия I», с датой: август 1921 — ИРЛИ, Р I. Птоломея Филадельфа фарос — одно из семи чудес света, Александрийский маяк, построенный в конце III в. до н.э. при Птоломее II Филадельфе на острове Фарос. Далек еще летел. Отсылка к преданию об отречении Петра (см. примеч. 422). Веще семя, Летучее бремя. См. ст-ние 488. Торюк — «ток божественного или ангельского слуха, изобра-

жаемый на иконах в виде излучистой струи, тока, лучей» (Словарь В.И. Даля).

IV. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ

Раздел построен как рассказ Ю.И.Юркуну о воображаемом совместном путешествии Кузмина с ним по Италии, где Юркун никогда не был.

460. Черновой автограф под загл. «Вступление» — РТ-2. *Хоть вы и похожи порою на Бердсли. Отождествление может быть вызвано не только портретным сходством Юркуна с О.Бердсли, но и тем, что Юркун был рисовальщиком. Кузмин переводил стихи Бердсли (см.: Бердслей Обри. Избр. рисунки. М., 1912). Бегекер — популярный путеводитель.*

461. В огл. П названо «Флорентийское утро» (так же и в списке РТ-2 с отнесением к маю 1921). Черновой автограф с датой: апрель 1921 — РГАЛИ. *Or San Michele* — церковь во Флоренции на улице Calzaioni, в наибольшей степени сохранившая византийское влияние. См. также ст-ние 7 из цикла 146—154.

462. «Накануне». Лит. прил. № 35 к номеру от 14 января 1923 с разночтением в последнем ст.: «К весенней, утренней заре!». Черновой автограф, под загл. «Вергилий», с датой: 30 апреля 1921 — РТ-2. См.: «Родился он <Вергилий> в Гальской провинции, близ Мантуи, там, где Минчо, донеся из озера Гарда зеленоватые воды, растекается медленной болотистой заводью среди заливных лугов и яблочных садов» (Кузмин М. Златое небо: Жизнь Публия Вергилия Марона, Мантуанского кудесника // Абр. Вып. III. С. 5). В ст-нии Вергилий предстает в двух обликах: мага и водителя Данте по загробному царству.

463. Черновой автограф, без загл., с датой: 29 апреля 1921 — РТ-2. По списку РТ-2 дата — май 1921. См. примеч. 429.

464. Черновой автограф, без загл., с датой: май 1921 — РТ-2.

465. Черновой автограф, без загл., с датой: апрель 1922 — РТ-2. *Дездемонина светлица* — т. н. «дворец Дездемоны» на Большом Канале в Венеции. *Данголо* — знаменитый венецианский род, давший нескольких дождей. *Пог навесом погребальным* — т.е. под навесом гондолы. Венецианские гондолы выкрашены в черный цвет.

466. Черновой автограф с датой: май 1921 — РТ-2. Ст-ние построено на образах, встречающихся в рисунках на стенах римских катакомб, большая часть которых расположена близ Via Appia. См. в письмах Кузмина к Г.В.Чичерину от 12 апреля 1897 г.: «Колизей и Via Appia — это огромные навсегда впечатления; это — лучше всего», и от 16 апреля 1897 г.: «...исключителен по интересности христианский музей при St. Jean de

Latean; чудные саркофаги, барельефы, совсем особый мир. И какой новый свет для меня на 1-ое христианство, кроткое, милое, простое, почти идиллическое, соприкасающееся с античностью, немного мистическое и отнюдь не мрачное: Иисус везде без бороды, прекрасный и мягкий, гении, собирающ^(ие) виноград, добрые пастыри; есть саркофаг с историей Ионы, чистый шедевр грации и тонкости. И катакомбы — только обычай; есть языческие подземные гробницы и еврейские катакомбы, ничем не отличающиеся от христианск^(их), и богослужение совершалось там только по необходимости, во время гонений, а не из склонности к мрачной обстановке» (РНБ, арх. Г.В.Чичерина). *Белые лани*. См.: Пс. 41, 2. См. также примеч. 524—530 (2). *Сирена* — частое изображение на саркофагах, в т.ч. на раннехристианских. *Святой Калликт* — римский епископ нач. III в., в 218 г. был избран папой; его имя носит одна из катакомб. *Мег, Орфей, Добрый Пастырь* — символические обозначения Христа. Подробнее см.: Доронченков И.А. Орфей в раю: Стихотворение М.Кузмина «Катакомбы» и живопись раннехристианских подземелий // «Russian Studies». 1995. Т.1. № 2.

V. ПЛАМЕНЬ ФЕДРЫ

467. Два беловых автографа — РГАЛИ; ИРЛИ, арх. Н.Н Ильина, с надписью: «Николаю Николаевичу Ильину на добрую память о нашей встрече. М.Кузмин. 1922. Октябрь» (автограф неполный, ст. 1—24 и 115—123). Черновой автограф с датой: 28 мая 1921 — РТ-2. В нем между ст. 28 и 29: «Любовница рока горного». В тексте П ст. 100: «Зачем же тусклый и тягостный обман». Ст. 98 исправлен по автографам (в тексте П. «Получишь в оплату»). См.: «Написал я „Федру“» (Дневник, 28 мая 1921). Ст-ние, очевидно, связано с переживаниями Кузмина в мае 1921 г.: «Печальный день сегодня. Юр. <Юркуна> я совсем не выдаю, у него все больше выступает нравств^(енная) распущенность, неделикатность, болтанье и какое-то хамство от влияния О.Н. <Арбениной>. Она милый человек, но гимназистка и баба в конце концов. „И лучшая из змей есть все-таки змея“» (Дневник, 16 мая 1921). *Федра*, отождествляемая здесь с Афродитой и обретающая ее атрибуты, связана с другими персонажами ст-ний Кузмина начала двадцатых годов: она дочь Пасифаи (ст-ние 412) и сестра Ариадны (ст-ние 453). *Сквозь страстных туч*. Ср.: «И сквозь опущенных ресниц Угрюмый, тусклый огонь желанья» (Ф.И.Тютчев, «Люблю глаза твои, мой друг ..»). *Покрывал пена Тяжка страсти*. См. пер. О.Э Мандельштама строк из «Федры» Ж.Расина: «Как этих покрывал и этого убора Мне пышность тяжела среди моего позора!». Семела — см. примеч. 412. *Ипполит* — сын Тезея, почитатель Артемиды, навлекший этим на себя гнев Афродиты и по ее наущению погубленный Федрой. *Вилли Хьюз*. В рассказе О.Уайльда «Портрет мистера В.Х.» так расшифровывается лицо, которому посвящены сонеты Шекспира. Он представляется мальчиком-актером шекспировского театра. *Гонец крылатый* — Эрос (ср. загл. сборника стихов А.Д.Радловой «Крылатый гость»). *Флорентийский гость*. Не лишено вероятия, что имеется в виду следующая ситуация: «Рим меня опьянил; тут я увлекся lift-boу'em Луиджино, которого увез

из Рима с согласия его родителей во Флоренцию, чтобы потом он ехал в Россию в качестве слуги» (Кузмин и русская культура. С. 152). *Пятидесятница* — см. примеч. 232. В день Пятидесятницы свершилось сошествие Св. Духа на апостолов. К параллелям между «Пламенем Федры» и ст-нием 422 см.: Фрэнсер Дж. Золотая вствь. М., 1986. С. 12—13.

VI. ВОКРУГ

468. ЖИ. 1922, 3 января, с датой: январь 1921. Ст-ние связано с началом отношений Ю.И.Юркуна (см. примеч. 245—257) и О.Н.Арбениной (см. примеч. 435), о котором Кузмин записывал в Дневнике: «Юр. все сидел и Бог знает что продельвал с Арбениной. Я стоял у печки. Потом настал мрак. <...> Ревную ли я? м<ожет> б<ыть>, и нет, но, во всяком случае, видеть это мне не особенно приятно» (30 декабря 1920; отсюда в ст-нии — *новогодняя звезда*) и далее: «У Юр., как я и думал, роман с Арб<ениной> и, кажется, серьезный. Во всяком случае, с треском. Ее неминуемая ссора с Гумом и Манделем <Н.С.Гумилевым и О.Э.Мандельштамом> наложит на Юр. известные обязательства. И потом сплетни, огласка, сожален<ия> обо мне. Это, конечно, пустяки. Только бы душевно и духовно он не отошел...» (4 января 1921). «Юр. привел Арбенину. Она боялась войти. <...> Неудобно им, бедняжкам. Написал стихи им» (5 января 1921).

469. Беловой автограф, без загл., с датой: апрель 1921 — РГАЛИ. Беловой автограф, без загл., с посвящ.: «А.Д.Радловой» и с датой: 28 апреля 1921 — ИРЛИ, альбом А.Д.Радловой (указано А.Г.Тимофеевым). Черновой автограф без загл. — РТ-2. *Радлова А.Д.* — см. примеч. 445. «*Вселенская весна*» — загл. раздела в книге Радловой «Корабли» (Пг., 1920).

470. В тексте П ст. 22: «Духовными словами питались», ст. 38 отсутствует, ст. 42: «Смотря на телесное, летучее солнце». Черновой автограф — РТ-2. *Ходовецкий* — см. примеч. 405. *Белокурая Тамара* — Т.М.Персиц (см. преамбулу к разделу «Стихи об Италии» в сборнике «Нездешние вечера»). *Другая Тамара* — Т.П.Карсавина (см. примеч. 410). См. в Дневнике 28 мая 1922 г.: «Читал стихи о Карсавиной. О.Н.<Арбенина> чуть не умерла от зависти и ревности. Утешилась тем, что и Тяпа <Т.М.Персиц> обижена мною, а Карсавина не послала мне посылки».

471. Петербургский сборник. Пб., 1922, под загл. «Рожденье», с разночтением в ст. 6: «Прорежет глennую утробу». Черновой автограф без загл. — ИРЛИ, Р I. *Маги* — здесь: волхвы.

472. Зеленая птичка. Берлин; Пб., 1922, под загл. «Пролог» (объясняется тем, что непосредственно после данного ст-ния следует пьеса К.Гощи «Зеленая птичка» в пер. М.Л.Лозинского), с датой: ноябрь 1921, с разночтением в ст. 3: «Тех „Птичкою зеленой“». См.: «Написал пролог к «Зел<еной> птичке»» (Дневник, 14 ноября 1921). Черновой автограф — ИРЛИ, Р I. Строфа 3

построена на образах и ситуациях из пьесы Гюгю. Эрнест Амедей — Гофман. *Сапогей кот принес...* — отсылка к пьесе-сказке Л.Тика «Кот в сапогах». Доктор *Дапертутто* — псевдоним В.Э.Мейерхольда, взятый из «Истории об утраченном отражении» Э.Т.А.Гофмана.

473—475. 1. Мухомор. 1922. № 11, октябрь, под загл. «Пьяная осень». Черновой автограф под загл. «Англ<ийская> осень», с датой: июль 1922 — РТ-2.

2. Мухомор. 1922. № 12, ноябрь. Черновой автограф — РТ-2. По списку РТ-2 дата — июль 1922.

3. Там же. Черновой автограф — РТ-2. По списку РТ-2 дата — июль 1922.

476. ЖИ. 1921, 9—14 августа, под загл. «В былом Поволжье». Черновой автограф — РНБ, арх. М.Половцева (см. примеч. 441). В списке РТ-2 — под загл. «За Волгой», с датой: июль 1921. «Меркурий» — обиходное название пароходной компании «Кавказ и Меркурий». «Мимо сага ходит Стенька» — из песни «Зазноба» на стихи Д.Н.Садовникова (Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 2. С. 247).

477. «Накануне», лит. прил. № 34 к номеру от 14 января 1923. Черновой автограф с датой: май 1921 — ИРЛИ, Р I. По списку РТ-2 дата — июль 1921.

478. «Новая Россия». 1922. <№ 2>. Черновой автограф с датой: июнь 1921 — РТ-2.

479. Черновой автограф с датой: май 1921 — РТ-2.

VII. ПУТИ ТАМИНО

Тамино — один из главных героев оперы Моцарта «Волшебная флейта», которую Кузмин переводил на русский язык. В стихах этого раздела нередко встречается масонская символика, соответствующая символике оперы.

480. «Искусство» (Баку). 1921. № 2/3. — «Новая Россия». 1922. <№ 2>, под загл. «Летучее дитя», без подзаг., с разночтением в ст. 22: «Летучее дитя» и с примеч.: «Стихотворение имеет в виду оперу Моцарта „Волшебная флейта“, где „летающие мальчики“ проводят героев — Тамино и Памину». В тексте П ст. 12: «Жилищ волшебных стран» (исправление Кузмина совпадает с журнальным текстом). Черновой автограф, без загл., с датой: июнь 1921 — РТ-2.

481. Черновой автограф без загл. и посвящ. — РТ-2. По списку РТ-2 дата — июнь 1921. *Демимонг* — полусвет. *Строки вашей повести* — может иметься в виду как повесть Юркуна «Туманный город» (см. комм. А.Г.Тимофеева // Арена. С. 424), так и «Повесть о многомиллионном наследстве. Сон» (см. комм.

А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика // Избр. произв. С. 544). *Ангел-англичанин* — см. ст-ние 610. *Веточка в стакане, кристаллическая соната, кресло* — из различных итальянских ст-ний Кузмина (см. ст-ния 461, 460, 426). *Бердсли* (и рифма «кресле — Бердсли») — см. ст-ние 460.

482. «Накануне», лит. прил. № 35 к номеру от 14 января 1923. Черновой автограф с датой: апрель 1922 — РТ-2.

483. «Новый путь» (Рига). 1921, 16 октября. В огл. П и списке РТ-2 — под. загл. «Блаженные роши». Беловой автограф с датой: июнь 1921 — РГАЛИ. Черновой автограф с той же датой — РТ-2. В недоступном нам автографе (ССт. С. 685) дата — 7 июля (возможно, дата записи). Ст-ние основано на образах оперы Глюка «Орфей и Эвридика» — возможно, в переплетении с «Волшебной флейтой». См.: Кузмин М. Условности. Пг., 1923. С. 49—58.

484. В огл. П, списке РТ-2 и беловом автографе РНБ — под загл. «Иона». Черновой автограф — РТ-2. Легенда об Ионе — Кн. пророка Ионы, гл. 2. Однако, по представляющейся справедливой догадке комментаторов ССт, *Левиафан* отсылает к метафоре одноименной книги Т.Гоббса: *Левиафан* — государство. Потому и Иона, от имени которого ведется рассказ, — не странник и пророк, а обыватель.

485. Черновой автограф без загл. — РТ-2. *Первый Агам* — см.: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: „первый человек Адам стал душою живущею“; а последний Адам есть дух живоворящий» (1-е Кор. 15, 44—45). См. также комм. А.Г.Тимофеева (Арена. С. 426). *Иони* (инд. миф) — символ женского начала, изображавшийся в виде женских гениталий. *Иоанн Иорганских струй* — Иоанн Предтеча. *Маргарита морей* — жемчуг. Ср. цикл ст-ний Вяч. Иванова «Золотые завесы» с анаграммируемым в нем именем «Маргарита». Для Кузмина было важно, что этот цикл в поэзии Иванова параллелен циклу «Эрос» с откровенно гомосексуальной подкладкой. *Воля* — согласно герметической доктрине, первый бог, отец Разума. *Дельфийская дева* — сивилла из наиболее известного в античности Дельфийского оракула. Ср.: «Мы подходим к основному источнику всякого искусства — чисто женскому началу Сибилинства, Дельфийской девы — пророчицы, вешуньи» (Кузмин М. Условности. Пг., 1923. С. 173). *Ствал богоносный* — очевидный фаллический символ.

486. «Современное обозрение». 1922. № 1. По списку РТ-2 дата — август 1922. *Озеро, колокола, подводные трубы* — очевидные образы, связанные с Китежской легендой, действие которой, однако, перенесено в Псковскую губ. (в раннем Дневнике Кузмин не раз обсуждает возможность переезда из Петербурга во Псков). Вероятно, в связи с этим не лишне будет отметить, что в конце июля 1922 г. Кузмин получил ранее утраченные письма Г.В.Чичерина, где обсуждаются проблемы ухода из петербургской жизни, и перечитывал их (Дневник). *Петербургский бурый*

пар — ср.: «Желтый пар петербургской зимы...» (И.Ф.Анненский, «Петербург»).

487. Черновой автограф с датой: май 1922 — РТ-2. В тексте П ст. 35: «На персях у персидского Персея», ст. 46: «Гласящую: конец второго тома». О подтекстах ст-ния см.: Ronen O. A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth-Century Russian Lyrical Poetry // *Myth in Literature*. Columbus (Ohio): 1985. P. 114—116; СиМ. С. 158—162. *Конец второго тома*. Название связано со вторым томом лирики А Блока (ср. пейзаж ст. 12—17), но одновременно и со «вторым томом» Библии — Новым Заветом. В этом контексте «конец второго тома» означает приближающееся наступление царства Третьего Завета. Элиза — по предположению О.Ронена — героиня не названного им романа Н.Ретиф де ла Бретона. Более вероятным кажется предположение, что это — героиня выдуманного сентиментального романа из пушкинского «Графа Нулина» [см. примеч. 14—23 (10)]. Элизиум — вероятно, отсылка к первой строке ст-ния Ф.И.Тютчева: «Душа моя, элизиум теней». *Стаи жирных птиц*. По предположению О.Ронена, отсылка к роману А.Франса «Остров пингвинов», к переводу которого (Пг., 1919) Кузмин написал предисловие. «Ашанта бутра, первенец Первантра». Глоссологическая фраза, подражающая санскриту (за разъяснение приносим благодарность В.Н.Топорову). Библейские тексты, входящие в подтекст ст-ния, — Быт. гл.1; 2-я Парал гл. 32, Дан , гл.5; Откр. 8, 6—13; Ин. 19, 27.

VII. ЛЕСЕНКА

488. Абр. Вып. 2, без посвящ., с многочисленными мелкими различиями, без ст. 165. -- Завтра. Берлин, 1923, без посвящ. В тексте П. ст. 150: «Отвечали плачем Мерлиновы», ст. 161: «Бесплодие! Бесплодие!», ст. 171 отсутствует (восстанавливается нами по тексту Абр). Черновой автограф, под загл. (как и в списке РТ-2) «Морские братья» — ИРЛИ (указано А.Г.Тимофеевым). По списку РТ-2 дата — октябрь 1922. *Лесенка* — см.: «Образ лестницы у Кузмина почти наверняка взят из „Пира“ Платона (где в делах любви предписывается движение ввысь), но переключается эта лестница и с масонскими тремя ступенями, и в меньшей степени, с алхимической и орфической символикой (а также с лестницами на римских могилах) — и содержит отголоски лестниц египетского бога Горуса и библейского Иакова» (ССт. С. 689). См. также: Топоров В.Н. Лестница // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2. С. 50—51. *Золото Рейна* — название оперы Р.Вагнера. *Летучее семя* — из учения Базилида (см. примеч. 414). *Бросельяна* — волшебный лес в различных произведениях мировой литературы. Не исключено, что источником для Кузмина была публикация: Свентицкий А.С. Мерлин и Вивиана // «Аргус». 1917. № 11/12 (в том же номере напечатано ст-ние 393). *Мерлин* — в цикле сказаний о рыцарях Круглого стола волшебник, советник короля Артура и строитель замка Камелот. *Алас!* — увы. *Циркуль, весы* — масонские символы.

НОВЫЙ ГУЛЬ

История текста теснейшим образом связана с романом Кузмина со Львом Львовичем Раковым (1904—1970), впоследствии известным искусствоведам, доцентом Ленинградского университета, одним из авторов (вместе с Д.Л. Андреевым и В.В. Париным) написанной в лагере книги «Новейший Плутарх» (М., 1990; ср. с названием серии повестей «Новый Плутарх», задуманной и начатой Кузминым). Впервые его имя появляется в Дневнике 1923 г. «У нас Митрохин <который впоследствии сделает обложку к книге «Новый Гуль»>, Скалдин и Раков. Последний долго оставался, хотя и бесплодно. Мне кажется, что Юр. <Юркун> потихоньку ревнует, хотя, правда, Раков мне довольно приятен» (15 октября). С этого времени Раков — постоянный персонаж Дневника, особенно с середины февраля 1924 г. В это время Кузмин вел переговоры с изд-вом «Асадема» об издании своего сборника (вероятно, второго издания «Парабол»). Руководитель изд-ва А.А. Кроленко не давал определенного ответа, и тогда 11 марта Кузмин «делает новое предложение — издать его маленький сборник его <так!> стихов „Новый Гуль“». Мы договариваемся (Выписки из дневников А.А. Кроленко, сделанные им для себя // РНБ, арх. А.А. Кроленко; в тот же день книга упоминается в Дневнике). 21 марта Кроленко записывает: «Кузмин. Увлечен изданием своего сборника „Новый Гуль“, сообщает, что переговорил с Митрохиным и тот согласен сделать обложку». 23 мая следует запись: «Кузмин получает пробный экземпляр своего сборника „Новый Гуль“. Митрохин — смотрит пробный экземпляр „Нового Гуля“ и приходит в большое огорчение от искажения его обложки. В ней перепутана черная и красная краски, и обложка, действительно, имеет странный вид» (см. также письма Кузмина к В.В. Руслову от 29 апреля и 5 июля 1924 / Публ. А.Г. Тимофеева // Кузмин и русская культура. С. 188—191). 27 апреля Кузмин записал в Дневнике: «Период „Нового Гуля“ прошел, как перед Богом, не я в этом виноват». Однако знакомство с Раковым Кузмин поддерживал еще долгое время. См. инскрипт на ГГ-2: «Милому Льву Львовичу Ракову, за десять лет до нашего знакомства вышедшую книжку. Какая бы книга ни вышла через десять лет, знакомство с Вами там отразится, хотя бы и широкоим от ослабления кругом или изолированной вертящейся воронкой. За все благодарный М. Кузмин. 3 марта 1927» (АЛ). К «Новому Гулю» примыкает ряд ст-ний и пьеса «Новый Гуль» (ССт. С. 559—567; Театр. Кн.1. С. 311—321).

Вступление. Беловой автограф — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ. Кинофильм «Доктор Мабuze игрок» вышел на экран в Германии весной 1922 г. В роли Эдгара Гуля снимался Пауль Рихтер. Кузмин смотрел фильм 23 февраля 1923 г. (Дневник). Анализ параллелей книги и фильма см.: Ратгауз. С. 53—58.

490—500. 1. Беловой автограф с датой: 17 февраля 1924, под загл. «Приглашение», с пометой: «Новый Гуль», с посвящ. Л.Л. Ракову — АЛ. Черновой автограф с той же датой — РГАЛИ. Зеленый рай — сквозной мотив ст-ний 501—515. *Тристанов Insh*

boy — «мое ирландское дитя», персонаж оперы Р.Вагнера «Тристан и Изольда».

2. Беловой автограф с датой: 19 февраля 1924 и посвящ. Л.А.Ракову — АЛ. Черновой автограф с той же датой и эпиграфом: «Политики нельзя любить, Она мешает людям жить. «Катя Танцовщица»» — РГАЛИ. «Катя танцовщица» — оперетта Ж.Жильбера, поставленная в петроградском театре Музыкальной комедии в феврале 1924 г. (Указано П.В.Дмитриевым).

3. Черновой автограф — РГАЛИ. Об оперетте «Дорина и случай», поставленной в 1924 г. на сцене петроградского театра Музыкальной комедии, Кузмин писал в статье «Новая кладка» («Красная газета». 1924, 3 июня, веч. вып.). Он также написал в мае 1924 г. статью «Искусство и случай» (список РТ-2; текст нам неизвестен).

4. Беловой автограф — АЛ. В нем ст. 7 и 8 каждой строфы соединены в одну строку. Черновой автограф — РГАЛИ.

5. Беловой автограф с датой: 27 февраля 1924 — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ.

6. Беловой автограф — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ. См.: «Юр. <Юркун> находит мои любовные стихи такими общими, что могут относиться к кому угодно. „Он лодку оттолкнул“, „Я мог бы“ считал своими» (Дневник, 21 марта 1924).

7. Беловой автограф с датой: 3 марта 1924 — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ.

8. Беловой автограф — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ. В нем первоначальный вар. ст. 21—22:

Пусть недоступный, пусть не мой,
Но ты живой, живой и милый.

Ср. также дикл 538—547.

9—10. Беловой автограф — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ.

11. Беловой автограф — АЛ. Черновой автограф — РГАЛИ. *Невиданный кристалл* — очевидно, т.н. «магический кристалл», большая хрустальная (или, как замена, стеклянная) сфера, служащая для предсказаний. Подробнее см.: Безродный М.В. Еще раз о пушкинском «магическом кристалле» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С. 161—166. «Таинства Натуры» — название ряда оккультных трактатов с алхимическими элементами.

ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД

Стихи 1925—1928

Книга вышла в феврале 1929 г. (в Дневнике 23 февраля: «Конечно, у Зои <З.А.Никитиной> никаких денег, только книжка. Ничего, хотя испорчен цвет») в «Издательстве писателей в Ленинграде». И в России, и за границей сборник прошел почти незамеченным. Остается нерешенным вопрос о его жанровой природе: ряд исследователей считает составляющие его части лирическими поэмами, однако мы склонны представлять их сюжетными циклами, подобными «Любви этого лета», «Прерван-

ной повести», «Новому Гулю» и т.п. (подробнее см. во вступ. статье), соответственно оформляя их подачу в книге. Печ. по единственному изданию с указанием незначительных конъектур в каждом отдельном случае.

1. 501—515. Беловые автографы: РГБ, отдельные поступления; ИРЛИ, альбом А.Д.Радловой (указано А.Г.Тимофеевым). Машинопись под общим загл. «Стихи» — РГАЛИ. Машинопись (второй экземпляр с авторской правкой) под загл. «Форель разбивает лед. Два вступления, двенадцать ударов и Заключение», с датой: июль 1927 и вписанным от руки посвящ. — РГАЛИ. Черновой автограф с датой: 19—26 июля 1927 — РГАЛИ. Соотношение источников представляется таким: с чернового автографа была сделана машинописная копия со многими дефектами (и потому ее разночтения не учитываются), второй экземпляр которой был выправлен автором и потом переписан им от руки. Об истории и предыстории создания цикла см.: СиМ. С. 174—178. Анализ сложной смысловой структуры текста см.: Malmstad John E., Shmakov G. Kuzmin's «The Trout breaking through the Ice» // *Russian Modernism: Culture and the Avant-Garde. 1900—1930.* Ithaca: Lnd., 1976; Шмаков Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Венский сборник. С. 31—46; Паперно И. Двойничество и любовный треугольник: поэтический мир Кузмина и его пушкинская проекция // Там же. С. 57—82; Гаспаров Б. Еще раз о прекрасной ясности: эстетика Кузмина в зеркале ее символического воплощения в поэме «Форель разбивает лед» // Там же. С. 83—114; Богомолов Н.А. «Отрывки из прочитанных романов» // НЛО. 1993. № 3 (То же: СиМ. С. 163—173). Основу сюжета цикла составляют отношения Кузмина, Юркуна и Арбениной, переплетающиеся с более ранней историей отношений Кузмина, Князева и Глебовой-Судейкиной. 12 ударов — не только 12 месяцев года, но и 12 ударов часов в Новый год (следует также иметь в виду сексуальные обертоны слова «удар»). Посвящ. А.Д.Радловой сделано по ее просьбе (см. об этом в письме Кузмина к О.Н.Арбениной // WSA. Bd. 12. S. 108 / Публ. Ж.Шерона).

1. В черновом автографе под загл. «Первый поклон». *Форель разбивает лед.* См.: «С утра поехали в чудное Раменье, поля были белы инеем, лужи и ручьи со льдом; когда мы раздробили экипажем один из ручьев, на лед выбросились живые форели» (Дневник, 9 октября 1908). Ср. также в прозе: «Перескакивая через ручей, провалился, и мелкая серебряная форель билась, выброшенная водою на лед. Мокрый, стоя в воде, ловил он рыбу руками и снова пихал осторожно толстыми пальцами под нежный лед» (Кузмин М. Нежный Иосиф // Вторая книга рассказов. М., 1910. С. 155. Параллель между стихами и «Нежным Иосифом» отмечена в статье: Barnstead John A. Stylisation as Renewal // Венский сборник. С. 8).

2. В черновом автографе под загл. «Второй поклон». Ст. 8 исправлен по автографам и правке Кузмина в экземпляре книги из собрания А.Ивича. В печатном тексте: «По швам убогий лоск». О сне Кузмина, послужившем источником ст-ния, см.: СиМ. С. 176—177. Прототипы персонажей ст-ния: художник утонувший — Н.Н.Сапунов (см. прим. 409), гусарский мальчик —

В.Г.Князев (см. прим. 109), *мистер Дориан* — Ю И Юркун (см. прим. 245—257)

3. В черновом автографе зачеркнутое начало:

Крещенский холод. Перламутр плечей
Рукоплексканьям бархатно смеется.
И люстра — колокольчики <свечей?>—
Пучками радуги в биноклях бьется.

Первоначальный вар. ст. 4: «И дикие стоячие глаза». «Тристан» — опера Р.Вагнера «Тристан и Изольда». Г.Г.Шмаков указывает как параллель сцену из повести «Крылья», где Ваня Смуров также слушает «Тристана» и испытывает схожие чувства. *Зеленый край за паром голубым* Ср. в романе Г.Майринка «Ангел западного окна»: «...вновь и вновь задаю я себе вопрос: земная ли Гренландия истинная цель моей гиперборейской конкисты? <...> Этот мир еще не весь мир. <...> Этот мир имеет свой реверс с большим числом измерений, которое превосходит возможности наших органов чувств. Итак, Гренландия тоже обладает своим отражением, так же как и я сам — по ту сторону. Гренланд! Не то же ли это самое, что и *Grüne Land*, Зеленая земля по-немецки? Быть может, мой Гренланд и Новый Свет — по ту сторону?» (Майринк. С. 157—158). Ср. также описание сомнамбулического видения из современного плана романа: «Я называю это Зеленой землей. Иногда я бываю там. Эта земля как будто под водой, и мое дыхание останавливается... Глубоко под водой, в море, и все вокруг утоплено в зеленой мгле...» (Майринк. С. 247). *Красавица, как полотно Брюллова*. А.Д.Радлова сочла это описанием своей внешности (см.: WSA. Bd. 12. S. 108), однако прототипическая основа здесь гораздо более сложна: помимо Арбениной и Глебовой-Судейкиной (см.: Ахматова и Кузмин. С. 228—230), еще и Ахматова (отмечено И.Паперно). См. также комм. в: Избр. произв. С. 547—548. Ср.: Доронченков И.А. «.. Красавица, как полотно Брюллова»: О некоторых живописных мотивах в творчестве Михаила Кузмина // Русская литература. 1993. № 4. *Медиум — забитый чех* По предположению Р.Д.Тименчика — реальный медиум Ян Гузик, устраивавший сеансы в Петербурге в 1913 г (Памятные книжные даты. М., 1988. С. 160—161; ср.: Избр. произв. С. 548; Ахматова и Кузмин. С. 221). Однако следует отметить, что Гузик был вовсе не чехом, а поляком. См. о нем: «Ребус». 1901. № 9. С. 95 и информации того же журнала — 1901. № 5, 15; 1903. № 17. *Исландия, Гренландия и Тулэ*. Комментаторы романа Г.Майринка указывают, что, согласно епископу Олаусу Магнусу, Гренландия идентифицируется с мифической Тулэ (крайним севером для древних римлян. См.: Майринк. С. 500), а свое название получила от викинга Эйнара Рыжего, начавшего свое плавание к ней от Исландии (Майринк. С. 466).

4. В основе сюжета ст-ния — кинофильм «Носферату» (реж. Ф.Мурнау), основанный на сюжете романа Б.Стокера «Дракула». Ср. также ст-ние «Было то в темных Карпатах..» и его литературные источники (см.: Лавров А. «Другая жизнь» в

стихотворении А.Блока «Было то в темных Карпатах...» // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М.Лотмана. Тарту, 1992. С. 347—359). *Кони бьются, храпят в испуге*. Ср.: «Почуя мертвого, храпят и бьются кони» (А.С.Пушкин, «Евгений Онегин», гл. 6, стр. XXXV; отмечено И.Паперно). Испуганный хрип коней — один из сквозных мотивов «Дракулы». «*Gaięa, Marięa!*» Слова из заключительной арии оперетты И.Кальмана «Графиня Марица», ленинградскую постановку которой Кузмин дважды рецензировал («Красная газета». Веч. вып. 1925, 7 января; 10 января). См.: «Нищенская „Марица“, но в „Красной“ поместили мою заметку, пропустив антисемитские выпады» (Дневник, 7 января 1925). *Богемских лесов вампир — граф Дракула*. Ср. также: «Зеленый туман, который сгущается в леса. Леса Богемии» (Майринк. С. 376). *А законы у нас в остроге* и т.д. Ср.: «Мы дики, нет у нас законов, Мы не терзаем, не казним, Не нужно крови нам и стонов» (А.С.Пушкин, «Цыганы»; отмечено И.Паперно).

5. Указанный в ССт вар. ст. 3: «Оранжевейно и светло», восходящий к машинописи РГАЛИ, является явной ошибкой машинистки. *Как негодбитое крыло*. Ср.: «Повиснув раненым крылом» (А С Пушкин, «Цыганы»; отмечено И.Паперно). *Голландский ботинок* Очевидно, имеется в виду т.н. «дедушка русского флота» — ботинок, построенный Петром Великим, что ассоциируется с голландской темой биографии Петра, а также с «Летучим голландцем» Р.Вагнера (ср. наблюдения в указанной статье Б.Гаспарова). *Локаль — немецкая пивная. Шекспир <...> «Сонеты»* // Сонеты Шекспира были среди любимейших произведений Кузмина в мировой литературе. В 1903—1904 гг. он писал к ним музыку, а в тридцатые годы — переводил (переводы неизвестны). *Весенними гоньясь лучами*. Ср.: «Гонимы вешними лучами» (А.С.Пушкин, «Евгений Онегин», гл. 7, стр. 1).

6. Беловой автограф с пояснениями: «4-ый удар из цикла „Форель разбивает лед“» — ИМЛИ. *Рожок с кларнетом говорит* и т.д. По предположению Б.М.Гаспарова, описываются заключительные такты «Тристана и Изольды» Р.Вагнера. *Буквально вырази обмен* и т.д. По мнению Б.М.Гаспарова, в данном отрывке высмеивается марксистская политэкономическая терминология и иронически осмысляется ряд идей А.А.Богданова.

7. В ССт (С. 691) приведен автопародийный вар. ст. 1—5:

Мы этот май проводим, как в борделе:
Спустили брюки, сняты пиджаки,
В переднюю кровать перетасили
И половину дня стучим хуями
От завтрака до чая...

Гринок — город в Шотландии. *Элинор* (Элинор) — имя одной из героинь романа Г.Майринка «Ангел западного окна», первой жены сэра Джона Ди, охарактеризованной «высокомерной, властолюбивой, коварной, фанатичной и завистливой» (Майринк. С. 142). Внимание Кузмина должна была также привлечь фраза: «...леди Элинор <...> жалуется, будто часто во время игры принцесса с таким жаром бросается на нее, что оставляет на ее женских местах синяки и кровоподтеки...» (Майринк. С. 52).

8. Ст-ние восходит к английским балладам, особенно к

«Легенде о Старом Мореходе» С.Т.Кольриджа, и к их русским имитациям (напр., к балладам И.Одоевцевой). В то же время оно связано многочисленными параллелями с романом Г.Майринка. *Эрвин Грин*. Один из мистических персонажей «Ангела западного окна» носит имя Бартлет Грин. *Уж не отвергся ли ты, друг, Спасителя Христа?* Бартлет Грин рассказывает, как, «закипая, поднималась во мне безумная ненависть против Того, Кто там, над алтарем, висел предо мною распятым, и против литаний — не знаю, как это происходило, но слова молитв сами по себе оборачивались в моем мозгу, и я произносил их наоборот — справа налево. Какое обжигающее неведомое блаженство я испытывал, когда эти молитвы-оборотни сходили с моих губ!» (Майринк. С. 79). После совершения магического ритуала его прежде ослепший «белый глаз» начал видеть странный мир, напоминающий описанный у Кольриджа и в балладе Кузмина. *Тут... в замке... на горе* и т. д. Очевидно, соотносится с одной из любовных линий романа Майринка, которой соединены Джон Ди, баронет Глазхилл, его вторая жена Яна и медиум Эдвард Келли. Ср. слова могущественного зеленого Ангела западного окна: «Вы принесли мне клятву в послушании, а потому восхотел я посвятить вас наконец в последнюю тайну тайн, но допрежь того должно вам сбросить с себя все человеческое, дабы стали вы отныне как боги. Тебе, Джон Ди, верный мой раб, повелеваю я: положи жену твою Яну на брачное ложе слуге моему Эдварду Келли, дабы и он вкусил прелестей ее и наслаждался ею, как земной мужчина земной женщиной, ибо вы кровные братья и вместе с женой твоей Яной составляете вечное триединство в Зеленом мире!» (Майринк. С. 312). Комментарий к этому тексту А.Г.Тимофеева (Арена. С. 444—445) представляется нам неубедительным.

10. Первоначально после ст. 17 следовало:

[Прости, мой друг, что] я пришел, прости.

Я погибаю и хочу проститься.

Нет, не проститься. Помощь! помощь! помощи!

В беловом автографе ст. 24: «Кровь, фосфор, желчь, мозги и лимфа...» Ср. запись Кузмина: «Человек сотворен по образцу вселенной. Мир состоит из 4 <четырёх> вещей — огня, воздуха, земли и воды, человек из 4 стихий — крови, флегмы <сверху вписано: мокроты>, красной и черной желчи» (РГАЛИ). Ангел превращений. Ср.: «Матерь превращений» (Майринк. С. 53). Собственно говоря, Ангел западного окна в романе и является ангелом превращений.

12. В беловом автографе (и во всех промежуточных) ст. 16: «Ко мне подходит некий господин» (очевидно, изменено из-за автоцензуры). В черновике ст-ние начиналось:

Но логика событий повседневных

Казалась с каждым часом всё <мертвее?>

Игрные дома в начале двадцатых годов часто посещал сам Кузмин. *Калигари*. Имеется в виду герой знаменитого фильма Р.Вине «Кабинет доктора Калигари» (в роли сомнамбулы — Конрад Фейдт, о котором Кузмин писал. Не обнаруженная статья «Конрад Фейдт» числится в списке РТ-2). О впечатлениях Куз-

мина от этого фильма см.: СиМ. С. 175—176. Более подробно о влиянии стилистики «Кабинета доктора Калигари» на творчество Кузмина и, в частности, на данное ст-ние см.: Ратгауз. С. 55—57.

13. *Огонь на золото расплавит медь*. См. в пророчестве Эксбриджской ведьмы в романе Майринка: «Брачное ложе и раскаленный горн!» (Майринк. С. 53). Ср. также общую алхимическую тему всего романа.

14. *На мосту белеют кони*. Имеются в виду конные фигуры на Аничковом мосту в Петербурге.

15. В черновом автографе озаглавлено «Уход».

II. 516—523. В списке РТ-2 дата — июнь 1926 (отмечено 11 ст-ний). Беловой и черновой автографы — РГАЛИ. В черновом автографе цикл начинался еще одним ст-нием (с соответствующим изменением нумерации остальных):

Свет мудрости, укрощающий страсти

(Таро)

В уединеньи скучном дева
Сидела с факелом в руке,
Сидела будто бы без дела.
Но все ж сидела и смотрела
На факел, тлеющий в руке.

И в теле пламя бушевало...

— Как избежать тебя, напасть?

Вдруг надпись четко прочтала

(Вы думаете: «По траве не ходить»?—

Совсем, совсем не угадали):

— Свет мудрости изгонит страсть! —

Тогда бестрепетной рукою
Схватив горящий инструмент,
Она, в борьбе сама с собою,
Его впихнула в грешный центр.

Увы! оплакивай победу!

Твой зуд двусмысленный утих...

И факел, погружаясь в Леду,

Шипит стыдливо, как жених.

(Первоначальные вар. ст. 9: «Вы думаете: „Плевать запрещается“?», ст. 16. «Увы! двусмысленна победа!»). Это ст-ние по неизвестному нам беловому автографу, вписанному в экземпляр печатного издания «Форели», было опубликовано в ССт (С. 694). Наличие такого автографа выглядит сомнительным, поскольку в экземпляр А.Ивича, куда было внесено даже в высшей степени опасное ст-ние 5 из цикла 524—530, данное ст-ние не записано. В экземпляр из собрания Р.Л.Щербакова оно внесено неизвестной рукой. В беловом автографе после ст-ния 8 записано название еще одного: «10. Значение букв не всякому дано понимать» (текст отсутствует). *Панорама* — традиционное петербургское праздничное развлечение. См.: Конечный А.М. Петербургские

народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния. Л., 1989. Анализ цикла см.: Синявский А. «Панорама с выносками» Михаила Кузмина // «Синтаксис». 1987. № 20.

1. Костер. Л., 1927, без подзаг. Первоначальное загл. — «Зверинец». *Natura naturans et natura naturata*. Вероятнее всего, название восходит к теории Б.Спинозы, где *natura naturans* — природа созидающая (т.е. Бог), а *natura naturata* — та природа, которая Им создается. Ср. также загл. книги А.М.Добролюбова (СПб., 1895).

2. Там же, под загл. «Первая выноска». *Вестник, ловкий Бог, угол беременных жен* (как бог плодородия) — различные представления бога Гермеса. *Ганимед* был похищен Зевсом, принявшим облик орла.

3. *Бестолковый спутник Лева* — возможно, Л Раков (см. преамбулу к кн. «Новый Гуль», с. 771). *Большакова* Гали Иосифовна (1892—1949) — балерина. *Будто прав мосье Вольтер*. Возможно, отсылка к ст-нию А.С.Пушкина «Сновидение» (пер. из Вольтера). *Незачем портрету Вылезать живьем из рамок*. Ср. повесть Н.В.Гоголя «Портрет».

4. В черновом автографе представляют интерес ранние вар. ст. 7: «Зайду в моленну» (далее строка не продолжена), ст. 26—27: «Ложись удобней, никому уж не отдам. Последний грех мы делим пополам». По словам друга Кузмина переводчика И.А.Лихачева, связано с романом Н.А.Клюева и С.А.Есенина (ССт. С. 695). Однако, как предположил В.В.Нехотин, источником текста может служить фрагмент главы «Первая гарь» из труда историка И.Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни» (СПб., 1862. С. 66). См.: Нехотин В.В. Из реального комментария к стихотворениям М.А.Кузмина // *De Visu*. 1994. № 1/2. С. 68—69. *Кому скажу свою печаль?* Ср. начало духовного стиха «Плач Иосифа»: «Кому повем печаль мою, Кого призову к рыданию» (Бессонов. С. 204). *Клепало* — металлическая полоса, служившая в старообрядческих скитах заменой колоколу. *Конопатка* — пакля. *Как два отрока в печи*. См. примеч. 434.

6. Костер. Л., 1927, под загл. «Темные улицы рождают темные мысли». В черновом автографе ст. 4—7 первоначально читались:

[В разрезе узких глаз читалась месть]
Дрожали губы, ноги подгибались.
В обыкновенном мягком кабинете
Охрипшим сквозняком мелькнуло «месть».
О, кавалер замученных Жизелей.

Согласно разысканиям исследователей, в основу сюжета ст-ния легла история загадочной гибели балерины Лидии Ивановой (1903—1924). 17 июня 1924 г. Кузмин записал в Дневнике: «Вчера утонула Лидия Иванова, каталась с какими-то ком<мунистическими> мальчишками, вроде Сережи Папаригоп<уло>». Впоследствии Кузмин подружился с ее отцом (впрочем, есть вероятность, что он был гимназическим приятелем Кузмина, с которым связь долгое время не поддерживалась). Приведем запись от 6 марта 1926 г.: «Вызвали Сандру <неустановленное

лицо». Она и едет в Персию. Они говорили как заговорщики. Она подруга Вырубовой, пишет дневник, который выкрал Семенов <вероятно, бывший председатель петроградской ЧК>, она, в свою очередь, выкрала у него и переписала. Хранится где-то на 11-й линии. Переводится на англ<ийский> язык. Иванов делает вставки насчет Спесивцевой и думает, что это будет важный документ. За ним, по его мнению, следят. Вообще тайн масса». По слухам того времени, Иванова могла быть убита сотрудником ГПУ, то ли по наущению О.А.Спесивцевой, завидовавшей новой звезде, то ли как случайно узнавшая некую тайну. Подробнее см.: Malmstad John E. The Mystery of Inquiry: Kuzmin's «Temnye ulitsy rozhdajut temnye mysli» // «Slavic Review». 1975. Vol. 34. № 1; Шмаков Г. Загадка Лидочки Ивановой // «Русская мысль». 1986, 13 июня; Морев Г.А. [Комм. к ст-нию «Воздушную и водяную гладь...»] // Кузмин и русская культура. С. 176—177; У балтийской воды // «Московский наблюдатель». 1991. № 3. С. 50—64. *Имагинация* (воображение) — термин, восходящий к средневековым доктринам, однако в начале XX века воспринимавшийся в антропософской триаде: инспирация — имагинация — интуиция. *Висит таинственный знакомый знак* Ср. запись о С.Г.Спасской: «Над постелью Софьи Гитмановны знак Розенкрейцеров. Вот оно что!» (Дневник, 9 мая 1926).

7. *Есть у меня вещица*. По предположению А.Д.Синявского, это — «хрустальная или стеклянная пирамидка, многогранник или кубик с картинкой, стоявший у него <Кузмина> на столе. <...> Поворачивая этот «кристалл», можно было созерцать различные преломления в его гранях наклеенной снизу картинки и окружающего мира» («Синтаксис». 1987. № 20. С. 69). А.С.Кушнер высказал догадку, что вещица — граммофонная пластинка («Новый мир». 1989. № 10. С. 266—267). Ср., однако, в оперетте Кузмина «Забава дев» первоначальный вар. песни одной из султанш, Кандакши, называвшийся «Песня о вещице»:

Вещица небольшая,
 Но всем она мила:
 Там радость пребольшая
 Гнездо свое свила.
 Покоец невеликий
 Ах, в каждом, в каждом есть.
 Обвитый повиликой,
 Он приглашает сесть.
 Охотно посещая
 Сей сладостный покой,
 Судьба нам мнится злая
 Судьбой уже не злой.

А как та вещь зовется,
 Я не открою вам,
 Лишь кем она берется,
 Тот угадает сам.

(ГЛМ; в том же экземпляре название изменено на «Песня о

тайне» и внесены некоторые текстуальные изменения; впервые в печати указано П.В.Дмитриевым // НЛО. 1993. № 3. С. 340; ср. также комм. А.Г.Тимофеева // Арена. С. 453—454).
В. Костер. Л., 1927.

III. 524—530. Цикл построен по принципу веера, состоящего из семи створок, видимо, сделанных из слоновой кости и страусовых перьев. Беловой автограф — РГАЛИ. По списку РТ-2 — сентябрь 1925. Ср. справедливое указание в ст.: Дмитриев П.В. Журнал «Веер» [1911. № 1] (НЛО. 1993. № 3) на возможные ассоциации цикла Кузмина с этим эфемерным журналом.

1. Фелица — персонаж од Г.Р.Державина; под этим именем подразумевается императрица Екатерина II.

2. *Персидская сирень* — сорт духов. «Двенадцатая ночь» — не только название комедии Шекспира, но также и сорт духов. *Псаломские лани*. См.: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41, 2).

3. Подробный анализ ст-ния см.: Malmstad John E. «You Must Remember this»: Memory's Shorthand in a late Poem of Kuzmin // Венский сборник. С. 115—140. *Альбер* — см. примеч. 444. «Танец стрекоз» — оперетта Ф.Легара (ср. ред. Кузмина // «Красная газета». Веч. вып. 1924, 6 декабря).

5. В книге и беловом автографе ст-ние заменено 8 строками точек. Опубликовано: ССт. С. 695. — Ахматова и Кузмин. С. 295. Печ. по автографу Кузмина в экземпляре книги, подаренном А.Ивичу (Арх. А.Ивича). Ст-ние связано с воспоминаниями об аресте Ю.И.Юркуна в 1918 г. после убийства М.С.Урицкого Л.И.Каннегисером, с которым Кузмин и Юркун дружили (см. наиболее обстоятельную до сих пор статью: Морев Г.А. Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5). *Баржи затопили в Кронштакте*. Имеются в виду ходившие слухи о затоплении барж с заложниками. *Расстрелян каждый десятый*. По свидетельству О.Н.Арбениной, во время пребывания Юркуна в заключении расстреливали «через восьмого». *Казармы на затонном взморье*. Юркун содержался в Дерябинских казармах на берегу Галерной гавани. Подробнее см.: Морев Г.А. Из комментария к текстам Кузмина // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 25—30.

6. *Файка* — собака Кузмина и Юркуна. См.: «Сегодня автомобилем убило Файку. Не раздавило, а убило без капли крови. Она еще, крутясь, побежала, свалилась. Не визжала, не лаяла, не пищала. Когда Вероника Карловна <мать Юркуна> рассказывала в слезах об этом, на меня нашел ужас. Юр. <Юркун> спал. Что это? Первый, слабый удар с продолжением или козел отпущения? М<ожет> б<ыть>, беда, бродившая вокруг нас, этим и ограничится, а м<ожет> быть, вырвала наиболее доступное и дальше будет преследовать» (Дневник, 26 июня 1925). Ср. также: Ратгауз. С. 58—60.

7. *А тридцать* — *Рубикон*. В 1925 г. Юркуну исполнилось 30 лет.

IV. 531—537. Беловой автограф — РГАЛИ. Другой беловой

автограф с датой: 7 окт. 1925 — АЛ. Черновой автограф с той же датой — РГАЛИ. отождествление дней недели с планетами и богами римского пантеона (а через это, в некоторых случаях, и с металлами) восходит к античности. Черемшанова (в замуж. Ельшина) Ольга Александровна (1904—1970) — поэтесса и чтица. Кузмин написал предисловие к единственной ее книге стихов «Склеп» (Л., 1925) и посвятил ей ст-ние 669. Подробнее о ней см.: Никольская Т.Л. Тема мистического сектантства в русской поэзии 20-х годов XX века // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 160—165, 168; Никольская Т.Л. Поэтическая судьба Ольги Черемшановой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.; 1993. Вып. 3. С. 40—48 (в приложении — стихи Черемшановой).

1. *Пронзает школьникам летух*. Ср.: «Дети! В школу собирайтесь, — Петушок пропел давно!» (Л.Н.Модзалевский, «Приглашение в школу» // Русская поэзия детям. Л., 1989. С. 151).

3. Ст-ние основано на отождествлении различных функций Меркурия-Гермеса с персонажами иной религиозной и мистической традиции, несущими те же функции. Никола, т.е. Николай угодник, был, подобно Меркурию, покровителем «плавающих и путешествующих». Офеня, т.е. мелкий розничный торговец. Гермес был покровителем купцов, и в этом качестве ему соответствовал архангел Михаил. *Позтам нагоняешь сон*. Гермес был богом сна и сновидений. *Связываешь несвязуемое*. В алхимии Меркурий — планета превращений, а соответствующая ему ртуть играла в алхимическом делании важнейшую роль. *Изобретать ты учишь*. Среди функций Гермеса-Меркурия было и покровительство изобретателям.

4. *Советник тайный Гете*. См. примеч. 407. *Кольцо и якорь* — масонские символы.

5. В беловой автографе АЛ разночтение в ст. 2: «Кто благую весть поймает» и в ст. 10: «На море дымятся флоты». Скрижали. Ср. библейскую легенду о скрижалях, данных Господом Моисею для народа Израиля (Исх., гл. 32). *Благая весть* — дословный перевод слова Евангелие. *Вес и мера*. См. примеч. 52—60 (4).

6. Если предыдущие ст-ния были основаны на традиции, восходящей к латинской, то в данном ст-нии речь идет о субботе еврейской, что подчеркнуто приметам традиционного еврейского быта (фаршированная щука, чеснок) и намеком на традиционное обилие детей в еврейских семьях. *Гут нахт* (идиш) — спокойной ночи.

7. *Сон, выдуманый Сёра и Лафоргом*. Речь идет о картине Ж.Сера «В воскресенье после полудня на Иль де ля Гранд-Жатт», а также ст-ний Ж.Лафорга, одинаково называющихся «Воскресенья». Ср. воспроизведенные мемуаристом слова Ю.Юркуна: «Мое последнее увлечение — это художник Сера. Его фигуры реальны, и в то же время это видение сна! Его „Воскресняя прогулка на острове Гранд-Жатт“!» (Милашевский В.А. Вчера, позавчера. С. 161).

V. 538—541. Беловой автограф без посвящ. — РГАЛИ. Машинопись, сделанная с черного автографа, со многими не прочитанными машинисткой или неверно разобранными местами — РГАЛИ. Черновой автограф с датой: 14 сентября 1927 — РГАЛИ. Об адресате посвящения мы ничего не знаем, кроме двух.

записей в Дневнике: «Потом Моня <М.М.Бамдас>, опять Савицкий, наконец — Симка Демьянов. С ним сделалась истерика от „Форели“, вообще разводил глухую провинцию» (7 сентября 1927); «Заехал за мною студент Орлов, повез на извозчике. Это не в И<нституте> И<стории> И<скусств>, а в мятлевском доме. Вузовцы. <...> Темнота, но слушают отлично. Не поспел я взгромоздиться, как бежит, выпуча косою глаз, Симка в смокинге. В одной руке горшок сирени, в другой — огромная коробка конфет. Блестит как грош. Но ничего, спасибо друзьям. Читал охотно, чувствуя, что доходит» (10 марта 1928; речь идет о вечере, со слов известного литературоведа В.Н.Орлова описанном в статье Дж. Малмстада // ССт. С. 293—294). О работе над циклом см.: «Читал я Август. Это ужасный натурализм, и я как-то завяз в нем, и особенно никому не нравится» (Дневник, 18 сентября 1927); «Кончил „Для Августа“. В газете статья о шпионах-террористах. Белые мальчики, романтизм. Как жалко их Это не то что всякие Желябовы» (Дневник, 19 сентября 1927).

1. Бри... *страсбургский пирог*. «Бри!» — реплика из пьесы А.А.Блока «Незнакомка», «страсбургский пирог» — очевидно, из «Евгения Онегина», гл. 1, стр. XVI.

2. Тебя зовут Геката и т. д. Греч богиня мрака, ночных видений и чародейства покровительствовала также пастушеству (впрочем, у слова *Пастух* есть и еще одна ассоциация — с загадкой: «Поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогат», т. е. небо, звезды, луна), черный петух связан с Гекатой как с хтоническим божеством, которому мог приноситься в жертву. В то же время ст-ние может читаться как изображение мистического ритуала «тайгерм» из романа «Ангел западного окна» (Майринк. С. 80—85; ср.: СиМ. С. 171—172; указание на опечатку в ст. 27 в СиМ сделано неверно).

6. В ст-нии использован блатной жаргон: *шпалер* — пистолет, *кот* — сутенер.

8. Ст. 11—12 имеют в виду ст-ние А.Рембо «Искательницы вшей».

9. В черновом автографе между ст. 8 и 9 был еще один: «Тогда хотел, а нынче не хочу», между ст. 11 и 12: «От двадцати до двадцати пяти», ст. 15 был дописан до конца: «Как молоко кипел».

10. В черновом автографе ст. 48 первоначально читался: «Нептун уж космы пробором чешет».

VI. 548—560. Беловой автограф без посвящ. с датой: август 1928 — РГАЛИ. Черновой автограф — РГАЛИ. См.: «Начал писать „Лазаря“ ни с того, ни с сего» (Дневник, 8 января 1928). В списке РТ-2 «Лазарь» назван в январе, феврале и марте 1928 г. (далее список не продолжен). О К.П.Покровском нам известно очень мало. Он был другом семьи Радловых; Кузмин записал о нем: «Она <А.Д.Радлова> разводится с Серг<еем> Эрн<естовичем> и выходит за Покровского» (Дневник, 11 июня 1926). О его смерти вспоминала О.Н.Арбенина: «В тот же день и раз <летом 1938 г.> я узнала о самоубийстве Корнилия Павловича. Мне сказала Наташа Султанова, на Невском. К.П. повесился в Москве, когда Анна была в Сочи с Сережей» (Кузмин и русская культура. С. 249 / Публ. Г.А.Морева). Видимо, его можно отождествить с Корниием Покровским, гимназистом, в 1907 г.,

участвовавшим в любительской постановке «Курантов любви» Кузмина и нравившимся ему (См : СиМ С. 106—115). Сюжет цикла основан на евангельском рассказе о воскрешении *Лазаря* (Ин., гл. 11). *Вилли* отождествлен с Лазарем, его сестры *Мицци* и *Марта* — с евангельскими Марфой и Марией, сестрами Лазаря. А.В.Лавров и Р.Д.Тименчик высказали предположение, что сюжет цикла восходит к роману в стихах Р.Браунинга «Кольцо и книга» (1869).

1. *Припадочно заколотился джаз*. Кузмин был на концерте американского джаза в 1926 г. См. его рец.. Негры // «Красная газета». Веч. вып. 1926, 10 мая. *Четыре чувства* — осязание у Слепорожденного, зрение у Хозяйки, слух у Шкета и обоняние у ищейки, за которую говорит в суде Сыщик. *Четырехдневный Лазарь!* См.: «Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит: ибо четыре дня, как он во гробе» (Ин. 11, 39). «*Für dich!*» — песня из одноименного берлинского ревю. По воспоминаниям О.Н.Арбениной, нравилась Кузмину (Лица: Биографический альманах. Вып. 1. С. 267).

3. *Марта сбилась с ног...* *Мицци — та не хозяйка* Имеются в виду традиционные евангельские функции Марфы и Марии (см. примеч. 193—199, 7). .. *сидела у ног*. См.: «Здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слова Его» (Лк. 10, 38—39).

4. *Блэк-беттом* (в черновом автографе — *bleak-bottom*; правильно — *black bottom*) — американский танец двадцатых годов.

5. *Бангерша* (в тексте неверно: «бондарша»; исправлено по смыслу) — содержательница публичного дома. *Эммануил Проще* Ср.: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил, что значит: с нами Бог» (Мф. 1, 23).

7. *Шуцман* — полицейский (нем.). *Открыла гарнированный я дом* — т. е. меблированный дом. «*К Максиму егу я*» — слова из оперетты Ф.Легара «Веселая вдова».

9. Ст. 17 исправлен по беловому автографу (в тексте книги: «Нас человека три. В поле, за город»).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ

В данном разделе представлены далеко не все известные составителю ст-ния Кузмина, не включавшиеся им в состав прижизненных поэтических сборников. При выборе предпочтении отдавалось произведениям, представляющим малоисследованные периоды творчества Кузмина (прежде всего — ранние годы), ст-ниям, определяющим поворотные пункты в идейном и творческом развитии поэта, не опубликованным вообще или опубликованным в малодоступных современном русскому читателю изданиях и, наконец, опубликованным с неточностями.

561. ССт, в тексте статьи Дж.Малмстада. Печ. по автографу в письме к Г.В.Чичерину от 13 января 1897 г., сопровождаемому словами: «Посылаю тебе следующее стихотворение без отноше-

ния к музыке (хотя оно очень годится для таковой, мне кажется)» (РНБ, арх. Г.В.Чичерина). 18 января Чичерин отвечал: «В новом стихотворении мне очень нравится общее настроение, и лениво усталый ритм, и много отдельных образов, но в общем оно менее самобытно, чем «Смуглый и бледный» или «Бледные розы»» (РГАЛИ; последнее ст-ние, датированное апрелем 1895 г., недавно републиковано П.В.Дмитриевым // НЛО. 1993. № 3. С. 156). Ответ Кузмина на разбор Чичерина — в письме от 24 января 1897 г. (ССт. С. 36).

562. «В мире искусств». 1907. № 13/14. Дата — по списку музыкальных произведений Кузмина (РГАЛИ) с уточнением: «янв.». Алулей принадлежал к числу любимых писателей Кузмина; выполненный им перевод «Метаморфоз» («Золотого осла»), впервые опублик. в 1929 г., перепечатывается до сих пор, причем в последнем известном нам воспроизведении текста снята редакторская правка, которой перевод был подвергнут в 1950-е гг. *Мистагог* — в древней Греции жрец, возглавлявший мистерии. *Смерть Антиноя*. См. примеч. 80—86 (7).

563—575. Зеленый сборник стихов и прозы. СПб., 1905 (вышел 20 декабря 1904 г. См. дневник Ю.Н.Верховского // РГБ, арх. Л.В.Горнунга). Первая публ. стихотворений Кузмина безотносительно к музыке. При жизни автора более не перепечатывалось. Об адресате посвящ. см.: «Второе лето я отчаянно влюбился в некоего мальчика, Алешу Бехли, живших тоже на даче в Василе <Васильсурск> Вариных <сестры Кузмина> знакомых. Разъехавшись, я в Петербург, он в Москву, мы вели переписку, которая была открыта его отцом, поднявшим скандал, впутавшим в это мою сестру и прекратившим, таким образом, это приключение» (Кузмин и русская культура. С. 153; письма А.Бехли к Кузмину — ЦГАЛИ С.-Петербурга). В письме к Чичерину, написанном в июле 1903 г., Кузмин рассказывал: «Странный случай; когда мы ездили в женский монастырь через леса вчетвером: сестра моя, племянник Сережа, я и Сережин товарищ Алеша Бехли, среди самой несоответственной обстановки мне захотелось вдруг изобразить ряд сцен из итальянского Возрождения, страстно. Можно бы несколько отделов (Canzoniere, Алхимик, Венеция и т.п.) и даже я начал слова из Canzoniere (3 сонета) и вступление» (РНБ, арх. Г.В.Чичерина). 20 августа ему же: «Я 12-го перебрался в Нижний и вот до 20 написал музыку к 8 сонетам; конечно, не ожидаю большой их популярности, и даже не знаю, что ты-то их поймешь ли сразу и оценишь ли, не отметишь ли. Но сам я ими очень доволен, хотя не всегда музыка лучше слов», — и далее, перечислив сонеты, названные и здесь «Il Canzoniere» (явно в подражание знаменитому циклу Ф.Петрарки): «От 2—9 включительно» музыка написана, редко я писал с такою скоростью, и причем не дома. Что из этого выйдет — не знаю, может выйти и „битва русских с Кабардинцами“. Лучше других 3. 4. 5. 6., хуже других 7. и 2., 8. и 9., кажется, средние». Списки нот всего цикла — РНБ. Беловые автографы ст-ний 1—4, 6 — в письме к Г.В.Чичерину (июль 1903; РНБ, арх. Г.В.Чичерина), ст-ний 5, 9, 12—13 — в письме к нему же от 20 августа 1903 г. (Там же).

5. «*Озерный Ланселот*» — французский рыцарский роман неизвестного автора (XIII век).

7. *Кремона* — итальянский город, в котором работали знаменитые скрипичные мастера Страдивари, Амати и Гварнери.

576. Проталина. СПб., весна 1907. Беловой автограф — РГАЛИ, в записной книжке 1904 г., что является основанием для датировки.

577. ССт с предположительной датировкой: 1907—1908. Печ. по беловому автографу в записной книжке 1904 г. (РГАЛИ). Ст-ние основано на библейском сюжете (Быт., гл. 18—19). *Еглаш* (Еглаим) в Библии упоминается дважды: Ис. 15, 18; Иезек. 47, 10.

578—586. ССт. -- День поэзии 1979. М., 1979 /Публ. С. Григорьянца. Печ. по беловому автографу с датой (РГАЛИ), к которому восходит публикация в «Дне поэзии», имеющая ряд неточных прочтений. О становлении замысла и текста этого вокально-музыкального цикла узнаем из писем Г.В. Чичерину к Кузмину. 17 августа 1904 г.: «Этот последний замысел — „Харика из Милета“ — это страшно интересно. Это та самая форма серии, которую ты довел до сих пор до наибольшего мастерства. Эти легкие наброски у тебя содержат тахитизм жизненности и почвенного содержания». 25 августа: «2-я элегия, с размером вроде сапфического и прекрасным завершением „Рим семихолмный“, — прелестна, классична, пластична; четвертая строфа более модернична по интенсивности сравнений. <...> И завершение — бодр и смел, и красота и радость — прекрасно». 26 сентября: «Наставления мага и по словам прекрасны. Следующий № мне кажется немного неуклюж». 6 октября: «№ 8 Харикла — прекрасная картина; только не очень ли скоро после „заря едва адела“ скатывается солнце?». В 1906 г. Кузмин перевел сюжет цикла в прозу, сделав из него вставную новеллу для 19-й главы «Повести об Елевсиппе» (Кузмин М. Вторая книга рассказов. М., 1910. С. 119—125). Нотный автограф всего цикла с датами, относящимися, очевидно, к созданию музыки, — РНБ.

1. В автографе РНБ под загл. «Элегия», с датой — 21 августа. В «Дне поэзии» под загл. «Отъезд». В основном автографе есть незачеркнутый вар. посл. строки: «Рим семигорный». В автографе РНБ ст. 12: «Жизни и счастья».

2. В автографе РНБ, под загл. «У Манлия Руфа», с датой: 27 августа.

3. В автографе РНБ, под загл. «В цирке», с датой: 31 августа. В автографе РГАЛИ между ст. 6 и 7 первоначально был еще один: «Блеск поражал мой непривычный взор». Я белым камнем этот день отмечу. См. примеч. 61—67 (2).

4. В автографе РНБ, под загл. «Эрос», с датой: 6 сентября. В автографе РГАЛИ в ст. 14 есть незачеркнутый вар. слова «забьется» — «трепещет».

5. В автографе РНБ, под загл. «К магу», с датой: 13 сентября. В «Дне поэзии» — под загл. «У мага». Начиная с этого ст-ния нумерация отдельных ст-ний прекращается.

6. В автографе РНБ, под загл. «Наставления мага», с датой: 15 сентября.

7. В автографе РНБ, под загл. «Казнят? казнят?», с датой: 20 сентября. В ст. 10 незачеркнутый вар. слова «гаванских» — «портовых».

8. В автографе РНБ, под загл. «Смерть», с датой: 29 сентября. В автографе РГАЛИ незачеркнутый вар. ст. 2: «Кустарник по бокам, равнину к морю» (в автографе РНБ этот вар. — основное чтение).

9. В автографе РНБ, под загл. «Клятва», с датой: 30 сентября.

587—603. ССт, под загл. «Семнадцать сонетов». Цикл сформирован в беловом автографе (РГАЛИ). Сохраняя целостность и композицию цикла, мы принимаем наиболее поздние из известных нам редакций отдельных сонетов. Ст-ния 1—5, 7—9, 13—14, 16—17 печ. по беловым автографам в записной книжке 1904 г., что дает основания для датировки основного корпуса текстов.

3. *Израиль Моисея так дождется* и т.д. См. «Вот Я стану перед тобою там на скале в Хориве; и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ. И сделал так Моисей в глазах старейшин израильских» (Исх. 17, 6).

5. А Д Б. — очевидно, А.Бехли (см. примеч. 563—575).

6. Печ. по беловому автографу: Пример, цикл «Сердце зеркальное». «Флор и Бланшефлор» — французский роман в стихах (XIII в.).

7. *Как Порции шкатулка золотая*. См.: Шекспир, «Венецианский купец», акт 2, сц. 7; акт 3, сц. 2.

9. После данного ст-ния в автографе под цифрой 10 оставлено место еще для одного сонета, в котором написаны только 2 последние строки:

Потом опять оставь меня на дне,
Но улыбнувшись, улыбнувшись мне.

10. Печ. по беловому автографу: Пример, цикл «Сердце зеркальное».

11. Проталина. СПб., весна 1907. В списке РГАЛИ дата — январь 1904.

12. «В мире искусств». 1907. № 9/10.

13. В списке РГАЛИ дата — апрель 1905. *Сан-Миньято* — церковь во Флоренции.

15. «В мире искусств». 1907. № 9/10.

604—608. Ст-ния, входившие первоначально в состав «Александрийских песен», но исключенные из окончательной редакции (см. преамбулу к четвертой части книги «Сети»).

1. ССт. Печ. по автографу РГАЛИ. Первоначально между ст. 8 и 9 был еще один: «Что читал я Порфирия и Плотина», а между ст. 11 и 12: «И читал я поздней ночью». Таус. По предположению комментаторов ССт., героиня одноименного романа А.Франса (входившего в круг чтения Кузмина), александрийская куртизанка. *Каракама* — галльская одежда. «Оса» — см. примеч. 77—79 (3).

2. ССт. Печ. по автографу РГАЛИ.

3. ССт. Печ. по автографу РГАЛИ. Первоначальный вар. ст. 7: «Здорово наклюкался, сердечный».

4. ССт. Печ. по автографу РГАЛИ.

5. Печ. по беловому автографу (РГБ, арх. В.Я.Брюсова), в цикле «Александрийские песни», VII. *Повесть о золотом осле — «Метаморфозы»* Апулея. *Вафилл* — см. примеч. 24—31 (4). *Каноп* — см. примеч. 103—107.

609. Впервые — в тексте статьи: Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Серебряный век в России М, 1993. Печ по автографу РГАЛИ, к которому восходит и первая публикация *Гафиз*. Ст-ние явно относится к периоду активной деятельности кружка «гафизитов», т.е. к концу весны — осени 1906 г. Подробнее см. в статье, где впервые опубликовано ст-ние (перепеч. СиМ. С. 67—98). Еще одно ст-ние Кузмина, связанное с «гафизитством», см.: ССт. С. 446—447.

610. ССт с датой: 1914—1916. Печ. по беловому автографу РГАЛИ. Еще один беловой автограф — РНБ, арх. А.М.Ремизова (нотный текст) с надписью, дающей основания для датировки: «Сочинил слова и музыку М.Кузмин, которых <так!> и переписал это для дорогих и многоуважаемых Серафимы Павловны и Алексея Михайловича Ремизовых. 1906. Октября 22-го дня». *Сан-Миньято* — церковь во Флоренции.

611. «В мире искусств». 1907. № 9/10. В Дневнике 23 июня 1907 г. записано, что ст-ние относится к числу «старых».

612. «Перевал». 1907. № 10, как третье ст-ние цикла «На фабрике». Другие ст-ния этого цикла — 175—182 (4) и 24—31 (7). Беловой автограф — Рук. 1911. Цикл состоял из 6 ст-ний, однако опубликовано и нам известно только 3.

613. Печ. по беловому автографу РГАЛИ, написанному двумя почерками: первые полторы строки и начальные буквы остальных строк (ст-ние представляет собою акrostих) — рукой Кузмина, остальное — рукой, вероятно, В.Г.Князева.

614—621. ССт, в разделе «Коллективное». На самом деле Кузмин является единственным автором этого цикла, представляющего собою часть более широкого замысла — сборника «Пример влюбленным», составленного из стихов Кузмина и Князева. Более подробно об истории замысла см.: СиМ. С. 88. Печ. по беловому автографу (Пример). Помимо публикуемых здесь, в цикл входят ст-ния 258—269 (11, 8, 9, 6, 3, 2).

1. *Зеленый доломан* — см. примеч. 258—269 (3). *Люблю два года*. Кузмин познакомился с Князевым (см. примеч. 109) в 1910 г. *Chevalier d'Orsay* — см. примеч. 1.

2. «*Riga, Riga*». См. примеч. 258—269 (1).

3. Беловой автограф — Рук. 1911. Черновой автограф без загл. — РГАЛИ. «*Белый лилей*» — из ст-ния Ф.Сологуба «*Любовью легкою играя...*»

4. Беловой автограф — Рук. 1911. Черновой автограф без

загл. — РГАЛИ «*Не было ни гроша, да вдруг алтын*» — пьеса А.Н. Островского.

8. *Архистратиг* — святой Кузмина, архистратиг Михаил. *Колье* на его иконах не часто, но встречается. *Мой труд о войнах святых* — неосуществленный замысел Кузмина (в рекламе на сборнике «Осенние озера» как готовящаяся объявлена «Книга о святых войнах»).

622. Печ. по беловому автографу: Пример, цикл «Сердце зеркальное».

623. «Аргус». 1913. № 2. *Кабаре* — петербургское артистическое кабаре «Бродячая собака». Ст-ние печаталось на программах «Бродячей собаки».

624. ССт. Черновой автограф — РГАЛИ. Чтение первых четырех слов в ст. 16 предположительно. *Хоговецкий* — см. примеч. 405. *Алина* — имя, популярное в различных текстах, преимущественно французских, конца XVIII и начала XIX в. *И Лондон слал туманный сплин*. Видимо, контаминированная отсылка к строкам «Евгения Онегина»: «Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный» (гл. 1, стр. XXIII) и «Недуг... Подобный английскому сплину, Короче: русская хандра» (гл. 1, стр. XXXVIII).

625. «Биржевые ведомости». 1914, 23 ноября (6 декабря). Утр. вып. *Федор Стратилат, Егорий* (т.е. Георгий Победоносец), *Димитрий Солунский* — см.: «Федор-Стратилат, Георгий Победоносец, Димитрий Солунский: явление их есть изъявление силы Архангела Михаила» (Ремизов А. Образ Николая Чудотворца. Париж, 1931. С. 9). *Солунь* — ныне Салоники.

626. Лук. 1914. № 32 (рождественский номер).

627. Печ. по беловому автографу РГАЛИ. Второй беловой автограф — РНБ, арх. П.Н. Медведева. *Тройное имя* — Стамбул, Константинополь, Царьград. *Четвертое название* — Рим. Ср. известную формулу старца Филофея: «Два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому Риму не бывать». *Айя-София* — собор св. Софии в Константинополе. *Тот горький день* — 29 мая 1453 г., день взятия Константинополя турками. Ст-ние было первоначально предназначено для газеты «Биржевые ведомости» (см. примеч. 628).

628. «Огонек». 1916. № 52. См. в письме Кузмина от 9 декабря 1915 г. А.А. Измайлову, редактировавшему литературный отдел «Биржевых ведомостей»: «Посылаю Вам стихи на Рождество, вроде „Вертепских впрш“. Если во 2-ом куплете смутят „рубашечки“, то можно или его пропустить, или из 1-го или 2-го сделать один:

Ангелы удивленные,
Ризами убененные,

Над пещерою малою
Розою алою
Свивайте свой круг.

Мне бы хотелось, конечно, как написано. Это стихотворение взамен „Царьграда“, который оплачен и не пойдет» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 64 / Публ. А.Г.Тимофеева).

629. «Нива». 1917. № 15. Сатурн — здесь: бог времени. На Кировной ул. жил Ю.И.Юркун (см. примеч. 245—257). *Взята Крепость*. Петропавловская крепость была занята восставшими 27 февраля. *Адмиралтейство пало* — 28 февраля. *Пасха в посту настала*. В 1917 г. Пасха приходилась на 25 марта, и, следовательно, Февральская революция произошла в Великий пост. *Чердачные совы* — полицейские, ведшие огонь по восставшим с чердаков. «*Всем, всем, всем!*» — так начинались многие радиопеши, напр., напечатанная в той же «Ниве» (1917. № 10. С. 160).

630. «Русская воля». 1917, 16 апреля. Утр. вып. Черновой автограф первых 8 строк — РГАЛИ. *Волянский полк*. Имеется в виду мятеж учебной команды Волянского полка 27 февраля 1917 г. *Виленский переулоч* — место расположения казарм Волянского полка.

631. «Русская воля». 1917, 17 мая. Утр. вып.

632. Кузмин и русская культура (см. там же комм. публикатора И.Г.Вишневедкого). Печ. по черновому автографу РГАЛИ. *Радушных Врат дева* — гностический термин, введенный в русскую поэзию Вл. Соловьевым (см. его ст-ние «Нильская дельта»). *Енной* (Энной, греч. «помышление») — в представлениях гностиков неоформленная духовная субстанция, порожденная падшей Софией (см. примеч. 413).

633. ССт. -- Ахматова и Кузмин. Печ. по беловому автографу РГАЛИ. *Глебова-Судейкина ОА.* — см. примеч. 444. *Веселый и печальный рок*. Имеется в виду история отношений Кузмина с С.Ю.Судейкиным (см. примеч. 14—23) и В.Г.Князевым (см. примеч. 109), где Глебова-Судейкина играла роль «разлучницы». *И в нежно-желтом сарафане Сбирали осенью анис*. См. начало ст-ния 447. *Элизий сладостных теней*. Ср.: «*Душа моя, Элизий теней*» (Ф.И.Тютчев). *Коломбинная Психея*. Одной из наиболее известных ролей Глебовой-Судейкиной была Психея в одноименной пьесе Ю.Беляева. В стихах Князева (и позднее — в «Поэме без героя» А.Ахматовой) она выступает под маской Коломбины.

634—637. WSA. Bd. 14 / Публ. Ж.Шерона. В примеч. к отдельным ст-ниям указываются их публикации на родине. Печ. по списку неизвестной нам рукой (РНБ, арх. А.Д. и С.Э.Радловых; все прочие публикации также восходят к этому источнику). В цикле наиболее открыто выразилось отношение к пооктябрь-

ской действительности, определившееся после энтузиазма первых революционных дней уже в середине 1918 г. Ср одну из многих однотипных записей: «Боже мой, Боже мой! где все? где? Теперь и скромная жизнь, смиренным швейцаром исчезла, даже монастырь, даже нищими. Я не говорю про Альберовскую жизнь, но где Нижний, Окуловка, зять, даже Евдокия <Нагродская>, даже лавка? даже Ландау, даже советский хлеб Зиновия <Гржебина>? Где Пасха, пост, весна, кладбище? Неужели головой в прорубь? <...> Печально я думал о тепле, не то пчельнике, не то яблочном саду. Неужели и там большевики все засрали? А где же все монахи? Смотрю хронологично Гете, что он писал в моем возрасте. К кому прижаться? Мы всех растеряли И страшно мне невероятно. <...> А какое золотое солнце! но к чему оно? к чему все?» (Дневник, 24 марта 1920).

1. «Наше наследие». 1988. № 4 / Публ. Н.А.Богомолова. *Мироносицы* — женщины, пришедшие ко гробу Христа умастить его тело миром (Мк. 16, 1—8, Лк. 24, 1—10). *Иезекишево колесо*. См.: «И смотрел я на животных, — и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их. <...> А ободья их — высоки и страшны были они, ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз» (Иезек. 1, 15, 18). «*Альбер*» — см. примеч. 444. *На твоих страницах* — т.е. на страницах прозы Юркуна. «*Уколы винных шолок!*» Ср.: «Вина весеннего иголки» (ст-ние 1 в цикле 326—334). *Подвергался стольким нападкам*. Имеется в виду резкая критика повести «Крылья». О «банной» теме у Кузмина см.: Богомолов Н.А. Заметки о «Печке в бане» // Кузмин и русская культура. С. 197—198. «*Honny soit qui mal y pense*» — «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает» (фр.) — девиз ордена Подвязки.

2. «Родник». 1989. № 1 / Публ. Р.Д.Тименчика. *Шотландский юнга Тристана* — персонаж оперы Р.Вагнера «Тристан и Изольда». *Но где желание наше?* — см. примеч. 435, а также: «Как странно. Прежде мечты были эротические, потом кулинарные, теперь только о тепле» (Дневник, 7 декабря 1921).

3. «Родник». 1989. № 1 / Публ. Р.Д.Тименчика. *Сам ты дико запевал Бессмысленной начало тризны*. Имеются в виду ст-ния Кузмина 1917 г. *Чистый понедельник* — понедельник первой недели Великого поста.

4. В *морских казармах* содержался Юркун осенью 1918 г. (см. также ст-ние 5 в цикле 524—530). «*Туман за решеткой*» — повесть Ю.Юркуна (полный текст неизвестен). «*Schlafe, mein Prinzchen, schlaf ein*» — начальные слова «Колыбельной» Моцарта (в традиционном русском переводе — «Спи, моя радость, усни»).

638. Ст. 21—24 впервые в тексте А.М.Ремизова «Крюк. Память петербургская» («Новая русская книга». 1922, № 1). Полностью — в статье З.Н.Гиппиус «Опять о ней» («Общее дело». 1921, 20 ноября), затем — в очерке: Шайкевич А. Петербургская богема // Орион. Париж, 1947. В ССст — по автографу, неизвестному нам. Печ. по публикации Г.А.Морева («Русская литература». 1991, № 2) по автографу, хранящемуся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. В автографе и списке РТ-2 ст-ние озаглавлено «Меньшиков в Березове». Об истории текста и ст-ния см.: Морев Г.А. Из комментариев к текстам Кузмина.

II // НЛО. 1993. № 5. С. 165—167 *Меньшиков <так> в Березове* — явная отсылка к картине В.И Сурикова.

639. Шиповник. М., 1922. Вып. 1. Черновой автограф со ст. 20 — РГАЛИ.

640. Шиповник. М., 1922. Вып. 1. Черновой автограф — РТ-2.

641. Шиповник. М., 1922. Вып. 1. Беловые автографы — ИРЛИ, альбом К.М.Маньковского с датой записи: 30 ноября 1921 (указано А.Г.Тимофеевым) и в составе Р I *Кроликовый скит*. В 1921 г. у Кузмина некоторое время жил кролик См запись, сделанную в Дневнике в связи с самоубийством Анастасии Николаевны Чеботаревской: «Я представил ветер, солнце, испугленную Неву, теперь советскую, но прежнюю Неву, и маленькую Настю, ведьму, несносную даму, эротоманку, в восторге, испугании. Это ужасно, но миг был до блаженства отчаянным. До дна. Темный кролик, тупой Гумми, поэт Блок, несносная Настя — упокойтесь, упокойтесь. Успокоится ли и мое сердце, мои усталые кости? Поспею ли я показать волшебство, что еще копитса во мне? И нужно ли это, в конце концов?» (Дневник, 26 сентября 1921).

642. ЖИ. 1923. № 1. Дата — по списку РТ-2. *Качнется Китиж на ките*. Ср.: «Когда ж кит-рыба повернется, Тогда мать-земля восколыбнется» (Бессонов. С. 289).

643. Петроград. Пг., 1923. Альм. 1. Печ. по: Стожары Пг., 1923. Кн. 3. Корректурa текста «Петрограда» с правкой — РГАЛИ. Дата — по списку РТ-2. *Медь* — в системе алхимических представлений металл, соответствующий планете Венера.

644. «Россия». 1923. № 8. Беловые автографы — РНБ, арх. П.Н.Медведева (указано А.Г.Тимофеевым) и ИРЛИ, Р I. Дата — по списку РТ-2. По указанию комментаторов ССт, отчасти построено на образах оперы Р.Вагнера «Тангейзер». *Коней стреноженных до сих пор он пасет*. См. ст-ние 438.

645. ССт. Печ. по автографу РГАЛИ. Беловой автограф с датой — ИРЛИ, Р I.

646. «Россия». 1923. № 6. Дата — по списку РТ-2. *Выпускаю за голубем голубя*. Имеются в виду два голубя — Крещенский и голубь Ноева ковчега.

647. Петроград. Пг., 1923. Альм. 1. Печ. по: Поэты наших дней. М., 1924. Дата указана в публ. «Петрограда».

648. ЖИ. 1923. № 8. Ст. 17 исправлен по смыслу (в оригинале «Гробы и тисы»). Дата — по списку РТ-2. *Паоло Учело*

(1397—1475) — итальянский художник, автор известной картины «Ночная охота».

649. ЖИ. 1923. № 18. В том же номере — приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов, подписание среди прочих и Кузминим. Основой ст-ния послужили кинематографические (подробнее см.: Цивьян Ю.Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России 1896—1930. Рига: 1991. С. 180—183) и литературные (прежде всего, как установил М.Г.Ратгауз, новелла Л.Франка «Мать». См.: Ратгауз. С. 73, 81) тексты немецкого экспрессионизма, которыми именно в начале 1923 г., как свидетельствует Дневник, был чрезвычайно увлечен Кузмин. Дата — по списку РТ-2.

650. Пятое Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: 1990 / Публ. М.Б.Горнунга. -- Лит. прил. / Публ. Г.Морева по беловому автографу (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме). Сверка публикация с автографом показывает, что точнее сделана первая. Ст-ние было передано Б.В.Горнунгу для публикации в 4-м номере машинописного журнала «Гермес», который в свет не вышел. В ст-нии речь идет о т. н. «Туринской плащанице», на которой отпечатался лик Иисуса Христа. Споры о подлинности плащаницы ведутся много лет.

651. Поэты наших дней. М., 1924. Дата — по списку РТ-2. Ст. 12—16 связаны с преданием о т.н. «ветхозаветной Троице» (явлении Аврааму у дубравы Мамре Господа в виде трех мужей; см.: Быт. 18, 1—16).

652. ССт по списку с черного автографа (РГАЛИ) с неточностями. Печ. по беловому автографу с датой (АЛ). Раков Л.Л. — см. преамбулу к разделу «Новый Гуль», с. 765. Теодор — Э.Т.А.Гофман. Конрад — немецкий киноактер Конрад Фейд (см. примеч. 501—515, 12).

653. Собрание стихотворений. Л., 1926. Беловой автограф — ИРЛИ, Р I. Черновой автограф — РГАЛИ.

654. «Наше наследие». 1988. № 4 / Публ. Н.А.Богомолова (по машинописной копии невышедшего альм. «Мнемозина» [1924; РГБ, арх. Л.В.Горнунга]). -- Пятое Тыняновские чтения. тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990 / Публ. М.Б.Горнунга по автографу для того же альманаха, хранящемуся в его собрании. В текстах разночтений нет. Дата — по списку РТ-2. В Эфесе долгое время пребывал апостол Павел (Деян., гл. 18—20).

655. Печ. по беловому автографу с датой (АЛ). В списке РТ=2 — под загл. «Двое».

656. Часть речи. Нью-Йорк, 1980. Вып. 1 / публ. Г.Г.Шмакова. Печ. по: «Наше наследие». 1988. № 4 / Публ. Н.А.Богомо-

лова по беловому автографу (ГЛМ). *Курган Малахов* — место жестоких боев в Крымскую войну 1853—1856 гг.

657. De Visu. 1993. № 6 / Публ. С.В.Поляковой. Печ. по беловому автографу (АЛ), с которого С.В.Полякова сделала список, когда он принадлежал вдове Л.Л.Ракова. Ст-ние обращено к Ракову. В списке РТ-2 — под загл. «Чудовище небес».

658. «Русская мысль». Лит. прил. № 3/4 к № от 5 июня 1987 / Публ. Г.Г.Шмакова, с датой: 1932—1933. — «Родник». 1989. № 1 / Публ. Р.Д.Тименчика, с датой: конец 1920-х. В текстах разночтений нет. Дата — по списку РТ-2.

659. Новые стихи. М., 1927. Сб. второй. Дата — по списку РТ-2.

660. Новые стихи. М., 1927. Сб. второй. Дата — по списку РТ-2. В ст. 13, вслед за издателями ССт, исправляем «О катчер Мурр» на правильное «катер Мурр» (т.е. кот Мурр, герой знаменитого романа Э.Т.А.Гофмана). *Johannisberger Kabinett* — название одного из высших сортов рейнвейна.

661. Часть речи. Нью-Йорк, 1980. Вып. 1 / Публ. Г.Г.Шмакова. — Печ. по неавторизованной машинописной копии (РГАЛИ, арх. В.Н.Орлова), дающей более осмысленное чтение первой строфы. В публ. Г.Г.Шмакова она читается:

«Вселенную! Ну, привольно!»
В клетки запел слепой скворец.
Ты помнишь: «Пэт, совсем не больно!»
И в ванну падает отец.

Дата — по публ. Шмакова (по списку РГАЛИ — май 1925).

662. ССт (прил. «Addenda et errata»). Печ. по: Кузмин и русская литература / Публ. Н.Г.Князевой, комм. Г.А.Морева, по автографу из собрания М.С.Лесмана. Написано на смерть балерины Л.Ивановой (см. прим. 516—523, 6).

663. Собрание стихотворений. Л., 1926. Дата — по списку РТ-2. Беловые автографы — ИРЛИ, альбом А.Д.Радловой, с датой: 17 февраля 1926 (сообщено А.Г.Тимофеевым) и ИРЛИ, Р I. Две дополняющие (но отчасти и противоречащие друг другу) интерпретации этого ст-ния см.: Шмаков Г.Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Венский сборник. С. 39—41; Гаспаров В.М., Гаспаров М.Л. К интерпретации стихотворения М.Кузмина «Олень Изольды» // Кузмин и русская литература. С. 47—49. *Олень комельский, сотник благочестный*. Г.Г.Шмаков возводит эти слова к житию сотника Евстафия Плакиды, увидевшего в лесу комолого, т. е. безрогого оленя. Однако вероятнее, что имеется в виду Комельский лес в Вологодской губ., место подвижничества ряда русских святых (см.: Коноплев Николай. Святые Вологодского края // Чтения в Имп. общ. Истории и древностей российских при Моск. университете. М., 1895. Кн. 4 (175). Пар. 8-я.

С. 65—101; указано М.Л.Гаспаровым). *Взмолился о машинной рубашке*. Явная отсылка к поставленной В.Э.Мейерхольдом в 1909 г. в Мариинском театре опере Р.Вагнера «Тристан и Изольда», где Тристан был одет в малиновую рубашку (см.: Ауслендер С. Петербургские театры // А. 1909. № 3. С. 38).

664. «Литературная газета». 1967. № 12 / Публ. В.Н.Орлова по тексту, сохранившемуся в памяти И.А.Лихачева. См. об обстоятельствах появления этого текста: Петров В.Н. Калиостро // «Новый журнал». 1986. Кн. 163. С. 113—116. Машинопись этого текста с пометой о его происхождении — РГАЛИ, арх. В.Н.Орлова. Беловые автографы: ГЛМ; РГАЛИ, арх. А.Е.Кручных, с датой: 1924. Печ. по беловому автографу (АЛ). Дата — по списку РТ-2.

665. Новые стихи. М., 1927. Сб. второй. Дата — по списку РТ-2. *Обращенный Павел*. См.: Деян. 9, 3—20.

666. Часть речи. Нью-Йорк, 1980. вып. 1 / Публ. Г.Г.Шмакова. -- «Родник». 1989. № 1 / Публ. Р.Д.Тименчика. Разночтений в текстах нет. Дата — по списку РТ-2, совпадающему с датой в публ. Г.Г.Шмакова. В списке РТ-2 под загл. «Золотая Елена». *Удельная* — обиходное название психиатрической лечебницы в Петербурге.

667. Печ. по беловому автографу с датой (АЛ). В нем возле ст. 22 записана нотная фраза.

668. Лидия Иванова: 1903—1927. Л., 1927. Черновой автограф — РГАЛИ. В нем была начата еще одна строфа:

И в памяти ничто не омрачат
Такие девичьи твои черты.

Лидия Иванова — см. примеч. 516—523 (6).

669. «Литературная Грузия». 1971. № 7 / Публ. Е.В.Ермиловой. Беловой автограф — собр. М.С.Лесмана (см.: Лесман. С. 302). Черновой автограф — РГАЛИ. Печ. по ССт. *О.А.Черемшанова* — см. преамбулу к циклу 531—537. *Роза алая в зубах!* Ср: «Красный розан — в волосах» (А.Блок, «Анне Ахматовой»).

670. ССт. Автограф в альбоме О.Н.Арбениной-Гильдебранд (см. примеч. 435). — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронτισпис*. М. Кузмин. Фотография 1920-х годов работы М. Наппельбаума.

2—9. *Между с. 224 и 225.*

2. Кузмин. Фотография ок. 1903 г. Надпись-автограф: «Милому Юрочке Юркуну М. Кузмин. 1913. Каким я был 20 лет тому назад и каким больше быть не собираюсь». Оригинал — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Санкт-Петербург.

3. Кузмин. Портрет работы К. А. Сомова. 1909. Бумага, картон, акварель, гуашь. Гос. Третьяковская галерея. Москва.

4. Обложка работы Н. Альтмана сб. Кузмина «Глиняные голубки» (Третья книга стихов. Изд. 2. [Берлин]: «Петрополис», 1921).

5. Обложка и марка работы М. Добужинского сб. Кузмина «Нездешние вечера» (Стихи 1914—1920. Пг.; [Берлин]: «Петрополис», 1921).

6. Обложка кн. Кузмина «Новый Гуль» (Л.: «Асадетиа», 1924).

7. Обложка работы В. Ходасевич сб. Кузмина «Фореяль разбивает лед» (Стихи. 1925—1928. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929).

8. Празднование в Ленинграде 20-летия литературной деятельности М. Кузмина. 1925 г. Фотография работы М. Наппельбаума (в его ателье). Среди присутствующих (М. Кузмин в центре): Анна Ахматова, Михаил Лозинский, Константин Вагинов, Павел Лукницкий, Николай Клюев. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Другой вариант фотографии — в ИРЛИ.

9. Юрий Юркун и Кузмин. Фотография 1930-х годов. Оригинал — в ИРЛИ.

10. С. 340. Надпись-автограф Кузмина на авантитуле сб. «Эхо» (Стихи. Пг.: «Картонный домик», 1921. Обл. и марка А. Головина). «Милым и дорогим друзьям моим Елене Исаковне и Якову Ноевичу Блох искренне и нежно их любящий М. Кузмин. 1921». О Е. И. и Я. Н. Блох см. Примечания к наст. изд., с. 689 и 752. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Собрание М. С. Лесмана.

11. С. 403. Обложка сб. «Куранты любви» (вокально-инструментальный цикл Кузмина опубликован с нотами дважды: М., 1910 и М., 1911). В изд.: Куранты любви / Слова и музыка М. Кузмина. [М.]: «Скорпион», [1910]. Рис. «Весна» и «Зи-

ма» С. Судейкина. «Лето» и «Осень» — Н.Феоктистова. Обл. Н. Феофилактова.

12. С. 521. Беловой автограф первого ст-ния кн. Кузмина «Новый Гуль» (см. ст-ния 489—500, 1), под загл. «Приглашение», с посвящением Л. Л. Ракову (см. о нем Примечания к наст. изд., с. 765), пометой «Новый Гуль», подписью и датой: 17 февраля 1924. Собрание А. М. Луценко. Санкт-Петербург.

13. С. 559. Беловой автограф второго ст-ния цикла «Пальцы дней» (NN № 531—537). Собрание А. М. Луценко.

14. С. 656. Дарительная надпись-автограф Кузмина на авантитуле кн. «Глиняные голубки» (Третья книга стихов. Изд. 2-е. [Берлин]: «Петрополис», 1923): «Милому Льву Львовичу Ракову, за десять лет до нашего знакомства вышедшую книжку. Какая бы книга ни вышла через десять лет, знакомство с Вами там отразится хотя бы и широким от ослабления кругом или изолированной вертящейся воронкой. За все благодарный М. Кузмин. 3 марта 1927». Собрание А. М. Луценко.

15. С. 657. Беловой автограф с посвящением Л. Ракову ст-ния «Ко мне скорее, Теодор и Конрад!..» (№ 652). Собрание А. М. Луценко.

16. С. 663. Беловой автограф ст-ния «Идущие» (№ 655). Собрание А. М. Луценко.

17. С. 665. Беловой автограф ст-ния «Я чувствую: четыре...» (№ 657). Собрание А. М. Луценко.

18. С. 671. Беловой автограф ст-ния «Переселенцы» (№ 664). Собрание А. М. Луценко.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А знаете, ведь я хотел сначала...» («Форель разбивает лед»; Заключение, 15) 546
- «А ну, луна, печально!..» (Луна; «Для августа», 2) 562
- «А это — „хулиганская“, сказала...» 469
- А я... («Стоит в конце проспекта сад...»; «Для августа», 3) 564
- А я.../2-ое («Постучали еле слышно...»; «Для августа», 6) 566
- Адам («В осеннем кабинете...») 454
- «Адбннса Киприда ищет...» («Канопские песенки», 4) 132
- Акростих («Валы стремят свой яростный прибой...»; «Стихотворения на случай», 2) 187
- Али («Не так ложишься, мой Али...») <369>
- «Алисы именины... (Именины; «Английские картинки», 6) 501
- «Алость злата — блеск фазаний в склонах гор!..» («Венок весен», 20) 199
- «Американец юный Гуль...» (Вступление; «Новый Гуль») 519
- Амур и невинность. («Не учи в ручей подругу...») 449
- Ангел благовествующий («Прежде...»; «Плен», 1) 636
- «Ангелы удивленные...» 629
- Английские картинки (а, б, в) 500
- «Анна плакала в пустыне...» (Рождество Богородицы; «Праздники Пресвятой Богородицы», 2) 222
- Античная печаль («Смолистый запах загородью тесен...») 421
- «Античность надо позабыть...» («Новый Гуль», 2) 520
- Апулей («Бледное солнце осеннего вечера...») 593
- Ариадна («У платана тень прохладна...») 481
- Ассизи («Месяц молочный спустился так низко...») 451
- Атенаис («Зовут красотку Атенáис...») <351>
- «Ау, мой друг, припомни вместе с „башней“...» (Ответный сонет; «Стихотворения на случай», 3) 188
- «Ау, Сергунька! серый скит осиротел...» (Уединение питает страсти; «Панорама с выносками», 4) 549
- «Ах, наш сад, наш виноградник...» («Канопские песенки», 3) 131
- «Ах, не плыть по голубому морю...» («Зимнее солнце», 7) 157
- «Ах, покидаю я Александрию...» (Заключение; «Александрийские песни») 133
- «Ах, прелестны вы, малютки...» (Купанье) <355>
- «Ах, уста целованные столькими...» («Любовь этого лета», 3) 60
- «Ах, я любви ленивый ученик!..» («Сонеты», 5) 608
- «Базарный фокус-покус...» 674
- Базилла («Даже лошади стали мне слонов огромней!..») 437
- Балет («О царство милое балета...; «Разные стихотворения», 10) 267
- «Барабаны воркуют дробно...» 503
- «Баржи затопили в Кронштадте...» («Северный веер», 5) 555
- «Без мук Младенец был рожден...» (Рождество) 498
- «„Без солнца я молчу. При солнце властном...“» (Sine sole sileo; «Сонеты», 15) 613

- Безветрие («Заозу иозй...») 484
 Белая ночь («Загоризонтное светило...») 422
 «Беременная Рая...» (Суббота; «Пальцы дней», 6) 560
 «Бери, Броун! бритвой, Броун, бряк!.. (Осень; «Английские картинки», а) 500
 Бисерные кошельки (1—3) 271
 Благовещенье («Какую книгу Ты читала...»; «Праздники Пресвятой Богородицы», 4) 224
 «Благословен, благословен...» (Дом; «Лазарь», 13) 588
 «Бледное солнце осеннего вечера...» (Апулей) 593
 «Бледны все имена и стары все названья...» («Осенний май», 6) 149
 «Блеснула лаком ложка...» 673
 «Близкая студеная пора...» (Зима, «Вина иголки», 9) 317
 «Боги, что за противный дождь!..» («Разные стихотворения», 2) 180
 «Богородицyno Успенье...» (Успенье) 392
 «Брызни дождем веселым...» 506
 «Бывают мгновенья...» («Ночные разговоры», 3) 257
 «Бывают странными пророками...» («Отдых», 1) 249
 «Был бы я художник, написал бы...» 676
- «В глухие воды бросив невод...» (Муза) 468
 «В гроте Венерином мы горим...» 649
 «В грустном и бледном гриме...» («Остановка», 5) 247
 «В густом лесу мы дождь пережидали...» («Тринадцать сонетов», 3) 595
- В дороге (1—13) 232
 «В душе журавлино просто...» (Озеро) 455
 «В золоченой утлой лодке...» (София) 436
 «В игольчатом сверкании...» (Колдовство; «Виденья», 3) 330
 «В какую высь чашка весов взлетела!..» 650
 «В Канопе жизнь привольная...» («Канопские песенки», 1) 130
 «В ком жив полет влюбленный...» (Зеленая птичка) 498
 «В краю Эстляндии пустынной...» («Осенний май», 8) 150
 «В Кремоне скрипку некогда разбили...» («Тринадцать сонетов», 7) 597
 «В крещенски голубую прорубь...» (Смерть) 417
 «В легкой лени...» («Песенки», 1) 274
 «В начале лета, юностью одета...» («Осенний май», 10) 151
 «В обманчивом, тревожном сне...» («Холм вдали», 10) 243
 «В окне под потолком желтеет липа...» (Посещение; «Лазарь», 12) 587
 «В осеннем кабинете...» (Адам) 454
 «В осеннем сне то слово прозвучало...» (Чужая поэма) 395
 «В осеннюю рваную стужу...» 652
 «В покойце лейном летавит Лемур...» (Лейный Лемур) 394
 «В последний раз зову тебя, любовь...» (Сонет) 620
 «В потоке встречных лиц искать глазами...» («Листки разрозненных повестей», 6) 177
 «В проходной сидеть на диване...» («Радостный путник», 4) 92
 «В ранний утра час покидал Милет я...» («Харика из Милета», 1) 602
 «В раскосый блеск зеркал забросив сети...» 468
 «В романе старом мы с тобой читали...» («Тринадцать сонетов», 5) 596
- В саду («Их руки были приближены...»; «Ракеты», 5) 83
 В старые годы («Подслушанные вздохи о детстве...»; «Разные стихотворения», 6) 182
 «В степи ковыляющей...» (Колодец) 475
 «В сумерках идут двое...» (Идущие) 662
 «В такую ночь, как паутина...» («Вина иголки», 6) 315

- В театре («Переходы, коридоры, уборные...» «Прерванная повесть», 5) 68
- «В тенистой роще безмятежно ..» («Разные стихотворения», 5) 182
- «Валы стремят свой яростный прибой...» (Акrostих; «Стихотворения на случай», 2) 187
- Введение («Вводится Девнца в храм по ступеням...»; «Праздники Пресвятой Богородицы», 3) 223
- «Вверх взгляни на неба свод: все светила!..» («Венок весен», 6) 193
- «Вводится Девнца в храм по ступеням...» (Введение, «Праздники Пресвятой Богородицы», 3) 223
- «Вдали поет валторна...» (* * *, 4) 321
- «Ведет по небу золотая вязь имя любимое...» («Венок весен», 2) 191
- «Ведь Марию Египтянку...» (Мария Египетская; «Разные стихотворения», 15) 270
- «Ведь это из Гейне что-то...» 411
- «Великое приходит просто...» 628
- Венецианская луна («Вожденья полнолуний...») 490
- Венеция («Обезьяна распростерла...») 447
- Венок весен (1—30) 191
- «Веселенькую! Ну, привольно!...» 669
- «Веселушки и плакушки...» (Псковской август; «Русский рай», 4) 327
- «Весенней сыростью страстной седмицы...» 509
- Весенний возврат (1—5) 152
- «Веслом по-прежнему причаль!..» (Пять) 444
- «Весною листья меняет тополь» («Она», 2) 115
- «Весны я никак не встретил...» 410
- «Весь город поутру твердит...» (Эдит; «Лазарь», 4) 574
- «Ветер с моря тучи гонит...» («Зимнее солнце», 8) 158
- «Ветер широкий, рей...» (Встречным глазам; «Плен», 2) 642
- Вечер («Жарко-желтой позолотой заката...»; «Ракеты», 4) 82
- «Вечерний сумрак над теплым морем...» («Вступление», 3) 111
- «Взглянув на темный кипарис, пролей слезу, любивший!..» («Венок весен», 29) 203
- «Взойдя на ближнюю ступень...» («Вожатый», 4) 102
- «Виденье мной овладело...» («Виденья», 1) 328
- Виденья (1—9) 328
- «Вина весеннего иголки...» («Вина иголки», 1) 313
- Вина иголки (1—9) 313
- «Влюблен ли я — судите сами...» («Холм вдали», 4) 240
- «Вновь я бессонные ночи узнал...» («Обманщик обманувшийся», 2) 87
- «Водителем душ, Гермесом...» (Гермес) 443
- «Водительница Одигитрия!.. (Заключение (Одигитрия); «Праздники Пресвятой Богородицы», 7) 227
- Вожатый (1—7) 100
- «Вожденья полнолуний...» (Венецианская луна) 490
- «Возвращался я домой поздней ночью...» (<Из «Александрийских песен»), 3) 616
- Возвращение («Часы буркнули „бом!“»; «Английские картины», в) 501
- Возвращение дэнди («Разочарован, мрачен, скучен...»; «Разные стихотворения», 8) 264
- «Воздух свеж и волен после...» (Поездка в Ассизи) 489
- «Воздушную и водяную гладь...» 669
- «Возможно ль: скоро четверть века?...» («Разные стихотворения», 4) 262
- «Волны ласковы и мирны...» («Разные стихотворения», 1) 179

- Волхвы («Тайноведением веры...»; «Разные стихотворения», 6) 263
 Вольнский полк («Отчего травяная, древесная...») 632
 «Воружая зыбей зеленых...» (Италия) 452
 Воскресенье («Только колоколам работа...»; «Пальцы дней, 7) 561
 Восьмой удар («На составные части разлагает...»; «Форель разбивает лед», 10) 539
 «Вот барышня под белою березой...» 479
 «Вот, молодые господа...» (Пролог к сказке Андерсена «Пастушка и трубочист») 399
 «Вот после ржавых львов и рева...» 507
 Враждебное море («Чей мертвящий, помертвелый лик...»; «Виденья», 6) 332
 «Врач мудрый нам открыл секрет природы...» («Сонеты», 4) 608
 «Врезанные в песок заливы...» 479
 Всадник («Дремучий лес вздыбил по горным кручам...») 204
 «Все дни у Бога хороши...» (* * *, 6) 322
 «Все пламенной стремленья...» («Осенний май», 4) 147
 «Все так же солнце всходит и заходит...» («Тринадцать сонетов», 12) 599
 «Все тот же сон, живой и давний...» («Русский рай», 1) 323
 Все четверо / Апофеоз («Тра-та-та-та, тра-та-та-та...»; «Для августа», 10) 569
 «Всегда стремясь к любви неуловимой...» («Холм вдали», 12) 244
 «Всех поишь ты без изъятья, кравчий...» («Венок весен», 9) 195
 «Встала заря над прорубью...» 650
 Встречным глазам («Ветер широкий, рей...»; «Плен», 2) 642
 Вступление («Американец юный Гуль...»; «Новый Гуль») 519
 Вступление (1—3) 110
 Вступление («Прости неопытную руку, Дева...»; «Праздники Пресвятой Богородицы», 1) 221
 «Всходила Пречистая...» (Хождение Богородицы по мукам) 214
 «Всю тину вод приподнял сад...» 420
 Вторник/Марс («Приземисто краснея, глаз...»; «Пальцы дней», 2) 556
 Второе вступление («Непрощенные гости...»; «Форель разбивает лед», 2) 531
 Второй свидетель/Хозяйка («Покойный муж говаривал мне: „Минна...“»; «Лазарь», 7) 579
 Второй удар («Кони бьются, храпят в испуге...»; «Форель разбивает лед», 4) 533
 «Вы — белое бургундское вино...» («В дороге», 6) 234
 «Вы думаете, я влюбленный поэт?...» («Ночные разговоры», 1) 254
 «Вы и я, и толстая дама...» (На вечере; «Прерванная повесть», 3) 68
 «—Вы мне не нравитесь при лунном свете...» (Ты/3-е; «Для августа», 9) 569
 «Вы — молчаливо-нежное дитя...» («В дороге», 2) 233
 «Вы мыслите разъединить...» («Маяк любви», 11) 169
 «Вы подумайте, мила братья...» (Страшный суд) 220
 Выздоравливающей («Девочка по двору вела...») 340
 Выноска вторая («Дымок сладельный вьется...»; «Панорама с выносками», 5) 549
 Выноска первая («Скок, скок!...»; «Панорама с выносками», 2) 547
 Выноска третья («По веселому морю летит пароход...»; «Панорама с выносками», 8) 552
 «Высокий холм стоит в конце дороги...» («Сонеты», 12) 611
- Газзла («Мне ночью шепчет месяц двурогий все о тебе...») 625

- «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» («Любовь этого лета», 1) 59
 «Где сомнения? Где томления?...» («Обманщик обманувшийся», 5) 89
 Германия («С безумной недвижимостью...») 653
 Гермес («Водителем душ, Гермесом...») 443
 Геро («Тщетно жечь огонь на высокой башне...»; «Разные стихотворения», 4) 181
 Гете («Я не брошу метафоре...») 425
 «Глаз змеи, змеи извивы...» («Любовь этого лета», 2) 59
 «Глуное сердце все бьется, бьется...» («В дороге», 12) 237
 «Говоришь ты мне, улыбаясь...» («Из «Александрийских песен», 2) 615
 «Голой отрок в поле ржи...» («Оттепель», 8) 163
 «Горит высоко звезда рассветная ..» («Радостный путник», 3) 91
 «Господь, я вижу, я недостоин...» («Плод зреет», 3) 308
- «Давно уж жаворонки прилетели...» (Царевич Димитрий; «Русский рай», 3) 325
 «Даже лошади стали мне слонов огромней!..» (Базилид) 437
 «Дай вспомнить, Боже! научи...» (Пещной отрок) 458
 «Далеки от родного шума...» 419
 «Дамы, дамы, молодые люди...» (Суд; «Лазарь», 5) 575
 Два старца («Жили два старца...») 387
 «Двадцатую весну, любя, он встретил. .» (Эпитафия; «Ракеты», 9) 85
 Двенадцатый удар («На мосту белеют кони...»; «Форель разбивает лед», 14) 545
 «Двенадцать — вещее число...» («Северный веер», 7) 555
 Двойная тень дней прошлых и грядущих...» («Мудрая встреча», 9) 99
 «Девочка по двору вела...» (Выздоровливающей) 340
 Девочке-душеньке («Розово, в качели колыбельной дыша...») 339
 Девятый удар («Не друзей — приятелей зову я...»; «Форель разбивает лед», 11) 541
 «Девять родинок прелестных...» («Остановка», 2) 246
 «Декабрь морозит в небе розовом...» 644
 «Держу невиданный кристалл...» («Новый Гуль», 11) 528
 Десятый удар («Чередование милых развлечений...»; «Форель разбивает лед», 12) 542
 Для августа (1—10) 561
 «„Для нас и в августе наступит май!..“» («Осенний май», 11) 152
 «Дней любви считаю звенья, повторяя танец мук...» («Венок весен», 18) 199
 «Дни мои — облака заката...» («Отдых», 4) 251
 Добрые чувства побеждают время и пространство («Есть у меня вещица...»; «Панорама с выносками», 7) 551
 «Довольно. Я любим. Стоит в зените...» (Четверг/Юпитер; «Пальцы дней», 4) 558
 «Дождь моросит, темно и скучно...» («Оттепель», 6) 161
 Дом («Благословен, благословен...»; «Лазарь», 13) 588
 Домик («С тех пор прошло уж года два...»; «Лазарь», 2) 572
 «Дороже сына, роднее брата...» («Холм вдали», 5) 241
 «Дремучий лес вздыбил по горным кручам...» (Всадник) 204
 «Душа, я горем не терзаем...» (* * *, 5) 321
 «Дымок сладельный вьется...» (Выноска вторая; «Панорама с выносками», 5) 549
- Елка («С детства помните сочельник...») 389
 «Если б были вы Зюлейкой...» («Песенки», 7) 277
 «Если б ты был небесный ангел» 619

- «Если б я был древним полководцем...» («Любовь», 7) 114
 «Если будешь, странник, в Берлине...» (Поручение) 497
 «Если мне скажут: „Ты должен идти на мученье...“» («Струи», 9) 109
 «Есть зверь норок, живет он в глуби моря...» («Тринадцать сонетов», 6) 596
 «Есть ли что-нибудь нелепей...» (Мечты пристыжают действительность; «Панорама с выносками», 3) 547
 «Есть у меня вещичка...» (Добрые чувства побеждают время и пространство; «Панорама с выносками», 7) 551
 «Еще не скоро разбухнут почки...» («В дороге», 9) 236
 «Еще нежней, еще прелестней...» («Вина иголки», 2) 313
- «Жарко-желтой позолотой заката...» (Вечер; «Ракеты», 4) 82
 «Живется нам не плохо...» 646
 «Жил в фракийских странах...» (О разбойнике) 217
 «Жили два старца...» (Два старца) 387
- «Завет, воспоминание, испуг...» (Памяти Лидии Ивановой) 675
 «Загоризонтное светило...» (Белая ночь) 422
 Заключение («А знаете? Ведь я хотел сначала...»; «Форель разбивает лед», 15) 546
 Заключение («Ах, покидаю я Александрию...»; «Александрийские песни») 133
 Заключение (Одигитрия) («Водительница Одигитрия...»; «Праздники Пресвятой Богородицы», 7) 227
 «Залетною голубкой к нам слетела...» (Разные стихотворения), 2) 261
 «Занеридил ирис Неми...» (Озеро Неми) 445
 «Запел петух, таинственный предвестник...» («Тринадцать сонетов», 4) 595
 «Затрепещут тразименские тростники, затрепещут...» (Тразименские тростники) 447
 «Зачем, златое время, летишь?...» («Венок весен», 14) 197
 «Зачем идти домой...» (После суда; «Лазарь», 10) 584
 «Зачем копье Архистратига...» («Из цикла «Зеленый доломан»», 8) 624
 «Зачем луна, поднявшись, розовеет...» («Любовь этого лета», 6) 62
 «Зачем мне рассказы гадалки...» («В дороге», 7) 235
 «Зачем те чувства, что чище кристалла...» («Отдых», 2) 250
 «Защищен наш вертоград надежно...» («Разные стихотворения», 14) 269
 Звезда Афродиты («О, Птоломея Филадельфа фарос...») 485
 «Звезда дрожит на нитке...» (Летающий мальчик) 504
 «Звезды побледнели...» (Утро) 619
 «Звезды сверху, звезды снизу...» («Песенки», 6) 276
 «Здесь, страстью сладкою волнуясь и горя...» (Надпись к беседке; «Ракеты», 3) 81
 «Здесь цепи многие развязаны...» (Кабаре) 625
 Зеленая птичка («В ком жив полет влюбленный...») 498
 «Зеркальным золотом вращаясь...» 654
 Зима («Близка студеная пора...»; «Вина иголки», 9) 317
 Зимнее солнце (1—8) 154
 «Зову: „Пещерный мрак покинь, о Джени! сильно заклатье!..“» («Венок весен», 24) 201
 «Зовут красотку Атенаис...» (Атенаис) <351>
 «Золотая Елена по лестнице...» 674
- «Идущие («В сумерках идут двое...») 662
 <Из «Александрийских песен»> (1—5) 615
 <Из цикла «Зеленый доломан»> (1—8) 621

- «Из глины голубых голубок...» 231
 «Из глубины земли источник бьет...» («Тринадцать сонетов», 10) 598
 «Из моего окна в вечерний час...» («Сонеты», 13) 612
 «Из поднесенной некогда корзины ..» («Любовь этого лета», 5) 61
 Именины («Алисы именины...»; «Английские картинки», 6) } 501
 Иосиф («Сомнения отбросив...») 385
 Искусство («Туман и майскую росу...») 467
 «Истекай, о сердце, истекай...» («Струи», 2) 105
 Италия («Ворожея зыбей зеленых...») 452
 «Их было четверо в этот месяц...» («Она», 5) 118
 «Их руки были приближены...» (В саду; «Ракеты», 6) 83
- «Йони-голубки, Ионины недра...» (Первый Адам) 508
- «К вам раньше, знаю, прилетят грачи...» («Новый Гуль», 5) 524
 К Дебюсси («Какая новая любовь и нежность...»; «Вина иголки», 8) 317
 К матери нашей, Любви, я бросился, горько стеная...» («Осенний май», 7) 149
 Кабаре («Здесь цепи многие развязаны ..») 625
 Кавалер («Кавалер по кабинету...»; «Ракеты», 7) 84
 «Каждый вечер я смотрю с обрывов...» («Любовь этого лета», 8) 63
 «Казалось нам: одежда мая...» («Трое», 8) 174
 «Казнят? Казнят? Весь заговор открыт!..» («Харика из Милета», 7) 605
 «Как без любви встречать весны приход...» («Сонеты», 11) 611
 «Как девушки о женихах мечтают...» 465
 «Как люблю я, вечные боги...» («Мудрость», 3) 122
 «Как люблю я запах кожи...» («Оттепель», 7) 162
 «Как матодоры красным глаз щекочут...» (Солнце-бык; «Вина иголки», 5) 315
 «Как месяц молодой повис...» 411
 «Как меч мне сердце прободал...» («Струи», 6) 107
 «Как недобитое крыло...» (Третий удар; «Форель разбивает лед», 5) 534
 «Как нежно зеленеет даль весною!..» («Венок весен», 10) 195
 «Как отрадно, сбросив трепет...» («Мудрая встреча», 7) 98
 «Как песня матери...» («Вступление», 1) 110
 «Как погну я дорогу на рассвете...» («Харика из Милета», 8) 605
 «Как Порции шкатулка золотая...» («Сонеты», 7) 609
 «Как птица, закликать и биться...» (А. Д. Радловой) 496
 «Как радостна весна в апреле...» («Весенний возврат», 3) 153
 «Как сладко дать словам размеренным...» («Отдых», 3) 250
 «Как странно...» («Ночные разговоры», 4) 258
 «Как странно в голосе моем слышен голос...» («Трое», 3) 171
 «Как странно: снег кругом лежит...» («Маяк любви», 10) 169
 «Какая белизна и кроткий сон!..» («Плод зреет», 7) 311
 «Какая новая любовь и нежность...» (К Дебюсси; «Вина иголки», 8) 317
 «Какая-то лень недели кроет...» («Плод зреет», 4) 309
 «Какие дни и вечера!..» («Отдых», 5) 251
 «Каких достоин ты похвал, Искандер!..» («Венок весен», 28) 203
 «Какой насмешливый механик...» («Остановка», 1) 245
 «Какой скаун принять укол...» (Надпись на правой шпоре; «Из цикла «Зеленый доломан»», 6) 624
 «Какую книгу Ты читала...» (Благовещенье; «Праздники Пресвятой Богородицы», 4) 224
 Канопские песенки (1—5) 130

- Т. П. Карсавиной («Полнеба в улице далекой...») 427
 «Картины — лица бегло-кратки ..» («Шведские перчатки») 428
 Картонный домик («Мой друг уехал без прощанья...»; «Прерван-
 ная повесть», 5) 70
 «Кассирша ласково твердила...» (Природа природствующая и
 природа оприроденная; «Панорама с выносками», 1) 546
 Катакомбы («Пурпурные трауры ирисов приторно ранят...») 491
 «Катались Вы на острова...» («Отгепель», 6) 160
 «Кем воспета радость лета...» (Маскарад; «Ракеты», 1) 80
 Китайские песенки (1—3) 404
 Кларнетист («Я возьму почтовый лист...») <365>
 «Ко мне скорее, Теодор и Конрад!..» 658
 «Ко мне сошел...» (<Из «Александрийских песен»>, 5) 617
 «Когда душа твоя немела...» («Трое», 7) 173
 «Когда и как придешь ко мне ты...» («Осенние озера», 9) 143
 «Когда и как приду к тебе я...» («Осенние озера», 10) 143
 «Когда меня провели сквозь сад...» («Отрывки», 2) 125
 «Когда мне говорят: „Александрия“...» («Вступление», 2) 111
 «Когда нас пригласили вместе с Дэзи...» (Четвертый свидетель /
 Сыщик; «Лазарь», 9) 583
 «Когда услышу в пеньи птиц: „Снова с тобой!“?» («Венок
 весен», 23) 201
 «Когда утром выхожу из дома...» («Любовь», 5) 113
 «Когда я тебя первый раз встретил...» («Любовь», 1) 112
 «Кого прославлю в тихом гимне я?..» («Зимнее солнце», 1) 154
 Колдовство («В игольчатом сверкании...»; «Виденья», 3) 330
 Колизей («Лунный свет на Колизее...») 490
 Колодец («В степи ковылиной...») 475
 Колыбельная («Спросили меня: „Что лучше...“»; «Китайские
 песенки», 1) 404
 Колыбельная («Теплый настанет денек...»; «Плен», 4) 644
 «Кому есть выбор — выбирает...» («Листки разрозненных пове-
 стей», 2) 175
 «Кому любви огонь знаком...» («Остановка», 4) 247
 Конец второго тома («Я шел дорожкой Павловского парка...») 509
 «Кони бьются, храпят в испуге...» (Второй удар; «Форель разби-
 вает лед», 4) 533
 «Конским потом...» (Купанье) 484
 «Коснели мысли медленные в лени...» («Осенний май», 3) 147
 «Косые соответствия...» 465
 «Красен кровавый рот...» (Пейзаж Гогена; «Виденья», 4) 330
 «Красное солнце в окно ударило...» («Плод зреет», 8) 311
 «Крашены двери голубой краской...» 651
 «Кружитесь, кружитесь...» («Каношские песенки», 5) 132
 «Кто видел Мекку и Медину — блажен!..» («Венок весен», 3) 192
 «Кто скрижали понимает...» (Пятница/Венера; «Пальцы
 дней», 5) 558
 Купанье («Ах, прелестны вы, малютки...») <355>
 Купанье («Конским потом...») 484
 «Курятся, крутят роц отроги...» (Мореход на суше) 422
 «Ладана тебе не надо...» («Струи», 7) 108
 Лазарь (1—13) 571
 Лазарь («Припадочно заколотился джаз...»; «Лазарь», 1) 571
 «Легче весеннего дуновения...» («Мудрая встреча», 8) 99
 «Легче пламени, молока нежней...» 466
 Лейный Лемур («В покойце лейном летавит Лемур...») 394

- Лермонтову («С одной мечтой в упрямом взоре...») 425
 Лесенка («Опусти глаза, горло закинь!..») 511
 Летящий мальчик («Звезда дрожит на нитке...») 504
 Летний сад («Пропало славы обветшало!..»; «Вина иголки», 7) 316
 «„Лето Господнее — благоприятно...“» («Вожатый», 2) 101
 «Летом нам бассейн отраден плеском брызг!..» («Венок весен», 21) 200
 Листки разрозненных повестей (1—8) 175
 «Листья, цвет и ветка...» 412
 «Лодка тихо скользила по глади зеркальной...» 593
 «Ложится снег...Печаль во всей природе...» («Бисерные кошельки», 1) 271
 Лорд Грегори («Лорд Грегори был очень горд...») 403
 Луна («А ну, луна, печально!..»; «Для августа», 2) 562
 Луна/2-ое («Луна! Где встретились!.. сквозь люки...»; «Для августа», 8) 568
 «Лунный свет на Колизее...» (Колизей) 490
 Любви утечи («Любви утечи длятся миг единый...»; «Разные стихотворения», 2) 74
 «Любим тобою я — так что мне грозы?..» («Сонеты», 14) 612
 «„Люблю“, сказал я не любя...» («Разные стихотворения», 5) 77
 Любовь (1—7) 112
 Любовь («Любовь, о подружка тела...») 481
 «Любовь водила Вашею рукой...» (Мой портрет; «Прерванная повесть», 1) 67
 «Любовь, о подружка тела...» (Любовь) 481
 «Любовь чужая зацвела...» 496
 Любовь этого лета (2—13) 59
 «Люди видят сады с домами...» («Любовь», 4) 112
 «Манон Леско, влюбленный завсегда...» (Надпись на книге; «Стихотворения на случай», 4) 188
 Мария Египетская («Ведь Марию Египтянку...»; «Разные стихотворения», 15) 270
 «Маркиз гуляет с другом в цветнике...» (Разговор; «Ракеты», 5) 82
 Маскарад («Кем воспета радость лета...»; «Ракеты», 1) 80
 Маяк любви (1—12) 164
 «Медлительного Минчо к Мантуе...» (Родина Вергилия) 488
 «Медяный блеск пал на лик твой...» 648
 «Меж сосен сонная Равенна...» (Равенна) 451
 «Меня влекут чудесные сказанья...» (Вступительный; «Тринадцать сонетов», 1) 594
 «Меркурий, Меркурий...» (Среда/Меркурий; «Пальпы дней», 3) 557
 «Месяц молочный спустился так низко...» (Ассизи) 451
 Мечты о Москве («Розовый дом с голубыми воротами...»; «Прерванная повесть», 7) 71
 Мечты пристыжают действительность («Есть ли что-нибудь нелепей...»; «Панорама с выносками», 3) 547
 Мими-собачка («Печаль, помедли, не томи...») <361>
 Мижди и Марта («Не переводятся гости у нас, уж так повелось...»; «Лазарь», 3) 572
 «Мне магушка твердила...» (Утешение пастушкам; «Песенки», 8) 277
 «Мне не горьки нужда и плен...» 646
 «Мне не спится: дух томится...» («Любовь этого лета», 7) 62
 «Мне ночью шепчет месяц двурогий всё о тебе...» (Газзла) 625
 «Мне снился сон: в глухих лугах иду я...» («Отдых», 9) 253
 «Моей любви никто не сможет смерть...» («Осенние озера», 6) 140

- «Может быть, я безрассуден...» («Весенний возврат», 2) 152
 Мои предки («Моряки старинных фамилий...») 57
 «Мой друг уехал без прощанья...» (Картонный домик; «Прерванная повесть», 5) 70
 Мой портрет («Любовь водила Вашею рукою...», «Прерванная повесть», 1) 67
 Моление («О, Феодоре Стратилате...») 627
 «Молчим мы оба, и владем тайной...» («Листки разрозненных повестей», 1) 175
 Мореход на суше («Курятся, крутят роц отроги...») 422
 «Морское марево...» (Св<ятой> Марко) 446
 «Моряки старинных фамилий...» (Мои предки) 57
 «Моя душа в любви не кается...» («Мудрая встреча», 4) 96
 «Моя печаль сверх меры и границ...» («Тринадцать сонетов», 13) 600
 Мудрая встреча (1—9) 95
 Мудрость (1—5) 120
 Муза («В глухие воды бросив невод...») 468
 Музыка («Тебя я обнимаю...») 469
 Мученик («Сумеречный, подозрительный час...») 441
 «Мы в слепоте как будто не знаем...» («Плод зреет», 1) 307
 «Мы думали, кончилось все...» («В дороге», 13) 237
 «Мы ждем, и радостны и робки...» (Новый год; «Разные стихотворения», 5) 262
 «Мы плакали, когда луна рождалась...» (Новолуние) 414
 «Мы проехали деревню, отвели нам отвода...» («Разные стихотворения», 7) 78
 «Мы сидели рядом в ложе. .» (На представлении пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; <Из цикла «Зеленый доломан»>, 4) 623
 «Мы этот май проводим, как в деревне...» (Пятый удар; «Форель разбивает лед», 7) 536
- «На берегу сидел слепой ребенок...» («Разные стихотворения», 1) 74
 На вечере («Вы и я, и толстая дама...»; «Прерванная повесть», 3) 68
 «На мосту белеют кони...» (Двенадцатый удар; «Форель разбивает лед», 14) 545
 «На небо выезжает...» (Ноктюрн) 401
 «На площадке пляшут дети...» 502
 «На полях черно и плоско...» (Пасха) 391
 На представлении пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын» («Мы сидели рядом в ложе...»; <Из цикла «Зеленый доломан»>, 4) 623
 «На составные части разлагает...» (Восьмой удар; «Форель разбивает лед», 10) 539
 «На твоей планете всходит солнце...» («Струи», 3) 106
 «На улице моторный фонарь...» («Северный веер», 6) 555
 «Наверно, в полдень я был зачат...» («Любовь», 3) 112
 «Наверно, нежный Ходовецкий...» (Ходовецкий) 423
 «Нагая юность с зеркалом в руке...» (Эней) 448
 «Над входом ангелы со свитками...» («Маяк любви», 9) 168
 «Надо мною выют осы...» («Разные стихотворения», 13) 269
 Надпись к беседке («Здесь, страстью сладкою волнуясь и горя...»; «Ракеты», 3) 81
 Надпись на книге («Манон Леско, влюбленный завсегда...»; «Стихотворения на случай», 4) 188
 Надпись на левой шпоре («Прекрасна участь этих шпор...»; <Из цикла «Зеленый доломан»>, 5) 624

- Надпись на правой шпоре («Какой скакун принять укол...»; <Из цикла «Зеленый доломан»>, 6) 624
- «Нам рождение и кончину — все дает Владыка Неба...» («Венок весен», 4) 192
- «Наполнен молоком опал...» (Сумерки) 483
- «Нас было трое: я и они...» («Трое», 1) 170
- «Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было...» («Она», 1) 115
- «Насмерть я сражен разлукой стрел острой!..» («Венок весен», 17) 198
- «Находит странное молчание...» («Плод зреет», 6) 310
- Начало повести («Я не знаю, блядь ли, сваха ль...») <337>
- «Не верю солнцу, что идет к закату...» («Осенние озера», 7) 141
- «Не вешних дней мы ждем с тобою...» («Трое», 6) 172
- «Не во сне ли это было...» (<Из «Александрийских песен»>, 3) 615
- «Не губернаторша сидела с офицером...» 666
- «Не для того я в творчество бросаюсь...» («Сонеты», 9) 610
- «Не друзей, приятелей зову я...» (Девятый удар; «Форель разбивает лед», 11) 541
- «Не знаешь, как выразить нежности!..» («Плод зреет», 5) 310
- «Не знаю, душа ли, тело ли...» 632
- «Не знаю, как это случилось...» («Она», 6) 119
- «Не мальчик я, мне не опасны...» («Осенний май», 5) 148
- «Не могу я вспомнить без волненья...» («Осенние озера», 8) 142
- «Не называй любви забвеньем...» («Отдых», 7) 252
- «Не напрасно мы читали богословов...» («Любовь», 6) 113
- «Не переводятся гости у нас — уж так повелось...» (Мицци и Марта; «Лазарь», 3) 572
- «Не похожа ли я на яблоню...» («Канопские песенки», 2) 131
- «Не правда ли, на маяке мы...» («Маяк любви», 3) 166
- «Не правда ль, мальчик, то был сон...» («Трое», 4) 171
- «Не пышны вешние сады...» (При посылке цветов в мартовский вторник; <Из цикла «Зеленый доломан»>, 3) 622
- «Не рыбу на берег зову...» 661
- «Не так ложишься, мой Али...» (Али) <369>
- «Не так, не так рождается любви!..» (Темные улицы рождают темные чувства; «Панорама с выносами», 6) 550
- «Не учи в ручей подругу...» (Амур и невинность) 449
- «Неведомый купальщик...» (Восьмой удар; «Форель разбивает лед», 10) 539
- «Невидимого шум мотора...» («Северный веер», 4) 554
- «Невятен смьса твоих велений...» 466
- «Нежной гирляндю надпись гласит у карниза...» 618
- «Непрощеные гости...» (Второе вступление; «Форель разбивает лед», 2) 531
- «Несносный ветер, ты не вой зимою...» («Венок весен», 22) 200
- «Несовершенство мира — милость Божья!..» 383
- «Несчастный день...» («Я знаю, что у Вас такие нравы; «Прерванная повесть», 6) 70
- «Нет, жизни мельница не стерла...» («В дороге», 1) 232
- «Нет, не зови меня, не пой, не улыбайся...» («Оттепель», 2) 159
- «Ни бледность щек, ни тусклый блеск очей...» («Сонеты», 2) 607
- «Ни вид полей в спокойной дали...» («В дороге», 11) 237
- «Ничего, что мелкий дождь смочил одежду...» («Любовь этого лета», 11) 65
- Новолуние («Мы плакали, когда луна рождалась...») 414
- Новый год («Мы ждем, и радостны, и робки...»; «Разные стихотворения», 5) 262

- Новый Гуль («Американец юный Гуль...»; «Новый Гуль») 519
 Новый Ролла («Ты помнишь комнату и свечи...») 279
 Ноктюрн («На небо выезжает...») 401
 Ночные разговоры (1—4) 254
 Ночью («Шаги за спиною и черный канал...»; «Лазарь», 11) 585
 «Ночью легкий шорох трепетно ловится чутким слухом...» («Листки разрозненных повестей», 8) 178
 «Нынче праздник, пахнет мята, всё в цвету...» («Венок весен», 12) 196
 «О, быть покинутым — какое счастье!..» («Разные стихотворения», 6) 77
 «О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!..» («Северный веер», 3) 554
 «О милые друзья, дорогие костыли...» («Мудрая встреча», 6) 98
 «О, кликай, сердце, кликай!..» (Хлыстовская; «Русский рай», 5) 327
 «О, нездешние...» 409
 «О, плакальщики дней минувших...» («Мудрая встреча», 2) 95
 «О, Птоломея Филадельфа фарос...» (Звезда Афродиты) 485
 «О, радости в горестном начале...» («Зимнее солнце», 6) 157
 О разбойнике («Жил в фракийских странах...») 217
 «О Симонетта...» (Симонетта) 402
 О старце и льве («Солнце за лесом уж скрылось...») 216
 «О тихий край, опять стремлюсь мечтою...» («Осенние озера», 3) 139
 «О, Феодоре Стратилате...» (Моление) 627
 «О царство милое балета...» (Балет; «Разные стихотворения», 10) 267
 «О чем кричат и знают петухи...» 667
 «О, этот завтрак так похож...» (Четвертый удар; «Форель разбивает лед», 6) 535
 «О, этот странничий вечер!..» (Станничий вечер) 384
 «Обезьяна распостерла...» (Венеция) 447
 Обманщик обманувшийся (1—5) 86
 «Объяты пламенем поленья...» («Из цикла «Зеленый доломан», 7) 624
 «Один другому говорит...» 658
 Одинадцатый удар («Ты дышишь? Ты живешь? Не призрак ты?..»; «Форель разбивает лед», 13) 544
 «Одна звезда тебе над колыбелью...» («Стихотворения на случай», 1) 187
 «Одна нога — на облаке, другая на другом...» («Вожатый», 6) 103
 «Одно и то же небо над тобою...» («Осенний май», 9) 150
 «Озерный ветер пронзителен...» (* * *, 2) 319
 Озеро («В душе журавлино просто...») 455
 Озеро Неми («Занерейдил ирис Неми...») 445
 «Окна неясны очертанья...» («Весенний возврат», 4) 153
 «Окна плотно занавешены...» («Мудрая встреча», 3) 96
 Олень Изольды («Олень комельский, сотник благочестный...») 670
 «Олень комельский, сотник благочестный...» (Олень Изольды) 670
 «Он жив! у всех душа нетленна...» (Пушкин) 424
 «Он лодку оттолкнул. На сером небе...» («Новый Гуль», 6) 524
 «Он пришел в одежде льна, белый в белом!..» («Венок весен», 25) 202
 «Он пришел, угрозы тая, красный в красном...» («Венок весен», 26) 202
 Она (1—6) 115
 «Оно самой мне непонятно...» (Романс) 402
 «Опусти глаза, горло закинь!..» (Лесенка) 511
 «Опять затопила я печи...» («Зимнее солнце», 3) 155

- Осенние озера (1—12) 138
 «Осенний ветер жалостью дышал...» («Осенние озера», 4) 139
 Осенний май (1—11) 145
 Осень («Бери, Броун! бритвой, Броун, бряк!...»; «Английские картинки», а) 500
 «Оставлен мирный переулочек...» (Прогулка; «Разные стихотворения», 2) 188
 Остановка (1—7) 245
 «Остановка здесь от часа до шести...» (Ты/2-ое; «Для августа», 5) 565
 «Осторожный по болоту дозор...» (Римский отрывок; «Виденья», 5) 331
 «Островитянам строить тыны...» 647
 «Острый меч свой отложи, томной негой полоненный...» («Венок весен», 13) 196
 «От горести не видел я галеры...» («Тринадцать сонетов», 11) 599
 «От тоски хожу я на базары: что мне до них!...» («Венок весен», 19) 199
 Ответный сонет («Ау, мой друг, припомни вместе с „башней“...»; «Стихотворения на случай», 3) 188
 Отдых (1—9)
 «Открыто царское письмо нельзя прочесть...» («Тринадцать сонетов», 2) 594
 «Отрадно улетать в стремительном вагоне...» («Обманщик обманувшийся», 4) 88
 Отрывки (1—5) 125
 Оттепель (1—9) 158
 «Отчего травяная, древесная...» (Волянский полк) 632
 «Отяжелев, слова корой покрылись...» 664
 «Отри глаза и слез не лей...» («Зимнее солнце», 2) 155
- Пальцы дней (1—7) 556
 «Палючий заразу ветер несет...» (Пламень Федры) 492
 Памяти Лидии Ивановой («Завет, воспоминание, испуг?...») 675
 Панорама с выносками (1—8) 546
 «Пароход бежит, стучит...» («Любовь этого лета», 12) 66
 Пасха («На полях черно и плоско...») 391
 Пасха («У Спаса у Евфимия...»; «Разные стихотворения», 10) 186
 «Певцу ли розы принесу...» («Стихотворения на случай», 5) 189
 Пейзаж Гогена («Красен кровавый рот...»; «Виденья», 4) 330
 Пейзаж Гогена (второй) («Тягостен вечер в июле...») 421
 «Пела труба, солдаты ложились спать...» (Троицын день; «Разные стихотворения», 7) 183
 «Пеной...» (Святой Георгий) 429
 Первое вступление («Ручей стал лаком до льда...»; «Фореель разбивает лед», 1) 531
 Первый Адам («Иони-голубки, Ионины недра...») 508
 Первый свидетель / Слепорожденный («Слепым родился я на свет...»; «Лазарь», 6) 577
 Первый удар («Стояли холода, и шел „Тристан“...»; «Фореель разбивает лед», 3) 532
 Переселенцы («Чужое солнце за чужим болотом...») 672
 «Переходы, коридоры, уборные...» (В театре; «Прерванная повесть», 2) 68
 «Персидская сирени! „Двенадцатая ночь“...» («Северный веер», 2) 553
 Персидский вечер («Смотрю на зимние горы я...») 423

- Песенки (1—8) 274
 «Петь начну я в нежном тоне...» («Стихотворения на случай», 7) 190
 «Печаль, помедли, не томи...» (Мими-собачка <361>
 Пещной отрок («Дай вспомнить, Боже! научи...») 458
 Письмо перед дуэлью («Прощайте, нежная Колетта!..»; «Разные
 стихотворения», 9) 266
 Пламень Федры («Палючий заразу ветер несет...») 492
 «Плачет Дева, Распента зря...» (Страстной пятюк) 393
 Плен (1—4) 636
 Плод зреет (1—9) 307
 «По веселому морю летит пароход...» (Выноска третья; «Панора-
 ма с выносками», 8) 552
 «По реке вниз по Яику...»; («Разные стихотворения»; 12) 268
 «По черной радуге мушиного крыла...» 478
 «„Победа“ мечет небо в медь...» (Смотр) 668
 «Поверим ли словам цыганки...» (Тот; «Для августа», 4) 565
 «Под вечер выдь в луга поемные...» («Плод зреет», 2) 307
 «Под чтение пономарей...» (Покров; «Праздники Пресвятой Бо-
 городицы», 6) 226
 «Подняв со дна всю гниль и грязь...» (Разливы; «Плен», 3) 643
 «Подслушанные вздохи о детстве...» (В старые годы); «Разные
 стихотворения», 6) 182
 Поездка в Ассиэи («Воздух свеж и волен после...») 489
 «Покинь покой томительный, сойди сюда!..» («Венок
 весен», 8) 194
 «Покойный муж говаривал мне: „Минна...“» (Второй свиде-
 тель/Хозяйка; «Лазарь», 7) 579
 «Покойся, мирная Митава...» («Холм вдали», 7) 242
 Покров («Под чтение пономарей...»; «Праздники Пресвятой Бо-
 городицы», 6) 226
 «Полнеба в улице далекой...» (Т. П. Карсавиной) 427
 «Поля, попольщица, поли!..» 477
 «Понежилось солнцу на розовом кресле...» (Приглашение) 487
 Понедельник/Луна («Прикосновенье лунных пальцев...»; «Паль-
 цы дней», 1) 556
 «По-прежнему воздух душист и прост...» 416
 Поручение («Если будешь, странник, в Берлине...») 497
 Посвящение («Сераде, любившее вдоволь, водило мою ру-
 кою...») 137
 Посещение («В окне под потолком желтеет липа...»; «Лазарь», 12) 587
 После свиданья («Утром подруга скажет...»; «Китайские песень-
 ки», 2) 404
 После суда («Зачем идти домой...»; «Лазарь», 10) 584
 «Посредине зверинца — ограда...» («Маяк любви», 12) 170
 «Постучали еле слышно...» (А я/2-ое; «Дяя августа», 6) 566
 «Похожа ли моя любовь...» («Ночные разговоры», 2) 256
 «Пюют вдали колокола...» (Huntain; <Из цикла «Зеленый доло-
 ман»>, 2) 622
 Праздники Пресвятой Богородицы (1—7) 221
 «Предчувствию, душа моя, внимли!..» 383
 «Прежде...» (Ангел благовествующий; «Плен», 1) 636
 «Прекрасна я твоею красотою...» («Сонеты», 16) 613
 «Прекрасна участь этих шпор...» (Надпись на левой шпоре;
 <Из цикла «Зеленый доломан»>, 5) 624
 Прерванная повесть (1—10) 67
 «При взгляде на весенние цветы...» («Разные стихотворения», 7) 78

- При посылке цветов в мартовский вторник («Не пышны вешние сады...»; <Из дикла «Зеленый доломан»>, 3) 622
- Приглашение («Понежилось солнце на розовом кресле...») 487
- «Приземисто краснея, глаз...» (Вторник/Марс; «Пальцы дней», 2) 556
- «Прикосновенье лунных пальцев...» (Понедельник/Луна; «Пальцы дней», 1) 556
- «Припадочно заколотился джаз...» (Лазарь; «Лазарь», 1) 571
- Природа природствующая и природа оприроденная («Кассирша ласково твердела...»; «Панорама с выносками», 1) 546
- «Пришел издалека жених и друг...» («Вожатый», 3) 101
- «Пришли ко мне странники из пустыни...» 601
- Прогулка («Оставлен мирный переулок...»; «Разные стихотворения», 11) 267
- Прогулка на воде («Сквозь высокую осоку...»; «Ракеты», 2) 81
- Пролог к сказке Андерсена «Пастушка и трубочист» («Вот, молодые господа...») 399
- «Пропало славы обветшалой...» (Летний сад; «Вина иголки», 7) 316
- «Просохшая земля! Прижаться к ней...» («Вина иголки», 4) 314
- «Прости неопытную руку, Дева...» (Вступление; «Праздники Пресвятой Богородицы», 1) 221
- «Протянуло паутину...» («Осенние озера», 2) 139
- «„Проходит все, и чувствам нет возврата...“» («Весенний возврат», 1) 152
- «Прощайте, нежная Колетта!..» (Письмо перед дуэлью; «Разные стихотворения», 9) 266
- Псковской август («Веселушки и плакушки...»; «Русский рай», 4) 427
- «Пурпурные трауры ирисов приторно ранят...» (Катакомбы) 491
- «Пурпуровые паруса...» (Рождение Эроса) 458
- «Пускай нас связывал издавна...» 635
- «Пуститься бы по белу свету...» («Разные стихотворения», 1) 260
- «Пусть месяц молодой мне слева светит...» («Тринадцать сонетов», 8) 598
- «Пусть сотней грех воззался жал...» («Вожатый», 5) 103
- Пушкин («Он жив! у всех душа нетленна...») 424
- Пятница/Венера («Кто скрижали понимает...»; «Пальцы дней», 5) 558
- Пятый удар («Мы этот май проводим, как в деревне...»; «Форель разбивает лед», 7) 536
- Пять («Веслом по-прежнему причаль!..») 444
- Равенна («Меж сосен сонная Равенна...») 451
- А. Д. Радловой («Как птица, закликать и биться...») 496
- Радостный путник (1—6) 90
- «Радостным, бодрым и смелым зрю я блаженного мужа...» («Харикл из Милета», 6) 605
- «Разбукетилось небо к вечеру...» 412
- «Разве можно дышать, не дыша...» («В дороге», 8) 235
- «Разве неправда...» («Она», 4) 117
- «Разве по ристалищам бродят учителя?..» (Учитель) 440
- Разговор («Маркиз гуляет с другом в цветнике...»; «Ракеты», 5) 82
- «Раздался трижды звонкий звук...» («Бисерные кошельки», 3) 272
- «Разлетаются, как птицы...» («Новый Гуль», 4) 523
- Разливы («Подняв со дна всю гниль и грязь...»; «Плен», 3) 643
- Размышления Луки («Сосед Лука сидел преважно...») <373>
- Разные стихотворения (1—8) 74

- Разные стихотворения (1—15) 260
 Разные стихотворения (1—10) 179
 Ракеты (1—9) 80
 «Разочарован, мрачен, скучен...» (Возвращение дэнди; «Разные стихотворения», 8) 264
 «Рано горлица проворковала...» («Оттепель», 9) 164
 «Расдвели на зонтиках розы...» 420
 Реки («Реки вы реки, веселые реки...») 600
 Римский отрывок («Осторожный по болоту дозор...»; «Виденья»; 5) 331
 Родина Вергилия («Медлительного Минчо к Мантуе...») 488
 Рождение Эроса («Пурпуровые паруса...») 458
 Рождество («Без мук Младенец был рожден...») 498
 Рождество Богородицы («Анна плакала в пустыне...»; «Праздники Пресвятой Богородицы», 2) 222
 «Розово, в качели колыбельной дыша...» (Девочке-душеньке) 339
 «Розовый дом с голубыми воротами...» (Мечты о Москве; «Прерванная повесть», 7) 71
 Романс («Оно самой мне непонятно...») 402
 Русская революция («Словно сто лет прошло, а словно неделя!..») 630
 Русский рай (1—5) 323
 «Ручей стал лаком до льда...» (Первое вступление; «Форель разбивает лед», 1) 531
 Рыба («Умилительно сидеть возле...») 442
 «Ряд кругов на буром поле...» («Холм вдали», 3) 240

 «С безумной недвижностью...» (Германия) 653
 «С детства помните сочельник...» (Елка) 389
 «С какою-то странной силой...» («Оттепель», 4) 160
 «С каждым мерным поворотом...» («Листки разрозненных повестей», 5) 177
 «С одной мечтой в упрямом зоре...» (Лермонтову) 425
 «С прогулки поздней вместе возвращаясь...» («Тринадцать сонетов», 8) 597
 «С тех пор всегда я не один...» («Вожатый», 7) 104
 «С тех пор как ты, без ввода во владенье...» («Сонеты», 1) 607
 «С тех пор прошло уж года два...» (Домик; «Лазарь», 2) 572
 «С чего начать? толпою торопливой...» («Осенний май», 1) 145
 «С чем сравню я тебя, тайной любви огонь?...» («Харика из Милета», 4) 603
 Салунову («Храня так весело, так вольно...») 426
 «Свежим утром рано-рано...» («Остановка», 6) 248
 «Светлая горница — моя пещера...» («Радостный путник», 1) 90
 «Светлые кудри да светлые открытые глаза...» («Листки разрозненных повестей», 3) 176
 «Светлый мой затвор!..» («Маяк любви», 1) 164
 «Свистков призыв, визг круглых пил...» 620
 Святой Георгий («Пеной...») 429
 Св<ятой> Марко («Морское марево...») 446
 Северный веер (1—7) 553
 «Сегодня праздник...» («Она», 3) 116
 «Сегодня счастливый день...» (Совершеннолетие; «Китайские песенки», 3) 405
 «Сегодня утром встал я странно весел...» («Сонеты», 17) 614
 «Сегодня целый день пробуду дома...» (Целый день; «Прерванная повесть», 9) 72
 «Сегодня что: среда, суббота?...» («Маяк любви», 5) 167

- «Седого моря соленый дух...» (Элегия Тристана) 482
 Седьмой удар («Неведомый купальщик...»; «Форель разбивает лед», 9) 539
 «Серая реет птица...» («Виденья», 2) 329
 «Сердца гибель не близка ли?...» («Песенки», 5) 276
 «Сердце бедное, опять узнало жар ты!..» («Листки разрозненных повестей», 7) 178
 «Сердце женщины — как море...» (Серенада; «Разные стихотворения», 3) 75
 «Сердце — зеркально...» («Песенки», 4) 275
 «Сердце, как чаша наполненная, точит кровь...» («Струи», 1) 105
 «Сердце, любившее вдоволь, водило мою рукою...» (Посвящение) 137
 «Серебристым рыба махнула хвостом...» (Фаустина) 440
 Серенада («Сердце женщины — как море...»; «Разные стихотворения», 3) 75
 «Серым тянутся тени роem...» 473
 «Сижу, читая я сказки и были...» («Любовь этого лета», 9) 64
 Симонетта («О Симонетта!..») 402
 «Сквозь высокую осоку...» (Прогулка на воде; «Ракеты», 2) 81
 «Сквозь розовый утром лепесток посмотреть на солнце...» 504
 «Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий...» (Фузий в блюдецке) 418
 «Склоненный ангел на соборе...» («В дороге», 10) 236
 «Скок, скок!..» (Выноски первая; «Панорама с выносками», 2) 547
 «Сколько лет тебе, скажи, Психея?...» 677
 «Сколько раз тебя я видел...» («Маяк любви», 2) 165
 «Сладко умереть...» («Мудрость», 4) 123
 «Сладостной веря святине...» 213
 «Слезам сердце я омою...» («В дороге», 3) 233
 «Слезы ревности влюбленной...» («Зимнее солнце», 4) 156
 «Слепым родился я на свет...» (Первый свидетель/Слепорожденный; «Лазарь», 6) 577
 «Слова — как мирный договор...» («Новый Гуль», 7) 525
 «Словно сто лет прошло, а словно неделя!..» (Русская революция) 630
 «Слоновой кости страус поет...» («Северный веер», 1) 553
 «Слоями розовыми облака опадали...» 633
 «Слышу твой кошачий шаг, призрак измены!..» («Венок весен», 16) 198
 Смерть («В крещенски-голубую прорубь...») 417
 «Смирись, о сердце, не ропщи...» («Зимнее солнце», 5) 156
 «Смолистый запах загорюдь тесен...» (Античная печаль) 421
 Смотри («„Победа“ мечет небо в медь...») 668
 «Смотрю на зимние горы я...» (Персидский вечер) 423
 «Смутишься ль сердцем оробелым?...» («Холм вдали», 11) 244
 «Снега покрыли гладкие равнины...» («Осенние озера», 5) 140
 «Снова увидел я город, где я родился...» («Отрывки», 4) 127
 «Снова чист передо мною первый лист...» («Радостный путник», 2) 91
 Сны («— Спишь ли? — Сплю; а ты? — Молчи!..») 446
 Совершеннолетие («Сегодня счастливый день...»; «Китайские песенки», 3) 405
 Солнце-бык («Как матадоры красным глаз щекочут...»; «Вина иголки», 5) 315
 «Солнце за лесом уж скрылося...» (О старце и льве) 216
 «Солнце — лицо твое, руки белы...» («Песенки», 2) 275
 «Солнце, солнце...» («Мудрость», 5) 124

- «Солнце, ты слышишь меня? Я клянусь великою клятвой...»
 («Харика из Милета», 9) 606
- «Солнцем залит сад зеленый...» («Разные стихотворения», 9) 185
- «Сомнения отбросив...» (Иосиф) 385
- Сонет («В последний раз зову тебя, любовь...») 620
- Сонеты (1—17) 607
- «Сосед Лука сидел преважно...» (Размышления Луки) <373>
- София («В золоченой утлой лодке...») 436
- «— Спишь ли?— Сплю; а ты?— Молчи!..») (Сны) 446
- «Спросили меня: „Что лучше...“» («Китайские песенки», 2; Колыбельная) 404
- Среда/Меркурий («Меркурий, Меркурий...»; «Пальцы дней», 3) 557
- «Среди ночных и долгих бдений...» (* * *, 1) 318
- «Стекла стыннут от холода...» («Мудрая встреча», 1) 95
- «Стекло сердце и стеклянна грудь...» 482
- Стих о пустыне («Я молодой, я бедный юнош...») 219
- Стихотворения на случай (1—7) 187
- «Стоит в конце проспекта сад...» (А я...; «Для августа», 3) 564
- «Стояли холода, и шел „Тристан“...» (Первый удар; «Форель разбивает лед», 3) 532
- Странничий вечер («О, этот странничий вечер!..») 384
- Страстной пятток («Плачет Дева, Распента зря...») 393
- Страшный суд («Вы подумайте, мила братия...») 220
- «Строят дом перед окошком...» («Обманщик обманувшийся», 3) 88
- Струи (1—9) 105
- Суббота («Беременная Рая...»; «Пальцы дней», 6) 560
- Суд («Дамы, дамы, молодые люди...»; «Лазарь», 5) 575
- «Судьба, ты видишь: сплю без снов...» («Отдых», 8) 252
- «Сумеречный, подозрительный час...» (Мученик) 441
- Сумерки («Наполнен молоком опал...») 483
- Счастливый день («Целый день проведем мы сегодня вместе!..»; «Прерванная повесть», 4) 69
- «Счастливый сон ли сладко снится...» («Холм вдали», 1) 239
- «Сын мой...» («Отрывки», 1) 125
- «Тайноведением веры...» (Волхвы; «Разные стихотворения», 6) 263
- «Так долго шляпой ты махал...» (Ты; «Для августа», 1) 561
- «Такие дни — счастливейшие даты...» («Вина иголки», 3) 314
- «Твое письмо!.. о, светлые ключи...» («Сонеты», 10) 610
- «Твои шаги в затворенном саду...» (Шаги) 441
- «Твой взор — как царь Мидас — чего коснется...» («Сонеты», 3) 607
- «Твой голос издали мне пел...» («Маяк любви», 7) 168
- «Тебя я обнимаю...» (Музыка) 469
- Темные улицы рождают темные чувства («Не так, не так рождается любовь!..»; «Панорама с выносками», 6) 550
- «Тени косыми углами...» 419
- «Теперь я вижу: крепким поводом...» («Маяк любви», 8) 168
- «Теплый настанет денек...» (Колыбельная; «Плен», 4) 644
- «Тихие воды прудов фабричных...» («Листики разрозненных повестей», 4) 176
- «Тихо в прохладном доме у философа Манлия Руфа...» («Харика из Милета», 2) 602
- «Только колоколам работа...» (Воскресенье; «Пальцы дней», 7) 561
- Тот («Поверим ли словам цыганки...»; «Для августа», 4) 565
- Тот/2-ое («Февральский радио пост...»; «Для августа», 7) 567
- «Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та...» (Все четверо/Апофеоз; «Для августа», 10) 569

- Тразименские тростники («Затрепещут тразименские тростники, затрепещут...») 447
- Третий свидетель/Шкет («Что ж, господа, вы хотите знать?..»; «Лазарь», 8) 581
- Третий удар («Как недобитое крыло...»; «Форель разбивает лед», 5) 534
- «Три раза я его видел лицом к лицу...» («Отрывки», 5) 128
- «Трижды в темный склеп страстей томящих...» («Осенний май», 2) 146
- Тринадцать сонетов (1—13) 594
- Трое (1—8) 170
- Троицын день («Пела труба: солдаты ложились спать...»; «Разные стихотворения», 7) 183
- «Тройное имя носит город...» (Царьград) 628
- «Туман и майскую росу...» (Искусство) 467
- «Туманный день пройдет уныло...» («Обманщик обманувшийся», 1) 86
- «Тщетно жечь огонь на высокой башне...» (Геро; «Разные стихотворения», 4) 181
- Ты («Так долго шаялой ты махал...»; «Для августа», 1) 561
- Ты/2-ое («Остановка здесь от часу до шести...»; «Для августа», 5) 565
- Ты/3-е («— Вы мне не нравитесь при лунном свете...»; «Для августа», 9) 569
- «Ты дышишь? Ты живешь? Не призрак ты?...» (Одиннадцатый удар; «Форель разбивает лед», 13) 544
- «Ты замечал: осеннею порою...» («Оттепель», 1) 158
- «Ты знал, зачем протрубили трубы...» («Струн», 5) 107
- «Ты именем монашеским овеян...» («Трое», 2) 171
- «Ты как воск, окрашенный пурпуром, таеть...» («Струи», 8) 108
- «Ты — как у гадателя отрок...» («Любовь», 2) 112
- «Ты помнишь комнату и свечи...» (Новый Ролла) 279
- «Ты приедешь сюда загорелым...» («Холм вдали», 9) 243
- «Ты сидишь у стола и пицешь...» («Маяк любви», 4) 166
- «Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!..» («Новый Гуль», 1) 520
- «Ты ходишь в куртке зеленой...» («Остановка», 3) 246
- «Тягостен вечер в июле...» (Пейзаж Гогена (второй)) 421
- «У всех одинаково бьется...» 413
- «У окна стоит юноша, смотрит на звезду...» («Весенний возврат», 5) 154
- «У печурки самовары...» 502
- «У платана тень прохладна...» (Ариадна) 481
- «У Спаса у Евфимия...» (Пасха; «Разные стихотворения», 10) 186
- «Увы, любви своей не скрою...» («Стихотворения на случай», 6) 189
- Уединение пугает страсти («Ау, Сергунья! серый скит осиротел...»; «Панорама с выносками», 4) 549
- «Уезжал я средь мрака...» («Трое», 5) 172
- «Уж не слышен конский топот...» («Радостный путник», 6) 93
- «Уж прошел года двадцать три я...» («Разные стихотворения», 3) 261
- «Уж скоро солнце заиграет...» (Эпилог) 401
- «Улыбка, вздох ли?...» («Песенки», 3) 275
- «Умилно сидеть возле...» (Рыба) 442
- «Умру, умру, благословая...» («Осенние озера», 12) 144
- «Умывались, одевались...» («Любовь этого лета», 4) 61
- «УНЫЛЫЙ дух, отыди!..» 418
- Успение («Успение Твое, Мати Богородица...»; «Праздники Пресвятой Богородицы», 5) 225

- Успенье («Богородицyno Успенье...») 392
 «Успокоительной прохладой...» 415
 Утешение («Я жалкой радостью себя утешу...»; «Прерванная повесть», 8) 71
 Утешение пастушкам («Мне матушка твердила...»; «Песенки», 8) 277
 «Утраченного чародейства...» 645
 Утро («Звезды побледнели...») 619
 Утро («Чуть утро настало, за мостом сошлись...»; «Ракеты», 8) 85
 Утро во Флоренции («Og san Michele...») 488
 «Утром подруга скажет...» (После свиданья; «Китайские песенки», 2) 404
 «Уходит пароходик в Штеттин...» («Новый Гуль», 9) 526
 «Учитель («Разве по ристалищам бродят учителя?...») 440
 «Ушел моряк, румян и рус...» (Шестой удар; «Форель разбивает лед», 8) 536
- Фаустина («Серебристым рыба махнула хвостом...») 440
 «Февральский радио поет...» (Тот/2-ое; «Для августа», 7) 567
 Флейта Вафилла («Флейта нежного Вафилла...»; «Разные стихотворения», 4) 75
 «Флейта, пой! Пещеры своды...» (Эфесские строки) 661
 Форель разбивает лед (1—15) 531
 Фузий в блюдечке («Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий...») 418
- Харикл из Милета (1—9) 602
 Хлыстовская («О, кликай, сердце, кликай!...»; «Русский рай», 5) 327
 Ходовецкий («Наверно, нежный Ходовецкий...») 423
 Хождение Богородицы по мукам («Всходила Пречистая...») 214
 Хоум вдали (1—12) 239
 «Храня так весело, так вольно...» (Сапунову) 426
 «Хрустально небо, видное сквозь лес...» («Осенние озера», 1) 138
- Царевич Димитрий («Давно уж жаворонки прилетели...»; «Русский рай», 3) 325
 Царьград («Тройное имя носит город...») 628
 «Цветут в саду фиесташки, пой, соловей!...» («Венок весен», 11) 196
 «Целованные мною руки...» (Хоум вдали», 2) 239
 Целый день («Сегодня целый день пробуду дома...»; «Прерванная повесть», 9) 72
 «Целый день проведем мы сегодня вместе!...» (Счастливыи день; «Прерванная повесть», 4) 69
- «Часы буркнули „бом!“...» (Возвращение; «Английские картинки», в) 501
 «Чей мертвющий, помертвелый лик...» (Враждебное море; «Виденья», 6) 332
 «Чем ты, луг зеленый, зелен...» («Разные стихотворения», 8) 184
 «Чередованье милых развлечений...» (Десятый удар; «Форель разбивает лед», 12) 542
 «Черной ризой скрыты плечи. Черный в черном...» («Венок весен», 27) 202
- Четверг/Юпитер («Довольно. Я любим. Стоит в зените...»; «Пальцы дней», 4) 558
 Четвертый свидетель/Сыщик («Когда нас пригласили вместе с Дэзи...»; «Лазарь», 9) 583
 Четвертый удар («О, этот завтрак так похож...»; «Форель разбивает лед», 6) 535

- «Читаю ли я „Флор и Бланшефлор“...» («Сонеты», 6) 609
 «Что делать с вами, милые стихи?...» (Эпилог; «Прерванная повесть», 10) 73
 «Что ж, господа, вы хотите знать?...» (Третий свидетель/Шкет; «Лазарь», 8) 581
 «Что ж делать...» («Мудрость», 2) 121
 «Что ж делать, что ты уезжаешь...» («Из «Александрийских песен», 4) 616
 «Что за дождь!..» («Отрывки», 3) 126
 «Что за Пасха! снег, туман...» («Холм вдали», 8) 242
 «Что морочишь меня, скрывшись в лесных холмах?...» («Разные стихотворения», 3) 180
 «Что приходит, то проходит...» («Радостный путник», 5) 92
 «Что сердце? огорода неполотый...» («Осенние озера», 11) 144
 «Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...» («Венок весен», 5) 192
 «Что со мною? Я немею...» (* * *, 3) 320
 «Что стоишь ты опечален, милый гость?...» («Венок весен», 15) 197
 Чужая поэма («В осеннем сне то слово прозвучало...») 395
 «Чужое солнце за чужим болотом...» (Переселенцы) 672
 «Чуть утро настало, за мостом сошлись...» (Утро; «Ракеты», 8) 85
 «Чье-то имя мы услышим в пути весеннем?..» («Венок весен», 1) 191

- Шаги («Твои шаги в затворенном саду...») 441
 «Шаги за спиной и черный канал...» (Ночью; «Лазарь», 11) 585
 «Шведские перчатки» («Картины, лица — бего-кратки...») 428
 «Шелестом желтого шелка...» 475
 Шестой удар («Ушел моряк, румян и рус...»; «Форель разбивает лед», 8) 536

- «Заозу ноэй!..» (Безветрие) 484
 Эдит («Весь город поутру твердят...»; «Лазарь», 4) 574
 Элегия Тристана («Седого моря соленый дух...») 482
 Эней («Нагая юность с зеркалом в руке...») 448
 Эпилог («Уж скоро солнце заиграет...») 401
 Эпилог («Что делать с вами, милые стихи?...»; «Прерванная повесть», 10) 73
 Эпитафия («Двадцатую весну, любя, он встретил...»; «Ракеты», 9) 85
 Эпитафия самому себе («Я был любим. Унылая могила...»; «Разные стихотворения», 7) 264
 «Это все про настоящее, дружок...» 416
 Эфесские строки («Флейта, пой! Пещеры своды...») 661

- «Ютятся в тени тенистых лип...» («В дороге», 5) 234

- «Я белым камнем этот день отмечу...» («Харикл из Милета», 3) 603
 «Я был любим. Унылая могила...» (Эпитафия самому себе; «Разные стихотворения», 7) 264
 «Я видела, как в круглой зале...» («Бисерные кошельки», 2) 271
 «Я вижу, в двореком окошке...» («Плод зреет», 9) 312
 «Я вижу, ты лежишь под лампадой...» («Струи», 4) 106
 «Я возьму почтовый лист...» (Кларнетист) <365>
 «Я вспоминаю нежные песни...» («Мудрая встреча», 5) 97
 «Я встречу с легким удивленьем...» 410
 «Я жалкой радостью себя утешу...» (Утешение; «Прерванная повесть», 8) 71

- «Я — заказчик, ты — купец: нам пристала взглядов мена...»
 («Венок весен», 7) 193
- «Я знаю вас не понаслышке...» («Русский рай», 2) 324
- «Я знаю, ты любишь другую...» («Остановка», 7) 248
- «Я знаю, что у Вас такие нравы...» («Несчастный день; «Прерван-
 ная повесть», 6) 70
- «Я знаю, я буду убит...» («Маяк любви», 6) 167
- «Я изнемог, я так устал...» («Любовь этого лета», 10) 64
- «Я имени не назову...» («Новый Гуль», 10) 527
- «Я к магу шел, предчувствием томим...» («Харика из
 Милета», 5) 604
- «Я кладу в газлы ларь венков весен...» («Венок весен», 30) 204
- «Я книгу предпочту природе...» 626
- «Я молодой, я бедный юноша...» (Стих о пустыне) 219
- «Я мог бы!.. Мертвые глаза...» («Новый Гуль», 8) 525
- «Я не брошу метафоре...» (Гете) 425
- «Я не знаю, блядь ли, сваха ль...» (Начало повести) <377>
- «Я не знаю, не напрасно ль...» («Оттепель», 3) 159
- «Я не любовью грешен, люди...» («Отдых», 6) 251
- «Я не мажусь снадобьем колдуний...» 508
- «Я не с готовым платьем магазин...» («Сонеты», 8) 610
- «Я рассмеялся бы в лицо...» («Из цикла «Зеленый доломан»», 1) 621
- «Я спрашивал мудрецов вселенной...» («Мудрость», 1) 120
- «Я твой до дна... бери и пей...» («В дороге», 4) 234
- «Я тихо от тебя иду...» («Холм вдали», 6) 241
- «Я цветы собираю пестрые...» («Вожатый», 1) 100
- «Я чувствую: четыре...» 666
- «Я этот вечер помню, как сегодня...» («Новый Гуль», 3) 522
- «Я шел дорожкой Павловского парка...» (Конец второго тома) 509
- Fides Apostolica («Et fides Apostolica...») 505
- Huitain («Поют вдали колокола...»; «Из цикла «Зеленый доло-
 ман»», 2) 622
- «Or San Michele...» (Утро во Флоренции) 488
- Sine sole sileo («„Без солнца я молчу. При солнце властном...“»;
 «Сонеты», 15) 613

СОДЕРЖАНИЕ

- «Любовь — всегдашняя моя вера». Вступительная статья
Н. А. Богомолова 5

I

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

СЕТИ

Первая книга стихов

1. Мои предки 57

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

- 2—13. Любовь этого лета
1. «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» 59
 2. «Глаз змей, змей извивы...» 59
 3. «Ах, уста, целованные столькими...» 60
 4. «Умывались, одевались...» 61
 5. «Из поднесенной некогда корзины...» 61
 6. «Зачем луна, поднявшись, розовеет...» 62
 7. «Мне не спится: дух томится...» 62
 8. «Каждый вечер я смотрю с обрывов...» 63
 9. «Сажу, читая я сказки и были...» 64
 10. «Я изнемог, я так устал...» 64
 11. «Ничего, что мелкий дождь смочил одежду...» 65
 12. «Пароход бежит, стучит...» 66

II

- 14—23. Прерванная повесть
1. Мой портрет 67
 2. В театре 68
 3. На вечере 68
 4. Счастливый день 69
 5. Картонный домик 70
 6. Несчастный день 70
 7. Мечты о Москве 71
 8. Утешение 71
 9. Целый день 72
 10. Эпилог 73

III

- 24—31. Разные стихотворения
1. «На берегу сидел слепой ребенок...» 74
 2. Любви утехи. К рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж» 74

3. Серенада. К рассказу С. Ауслендера «Корабельщики»	75
4. Флейта Вафилла. К рассказу С. Ауслендера «Флейта Вафилла»	75
5. «„Люблю“, сказал я не любя...»	77
6. «О, быть покинутым — какое счастье!..»	77
7. «Мы проехали деревню, отвели нам отвода...»	78
8. «При взгляде на весенние цветы...»	78

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

32—40. Ракеты	
1. Маскарад	80
2. Прогулка на воде	81
3. Надпись к беседе	81
4. Вечер	82
5. Разговор	82
6. В саду	83
7. Кавалер	84
8. Утро	85
9. Эпитафия	85

II

41—45. Обманщик обманувшийся	
1. «Туманный день пройдет уныло...»	86
2. «Вновь я бессонные ночи узнал...»	87
3. «Строят дом перед окошком...»	88
4. «Отрадно улетать в стремительном вагоне...»	88
5. «Где сомненья? где томленья?...»	89

III

46—51. Радостный путник	
1. «Светлая горница — моя пещера...»	90
2. «Снова чист передо мною первый лист...»	91
3. «Горит высоко звезда рассветная...»	91
4. «В проходной сидеть на диване...»	92
5. «Что приходит, то проходит...»	92
6. «Уж не слышен конский топот...»	93

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

52—60. Мудрая встреча	
1. «Стекла стынут от холода...»	95
2. «О, плакальщики дней минувших...»	95
3. «Окна плотно занавешены...»	96
4. «Моя душа в любви не кается...»	96
5. «Я вспоминаю нежные песни...»	97
6. «О милые друзья, дорогие костыли...»	98

7. «Как отрадно, сбросив трепет...»	98
8. «Легче весеннего дуновения...»	99
9. «Двойная тень дней прошлых и грядущих...»	99

II

61—67. Вожаты й

1. «Я цветы собираю пестрые...»100
2. «„Лето Господнее — благоприятно...“»101
3. «Пришел издалека жених и друг...»101
4. «Взойдя на ближнюю ступень...»102
5. «Пусть сотней грех вонзался жал...»103
6. «Одна нога — на облаке, другая на другом...»103
7. «С тех пор всегда я не один...»104

III

68—76. Струи

1. «Сердце, как чаша наполненная, точит кровь...»105
2. «Истекай, о сердце, истекай!...»105
3. «На твоей планете всходит солнце...»106
4. «Я вижу — ты лежишь под лампадой...»106
5. «Ты знал, зачем протрубили трубы...»107
6. «Как меч мне сердце прободал...»107
7. «Ладана тебе не надо...»108
8. «Ты, как воск, окрашенный пурпуром, таешь...»108
9. «Если мне скажут: „Ты должен идти на мученье...“»109

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ

I

77—79. Вступление

1. «Как песня матери...»110
2. «Когда мне говорят: „Александрия...“»111
3. «Вечерний сумрак над теплым морем...»111

II

80—86. Любовь

1. «Когда я тебя в первый раз встретил...»112
2. «Ты — как у гадателя отрок...»112
3. «Наверно, в полдень я был зачат...»112
4. «Люди видят сады с домами...»112
5. «Когда утром выхожу из дома...»113
6. «Не напрасно мы читали богословов...»113
7. «Если б я был древним полководцем...»114

III

87—92. Она

1. «Нас было четыре сестры, четыре сестры
нас было...» 115
2. «Весною листья меняет тополь...» 115
3. «Сегодня праздник...» 116
4. «Разве неправда...» 117
5. «Их было четверо в этот месяц...» 118
6. «Не знаю, как это случилось...» 119

IV

93—97. Мудрость

1. «Я спрашивал мудрецов вселенной...» 120
2. «Что ж делать...» 121
3. «Как люблю я, вечные боги...» 122
4. «Сладко умереть...» 123
5. «Солнце, солнце...» 124

V

98—102. Отрывки

1. «Сын мой...» 125
2. «Когда меня провели сквозь сад...» 125
3. «Что за дожди!..» 126
4. «Снова увидел я город, где я родился...» 127
5. «Три раза я его видел лицом к лицу...» 128

VI

103—107. Канопские песенки

1. «В Канопе жизнь привольная...» 130
2. «Не похожа ли я на яблоню...» 131
3. «Ах, наш сад, наш виноградник...» 131
4. «Адониса Киприда ищет...» 132
5. «Кружитесь, кружитесь...» 132

VII

108. Заключение 133

ОСЕННИЕ ОЗЕРА

Вторая книга стихов

109. Посвящение 137

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

110—121. Осенние озера

1. «Хрустально небо, видное сквозь лес...» 138
2. «Протянуло паутину...» 139

3. «О тихий край, опять стремлюсь мечтою...»139
4. «Осенний ветер жалостью дышал...»139
5. «Снега покрыли гладкие равнины...»140
6. «Моей любви никто не может смерить...»140
7. «Не верю солнцу, что идет к закату...»141
8. «Не могу я вспомнить без волнения...»142
9. «Когда и как придешь ко мне ты...»143
10. «Когда и как приду к тебе я...»143
11. «Что сердце? огород неполотый...»144
12. «Умру, умру, благословая...»144

II

122—132. Осенний май		
1. «С чего начать? толпою торопливой...»145
2. «Трижды в темный склеп страстей томящих...»146
3. «Коснели мысли медленные в лени...»147
4. «Все пламенной стремленья...»147
5. «Не мальчик я, мне не опасны...»148
6. «Бледны все имена и стары все названья...»149
7. «К матери нашей, Любви, я бросился, горько стная...»149
8. «В краю Эстляндии пустынной...»150
9. «Одно и то же небо над тобою...»150
10. «В начале лета, юностью одета...»151
11. «„Для нас и в августе наступит май!..“»152

III

133—137. Весенний возврат		
1. «„Проходит все, и чувствам нет возврата...“»152
2. «Может быть, я безрассуден...»152
3. «Как радостна весна в апреле...»153
4. «Окна неясны очертанья...»153
5. «У окна стоит юноша, смотрит на звезду...»154

IV

138—145. Зимнее солнце		
1. «Кого прославлю в тихом гимне я?...»154
2. «Отри глаза и слез не лей...»155
3. «Опять затопил я печи...»155
4. «Слезы ревности влюбленной...»156
5. «Смирись, о сердце, не ропщи...»156
6. «О радость! в горестном начале...»157
7. «Ах, не плыть по голубому морю...»157
8. «Ветер с моря тучи гонит...»158

V

146—154. Оттепель		
1. «Ты замечал: осеннею порою...»158
2. «Нет, не зови меня, не пой, не улыбайся...»159
3. «Я не знаю, не напрасно ль...»159
4. «С какою-то странной силой...»160

5. «Катались Вы на острова...»160
6. «Дождь моросит, темно и скучно...»161
7. «Как люблю я запах кожи...»162
8. «Голый отрок в поле ржи...»163
9. «Рано горлица проворковала...»164

VI

155—166. Маяк любви

1. «Светлый мой затвор!..»164
2. «Сколько раз тебя я видел...»165
3. «Не правда ли, на маяке мы...»166
4. «Ты сидишь у стола и пишешь...»166
5. «Сегодня что: среда, суббота?...»167
6. «Я знаю, я буду убит...»167
7. «Твой голос издали мне пел...»168
8. «Теперь я вижу: крепким поводом...»168
9. «Над входом ангелы со свитками...»168
10. «Как странно: снег кругом лежит...»169
11. «Вы мыслите разъединить...»169
12. «Посредине зверинца — ограда...»170

VII

167—174. Трое

1. «Нас было трое: я и они...»170
2. «Ты именем монашеским овейя...»171
3. «Как странно в голосе твоём мой слышен голос...»171
4. «Не правда ль, мальчик, то был сон...»171
5. «Уезжал я средь мрака...»172
6. «Не вешних дней мы ждем с тобою...»172
7. «Когда душа твоя немела...»173
8. «Казалось нам: одежда мая...»174

VIII

175—182. Листки разрозненных повестей

1. «Молчим мы оба, и владеем тайной...»175
2. «Кому есть выбор, выбирает...»175
3. «Светлые кудри да светлые открытые глаза...»176
4. «Тихие воды прудов фабричных...»176
5. «С каждым мерным поворотом...»177
6. «В потоке встречных лиц искать глазами...»177
7. «Сердце бедное, опять узнало жар ты!..»178
8. «Ночью легкий шорох трепетно ловится чутким слухом...»178

IX

183—192. Разные стихотворения

1. «Волны ласковы и мирны...»179
2. «Боги, что за противный дождь!..»180
3. «Что морочишь меня, скрывшись в лесных холмах?...»180
4. Геро181

5. «В тенистой роще безмятежно...»182
6. В старые годы182
7. Троицын день183
8. «Чем ты, луг зеленый, зелен...»184
9. «Солнцем залит сад зеленый...»185
10. Пасха186

X

193—199. Стихотворения на случай		
1. «Одна звезда тебе над колыбелью...»187
2. Акrostих187
3. Ответный сонет188
4. Надпись на книге188
5. «Певцу ли розы принесу...»189
6. «Увы, любви своей не скрою...»189
7. «Петь начну я в нежном тоне...»190

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

200—229. Венок весен (гизлы)		
1. «Чье-то имя мы услышим в пути весеннем?..»191
2. «Ведет по небу золотая вязь имя любимое...»191
3. «Кто видел Мекку и Медину — блажен!..»192
4. «Нам рожденье и кончину — все дает Владыка неба...»192
5. «Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...»192
6. «Вверх взгляни на неба свод: все светила!..»193
7. «Я — заказчик, ты — купец: нам пристала взглядов мена...»193
8. «Покинь покой томительный, сойди сюда!..»194
9. «Всех поишь ты без изъятя, кравчий...»195
10. «Как нежно золотеет даль весною!..»195
11. «Цветут в саду фишашки, пой, соловей!..»196
12. «Нынче праздник, пахнет мята, все в цвету...»196
13. «Острый меч свой отложи, томной негой полоненный...»196
14. «Зачем, златое время, летишь?..»197
15. «Что стоишь ты опечален, милый гость?..»197
16. «Слышу твой кошачий шаг, призрак измены!..»198
17. «Насмерть я сражен разлукой стрел острей!..»198
18. «Дней любви считаю звенья, повторяя танец мук...»199
19. «От тоски хожу я на базары: что мне до них!..»199
20. «Алость злата — блеск фазаний в склонах гор!..»199
21. «Летом нам бассейн отраден плеском брызг!..»200
22. «Неспособный ветер, ты не вой зимою...»200
23. «Когда услышу в пеньи птиц: „Снова с тобой!“?...»201
24. «Зову: „Пещерный мрак покинь, о Джени! сильно закаляе!“»201
25. «Он пришел в одежде льна, белый в белом!..»202

26. «Он пришел, угрозы тая, красный в красном...»	202
27. «Черной ризой скрыты плечи. Черный в черном...»	.202
28. «Каких достоин ты похвал, Искандер!..»	.203
29. «Взглянув на темный кипарис, пролей слезу, любивший!..»	.203
30. «Я кладу в газэлы ларь веноч весен...»	.204

II

230. Всадник	.204
--------------	------

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

231. «Сладостной веря святыне...»	.213
-----------------------------------	------

I

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

232. Хождение Богородицы по мукам	.214
233. О старце и льве	.216
234. О разбойнике	.217
235. Стих о пустыне	.219
236. Страшный Суд	.220

II

237—243. Праздники Пресвятой Богородицы	
1. Вступление	.221
2. Рождество Богородицы	.222
3. Введение	.223
4. Благовещенье	.224
5. Успение	.225
6. Покров	.226
7. Заключение (Одигитрия)	.227

ГЛИНЯНЫЕ ГОЛУБКИ

Третья книга стихов

244. «Из глины голубых голубок...»	.231
------------------------------------	------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСЕСЛЫЙ ПУТЬ

I

245—257. В дороге	
1. «Нет, жизни мельница не стерла...»	.232
2. «Вы — молчаливо-нежное дитя...»	.233
3. «Слезам сердце я омою...»	.233
4. «Я твой до дна... бери и пей...»	.234
5. «Ютятся в тени тенистых ив...»	.234

6. «Вы — белое бургундское вино...»234
7. «Зачем мне рассказы гадалки...»235
8. «Разве можно дышать, не дыша...»235
9. «Еще не скоро разбухнут почки...»236
10. «Склоненный ангел на соборе...»236
11. «Ни вид полей в спокойной дали...»237
12. «Глупое сердце все бьется, бьется...»237
13. «Мы думали, кончилось все...»237

II

258—269. Холм вдали

1. «Счастливый сон ли сладко снится...»239
2. «Целованные мною руки...»239
3. «Ряд кругов на буром поле...»240
4. «Влюблен ли я — судите сами...»240
5. «Дороже сына, роднее брата...»241
6. «Я тихо от тебя иду...»241
7. «Покойся, мирная Митава...»242
8. «Что за Пасха! снег, туман...»242
9. «Ты приедешь сюда загорелым...»243
10. «В обманчивом, тревожном сне...»243
11. «Смутишься ль сердцем оробелым?...»244
12. «Всегда стремясь к любви неуловимой...»244

III

270—276. Остановка

1. «Какой насмешливый механик...»245
2. «Девять родинок прелестных...»246
3. «Ты ходишь в куртке зеленой...»246
4. «Кому любви огонь знаком...»247
5. «В грустном и бледном гриме...»247
6. «Свежим утром рано-рано...»248
7. «Я знаю, ты любишь другую...»248

IV

277—285. Отдых

1. «Бывают странными пророками...»249
2. «Зачем те чувства, что чище кристалла...»250
3. «Как сладко дать словам размеренным...»250
4. «Дни мои — облака заката...»251
5. «Какие дни и вечера!..»251
6. «Я не любовью грешен, люди...»251
7. «Не называй любви забвеньем...»252
8. «Судьба, ты видишь: сплю без снов...»252
9. «Мне снился сон: в глухих лугах иду я...»253

V

286—289. Ночные разговоры

1. «Вы думаете, я влюбленный поэт?...»254
2. «Похожа ли моя любовь...»256
3. «Бывают мгновенья...»257
4. «Как странно...»258

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

290—304. Разные стихотворения	
1. «Пуститься бы по белу свету...»260
2. «Залетною голубкой к нам слетела...»261
3. «Уж прожил года двадцать три я...»261
4. «Возможно ль: скоро четверть века?...»262
5. Новый год262
6. Волхвы263
7. Эпитафия самому себе264
8. Возвращение дэнди264
9. Письмо перед дуэлью266
10. Балет (Картина С. Судейкина)267
11. Прогулка (Картина С. Судейкина)267
12. «По реке вниз по Яику...»268
13. «Надо мною вьются осы...»269
14. «Защищен наш вертоград надежно...»269
15. Мария Египетская270

II

305—307. Бисерные кошельки	
1. «Ложится снег... Печаль во всей природе...»271
2. «Я видела, как в круглой зале...»271
3. «Раздался трижды звонкий звук...»272

III

308—315. Песенки	
1. «В легкой лени...»274
2. «Солнце — лицо твое, руки белы...»275
3. «Улыбка, вздох ли?...»275
4. «Сердце — зеркально...»275
5. «Сердца гибель не близка ли?...»276
6. «Звезды сверху, звезды снизу...»276
7. «Если б были вы Зюлейкой...»277
8. Утешение пастушкам277

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

316. Новый Ролла. Неоконченный роман в отрывках	.279
---	------

ВОЖАТЫЙ

I

317—325. Плод зреет	
1. «Мы в слепоте как будто не знаем...»307
2. «Под вечер выдь в луга поемные...»307
3. «Господь, я вижу, я недостойн...»308
4. «Какая-то лень недели кроет...»309

5. «Не знаешь, как выразить нежность!..»310
6. «Находит странное молчание...»310
7. «Какая белизна и кроткий сон!..»311
8. «Красное солнце в окно ударило...»311
9. «Я вижу, в дворовом окошке...»312

II

326—334. Вина иголки	
1. «Вина весеннего иголки...»313
2. «Еще нежней, еще прелестней...»313
3. «Такие дни — счастливейшие даты...»314
4. «Просохшая земля! Прижаться к ней...»314
5. Солнце-бык315
6. «В такую ночь, как паутина...»315
7. Летний сад316
8. К Дебюсси317
9. Зима317

III

335—340 * * *	
1. «Среди ночных и долгих бдений...»318
2. «Озерный ветер пронзителен...»319
3. «Что со мною? Я немею...»320
4. «Вдали поет валторна...»321
5. «Душа, я горем не терзаем...»321
6. «Все дни у Бога хороши...»322

IV

341—345. Русский рай	
1. «Все тот же сон, живой и давний...»323
2. «Я знаю вас не понаслышке...»324
3. Царевич Димитрий325
4. Псковской август327
5. Хлыстовская327

V

346—351. Виденья	
1. «Виденье мной овладело...»328
2. «Серая реет птица...»329
3. Колдовство330
4. Пейзаж Гогена330
5. Римский отрывок331
6. Враждебное море. <i>Ога</i>332

ДВУМ

352. Девочке-душеньке339
353. Выздоровливающей341

ЗАНАВЕШЕННЫЕ КАРТИНКИ

<354>. Атенаис	<351>
<355>. Купанье	<355>
<356>. Мими-собачка	<361>
<357>. Кларнетист (<i>Романс</i>)	<365>
<358>. Али	<369>
<359>. Размышления Луки	<373>
<360>. Начало повести	<377>

ЭХО

I ПРЕДЧУВСТВИЯ

361. «Предчувствию, душа моя, внимли!»383
362. «Несовершенство мира — милость Божья!»383
363. Странничий вечер384
364. Иосиф385

II. ЛИКИ

365. Два старца387
366. Елка389
367. Пасха391
368. Успенье392
369. Страстной пяток393
370. Лейный Лемур394

III. ЧУЖАЯ ПОЭМА

371. Чужая поэма395
----------------------------	------

IV. КУКОЛЬНАЯ ЭСТРАДА

372. Пролог к сказке Андерсена «Пастушка и трубочист»	399
373. Эпилог401
374. Ноктюрн401
375. Симонетта402
376. Романс404
377. Лорд Грегори404
378—380. Китайские песенки	
1. Колыбельная405
2. После свиданья406
3. Совершеннолетие406

НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА

Стихи 1914—1920

381. «О, нездешие...»409
---------------------------------	------

I. ЛОДКА В НЕБЕ

382. «Я встречу с легким удивленьем...»410
383. «Весны я никак не встретил...»410
384. «Как месяц молодой повис...»411

385. «Ведь это из Гейне что-то...»411
386. «Разбукетилось небо к вечеру...»412
387. «Листья, цвет и ветка...»412
388. «У всех одинаково бьется...»413
389. Новолунье414
390. «Успокоительной прохладой...»415
391. «По-прежнему воздух душист и прост...»416
392. «Это все про настоящее, дружок...»416
393. Смерть417
394. «УНЫЛЫЙ ДУХ, ОТЫДИ!..»418

II. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

395. Фузий в блюдечке418
396. «Далеки от родного шума...»419
397. «Тени косыми углами...»419
398. «Расцвели на зонтиках розы...»420
399. «Всю тину вод приподнял сад...»420
400. Пейзаж Гогена (второй)421
401. Античная печаль421
402. Мореход на суше422
403. Белая ночь422
404. Персидский вечер423
405. Ходовецкий423

III ДНИ И ЛИЦА

406. Пушкин424
407. Гете425
408. Лермонтову425
409. Сапунову426
410. Т. П. Карсавиной427
411. «Шведские перчатки»428

IV. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

412. Святой Георгий (<i>кантата</i>)429
--	------

V СОФИЯ

Гностические стихотворения (1917—1918)

413. София436
414. Базилида437
415. Фаустина440
416. Учитель440
417. Шаги441
418. Мученик441
419. Рыба442
420. Гермес443

VI. СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

421. Пять444
422. Озеро Неми445
423. Сны446
424. Св<ятой> Марко446
425. Тразименские тростники447

426. Венеция447
427. Эней448
428. Амур и невинность449
429. Ассизи451
430. Равенна451
431. Италия452

VI. СНЫ

432. Адам454
433. Озеро455
434. Пещной отрок458
435. Рождение Эроса458

ПАРАБОЛЫ

Стихотворения 1921—1922

I СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

436. «Косые соответствия...»465
437. «Как девушки о женихах мечтают...»465
438. «Невнятен смысл твоих велений...»466
439. «Легче пламени, молока нежней...»466
440. Искусство467
441. Муза468
442. «В раскосый блеск зеркал забросив сети...»468
443. Музыка469
444. «„А это — хулиганская“,— сказала...»469
445. «Серым тянутся тени роем...»473
446. Колодец475
447. «Шелестом желтого шелка...»475
448. «Поля, попольщица, поли!..»477

II ПЕСНИ О ДУШЕ

449. «По черной радуге мушиного крыла...»478
450. «Вот барышня под белою березой...»479
451. «Врезанные в песок заливы...»479
452. Любовь481
453. Ариадна482
454. «Стекло в сердце и стеклянная грудь...»482

III. МОРСКИЕ ИДИЛЛИИ

455. Элегия Тристана482
456. Сумерки483
457. Безветрие484
458. Купанье484
459. Звезда Афродиты485

IV. ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ИТАЛИИ

460. Приглашение487
461. Утро во Флоренции488
462. Родина Вергилия488

463. Поездка в Ассизи489
464. Колизей490
465. Венецианская луна490
466. Катакомбы491

V. ПЛАМЕНЬ ФЕДРЫ

467. Пламень Федры492
------------------------------	------

VI ВОКРУГ

468. «Любовь чужая зацвела...»496
469. А. Д. Радловой496
470. Поручение497
471. Рождество498
472. Зеленая птичка498
473—475. Английские картинки. Сонатина	
а) Осень500
б) Именины501
в) Возвращение501
476. «У печурки самовары...»502
477. «На площадке пляшут дети...»502
478. «Барабаны воркуют дробно...»503
479. «Сквозь розовый утром лепесток посмотреть на солнце...»504

VII. ПУТИ ТАМИНО

480. Летающий мальчик504
481. Fides Apostolica505
482. «Брызни дождем веселым...»506
483. «Вот после ржавых львов и рева...»507
484. «Я не мажусь снадобьем колдуний...»508
485. Первый Адам508
486. «Весенней сыростью страстной седмицы...»509
487. Конец второго тома509

VIII. ЛЕСЕНКА

488. Лесенка511
------------------------	------

НОВЫЙ ГУЛЬ

489—500. Новый Гуль	
Вступление519
1. «Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!..»520
2. «Античность надо позабыть...»520
3. «Я этот вечер помню, как сегодня...»522
4. «Разлетаются, как птицы...»523
5. «К вам раньше, знаю, прилетят грачи...»524
6. «Он лодку оттолкнул. На сером небе...»524
7. «Слова — как мирный договор...»525
8. «Я мог бы!... мертвые глаза...»525
9. «Уходит пароходик в Штеттин...»526
10. «Я имени не назову...»527
11. «Держу невиданный кристалл...»528

ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД
Стихи 1925—1928

I

501—515. Форель разбивает лед	
1. Первое вступление531
2. Второе вступление531
3. Первый удар532
4. Второй удар533
5. Третий удар534
6. Четвертый удар535
7. Пятый удар536
8. Шестой удар / Баллада536
9. Седьмой удар539
10. Восьмой удар539
11. Девятый удар541
12. Десятый удар542
13. Одиннадцатый удар544
14. Двенадцатый удар545
15. Заключение546

II

516—523. Панорама с выносками	
1. Природа природствующая и природа оприроденная (Natura naturans et natura naturata)546
2. Выноска первая547
3. Мечты пристыжают действительность547
4. Уединение питает страсти549
5. Выноска вторая549
6. Темные улицы рождают темные чувства550
7. Добрые чувства побеждают время и пространство551
8. Выноска третья552

III

524—530. Северный веер	
1. «Слоновой кости страус поет...»553
2. «Персидская сирень! „Двенадцатая ночь“...»553
3. «О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!...»554
4. «Невидимого шум мотора...»554
5. «Баржи затопили в Кронштадте...»555
6. «На улице моторный фонарь...»555
7. «Двенадцать — вещее число...»555

IV

531—537. Пальцы дней	
1. Понедельник / Луна556
2. Вторник / Марс556
3. Среда / Меркурий557
4. Четверг / Юпитер558
5. Пятница / Венера558
6. Суббота560
7. Воскресенье561

V

538—547. Для августа	
1. Ты561
2. Луна562
3. А я... / 2-ое564
4. Тот565
5. Ты / 2-ое565
6. А я... / 2-ое566
7. Тот / 2-ое567
8. Луна / 2-ое568
9. Ты / 3-е569
10. Все четверо / Апофеоз569

VI

548—560. Лазарь	
1. Лазарь571
2. Домик572
3. Мицци и Марта572
4. Эдит574
5. Суа575
6. Первый свидетель / Слепорожденный577
7. Второй свидетель / Хозяйка579
8. Третий свидетель / Шкет581
9. Четвертый свидетель / Сыщик583
10. После суда584
11. Ночью585
12. Посещение587
13. Дом588

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ

561. «Лодка тихо скользила по глади зеркальной...»593
562. Апулей593
563—575. Тринадцать сонетов	
1. (Вступительный)594
2. «Открыто царское письмо нельзя прочесть...»594
3. «В густом лесу мы дождь пережидали...»594
4. «Запеа петух, таинственный предвестник...»595
5. «В романе старом мы с тобой читали...»596
6. «Есть зверь норок, живет он в глуби моря...»596
7. «В Кремоне скрипку некогда разбили...»597
8. «С прогулки поздней вместе возвращаясь...»597
9. «Пусть месяц молодой мне слева светит...»598
10. «Из глубины земли источник бьет...»598
11. «От горести не видел я галеры...»599
12. «Всё так же солнце всходит и заходит...»599
13. «Моя печаль сверх меры и границ...»600
576. Реки600
577. «Пришли ко мне странники из пустыни...»601

578—586. Харикл из Милета	
1. «В ранний утра час покидал Милет я...» 602
2. «Тихо в прохладном дому у философа Маналя Руфа...» 602
3. «Я белым камнем этот день отмечу...» 603
4. «С чем сравню я тебя, тайной любви огонь?...» 603
5. «Я к магу шел, предчувствием томим...» 604
6. «Радостным, бодрым и смелым зрю я блаженного мужа...» 605
7. «Казнят? казнят? весь заговор открыт!...» 605
8. «Как помню я дорогу на рассвете...» 605
9. «Солнце, ты слышишь меня? я клянуся великою клятвой...» 606
587—603. Сонеты	
1. «С тех пор как ты, без ввода во владенье...» 607
2. «Ни бледность щек, ни тусклый блеск очей...» 607
3. «Твой взор — как царь Мидас — чего сонется...» 607
4. «Врач мудрый нам открыл секрет природы...» 608
5. «Ах, я любви ленивый ученик!...» 608
6. «Читаю ли я „Флор и Бланшефлор“...» 609
7. «Как Порции шкатулка золотая...» 609
8. «Я не с готовым платьем магази...» 610
9. «Не для того я в творчество бросаюсь...» 610
10. «Твое письмо!.. о светлые ключи!...» 610
11. «Как без любви встречать весны приход...» 611
12. «Высокий холм стоит в конце дороги...» 611
13. «Из моего окна в вечерний час...» 612
14. «Любим тобою я — так что мне грозы?...» 612
15. <i>Sine sole sileo</i> (Надпись на солнечных часах) 613
16. «Прекрасен я твою красотою...» 613
17. «Сегодня утром встал я странно весел...» 614
604—608. <Из «Александрийских песен»>	
1. «Не во сне ли это было...» 615
2. «Говоришь ты мне улыбаясь...» 615
3. «Возвращался я домой поздней ночью...» 616
4. «Что ж делать, что ты уезжаешь...» 616
5. «Ко мне сошел...» 617
609. «Нежной гирляндой надпись гласит у карниза...» 618
610. «Если б ты был небесный ангел...» 619
611. Утро 619
612. «Свистков призыв, визг круглых пил...» 620
613. Сонет («В последний раз зову тебя, любовь...») 620
614—621. <Из цикла «Зеленый доломан»>	
1. «Я рассмеялся бы в лицо...» 621
2. <i>Huitain</i> 622
3. При посылке цветов в мартовский вторник 622
4. На представлении пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын» 623
5. Надпись на левой шпоре 624
6. Надпись на правой шпоре 624
7. «Объяты пламенем поленья...» 624
8. «Зачем копье Архистратига...» 624
622. Газзла («Мне ночью шепчет месяц двурогий все о тебе...») 625
623. Кабаре 625
624. «Я книгу предпочту природе...» 626

625. Моление627
626. «Великое приходит просто...»628
627. Царьград628
628. «Ангелы удивленные...»629
629. Русская революция630
630. Вольнский полк632
631. «Не знаю: душа ли, тело ли...»632
632. «Слоями розовыми облака опадали...»633
633. «Пускай нас связывал издávна...»635
634—637. Плен	
1. Ангел благовествующий636
2. Встречным глазам642
3. Разливы643
4. Колыбельная644
638. «Декабрь морозит в небе розовом...»644
639. «Утраченного чародейства...»645
640. «Мне не горьки нужда и плен...»646
641. «Живется нам не плохо...»646
642. «Островитянам строить тыны...»647
643. «Медяный блеск пал на лик твой...»648
644. «В гроте Венерином мы горим...»649
645. «В какую высь чашка весов взлетела!...»650
646. «Встала заря над прорубью...»650
647. «Крашены двери голубой краской...»651
648. «В осеннюю рваную стужу...»652
649. Германия653
650. «Зеркальным золотом вращаясь...»654
651. «Один другому говорит...»658
652. «Ко мне скорее, Теодор и Конрад!...»658
653. «Не рыбу на берег зову...»661
654. Эфесские строки661
655. Идущие662
656. «Отжелев, слова корой покрылись...»664
657. «Я чувствую: четыре...»666
658. «Не губернаторша сидела с офицером...»666
659. «О чем кричат и знают петухи...»667
660. Смотр668
661. «„Веселенькую! Ну, привольно!..“»669
662. «Воздушную и водяную гладь...»669
663. Олень Изольды670
664. Переселенцы672
665. «Блеснула лаком ложка...»673
666. «Золотая Елена по лестнице...»674
667. «Базарный фокус-покус...»674
668. Памяти Лидии Ивановой675
669. «Была бы я художник, написал бы...»676
670. «Сколько лет тебе, скажи, Психея?...»677
Примечания679
К иллюстрациям789
Алфавитный указатель произведений791

Кузмин М.

Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примечания Н. А. Богомолова. — СПб.: Академический проект, 1996. — 832 с.

ISBN 5-7331-0055-9

Поэтическое наследие М. Кузмина (1872—1936) в таком объеме издается впервые. Представлено 11 стихотворных книг и значительное количество стихотворений, не вошедших в авторские сборники. Большая часть текстов сверена с автографами, в примечаниях использованы обширные архивные материалы, в том числе Дневник поэта, а также новейшие труды отечественных и зарубежных исследователей творчества М. Кузмина. Издание иллюстрировано редкими фотографиями поэта, впервые воспроизведены автографы ряда произведений, находящиеся в частном собрании и до сих пор неизвестные даже специалистам-филологам.

Михаил Алексеевич Кузмин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Художник В. В. Еремин

Художественный редактор В. Г. Бахтин

Технический редактор Е. Ф. Шареева

Корректор О. Э. Кареева

ЛР № 062679 от 07.06.93.

**Подписано в печать 05.05.96. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Балтика. Печать высокая.
Усл. печ. л. 44,2. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1837.**

**Гуманитарное агентство «Академический проект». 199034,
Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.**

**Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.**

